

XIV-ое столетие, это — столетие возрождения или загадочно нового времени во всемирной и литературе.

Характерь нового времени.

Переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени ознаменованъ во всемирной истории определенными датами, который впрочемъ съ зломъ являются крупными фактами во истории культуры. Но ни завоевание Константинополя турками (1453 г.), ни открытие Америки (1493 г.), ни начало реформации, оловоленные резисами Лютера (1517 г.) не могутъ служить исходными точками для истории культуры въ это, по крайней мѣрѣ и впрочемъ съ точки для истории нового литературы. Загадочно новой культуры, новой духовной жизни надо искать въ гораздо болѣе раннюю пору среднихъ вѣковъ всемирной истории.

Если существеннейшая особенность христианскихъ среднихъ вѣковъ заключается въ томъ, что индивидуальная жизнь подчинялась полному господству известной, нераздельно царившей въ то время общины воззрѣній, которая определяла, направляла и даже порабощала все развитіе и личное человека, то культурно-исторический

загадковъ новой эпохи въ жизни и искусствѣ надо искать
повсюду тамъ, гдѣ индивидуальность принимаетъ свое
силу, становится свободной, самостоятельной и болѣе или
менѣе независимой отъ общины преобладающей воззрѣній.

Процессъ этого поистинѣ возникавшаго духовнаго
перерожденія, правда, совершался во всякъ сферѣ, но вооб-
ще его жизненной проявленія должны были прежде всего
сказаться въ поэзи и въ литературѣ. Съ различной силой
и въ самыхъ разнообразныхъ формахъ высвобождается,
человѣческая личность отъ рамокъ средневѣковаго церковнаго
и рыцарскаго взгляда на жизнь, подъ вліяніемъ котораго
никогда расцвѣтали роскошные цвѣты поэзи, и часто
еще безсознательно началась проявлять на дѣлѣ новое
право человека: смотрѣть на мръ съ безвѣстными глазами,
или и организуя свое личное искусство.

Образованіе новыхъ формъ государственной жизни, начи-
ная съ XIV столѣтія, практическое опроверженіе средневѣковой
идеи двойственной всемирной власти императора и папы,
выразившееся въ возникновеніи національных монархій
и государствъ, глубокое умишеніе господствующей церкви

носить ее несмеханически зрительно, сгарание возвышения со стороны городского элемента и упадок феодализма, — все это, конечно, в известной мере содействовало наступлению перелома в европейской жизни, оказывая свое воздымающее действие и на литературу; но среди великих изменений совершавшагося тогда прогрессивного и здорового, здорового движения первое место принадлежит возрождению классической древности.

Постепенное ознакомление с древними миром и так далее, так же самостоятельное выражавшееся одушевление и удивление перед великими явлениями древности, — вызвали за собой пробуждение интереса к насущному жизненному содержанию античных поэтов, в то же время приводя к открытию неразрывной связи этого жизненного содержания с существовавшими основами и коренными началами человеческого природы вообще. И таким-то образом против средневекового мира и его дилетантского существования выдвинулось новое звание, опиравшееся на жизненные элементы, браки, единые с древними, то на изучение древности.

Борьба средневекового духа и жизни с новыми на-
 правлениями и стремлениями была сущна и продолжилась
 на. Среди великаго духовнаго движенія, превращавшаго сред-
 ние вѣка въ новое вѣрье, еще чаще слышались озлобленіе
 и вліянія того мировоззрѣнія, которое почти цѣлое тысяч-
 летіе передъ тѣмъ господствовало надъ европейскими
 мировоззрѣніемъ. Освобожденіе индивидуума пришло въ из-
 вѣстность слышать на помощь и подбодить къ ней. Въ
 колебаніи и оудѣльных тенденціяхъ долгой борьбы отразилось
 въ литературѣ; несомнѣнная подгода новаго духа ска-
 залась преемде всего, благодаря особенно благопріятнымъ
 условіямъ, въ первыхъ великихъ созданіяхъ итальянской
 національной литературы XIV-ого столѣтія.

Литература:

Bartoli, Storia della letteratura italiana. (I-IV vol. 1878-81). —
Gaspari, Исгорія итальянской литературы; (ero. sue die sicili-
 anische Dichterschule des XIII Jahrhunderts. 1878). — Voigt, Die We-
 derbelevung des classischen Alterthums etc. 2 Bde, 2-о изд. 1880. —
 Многозломная исгорія итальянской литературы, въ родѣ со-
 зиненій Пирабески, Рисмонди и др. н., имѣютъ значеніе

И Пер. Баллонча. М. 1895. т. 2 (Возрожденіе гуманизма на
 итальянскую литературу).

во настоящее время почти исключительно по заключателю,
 муря въ ниль материалы, вообще же говоря черепками. —
Владимиръ Зозовъ, Исторія всемирной литературы. Томъ II.
 (Литература Рима, Италія, Испаниа и Португалія). С.-Пб. и
 Москва, 1878. — В. О. Корень, Всобщая исторія литературы.
 Томъ второй. С.-Пб. 1885. — А. Мерривъ, Всобщая исторія
литературы. Томъ 2-й 1885. (Wegeler, Dante Alighieris Leben
u. Werke. 1879. — Fahrbuch der deutschen Dante-Gesellschaft
 (I—IV Bde. 1867—1877). — Scartazzini, Abhandlungen über
Dante A. 1880. — Körting, Petrarca. 1878. — Ego-sue, Boccaccio.
 1880.) — Фоганнес Мерривъ, Всобщая исторія литературы
 (18672.) — въ этой книгѣ Италія не занимаетъ и семидесяти
 страницъ. — На русскаго языка издаана полная исторія
 италійскаго литературы В. Д. Козьмина (1863 года, 3
 выпуска, 840 стр.). — Н. Кинзо, „Исторія національной ли-
 тературы въ Италіи“, составленная по лекціямъ автора, ги-
 даны въ пестербургскомъ университетѣ (18692., 350 стр.),
 довольно поверхностна. Немного и отдѣльных монографій²
 по этой предмету: о главнѣйшихъ я упомяну еще при
 разборѣ произведеній италійскихъ писателей. (Лугинъ)

1) Займись (Р) Люди и искусство италійскаго Возрожденія. Пер. подг
 ред. Травса. С.-Пб. 1902. — Кораликъ (М.) Ранній италійскій гуманизмъ
 и его исторіографія. Кривое исследование. 2 тома. М. 1892. — Монсе (Ф)
 Опытъ литературной исторіи Италіи XV в. Квартуогенно. Пер. Мбарсалона, С.-Пб. 1902.

сказки о Данте, между прочимъ: Лоренца (Журн. Мин. Нар. Просв. 1835 г., май), С. Шевырева (Учен. записки Моск. Univ. №: V - XI); „Данте“ (Библи. для чт. 1852 г. №: 8 и Журн. для друж. 1855 г. №: 45-46); Данте, сказка Карлейля, переводъ Тощкина (Собр. 1856 г. №: 1). Въ Очер. Записк. 1857 г. №: 7 помѣщаются разборъ книги Гарзвига Флозо „Данте“; Фр. Буслева „Шести, столетній юбилей Данте“ (Собр. Мозонис, 1864 года №: 39-40). М. Пинго „о Данте“ (Очер. Зап., 1865 г. №: 9 и 11). Ж. Лафрескьера „Праздникъ Данте“ (Заграничн. Вѣстникъ, 1866 г. №: 4). А. Веселовскій „Данте и символическая поэзія карлушевца“ (Вѣстн. Европы, 1866 г. №: 4). „Данте“ (Милосер. Медведя, 1874 г., №: 118 и 119). — О Петраркѣ и его поэмическомъ значеніи съ сказка М. Пинго въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1867 г. (№: 6). — О Боккаччо съ подробное изслѣдованіе А. Веселов. „Боккаччо, его среда и сверстники“ 2 тома. С. П. 1893. Овъ же. Петрарка скало; изъ методовъ знаменитовѣ назову: „Кризисская мысль въ Италіи вренетъ Петрарки и Боккаччо“ (Медведя, 1870, №: 9-11).

О романскомъ-италіанскомъ языкѣ.

Латинскій языкъ, подвергшійся знаменитому измѣненію въ первое вѣка Христіанства, почти совершенно переродился

4) какъ поим. Финскій языкъ, Мидель, к. 1880. Розановъ, Языкъ древней и совр. италіанск. и латинск. языковъ.

1) Корелинъ (М.) Мирозерцаніе Петрарки. Очеркъ изъ исторіи философіи мысли въ эпоху Возрожденія. М. 1899. — Веселовскій (А. пр.) Вилла Алсертти. М. 1870. — Сороженковъ (Н.) Изъ области литературн. М. 1902. (Сказки: 1) Педагогическія теоріи эпохи Возрожденія; 2) Джордано Бруно; 3) Новая книга о Маккиавелли). — Веселовскій (М.-ий) Джордано Бруно (Иррора и Характеристики). М. 1903. — Алексѣевъ, Маккиавелли.

15061, 190511

въ грамматическихъ формахъ при взоръшеніи въ Мхалию стѣ,
 верныхъ варваровъ. Въ то же время, въ сурмахъ, куда Римъ
 вносили своихъ орловъ, гдѣ прочные утверждало его владык,
 гезво, какъ въ Тамли, Мберин, Даким, Языкъ Цицерона и
 Торація, слышаваясь съ языковыми нарочіемъ, перерабо-
 зывался въ особое нарочіе, погубившее порою названіе
 "романскаго". Пресиде всего оно образовалось въ Тамли, и
 на немъ написана была особаго рода конституція, дан-
 ная эрой сурма Александромъ Северомъ въ 230 году. Мм.
 перазоръ названъ эрой Языкъ галльскіи (lingua gallica),
 до же названіе далъ ему Сурмаціи Северъ, и оба они
 видѣли въ немъ большое разліе оу латинскаго и кельт-
 скаго Языка. Въ VI вѣкѣ на эромъ Языкѣ Годономъ на,
 писалъ "Жизнь св. Аманды". Визанційскій историкъ Оео-
 франъ приводитъ, въ своихъ греческомъ геззѣ, на роман-
 скомъ Языкѣ' рочи франковъ, слышавшихъ въ войске
 императора Маврикія и сразавшихся прозвъ аваровъ,
 въ концѣ VI вѣка. Эрой Языкъ въ декретахъ Турскаго
 собора называеся "сельскимъ романскимъ" (rustica roma-
 na), и на немъ писалъ епископъ зурскій Мотколмъ

въ 665 году. Соборы 813 года въ Турь и Реймь и капиуля,
 ции Карла Великаго зредовали, тобѣ свѣщенное писаніе
 было переведено на романскій языкъ, и на зрѣнь же языкъ
 писалия юридическіе акты, присяга франковъ Карлу Лисо,
 му (842г.), Кобленцскій договоръ (860г.) и другіе документы.
 Романскій языкъ сдѣлался литературнымъ въ X вѣкѣ, во
 всей южной Европѣ, въносъ съ произведеніями прован-
 салскихъ зрудатуровъ; иль чизали образованные люди Фран-
 ции, Италіи, Испаніи, но народъ во каждой изъ зрѣнь
 суратъ говорилъ особымъ нарѣчіемъ, рѣзко различавшимъ
 ся между собою, хотя въ основу встѣхъ иль легъ одинъ
 латинскій языкъ. Общаро романскаго языка для зрѣнь на-
 родовъ не было, несмотря на утверженіа нѣкозоровыхъ филь-
 логовъ. Между ними Реймцаръ созавилъ даме, графиня,
 зикъ романскаго языка" (1862.) и его лексиконъ (1835г.),
 а Гьрроэ-Вейцъ написалъ "Мезоріо романскихъ языковъ
 и иль литературы озъ начала иль до XIV вѣка" (1846г.).

Ранне встѣхъ другихъ романскихъ языковъ, образо-
 вался провансалскій; долже всего латинскій языкъ сохра-
 нился въ Италіи, и позоому италіанскій языкъ позне другихъ

развился и приобрел литературные формы. Национальное самонаименование заставило некоторых филологов, как Леонарда Бруни, кардинала Гамбо и др., утверждать, что итальянский язык существовал еще во время владычества римлян, но на этот язык говорили одинъ просой народъ. Это дока- зывается темъ, что просонародныя слова, употребляемая действующими лицами изъ низшаго сословія въ комедіи. Какъ Плавта и Теренцій, какъ: *verrus* (зликъ), *caballus* (лошадь), *bellus* (красивый), *battece* (биты) гораздо ближе къ итальянскому: *verro*, *caballo*, *bello*, *battece*, нежели къ латинскимъ: *verus*, *equus*, *pudex*, *regerece*. Но другіе ита- сазели, какъ Мураури, Денина, Тирабоски, Фронзанини, Сисмонди, допускають только, что, несмотря на постепенное уничтоженіе всѣхъ инославныхъ наречій Италіи, некоторыя слова изъ нихъ могли сохраниться и перейти въ итальянскій языкъ. Онъ началъ развиваться раньше X вѣка и сформировался окончательно только въ XIV.¹⁾ При самомъ началѣ его и до нашего времени въ немъ преобладають три наречія: северное въ Пьемонтѣ, Ломбардіи и Романши, болѣе грубое, носящее въ себѣ слѣды германскихъ и ломбард.

¹⁾ Различныя зорія, въ разное время созданная для обозначенія про- исхожденія итальянскаго языка, осяго изложено въ "Histoire de la litterature italienne", par L. Etienne (Paris, 1875), стр. 6-17.

ских завоеваний, среднее — самое чистое, мелодическое и правдивое — в Тоскане и Риме и, наконец, южное, иезкое, негустое греческое и даже арабское элементы — в Капудрии и Сицилии.

Основание итальянской национальной литературы.

Предъ наступлениемъ новаго времени Италия сдѣлала далеко выше всѣхъ другихъ странъ Европы по своему благосостоянію и образованности, по значенію и свободѣ, которыми пользовалось каждое отдельное лицо во всей массѣ народа. Переселеніе народовъ и здѣсь совершалось суровѣе и опустошеніемъ, но въ общемъ оно не уничтожило слѣдовъ римской культуры, какъ въ северныхъ странахъ Европы, средневековый феодализмъ никогда не пускалъ глубокихъ корней въ страну политически раздробленную, между тѣмъ какъ долгая, упорная борьба духовной и дѣловой власти рано доставила итальянскимъ городамъ свободу и значеніе. Невзгоды того времени, повисшія самосознаніемъ горожанъ и пробудившія всю политическую силу, матеріальный расцветъ, котораго достигли въ XIII вѣкѣ болѣе города северной

и средней Италии, безусловная независимость, которого помыслил, балмет все итальянские общины и великий государьства с злых поря, какъ германские императоры оставили въ покое Италию, а папы, вынужденные зеперь удовлетворяться добровольными подчинениемъ своихъ союзниковъ, скоро снова утратили съ зкими зрудомъ приоброуенное единовластие — все зромило содвойствовало босерному развитию индивидуализма въ Итали. Уже въ начале XIV вѣка въ Итали являеся такое множество оуединенныхъ личностей, съ разномехоронными дарованиями, какого не замечаетея ни въ одной изъ оураменталь сурани западной Европы.

Самосоздаемая национальная литература зародилася въ Итали въ средние вѣка поздне, зыль во вѣль друиель европейский сураниель. Итали принимала зелько самое слабое участие въ рыцарской лирике миннезингеровъ и современной рыцарской эпической поэзи. Итальянская литература, какъ и нидерландская, возникла не раньше первой половины XIII вѣ столетия: по крайней мере до насущаго времени не оукрыдо въ ней ни одного памятника, который съ дозо. вѣрноуею мого. бы бозь оунесенъ къ болель раннему периоду.

Это обуславливалось двумя главнейшими причинами. Во-пер-
 вые, в отличие от других западно-европейских народностей,
 италяныцы прежде не были подвержены влиянию
 варварского соседства наций; во многих отношениях
 они продолжали пользоваться еще в значительной степени
 цивилизованными орудиями некогда богатой римской культу-
 ры, и не дождались того, инициума из легендарно-геро-
 ного прошлого героических преданий, который обыкновенно
 составляет основу каждой национальной литературы.
 Во-вторых, у них не было в распоряжении и необходима-
 го для создания новой литературы орудия — самосозданного
 языка, какъ какъ для всякихъ проявлений умственной дея-
 тельности образованные люди во Италии пользовались ла-
 тинскимъ языкомъ, сохранившимъ здесь значение живого
 языка гораздо дольше, чѣмъ во остальныхъ романскихъ
 земляхъ. Въ обществѣ же у нихъ умножилось, какъ
 и между низшими классами населенія, то или другое
 наречное наречіе все болѣе и болѣе обособлявшася отъ
 наречія народного языка или, какъ его тогда называли,
 "valdace", которое и приняло название италянского, когда

считалась органом национальной литературы. Таким образом в Мзалии на первое время не имело существовавшим для возникновения самобытной литературы, что продолжалось еще и в III веке. Соседняя Франция уже обладала во то время чрезвычайно развитою литературой, произведений которой пользовались огромною популярностью во всей Европе западной, повсюду оказывая столь сильное влияние, столь слабое было во Азии европейское самодвижение. Мзалия также подпадала этому влиянию: ее издавна связывали с Францией, с одной стороны, тесною торговлею и отчасти политическою союзностию, а с другою — весьма близкое родство народности мзальских и разговор с французскими, в особенности южными, наречиями. И действительно, французский *chansons de gestes* и *romans d'aventures*, заносимый франкоязычными торговцами, главным образом в северной области Мзалии, в XII веке являлся уже в высшей степени популярным и доставлял материал для собою первых опытов мзальских поэтов в эпической поэзии, тогда как южные провансальские эпические поэты, пробравшиеся через Сицилию,

даютъ первый толчокъ развитію итальянской лирики. Въ ре-
зультатъ, следовательно, итальянская литература сначала была
подразнательного; самоходное и вполне оригинальное
развитіе она получила лишь впоследствии.

При основаніи итальянской національной литературы вѣроятно слѣдующія

Центры школы науки и поэзіи.

Въ то время, какъ въ народѣ предвѣляетъ поэтическое
настроenie, ославившее впрочемъ едва-примкнутое слѣдкѣ въ
литературѣ, въ разнѣхъ мѣстахъ Италии принималъ иску-
свенная лирика. Первое возбужденіе къ ней занесено
было сюда со стороны. Провансъ былъ родиной новой евро-
пейской лирики, которая распространяется отсюда въ раз-
нѣхъ направленіяхъ. Подъ вліяніемъ Грubbадуровъ, писав-
шихъ на провансальскомъ наречіи, называвшемся langue
d'oc, въ произношеніи наречіи северной Франціи,
валлонскому, langue d'oïl¹⁾ развились и поэзіи итальян-
скихъ Грubbадуровъ (trouvatori) въ северной Италии, при дворѣ
феррарскаго графа Аццо д'Эсте, гдѣ итальянское поэзіи усвоива-
ли отъ французовъ, вѣтветь съ стогизами, и самый языкъ.²⁾ Они (поэты
северной Италии) сочиняли или прямо на провансальскомъ, какъ, напр.

1) Oc и oïl, впоследствии oï, означаютъ да. Различіе зрѣть наречіи, смотря по тому,
какъ произносится эта утвердительная частица, заставило и итальянскому языку, въ значеніи
даже, дать названіе lingua di sì.

2) Французскій языкъ въ XII в. былъ вообще очень распространенъ въ Италии, онъ былъ
въ употребленіи при дворѣ дома въ Неаполѣ и въ Сициліи (Baroli; II стр. 32).

канцелярец Сордалло въ его знаменитыхъ сибреняхъ прозвѣвъ современными ему государей, по поводу смерти поэта Тьямаца¹⁾, или же пытался создать особый литературный языкъ, нѣчто среднее между итальянскимъ и французскимъ. — Итальянской наязвннхъ законъ, по выражению одного итальянскаго ученаго, «гибридной литературы» (ibrida letteratura) представляеть одна венеціанская рукопись, содержащая рядъ поэмъ карловыхъ, скаго цикла, написанныхъ въ Италіи и изданныхъ въ не давнее время профессоромъ Луцсакіа²⁾

Москвитско раньше, въ первыхъ годахъ XIII вѣка мнри, ка развилаея и въ Сициліи, при дворѣ императора Фридриха II, писавшаго любовныя поэмн, вѣтсуетъ со своими знаменитыми канцеляромъ Пьетро д'Амврисе и сыномъ, несчастнымъ королемъ Энцо^(Энцо), погибшимъ въ землетрясѣ. Еще президентъ, сициліецъ Циццо д'Алькано, въ 1190 г., писалъ сказы и союзы. Въ средней Италіи два города сдѣлались центрами науки и поэзіи. Это были — Флоренція и Болонья, съ ея знаменитыми университетами. Въ половинѣ XIII вѣка въ северныхъ областяхъ Италіи уже повываеся на мѣстныхъ пародійныхъ массахъ тешо-подражательныхъ произведеній во вѣсь родомъ созданной французской поэзіи, — особенно же морального и религіознаго характера, — таковы, напр., произведенія миланскихъ авторовъ Пьетро Боккане и Бонвезента да Рива. Но за пошлыми оцужденіями оригинальные, эда северно-итальянская сатирическая

1) La Divina commedia. Purgatorio, cant. VI, VII, VIII. — Сордалло, не разъ упоминаемый въ «Божественной комедіи» и славившійся около 1280 года, процвѣталъ при дворѣ Фредрика, скаго графа Луццо д'Эжа.

2) Ср. Bartoli, II, c. 33-38.

литература и творчество значение единственно как наиболее яркая, ка.¹⁾ Там же сохранились также образцы народной поэзии, если и искусственной, но сродной ей по духу поэзии, исполненной лиризма, замечательного по силе чувства и порою по яркой выразительности языка.

Но это было на юге. Уже в течение 18-го столетия лирическое направление Винченцо II Доброго (ум. в 1189 г.) сицилийский двор был сборником поэтов для членов и поэтов того времени; еще большее значение приобрела сицилийская столица при императоре Фридрихе II, сделавшем Палермо своей обычной резиденцией, откуда он широко покровительствовал науке и искусству. Но провансальские друбадуры, являясь сюда в качестве дорогих гостей, как полезные соотечественники свободной мысли императора в его ревностной борьбе с римской курией, прозвучавшей которой они были жестоко озлоблены после победившего над родную кресового похода на албаноцев, — провансальские друбадуры уже не находили в Сицилии той близости к родному языку, как в Пьемонте и Ломбардии. Итогом была попытка, и не удавшаяся попытка, завести сицилийские пародии, на которых не замедлили подразнить и всевозможные поэты из пригородов сицилийцев.

1. Сицилийская школа.

Таким образом неслучайно итальянской литературе оживляется сицилийской школой поэтов, которые

¹⁾ Ср. Mussafia, Darstellung der altmailändischen Mundart nach Bonvesini's Schriften. 1868.

ство являются полнейшими и крайне однообразными по стилистическим зрелостям, едва отличаясь друг от друга лишь касательными языками. Язык этот, по всей вероятности, не был чисто-народным сицилийским наречием, а с примесью элементов провансальских и латинских, придававших больше цинизма в глазах придворного общества. Стихотворения сицилийских поэтов дошли до нас, не сохранив оболочку сицилийского наречия, в транскрипции тосканских переписчиков, заменивших первоначальную форму созвучившими формами чуждого наречия. Эти произведения^{состоит} крайне бедны и, как бы чертами или реальными подробностями из современной жизни, чего далеко нельзя утверждать в той же мере относительно произведений служивших им образцами зрелости Прованса. Вообще сицилийская школа в зычном смысле, — надо заметить, что объективно выражение „сицилийская школа“ служило для обозначения всей поэтической литературы с извещенными уже признаками провансальского искусства, процветавшей в Уралии и в той же области и в Сицилии вплоть до появления поэзии с новыми характеристиками, главными предшественниками которой^{которой} является Данте. Событием очень и даль название „сицилийского“ всему периоду уральской литературы, продолжавшейся до начала новой школы „изысканного века, по стилю“ (del dolce stile nuovo).¹⁾ Вообще сицилийская школа в зычном смысле, подразумевает зрелость, строго придерживаясь.

¹⁾ См. Dante, De eloquio vulgari, I, 12: „quidquid nostri predecessores vulgariter (т. е. не по латыни) protulerunt, sicilianum vocatur.“

сталась установленная у последних таблота. Ее исклю-
чительным содержанием была обычная в поэмы про-
вансальцев рыцарская любовь: благородный обошарет
юношу по данью, избраннице своего сердца и живет вна-
доульстатого феодала, козорая, изъ высокопирья или изъ бо-
язни ревнивца-муна, обязательно пребываетъ недоверливого
самымъ сурасуднымъ его мольбамъ.

Изъ многочисленныхъ сицилийскихъ поэтовъ я назыву
имя двухъ. Поэтъ Эмаконе да-Лензунни, прозванный „ко-
зариемъ“ (Notaro), не разъ самъ называетъ себя въ своихъ произ-
веденияхъ. Онъ заслуживаетъ упоминания поэту, что при-
знается главнымъ предшественнымъ провансальскаго таблота,
суба, но вьтосе съ зомъ и муримъ по языку между си-
цилийцами.“ Другой предшественникъ сицилийской или постоно-
израильской школы, Эмаконино Пирсете (изъ Апулии),
интересенъ зтомъ, что обнаруживаетъ въ своихъ срилозворе,
мидя ззремление освободился отъ условныхъ формъ и
приеловъ придворно-провансальской поэзии, переходя
въ болъе живую, реальную зомъ просеонародной поэмы.
Это особенно замтно въ зтомъ его произведении, козорая
носитъ название „contrastu“, какъ-бы „споръ“, особый жанръ
лирики въ формъ диалога между выодленными и моль-
ской или сущиной, козорую онъ сзараея склонилъ
къ взаимности, — жанръ, зтомъ менте предшавляющий
одно подразание французскимъ „масуреллямъ“, что „son,
trasto“ до сихъ поръ живетъ въ народной израильской поэзии.

1) См. Данте, De eloquio vulgari, I, 12 и Purgatorio, XXIV, 55.

Но сицилийская школа не существовало было продолжением, но производящее на родине. Вплоть сь дворянъ Тогенштауффе-мовъ исчезла въ сфинксы Сицилии и благоприятная почва для дальнейшего развития провансальско-сицилийской лирики. Последняя, однакожь, орудь не заглохла, а нашла себя уютъшише въ Тоскань, гдѣ во второй половинѣ XIII-го вѣка Флоренція созрѣвала уже на своей богатой цвѣтущей политической и общественной жизни, что въ ней не могло быть недостатка въ необходимыхъ для литературной дѣя-тельности силахъ. Такое перемѣщение было благоприятно для итальянской поэзии и въ отношеніи къ ея содержанию: сицилійскіе поэты, вѣдущіе господствовавшего рода взглядъ на народный языкъ, предназначившіеся исключительно для любовной поэзии, въ своихъ произведеніяхъ собственно не каса-лись никакихъ жизненныхъ явленій политическаго или граж-данскаго характера; но тосканскіе ихъ преемники, под-чиняясь разнообразнымъ вліяніямъ развитой культуры, общественной жизни, не задержали ходъ до нѣкоторой сте-пени уклонився съ извѣстной колен. Сохранилось нѣсколько, ко канцонъ и сонетовъ, написанныхъ различными флорентинскими поэтами по поводу политическихъ событій, сохранилось не мало подобныхъ же произведе-ній правдиваго содержания. И то, и другое было шагомъ къ освобожденію изъ рамокъ условнаго шаблона, въ общемъ все-таки продолжавшаго преобладать и у средне-

1) Такъ думалъ въ первые годы и самъ Данте. Ср. *Vita nuova*, гл. XXV.

ирандьянских предсказателей сицилийской школы.⁴⁾ В это время, все чаще и чаще находить себе выражение в стихах досканцев, напр., Ринальдо д'Аквимо, Эдо делье-Колонна и др., за реальная борьба, со всеми ее поэтическими выгодами, которая проявлялась уже у Эмануэлино из Анжуйи, состав. для поэзии конкурсы с холодами, условными гверботи любви в произведениях сицилийской школы в зыбком смысле.

Главным предсказателем сицилийской школы в Тоскане был Гвицоне из Арrezzo (ум. в 1294 г.) или, иначе, *Frate Guittone*, прозванный так в честь его, что он принадлежал к военно-религиозному ^{бесальскому братству} ордену „*frati guidentini*“ или „*cavalieri di S. Maria*“, в котором вступил, когда ему было уже тридцать лет. Это событие в его жизни со- провождалось резким перепадом в характере его поэтического творчества. До этой поры он оставался безусловным последователем провансальцев, воспевавший только одну любовь в духе их излюбленной теории, по которой основная причина любви в человека вполне определялась словами „*vedere*“ и „*piacere*“ („увидеть“ и „нравиться“). Со времени своего обращения, Гвицоне явился величайшим прозаиком провансальской поэзии. Безусловно отказавшись от воспевания греховной мирской любви, он стал воспевать теперь одну чистую любовь человека к Богу. Он окончательно впадает в самое сухое резонерство, которое

1) У Таскари приведены в издании приморы предельно замечательные из произведений провансальцев или рабских подражаний им, впрочем, не считая в стихах сицилийских и досканских поэтов названной школы (стр. 25-113).

Имя Фра

+) ордену милитан-
дуба-Марии (ordo
militiae virginis
mariae),

глазник. videre
и piacere

зрелище у него на разного рода моральская и душевспасительная земля.

Все это, впрочем вздох, в конце концов, погуще, но содействовало возникавшей реакции против романского провансальского направления. Да и сама по себе любовная поэзия в духе трубадуров не могла развиваться в Италии на особенную долговечность, благодаря совершенно иному строю жизни: влиять рыцарских замков с турнирами и знаменитыми дамами, средняя Италия представляла рядъ городских общинъ съ ихъ буржуазными населеніями, которые болѣе склонны къ натуристической морали и реализму, чѣмъ къ искусственности, напыщенному идеализму; сами поэты принадлежали здѣсь, болѣе всего гаскон, къ чуждому сословию торгашей, и воспѣвали или рыцарская любовь неизбѣжно была вполне ^{bürgerlich, falsch} патетическаго характера.

Такимъ образомъ уже во второй половинѣ XIII столѣтія во Флоренціи замѣчается два течения, съ одной стороны элементъ моральный, аллегорическій и т. п., а съ другой — простое, народный.

Предсказательныя новыя задачки въ поэтическомъ звор, гаскон итальянцевъ можно назвать заманчиваго Кіаро д'Аванцати, тогда какъ вторыми продолжателями старой матеріи были Буонадмонте Урбингати, изъ Лукки, и Данте да-Майано, извѣстный заочкою любовью къ сицилійской поэзее. Мотивъ Нинто и влиять грубого вразумительности

къ своему великому флорентинскому современнику при на-
чале его поэтической деятельности. Реакция против старой
школы выразилась и во целомъ ряду юмористическихъ
произведений. Здесь уже сказывается обидный тонъ ита-
льянского, ^{прозой} ^{поэзии} короля городовъ. Это же отразилось и въ
сапурическихъ сонетахъ Бусидико ди-Филиппо, козла весела
богазого красками, взвѣрилъ изъ ежедневной жизни низ-
шихъ городскихъ классовъ. (Третьяково замѣчаемое, въ
ряду другихъ поэтовъ переломнаго направления, сиемъ же Гаско
Андрюберри, — юмористъ, охлывающійся поразительного для
того времени субъективностью чувства и естественнымъ при-
ней охлывающій условности въ поэтической фразеологии.
Глубоко-задумчивая грусть («Я рожденъ печалью и вскорн-
нось меланхоличей», говоритъ между прочимъ козъ. — «По
сознью причинъ мое сердце полно законъ печали, что я еро
разъ въ день готовъ умереть») и склонность къ безнормад-
ной насмѣшкѣ даже надъ самимъ собою родилъ его
съ другими, болѣе поздними, предвѣстниками новаго
духа въ европейской лирике, съ французомъ Вишюкомъ.

Одновременно съ поворотомъ въ италянской поэзии
оу предидго условнаго направления, имѣннаго всякой
связи съ италянской и италянской атмосферой, замѣтка,
есть и благопріятная перемена въ италянской поэзии,
къ козорнъ жановичу тлавиче, оживленныя, италян-
ныя въ своихъ оборотахъ и свободныя оу архаическихъ

мисленна и провансалскии форми.¹⁾

Сознание одъединенои нами взаимнои прозубоволози, поуди било одинаково сииво, какъ у предсавицелей переходнаго фазиса въ развизи италъанскои позии, такъ и у последователей старейшъ преданий провансалско-сицилийскои школы.²⁾ Озкуда канадки упомянутого Киаро д'Аван, царя на Буонадмонту, и другои писателя — Гвидо Орланди — на Данте да-Найдно. Очевидно, что въ последней разверзи XIII столетия италъанскои позии предсодило везупицъ на новай пурт. Вопросъ заключался лишь въ толи, озкуда и въ какомъ духе подвижся это новое направление?

2. Новая школа — новий стиль.

Исконнымъ творцомъ оказалась Болонья, а создателемъ новой поэтической школы ботль Гвидо Гвиниселли, пурт знаменитого болонскаго рода дзю-Принчиппи, гвделитль по своимъ политическимъ убътоидеямъ, умершии въ изгнании окопо 1276 г. Рано оиъ прославился своимъ стилютворендм. Между его канцонами и сонетами, посвященными иккю, ицелсно любовнымъ земамъ, пькорорые писаны еще въ старой манере, оиъ не разъ называеуръ Гвато Гвинтоне или Гвато-Гвинтоне д'Ареццо своимъ творителемъ. Въ двадцати его стилютворендмъ, дошедшихъ до насъ, воспоминаеуръ рыцарская любовь; въ нихъ болъше мысли, искусства и воображенд, пид, пиль у сицилийскихъ поэтовъ, болъше чувства и ордальки въ часуоудмъ, самий языкъ гораздо звуритль и правитльнее.

Guinicelli

1) Вопросъ о развизи литературнаго италъанскаго языка предсавляеуръ много иривлекарелств и любопытств ддя историка литературы Европы. См. Далмату, стр. 140—213.
2) Последними одишь пурт члениль издатели старои-италъанскихъ поэтовъ (Томаски) называеуръ пуртло „travatori“ (з.е. зрудадурь), а первыми „travatori di transizione“ (з.е. зрудадурь переходнаго фазиса), и только абзорали школы „новало стилд“ дауръ названне „поэти“ (poeti).

наглядному сердцу догмата была подобна

Вз одной канюны (. *Al cor gentil tirata sempre Amore*)
 авторь береть необходимая для видения своей основной
 мысли выражения и сравнения уже не изь репертуара
 провансальцев, а ищеть ихъ въ болые возвышенной од.
 маси философскаго мышления. Второго материалнаго эле.
 риз „vedere“ и „riascere“ (видеть и правится) разбивающа
 теория душевной красоты (*cor gentil*), и олицетв., хотя
 попрежнему верхъ всехъ совершенствъ, но облагорожен.
 надъ возвышенною природою самого гверба, неизбодимо
 приобретаетъ характеръ существа символическаго, олицетво.
 реннаго собою нечто высшее. Такимъ образомъ, любовь
 къ ней сливается съ любовью къ добродетели, къ верхов.
 ному благу, къ Божеству,¹⁾ а сама поэзия поепенито по.
 нупаетъ символическо-аллегорическй характеръ или сфа.
 новуясь выражениемъ философскихъ истинъ въ поэти.
 ческихъ образахъ.

Точно съ годанки Гвинчелли повернуть на само со.
 зрелую дорогу, надъ виднелась преобладающая въ родахъ,
 ней универсальская наука, центромъ которой въ Итали
 въ то время была Болонья, схоластическй ученй о суще.
 ствахъ явленй и предметовъ. Въ основе зрой новой поэзии
 кешерь, заканы образовъ, мета-разсудочное „положенйе“,
 это любовь дозупна исключительно благородному по
 своей природь сердцу, исполненному добродетели. Поэзия
 забывалась выражать что-то особенное, не ерхотво думалась

1) У св. Августина, поговаривалось въ тогдашней науке чрезвычайныи
 авторитетомъ, въ одномъ изъ его „Поученй“ (Sermones), говорится, что красота
 зависитъ не отъ чертъ лица, а отъ свойствъ души, и что мы, мотъ одно изъ
 созданий Творца, должны въ немъ любить создателя.

о поэзии любви, сколько старался объединить себя с происхождением, строил искусственную заборку любви и переводил огу образа к образу, чтобы хоть как-нибудь уловить своего скудного мыслителя. Это происходило не просто огу собственного, была даровитого болонского поэта, но и огу столь суровыми влияний, которыми в его время вновь начали господствовать на урале в Уралит. Но эти метафизические тонкости, эта игра в понятиях не создавались непосредственной особенностью болонского поэта. Конечно, в стихотворениях уральских поэтов, эвры болонской и докамской школы, — за них летательная возгорелность, которая создавалась господствующим тоном произведений провансальской лирики. Любовь ощущается и для них впервые и последние словами поэзии. Пытки, слагаемая в честь ея, здесь еще больше приим. Мотор характеру возгорелных гимнов. Но на протяжении Гвинчелли, как и Гвинчоне д'Арацо, можно, сверх того, наблюдать поворот поэтической мысли еще в одну сторону. Своекое искусство провансальцев получалось в руках поэтов средней Уралит религиозной открытостью. Они снова приводили идеалы искусства в гармонию с господствующим направлением вкуса. В прозаическом, поэтическом зрубадурали, которые не видели ничего дальше своего любимого идеала, болонский поэт урочаеся мыслью о столь радостель, который, в случае смерти обозначенной иль женщины, отидают ее в другом мире; втра в

и будущее прославление облегчаешь для него грузом самой
разлуки и в некоторой степени делаешь его несчастливой.

В художественном отношении поэзия, конечно, не
много вытесняла от этого, но важно было то, что для
поэтических произведений открылось новое содержание, а
это вело к новому отношению от провансализма. Кроме
того, новое направление, освобождая вдохновение поэта
от ^{аллегоричности} расхолаживающих условных банальностей преси,
ней лирики, давало возможность продвигать
ся непосредственно сердечному куберву. Это заметно да-
же у самого Твининелли, в общем не ориентированное
особенной поэтичностью, ходя за новыми содержаниями сво-
их стихов, за небывалую прелесть силу и чистоту языка,
впервые получившего поэтические отрывки (*fu dolcemente
colocata*), отныне по справедливости заслуживать от Данте
название „орца“ и „лучшего из романских поэтов“. Да,
Данте называет его орцом вместо италитанских поэтов
и его самого.

Новый, т.е. религиозный отрывок, о котором мы ранее
уже говорили, замечательно был италитанским поэтом.
ни от францисканцев, которых поэтические формы
слышали в том же духе для выражения религиозного
экстаза. Впрочем, вообще во италитанской жизни
того времени было гораздо больше религиозного, или, по-
крайней мере, католического настроения, чем в южной Франции.

1) и которые принадлежали к так называемой „чидрийской
школе“, которой был ^{поэт} ~~поэт~~ ^{впоследствии}.

Доказательством служить его широкое и в высшей степени
новое значение в области записывающего жеста ирандэнского
искусства, в архиве курты и пласуны в особенности. Его
возбуждение во жизни, очевидно, совершилось под влиянием
этой живого религиозного чувства. Буонадзимоша Урбани,
Гіани, родом из Лукки, одним из современников в Твини,
Гелли, написал ему следующую сонету.

„Вы, измывавшие для жого, чтобы зарыть вестель дру-
гихъ зрубадуровъ, первую ланеру, старинную форму приду-
ныхъ любовныхъ поесей, вы похожи на свору, разгадав-
шую жемчужу, но на козловъ нельзя слозреть. Вы превос-
ходице востель жонкоство и знаменель, но языкъ вашъ жакъ
делаетъ, что едва ли найдется кто бы поидель его.“

Между последующими поэтами „новой поэтической
школы“ — „нового стиля“ одни больше разрабатывали метафи-
зическую сторону новой теории любви, анализируя самое
чувство; другие же — сторону идеальную, приемы воспита-
ния женщины все больше и больше срамовилась суще-
ственным не отъ мира сего. В качестве представителей пер-
вой группы могут быть названы Гвидо Орланди и Гвидо
Кавальканци, а второй: Лано Дзанни, Дино Фраско-
Балди и Гвидончико Гвиццоне да Пиззойа.

1. Первая группа писателей „новой школы“. Какъ у Орланди,
такъ и у Кавальканци сложилось любовная диалектика
доусугаель крайнихъ предположи, у Орланди, поначуи,

даже в большей степени, так как ему чужды и глубина непосредственного чувства, и возвышенное созерцание общезначимой истины. Кроме сонетов, в которых он затрагивает, напр., о зрелой выданье ревности, о зомь, какой род любви сильнее, — или написаны заклин сонету «О природе любви», в которых автор задается вопросами в роду: «Откуда исходит и где рождается любовь? Каково при существе ей место, где пребывает она? Сущность ли она, или случайное явление, или одно воспоминание?» и т. п. Это стихотворение, обращенное к Гвидо Кавальканци, вазвало со стороны послыднего если не лучшее на наши вкусы, то зелье не менее знаменитый из его произведений — канцону: «Donna mi riede». (4)

Cavalcanti.

Гвидо Кавальканци, поэт и философ. От него сохранились несколько более подробных биографических данных. Он родился во Флоренции. Друг Данте он был значительно старше, как и поэт, Ада: Понс, лодя из знаменитого флорентинского рода, Кавальканци отличался большим склонностью к серьезному философскому мышлению, и диалектическим спорам, в которых не имел в себе равного, и мастерски владел родным языком. В частной жизни он предпочитал уединение, что еще более укрепляло общее мнение об его высокомерии; но будучи одарен чрезвычайно острой натурой, он имел множество самых разнообразных

4 *Дана, госпожа моя дорогая, небесная* (сонета ^{staf.} *о зрелости*).

наль любовных похосидений, навлекавших на него на-
 падки многих современников. Его особенное прираще-
 ние к философии и к эротическим удовольствиям, вероятно,
 породили также и рассказы об его невинности и эскуризм-
 ности. Женами на дочери Фрарини де Гелли-Уберизи, одного
 из вассалов герцогов, с вассальным возрастом ко-
 ром, как называлиши „большими“, Кавалканци были
 связаны и соединены с герцогом, отъ были не-
 примиримыми врагами главы партии светской и като-
 лической принадлежавших к ней „черных“, Корсо Донати.
 Власть была высокомерия и гордыни поэты, у них до-
 ходило даже до шутки схвачены среди большого дна на
 улицах Флоренции, и въ одной из них Кавалканци
 едва не лишились жизни; въ конце концов, по причине
 ности республиканского правительств, отъ были даже уда-
 лены, съ своими единомышленниками, въ одну из бо-
 лотиских монастырей Волтера, откуда ему было разре-
 шено вернуться только ради его разрушенного въ своемъ
 здоровья. Вскоре отъ скончался во Флоренции въ 1300 году,
 когда ему было немного больше 40 летъ отъ роду.¹⁾

Большая часть стиховъ его восхваляетъ молодую дворян-
 ку изъ Тосканы, по имени Мандерра, въ которую отъ влюбил-
 ся, возвращаясь въ Кортинаселлу. Лучшее изъ его стиховъ,
 речей „Canzone d'amore“, почти целиком фразы. На,
 сколько высоки были умственные и душевные качества
 Кавалканци, видно изъ того, что даже не разъ называли

1) Большинство свидетелей Кавалканци, принадлежавших его
 современникамъ, приведено въ издании у Ratti, *Descrizione dei Itali*,
 edita da Vesie, I, стр. 340-50.

2) любовных или эскуризм, имена которыхъ: Giovanna, Fioresetta и пр., или отъ восхваляетъ

его своими первыми и лучшими друзьями, и ясно определяя его литературное значение, ставя его выше родоначальника "новой школы", Гвинчелли, и непосредственно поэта самого себя."

Поэтическое зорисство Кавальканти, как и у некогору, риль других поэтов "нового стиля", "новой школы", орли, гаясь двойственностью: один изъ его произведений — плод снмлого диалектической ума, другой — содервенно поэтического настрония души. Наибольше выдающееся между первыми — цюмфитуралъ уне канцона (Donna mi riegade etc.), представляющая собою въ сущности нечто въ родъ краукаго философскаго трактата, въ которомъ посылкова, зельно развивающа не менше воетми, положений "оно, снделно иеринной природы любви. Не мудрено, что подобное произведение не оушмалоег особенной ясностью, золье болше, что поэръ, какъ парочно, затруднилъ себя задачу чрезмёрного искусственности издранной или срикозворной формы (на 14 сриловъ, составляющихъ кажды, дуо сзрофу или срамен канцонны, въ 8 иижеся факс- называемая, леонинская, или впузрентная ривла); но, очевидно вполне озвочая рогаданнымъ воззрениамъ и вкусу, канцона заслужила название "nobilissima" и "divina", и даме не разъ давала поводъ въ Урадинъ къ комментариямъ членамъ. Напронивъ въ своихъ сонетахъ и особенно въ балладахъ, напр., "In un boscheto Frons rastocella" (Я въ роуче вехрнчилъ съ насрушкой), въ зюне

У С.п. Vita Nuova, cap. III; Purgatorio, XL, 97.

и размышления которых славились огулом оковы иранских
народных плясовых пьесы, Кавалканти проводил
замысловатую поэтику, оригинальную и своеобразную.
Самый язык в них огулом сроду значительными
совершенством, что не только Данте выражает гордо
похвалу своему другу, но еще и в XV столетии
Лоренцо Медичи огулом восхоружено. В
философии Кавалканти был эпикурейцем и атеи-
стом.

2. Вторая группа поэтов, новой школы. Из поэтов
этой второй группы — из подражателей Гвидо Кавалканти, писав-
ших, главным образом, в смысле идеализированной
женщины, должны быть названы, как мы уже слыша-
ли, Лао Джанни — один из флорентинских поэтов,
ученик и близкий друг Данте; Дино Фрескобальди, принад-
лежавший к одной из знаменитейших флорентинских
фамилий и, по преданию, большим поклонником произве-
дений Данте, и наконец Гино да Пизано, называвшийся
собственно Гвидо Гвидоне, также находившийся в
дружеских отношениях к автору „Божественной Ком-
едии“. — Между ними как в других, сицилийской шко-
лы, согласно провансальскому конвенционализму, всегда
воспевавшая только замужняя женщина, у названных
представителей „новой школы“ или школы, нового сроду
предметом любви уже нередко является молодая девушка

1) См. Рита, там же. Le rime di G. Cavalcanti издали Гает. Сарассо (Pisa, 1879) и, больше критически, Агноне (Firenze, 1881).

(giovinetta), которую они любяще изображают ангеломъ, обла-
гораживающимъ душу своего обозначеннаго гудогийсубвенного
силою сраеси, вносимой въ его сердце искодающимъ изъ
огей возлюбленной, spiritelli" и воздгийсубвенцими на
зожь или иной изъ свивущимъ въ его душу, "spiriti della
vita" (духи жизни). — Эти "spiriti" и "spiritelli", будучи мно-
гоме плахоневскими, арнезодезевскими, зоинсувскими
и зому подобнымъ ученимъ зогдашней схоластикой, играли
особенно замочную роль въ метафизико-Эрозивеской
лирике Данте и его многоисленныхъ последователей.

Frescobaldi.

Дино Фрескобалди — поэтъ грусси, скорби! У него мо-
бове являеся не сродско гувезвенного сраесю, сковако нас-
леннымъ созерцаниемъ, и въ срихаль этого поэта вырама,
хезь не ищущее себя удовлетвореніе меланіе, а мочба
даже о самомъ просодомъ знаке вниманія, какъ взглядъ
или поклонъ (il saluto), котораго одного уже досафочно,
тодь обозначель гувезвоваль себя счасливимъ — на сродско
мобивади менцима представляеся въ его мысли не-
досагаемого для него, а оное савь недосагойтиваль ед вза-
имной привязанности. Безсрвенно, что, при такомъ
предсавленіи о недосагаемой мобивой менцимы,
въ душе поэта назривала невтодотная лирика предвидуща,
го періода грусси, корой переходящая въ глубокую скорбь,
какъ это уже замочено въ срихаль Фрескобалди.

Склонность къ идеализации менцимы, развиваеся

Il dolore.

все сильнѣе, нашла себѣ полное выраженіе въ стихахъ
Уино деи Симибалди или Уино да-Писзоио, называт.
 сейчасъ собственно Твицонкино Твицоне. Онъ родился Uino da Pistoj
 m. m.
 Guiboncino
 Pittone
 въ 1270 г. въ Писзоио, гдѣ исполнялъ доминиканскія судбы
 и считался у современниковъ однимъ изъ утѣннѣйшихъ, лучшихъ
 юрристовъ. Въ послѣдствіи онъ подвергся съ прочими габелли-
 нами изгнанію изъ родного города и осужденно жизнь
 провелъ по разнымъ городамъ Урвалии, занимаясь препо-
 даваніемъ науки права въ Падую, Перуджию, Тревизио,
 Флоренцію, и сильно зоскудъ по родинѣ, какъ показъ-
 ваютъ нѣкоторые изъ его стихотвореній. Вѣсьма правдо-
 подобно мнѣніе Барфолли, что глубокое чувство горечи, про-
 низывающее произведенія Уино да-Писзоио, поддержива-
 лось и его патристическою скорбью во время ^{невольной} разлуки съ
 родиной; онъ принималъ близко къ сердцу и судьбы
 всей Урвалии, являясь крайнимъ габеллинкомъ, и при-
 знавая, въ произвоположеніи ортодоксальному утѣннѣ
 церкви, „имперіо — солнцемъ, а паперво — луной“, въ
 нѣкоторыхъ своихъ сочиненіяхъ, напр., къ Данте, къ Гекко
 д'Асколи, и въ превосходной канцонѣ на смерть им-
 ператора Генриха VII. ¹⁾ Существовавшій романтическій раз-
 сказъ объ его любви къ Селсвадзмии деи Вердончезе
 (дочери одного изъ габеллинновъ, давшего поводъ притокъ
 во время его скитаній), которую онъ, какъ Пезрарка
 Лауру, будучи въ восторгѣ и поелъ ея кончини, Бар.,

1) Д'Асколиа, *La poesia politica etc.*, стр. 43.

тоим склонением сглагола за выносомъ, возникшии не ранее семнадцатаго столетия. Уино деи-Синидантеи умеръ въ родномъ городѣ Пизойи въ 1336 или 1337 г.

Въ срипачѣ у Уино такъ же, какъ и у Кавалканчи, возростающа свободоуция, впрочемъ условная, ижеица подвижна въ немъ эиенциии, кроице уже упомянутой Селваджии, нар. жиди Маласпина, — Пизанка, la Traccia, la Meva и др. С.

silvatico, silve-
stic, agreste, frons
Savage

ное иица „Selvaggia“ представляется ему символическии, должеице сзвующии въразнаге или кратное ссозданне ду. ии поэта, зотманящейся по безнадежно подвижнои сущес. сзву, или же и сачуи неосознанои зои идеалнои жек. щиии, въ козорои како-би оилицерворяется двиссзвиеице. по сущесзвобавииди эиенциии, люботъ къ козориимъ, и ино. да сачуи сзражичу, испазивали, какъ прославившии сз своии похозиенциии Кавалканчи, такъ и уиеный Уино да-Пизойи, и) суровой пчвеце, „Ада“, Далке. Озго. лосокъ зрой любви, въ сачуице дилте, не разъ весьма яв. сзвечиио слаишице во многице иице произведенииди.

Но зо были переходяции, обусловливаемыи эиенциии. мензони, увлеченииди; посзотчиииции же предметони иице. лей пизойискаго поэта было зо идеалное сущесство, о козориимъ оице въразнался, что „юнаи красавица во вачеице своихъ посзупкаице подобна Божиему ангелу“, иице она не изъ землиице сущесзвиеице — сачуице Боице испослаице ее, на сзольско она иице не бывалоице; подобно ангеламъ,

созерцающим Бога, смотрящим на нее поэты чувствуют себя
преисполненными блаженства, и потому они далеки
от всего нечистого и дурного; его творит в сердце ее раб,
идея хвалы Создателю, приближение к ней — приближе-
ние к Богу, а последнее должно наполнить душу поэта
священным утешением, — отъ благоговенья передъ „женщи-
ной — божеством“ (donna dea), — это высшая ступень идеа-
лизации любви. Возь, напр., одна баллада Гинго да-Тисейо:

„Такъ какъ я не могу насытить себя, глядя на прекрасное
лицо моей госпожи (madonna), то я стою долго, не отводя глаза,
буду смотреть на него, пока не придутъ въ союдение блаженства,
подобно ангелу, который, по своей природе, находится въ небесахъ.
Никогда не сваливъ, исповыивающъ блаженство отъ одного лицезрѣ-
нiя Бога; какъ я, хотя человѣческое существо, смотря на об-
разъ женщины, которая владѣетъ моими сердцемъ, уже на
землѣ достигну блаженства, — такова благодатная сила
(virtu), распространяемая и даруемая ею, хотя ее можно
замышлять только тогда, кто чувствуетъ ее по своему желанiю (desiando).“

Естественно, что объективному въ подобныхъ женскихъ
образахъ исчезаетъ: они — создание души поэта, который видитъ
ихъ согласно сложившимся въ его уме новому предельно-
му; здесь женщина превращается въ символъ всего высока-
го, прекраснаго, божественнаго. У Гинго да-Тисейо покло-
нение „женщины-ангелу“, — которая неизбежно, по самой
своей природе недосяжима (въ этомъ смыслѣ „selvaggia“), хотя

и дарцерь поэту блаженство души (она долаерь его "beato", — сравнере "Beatrice", или возлюбленной Данте), — даерь въ резултатахъ одни мигуки душевнаго сраданія, и даерь како поэту не можеть забуть ес, го и его мукамь сурденко не мнгоуе конца. Въ выраженіи своего душевнаго горя, сер. дечной скорби, "Уино деи-Синибалди далеко превосходитъ Дико Фрескобалди.

→ dolore

Изображая душевную драму человека, отъ доходити до гетіалноеси, пригель языкъ его доеригаерь поразиель, кой яеноеси, проеоди и энергия. Нькорорый изъ его срико, звореній занегазельны необиновенно глудожельны чув. сзволь, какъ, напр., въ золь сонерь, гдъ отъ какъ-би чслаи, даерь мукой, сроднившейся съ его душой, и козгалъ бы каидую чущую радоеуе позонуть въ себеуветномъ без. мьрномъ зоръ. Tutto ch'altroi aggrada, a me disgrada (Уино радцерь дружить, го мнъ нееноемо). Срикозвореній подъ его именемъ дошло до насъ не мнгоишь менше зрельсоуе, но за оуеуеувіель сзрого-кридическаго изданія¹⁾, въ ниль неелъ съ зогноеуеи вайтльмуе приписанное ему ошидоу, но. Особенной изъезуоеуеи пользовался его "Коммендариі" къ первымъ девяти кнмалъ римскаго кодекса. Но въ своихъ срикахъ, подлодичиль къ энергия Данте и нъи, коеси Пезрарки, Уино воспывалъ именно двуръ жеч. щиль: Селваджіно и маркизу Маласинма. Объ его поэди, ческо-художельственномъ доеронперъ можно есехавиль себъ

¹⁾ Первое издание вышло въ 1518 г., въ Венециі. — J. Carducci, Rimi di Messer Cino da P. etc. (Флоренциа, 1862), — ср. издание S. Ciampi (Писройа, 1826).

показаніе изъ того, что Данте сравнилъ Гитто да-Пизезойа, за
его произведенія, каравать съ самимъ собою.¹⁾

Итальянскіе поэты второй половины XIII вѣка и начала
XIV-го не были просто подразнаменданы. Они нашли въ
царскую поэзію уже ускоренившееся въ показаніяхъ и нравахъ
своихъ соотечественниковъ и продолжали ея развитіе далѣе.
Трудно было изобрести новые образы для выразеній чув-
ства, воспозаго уже сколько разъ изъбылъ хоромъ поэзи.
гескихъ голосовъ; но не менѣе трудно было уйти отъ ис-
кушенія навески на него свой, итальянскій колоритъ, заим-
ствованный главными образамъ оу рьяхъ воззрѣній, козо-
рья были тогда въ ходу между современниками и необ-
ходимо пробивались въ заглавнейшей литературѣ. Эта
наклонность болѣе философскаго, чѣмъ поэтическаго свой-
ства, замечается уже въ той же болонской школѣ. Много
первоначальной свѣтлости губерва заслужаетъ въ ней новый
родъ усервованій на зоръ же предметъ. У Твинигелли уже
можно видѣть первую пробу этой новой манеры.

Тосканская школа „новаго стиля“ очень важна въ
литературно-историческомъ отношеніи: во-первыхъ, направ-
ленія ея лирики въ сильной степени обусловили содержа-
ніе и зоръ поэтическихъ произведеній не только Данте,
но и Петрарки, и зоръ въ связи съ него послѣдній явля-
ются естественнымъ и вполне показнымъ фазисомъ
опредѣленнаго литературно-эволюціоннаго процесса;

¹⁾ De vulgari eloquio I, 10. — Vita e opere giuridici di Cino da Pistoja,
con molti documenti inediti, Chiappelli (1881 Pistoja).

во-вторых, въ произведеніяхъ поэтовъ „новой школы“ лирика впервые приобретаетъ уже психологическій характеръ, которому суждено было сообразно основную особенность всей послѣдующей лирической поэзіи на Западѣ.

3. Умбрійская школа.

Первая половина XIII-го столѣтія ознаменовалась въ Италіи усиленными религиозными движеніями; однимъ изъ замѣтнѣйшихъ между сопровождавшими его факторами было учрежденіе двухъ новыхъ монашескихъ орденовъ: францисканцевъ и доминиканцевъ. Нищенствующіе монахи называемыхъ орденовъ, въ число прочихъ средствъ вліянія на массы, прибѣгли и къ проповѣди на народномъ языкѣ; баллада за проповѣдью началась и переложеніе латинскихъ церковныхъ гимновъ на общепонятную рѣчь, а затѣмъ и сочиненіе на ней, подъ вліяніемъ религиознаго вдохновенія, оригинальныхъ стихотвореній своеобразнаго характера. Эра-то религиозная поэзія со-ставляла въ особенности такъ называемой „умбрійской школы“, по месту происхожденія одного изъ предшественниковъ, съ именемъ котораго связывается самое начало этой школы.¹⁾ Это былъ основатель перваго изъ названныхъ монашескихъ орденовъ, Сан Франческо д'Ассизи (св. Францискъ изъ Ассизи) въ Умбріи (род. 1182 г., ум. 1226 г.), отъ котораго сохранился дѣлащій возвышеннаго поэзіей, съ оригинальными патетическими остротами, il Cantico

¹⁾ Ozanam, Les poètes franciscains en Italie au XIII s. (1852).

al Sole („Тимъ Солнцу“), по преданию продиктованной имъ въ сошедшемъ религиозномъ экстазе, когда самому автору не было и 18 лѣтъ. Въ житии св. Франциска много разсказываеся объ его любви къ природѣ съ ея цвѣтами, птицами и зворами; съ последними онъ охотно бегалъ въ обществѣ, приручая ихъ и ухаживая за ними, когда они нуждались въ помощи. „Тимъ Солнцу“ (Il Cantico al Sole), по всей вѣроятности, написанъ не въ определенной стихотворной формѣ, а жонско, вѣрнѣе прозой; въ которой при томъ много полнотвучной рифмы не рѣдко замѣняются проеое созвучие (ассонансы). Другіе два житія („о Ницере“ и „о любви къ Иисусу“), обикновено приписываемые также св. Франциску, не принадлежатъ ему.¹⁾

Восхорщенный последователь св. Франциска, это — Яконо (Дмаконо) деи Бенедетти ди-Моди, или просто Якононе (Дмакононе). Онъ родился въ городкѣ Моды, въ богатомъ семействѣ Бенедетти; былъ первоначально адвокатомъ, потомъ велъ веселую жизнь, женился, но по смерти жены оставилъ свое имѣніе и пошелъ въ монахи. Оказавшись оубъ мѣра и надобъ рясъ францисканца, онъ провелъ оудальную жизнь въ капеллѣ „породиваго о Кристе“, самъ вызывая и зернелюбо переносъ вѣческѣд лишенія и обиды; онъ изгналъ свое имя въ Дмакононе и предавался самому небузданному религиозному воеоргу, кохорой онъ называлъ

¹⁾ Ср. Böhmer, Der Sonnensang von Franciscus von Assisi, в I. т. его „Romanische Studien“. — Bartsch, II, стр. 189.

„плясского дуча“ (danza di spiritito) и подъ ^{Зрительница, выслушавши} наизусть которого
слагать пьесы и гимны, держащие безпредельной, всепо,
глощающей любовью къ Христу и исполненные не жон,
ко южной сураси, но, можно сказать, даже сурасности.

Якононе (Дмакононе), самъ беззаботно исполняя запо,
вѣдь нищезы и любви къ ближнему и Богу, естественна
не щадилъ недосройныхъ предсавителей церкви и, уже
прежде Данца, клалъ суровые приговоры самими
пань. Сидя въ монастырской зорьме, онъ сочинилъ свя,
щественные гимны, а находится въ Палескринто, въ то время
когда городъ зреть осаждалъ Бонифраций VIII, написалъ
прозвѣвъ его два схилогворенія, въ которыхъ упрекалъ
пану, что онъ ведетъ войну, вѣтсво зого, чтобы враневать
недуги церкви. Взлвъ городъ, Бонифраций подвергъ его за,
ключенно въ земницю, на хлебъ и воду. Монаха осво,
бодили однако, когда аресовали самого пану. Дмако,
поне нападалъ и вообше на пороки вѣталь классовъ
общезва: въ одномъ схилогвореніи онъ заставлялъ ан,
легорическую фигуру Ницезы обходить людей всякаго
созданія, ища себѣ призога, но вѣтъ, начиная съ прела,
зобъ, гоняръ ее безъ малосри:

*Nanne via, vecchia rezzenta,
Fa, che qui rii non ti senta.*

(Проще, нищая старуха, чтобъ и духу звоего здает не было).

Дмакононе умеръ въ 1306 году и оставилъ *Cantici spirituali*

У или Яконо ди-Поди

(«Духовность тоски»), мощная энергия, хотя грубая по форме.

Вообще говоря гудится художественной мыслью и озвучки, произведения этого окаянного писателя, испрашивающего себя от Бога вливого мирной христианской кончины, на, силсубвальной и позорной смерти, вливого райского блажен, губа - адских мурений, что ли или хотя бы ни кто-нибудь, мой долг удовлетворить небесное правосудие за весь бездн, кония греховного мира, - исполнить самого непосредствен, ного гудева, козоро, на ряду с доходящими до безмысли, ные набором слов, не редко оказывающ в поразительных по своей неожиданной грациозности образах. Так под влиянием внезапной из собуственного гудева, в козо, роить отъ змать итоский чубод гордо любившей его ма, тери, отъ в следующих словах рисует мадеринское счастье Прасвядой Девы:

«Во уме моем возникаеть вопрос, какъ могло звое сердце выдержатъ всего ду радости, когда Ты, прощая гудевишка и скромная служительница, слышала, какъ самъ пред, влиный Богъ и Твоя верховной Владыка называють зедя итоскимы итоскель махери. При одной уме мысли объ звомъ замираеть сердце у бедного, кро Владыкх хотя ма, лтисето искрой ^{неизбавимой} снегодающей меня любви».

Вну мне, Эммануэле, принадлежить извѣстной гимнъ латинской церкви: *Stabat mater dolorosa*. Ныкозорова изъ его суждений написана въ диалогической форме.

представляя собою поэту въ роду драмы. Таково, напр.,
 „Ripulazione dell' umana natura“, где красноречиво до дво-
 надцади собеседниковъ; два „Явления воскреснаго Христа“;
 „Диалогъ между св. Францискомъ и Плещерой“. Эти произве-
 денія похвально особенно въ формѣ отношеніи, что рели-
 гioзная драма въ Италіи получила свое начало инокъ,
 но въ области Цимбрии.“ —

Въ заключеніе надо замѣтить, что идеи, лежащія въ
 основѣ мистическо-религіозной поэзіи „цимбрийской шко-
 лы“, по справедливости могутъ быть сведены, какъ къ своему
 первоисточнику, къ ученію калабрийскаго мистика Фоальма
 de-Floris (по имени основателя иль монаха св. Фло-
 ры), извѣстному подъ именемъ „Вѣчнаго Евангелія“ и
 заключавшему въ себѣ проповѣдь грядущаго „царства
 Духа“, — ученію, которое играло весьма важную роль въ
 религіозно-умственной жизни XIII и XIV столѣтій;¹⁾ за-
 кимъ образомъ, эта поэзія сохранила одинъ изъ сильнѣ-
 шихъ съ конца XIII вѣка побудительныхъ стремле-
 ній освободить средневѣковаго челоука изъ-подъ ига цер-
 ковно-геологическаго авторитета.

4. Аллегорическо-дидактическая эпика.

Изъ всѣхъ литературныхъ родовъ аллегорическій
 и дидактическій, по своему характеру, въ особенности отлич-
 тель болѣе изрѣзкому, пологизированному, какъ сказанъ, разсудоч-

¹⁾ См. въ Rivista di Filologia romana 1, 4, стр. 8. Monaci.

²⁾ Ср. Feger, Das ewige Evangelium. (Ср. Hist. littér. de la France, t. XL,
 стр. 23—36, и H. Reuter, Gesch. der religiösen Aufklärung im N.-Alter. 1875.

мощи складу зна зой часті європейського обіжсєва, которая
 обозначается именовъ „зрєрєдло сословїя“. Поездяко цен.
 иватоуаеаєа со взоромъ половини XIII вѣка поупрєрєнаєа
 указаннымъ дьумъ шанровъ была связана съ зьомъ фрак.
 зьомъ, что городскїе классы именовъ съ зьомъ поры стали
 все замѣтнѣе вѣдвїгаться на первый планъ, прїобрѣ.
 зявъ значенїе первенствующей силы въ политическїей
 обіжсєвенной жизни європейскїхъ народовъ. Въ XIII в.
 въ Мралїи города жили уже полнымъ зинзїемъ: полити.
 ческая самостоятельность, со всеми сопровождающими
 ее волненїями во иждѣ итересовъ взаимно прорїво.
 дѣиствующими парзїи; широкое развїтїе торговли и об.
 условленной иждѣ высокїй уровень благосостоянїя, и,
 наконецъ, какъ естественной результатъ обонїть предв.
 дѣиствїя явленїя, поупрєрєнаєа въ болѣе или менѣе разн.
 сторонней усовершенствованности, съ одной стороны,
 и пошїтное сурєрїленїе удовлетворїтєлї съ другой, —
 создавали досрѣдїе городского населенїя Мралїи. Мы
 уже видѣли, какъ именно подъ влїянїемъ муршїзм.
 палкаго дѣха, суїдаєа народу, по своему происхожденїю,
 лирика въ Мралїи все болѣе зєрѣла свой феодально-рѣ.
 царскїй зьомъ и прїобрѣтала характеръ иисрїческо-сн.
 воишескїй. Подвленїе писанныхъ по мралїянскїи про.
 изведенїя аллегорическо-дидактическїхъ въ содєрєвенныхъ
 словесахъ было зьомъ естественное, что литература главнѣе

образом находилась в руках свитских людей, вышедших почти исключительно из горожан и, выходя с ними, усвоивших в извешной полноте тогдашнего схоластического науку, благодаря быстро-узнавшим ее в Италии процветанию университетов.

Представителем этой группы итальянских писателей был Брунелло Лазини (род. около 1220 г., ум. 1294 г.) Это была личность высокого качества: весьма просвещенный как в философии, так в риторике (т.е. в древних образцах и в словесном искусстве); это был один из замечательнейших деятелей той эпохи: философ, оратор, поэт, историк, лингвист, богослов, Брунелло Лазини читал во Флоренции лекции литературы и политической экономики, был посланником республики при испанском и других дворах. Изнанным членом с предводительством партии гвельфов, он провел много лет во Франции, где играл выдающуюся роль и как общественный деятель, и как ученый писатель; вернувшись на родину, когда гвельфы были побеждены, и много содействовавший делу умеренного и грациозного развития своих сограждан, убежденным козлом он пользовался в высокой мере, стал наконец синдиком флорентинской общины. С тех пор до самой смерти (в 1294 г.) он не раз занимал видное место при флорентинском правительстве; однажды был приором, исполнял должность канцлера (*dittatore*) и официального

18
18
18
18
72
680
9
6120
9
6
54
18
18
21/2
54

оратора (*astringatore*) республики. Подъ его влиянием воспизалось цѣлое поколѣние, къ которому принадлежатъ и Данте, съ которымъ святовнимъ губею въспомни, касающій о Брунелло Лазини въ своей великой поэмѣ (*Com. media divina*). Такъ какъ Брунелло Лазини, и по собственнымъ его словамъ въ „Tesoretto“ (с. XXI), и по свидѣтельству его ближайшаго биографа, Филиппа Виллани, были такъ, что генеръ называють „*bon vivant*“, то не удивлено, что, не смотря на увасеніе къ своему ученику, Данте полюбилъ его, однако, въ своемъ „*Ady*“, въ ряду грѣшниковъ, виновныхъ въ послѣдней ереси.”

Авторская дѣятельность Брунелло Лазини падаетъ главнѣе образомъ на время его пребыванія въ Паризѣ, гдѣ невольничій досугъ давалъ ему полную возможность по-свѣдѣть себя этой дѣятельности. Онъ перевелъ на итальянскій языкъ Этику Аристотеля, риторикъ Цицерона и т.д., которая изъ его речей, написалъ много мелкихъ брошюръ и стиховъ. Между его стихотворными произведеніями первое мѣсто занимаетъ, написанная семисложными, попарно рифмуемыми стихами, аллегорическо-дидактическая поэма „*Il Tesoretto*“ (маленькое сокровище, первоначально, можетъ быть, прозо „*Il Tesoro*“), которая дошла до насъ не оконченною въ зри значенія стиховъ, морально содержанія, говорящаго о добродѣтели, рыцарствѣ, божности, кротости, щедрости, храбрости. Вторымъ

У Ст. Данте, *Inferno*, XV. — Въ „Хроникѣ“ Доминикана Виллани и въ „Жизнеописаніи Брунелло Лазини“, Филиппа Виллани (см. въ его „*De civitate Florentiae famosis civibus*“ изд. Galletti).

поэма не была доведена до конца ее автором. За похвалой королю св. Людовика, королю посвящено все произведение, следовательно рассказ: было Сомме (т.е. республика) *raggio*
mi fece mo messagio
Al alto re di Spagna...

рассказ о том, как по дороге в Касилию (речь идет о дипломатическом поручении, о посольстве в испанскому королю), поэт получает известие о бедности, постигшей его партию на родине; полный гнева и погруженный в мысли о случившемся, он сбивается с дороги. Пронюхав в лесу, он всходит на вершину горы, где встречает Природу в виде царственной женщины, и между ними завязывается беседа, в продолжение которой пространно затрагивает о развитии науки. Затем, следуя восторгом Природы, поэт отправляется на поиски за философией и т.д.

Совершенно неизвестная в художественной оценке, эта поэма особенно интересна тем, что некоторые ранние писатели высказывали предположение, что именно этим произведением был вымышлен Данту начаток и план его собою собою поэмы „Воснесственной Комедии“: такое же блуждание в лесу (как мы это увидим впоследствии), такой же руководитель в лице одного из поэтов древности, именно Овидий, да же такая же женщина, именно Природа (в виде царственной женщины) и т.п.

Хотя поэмизированного языка, конечно, ничего нельзя сказать, однако во всяком случае Данте должен был хорошо знать стихотворение своего убогаемого или латини, тем более, что оно, как первый во то время пример аллегорическо-дидактической Эпики во италянской литературе, несомненно пользовалось большим извѣстностью. Въ романе же, въ „Божественной Комедии“ есть и прямая эпитома соприкосновения съ „Teletto“, которая едва ли можно объединить случайно или общими характеристиками несомненного склада и поэтического изобретения того времени.”

Уже во этой своей поэме Латини обращается для доказательства обладать „возвышенной душой“ (со сри алто) из, поэтиче более достойными и серьезными образами, и при, том на французском языке, научная и философская ученая своего времени, что, действительно, и было отмечено уже во другом, подобного же содержания, произведении под названием: „Le tresor“, Энциклопедии, написанной во прозе по-французски; здесь Латини разсматривает съ философской точки зрения пороки и добродетели, говорит о правилах риторики, приводит множество цитат изъ итальянских поэтов (Кавона и Цезаря), отрывковъ изъ греческих сочинений, Хроникъ, рыцарскихъ романовъ и пр. Это сочинение въ особенности упрочило за Торкуатто Латини репутацию великаго ученаго. — Шуточная, крайне циничная,

1) См. статью Delius'a въ „Festschrift der Dante-Gesellschaft“, II, стр. 1-25.

кад по содержанию поэма „Il Palaffio“, наполненная раз,
новыми поговорками и остротами, часто весьма замечательными,
приписывалась Тортуеро Ларини несправедливо, — доказано,
что она XV-го века, но до сих пор она служила,
на въ подкрепление той дурной славы, которая оцалась
за Ларини, поощрительница (какъ мы уже знаемъ) у Дан-
те въ „Аду“, несмотря на все выразительное иль при,
взаимное къ своему предмету, автору, Телото.¹⁾

Къ концу XIII-го же века относилъ и другую аллегориче-
скую поэму „L'Intelligenza“,²⁾ которую одно время припи-
сывали Дино Кампанси, счелъ же ошибочно списавшемуся
авторомъ одной флорентинской хроники, подлинность
которой весьма заподозрена. Возможно быть подкупленные
именно предполагаемого принадлежателя поэмы или,
пому автору произведения, вельми списавшагося за лучшее
украшение первоначальной итальянской историографии,
нѣкоторые историки литературы видятъ въ поэме „In-
telligenza“ особенно высокий поэтический доразвития,
на самомъ же деле это простое повзренье шатлонное,
всегда бывшее въ ходу у друбадууровъ и друверовъ описаний
природы, французскихъ дворцовъ и р. и. Для насъ она
любопытна какъ новое доказательство поупрощенной
аллегорического жанра и въ итальянской литературе
въ эпоху Данте. Содержание ея крайне банально, а
аллегория лишена глубины и оумираетъ безвкусицею.

¹⁾ Tor Sundby, Brun. Latinos Levnet og Skrifter. 1869. Копенгагенъ.

²⁾ Мз. въ 1850. Ozanam'омъ въ Documents inédits pour servir à l'histoire
littéraire del'Italie, u Gerlich'омъ, Breslau 1883.

История итальянской литературы XIV в.

Внутренний смысл самой аллегории таков: дворец Ма-донны-Интеллигенка, это — тело совокупно с душой; кухня в зренье дворца — желудок и т. п. Без всякой описи, наклонности повздорять в поэме изданные приемы фран-цузской романтической эпики, и следуют, одним за другим, описания весны, заката — красота Мадонны-Интеллигенка: драгоценный камень в ее венец с тем чудными свойствами, еще далее — обидного Мадонной дворца, украшающего его карниз, изваяний и т. п., — все это, на ряду с обильными галлицизмами, прямо указывает на французские образцы.

5. Романтическая эпика.

Кроме Трунццо Ларини, из итальянцев XIII века писал по французски, между прочим, и знаменитый путешественник Марко Поло, предшествовавший Рустико-яно Пизанскому, во время своего заключения в генуэзской тюрьме, свой рассказ о путешествии в Индию, замечательный литературный памятник того времени, по-французски озаглавленный ^{des mirages du monde} „Гудеса света“, а в Урали (в переводе) носивший странное название „il milione“.

Рустико-яно перевел с французского языка и много романов из цикла „Круглого стола“. В конце XIII-го и в начале XIV-го в. в Урали вообще усердно пере-водилась французская повествовательная литература, — религиозная и героическая. Так появились „Fatti di Cesare“²⁾

1) Изд. Bartoli (Флоренция, 1863).

2) Изд. Bianchi, 1863.

романтический рассказ, скопированный по одному французскому тексту с добавлением по Свезонисо, „I conti di antichi cavalieri“ („Сказания о старинных рыцарях“; ¹⁾ „La Tavola rotunda“ ²⁾ и др. — Эти и подобные им переводы были последствием стремления сокращать популярную в Италии французскую рыцарскую поэму, излагая им прозу. Таким образом, романтическая эпика в своей италогреческой оболочке прошла фазы своего развития в образном порядке сравнительно с ее первообразом во Франции, где сначала совершилось пышное развитие в эпической поэме, из которой затем в XIV—XV в. началось переложение в прозу.

Во начале XIVго столетия в Италии была даже еще одна попытка свести сказания из карловингского цикла на одно обширное цельное, эпическое произведение „I Reali di Francia“, равно как и самые ранние итало-греческие записки на италогреческом наречии, возникшие в Сицилии, Болонье и во Флоренции в XIII веке. Зато очевидно, что уже в эпоху ранней прозаической формы французские рассказы получают в Италии совершенно особый, итало-греческий колорит, так что ощущение рыцарского духа, так поразительное в позднейших художественных романтических эпохах, перешло в италогреческую поэму в эпоху ее истории и служившие им первоисточниками италогреческие прозаические

1) Изд. Fontana (1817).

2) Изд. Полидори, может быть уже начала следующего столетия.

пересказы из французского романтического эпоса.

История новой поэзии.

Из предыдущего очерка ясно, что нельзя считать Данте, как это еще недавно было в обычае, создателем итальянского языка и основателем итальянской литературы. Итальянская литература, как мы могли убедиться, не только существовала до него, но в ней даже ясно обозначались вполне определенные разнородные элементы, школы, нашедшие себе созвучную форму в слове и, вносясь в язык, свидетельствующая о совершившейся органической эволюции. При этом все писатели этой литературы и многочисленные последователи производили в самую глубокую эпоху итальянской истории, во время междоусобных войн, кровавых раздоров. Угнетенное зрелищем угнетения, грабежей, обманов, несправедливостей всякого рода, образованные люди старались забыть окружающую их реальную жизнь во вымыслах мира идеального, в грезах поэтов и философов, проникнувших религиозными, философскими воззрениями, как как христианство, во виду злодеев и ужасов современной жизни, утратило общезначимый блаженства во жизни загробной. Блаженство это, конечно было утопично только тогда, кто выносил до конца все испарения и искусства, не измывшись законами земли и правды, а совершавшим прегрешения

ожидали мучения ада, въ то время какъ слабые душою или кающіеся грѣшники ожидали въ числу мучимыхъ своего искупленія. Это настроеніе общесудьбы всего полнаго выразилось въ величайшемъ изъ поэтовъ не россіи, но и цѣлаго міра — Данте. За нимъ, въ сравненіи съ его предшественниками въ итальянской лире, разурь, охватя неодолимый, всеобъемлющій гнѣвъ, козорный однакожь не освободилъ его отъ извѣстной подлинности еще до него утвердившихся въ лире разурь воззрѣніемъ и идеалами, но крайній мѣръ въ качествѣ его авторской дилеммы.

Но, какъ или тамъ, совершенной самоудержности итальянская поэзія достигла въ эпоху Данте, когда появленіе зрѣлыхъ выдающихся поэтовъ возвысило флорентинское нарѣчіе на ступень итальянскаго литературнаго языка, и когда вмѣстѣ съ зрѣлымъ въ лире зрѣлымъ поэтомъ новый духъ, повсемѣстно охватившій Италію, нашолъ для себя поэтическое выраженіе и совершенно новую поэтическую форму. Произведеніями Данте, Петрарки и Боккаччо начиналась исторія новой поэзіи, въ нихъ впервые проявилась взаимодѣйствіе между жизнью автора и его художественнымъ творчествомъ, равно какъ и за индивидуальная самоудержность, козорно слѣдующая сгущающаго характерными признаками новаго времени.

Данте Алигери (1265—1321).

Среди борб, наполнявшей XIII-ое столетие, Флоренция была самым большим, самым населенным городом средней Италии и быстро достигла значения и силы. Чтобы предохранить Республику от посягательств, которые приходили владетельным повздорившимся распрям между пер, венецианцами в городе аристократическими фамилиями, Флоренция выработала себе (1282 г.) демократическое устройство, опиравшееся на цели, что конечно не доходя, было городу спокойствия и безопасности от внутренних и внешних врагов, но все-таки предохраняло просоры для каждой отдельной семьи и наполняло великой выходящей граждан горбиль самосознанием и живым стремлением к образованию.

На заре этого времени родился Данте (сокращен. Dante Alighieri нос из Диманте). По преданию, некогда Элизий, потомок римской фамилии Франкипани, основал во Флоренции в IX веке, когда Карл Великий, воздвигнув этот город, разрушенный Аруилом, создал из жителей из великого города Италии. Поднаследником Данте был потомок этого Элизий, по имени Карльвигда дельи Элизей, угасавший в кресловом походе 1147 года и умерший в Палестине; он был жених (1106 г.) на дочке Алдигиери дельи Алдигиери (Донна Aldighiera degli Aldighieri) из Фрер, парк, из дома Фронфона, последовал за Конрадом III и был возведен им в рыцарство. 88-го (ж.е. Донна Алдигиери)

фамилия перешла на одну из ветвей рода Карольвидов, т.е. дажи его приняли фамилию маэри, чтобъ не сѣмьили, вѣли иль съ другими братьями оуца иль, самое же прозвизье сокращаюетъ въ Alighieri. Третий Амгieri (т.е. правнучь Карольвидов) женился на донне Белла (неизвѣстно изъ какого рода), и итель оуцъ ней сына Дуранже или Данже, родившагося во Флоренциѣ, между 18-мъ мая и 19-мъ июня 1265 г. Въ юнурку его рожденiя, оуцъ Данже былъ изнанъ изъ Флоренциѣ графомъ Гвидо Новелло, пограбленнаго графомъ Канфредомъ въ званiе подесуби. Но вскоре позоумъ и самъ Новелло былъ сынъ, первъ. Принадлежалъ ли Данже къ дворянству, или коуцъ — по заключенiю Скарпаццини¹⁾, на основанiи нубасiй современниковъ и сохранившихся грамонъ, Данже принадлежалъ по своему происхожденiю, къ "provolani", т.е. не къ дворянству — во всякомъ случаѣ его семья была изъ довольно зашитоювь, закъ что и самъ Данже владелъ собезвенносно въ нѣсколькихъ мѣстахъ близъ Флоренциѣ. Подъ его выходилъ въ составъ парзiи гвельфовъ и двайди подвергался изнанiю, въ 1248 и 1260 г.; послѣ второго изнанiя маэри Данже вернулъся, судя по году его рожденiя, итѣсково раньше, закъ какъ прочие гвельфы получили дозрукъ на родину зольско въ 1266 г.

Мрали и вѣд Европа раздѣлялись зогда по политическимъ

¹⁾ См. Scartazzini скарско: "Dante's Abstammung und Adel"; ср. воззръ, нид самого Данже на "Благородство" въ Do Monachia, II, с. 3, и болше определенно въ зей канцонъ въ Convito и въ комментарiй къ ней (Scartazzini, стр. 16-18).

идеями на два лагеря: империалистов и демократов.
 Пачево пользовалось званием антиагонизма, чтобы об-
 ладавать над всеми, и начинало уже играть своего рода,
 любимую роль.

Когда изгнанный Алигери возвратился в Флоренцию,
 сын его, Данте, было семь лет, и отец довольно за-
 нялся его воспитанием. Впрочем отец Данте ли-
 тельно жил около 1274—75 г.; но, благодаря заботам
 своей цинкой и доктой матери, он получил блестя-
 щее образование; ей помогали при этом известные
 нам Брунелло Лазини, которому и было предано
 общее руководство воспитанием Данте. Данте ли-
 тельно изучал родного языка и классического латиня,
 поэзию, мифологию, богословие и астрономию — не только
 поному Алигери упражнялся в музыке, рисовании
 и каллиграфии, а также в гимнастике, фехтовании и
 з. н. Такая многообразная жизнь понижает, что Дан-
 те был одарен вполне выдающимися и разнообразными,
 ли душевными качествами. Не имея еще полных де-
 вяти лет от роду, Данте полюбил маленькую Беатриче
 (сокращ. „Бити“), которой тогда только-то исполнилось
 восемь лет; Боккаччо, первый между биографами Данте,
 указал на то, что это была дочь флорентинца Поэтика,
 одного из замечательных и уважаемых флорентинцев.
 своим грациозным, восторженным видом заимавшим у Симоне ди Барди.

Эго была только эпизодъ его жизни, неимѣнный, впрочемъ, никакихъ послѣдствій. Эра, повидимому, вполне платоническая любовь Данте была хранительницей его юности, какъ высказываетъ онъ самъ въ разныя мѣста своихъ произведеній. Для совершенствования въ наукахъ, онъ отправился въ Болонью, потомъ въ Падую. "Восемь мѣсяцевъ спустя послѣ первой встрѣчи, т.е. когда ему уже шелъ 18-й годъ, Данте написалъ по поводу эрой своей привѣтъ, заткнувъ собою, съ козоровымъ образомъ къ некозоровымъ тѣмъ родившимъ флорентинскимъ поэтамъ, которые, въ своего отечествѣ, отворили ему законъ суждены, одни въ сочувствительномъ зорнѣ (законъ былъ отворенъ Гв. Кавалканци, но, смерть была и послѣдующий поводомъ къ иль жюсмой дружи, бѣ), другіе же не сродъ благосклонно (Dante de Majano). По окончаніи курса, Данте воздумалъ въ военную службу, бы и сразился за свою родину.

Въ 1290 году скончалася поэтическая его любовница, Беатриче, 25 лѣтъ отъ роду, не выдавъ съ малолѣтства Данте и повернувъ его въ величайшее горе. Онъ былъ въ отчаяніи и хотѣлъ идти въ монахи, былъ уже послушникомъ у францисканцевъ. Печаль его была безысходна, судя по его описанію въ "Vita nuova"; облегченія себѣ онъ, по содѣржимымъ словамъ, искалъ главнымъ образомъ въ заимствованной философіи, которой вѣнчаннымъ, извѣстнейшій въ его время, сугубилъ онъ изучалъ въ зрелѣе двѣтъ съ

У Онъ образованъ былъ лучшимъ образомъ; зналъ все родившій науки, греческій, арабскій и еврейскій языки: изучилъ даже кабалу и магию.

половинного лоту съ такими усердіемъ и усидчивостью,
что серьезно заботилъ глазами.

Данте рано началъ службу своей родины. Когда въ
1289 году Карль II Анжуйскій прогнаною черезъ Флоренцію,
Данте представлялся ему, какъ поэтъ и членъ общины.
Въ это время былъ и самый диверельскій его военный періодъ.
Онъ самъ свидѣтельствуетъ, что принималъ участие въ битвѣ
при Кампальдино, въ іюнь 1289 года, т.е. когда ему было
24 года; поэтъ былъ во второй кампаніи при осадахъ ни-
занской крепости Капрона въ августъ того же года.
Гарнизонъ сдался на капитуляцію, но ожесточенные
поселяне передили большую часть военно-тѣловыхъ,
и Данте описалъ поэтъ эту сцену въ своемъ „Адѣ“. Ударя,
пансептій гвельфаки при Кампальдино флорентинской
гиделлинской партіи, былъ насолко ранимъ, что
она поэтъ уже никогда не могла вполне оправиться
оу него. Данте, сразившійся въ рядяхъ гвельфовъ, въ
ту пору осаждалъ еще вторыхъ политическихъ убійцъ,
немедь своей семьи и своего обожнаго наставника
Брунелло Ладини.

Около 1292 года, тоже въ Бургъ, по насройнію роду вен-
никовъ, Данте вступилъ въ бракъ съ Джеммой, дочерью
Манеppo Донати. Самъ онъ нигдѣ не упоминаеть о
своихъ семейныхъ отношеніяхъ; зонско Боккаччо, виро,
гель, вообще не особенно достоверный источникъ, гово.

1) Въ Бургъ не сохранившійся, но приводимъ у Леонарда Бруни
(Биографъ Данте, XIV-го вѣка), письма поэтъ, — ср. Исхиланде, II, 88 стр. и слѣд.

рить, что бракъ былъ крайне несчастливъ; однакожь изъ
 вѣстно, что Данте имѣлъ отъ этого брака двухъ сыновей
 и дочь по имени Беатриче. Въ это время Данте приобрѣлъ
 политическое значеніе, какъ государственный членъ (члѣнъ
 политическій). Изъ этого періода жизни Данте сохранились
 именно политическія свободныя отъ его участія въ госу-
 дарственной управленіи. Въ Феррарѣ былъ отъ послан-
 никомъ; въ Перуджію освободилъ своихъ соотечественниковъ
 и возвратилъ ихъ на родину; въ Неаполѣ подружился
 съ сыномъ Карла II и спасъ отъ казни флорентинца
 Бурдуччи; въ 1295 году заключилъ трактатъ между Франціей
 и Тосканскою. Бывши въ Парижѣ, отъ видерманъ док-
 торскій экзаменъ въ университетѣ и, не имѣя денегъ
 заплатить за дипломъ, хотѣлъ прибѣгнуть за нимъ на
 слѣдующій годъ, но съ тѣмъ поръ не имѣлъ уже случая
 ѣхать туда. Въ томъ же 1295 г., когда во Флоренціи была
 преобразована консултура и многіе изъ дворянскаго пере-
 шли въ ряды народной или, рогоче, буржуазной партіи
 (popolo grasso), такъ какъ по новому закону чуждо лица,
 внесенныя въ списки того или другого изъ первыхъ семи
 родовъ, могли участвовать въ управленіи республикой,
 Данте также вошелъ въ число «врачей и аптекарей», въ
 брачной или, вѣроятно, благодаря своимъ предшественни-
 камъ занятымъ естественнымъ, а, поэту Бэзе, и меди-
 циною. Съ этого или, по крайней мѣрѣ, съ слѣдующаго года

онъ участвуя въ совѣщаніяхъ совета сѣа, исполняетъ дипломатическія порученія (хотя ихъ не счотъ многочисленными, какъ утверждали некоторые изслѣдователи) и даже занимаетъ, въ званіи обыкновеннаго двора мѣсяцевъ, должность пріора, т.е. входитъ въ составъ исполнительнаго вѣдѣнія флорентинской республики (съ 15-го іюня 1300 г.). Такимъ образомъ Данте былъ въ свое время болѣе политическій человекъ, а слава поэта была какъ бы призрачная, вѣроуменьшаемая. Теперь государственная заслуга его никому не знаема, а поэзія безсмертна.

1300-й годъ былъ апогеемъ его политической славы и началомъ паденій. Какъ все республика, Флоренція раздѣлялась на партіи. Произошли публичные схватки, кровопролитія. Данте былъ назначенъ полномасштабнымъ пріоромъ съ нѣсколькими другими членами. Онъ не могъ возразить въ спокойствіи. Въ слѣдующемъ году онъ былъ отправленъ съ званіемъ друга народа въ Римъ (октябрь 1301 г.) къ папѣ Бонифацию VIII, съ просьбою помѣшати вѣрность во Флоренцію Карла Анжуйскаго, призваннаго сюда въ качествѣ умиротворителя одною изъ двухъ партій, которая образовалась тамъ въ годъ Дантова пріората, но въ сущности составили лишь двѣ фракціи партіи белыхъ, господствовавшей во Флоренціи со времени бунта при Канталупо: то были фракція "германовъ" и фракція "болонцевъ", къ которой принадлежалъ Данте и въ рукахъ которой въ то

1) документально засвидѣтельствовано его посольство отъ имени флорентинской республики къ папѣ Григорію вѣнскому въ мѣсяцъ 1299 г.

Время находилась в руках. Эта последняя фракция оулка, ласе вообще болльше утиреникоуею во вичуреникоуе попи, зикте и вичеуе икокоуориле гибеллинскиме оуфтикоуе.¹⁾ Покуда напе собирале послале попице, между тале 4-го ноября 1302. Карле ^{Валуа} уне беруниле во флореникоуе сь попице парти, прозивной Данге, и предаве гороче ме, судневнойу грабежу, изгнал сиксоуе человече, во числе коуориле биле и Данге. Продаве во флореникоуе до первиле числе априля 1302 г., Карле передале власте во руке парти "чернале".

Данге постышиле из Рима во флореникоуе; по уне во Сиене узнале, что флореникоуе правичеуе сь об, биндеуе его во гибеллинскиме проискале, угрознае кон, фисковауе и уникоуоуе всю его собезвеченоеуе, а поде, сьа республики призываеуе его на суде, взводь на него законе обвинение и во милонемеуе. На основани разнеле попице обвинение, 27-го января 1302 г. Данге биле забито присуденое кь немь во 3000 миле; а во началу марта соудале вуронилеуе приговоре оне стышиле соудале всю свою парти; напе дале ему кь, коуорую попице, но прозивники сиксоуе уне утверди. иле и разбили висланнеле прозиве ниле оуфде; а во началу марта соудале вуронилеуе приговоре, обрелиеуе Данге на соуоение гивбиле, если оне попадеуе во руке флореникоуе власте. Вуронилеуе благодарь родуеуе сь

1) Эта келька - "чернале" а "белле", была занесена во флореникоуе из Писхой, где под зрине илекиле оураино бразидовали, около того времени, где оурали одной вестеа богауе и вичуреникоуе фамилии Канчеллеуе, вомаки коуориле биле переселене во флореникоуе правичеуе сь оуе попицеуе. Между тале, во сьакой флореникоуе оубе фракцие преобладающей зуда во кьле сьвалсорокой парти - дворянскае сь Корео Дюауе, и демократическае сь Вичи Черки (Vichi Cerchi) во гла сь - соединиле сь примельеуеуе: зокоче биле проискауеуе флореникоуе "чернеле" а "белле".

могущим и великим Королем Дании, женою его, съ нимъ и женою
осуждали оу ихъ президио до смерти, и была возможность
осудить во Флоренции, гдѣ и были воспитаны и въ доу. Са,
тому Данце же пришло съ зѣль корь до конца своихъ дней
всѣи горькую скитальческую жизнь изгнанника. Онъ самъ
написалъ о себѣ: „Ты узнаешь всю горькую и злоемятную
жизнь поучебную, какъ ждало изгнаннику входить и сну.“
скажетъ по глумилъ льстивцамъ? (Тай, XVII, 58-60).

Въ юномъ времени Данце бѣлъ членомъ общества Бонав.
тине Бонификъ, которое устроило въ средству, чтобы воз-
вратить себѣ родной городъ и, согласно обычному ходу въ
развиги итальянскихъ партей, превратилъ въ габелли-
новъ. Данце никогда не хотѣлъ принять сѣмлатности и
вносительствъ предложеній вернуться на родину на извѣст-
ный условіи, на которы, не говоръ уже оу иль унизи-
тельности, онъ, въ сознани своей полной правоты, не могъ
согласиться. Въ 1304 г. состоялся неудачный помыскъ, въ
милъ силой открытъ доути въ Флоренцію. Данце
не участвовалъ въ ней: онъ находилъ въ то время въ Бо-
лоню, центрѣ юдашней итальянской науки, гдѣ пробылъ
довольно долго, но всѣи вторично, преподавалъ научными
замысливать. Въ 1305 г., знаменитый изгнанникъ поселился
въ Веронѣ и написалъ „il Convito“ и „de Vulgari Eloquio“. Здѣсь
же онъ неожиданно получилъ обрадно первый сѣмъ пьней
своего „Ада“ (Inferno), пропавшій при разграбленіи его дома

во Флоренцию. Но въ августѣ 1306 г. онъ уже навърно на, ходился въ Падуя, какъ видно изъ одного сохранившагося документа. Еще разъ въ 1307 г., новый папа Климентъ V хотѣлъ возвратить Флоренцию свободу, и Данте была пору, чена эта попытка; но она была безуспѣшна, какъ и преди, нѣ; поэтъ возвратился въ изгнаніе, и написалъ знаменитый трактатъ о „Монархїи“. До 1309 г. Данте нѣсколько разъ мѣнялъ свое мѣстопробываніе, болѣе всего оставаясь въ Луцидано и въ Казенцинской области у графовъ Твиди; по словамъ Боккаччо, въ эпоху эта промещутокъ времени онъ посѣдилъ Паризь, гдѣ — какъ мы уже знаемъ — диспутировалъ въ университетѣ по 14 различнымъ вопросамъ, предложившимъ ему замѣчательныя предсказанія науки. ✕

Въ сентябрѣ 1310 г., когда императоръ Генрихъ VIII вступилъ въ Милано, надежды гвбеллиновъ озмивились, и Данте оуравился изъ Паризя въ Миланъ, гдѣ привѣтствовалъ во время прохода императора, а оузда въ Казенцинскую область, тогда склонилъ графовъ Твиди къ содѣйствію ему, и черезъ мѣсяца спустя прислалъ Генриху VIII письмо, въ которомъ упрекалъ его въ милозвѣдѣ замязливѣ и въ бездѣйствіи. „Ты заказалъ себѣ золотую корону, говоришь онъ, изъ даровъ Венетїи, а въ Тосканѣ сохранилъ прозивъ хвѣдѣ заговоръ. Ты ищешь забавы и роскоши, а гвдра анархїи истреждаешь подлѣ хвѣдѣ.“ Подобные совѣты не поправились

Въ короткое время Данте явился литературнымъ поборникомъ ново-гвбеллинизма, надежды котораго сильно подмилли въ Миланѣ съ появленіемъ императора Генриха VIII Люксембургскаго, тогда снова унаселъ поселя его смѣрзу.

императору, и Данте оказался во изгнании. Кроме того, планъ
 Готфрида смирить Флоренцию, главное гнездо папской
 партии гвельфовъ, не осуществился: прекративъ осаду Фро-
 ренции, двинувшись италійскій князь, императоръ удалился
 въ Пизу, а летомъ 1313 г. заболталъ лихорадкой и скончал-
 ся въ августе того же года. Впрочемъ, все это время Данте
 пользовался гостеприимствомъ графовъ Твиди. Въ первой
 четверти 1314 г. Массионе дельла Фадинала (Массионе дельла-
 Фадинала), олимпийскій полководецъ и крайній гвельминъ,
 обладатель президе Пизой, занялъ и городъ Лукку, куда въ
 то же время прибылъ Данте; здесь у поэта-изгнанника
 завязались какія-то, впрочемъ, дружескія сношенія, а по
 некоторымъ свидѣтелямъ и болѣе близкія
 отношенія съ одной знатной дамой, по имени Джандук-
 кой, довольно неопредѣленно упоминаемой и въ Гвель-
 мицы (Purgatorio, XLV, 37 стр.). Изъ Лукки же Данте обра-
 зился съ весьма характернымъ письмомъ, въ которомъ вухло-
 затворныхъ пророковъ, къ конклаву, собравшемуся въ
 Карпанара (апр. 1314 г., по случаю смерти папы Климента V),
 убедывая его прекратить вдовство столицы церковной вла-
 сти и ввести послѣднюю „изъ вавилонскаго плѣта“, т. е.
 перенести резиденцію папы изъ Авиньона въ Римъ. Экскорти
 Массионе дельла-Фадинала удался, побѣдой при Монтекари,
 ни 29 августа 1315 г., сложить силы гвельфовъ и сдать во главѣ
 гвельминской парціи. Но такъ какъ центри его были некро-

должностями и отъ должность Бонив охотнѣе за предѣлы
Тосканы, ро и Данте поспѣшнѣе удалится изъ средней
Италіи, не подвергая здѣсь себя въ безопасности. Однимъ
кардиналь предложилъ мексодатействоватъ Данте аммерію,
но съ тѣмъ, чтобы отъ явился въ видѣ киноцагося грѣши-
ника, въ церковь св. Іоанна, и какъ преступникъ принесть
даръ приношенія церкви по древнему обаяло. Данте ох-
вогалъ: „Я идукацаръ мотъ въ невинномъ изгнаніи, а ты
предлагаешь возвратиться съ безсудіемъ. Судомъ и униже,
ніемъ я не куплю себя охотнѣе. Если бы, охотъ мой, най-
дѣе другою путъ, по козороку бы я мотъ воротиться, я при-
несу съ благодарносергію, но по зтому я никогда не пойду.
Я вездѣ вижу и солнечной створъ и зѣвзды; вездѣ могу
искажь перинки. Я не унижусь передъ своими гражданами.“

Ваконецъ, Мугучоне дельла-Граджисюла, давший ему зѣв-
шнице, Бонив зоме свергнущъ, и Данте принужденъ отъ
Бониваръ. Въ 1316-17г. отъ пользовался гоферпринствомъ
при миланскомъ дворѣ Скалигеровъ и младшему изъ
нихъ, носившему имя Сале Гранде (Кале Великій) посвя-
тилъ писанную имъ въ то время зрещю саеръ Боиссербъ,
мой Комедіи — „Рай“ (il Paradiso) — въ знаменитомъ писанно,
объясняющемъ взглядѣ самого автора на характеръ его
поэмы. Писать не удалъ Мугучоне дельла-Граджисюла флорен-
зинцы одобрили и, въ сознаніи наступившей зенеръ для
нихъ вышней безопасности, рѣшились оказатъ нѣкоторое

снисхождение своимъ политическимъ изгнанникамъ: въ
 половинѣ декабрѣ 1316 г. была объявлена амнистія; но,
 какъ мы уже знаемъ, Данте не воспользовался ею. Слѣдуя
 пощѣ зри года Данте провель, повидимому, въ Веронѣ, гдѣ
 въ январѣ 1320 г. публично зачитывалъ свое сочиненіе сло-
 ласкитескаго характера: „Свобода и земля“, въ одной изъ церк-
 вей, въ присутствіи всего духовенства. Но и здѣсь отъ по-
 губившася, что его хордъ зольско кормилъ, а не уважалъ,
 и переселился въ Равенну, слѣдуя призыву Гвидо да-По-
 лонца. Среди непрестанныхъ скизаній, поэръ узналъ всего
 горель продолжительнаго изгнанія и тжалъ въ себѣ зроу-
 нуо ненависть прозивъ своимъ политическимъ прозивомъ.
 ковъ, волившася во многихъ поствяхъ его. „Ада“. Въ
 Равеннѣ окончилъ отъ, не задолго до своей смерти, по,
 слѣдннго часа своей поэмы „Рай“. Безъ преданія, что вес-
 кой 1321 г. Данте ѣздилъ въ Венецію съ дипломатическимъ
 порученіемъ, которое однакожь не увѣнчалось успѣхомъ.
 И живя зрой кощущей жизнью изгнанія, Данте выразилъ
 въ суждѣнъ великій планъ, чтобы Италия соединена была
 въ одно королевство и изгнала велькъ иноземныхъ вла-
 дельцевъ — итальянцевъ, французовъ, испанцевъ и уничтожи-
 ла своужскую власть папы. Но зра великая мысль поэра
 могла осуществиться золько черезъ шестьсотъ лѣтъ, да и зо
 еще не вполне. Не задолго передъ золью Данте оказалъ
 призывъ приглашеніе своего поклонника болонца Джаованни

1) Св. Садопѣ, Dante Alighieri in Ravenna (Равенна, 1864, стр. 125).

даль-Варданино прибыл в Болонью, зорь главный итал.,
итал. цензурь просвощенія, гдѣ ему предсходило гесхованіе
впнкомъ козра. Захворавъ по возвращеніи изъ Венеціи,
великій поэръ скончался въ Равеннѣ 14.20 сентября 1321г.
56 лѣтъ оръ роду. Другъ его, Гвидо Новелло ди. Полемуса, по.
дееса зрота города, воздвигъ ему надъ гробомъ неболшую
часовню.

Данте самъ себя заранѣе написалъ эпитафію: „Я нѣмъ
права монархіи и божіе міръ. Я описалъ Флорентинъ и
адскія озера, и зрудился, сколько было силъ. Душа моя,
кратковременная земная тѣлца, возвращается къ Созда.
зито, къ збогъзавъ. Тѣло изгнанника Данте заключе,
но въ зрой моилъ, далеко оръ озересуба, оръ зрой Фло,
ренцин, козоравъ была для меня нахерго, гнавшето друзей
своихъ.“

Переходя къ литературной дѣятельности Данте, прежде
всего надо замечать, что она распадается на две части или
два періода, г.е. 1) на литературную дѣятельность Данте до изг.
лканій, ⁽¹²⁸⁵⁻¹³⁰¹⁾ и 2) на такую часть его изнанія ^{позже} изъ озересуба (1301-1321).

I. Первый періодъ литературной дѣятельности

Данте (1283-1301).

Данте обратился къ поэтическому зворгесубу очень рано. Когда
ему только что шелъ 18-й годъ, онъ написалъ по поводу своей
привѣданности къ Беатриче сонерь, съ козорывъ — какъ мы
уже знаемъ — обратился къ нѣкозорывъ изъ родашимъ флорент.

скили поэтов. За эти первые сочтения вскоре следо-
вали друг за другом многочисленные стихотворения, гиты
(мелкие стихотворения). Предметом их служили, болшего
частью, любовь к Беатриче и к другим идеальным или
незвестным лицам; еще между этими стихами и по-
эзиями к дружба, о разнице политическую и социаль-
ную вопросов. Собирая в себе истинный идеализм,
схоластико-диалектическое резонирование и поэтически-непо-
средственную отзывчивость на явления нравственной и
реальной жизни, т.е. все, что характеризует поэтов 13-го,
канской школы, нового стиля, лирика Данте распадался,
и в формальном отношении на эти же группы — сонеты,
канцоны и баллады; все эти произведения сохранились в
довольно значительном количестве и, рассматриваемая
как одно целое, обозначают объективно общими
именем „Il Canzoniere di Dante Alighieri“ (сборника
мелких стихотворений (гиты), соединенный из сонетов, кан-
цон, секстинов и баллад).

Между канцонами Данте много весьма поэтически и
богато неподражаемых произведений, напр. великодушная
канцона к Флоренции, полная гордой любви и выноса
патриотического негодования: *O patria degna di trionfal fama*
(*О родина, доходящая зрительной*); много еще, напр. неос-
быкновенно разсудочны и сухи, как, напр., канцона
„*О Благородство*“, комментарий к которой служил гервердий

фрагмент в „Convivio“ („Convito“). Как образчик данцово-мириски праведно-сладующий сонет:

Tanto gentile e tanto onesta pare —
La donna mia che.

„Исполненного такого благородства и довершенства яв.,
мне моя госпожа, когда привстречу ее кого-нибудь, то
всякий с зрением пылким, не смая подвиг на нее взоры.

„Слыша похваля себя, она проходит словно облеченная
в крошечное сияние, и кажется, что это — существо, явившееся
с неба, чтоб узреть на земле гуды.

„И всякому, смотрящему на нее, она насчетно нравит,
ст, что от благодар своих глаз, ощущая в сердце ал,
доез, непонятно зову, кто ея не испытывает.

„И кажется, что с я лица слезая иксимый дух мой,
ви, узревший к душе (словами: ждте охладеть одно —
вздохах) (soffriva).“

Можно заметить, конечно, сходство в содержании между
нашею и выше изведенной балладой Гинго деи Синдальди да-Писрора
и эским сонетом Данте, но фактически и несравненно несрав.,
кентно бо́льшая законченность и издество последнего.
Как справедливо замечает Вегеле, у Данте эротическая
мириса отличается в особенности полным охладением
обычная ея аксессуары, не гудит даже употребленные
уже жосканские поэты одного с ними идеальности, лири-
ческого направления, в роду красота природы, тихий сонет.

кая съ его цвѣтучими и з.и.; а между тѣмъ его лирика оцнѣнь
не бодна франзазій: при всемъ преобладаніи въ ней чув.
суба, въ ней не рѣдки и яркіе и вѣнцезъ издѣльные образы,
но они вздѣны нѣ много круга представлений — легендарно-
религіознаго. Вообще же лирическая сфиозворенія Данте
всегда свободны охъ запущанности излозненія, озмиаюая
звучностию языка и ритма, озмиѣнь не являеая у него
обремененности цвѣтотъ, а обхвариваая, подобно золотому
повсу, издѣльные образы, одушевляеые некороткого фран,
зазій поэта.¹⁾ Частъ зрѣть лирическихъ произведеній вхо.
диль въ составъ двухъ прозаическихъ сочиненій Данте: „la
Vita Nuova“ (Новая жизнь) и „il Convito“ (Пиръ), слуха или
иллюстраціей излозненнаго въ прозаическомъ зметѣ,
или матеріаломъ для схоластическихъ толкованій.²⁾

Позъ вліяніемъ зародившейся уне въ этохъ годы склон.
поэти къ прекрасной Тезаррине Порринури продвилъ Дан.
те первые порывы лирическаго зворнесуба. Какъ самый ран.
ній его сфиозворенія, такъ и самый позднѣйшій его поэти.
ческія произведенія являюая молодой его поэтической
субраси къ прелестной Тезаррине, къ которой онъ зомско
издали обращалъ свои молитва, обладааъ которой онъ ниско,
да не зрѣемилъ. Возвѣстилъ я наядъ такъ, какъ это
еще никогда не было сдѣлаано ни однимъ нѣ зрубадуровъ,
создааъ наядъниче возмодленной своего сердца, „сказаніе
про нее ро, чего не было сказано еще ни про одну женщину;“ —

1) Hegeler, Dante Alighieris Leben u. Werke. 1879. стр. 116 и 119.

2) Vita nuova e Canzoniere di Dante Aligh., commentato da Giuliani. 1868. Флорен.
изд. Dante's Lyrische Gedichte übers. u. erklärt von Kammerdiesel u. K. Wille, 2 Bde 1842. Лейпц.
(ср. Wille bei Dante's Jahrbuch, III. 257-303 стр.) При другомъ немецкомъ переводѣ, Крафтъ (Kraft,
Lpzg., 1857, 1 Bd.) похвалуеаъ и французскій переводъ.

составилось именно такой мертой елодущи, когда Беатриче умерла в молодилье годах (1290).

Самый ранний его рукозвореній — сонета и канцонны — собраны сакими Данте в его „Новой Жизни“ (La Vita Nuova, 1291 — 1300 2.) и снабжены прозаическими безумствити, объединяющими иль происхождение. Изаак, это — родь поэмы в сонетах и прозе, написанной когда поэту было 26 лет. „La Vita Nuova“ (Новая жизнь) содержит обходительный раз. сказь, написанной для одного друга, о любви Данте к Беатриче. Вошь в немногих словах содержание этого своего. Бразного и, поэмацц, сурражного на современной нашъ взглядъ произведений.

Начало — первая глава — изобразнаеть, какъ пробудилась эта зайная любовь в девдизимомъ манчике и поэтомъ окрестила в юности, но более, тогда эта зайная любовь не была загадка — поэту в двухъ сонетахъ выводитъ двухъ другинъ даме, какъ предметы своего обознания. Когда же Беатриче начинаеть вторить, то поэту не любить ея, отъ озрекаеться оуь своимъ словъ и в пламенномъ суррафахъ описываетъ свои суррадания. (После описания первой безумствити сь Беатриче, когда иль обониль было по девдети летъ), Данте, (процуская разне девдети летъ), начинаеть разсказъ о ульчъ чрезморномъ волнендиль, козорый отъ испузывалъ ками. дай разъ, какъ безумствити сь своего возмодленкой; о томъ, на сколько чие одинъ видъ ея способствовалъ его нравствен.

ному совершенствованию и на сколько ей красота оборотилась,
 но действовала даже на других красавиц, не знавших за-
 висли к ней; о том бездутьиномъ горь, въ которое повергла
 его немилость Беаэрике, не забывшей поклонить на его
 привождение, поклонить, въ которое заключалось все его
 блаженство; о том, какъ онъ, чтобъ отвесилъ глаза другимъ
 и изгнать пересуды, думалъ видъ, что ухаживаетъ за дру-
 гого; о томъ виденияхъ, которыхъ посещали его въ минуты
 отчаянія, — какъ привидилось ему напр., что Беаэрике
 скончалась, или какъ она еще является вместе съ возлюб-
 ленной Кавалеранжи Дюбуванной, прозванной „Рима,
 неча“ (Веста). Онъ, однако, приходя къ заключению, что
 наградою за любовь его долгие бытъ не взаимное, а его,
 койное созерцание преледей Беаэрике и прославление
 ея добродетелей. Онъ рождалъ посвященъ всего себя на вос-
 хваление Беаэрике. Далее описывается смерть ея отца, и
 высказывается предчувствие, что она сама недолговочна.
 Предчувствие сбывается, и Беаэрике умираетъ. Кратко сооб-
 щивъ объ ея смерти, поэтъ сначала вступаетъ въ историческя
 замечанія видной роли, принадлежащей, по отношению
 къ Беаэрике, числу девять; корень котораго „три“, выражаетъ
 замечательное существо пресвѣзой Троицы. (Черезъ девять
 поэтъ онъ снова возвращается Беаэрике на улицу; она ему
 поклонилась; было девять часовъ, и изъ этого обиходу
 припоминая, что онъ узналъ ее, когда ему было девять летъ,

поэты выводилъ „что это чудо, корень котораго — возмущенная
 зреница“. Порокъ въ одной канцонѣ и итальянскія сонеты
 даже оплакивалъ смерть своей милой. Оплакивая ее, поэты,
 однако, въ слезахъ говорили, что печаль его итальянско уменъ,
 мажешь при видѣ одной прекрасной дамы, или розовой, одной
 „благородной, созрадачевьной дамы“ (*gentile, pietosa donna*)
 и его музъ мила: не измѣна ли это панидаи увершии? —
 Сила первой любви, впрочемъ, подвѣждаетъ, и поэта оканчи,
 ваялъ повѣнны зрораземельны обращеніемъ къ панидаи
 своей возлюбленной. Возъ оурыбокъ, которыи оканчива,
 еся „Новая жизнь“ (*Vita nuova*):

„Когда я кончилъ послѣдній сонетъ, мнѣ предзавилоег
 чудное видѣніе, я увидѣлъ какія вещи, которая приидили
 мена рѣшился не говорить объ этой блаженной (Блаженне)
 до тѣхъ поръ, пока я не буду въ союзѣнн воепнхъ ее болше
 дозойныи образомъ. Ви, конечно, извѣстно генеръ, какъ я
 забогусъ объ зрѣнн, и если воля того, кѣмъ все живеся (*Colui*
e sui tutte le cose vivono), захочетъ продлить жизнь мою
 еще на итальянско мажъ, я надѣюся сказать о ней то, чего
 еще никогда никто не говорилъ. А поэтомъ, когда мило,
 сердонку Богу угодно будеть, тогда душа моя оулетала въ
 горній селенія, мусъ увидишь она великіе своей повели,
 землицы, блаженной Блаженне, наслаждающейсь лице,
 зрѣніемъ славы того, qui est rex omnia saecula benedic.
 Fin. Laus Deo!“

Метод итальянской литературы XIV в.

Это произведение представляет страницу стихов Эквита, зурованного мифизма, поэтической гармонии и школы, этической суровости. Приводя все формы своей любви, поэзия мифизму все сурово, написанные или же Беатриче. Но в «Новой Жизни» безразлично какое две-три главы не сурово связаны с ее главными сюжетными, законами — отсюда глава 13, в которой Данте коротко обсуждает вопрос о том, есть ли любовь нечто доброе или дурное? и в 20-й, Беттосеи глава 25-я о самой природе любви и о том, как должны поэты воспринимать любовь и в какой мере могут быть допущены в поэзии аллегорический способ выразения. В отличие из последующих своих сочинений («Il Convito», II, 2 и 13) Данте категорически придает, «сурово, желанной даме» (pietosa donna), фигурирующей в Vita Nuova, исключительное значение аллегории, в смысле символа философии, которую он с увлечением изучал почти три года по смерти Беатриче. Такое толкование самого автора относительно благородной дамы («donna gentile») назвало на мысль, что и в Беатриче мы должны видеть только символ, аллегорию (как Поэзия вообще в Беатриче видела олицетворение «императорской власти», т.е. выражение коренной идеи габеллинеца). Несомненно, что Беатриче в «Новой Жизни» — существо вполне реальное; однако необходимо согласиться с мнением Вегеле, что «правда и поэзия» слишком тесно слились здесь между собою, чтобы

анализу когда-нибудь удалось развести их.

«Новая Жизнь», в дошедшей до нас редакции окончена, мая между 1291 и 1300 г., повесть слагается родоначальником всей позднейшей психологической новеллистики. Она со-
стоит из ряда срифмований (около 300 стихов), писанных до и после смерти Тосканелли, из связующего иль и больше позднего прозаического рассказа как о нем самом, так и о его учениках, как и о сердечных и чувственных и оцущенных поэта, и, наконец, из крайне схоластики, скупой и скудной жолковатой в вводящих в соображение его сопереживающих, какциональ и баллада. В своей «Новой жизни» Данте идет вполне по стопам поэтов французской школы: изобретенная им «жизнь ангела» (donna angelicata), (по выражению Бартоли) доживает в Vita Nuova своего апогея, — она ни больше, ни меньше, как чудо, единственное и совершенное козорого является сама преемница, за Троица; в главе названной школы описывается первая и последующая верности поэта с Тосканелли, при-
водящая в зрелость и величие его «духа жизни», «духа живого» и «духа природный», которые при зрелости ведут к гуще же центральной бесстыде между собой. Относительно первой верности: «Она является лишь, говорить отъ, одарено в марсе красного цвета, величественное и скромное; поет, обхва-
тывавший ее марсе, балл приливает ее дозскому возра-
сту. Говорит правду, что в эту минуту духа жизни, обира,

ищій въ сокровенномъ изгнѣдѣ сердца, началъ дроздъ съ
 такою силою, что двисметіе похубежовало въ малѣйшій
 шилкаѣ, и зренищій я произнесъ слѣдующія слова:
 «Все Deus fortior me, qui veniens dominabitur mihi (Возь
 боже сильнѣе меня, козоровъ придетъ будешь повелѣвать
 мною). Съ зрѣи мимуръ любовь овладѣла моего душою,
 зоглась же обругившелося съ нею.»

Мскреннимъ губежовою озмилатоекъ сонеза, отлажива,
 кощіе шерсть Глазрине, и, въ ро же время, въ комментази.
 Якъ къ нимъ поэръ разбираеъ ихъ по всемоу правиламъ
 риторики, объявляя, что зрощь сонезъ раздѣляется на три
 части, зрощь на пѣть и з. д.

Съ зыкъ прозаическай части въ «Новой Мизии» говоритъ
 Скарпаццини: „Зру книжкѣ можно разсматривать какъ
 первый примѣръ чистаго и выработаннаго прозаическаго
 слога въ итальянскоу мизрациру. Проза Данте озмилатоекъ
 простозой, благородсвою, естественною; изысканные
 обороты и наизумноеу выраженій ей вполне чужды, и
 слова слышатъ лишь простомъ и естественномъ выразіе,
 нѣтъ мысли. Уже въ зрѣомъ произведеніи своей молодъ,
 ери поэръ относительско зыкъ произвелъ почти выхо,
 дѣнее изъ ряда и далеко опередилъ своихъ предшесвен,
 никовъ.“¹⁾

При всей французской прищудливости любви Данте,
 напоминающей еще любовь рыцарскихъ пѣвцовъ любви,

¹⁾ Scartazzini, Dante Aligh. etc. p. 303.

Во его обозначении Беауриве есть задумчивая герра и уже чув. сущность освободительская и очеловечивающая сила самой благо. родной землеробности. Даже когда его задремала в свой круг самая бурная жизнь, она сохранила в образе в му. бинке своей души. Но в идеализации и лирической об. жании любимой местности Данте пошел еще дальше, ко. дя в «Новой Жизни» иль пологиемн этому романско задумки; полная же апогеоза Беауриве нашла себя ильско в послед. ней части его «Божественной Комедии», согласно обтцанию, данному иль в последней (43-й) главе «Новой Жизни», сообразившей прологъ къ Divina Commedia: «сказано о ней го, чего еще никогда не было сказано ни одъ одной мен. щини». Однако въ «Новой Жизни» безропачея и мта, сра, проникнутой искреннимъ чувствомъ, выраженнымъ просто, ясно и издично, не говоря уже о владимиръ в ея созабъ стихотворенияхъ, изъ которыхъ иль и до снхъ поръ приислаюея къ лучшимъ перламъ итальянской поэзии.

II-й периодъ литературной дѣятельности Данте.

Поэты въ изгнаніи.

Здесь удивительная дѣятельность великаго поэта-писателя носилъ (ильско) характеръ научный, ^{исследователь.} газетно-журналь. наго зворнея.

1. Журналъ дѣятельности Данте.

Сочинения свои писалъ Данте на итальянскомъ языкѣ

для народа и на латинскомъ для ученыхъ.

Оставшееся неоконченнымъ латинское сочинение Данте „*De vulgari eloquentia*“ (О поэтическомъ красноречии на народномъ языке), въ дошедшей до насъ редакціи возникло между 1304 и 1308 гг. Это сочинение — задумано им, вероятно съ целью изложить науку стихотворства на итальянскомъ языке, пригласить и Эзра послѣдній сочинить законченныя предмеллы образцовыхъ сообразностей автора. Изъ предположившихъ перепечатать книгу Франца написаны только две. Первая говоритъ о происхожденіи человеческого языка вообще. Данте старается здесь изглаголовать происхождение языковъ и дойти до первоначала. Похвалы онъ говоритъ о такъ-называемыхъ въ наше время романскихъ языкахъ въ ихъ совокупности и, наконецъ, отдѣльно объ итальянскомъ языке съ его, по слову Данте, германскаго происхождения, признаваемыми имъ за одинаково годные для того, тогда слышны литературнымъ языкомъ; Данте признаетъ литературный языкъ некое искусственное созданіе посредствомъ умѣлаго подбора лучшихъ элементовъ изъ весьма отдѣльныхъ итальянскихъ говоровъ, и называетъ его „*vulgare illustre*“ (I, гл. 16). Во второй книгѣ излагаетъ онъ правила поэзіи. Вся глава посвящена трагической поэзіи (т.е. высшему роду поэзіи: „*Per Tragoedia, aut superiorem stilum induimus, per Comodiam inferiorem*“)²⁾ и канцонъ, какъ превосходнѣйшей изъ формъ лирики,

1) Bartsch, Dante's Poetik, вѣ III гл. Dante's Fachbuch, стр. 302—67 и Böhmker Neber Dante's Schrift „De Vulg. Eloq.“ (Halle 1868).

2) См. „De Vulg. Eloq.“ II, cap. 4.

а также итальянские поэмы предшествовавшего периода и современными автору. Данте является зурь сродно же сурогитъ крижиковъ, скалско и глибокомысленннхъ про-
 фетиковъ, undoubtedly внушающнхъ не полагаются на одню
 поэтическое дарованіе, но сначала цевонитъ себя правнша
 сурозворного искусства и цезуреи знаній. Приходитъ отъ
 болше всего зредучеъ отъ поэтовъ нравственностн. Кнго,
 сзаноуцнхъ зредчя и цезверзая книги предназначалнхъ для
 нзслѣдованія ннзшнхъ поэтическихъ формъ — сонета и бал-
 лады, комическаго и элегическаго способовъ нзложенія,
 равно какъ и соотвѣствующаго зрнхъ виданъ поэзіи
 средняго и ннзшаго „народнаго языка“ (чнотн днущнй
 „vulgare illustre“ Данте озводнхъ нключнхъ для вн-
 шей поэзіи).

Такъ какъ Данте написанъ „De Vulgari Eloquentia“
 („О красноречіи“), ннхъ въ виду, мезду прочнхъ, доказано
 дослѣствнхъ и ннференурнхъ цвоннхъ обнцнхъ нзреднхъ.
 наго въ нталнн языка (какъ „vulgare illustre“ конечно) —
 го совершенно едзсрвенно, что отъ въ зронъ сочиненнн
 (I, c. 1) оздаеъ „народноу“ з.е. нталннскоу языку пре-
 ннцнствнхъ передъ латннскнхъ, мезду знхъ какъ въ слѣ-
 дующемъ ео сочиненнн (il Convito, I, c. 5), напрочнхъ, на-
 зннскнй языкъ нозавленъ выше нталннскаго. Сверхъ
 того, высказанное Данте ннтонне о происхожденнн чело-
 вѣческаго языка раслѣднхъ съ другимъ ео взглядомъ на

гоже те предмети, свідуютьсєвучаючимъ уже о бoльшій зрѣ.
 лоззи мисли и намедшимъ себѣ въразненіе въ концѣ
 послѣдней часті „Божесрвеной Комендіи“ (Рай, XXVI, 124ср.
 и слѣд.). Съ послѣднѣго 1308-го и даже 1313-го года редак.
 ции сочиненія „О краснорочіи“ (De vulgari eloquentia), ~~и~~
 козорана (именно съ 1313.г. года) Данте почти исключительно
 посвящивъ себѣ обработкѣ „Божесрвеной Комендіи“. Это
 вторично и было причиною неоконченности его трактата
 о „народномъ языкѣ“, козорому онъ самъ генерс создавалъ
 своєю поэмой самый блестящій на языкъ.

Значеніе трактата „О краснорочіи“ (De vulgari eloquentia)
 заключающа, главнѣе образомъ, въ томъ, что въ немъ съ
 гениальнаго проиницательнаго признака необходимости,
 для прочнаго развитія именно національнаго языка,
 подчиненности осраствленія мѣстныхъ говоровъ одному
 изъ нихъ, уже заввишему себѣ въ силу даннаго кумъ,
 зурныхъ условій болѣе всего литературнаго произвоуельно,
 сего; хоужъ прозивоносабляя оудѣлостимъ нарочіемъ
 провозглашенный языкъ „vulgaris illustre“ и, схраненіемъ
 образомъ, сгичадъ его за вполне искусственнаго языка,
 Данте далеко не оцѣнившъ, какого значительнаго доли
 своего богачества згоужъ послѣдній обязанъ родному на,
 рогію самого поэта — тосканско-флорентинскому. Бже
 болѣешая заслуга Данте состоиужъ въ томъ, что радомъ съ
 теоріей онъ закрѣпилъ значеніе національно-литературнаго

языки за vulgare illustre, давъ въ „Божественной Комедии“
 такой крупный образчик его, который вполне обличилъ
 за нимъ давнѣйшее правнѣе развитіе, разномъ слонавъ
 шибуксея орталонныхъ диалектовъ, и въ сильной мѣрѣ осла-
 бивъ преобладаніе школьной латини.“

Написанная между 1306 и 1308 или даже 1309 годовъ
 часть другого сочиненія Данте, также оставшаяся неокон-
 ченною и озаглавленнаго, можетъ быть, въ подражаніе
 Платонову „Симпозиону“³²⁰, Il Convito или il Convivio („Пиръ“),
 философскій трактатъ въ честира въ книжкахъ. Съ цѣлью при-
 влечь возможно болѣе число людей къ „Трагедіи Мудро-
 сти“ (оснода и самое заглавіе сочиненія Il Convito). Данте
 избралъ италіанскій языкъ, а не общій тогда для уче-
 ныхъ французскій латинскій. „Пиръ“ состоитъ изъ аллегори-
 ческихъ срифлованій, заключаемыхъ обширными коммента-
 ріями. На званіи пиръ, говоритъ Данте, будешь подано 14-го
 блюда, 70 сѣдъ 14-го канцона, предлежащаго которыхъ будешь
 модовъ и различной добродѣтели. Но канцона зри не
 могутъ быть вполне понятны безъ „хлѣба“; многими,
 можетъ быть, понравился бышья флорна, а не вырррен.
 все дозрорнезбо. Но „хлѣбъ“, 70 сѣдъ конченарій, пролсезе
 меритной свѣдъ на видкуто мисл мотв.“ Другими слова-
 ми: сама „Трагедіа“ должна была заключаться въ нѣдъ,
 надцари орталонныхъ трактатъ, изъ которыхъ первый
 слущилъ введеніемъ, а оставшие составили бы родъ ком.

Трагедіа
 изданъ:

{ 1) Въ III томѣ Opere minori di Dante, изданномъ Fraticelli (1861-62, Флоренція,
 и въ Opere latine di Dante въ изданіи Giuliani (I, стр. 1-712).

ментарія къ президе уше написанныиъ четьринадцази канцональ. Но дайте первииъ четьрехъ дракуаровъ соги, меніе не пошло. Позрь не исполнивъ своего канторенія и оставиль произведеіе свое неоконченныиъ, написавъ въсього 14-зи всего зри канцонки съ комментаріями

Руководителемъ своего „Пира“ Дамре Березъ Тосцид и при глашарь вѣльв несласныхъ къ зтому пиру, го серъ къ знаком, суву съ мудроего и иезиното. Онъ объявляеть, что сдѣли ео нѣкогохъ зройкииъ смыслъ: насюдиции, моралсннии и аллегорическнн или дуковнои, и что особа, въ которую онъ влюбленъ послъ смеруи Тлазриве, описанной въ „Новой Жизни“ — за не самаъ, которою поклонялся Пивагоръ, „Прекрасннншай и пренесуннншай Дичеръ Ковелизелд“ (Н. Сов. II, с. 16), или „Царяцаъ надо вѣльв Дичеръ Тоснода, — Благороднои, шай, прекрасннншай Философія“ (с. 13), олицетворенная въ ео новииъ канцональ. Въ зтомъ произведеіи предствленъ очерки вѣльв научныхъ знаннн эпохи поэта. Онъ говоритъ здѣсь о земномъ, небесномъ и одиесезвенномъ порядкѣ, о зройной челоковческюи природѣ (расуицелсннн, живозной и разумной); о соотношенннхъ между надкаки и небесами, о добродѣтельяхъ и четьрехъ возрастѣхъ жизни. Онъ подзверндаеть безмерннѣ души, позорннцю дорогу развращающаго богазуба, равенсезво людей, Благородсезво ко, зорыль сосзодуръ единсезвенно въ нль спосодносезль и за слугахъ. „Боже не создавалъ двухъ породъ людей, какъ лошади

и ослы, и можно назвать ослами или животноими утробы,
кто не руководствуется разумом." Здесь (в фрегетт кан-
цонте) говорится о благородстве, которое Данте — как мы
слышали — сводит исключительно на природный свойства
души, на личную добродетель человека, отвергая благород-
ство по происхождению.

Все эти здравые мысли изложены, однако, в распы-
ленную и запутанную комментариальную, ускользающую
в подробностях изливший и до крайности утомительную.
Так на упомянутую фрегетт канцонту поэта в двадцать
стихов, написаны лишь комментарий больше чем в его
страницы. В предисловии каждого трактата в ордина-
ции не замечается никакой строгой последовательности;
связь субъектно случайному содержанию того или другого
места данной канцонты, Данте или сводятся к какой-
разнообразный свидетельства, или развиваются разного рода
морально-философские и ф.и. поэматические, так что все
сочинение составляет род энциклопедии, части которой
не соединены между собой органически по изысканной
системе; связь для них, и то весьма слабая, служит
указанная фантазия аллегорий. Следовательно в данной
случае философия обозначает науку в общем смысле,
и в своей совокупности "Пир" составляет род со-
судов, из которого, по выражению Велле, позже вы-
тиски, приняв благородной формы, части "Божественной

У Должно замечать, что уже в Convito II, 14-16 выражена, в общих
чертах существенная доля его поэматической системы, вполне развитой
лишь в особом сочинении: De monarchia.

Комедии, посвященная научно-философским вопросам.

Можно сказать, что весь „Тирт“ (Il Convivio) весь про-
никнут благоговением пред величием философии, за-
тем же позором одно время как всецело поглощало Данте,
что он сам признал свое увлечение за насущную страсть.
В „Тирте“ философия — как мы уже видели — охотнее
связана с женщиной, тут не выходящей из сердца поэта
его первой любви и под именем „донна gentile“ изобра-
женной в „Новой Жизни“, но изображенной слишком
реальными чертами, чтобы можно было повторить на слово
поэту, что уже тогда под зримым изданным и крошечным
образом скрывается увлеченное представление названной
науки; — вторично всего, что связано со временем (подобно
самой Беатриче), „донна gentile“ „Новой Жизни“ стала
символом философии, своеобразно одиному, поэт
не определившемуся характеру звучавшего Данте. Тем же
не менее, гиперболически хвалительный язык, которым
Данте выражаясь о философии в Convivio, показывает,
что это сочинение было написано в то время, когда он
только к науке еще не охладел.

В субъективно философской стороне в „Тирте“ преобла-
дает дух аристотелизма в том виде, в каком он по-
средством выработавшейся к тому времени под влиянием
арабских комментаторов к сочинениям греческого
философа, насколько при этом ему удалось охватить своего

обособляется от патристической церковной схоластики. Вполне согласно с зримым духом, в названном сочинении нашего писателя отражена предпосылка теоретической жизни, в смысле абстрактно-разудочной, предъ жизнью практической, какь слагалась она въ ту пору подъ рукою богословъ церковныхъ идеологовъ; срод на исключительной научной точке зрения, дажде смущает даже самую Хри-стианскую форму обусловленного вымышленным чудесами Христа, тогда какъ на болѣе поздней ступени своего раз-вития, въ „Божественной Комедии“, онъ признаетъ ея основой вымышленное чудо, козорнымъ Христомъ возродив-шее въ каждаго изъ членовъ христианскаго общества.

Любопытно, что не задолго до конца XIIIго вѣка (въ 1277г.) ученіе арабскихъ философовъ, находившее себя тогда и впоследствии не мало приверженцевъ, подверглось осужденію церкви, козорнымъ ^{въ} безобидности смущало, что въ отвооръ на возникавшіи тогдашніе чужды вопросы о томъ, „были ли матерія или создана Богомъ?“, арабы, опираясь на Аристотеля, утверждали первое. Изъ „Пира“ (IV, 1), вид-но, что зоръ вопросъ сильно занималъ и дажде и, ко-нечно, при его разрешеніи онъ сранивался на сторону ученія, духомъ козорого занегающимъ все это его произ-ведение.¹⁾

Очевидно, что научный замязъ, предпринятый дажде съ цѣлымъ досудойнымъ образомъ подготовилъ себя къ воз-

1) Сгр. 74-77 въ сраствѣ Delft'a. Meber das Verhältniss des „Gastmahl's“ zu der Göttlich. Komödie und über die Bildungsproben Dante's (въ III з. Dante's Fahrbuch, сгр. 59-79). Scartazzini, Abhandlungen etc., 143. p.

быщенному или в Vita Nuova возвеличенито Беатриче,
 породили в нем охладение востра, къ которой онъ дол-
 го съ зреліемъ времени снова вернулся, съ одной стороны
 увлекаемый природенною склонностію къ мистициз-
 му (наиболее выраженіе котораго мы находимъ въ „Новой
 Жизни“), а съ другой руководимый собиравшимъ разумомъ,
 простозлепленнымъ богатыми и многосторонними знаменіями.
 „Пиръ“ даже оказалъ для насъ весьма цѣпныиъ нападъ-
 никомъ персонизаго или скептицизма, и въ этомъ смысле
 становится понятнымъ его взглядъ на свое увлечение фи-
 лософскою наукою какъ на излѣкту Беатриче, бывшей въ его
 глазахъ лучшимъ ^{знаменіемъ} ^{божества} на землѣ. Отсюда
 и высказанное или увѣрѣніе, что подъ „донна дентиле“
 въ Vita Nuova слѣдуетъ разумѣть нѣчто иное, какъ фи-
 лософито. Когда смертная Беатриче въ сознаниіи Данте
 превращалась въ абстрактный символъ божественнаго оз-
 кровенія, идеальной христовой церкви и т. п., то и увле-
 ченіе наукою естественно приравнялось къ излѣкту бже,
 озкровенному члену христіанской востра, и тогда погрѣ-
 балось искупленіе вины чрезъ покаяніе, какъ это и выра-
 жено Данте поэтомъ въ „Гисциллицо“ и „Раті“. „Пиръ“ (Il
 Convito) написанъ въ то время, когда поэту было около 45 лѣтъ,
 когда еще продолжался періодъ сротъ зле серьезно, скорбно и
 срашено прелѣдцнаго или самообразованія. Въ исторіи
 дцловнаго, выдуреннаго развирія поэта, въ исторіи нравствен.

наго росса великавоу мислюеу Данте, „Пиръ“ („Il Convivio“) ^{Кромѣ того,} имѣеу огромное значеніе. ^{данте,} Эза поэма должна, ^{видимо,} му, сообразуе обзоръ вѣдѣ челоуеческихъ знаній, доукуемыхъ зоу эпохѣ. (X)

Проеде члѣмъ переици къ посылному периоду мизера, зуюу дѣлельносу Данте, къ „Божественной Комедіи“, ве. милаймѣму зрудю эго поэра, мнѣ охараеу сказауе еще ^{многого словъ} обѣ одноу ео значительномѣ произведеніи. Эго — латинское ео сочиненіе: „De monarchia“, — вачинѣйшее политическое произведеніе. Какъ евоуе скандизированѣ во вопросахъ вѣрѣ Данте млигери бѣмѣ обдзавѣ евоуе замѣрѣнѣ наукою, замѣ зѣ зне замѣрѣя по ео содѣрженію свѣдоуаеуеу (De monarchia, II, 1), привела ео къ уевоенію, вичеуеу унасладоуванію или звѣдѣрѣнію убѣдѣній во политическомѣ, идеализмѣ или уевоенію, которая еѣ особенной полноуоу и бали развѣи или во ео политическомѣ унасладоуванію латинскоеу фрагмѣ, De monarchia (O monarchia). Написано бѣло эго сочиненіе посылъ посылней неудачной политики возвращѣнтію свободу во 1302г. Поэра возвращѣнтію во изгнанію и написалъ какъ разѣ эгоуе знаменитый фрагмѣ. Мзакѣ оуѣ принадлежитъ къ посылному периоду жизни писателя. Во эгомѣ сочиненіи Данте обѣкривно, по правиламѣ схоластической науки, развилъ свои политические взгляды, сложившіеся въ его умѣ въ этого опредѣленную систему.¹⁾ Во основу ео,

¹⁾ Изложение еѣ см. во Лиден über Dante, Ruth'a, стр. 119 и слѣд.

разделенного на три книги, характер положения за мысль, что конечная цель существования человеческого существа заключена, как и в дохристианском, с одной стороны, небесного, восточного блаженства (в смысле душевного спасения каждого отдельного человека) и, с другой, блаженства земного (в смысле совершеннейшего общесоциального счастья для всей совокупности человеческого рода). Как в первом случае существо нуждается в авторитарной единой духовной власти (церковь и ее предводитель — папа), так и во втором случае для него необходимо руководство единой же власти мирской, предводительством которой является один универсальный монарх или император.

Как первая из ролево-это указанных целей дохристианская для человека ролево под известными условиями, указываемыми ему церковью в ее благоуханном, но и для осуществления второй, земной, цели в жизни человеческого существа по крайней мере основные условия: мир, справедливость и свобода, дохристианской ролево людям в полной мере способной ролево единю, властной монарх, так как, обладая неограниченной и, по существу, безусловной властью, она не имеет, как и папа, ни парциальной мира, ни уклоняется от абсолютистской справедливости, а также, в просвещенном и разумной философии сознании своей безусловной верховности, не может миром в себя вводить как общей свободы.

Видя всемирно-императорскую власть впервые в Риме, Данте заключает о провиденциальном предназначении римского народа к роли главного носителя развешенной абзорной идеи, доказательству чего, при помощи некоринфских данных, и посвящена 2-я книга „Монархия“. Прелесть же эта книга особенно важна по своему содержанию, так как здесь с наибольшей, так же здесь и больше, впрочем, определенно выражено писателям его гнозис-гиделлитское воззрение на взаимоотношение духовной и светской властей; с помощью богословских доказательств автор выводит независимую монархическую власть от церковной, признавая за первым, царем со второй, непосредственное происхождение от Бога.

Как же наша бедная человечество к восточному спасению, так же император направляет его к земному благополучию. Справедливо суровыми законами, Данте, конечно, признавал, что как восточное блаженство выше временного счастья, так же и духовная власть во нравственном смысле первенствует перед светской, и, следовательно, такое признание не могло не вносить извращенной двойственности во политическое учение Данте. Но если, сверх того, и сакный идеал универсального, единого императора, представляющего образцовую просвещенности и добродетели, страдал грезиторного широкости и недостижимости во реальной жизни, то все же такое бездельное обособление светской

власти, проведенное с строго философской последовательностью и опирающееся на глущую ученость, ознаменовавшееся гениальностью Данте, не могло не ознаменоваться собою тага вперед на пути освобождения отъ абсурдизма церкви. И ея предсказатели тогда же поняли это, какъ очевидностью доказывающая зрѣлость фактовъ, что римская курия гороба была за фактъ „De monarchia“ подвергнута абзору позорнѣйшей въ глазахъ церкви казни.¹⁾

Въ зрѣломъ фактѣ „De monarchia“ Данте доказывающъ главнѣе образомъ необходимость димеуба власти въ государствѣ, но власти, основанной на законахъ. Онъ говоритъ: „города основаны не для законовъ, а законы для города.“ Кто живетъ по закону, тотъ живетъ не для закона, а законъ. Данте зредуетъ строгого правосудія и личной свободы, а болѣе всего зредуетъ всеобщаго мира.²⁾

2. Гениальное зворисеубо Данте (1300—1321).

„Священная“ „Божественная Комедія“.

Слова, которыми оканчивающъ „Новая жизнь“ (Vita nuova), ясно указывающъ на намерение поэта — посвятить властичи, цѣе своего сердца новую поэму, и поэма эта, задуманная вкоро послѣ смерти Беатриче, въ 1290 году, написана въ изгнаніи и была окончена Данте, незадолго до своей смерти. „Комедія“ Данте назвала своего поэму, слѣдуя учению схоластикова, по козорому „трагедія“ еубе произведение съ исчалъ.

¹⁾ См. разсказъ Боккаччо, въ его Биографіи Данте, о папскомъ легатѣ Феллукрандѣ, епископѣ Подлиецкомъ, два не предавшие сооточенію коеуби великаго поэта-гиделлика.

²⁾ Лучшее издание Карла Визде: Dantis Aligh. De monarchia. Libri III. 1874. Vindobonae. Визде относитъ происхождение этого сочиненія Данте ко времени, предшесубу, поэмѣ его изгнанію.

каль исходомь, тогда каюь комедія" — съ исходомь радоехналь.
 „Божесубенной“ (divina) поэма Данте впервые названа въ
 изданіи 1513 г.; самъ поэтъ называеъ ея „священною“ (il sac,
 та часто; Рай, XLV, 1). Двадцати-, даже тридцатилетній трудъ
 зреть — „Святенна“ — „Божесубенная Комедія“, поэма, выше
 козрой не создавалъ ничего поэтическій гений друаго въ,
 ковъ и народовъ.

„Divina Commedia“ Данте естъ первое художественное про-
 изведение новаго времени, но вышего и величайшаго поэти-
 ческаго созданіе эпохы средняго вѣка. Съ осно-
 вательными планами прославляетъ Беатриче, Данте соединилъ
 свое сумасшедшее сумрачленіе изображаетъ въ своей поэмы все,
 что онъ видѣлъ и пережилъ, узналъ и приобрѣлъ въ об-
 ласти духа, весь міръ, какъ онъ ему представлялся. По-
 добно тому, какъ весь средній вѣкъ съ иль губевали и
 помыслами, съ иль вѣрой и надеждой жизни преиде всего
 въ земельномъ міръ, и Данте переносилъ въ царства
 души церковно-христіанской вѣры; въ возвышенномъ
 мечтани онъ проводилъ зри царства и скарася воспро,
 извещи иль въ чуждымъ образахъ передъ глазами собре,
 ментиковъ со всей силой своей поэтической фантазіи. Сила
 его воображенія проникаеъ за ту завѣсу, козрой мочерь
 приподняеъ золько смертъ; его духъ, глубоко огорченный
 земельми гоненіями, земного несправедливостю и земного
 злободу, возвышаеъ до изображенія всемогущей вѣчной
 вѣрою иль зря членъ возростаеъ чте у Архидозель въ то
 міръ.

справедливости Бога, приговоры Козоразо поэту возбуждают
 намъ. Чутьшение, надежда, даже подвѣда надъ суррадиентомъ
 собуевенной жизни, выросли у Данте прямо изъ его цюбра,
 жиния „Ада“, „Гисцилища“ и „Рай“, козорые сцановязея болгое
 цольмъ величавой аллегорией, но по силе, могущесрву и лудо,
иссрвственной мласци являюся непосредственными пло,
 домъ жизни могучаго человѣка и именно въ первой часки,
 въ 33 псеньяхъ Ада, запелазлени реалного яспсрвств. Вдично,
личной поэты, съ силой индивидуальной натуре, великой,
могущесрвственной, признающей надъ собою зочско Бога, берези
 на себя роль всемирной судби, и между цольмъ какъ отъ
логезу слушир средневѣковыми идеями сдасрва всемир,
ной власци императора и церкви, его индивидуализма
переросаея всю средневѣковья рамки.

Вся поэма раздѣляется на три гимна (сантиса — ада,
 гисцилище и рай), козорые создотвореяюся тройному луду,
освѣщающему человѣчесрво своице: могущесрву, любви и
пренудрости. Три лица играютъ въ немъ главную роль:
Данте, Виргилій и Бсатрице, олицетворяющие собой: чело,
вѣка, философию и богословие. Вся часки поэмы гармони,
руютъ одна съ другою и согласуютъ съ цольными посредсрвонъ
кисцическаго созношанія чисель трехъ и девяти. Тринепо
 (ада) раздѣляется на девять круговъ, Пургаторио (гисцилище)
 — на девять ступеней, Рагидиво (рай) — на девять сферъ. Каждая
 часка или ^{cantica} кантика (сильно) созооитъ изъ тридцати трехъ псн.

ней, не считая одной ордальной, которая строит в начале поэмы и служит как бы введением. Каждая из трех частей „связью поэмы“ — „Божественной Комедии“ охватывает, ея, в подлиннике, слово „stelle“ звезды — символической целью всего стремления поэта. Вся „святая поэма“ состоит из ста, написанных герциками (Troca rima), „тот семь“ (canto), строго заключающихся в себя выше полутора раза строки; всего же в „Божественной Комедии“ насчитывается 14,221 строка.

Принимая во внимание о внутреннем смысле „связи поэмы“ Данте, который обуславливается ея латинским, но и диалектом, в передаче в самую обширную герцак — ея содержание по ея форме гласит или каноническую ордалью.

1. Inferno — Адъ.

Чтобы упрочить в доброту человечество и в особенности, ея итальянский народ, Данте посредством разума и философии показывает, как зреть карается предвечная правосудие, и рисует Адъ. Эта первая часть (cantica) обширной трилогии окончена поэтом не ранее конца 1308 и опубликована в начале следующего года.

Данте начинает поэму рассказом о золоте, как, дойдя до половины „низменного пути“, он заблудился в глухом, дремучем лесу. Путь утомительной ночи, проведенной в изнурительных землях выразился на прямую дорогу, он достигается подножия холма, позлащенного

первыми лучами восходящего солнца. Он немного отдох-
 лая и затыль начинаеъ въдираться на холмъ, какъ вдругъ
 ему предстаетоу нугъ, одинъ за другимъ, три звъря: пан-
 зера, левъ и волчица. Странная эи зиворзвивъ лишаеу
 его мучеуба, ознимаеу у него всякую надежду на возмози,
 коеу достигнуеъ вершины горы и гоняеу его внизъ. Но въ хо
 самое время, когда онъ сзренилавъ казиея назадъ, взорамъ
 его предстаетеу образъ челоука или, лучше сказать, лег,
 кой звети, и онъ обрацаеу къ ней съ мольбой о помощи.
 Это — Виргилій, козорай, ободривъ его, предлагаеу вывести
 его изъ зтого дикаго мѣста съ зелью, чтобы, пройдя въвоинъ
 черезъ адъ и тискулице, похоломъ поргнуръ его Беахрине, козо,
 радъ уже допомога будеу провесуи дане въ рай. Данте
 считаеуся, достигнуе ли онъ возуиуръ въ облаку вогносуи
 и по силамъ ли ему подвижъ. Виргилій разрѣшаеу его сом-
 нѣнїи въсрѣго, что Беахрине съ небесныхъ высоуъ благо-
 словляеу его на згоу подвижъ и на небесахъ оздобеи
 его спасенїемъ.

Поеаъ зтого Данте, подъ руководкомъ Виргилїа, беру-
 наеу на предложенный ему зрудный и страшный нугъ.
 Онъ смѣдуеу за своимъ возидемъ съ млобонзрѣвои, но
 робко и боязливо. Сердце его исполнено различныхъ ощу-
 щенїи. Онъ хо губзубеу неизмѣримое созраданїе къ
 мученидмъ грѣшниковъ и, облокочеу о скалу, црочно
 ридаетъ, хо, обзвѣи црисасомъ, надаеу безъ губзубъ, хо, воє.

пламененный гнѣбомъ, разрашаеся прокладѣми проливъ
людей и городовъ, козорые оказались виновными въ про-
суживанъ, наиболѣе возбуждающаго его негодованіе.

На враздѣ ада Данте гласитъ грозно надписъ:

„Lasciate ogni speranza, voi, ch'entrate.“

(Уезжайте всякую надежду, о вы, входящіе сюда!)

Тучей львъ скриваеся влодь въ царство злы и оставляетъ
обнаженной зомско небожницу покажеся, козорадъ ^(слухи) береговъ
Ахерону. На зтомъ берегу, въ преддверіи къ аду, поэты-куф-
ники находятъ души злыхъ, что на землѣ были одинако-
во равнодушны къ добру и злу. — зтѣмъ рои мучъ и ось
язвдуръ нль обнаженной злы. Вслѣдъ за зтѣмъ они при-
ходдуръ къ Ахерону, но козорому Харонъ плаваеся въ своей
ладбѣ и перевозитъ черезъ него грѣшниковъ на прозаво-
положаный берегъ. Повинудетъ востей волна, возвыщенкой
ему Виргиліемъ, Харонъ перевозитъ ихъ (Виргилія и Данте)
въ своей челнокѣ по ру сторону адской рѣки, и они беру-
патозъ къ первой кручѣ ада. Въ немъ находятъ всѣ зѣ,
козорые умерли, не принявъ заишева крещенія, — младенцы
и взрослые; зуръ же, но оодѣльно оу ниль, среди зелентъ,
сонциль роуъ и полей, зондуръ души злыхъ, что жили безъ
грѣха, но и безъ вѣры. Зо-души древнихъ ученыхъ и се,
роевъ, незнавшихъ истиннаго Бога. Они не зеридуръ ни,
какой мучи и сурадуръ зомско оу зого, что безъ надеждъ
желаніемъ живуръ и не могутъ видуръ Бога. Тотерь первый

и пенская вздохи, козорые заеавлятуръ зрешетуръ воздухъ,

между поэтами, Аристотель между философами. Подъ злыми кругомъ просидитъ ^{адскій судья} ^{срѣдъ вѣрою.}

При входѣ во 2й кругъ, Микосъ, ^{творитъ} судъ надъ душами, казняча для каждой изъ нихъ заслуженную ея мучку. При видѣ Данте, Микосъ прерывается на время исполненіе своей обязанности и напоминаетъ живому пришельцу о дерзости его предпріятыи, но злыми же словами, козорыми укрощающъ бѣлы Харонъ, Виргилій укрощающъ и Микоса. Между злыми спалобные крики грѣшниковъ начинающъ сзавозвѣстъ явственнѣе. Въ зломъ кругѣ предрѣтывающъ казни сластолюбцы: среди вѣчнаго мрака нестерпимъ вихрь адскій вѣчно-безоуханового носиръ иль во весь ехоронн. Изъ числа ихъ Виргилій называющъ Данте тамозорничъ, пренъ, мучеувенно земизничъ; но особенное вниманіе возбуждающъ звы грѣши, неразлучно носимая Бурело-утомъ Паоло Мала, режа фи Пиллини и Франкески, жены его Браца. Данте призавающъ иль, разспрашивающъ о пригити иль муретий, и одна изъ двухъ знойкай разсказывающъ ему о началѣ и трагическомъ концѣ своей преступной любви. Въ угроа, зельной и необыкновенно издмзничъ разсказъ о погубивъ, шей иль обониль любви — одно изъ знаменитѣйшихъ мѣста „Бож. Комедіи“ (I поетъ, 73—142 стихъ). Позряденней до глумны сердца сочувраденіемъ къ иль трагеди, Данте мшающъ куберъ и падающъ какъ мерзвий.

Въ 3-мъ кругѣ накладываютъ грѣбочодники: подъ напрасканъ, камиъ дождемъ, градомъ и стѣбломъ, они зернящъ муридельную

боги озя зубовъ и когтей адскаго пса - Цербера. Виргилій усми-
ряеть Цербера и бесподучерь о невидоучеодбдлах и раздораль въ
Флоренциѣ. При возуилеиѣ обонихъ позровъ въ 4-й кругъ, еро,
визіѣ на сзраишь ело Плурѣонъ похзаеся цсзраишмъ ихъ цуро,
жатоцимъ возмласомъ: „Pare Satan, pare Satan, akerre.“¹⁾
Виргилій, смиривъ Плурѣона, бедерь даице възлдициъ на
казнѣ расзочилеиѣ и скуицовой, соскоровициъ въ фомъ, то они,
каждъ съ двучъ прозивоположннхъ сзоровъ сзраишмъ ихъ цуръ,
сидки огромные камни, сзалкиваюдеръ другъ съ другомъ,
съ неискровеубовъ ударяюдеръ одинъ другого, оскапаюдеръ другъ
друга ругаедеисзубани, раскхдвядеръ и снова приишмалюдеръ
за руне работу. Послеъ благзлцеиѣ (цсзали Виргилія) харак.
ферисекии фороцие (VII н., 81-96 с.), нууники приближнлюдеръ
къ Сзигиѣскому болоту. Въ 5-мъ кругъ ада - кара за гнѣвъ.

Ливельъ зрехднго круга образцерь похожъ, коториѣ въ 5-мъ
кругъ разливаедеъ въ озеро сроднейъ воды и образцерь сирад,
ное болото какъ разъ Сзигеъ, окружнлѣоциѣ адскаѣ градъ
(городъ) Дире²⁾. На поверхнѣоци этого озера деруредъ снѣбли,
выс, а завислнлвое погруженеъ въ болотнцую зинцъ, и по-
сродннѣ въ нейъ заллебаваюдеръ.

У окраинѣ болота возвышаедеъ башня, исполннлѣ,
щадъ ромъ адскаго телеграфа. На нейъ зашнлгуюдеръ два огонь,
ка, которые возвыцаюдеръ приближенеъ грѣшннковъ къ
граду Дире. На эгоуъ снлнлѣ озвѣтлгуюдеръ другнмъ подоб.
нѣмъ те изъ самаго города, и корннцнмъ адскаго болота,

¹⁾ Ср. VII н., 1 сф., - зочннѣ снлнлѣ эзлнѣ словъ еще не угаданъ.

²⁾ Озъ Диръ, названіе Плурѣона.

Фрелгасъ", немедленно отправляется на вершину осужден.
 нель. Онъ осматриваетъ нль браню, и мигая по озеру съ необи.
 чайной беззрозой. Богда Виргилій съ Данте подошли къ подом.
 нль высокой башни, какъ къ ниль во темноту подплывъ
 Фрелгасъ, чтобы доставить нль въ градъ Дире, обитатели ко.
 рачо - демоны. Вой демоновъ охраняетъ входъ въ ^{градъ Плурона} городъ Дире,
 и презираетъ нуръ Данте и Виргиліо. Поэты нурдаюхъ
 здѣсь небесной помощи. Виргилій, дичезно осмидая ея, въ не,
 доутокнии говорить самъ съ собою. Удзрашеннй очевидномъ
 колебаніемъ нурдья, Данте спрашиваетъ: случалое ли ко.
 му нльдъ нуръ обитателей Лилда спускаться на дно ада,
 и узнаеть, что Виргилій уже тразиде сходилъ въ самый
 послѣдній крувъ адской бездны. Между нль на верши,
 нль башни зблываютъ три фурии: Мегера, Алекро и Плизи.
 фона (по указанію самого Данте, IX п. 61-63 ст., отъ нльнотъ
 аллегорическій смыслъ ехразей, худдичиль теловотка и пре.
 грасидатощиль нль нуръ къ спасенію). Отъ ея крикомъ раз.
 диратъ себя грудъ когзани и, сльдя на Данте, зовуть
 медуззу, чтобы превратить его въ камень. Тогда Вирги.
 лій обворачиваетъ къ ниль Данте спитого и самъ закры.
 ваетъ нль глаза руками. Плуръ ехразиль гроль позрдеаетъ
 волны Сракса, и Данте, открывъ глаза, видить приближна,
 нуралоея ангела, которій съ мезломъ въ рукъ, идеть по
 волнамъ Сракса какъ по еуитъ. Тотни гнтьовниль и де.
 монъ худъгалотъ охъ него въ узмать, а брада адскаго города

1) Силь Марса и царь Лапиновъ, спускавшійся удреветиль олицеубо.
 реміемъ и высококоиторія.

открываются сами собою. Укрошивъ ярось демоновъ напоми,
 напелъ бесполезности сопротивленія, аишель охотилъ образ,
 но. Безирендужвенно вхощаъ тогда поэты въ городъ, и даице
 предсказываея необозримое поле, гдѣ глазами его открываюу,
 съ безкопечные рѣды огненныхъ гробницъ, изъ-подъ припод,
 нѣднѣ крышекъ козоровъ раздаюея ужасные стоны и
 вопли заключенныхъ въ ниль ерезииковъ и безбожниковъ.
 7-ой - 6-й кругъ. Обходя его, между стоны и огненныхъ гроб-
 ницъ, даице возрощаея съ оуцой своего друга, Твидо Ка,
 Валскаици, и гордымъ Фраирица Мберри, предсказываюцимъ
 даице изгнаніе и предсказаніе еиу невзгоды.

На право скалы, орудьяющій 6-й кругъ оу слодуюцима
 за ниль 7-го, еуранники видяъ глудую пронасу, оукуда
 разносѣя несдержанное злобоніе, оу козорого они на лисо-
 веніе продуоуъ укровоуъ за крышкой одного изъ пламен-
 ной гробовъ, гдѣ оказываея заключенныхъ напѣ Ана,
 ерасій II, внавший при жизни въ монофизическую ересъ
 Фромита. Поэты спускаюея по усхунамъ скалы въ 7-ой кругъ,
 шелади проникнуъ даліе въ адъ.

Минозавръ охраняеъ 7-ой кругъ, козорый раздѣляея
 на три оудѣла, гдѣ караюея привитившіея въ насиніи
 прозивъ ближняго, прозивъ самого себя (^{или} прозивъ при-
 роды) и прозивъ Бога. На днѣ круга находиъ глудокій
 ровъ, напо^{мѣт}нѣи ^{канцисо} кровью. Въ него погружены зирани.
 Меззавръ, вооруженныи мѣжами, подерегатаюу зѣни, козорый

поднимается над кроватями позокамь болтве, межени
 нль дозволено и пускають въ ниль сурьмы. Это — первый
 изъ урель ордтловь. Послеъ ущеуныхъ угрозы названыхъ
 гудовиць прозривъ обонхъ сураниковъ, Ценцаврь Мессе
 перевозитъ на себѣ Данце на другую сторону рѣки, пригиль
 объявляеть елу ея природу и называетъ нѣкозоровь изъ ко,
 груженныхъ въ ней лнць — Александра Серескаго, Весса,
 лійскаго зирана, Эццеллина, зирана падуанскаго, царя
 Пирра и двухъ пралгалекскихъ рыцарей Корнецо и Паццо,
 разбойничавшихъ пресиде на болшихъ дорогахъ. Во вѣр,
 роивъ подраздѣленіи 7-го круга наказываютьса самоубійца.
 Они превращены въ ядовитыя, съ угловажени вѣтвѣми, де,
 ревьд, въ шевь козоровь гнотдѣдѣ гнусаго вида Тарни
 (XIII н., 4-108 сф.), козоровь рвуць и готдрь тѣль мисурь, — порази,
 желной пригиль мранной изобротуаженскоеи Дандровой фран,
 зади, въ число ихъ находится знаменитый канцлеръ имп.
 ператора Фридриха II. Пьеръ delle Vigne, лишивший себя
 жизни поелъ зото, какъ впасть въ немилость у своего
 повелителя. Здѣсь же раскопана своего доходящая пре,
 елгодующая дикими псами, козоровь поехойтно рвуць
 нль на часи. Въ урельнѣ ордтлѣ 7-го круга проецираютьса
 сфлѣя, безплодная сфѣль, гдѣ, подъ полосами огненнаго ливня,
 мисурь муки насилтнники прозривъ Бога, природу и науки, —
 на ниль хлопьями ниспадають съ неба пламя, а сами
 они осзаютьса на плоскоеи, покрывой раскаленнымъ несколько.

мль предшавиженево являеца Капаней, одитъ мль, Семь
 прозивъ Оувъ.¹⁾ Далте поэты приходятъ къ мльсу, гдѣ мль
 мльсѣ воздекаеца рѣчка кроваво-краснаго цвѣта текущая
 мль разсѣленихъ (получающая начало оу слезѣ) скаржи Времи,
 ни, козорад по Данте находится на островѣ Крихъ и даеца
 происхождение гезерель адскимъ рѣкамъ — Ахерону, Стикс,
 су, Флегезону и Коцизу. Рѣка гезель въ низинномъ частѣ
 ада, гдѣ образуетъ ледяное озеро Дитгудекки. Далте еще
 далте попадаеца насильники прозивъ природы, — зѣтес
 происходить сердатная везрѣла Данте съ его бѣвшими насѣв,
 никомъ Бруннезо Лазини (XV т., 23 и слд), козорой предка,
 зѣваеца поэту озидатощую его въ будущеи славу и напо,
 минаеца ему о своей книгѣ (il Tesoro), въ козорой еще про,
 долмаеца шире его имя. На рубежѣ зрѣтлага ордѣла 7го
 круга, оукуда поэту уше слышица шумъ волны Флегезона,
 прозекающаго въ восьмомъ кругѣ, Данте и Виргилій везрѣ,
 гаеца взорую группу согрѣшившихъ прозивъ природы (зѣ,
 заидувавшихъ себя содомскими грѣхоми). Среди нихъ на,
 ходяца зрое сограиданъ кофа; после мльскольскихъ словъ
 социалтнѣя по пободу шль сѣдѣи и унадка граиданскихъ и
 поидатическихъ доблесей въ Флоренциѣ, Данте въ своихъ руково,
 дителемъ приходяца на край глубокой пропасти, на днѣ
 козорой буицаца кровавоѣ позока. Зѣтес Виргилій собер,
 таеца символическое дѣйствіе: верѣвку, козорото бѣло оно,
 лсеиъ Данте²⁾ и козорото отъ надѣяеца связать пачтѣру³⁾

¹⁾ У Станца (Гнабайд., к'в. III): Superum contemptor et aequi.

²⁾ Согласно съ нѣкозорыми биографіями Данте, отъ въ доухеца везу,
 шль въ монашескій орденъ францисканцевъ. ³⁾ Дантера символъ
 мльбощракаид.

прегравдавшую ему нѣтъ при выходѣ его изъ земнаго лѣсу,
 Виргилій, получивъ ее изъ рукъ Данте, кидаетъ на дно бездны.
 Вслѣдъ за зримъ знаменареченнымъ поезуникомъ въ воздухѣ
 являея страшная, драконообразная фигура Теріона —
 символъ обмана и лжи. Данте одинъ управляетъ взглянущу
 на розовощиковъ, сидящихъ не вдалекѣ отъ ниль надъ водою,
 розомъ; нѣсколькихъ изъ ниль Данте узнаетъ по ниль гербамъ,
 изображеннымъ на кошмалѣ, козорие повѣшаны у ниль
 на груди. Позомъ оба поэза усаживаются на спину Теріона —
 чудовища, козорие двѣ лапы расяги поворожены среди обрывистыхъ
 утесовъ, зило-фило спускаетъ ниль на дно бездны, къ подомъ,
 въ утеса и зарѣтъ удаляетъ отъ безрогото сурьлы.

Дойъ кругъ, куда Теріонъ перенесъ обоихъ поэзовъ, назнъ,
 ваетъ Злани Рванн (малеводе), и описываетъ круизного
 своихъ береговъ. Тамъ пребываетъ Теріонъ, кромаеое гудо,
 вице, олицезвореніе обмана и лжи. Онъ на спину не,
 реноситъ обоихъ поэзовъ въ Злане Рванн или орднны, соеди,
 ненные между собою кодами, изъ козорныхъ обинъ сло,
 манъ. Зримъ рвовъ-орднатовъ числомъ десѣтъ, и въ ниль
 наказываются обманщики всѣхъ видовъ. Въ первомъ изъ
 ниль, демоны безпоцадно бичуютъ соглазничелей и свод,
 никовъ, въ числѣ зримъ грѣшниковъ находящя и Ядонъ,
 «все еще сохранивощій царезвенный видъ». Во второмъ,
 погруженные по уши въ калѣ (въ зловонную шидкоеръ),
 мучатъ мезацы и курризанки. Въ третьемъ подраздѣленіи

8-го круга находится симонисеры или люди, торговавшие свян-
 зыми вещами: изъ ряда Янъ, въ который грѣшники погру-
 жены головою внизъ, торча въ воздухѣ обвязавъ огнемъ ноги, ко-
 торыми они откаанно брѣлають оу несласной боли. Сю-
 да поэръ поитъцаехъ мнотисъ пакъ, въ зомъ числѣ пану
 Николая III, изъ рода Оренин^у, и зѣтес зне зарантѣ приговоривъ,
 ерся мнотисо Тонифрацио VIII. Мадносъ зривъ пакъ къ денъ.
 гавъ и образъ шизни, недоедойной иль високаго званія,
 возбудиають въ Данце благородной гнотвѣ, которий оу
 баранасехъ въ смелной рѣчи, заслущивающей похвалы Вир-
 гилія (XIX п., 88-133 стр.).

Дантес, гезверхое оудчленіе или ровъ 8-го круга слъ,
 ширъ мнотисоудбаваніель въ мѣднотиковъ, кародтсевъ. У мнотъ
 повернувы лица назадъ, вслѣдствіе чего они должные идрутъ.
 съ назадъ, похому что не видяхъ впередъ. Мнотъ и обиватскій
 вошедникъ Тирезій съ своей дочерью, кародтѣйкой Канзо,
 разказывающие Данце мѣторито основанія города Канзуи,
 и мнотамль Скоуръ, асурологъ императора Фрэдриха II, и
 асурологъ-цирфисникъ Веданце изъ города Парлы. Парий
 оудомъ заключаехъ въ себѣ възвотниковъ, или свѣдскіель си,
 монисеровъ (з.е. торгующихъ правосудіель и вообще своими
 оудзатносуднми): они погружены въ озеро киндичей смолы.
 Тотсы, воорушенныа баграми, съ вроехотъ кидають на обо-
 нль поэровъ, но, повинувел схаршелу надъ ними, дають
 нль проуценъ. Зѣтес проиходитъ единсудвенной томори.

1) Ота знамръ — медвѣдича.

сроческій эпизодъ, вступаютъ въ „Божественной Коме-
 діи“, это — драма Джосовъ, описанная нѣсколькими глупыми, но
 смѣлыми и смѣлыми шутками (XXI н., 118—139 стр. — XXII н.).
 Въ шестой рѣчъ 8-го круга похотѣния мизантропы. У нѣтъ
 головы окузаны въ свинцовые капюшоны, которые сверху
 позолочены, а внутри ихъ сильно давятъ. Тутъ же находится
 Каиафа и члены синедриона, осудившіе Христа на казнь:
 они расходятъ на землю при помощи злыхъ колдеевъ. Въ седь-
 мой подраздѣленіи того же круга находится связочащцы:
 удивительные ушасныи змѣйки, они спускаютъ до тла, что
 бы мгновенно опять возродиться изъ собственнаго пепла. Пред-
 ставительныя этого разряда грѣшниковъ слушаютъ Ванни Фрун-
 ги изъ Пизойи, предсказывающій Данте оъ участи паррій
 Готтальди и Червицъ, о поразеніи флорентинской паррій Бь-
 лонь, къ которой принадлежалъ ^{Данте} Ангилери. Въ этомъ же от-
 дѣлѣ включены воры и лихоимцы. Злыхъ грѣшниковъ
 держатъ змѣи, душатъ ихъ своими кольцами и соверша-
 ютъ съ ними различныя превращенія, при чемъ зъ и другія
 злыя зъсны сдѣлаются другъ съ другомъ, что образуютъ
 одно образительное, фантастическое существо, — ханжа уди.
 Видѣнный по силѣ образительности модъ звореской фран-
 цузій Данте (XXV н., 46 и слѣд. стр.). Далѣе слѣдуетъ восьмой рѣчъ
 8-го круга. Въ немъ казнятъ злыя клеветы (злыя соборны-
 ки): каждый изъ нихъ включенъ въ пламенную оболочку
 (или пламенный ящикъ), и зълько одна изъ заныкъ наливается

оболочкою содержать въ себѣ двухъ грешниковъ: Диомеда и Улисса; — послѣдній, по слову Виргилія, разсказываемо поэтаною о своей таваніи по уходѣ изъ гроба Цирцеи. Путь же Данте внимаетъ длинному разсказу графа Гвидо де Монтефельтро о его поединкѣ, котораго онъ заслужилъ свое наказаніе. —

Эрозъ извѣстный воины (графъ Гв. ди Монтефельтро) на сраженіи нѣкогда поединка въ монахи французскаго ордена, надѣясь загладить грѣхъ преступленій презнней своей жизни. Онъ казнился здѣсь за хитрый и шестокій советъ, котораго онъ подавалъ Бонифацию VIII. Эрозъ напалъ навидѣль семейства Колонна, и вѣдѣеки сражался его унижить. Ему удалось разорить нѣсколькихъ нѣхъ при, надлежавшихъ ему крѣпостей, но онъ встрѣтилъ смелое и мужественное сопротивленіе, когда вздумалъ осадить городъ Палестрину. Въ высшей степени раздраженный этой неудачей, Бонифаций обратился за советомъ къ графу Гвидо ди-Монтефельтро. Вызвавъ его нѣхъ Монтефельтра, онъ напомнилъ ему объ обетѣ безпрекословнаго повиновенія духовнымъ властямъ, и затѣмъ попросилъ, чтобъ онъ ему указалъ на способъ, посредствомъ котораго можно было бы захватить Палестрину издаля. Графъ Гвидо, осмѣривъ крѣпость, объявилъ, что это невозможно овладѣть силою, но въ то же время наекнулъ на существованіе другаго средства, о которомъ онъ не рѣшался говорить, изъ боязни согрѣшить.

Тогда святой оузеъ поспышымъ успокоуеъ совесеъ монаха,
 давъ ему предварительное оупушение въ грѣхѣ, изъ кою-
 раго намъторевался извлекъ для себя выгоду, и съ перервѣ,
 мисль ошидаль оукрысѣя раймы. Трасѣ, неударивалымъ
 ботѣе никакими сомнитѣяли, произмѣсь слѣдующѣя зма,
 менарелгныя слова: „Обыцайѣ много и ничего не выпол,
 майѣ“. Зарымъ оны възвращался въ свой монастырь, а Бо-
 нифациѣ² предложимъ осамидентнымъ едасѣ, на всегнѣ въ,
 годимѣхъ для нихъ условивѣхъ. Крѣпноехъ едасѣ, и жесхо-
 ко поплазиласъ за свое добѣрѣ.

Зроуъ лицениторный поедунокъ монаха, обманѣ и предвари-
 зельское оупушение, дарованное напою въ грѣхѣ, совершилъ,
 моль въ его пользу и по его требованѣю, образиласъ въ ру-
 кахъ Данѣ въ оружіе, козорымъ оны безпоуцадно поразиласъ
 Бонифациѣ и его досхойного слугѣ. Твидѣ дн. Мондеферанцо
 самъ разказываеъ поэзу о своемъ пресудупленѣи, и каеъ
 въ нель. Зроуъ разказъ принадлежимъ къ самымъ замѣга,
 рельнымъ эпизодамъ „Бозисерв. Комедіи“ (XXVII п.).

Въ девазѣ подраздѣленѣи дѣмонѣ, вооруженный ме,
 голѣ, поразиласъ распроекраникелей ереси и стѣдѣлей не,
 согласіѣ-винѣвниковѣ раздорѣхъ. Оны наносилъ иль раны,
 и разсѣкаеъ на часѣ иль зѣла, козорымъ зорѣхъ соединѣ.
 лозѣ и зашиваеъ, тобы снова получаеъ удары и раны.
 Зонѣ поэзу выводитъ Магомеа, его преемника Аби и
 знаменитого зрудадурѣ Берѣрана де Борнѣ (XXVIII п.). Въ

десять и последние из „Земель Ровы“ 8-го круга зернячь
 муси тарлазаны и подъявазели — алхилики; нль зри
 сорза: зть, козорне выдавали себя не за зо, зтьны они били, —
 зтьны они гоняцца одинъ за другимъ и нещадно кусаютъ
 другъ друга; зтьны выведена мирра и франшмивое монез,
 гики, поразметные ^{зильн-сильн} водянкой и зомлящсея кеузоминной
 макидой, и, наконецъ, клеветники, срашидуция орь не,
 прерывной михоради.

Ваконецъ поэты доедигаютъ 9-го круга, козорный, вильд,
 сувие поусенного свѣсиванія адской пропасти, иктверъ
 видъ узкаго, обрывистаго колодца. Сутьны его поддержки,
 ватозъ, подобно башнямъ, срашными колосальными
 фигурами древнихъ гиганзовъ: Мемврода¹⁾, Зориапта,
 Анрея. Последний бережъ обихъ пурмиковъ на краю 8-го
 круга и переноситъ на своихъ рукахъ нль въ мрачный ко-
 лодецъ, з.е. на дно 9-го круга. Тамъ различнаго рода изнѣн-
 ники караютъ въ лѣдяномъ озерѣ, козорое соецоитъ изъ
 зерыредъ оудталовъ: первый изъ нихъ, нльскій названіе
 Камнова, предназначень для предазелей относительско
 близинныхъ своихъ. Второй оудталъ (изъ Анреморы) заняхъ
 предазелами родина, — сюда принадлежить озмлакощій,
 съ глубокимъ трагичномъ разсказъ Давиде о ^{жесроковъ} правивень
 Пизо, графъ Кролино, и его дѣтяхъ, поидшихъ въ зем-
 нице голотного сирхсю (XXVIII н., 4-90 стр.). Въ зредень
 оудталъ, Пзолонед, обрѣзатозъ предазели относительско собезвен.

1) Сильн Хума, участвовавъ въ возведеніи Вавилонской Башни., Въ
 зо время били на земли поимина, Библия, VI, 4.

наль гоеей, — наь предсавителемъ Явивеся Амберикъ, изъ
ордена „Вселеной Братии“ (Frati gaudenti). Данже узнаеъ отъ
него, что душа каждаго наруширела законъ гоеепримъ.
срва попадаеъ въ адъ даме пресиде смерти самого грешни-
ка, причеъ въ зтоло его на земли вселяеся дѣмонъ, козо,
рой и заимондере для него душу. Въ гервердонъ оудольо,
Тудк, поможенеъ предаели относительо нѣкъ благодотелъ.
Здочеъ пребиваеъ Туда, предавшии Хрисера; стода же, наравно
еъ Тудой, поможениъ Данже, какъ сфоронникъ и императорской
власти, убийцеъ Цезаря — Бруца и Кассид.

Самъ Саганъ, или Люциферъ, спохъ въ цемуръ адской
пропасту. Онъ намеръ громадными крамъями и зтомо
самымъ производиръ вьзеръ, козорый ледениуръ воды всего
девядо круга. Позуръ говориръ, что когда онъ бѣлъ низвергъ,
нуъ еъ кеба, ро, падаъ на землю, бонзилеъ въ нее какъ
сртыла и образовалъ пусозу, козорая и соеавляеъ адскую
пропастъ. Зазьмъ, огромное зтоло до половины вьдвнъ.
нулоет въ прозвивоположинуъ сфорону, и подидло гору
Тисцилица. Возъ какъ самъ позуръ описываеъ ушаеъ,
обладывшии мнѣ при видѣ Люцифера, и какъ онъ изо-
брасаеъ зтоъ изогникъ всякаго зла; описаніе его оу-
мчаеъ грандиозноего (XXIV н., 22-69 сф.).

Какъ я читалъ, какъ леденела кровь, Ka' k'laou meus, ka' seolingu man
asins,
Шедо, гираеет, я сказаъ не въ силалъ: To, lasitaj, tev patiecl n'omn s'p'ojaj,
По вьразиуръ нивсикъ не сранаъ слова. To insait man t'omn isto vardu.
Ме чиеъ я, но шизыъ засыла въ шималъ: Es nomion, bet nebiju ot
asins:

^{afsona} To afsona, ja te is pioliti prāta, ^{Вотобрази} **Вотобрази** эя, зыма вь уснасть я счалъ,
^{Хя бия ман бер веена ун лэа} ^{отра.} **И гиндъ и смертъ узразувъ вь шь могилалъ.**
^{Amāigo asru valatibi valduabes} **Владака царсва вьчччччч следъ возсавъ**
^{Lidz krutim iroclāas no ledus arā} **До полу-грудн надъ лѣдяноу неусероу,**
^{Es Wironk lidrijs veerun no gigantem,} **И предъ гиганцоу я не замъ бьль мамъ,**
^{Nonāta delbum lidrijsi ģinanti.} **Какъ мамъ гиндъ предъ дланью Моцифера:**
^{Ja lem no tam, kads bija viņa uzņemis,} **Предсавъ шь самъ, каковъ бьль роухъ его,**
^{Ja locēti tam tāds melns mārgs,} **Молъ членъ вь нель счолъ счрашного разнора**
^{Ja tas tīv snacots bij, tā tas} **И если онъ, возсавъ на своего**
^{legad nejaucis,} **Пвориза, замъ гинсень счалъ, какъ бьль прекрасень,**
^{Kur sacēlās pret arva Rutājam,} **То онъ оуецъ, конечно, зля всего.**
^{Tad tas gan visa launim tād.} **О, дивной видъ! какъ бьль мнь онъ уснась,**
^{ak, kāds lels sāmīgs būvums} **Когда узрель я зри миза на мамъ:**
^{man las šeitā,} **Однъ переднй - бьль какъ мамъ красень;**
^{Kad vedēja tam esam trīpās ģimījās!} **Друге эя два сьлвались съ гралъ мизомъ**
^{Tas veens, kas pieēkē, bija} **Въ срединкѣ плечъ и, сросшнсъ у верхннхъ,**
^{lēsumi sorkaus.} **Вздвнмались греднелъ надъ его теломъ.**
^{Tešpīvi sīta, kas tam pieēlojās} **Бьль блѣдно-шелъ мшь правой половнхъ;**
^{Horabam pļecam} **Но зохъ, что сьлва, цъвухъ мшталъ млодей,**
^{Par ab. pēlācu vīdūstām lidz} **Мшбуцнцль замъ, гдѣ мшь надежъ вь долинохъ.**
^{ģimīrom,} **Мшегъ грознхъ кровль, прнлннхъ нцнцъ сѣй,**
^{Kur vīni tad tīx kopā sagāja;} **Могъ каиднлъ микомъ по два выхолмн:**
^{Tas labais ģimīs bija baltā un vāļtanās,} **Шакнлъ възрнлъ не зрнлъ я средъ морей.**
^{Bet kreisais bija lāņojams} **Безднернл, на кровль я похолмн**
^{kā teep,} **Мезонкрл: замъ мнь онъ махамъ,**
^{Kad dzīvo tur, kur šīla krāces} **Что изъ-подъ мшь зри възрл бурей вьмн;**
^{ģaņas.}
^{Ķem katru celād divi lechis sparnis}
^{Tas, kājam slajas tādām dzīvām}
^{putnam;}
^{Tīx lelas buras vērdzojās}
^{Ķem spālām bija tas, kas šeitā}
^{Tās izs}
^{Ķem spalva nebija, kā šeitā}
^{ak no, teem bija}
^{No tādā veidā nā pēc sīk-}
^{spāncem.}
^{Ar teem tas peras, ircl-}
^{dams trīs vātroas,}
^{Cam}

Коцизь же все отъ земли замерзавъ. *Laurkam vide Kokits p̄rsola ar ledu.*
 Шеею огамь плаканъ отъ и зоконъ *Ar s̄sim acim vandaja tas, tekot*
 Кробоавилъ слезъ зри груди ороманъ. *Tam dsimainas asaras par kratim*
 Какъ идлаки отъ въ касидонъ рзъ глубокомъ *Tas katrā mūtē robeem*
 Дробилъ въ зубадъ по грошнику, зарадъ *Pa greeneckam, kā laukot mīdēk*
 Казидъ зронилъ въ мукетим снесоконъ. *Tā trijeem darot šimāligas mokas.*
 Но мощъ зубовъ переднему ехо разъ *Dot viņam pirmajm košana bij nees tix*
 Сносноте ланъ, кофорамь по коситъ *Dot nazu skārpešam, cam ko ada*
 Снимъ его отъ проводилъ подчасъ. *No mugas bij podvāsta pravsam.*
 И возидъ сказалъ: „Вонъ розъ, казимый спроси, *Un vādons teica: Plan*
 Съ главою вчурри, съ ногами вни зубовъ *ta dvēseli,*
 Искариотъ на раскаленномъ лозитъ! *Na galva mūtē, bet ta kājas arā!*
 Мзъ двудъ другилъ висядилъ внигъ духовъ *No viņeem divem tud ar*
 Возъ Бруръ зорнилъ главою мзъ паси релной: *Dr Boulus, tas kārtamies*
 Сноурри, какъ залъ круриед отъ безъ словъ! *in meclnās rīcles:*
 А розъ племей — Касий вбромомной. *Un dot tas tas p̄kēcīgais ir Kasij.*
 Но сходилъ мочъ: чине поръ калъ въ нуръ: *Dot nants un klat, jam laukis*
 Все видтели мнъ въ безднъ сѣи огромной. *ir cefā doties;*
 Мзъ злого предтолсмаго пунка ада Виргилій вчосеръ *Ar visu redzēji tāi mūlēm*
 съ Данте, одбавившимъ его за шего руками, спускаюся *dzīl!*
 внигъ, карадкаяс по космазому, сзрашно массивному зблму
 Люцифера, пролывъу сквозь щелуръ земной, и слободъ рече,
 нно неболчшого рчдъ, они, дель спуска поелъ того, какъ
 макали свое сзрашрвовање, выходяъ на прозивонолози,
 нуръ сфорону земного шара, на свѣтъ боий къ подножию

гора Иерусалима, где они вновь увидели украшающую небо звезду.

Заря появляется на небосклоне и освещает по средине океана пустынный остров, на котором, по выходу из ада, отужилась Данте и Вергилий. Остров зреть начался в антинодальную ось Иерусалима, создававшего, как всегда полагаем, центральную ось земной поверхности. На острове возвышается гора, имитирующая вид конуса с срезанной вершиной. Она опоясана девятью террасами, не считая первой, вале у ее подножия и последнего на ее вершине, где расположена земной рай.

2. Пургаторио - Иерусалиме.

С помощью той же философии, которой Данте придерживался, изображая ад, он указывает на рассказы и на действительности, как на средневековые, которые погрузил в искусство прослушки. Он подает надежду на спасение, и изображает Иерусалиме. Оно издано в конце 1315 г.

За возвращением поэта к мучальству сладострастия рассказа его о рае, как, на заре, пред ним и его проводником, предстал древний римлянин Казонь Фригеский, который и указал им путь в Иерусалиме, направив их к морскому берегу, поросшему урсиником. Там Вергилий, омыв Данте лицо водой, опоясывает поэта урсиником (Эблема долготерпимый, крошечки и спиритизм). Утренняя заря святилает уже блеском солнца, а Вергилий и Данте

¹⁾ Данте радуется тому, что вышел из подземного царства, и выразил восторг, какой возбуждает в нем вид ясного неба и живое изображение звезд, по которому —

Все еще стояли на берегу моря в глубоком раздумьи.
 Вдруг, издалека, тихо скользя по лазурному зеркалу мо-
 ря, къ нимъ приближилась масса ярко-багрового свѣта.
 Это были ангелы, козоровы, въ скользящей по морю баркѣ,
 взмахами своихъ изрезанныхъ крыльевъ перевозили ду-
 ши умершихъ въ покатыи гроты-нишкови къ мѣсту очи-
 щеній. Данте падалъ ницъ передъ ангеломъ, не могли бы,
 неслы его чудного сидѣнія. Ангелъ осыпалъ души гроты-
 нишкови знаменіемъ креста и осаждалъ ихъ. Тогда же,
 кѣй спрашивался Виргилій о дороге къ горѣ очищеній,
 но позрь оубогаея имъ, что онъ и Данте уясно-то при-
 шли изъ ада, и путь на гору имъ неизвѣстенъ. Въ окрѣ-
 стностяхъ Данте, поэтому что все съ удивленіемъ замѣчалъ
 по его дыханію, что онъ живъ. Изъ толпы званей, высадив-
 шихся изъ барки на берегъ, выходило одна званя, полная
 желаніемъ обнять поэта; Данте двался возне, — но зри раздѣ-
 ржки его обвиняють нцзой воздуха. Съ восрогломъ уднаея
 позрь въ зрой зтѣни друга своей юности Казеллу, знамени-
 того въ его время пѣвца-музыканца. По просьбѣ друга,
 Казелла (Козелло) поея одну изъ канцонъ Данте, и золпа
 званей, заслывавшася, забываетъ о восхожденіи на гору. Раз-
 даея голосъ Карона, цпрекающаго имъ въ медленности.

Данте и Виргилій оныя осажоуды одни. Данте вдруга
 замѣчаея на землѣ зольско одну своего званя, и ему прихо-
 дитъ въ голову, что Виргилій его оставилъ. Тогда, црицелъ

объясняетъ ему, что зѣны усонивше далагодея прозрачны,
 какъ небесная сферы. Путь, козоровъ Виргилію и Данте
 приходится взбираться на гору пиезулища, предъзавладеть
 здѣшнимъ и руднымъ. Разговаривая о разномъ философ,
 скихъ предметахъ, и между прочимъ, о недоедохомоеи позна,
 нійъ человеческимъ и необходимоеи подвѣненіи Христа,
 они доосматривъ подошвы горы. Здѣсь поэты засматривъ души
 озлурекномъ оу церкви, прободящія жалъ извоухное вре,
 нѣ, президе члвкъ иль дозволено будеть озиравиуеся въ гисхи,
 лице. Виргилій проситъ иль указатъ дорогу, и на иль во,
 просъ — отчего Данте просаетъ оу себѣ зѣны? — озвотаетъ, что
 отъ еще живъ, и по осоденному изволению Божію восходитъ
 на гору. Въ одной изъ зѣны Данте узнаетъ Манфреда, ко,
 ролѣ Апуліи и Сициліи, козоровъ говоритъ, что отъ совер,
 шилъ при жизни зѣныя грѣхи, но умеръ въ глубокомъ
 раскаяніи, а поэты и находится зѣныя здѣсь, между ду,
 шами, надъ козоровъи зѣныя проклятіе церкви, и про,
 ситъ сказатъ своей догери Консвациіи, чтобъ она моли,
 ласъ о немъ.

Наконецъ догора найдена, и поэты начинаютъ всходить
 на гору. Съ величайшими усиліями они вползаютъ
 на крутой обрывъ разсѣкавшихся скалъ, впереди Вир,
 гилій, а позади его Данте, козоровъ надежда придаетъ
 крѣпость. Когда узкою и крутою зѣнышкой они до,
 сходятъ окрѣпкъ первой пропасти, Данте спрашиваетъ:

„Учирель, какую же дорогу изберемъ мы?“ Творъ озвочаеъ ему:
 „Не поскользнетъ назадъ ни однимъ шагомъ (з.е. осерегайтъ,
 съ едлагаеъ лозе одимъ шагъ назадъ на пути исправленія),
 но вздирайся вельдь за мной наверхъ, пока не движеться
 вельдьникъ.“ Наконецъ, добравшись до вельдьна одной почти
 озвоченой скалы, они оздыхають, и Данте съ удивленіемъ ви-
 дить солнце на стверть. На вопросе поэта, долго ли имъ
 еще вздираеться, поэту что онъ все еще не видить вершинки,
 Виргилий озвочаеъ, что онъ знаеъ навѣрное зольско го,
 что тамъ выше поднимаетъся, золь въ мельше зрѣднееюи
 предсавляеъ дорога, и когда ему показеъся, что онъ
 какъ будто скользеть въ лодкѣ внизъ по рѣкѣ, го золь
 восхощенія доеритиуа. Вдругъ почти подлѣ нихъ раз-
 даеъся голосъ: „Ну згого, можеъ бале, не будеъ? Поэты
 идуть на згозь голосъ и видять зольну дучь, какъ-то мн.
 ниво прислонившихся къ озломку скалы. Одна изъ зъ,
 ней сидѣла на землѣ, обнявши колѣни руками и скло,
 нивъ на нивъ своего голову. Зо — Белсавка, славившійся
 своей игрой на цыртѣ, другъ и учитель Данте; озъ него по,
 зъи ззнають, что передъ ними дучи золь, которые пре,
 медрегами покайнисель до самой своей кончины, и обре,
 гетны ждаъ у влода въ чиселиице зольско моль, скопско
 кзо нивъ на землѣ.

Поэты идуть далѣе. Вдругъ одна изъ ^{нежданыхъ} дучи
 закрычала, показывая на Данте пансцемъ: „Посмотрите:

онъ заслоняеть собою солнце и бросаеть оу себя тьма на земли словно тьмой? Данте оглядываеть назадъ. Виргиній упрекаеть его за это разстояніе на пути исправленія, и Данте идеть за нимъ молча, брошенный въ краску огня, янія и сьвѣда, козоровъ дѣлать людей дозойковиди прочее, тѣя. Поэты возрочають волну души, потонушь мизерет. Но тѣяніе это обращаеть въ крикъ удивленія, когда они замѣчатъ, что фигура Данте бросаеть оу себя тьма. Узнавъ же, что Данте зочно тьма, они просятъ его, когда онъ вернетъ, съ на землю, побудить ихъ родоубетниковъ къ молчубѣ, но, зочу что они — души утвердилъ насильственнаго смерзуба, не успѣвшихъ въ смерзубный часъ покажутъ въ своихъ грѣхахъ. Изъ волны выстунаеть зоча габеллина Буонконте, съ на графа Гвидо де Монтеферелзубо, и малубея поэту, что ни тѣя, ни родные не молубя оу его освобожденіи.

Разказавъ трагическую кончину Буонконте и покоробидъ другидъ, Данте съ неподражаемымъ лаконизмомъ передаеть зрочательную изорію тѣя Нелло делла-Пезза ма-Па, изъ рода Поломаевъ въ Сіеннѣ (V н., 130-136 стр.). Пѣльней окружачють Данте и просятъ его о молубѣ за ихъ души. Наконецъ онъ осзаеть одитъ и спрашиваеть Виргинію: тѣя онъ обьяснитъ ему зо, что зри души закъ крѣпко надѣточа на поубеубо молубѣ, — зоча какъ въ Энеидѣ сказано, что никакая молуба челоубическая не въ силахъ предозбравитъ приговора зочія? Виргиній даеть

ему на это сухое схоластическое объявление, что божеуобен,
 над любовью все это уравнила размер, но что во это время —
 любовь, какъ Язвенская, не имала никакой силы; впрочемъ
 отъ соблазуеъ Данте сократилъ это сомнѣнiе до этихъ поръ,
 пока его не разбавилъ Беатриче, козоручо отъ безгрѣшнъ
 на вершинѣ горы. Воспоминанiе о Беатриче придаетъ Данте
 новую силу, и отъ проситъ Виргилiя скорѣи продолжать
 путь. На одномъ изъ чресовъ поэты безъмалю одискоую ду-
 му и Виргилiя спрашиваеъ се о наилучше удобномъ для нихъ
 пути. Это — душа, гордаго поэта Сорделло,¹⁾ козоруч, при звучанъ
 своего оземесуреннаго Языка, забываеъ своего гордоеъ и, узнавъ
 въ Виргилiя мантуанца и соземесуренника, съ громкой
 радоеъго бросаеъ въ его объятiя. Данте до слезъ зронитъ
 этой герзой любви къ оземесубу, и съ негодованiемъ вепо,
 минаеъ о своемъ городѣ, исчерзанномъ мидоусобiями
 граждановъ. Здесъ въ поэты слѣдуеъ энергичная и високо,
 поэтическая диатриба Данте по поводу езрашнвхъ раздоровъ,
 герзавитихъ и козоривитихъ въ это времена Флоренцио
 и охаленцио Угалито (VI к., 76-151 ст.). Негодованiе это из-
 миваеъ въ энергическiхъ чирекахъ, въ козорихъ промя-
 двиваеъ основная идея поэта о всемирномъ господствѣ
 Рима. Позомъ поэтъ порицаеъ германскiхъ императоровъ
 Рудолфа и Альбрехта, за то что они ^{напѣ дова козори} не радѣли о прекрас-
 нѣйшей гаси своего государева, и наконецъ обращаеъ
 оидъ съ горькой иронiей къ своему оземесуренному городу.

¹⁾ провансальскаго урбадура, родомъ изъ Мантуи,

Сорделло, узнавъ оъ Данце, что въ мнѣхъ привоухаванъ, наго мнѣ соотечественника отъ видухъ никого много, какъ самого Виргилиа, надасуръ предъ мнѣхъ мнѣхъ и обнимахуръ его колотони. Позовъ аговъ предлагахуръ позравхъ слушнхъ мнѣхъ проводникотвъ по своему кругу. Въ виду насупающей ноги, когда пушкики не могли бы продолнахуръ свой многозрудной муръ, Сорделло привоухуръ ихъ на небонсицо, покрывуро цвѣтъ, замн полдну, гдѣ, въ озиданнн предсудцаго для мнѣхъ омщенихъ оу грѣхотвъ, проводяхуръ время рк, которые изъ-за похерей и обзаканухей, соединенныхъ съ верховной властью, не ценхли въ-время показася, ^{mit nicht zu beifügen} не радхли о спасенн души своихъ. Дасне и жемуръ ихъ гнелухуръ заболнвое воспоминанне о дтлахъ земли. Сорделло указываехуръ на мнѣхъ позравхъ, на, завад касидуро жонхъ по шеннн. Туръ, между прочихъ, на, ходяхуръ императоръ Рудолхеръ Табурусскнй, Оухонаръ, коронхъ чешскнй, Пехуръ III Аррагонскнй и др.

Между жонхъ, какъ ехъ насупленнхъ вечера, въ жонхъ жонхъ похуръ мнѣхъ св. Амвроснй, *Te lucis ante*, чналавъ о зацнхуръ ихъ оу искушеннй, съ неба спускаюхуръ вооруженные пламеннхми мечамн, два белокуррое ангела, чтобн охраняхуръ душн, напалматонснй полдну, оу жонхъ искушеннй, которого отн, при его подвленин, и обращахуръ въ бжогсво. Сорделло обдаснаехуръ позравхъ, что анге, лхъ жонхъ протхли изъ лона Марнн, и посланхы для зацн, хн полднхы - долнхы, похому что сейчалъ прндетъ жонхъ."

Поэты сходятся внизу, где Данте встречается с благородным
судого Нинно, из рода пизанских Висконти. Между рвами
в долине сфабриковано, и на южной стороне полностью засыпаны три
звезды — веры, надежды и любви, освободившей все небо. Когда
да насытила совершенная ночь, зловещий-искуситель лукаво
выползает из щелей на долину; но разгася его мале,
рапорт на него два вооруженные ангела, и одним взмахом
ихь лопутиль крыльев заславляет лукавое зловещее спрят,
дарясь. Наконец зовут Конрада де-Малдестини, графа
Лунидманского, илугаеть удобную минуту подойти к
Данте, и разспрашиваеть его о делах своей патриции
в Валдмаре. Данте отвечает ему, что отъ никогда не
быль в Лунидмань, но что повесть о справедливости, о
храбрости и щедрости ея благородных владетелей напол,
идеть всю Италию. В благодарности за это известие, рас,
зрочанний графь (Конрад или Куррадо) предсказываеть
поэту, что когда нибудь отъ самъ будеть пользоваться гоним,
примерившись сына его, Марозло.

Наконецъ бледная луна вернуаеть в созвездие скор,
пиона. Данте ложится. Вь холодный час разевота поэты
видитъ во сне золотого орла, парившаго вь воздухъ съ рас,
просерзанными крыльями. Поэту казалось, что отъ спущь на
земь мнеть, откуда Танимедъ былъ воелицемъ до созерца,
ния великия божия; поэтомъ ему казалось, что схрамный
орелъ какъ молния падаеть внизь, схватываеть его, и умо.

сирь въ прѣдѣлахъ вѣчнаго свѣта. Непривычной блескъ обла-
дасть его закитъ сраховъ, что онъ просыпаеся; и съ уснасомъ
видать, что онъ лежить уже на другомъ мѣстѣ, но все еще
съ Виргиліемъ. „Воздѣ“ рассказываетъ, что въ сумерки ему
явилася св. Луція (символъ, просвѣщающей благодати) и, чтобъ
облегчить ему восхождение на гору, донесла шкъ до салави въ
ворохъ гисримища. Къ шкъ ведуръ зри мраморной срупи,
ни различнаго цвѣта, а на вершѣ, на алмазной скаль, сѣю-
мръ на сразитъ ангель съ закитъ свѣтлымъ лицомъ и пла-
меннымъ мечомъ, что Данте не выносивъ его блеска и за-
крываеъ глаза. Виргилій помогаеъ Данте подыгудься на
зри срупени (символъ зрѣть сценеи показанія). Данте зри
раза ударяеъ себя въ грудь, бросаеъ на землю передъ анге-
ломъ и проситъ его озаритъ. Поэтъ накарываеъ ему на чело
мечомъ своимъ семь разъ букву ^ТР (рессатит, грѣхъ, въ озна,
мечованіе семи смертныхъ грѣховъ), и закитъ (ключомъ,
полученнымъ отъ Петра) выпускаеъ его вытѣсть съ Виргилі-
емъ за священную дверь, захлопнувшуюся велѣнь за ни-
ми. Святой врата, выливая изъ блестящаго металла, силъ,
но задыгали, и поэту показалося, что онъ слышитъ въ зромъ
звукъ гитары: *Te Deum laudamus* - „Слѣдъ Бога хвалимъ?“

Поэты вступаютъ закитъ образомъ въ 1-й кругъ гисрими-
ща, въ которомъ души очищаются отъ гордосери. Здѣсь извива-
еся кривая и неудобная зрѣтинка, уклончивая, какъ иура
гордоси. Виргилій предоерегаеъ Данте, чтобъ онъ смиренно

смотрять въ землю, потому что одними зорь гордосель при-
 мочно ходитъ съ подвижной головой. На вышренней сферонто
 окружающей тѣ кругъ сущности поэты видять дивной работы
 скульптурныя изображения, воспроизводящія различныя
 случаи смиренія. Проходя мимо этой сущности, они видять
 przede всего картину благовощенія Маріи, — образецъ сми-
 ренія; изъ усть ангела, казалось, горобо било вылететь слово:
 «Аве»; дальше Давидъ скачетъ передъ ковчегомъ завета, не обра-
 щая вниманія на насмѣшки Мельхисеки; — потому поэты
 видють изображение крошечнаго императора Траяна, оказав-
 шаго правосудіе вдовѣ обидетной: «Наконецъ Виргилій
 указываетъ Данте на зорну гордецова, которая медленно дви-
 галась, взбиралась на гору, согнувшись подъ бременемъ устал-
 ныхъ язмесей. (Последній герцогиня этой (X) тѣсти — одно изъ
 лучшихъ поевъ „Иерусалима“). Данте влгаетъ думать гор-
 дель въ усть перифразы молитвы Господней. Виргилій спра-
 шиваетъ у ниль (гордыль) о легчайшей дорожкѣ, потому что
 на Данте ядговетъ еще земляя оболочка Адама. Пѣни
 великаго росканца графа Андерро ди Самуафоре выдыва-
 етъ въ проводникъ, но падаетъ подъ зъземельнъ камельнъ
 покаянія, который наказываея родовая снѣгъ. Воздуная
 на нуръ, указанный поэтомъ зрими зорнѣли, Данте узна-
 етъ среди ниль Одеризи да Туддио, знаменитого мисіафорнаго
 мивонисца своего времени, который кратко излагаеъ позо-
 ритю первахъ итальянскихъ художниковъ.

1) По свидѣтельству Томаса Аквинскаго, зоръ похунокъ Траяна закъ
 фронецъ св. Григорій, что зоръ вынормилъ у Бога спасенія императора зоръ
 мучи вонкой, на котору зоръ биль осуденъ, какъ язмесей.

Разсудившись съ Одеризы, Данге и Виргиний разсмазрива,
 нозь покрывающій картинзъ изобразеній извощенныхъ изъ метро-
 рин приимкоровъ гордоеси — изобразеній буйной и надшей гор-
 доеси. Тамъ били сагана, прекрасной ангель, съ блесзрозого
 молнии сверженной съ неба, Бриарей, пронзенной насквозь
 перуномъ (грономъ) Завеса, Вембродъ, Нидей, Сагил, подтом,
 денной филлеримлянами, Хвасуливадъ Авралнея, обращен,
 надъ въ наука, Ровоаль, обшцавший стогъ своихъ подгаммакъ
 скорпионами вътосо бичей оуца, Эрисрипа, продавадъ мука
 за омерелсе, Сетнахеридъ, гордый царь Ассирии, Курь, подтом,
 денной царицейъ Массазеговъ, смерть Олоферна, падение
 Тирон, — одимыхъ словомъ, весь видъ гордоеси и высокохотарид. —

Предводимые ангеломъ музники даждождь до взорого круга
 тисцилица, при входе въ козорый ангель (въ бчалай одеждь,
 съ мифомъ сѣяющимъ, какъ чуренная звезда) крыломъ своимъ
 сфизраеъ одно изъ П, наперзанныхъ на чель Данге: нозть,
 ошценнойъ закиль образомъ оръ галпайшаго изъ сверхуныхъ
 грѣховъ — гордоеси — мгновенно погубежовалъ, какъ почти
 неслеза его челомеъ. При повороте тропинки поэза съ,
 шаять нѣтъ небенныхъ голосовъ: Блаженныи мѣстѣ духомъ.

Такъ какъ гора возвышаеяся пирамидально, то 2-й кругъ
 тисцилица уже гораздо меньше первого. Здѣсь грѣшниками
 дано ошесуицѣ оръ другого смерзнаго грѣха — зависти. Здѣсь
 невидимая для ошыхъ музниковъ джи, ледя по воздуху, грѣхъ,
 ко припоминали разныя приимкоры върасеній чубежа модби;

У рессатимъ superbifatis — грѣхъ гордоеси.

между жемчужинами как души завесников, произносимы конения
 къ мадонны и свѣршиль. Поэты руководимые крохмилъ свѣтомъ,
 сѣвномъ какъ утренняя звезда на чела небосвода (ангела),
 доуригаторъ уше до средини круга, какъ боруль сзади ихъ раз,
 даждя восклицаніе: „vinit non habent“ (вина нѣтъ у нихъ.)
 слова Маріи на бракъ въ Канъ галилейской, напомина,
 тощія о гостепримствѣ; позоуль, бисеро пролекая мимо, вур,
 роу духъ говорить имъ: „я ерсуль!“ напоминаетъ о дружбѣ, и
 наконецъ въ отдаленіи прозвучалъ зрѣній голосъ: „любите
 брѣги ваши“, затоводъ любви христіанской. Данте узнаеу
 оуъ Виргилія, сто въ кругу зрѣній каюся завесники, и что
 голоса зри напоминаеу имъ о добродѣтеляхъ, проуивоно,
 лозимыхъ завеси, какъ въ предыдущемъ кругу каруимъ
 смиренія побудидали къ раскаянію гордыль. Видъ казни
 завесниковъ извлекаеу у поэта слезы. Трѣмътиски облакени
 въ власюлицу, сидѣть на землѣ и заслоняюуь одинъ другого
 плечомъ. Глаза ихъ замизы желѣзной проволокой, оуого
 по щѣкамъ ихъ текууь обильная слезы раскаянія. На вопрекъ
 Данте: нѣтъ ли здѣсь гряданъ Лауцима? — одна изъ души
 озвочаеу, что встѣ они зеперъ грядане зрада иерномало?
 Сама же она сѣмька по происхожденію, какъ и цупо,
 минавшаяся la Pia, называлася некогда Capella (Varia)
 и, изгнанная изъ оуелесуба, завесливо радовалася поре,
 жению своихъ земляковъ. Проуцалъ въ зѣвнѣмъ, Данте
 говорить, что „онъ мало соурашилъ завесливими взорамъ“

но что онъ очень боялся за себя въ кругу горделивыхъ,
т.е. за грѣхъ гордости (XIII н., 134-138 стр.).

Далѣе Данте и Виргилій осуждаютъ и ватагося для Бестины
съ мессеромъ Гвидо дель-Дуча и съ мессеромъ Винчери да-
Каледони. Эти двое души спрашиваютъ Данте, кто онъ, кто
былъ вождемъ на шель гору? «Мнѣ мое имя мало извѣстно,
отвѣчае шель поэтъ, что названъ его рощицею но въ гору
не послушать, но что онъ пришелъ изъ земли Пусковъ, съ бере-
говъ рѣки, изливающейся въ Фраггероне. Тамъ онъ отдалъ
яму справедливое, что онъ не хотѣлъ названъ въ рощу, на
берегахъ которой живетъ народъ, забывшій Бога и совесть,
и съ горскими презрѣніемъ говорятъ о падшихъ нравахъ
никогда изумно благородныхъ фамилій Флоренціи и Ро-
манси (XIV н., 40-66 стр.). Подвигаясь далѣе по своему пу-
ти, поэтъ слышитъ раздающіеся въ воздухѣ голоса, при-
ходящіе на память нѣсколко приморевъ завишлывающа.
Какъ византійскій ударъ грома, или поразитель безумная
восклицаній завислываго бродягѣица Каина, обращен-
наго въ камень Аглабра, о которомъ говоритъ Овидій
въ своихъ метафорозахъ.

Къ вечеру поэтъ являетъ ангелъ, сіяющій ярче
солнца, который долженъ указать шель легчайшую дорогу
въ сіяющую кругъ. Дорогой Виргилій ведетъ съ своимъ
другомъ сложасителскій разговоръ о бездѣлности благодази
Божией. Наконецъ они восходятъ въ 3-й кругъ, гдѣ грѣши.

мики долгие окисляются от гниения гнива. Здесь поэты
 описывают виденье изображений добродетелей, противоположных
 гнилу гнива: сначала Марко, который после долгого иска-
 ния своего двадцатилетнего сына, найдя его в храме
 и кроко говорит ему: «это сделалъ же со мною, сын мой?»,
 от чего искали мы тебя, я и озеро зной!» потом кро-
 кого Пизидраха и наконецъ св. Стефана, который съ несе-
 кой крокоето умоляетъ небо о спасеніи своихъ мучимыхъ.
 (Воззванія къ добродетели сражаются злымъ духовнымъ, злымъ
 больше кругъ, въ которомъ окисляется противоположный ей
 гниль. Въ низшемъ кругу это были чисто матеріальныя
 извѣднія изъ камня, во второмъ громкіе голоса съ неба, и
 наконецъ въ 3-мъ уже чисто духовныя, вѣдѣнія созер-
 цанія событий). Передъ поэтами открывается зримое простран-
 ство, громадное со всехъ сторонъ дикими скалами, —
 кругъ гнильвины. Пространство это зримое неги, мрачное
 ада.

Здесь Данте, какъ и во многихъ местахъ, слѣдуетъ симво-
 лить безлаго завора, где гниль Божій всегда проявляется
 во мраке, хотя мракъ этого круга не сколько проявление
 гнива Божія, сколько слѣдствіе гнива, во всей нравствен-
 ной гермофъ его. Общихъ поэтовъ окисляется густое облако
 дыма. Души гнильвины, между злымъ, молва Надеско-
 му Агнцу. Венецианецъ Марко совершенно по доброй во-
 ле не хочетъ идти вверхъ, влѣдствіе одного злого сознанія,

то отъ еще не готовъ и не дозволивъ сѣбѣ выйти изъ круга своего круга. Данте слышитъ, какъ души гнѣбныхъ подкрѣпляютъ себя въ камыреніи покативъ, испрещанными косядами о красномъ Ангелѣ Тодіемъ и горячемъ полизавъ къ Меккутенто. Тутъ же Марко Ломбардо предлагаетъ себя въ проводники по кругу гнѣбныхъ. Дорогой Марко объясняетъ поэту неясно, ваяетъ свое царившаго въ ту эпоху астрологическаго ученія о вліяніи, бурно бы оказываемомъ небесными светилами на поступки людей, при этомъ излагаясь и воззрѣніе самого Данте относительно 'свободной воли'.

Призываетъ на помощь фантазію, поэту припоминать усталая послѣдствія необузданнаго гнѣва. Они видны Филомелу, Анана и Лавинію, умерщвившую себя въ припадкѣ безумнаго гнѣва. Когда же видныя разсѣли, какъ сова, оръ яркнхъ лучей солнца, поэту слышатъ голосъ другого ангела, который ведетъ ихъ на утесъ слѣдующаго ^(4-го) круга. Въ видѣ крыль его сиречь новое Рѣчъ тела Данте. Но блеску лучи солнца, насушатъ ноги. Данте губебуетъ слабость своей теловческой природы. Во время ордына Виргиній объявляетъ, что этотъ кругъ предназначенъ для очищенія отъ грѣха лжесуди, а также и то, какими образомъ быть чествованію, геккіе поступки, добрыя и дурныя, и что своею прищипкой лжесуди, и въ чель заключаетъ чествовческая свобода, но что впрочемъ все это гораздо лучше объявить ему Беатриче, вѣра Тодіесвенная, гнѣвъ его чествовческій разумъ. Между тѣмъ на

срывает поклоны, и луна поднимается надъ землею. Заряны
 поэты видя въ зѣбни мотыльки Благосущи по кругу; передніе
 изъ нихъ приводятъ приемыши энергии, тогда какъ задніе —
 мѣни. Даже клонитъ сонъ, который естественнѣе овладѣваетъ
 имъ въ кругу медлительности и лѣтливости. Но сонъ зрѣтъ на,
 ружаетъ скоро зѣбна душа, козорихъ раскаяніе зѣрзаетъ даже
 и когто; отъ хлопозливо Благосущъ по равнине, побуждаетъ,
 мѣне къ покаяннѣо сознаніемъ своей грѣховной медлительно-
 сти при жизни. Дѣтъ души Бѣгущъ впередъ, и съ воплемъ кри-
 чать — «Марія поспѣшила въ горы» и «Цезарь разрушилъ
 Марсель и поспѣшилъ въ Испанію». На то вѣдъ зѣбна озвѣга,
 ла — «скорые, скорые, не зѣрзѣте времени въ праздности». Вир-
 гилій спрашиваетъ одну изъ зѣбнѣ о дорогѣ, и она, не осуждавъ,
 мѣваетъ, озвѣгаетъ ему, тождѣ отъ Бѣгуща за ними. Шесѣвіе
 заключаетъ дѣтъ души, козорихъ, по приемыши прошлѣ круговъ,
 для большаго побужденія грѣшниковъ къ покаяннѣо, приво-
 дятъ два приемыши пѣгубной медлительности — исторію израиль-
 чанъ, умершихъ во время сраженій въ пустыни, и зѣбнѣ,
 цѣвъ, козорихъ изъ мѣни осѣались въ Сициліи и зѣбнѣ окончили
 жизнь безъ славы, осѣались Дня одного основываетъ римское
 государство. — Поэтомъ овладѣваетъ сонъ. Во снѣ ему являе-
 тся Лоза въ видѣ безобразной, и Правда въ образѣ Благосущивой
 женщины.

Съ восходомъ солнца поэты снова ищутъ въ нурѣ. Является
 ангелъ и помагаеъ имъ взойти на зѣбнѣ скаль. Наконецъ они

приходяще къ Б-гому кругу, — испримищу скупецовъ. Расстро-
 сержишия на земли, души проливають слезы и ежонуть —
 «души наши прилькниши къ земному!» Данте спрашиваетъ
 одного изъ катоцихей о дороге, и узнаеть въ немъ пана Адри-
 ана К, изъ графскаго дома Фриски. Адрианъ обещаетъ поэту,
 что покаяться скрутилъ самое зрудное. Данте хощетъ благого,
 вѣйно склонился передъ паномъ, но розъ не допускаеть его
 до злого и говоритъ, что здѣсь, на верху, вѣсь равны. Адрианъ
 его не замедляетъ болѣе его покаяться и по возвращеніи
 на землю побудитъ племяннику его Алехандро помаргед
 одумать его. Между злыми души катоцихей припоминатъ
 поучительскія соборія изъ жизни пищихъ и нищелюбивыхъ.
 Сверба о бедности Марин, родившей Эисуса въ Льтовѣ, похвалъ
 о нищезе Фрадринца, щедроваго прозвѣ обобщенія оградъ,
 мѣхъ даровъ Пирра и наконецъ о св. Николаѣ, котораго оу-
 далъ свои сокровища для спасенія добродѣтели. После нѣ-
 сколько примѣровъ нищези и щедрости, одна изъ душъ въ-
 даетъ себя за Тито Канера, родоначальника Канеритовъ, на-
 зываетъ себя корнемъ дурного дерева, опраившаго вѣсь
 христіанскую землю, и съ скорбью говоритъ о надменности
 и насиліи похотковъ, посылъ зого какъ они овладѣли Тро-
 вансомъ. Онъ воспоминаеть о Карлѣ д'Анжю, котораго
 убилъ послѣдній Тогеттицауфрена, о другомъ Карлѣ (Ва-
 лла), котораго какъ Юда предалъ Флоренцію и за то
 воспоминаеть зенора не влаеть, а цѣль и позоръ, и наконецъ

У здѣсь въ поэму помѣщено нѣсколко рѣзкихъ выходовъ Данте про-
 тивъ французскихъ королей, бывшихъ соперниками папсва.

о зреломъ Карлѣ, королѣ Сицили, который за огромную
сумму продалъ дочь свою презрѣлому ЛуизоVI; поэтѣ
вспоминаеть о Филиппѣ Прекрасномъ, который нанесъ
оскорбленіе нагнѣ Бонифацию и ограбилъ церковный
богачество. На вѣнцѣ ихъ отъ призываетъ мученикъ Тобіа.
Далѣе отъ объясняетъ поэту, что днесь утѣши восхваля,
когда добродѣтели, прозвонимомыя грѣху корыстолюбія
и скупости, и что это понуждаетъ ихъ идти впередъ по пути
покаянія; тогда какъ некто, когда идти впередъ невозмож-
но, они говорятъ о наказаніяхъ, чтобы по крайней мѣрѣ
удерживали отъ шага назадъ. Тамъ, напр., отъ вспоминаеть
о Пигмалионѣ, который умертвилъ рождившика своего Сихая,
чтобы обладать его богачествомъ, мадонна Аидаса, который
просилъ у Вакха дара, чтобы все, къ чему отъ ни прикаснется,
превращалось въ золото, кады корыстолюбиваго Ахана, смерть
клятвопреступной Сафиро и ея мужа, исторію Теліодора, послан-
наго Селевкомъ ограбить сокровища храма іерусалимскаго. По-
этѣ вся гора огласилась позоромъ Поликсенора, убійцы Поли-
дора, и каменщикомъ надъ Крассомъ, полюбившимъ парфянскаго
золота.¹⁾ — Гора испулища вѣрующъ созрѣваетъ, и души въ свѣщен-
номъ узнаеть начинають петь: gloria deo in excelsis! (Слава въ
вышнихъ Богу!)

Поэты идутъ далѣе. Вѣрующъ позади нихъ, какъ некогда голова
воскресшаго Христа, позади учениковъ шедшихъ въ Гетсимань,
раздвѣдая привозувше: — миръ съ вами, братія мои! — Это была

1) Крассъ, который изъ алмазовъ велъ совершенно совершенную войну съ пар-
фянами, попалъ въ плѣнъ и былъ умерщвленъ кесарьцедвѣли. Они отрубили
ему голову, и окунувъ ее въ расплавленное золото, говорили: въ мадоннахъ
золота, такъ и сей ево.

зонт описывалось гримаска, возвращающегося въ сонмы праведныхъ. Тѣмъ обидяется Данте, что гора очищения при, ходя въ движение всякій разъ, какъ одна нѣзъ души, наводя, щихся въ гискалищъ, срановидя очищеннаго оу грѣшнъ. По зредованно Виргилій зонтъ называетъ себя. Это римскій поэтъ Кудлій Папиній Сзацій, современникъ Плуза, авторъ „Сивандо“, „Амилейдо“ и „Лисово“. Онъ съ восхищеніемъ говоритъ оу „Энейдо“, называя ее магерю, кормилицей своей въ поэзи. „О, если бы я шилъ въ одно время съ Виргиліемъ! — восхи, щаетъ онъ, — я бы съ радостью перенесъ за это еще цѣлѣй годъ сурдакій“. Король зонтъ обоимъ поэтамъ древняго Рима привѣтствуетъ другъ друга.

Ангель, сферный съ тела Данте знаетъ скупоети, подоб, но зонтъ, какъ сдувались знаки прочимъ грѣшнъ предъ воуи. Лемель поэза въ соозвоудствующе имъ кругу мериллица, помогаеъ поэтамъ подназса въ 6-й кругъ, гдѣ души очища, торса оу грѣша гребоводидъ. Тѣмъ катоищкя поторъ: „Бла, шенны аллиціе!“ Данте, легке несели въ другиль кругиль, поднишаеъ на гору велль за поэтамъ, завѣвшились раз, говориль о существе любви. Виргилій удивляеъ, какъ уре, никъ его (Сзацій), при своей великой мудрости, попалъ въ кругъ скупиль, на что зоръ озволаеъ ему, что онъ казался здѣсь не въ скупоети, а наирозиль, въ расхоизельности, козоран здѣсь, какъ и въ аду, наказываеъ въ одноиль кругу со ску, поэзио. Виргилій и Сзацій разспрашиваеъ другъ друга о загод,

ной судьбы прочих позров древности, и Сваций² обиденяеь,
 какъ отъ схилами Виргилія¹ былъ подготовленъ къ прииди.
 зию Христіанства. Повернувъ вправо, зрос позровъ видать
 чудесное дерево, покрывое великолѣпными яблоками и оро-
 шашное прозрачного водою, вытекающей изъ горы; но благо-
 ухапные плоды расцуръ какъ высоко, что доезжать ихъ нѣтъ
 возмозности. Незримый голосъ, исходящій изъ шеввы чюд.
 наго дерева, переислалъ прииди въ воздержаніи. Тогда
 Данце вспоминаеь объ уморенности древнихъ римлянокъ,
 козорыи ниие зомско одну воду, о воздержности Даниила, ко-
 зорыи не захоуилъ нуръ вина за зранезой Навуходносора,
 о золотомъ вѣнкѣ и объ Иоаннѣ Крестителѣ, нивавившея
 одними акридами и дикими медомъ.

Позра идуръ далсе. Нино ниль проходивъ зомна зыней, пошцаз:
 Господи, цеза мои возвсхвалъ хвалу звою. Эго - кающіея въ грѣ.
 хѣ ^(наиболѣе) моужь; блгодные, со впаыми глазами, осунувшея кожей,
 какъ умирающіе съ голоду... Когда они бѣжали нино позровъ,
 Данце казалоеь, что отъ видуръ передъ собою ширелей² Ферусали-
 ма въ зо опасное время осады (Тироль), когда маэри пошира-
 ли дозей своихъ. Между душами грѣшившихъ обзюоривомъ,
 Данце узнаеь своего земляка Фрозе Допази, козорыи и поше,
 ндееь ему, что аронарь шодовъ, расцущихъ на деревья и видъ
 орошашней шверности воды возбуриваеь въ грѣшникахъ
 мушземельнѣе гувезво голода и маиди, случившея для ниль
 ошущеніемъ озъ грѣла. Цезами зого же Фрозе Данце съ горечью

¹ Эклога IV, 5 ст. и слѣд.

осапаеъ упрекали современныхъ ему флорентинскихъ
 меншиновъ за нескромноеъ ихъ нарядовъ (LXIII н., 94-108 стр.).
 Фрорезе сообщаемъ Данте извѣстїе о смерти его Пиккарди, ко-
 гора въ уже давно наслаждаеъ въ рай блаженство въ правдѣ,
 ивъ, и поэтомъ указываеъ ему на поэта Буонадмонтио изъ
 Лукки, напу Маржина V, Бонифазид, Убалдино и другихъ
 извѣстныхъ астрономовъ и развратниковъ. Въ разговорѣ
 съ поэтомъ Буонадмонтио изъ Лукки, Данте дѣлаеъ намекъ
 на своего милонезцо привязанное къ Эммануэлю (Фитисса)
 факте изъ названнаго города, и снано указываеъ разницу
 въ характерѣ поэтическаго зворичея между ними самимъ и
 его предшественниками, Якопо да Ленджино и Твиччо изъ
 Аренцо. Фрорезе чуждаеъ своего друга пророкаево о ско-
 рои и ужасной смерти виковника великаго золь, Корсо Дома-
 ги, тесокаго предводителя парии германъ во флоренции.
 Поэтомъ отъ идеъ далне. — Передъ деревомъ, обремененнымъ
 плодами, съ плачель и слонами дѣшннхъ золь голодныхъ
 утней, процедура въверхъ испудалъ руки. — Проходяще мимо!
 кричель тнъ небидимый голосъ, — поэтомъ дерево, прель-
 сившее дву — гораздо выше; это золько однъ его отпрыскъ?
 Поэты басурно проходяще мимо. Между золь голосъ не пере-
 сцаеъ говоритъ съ католицинею о примѣрахъ наказанїя ве-
 ликой аллюези. Онъ напоминаеъ тнъ о проклятыхъ
 синахъ облака, целмиретныхъ Тезель, и о еврейхъ, пре-
 давшихъ тѣмъ и осужденныхъ Тедомомъ. Трое поэтовъ
 у Канаври, снны Максона, которои вънере Юнона однлъ облако.

идущь дальше, погруженные въ размышление о виденномъ и слышанномъ. Вдруг Дантеhuberhuber, что на него какъ будто повалилъ благоухающій востерокъ мад: го мугезарное крыло ангела сферло съ тела его шеское Р_гротль пресказенія.

Въ уреченъ часу по полудни поэзи начинаютъ подниматься вверхъ по дороге, ведущей въ 7-й кругъ, гдѣ освобождаетея отъ грѣха сладомодія. Здѣсь Сваций излагаеъ автору „Трои. Комедии“ схоластическую теорию зарожденія челоука. Свѣтскія скалы ма, латерь въ пламени божесвервенной любви, между ^{касть} рѣльма гаруки, ноть высунуть круга свиртисеруеъ ураланиhuberhuberности, и орзалкибаеъ пламя назадъ, гать что между двумя символа, ми любви образуеъ узкая зрощинка, извивающаея по само, му краю пропасти. Данте со страхомъ видить съ одной стороны пламя, съ другою безконечную пропасть. Виргилій совѣтуеъ ему идти какъ можно осторожно по опасному пути страсти. Мозъ огнь слышится тѣмъ. Души кающаея поють: Гитте, Деи светитная, — шинтъ, козоритъ каролисская церковь начинаеъ воскресную уррентю. Души сладомодуеъ, обдаеъя огицающимъ пламенемъ, словословяеъ тель и мучей, соблюдимъ на земля цвольомудрїе. Какъ и въ предшесубующимъ кругамъ, следуеъ особенно значительное примѣри цвольомудрїя. Кающаея по, взордють слова Марии „идетье муча не знаю“ — и разказыва, ютъ судъ цвольомудренной Диана надъ нимфой Каллисто.

Виргилій еще разъ предостерегаеъ Данте, чтобы отъ какъ можно осторожно вель себя въ кругу сладострастимъ. Зако,

дѣше солнце освѣщаеъ правую сторону Данге; зѣнь поэза, на,
 дающая благово, на пламеннѣющей скалы, дѣлаеъ огонь еще
 бѣше блещущимъ. Явленіе эго возбуждаеъ любовнѣеъ зѣней.
 Тѣмъ же что Данге хощеъ даъ итъ обѣщаній эгого мѣстнаго
 гуда, какъ явилеся взорахъ зѣней катоцихеъ и радоеъ при-
 вѣеъ первую зѣню. Вѣеъ даеъ другъ другу лобзаніе мѣра
 и кроко спрашиваеъ о тури къ блаженеъ. Дѣ подкрѣпе-
 ній себѣ въ исправленіи они прикомментаеъ горькую чаеъ
 Содома и Пасираи и проходиеъ далѣе. Тогда первая зѣня
 зѣней снова приближаеся къ Данге, и узнаеъ оъ него, что
 душа ея облечена еще въ земную оболочку, и что они по
 особенному изволенію Божию срамеъ по зрѣль облещенъ
 зароднаго царевъ. Одна изъ душъ разказываеъ, что та зѣня
 осуждена за роу грѣхъ, въ козорокъ обвиняеъ Цезаря, а
 они побиты въ безпѣрномъ сладоеъ, грѣхъ герма,
 фродирекомъ. Среди зѣнь грѣшниковъ находитъ поэза Армо
 Даніель, провансалеу, а разговариваеъ въ Данге грѣш-
 никъ Гвидо Гвингелли, оуеъ любовной поэзи, Данге еъ
 зрѣеъ съучеъ въ соборѣ о мѣль, называя по-
 сѣднѣеъ своиъ оуеъ въ поэзи. Гвидо Гвингелли про-
 сѣеъ Данге, когда они придеъ въ ту обѣеъ, итѣ нарядеъ
 самъ Христеъ, прогнѣеъ за освобожденіе ео Pater noster, и
 сказаъ эго, исчезаеъ въ волнахъ пламени, какъ рыба въ
 глубинѣ моря.

Первые лучи юнаго дня упали на землю, орошенную

нечувствительного кровососа Инсуса; Добро покоился еще полноточивым
 спомь, полуденной зной нагробалъ воды Тамга, а на горѣ
 огнищаній солнце клонилось къ западу, когда передъ пурфика,
 ми явился свѣтозарный ангелъ, и на краю области губеуветна,
 по вибри притворсубоваль нль словами: „Блаженни чистое
 сердце мое“. Далше, говорилъ онъ; вы, души непорогной, не мо-
 жете идти, пока не огнесидеет огнемъ! Вондире и не будде глужи
 къ зой пьсьмъ, козорю слышите гальмъ! Узраженному Данге
 слова эти кашуред приговоромъ къ смерти. Онъ выдерживаеъ
 срашную борбду между духовналь и плозжилъ началомъ
 своей природы. Но дѣлаеъ нечего. Къ сужденнѣмъ лѣсвѣнцы,
 бедущей на 7^{омъ} кругу гора „Гисилица“ на ея вершинѣ, поэза
 можетъ проникнуть не иначе, какъ пройдя сквозь пламя.
 Скресивъ руки, Данге когудъ бросилъ въ волны огня, но цѣ,
 ментеъ оъ невыносимаго жара. Когда же Виргилій говориуъ,
 что эта сѣтка оудѣлаеъ его (Данге) оъ Беаррике, тогда, какъ
 дидѣ, козорому послали яблоко за его поелитаніе, Данге
 влодаръ вытсеъ съ Виргиліемъ и Спациемъ въ пламя. Жаръ въ
 пламени свой силѣмъ, что поэза бросилъ бы въ замерзающее
 озеро, чтобъ освѣжилъ себя. Виргилій безпресданно ободряеъ
 ученика своего напокинаніемъ о Беаррике. У срупенной выхода,
 лугзарный ангелъ вертлаеъ нль словами: приидире, благосло,
 веннии Оуца моего.“ Поэза поднимаетъ срупеннѣмъ къ разетъ.
 мить скаль и лозаред на гудуна узесовъ, позоу что солнце
 утѣ стѣло и ногой гудманъ оидеилъ на долину. Данге зисенаеъ

и иносъе оныя сковиданіе. На уфрентель небо съяе звезда любви. По зеленому луку ходитъ прекрасная зеница, поеъ и собираетъ цвѣты. Это была Лив, символъ жизни дѣйствительной; она украшаетъ себя цвѣтами своихъ добрыхъ дѣлъ, и любитъ ея на ниль въ зеркаль ока Тонія, тогда какъ сестра ея Рахиль, символъ жизни созерцательной, радуется на одну только красоту своихъ глазъ. Восходъ солнца; массы поющего думана уло, жатокъ, а вѣтвь ея нили и сонъ поэта. Виргилій поздравляетъ ученика своего ея зѣль, «это сладкій плодъ, котораго на спольскихъ вѣтвяхъ щецъ смелый, сегодня удовольствоваться будемъ его меланіемъ». (Пѣснь эта, XXVII, — одно изъ лучшихъ аллегорическихъ твореній Фрилогин).

Весь эрозъ приходится въ расположенный на вершинѣ горы земной рай, описаніе котораго въ поэмы Данте блещетъ яркими красками (XXVIII п., 1-25 стр.). Сход на берегу реки заб., вѣнѣ, Лези, Данте на противоположной сторонѣ ея видѣть дивной красоты зеницу, которая гуляла и пила, собирая одну за другою цвѣты. Данте уполверъ ее подойти къ нему близне, тогда отъ него похвѣт, что поеъ она. И она подошла къ нему, произнося слова Delectasti. Это — нахитда, символъ покорности ученію церкви. По просьбѣ поэта она обвѣщаетъ природу земного рая. Наконецъ лучезарная зеница говоритъ своему спутнику: «Теперь, братъ мой, смотри и слушай!» За этия слова описаніе глубоко аллегорическаго видѣнія: впазанный свѣтъ озарилъ все райско роу,

и сладостная мелодия протеснает через душевный воздух.

Предъ глазами поэза озкрываеся величественная процессія.

Въ орданіи, какъ семь пламенныхъ деревьевъ, сверкали 7 золотыхъ святилищниковъ (7 даровъ св. Духа). Въ бышине раздавалося нѣкое осянны, и святилищники блеснули ярче чѣмъ полная луна на полночномъ небѣ. Удивленной Данте обращается къ Вергилию, г.е. хочеть разумомъ позрѣть то, что видить. Но разумъ молчитъ, — отъ сама въ соединѣніи поэза удивляется проявленію божественной славы. Тогда отъ снова обращается къ луцезарной женизи, нѣ, козораѣ шла къ нему на встречу рико, какъ молодая невинная, и его глаза, нѣсколько приблизившіе къ яркому сидяго роузи, разсматривать подлѣ святилищниковъ 24-хъ сфарицевъ, одоури въ длинная одеиды, какія чиедай, какъ на землѣ нѣтъ не бѣва, ерѣ было и чиего. Это — 24 книги верхлаго завожа. Сфарици убѣтославы символонъ чиегози ихъ чиеид — милідми. За святилищниками слѣдуютъ чевере зворѣ Озкробеній (Федекимлева и Жоаннова), убѣтославы зелены, каидай еѣ зрѣид парами кровлечеѣ, перѣ ко, зоркѣ чѣтѣидны глазами, зоркиими какъ глаза Аргуея. Посреди нѣтъ ѣхала зорисеувенная колесница, на двухъ колесахъ (церковѣ еѣ Вехинѣ и Новыѣ завожонѣ), козоруѣ влацарѣ, при поноуци чевереѣ зворѣѣ (Евангелисѣѣ), Трифѣонѣ (по причанію его двоѣ, сѣвенной природы символъ Христа). Верхняя чевѣ Трифѣона похота на орла, царѣ пернахѣ, и блеснуѣ какъ чиеое золото; низкая — зѣловище лѣва, благороднѣйшаго и поуцесевеннѣйшаго изъ живорныхъ, — бѣлая и красная. Крѣвѣя его, черезъ ередній нѣтъ

семи цветовъ радуги просвѣщаются въ безконечности. По нра-
ву ссорону колесницы или три женщины, одна сверкала
какъ талая, другая сидла какъ Яхонть, а третья блеснула,
какъ золото то вышедшій камень. Все они замочили. По
били три духовной добродетели — вера, надежда и любовь. На,
любо же или четыре добродетели мирской, одождая въ царствен-
ной пурпурь. За колесницей следовали два сараци — кроу-
кий бракъ Лука и грозный Павелъ, сверкающій срашитель
какого своихъ обличительныхъ посланий. Позомъ еще герере
апостола, — писатели посланий, и наконецъ Иоаннь, какъ
будто еще погруженный въ сонъ своего озкровенія. Все они
одожды, какъ же какъ и веролозавторные сараци, въ бѣлѣ ризы,
но выхоу милій убожманой алмаи розами, — кровавыми
выницами муренигерва.

Раздается ударъ грома, и колесница осрнавливается въ сво-
емъ движеніи, когда поравнялась съ Данце. Тогда одинъ изъ
веролозавторныхъ сарацивъ, обратившій къ колеснице, побу-
ривъ восклицаніе Соломона: «Сиди съ Ливана, моя невеста!»
На что еро ангеловъ Божіихъ озвочаютъ словами евангелія
— *Benedictus qui venit!* — *Manibus o date lilia plebis* — и брося,
юръ сверху цветоу. Съ неба, въ облакъ изъ цветоу, кидались
ангелами, спускается Блазрине (флорендинка, которую Данце
любилъ въ юности и воспиталъ въ «Новой жизни», и выхоуе сим-
воль хриезіанскаго богословія), въ видѣ женщины ^{въ олівиской вани} подъ бѣлымъ
покрываломъ, одождой въ зелѣный плащъ и въ огненнаго цветоу

младе, оповестное оливкового восторга. —

Здесь, во зренье Эдены, где все дашишь нежной, невинностию
и любовью, являешь поэту Беаррике, и отов начинаешь с него
свой восходъ на небо. Описание зрой безроти Данте съ предмезонъ
его возвышеннои любви принадлежишь, безъ сомнѣнн, къ самымъ
блестящимъ и, въ ро же время, самымъ угрожающимъ посылкамъ въ
поэтик. Это — одно изъ самыхъ роскошныхъ созданий поэзи. —

При подвигнн Беаррике Данте ощущаешь все могущеество прези-
ней любви. „Литъ только моего зрѣннх коснулось давнее явленнх,
поразившее меня еще въ детстве, я, съ умоляющимъ видомъ, съ ка-
кимъ ребенкомъ бѣжущемъ къ матери, когда ему страшно или больно,
образилъ бытвое, и млада сказахъ Виргилнх: „Во мнх не охалает
и капли крови, козорах не зрѣла бх: я узнаю признаки ея,
раго пламени“. Но Виргилнх насъ покинулъ — Виргилнх, сладчай-
ннх охезъ, козорому она поручила мое спасенне...“ и поэту плачешь.
„Данте, не плачь о зго, что Виргилнх чувелъ, не плачь: редъ слх,
дуже плакаешь о з нной скорди...“ „Посмотри на меня: я по нези,
нх Беаррике. Какъ рхннелъ хх и приближнелъ къ горъ? Радъ бх хх
и президе, когда о зъ нех удалелъ, не зналъ, что на нех человакъ
находнхх сейчасъ?“. Такъ Беаррике, возмелъ на колесннцу, обра-
щаелъ къ Данте съ суровыми угрожаками да ро, что ко ея кончнннх
онъ измнннелъ сн, не человакъ прохавъ соблазновъ мнра и чкло,
ннвшелъ съ указаннаго ему ея прдмного пути (XXII н., 73-145; XXXI,
5-64 стр.). Горая слезы, проливаемнх зенеръ поэзиовъ, расстрогани
ангеловъ и свдхнх. Она заплкла; ангелы внезапно затннн: In te

Domine spociani, но, дойдя до рёдег тегос, дальше не пошли. Не смотря на их заслуженное за Данге, Беарриге неуклонно продолжали свою грозную роль, пока наконец погерь, подъ гнетомъ проникшаго его чужеза раскандитъ въ своихъ утробахъ (XXXI, 13-15; 24-37 стр.) и ослепленный дивной красотой Беарриге, забывившей его взглядъ на ея лицо, не подержалъ сознания. Тогда Магисда ^{взносила} относилъ его къ водамъ Леа. „Когда же ко мнѣ возбразилось сознание, я увидѣлъ передъ собою женщину, что сказала явилась мнѣ одна (Магисда). Она говорила: „Держисе за меня; и убившая меня за собою по горло въ рѣку, сама шезвовала по водѣ, какъ какъ челнокъ. Когда я подходилъ къ благословенному берегу, внезапно раздалось *Esperges me*, — звукъ сладостно и тихо, что я не только описалъ, но и вспомнить вполнѣ не могу. Прекрасная женщина просѣрла ко мнѣ руки, обняла мою голову и погрузила меня въ воду тамъ, гдѣ слѣдовало напущенъ. Затемъ, выведя меня на берегъ, она меня, мокраго, ввела въ пидеску гезарель красавиць (гезаре главный добродозели), изъ которыхъ каждая отынула меня рукою. „Нилуры^{на} здѣсь, а въ небо звѣзды; когда Беарриге еще не слодила съ пуба, мы были къ ней при, сравлены для того, чтобы ей слышеть. Мы проводимъ рѣдъ передъ ея свозливъ очи, но сказала зъ зри (благословенскій добродозели — бора, шодотъ, надежда — на правой стороне колесницы), то глубже видярь, едълатоуъ больше пронизавельскими зъои глаза, дабы они могли вынесети блескъ, сияющій въ ея взорѣ.“ Тамъ отъ итали, погерь подвели меня къ грифону, на которомъ сядла Беарриге,

Усладившия по лѣвую сторону колесницы.

повернувшись къ намъ. Они сказали: „Все щадя своего взора; мы
 зедя поспавили передъ изумрудомъ, изъ козорыхъ и президе мнуръ
 металъ въ зедя сурьомъ.“ Тысячи желаній, болше зигуныхъ зелье тла,
 мд, приковали мои глаза къ глазу, сверкавшимъ на грифонтъ.“
 „Менду зелье, какъ душа моя, полная восхода и изумленія, вкуса,
 на эту нишу, козорая, насыщая собою, возбуждала въ себѣ голода, зри
 друидъ (богословскія добродетели), покладкой свидузелсхвудъ о своемъ
 високомъ санѣ, приближались и были ангелскую тьму: — „Образи,
 Бзадрине,“ было ихъ тьму, — „образы свои свядые глаза на барнаго
 збоого, козорай, тмодъ видюте зедя, совершивъ еромъ длинное сфратъ,
 сфвие. Дозволю намъ, молимъ зедя, открыте звой ликъ, дабы отъ
 мовъ узрете зворую красозу, зовую оу него скриваемую.“ Свядкй
 блескъ вогнаго своза.“ Кро, зедя бы отъ сохранился подъ зельею Пар,
 наса или щелью изъ его незонниковъ, не оказался бы умомъ без-
 силемъ, елибъ вздумалъ изобразитъ зедя законъ, какого же явилася
 залъ, гдѣ небы окруженъ зедя гармонией и цвѣтами, когда, сбро-
 сивъ покрывало, зи показалаасъ въ воздухѣ.“

Напившись изъ сурью Мери, позрь, свободный генеръ оу воспомина-
 ния о своихъ зельяхъ, вновь пределялъ предъ Бзадрине, цвѣркнувъ свой
 взоръ ей въ очи: въ нихъ отъ видюте сфратомисль изображение
 божесхвемнаго грифа (Бзадрине, заклинъ образомъ, зѣтае обозначаетъ
 учение церкви, объясняющее божесхвемную природу Христа).“ Въ
 сопровожденіи Махмудъ и Свация, Данте слѣдуютъ за процессіей, вновь
 пришедшей въ движеніе. Данте и Сваций идуть по правую сторону ко-
 несницъ горозу дикую пчельницую рошу, необходимую по вынъ звы.

Черезъ этицины образуютъ вниманіе поэта, взоръ козорого до слье поръ
 былъ цвѣркнулъ на одну Бзадрине, къ зорнесхвемному щесхвито церкви
 Христовой.

Трисфонъ приближается къ совершенно безмислвстному древу познанія добра и зла, и Твухрине предохраняюща его чловкъ, ческое есущво оръ искушенія вкисну оръ древа. Тогда трисфонъ привязывается колесницу къ древу, и оно въ миль зазеленело и расцвѣло цвѣтами ярко-багроваго цвѣта. Вокругъ раздаются гимны, смыслъ котораго для Данте не понятенъ, и поэтому поэзу погружается въ глубокий сонъ. Проснувшись отъ видѣнъ подлго себя бдну Твухрине, сидящую подъ стѣною древа добра и зла и окруженную семью добродетелями: трисфонъ со всей своей верхо- и новозавѣтной свидой вознесся на небо, оставивъ колесницу свою у корней древа подъ защитою геологич-Твухрине и семи добродетелей - нимфъ. Она предсказываетъ ему близкій союзъ его съ нею на вѣки и завѣщаетъ ему по возвращеніи на землю повѣдать го, что было дано ему увидѣть.

"Тѣи озаканеша затѣ не долго, — говоритъ поэзу Твухрине, узи, таа его въ зѣтѣ, что скоро отъ долготѣ будешь вернуться на землю, — и навсегда сдѣлаеша, вѣнчана со мною, грациданн, номъ зого Рима, гдѣ Хрисеозъ римлянинъ. Но теперь, дѣя стасенія чловчсства, которое ведеу себя такъ гримовно, посмотри на эту колесницу, чтобы возвратившись на землю, ты мовъ записаша все, что зѣтѣ видишь."

И отъ видѣнъ всего исгорію церкви, видѣнъ, какъ слѣдують, одно за другимъ, нападенія на колесницу (гоненія на церковь) — ^{огромнаго} орла (римскихъ императоровъ), лисицы (срезниковъ), дракона (шагомеда), послѣ чего на колесницѣ появляются семи-

главое чудовище (7 смерзныхъ гробовъ, осквернившихъ церковь) и наконецъ бившего божесвѣннаго ученія на нее возсодаетъ образительнаго вида блудница и какитаетъ кокетничаетъ съ чудовищными великанами, а великанъ уводитъ козрой сна, гала ласкался къ ней, а наконецъ уводитъ, вывези съ него, колес, ницу въ глубину лѣса (папа и французскій король Филиппъ Красивой, ХХХII к., 109—160 стр.).

„Божие! приидоша язвы во дождьныя зное, оскверниша храмы свящій збой, положиша Герусалимъ яко овоицное хранилище“... ^{гл. 7 Заблудившая} закъ, чезаре и фри^и оплакивають глубокий упадокъ церкви, но Беа, фрике утешаетъ ихъ надеждою, что скоро она одна спасетъ цар. сьбовае въ церкви Хрисеовой на престолахъ оца своего. „Ссхры мои возлюбленныя, говориши она имъ, — еще не много — и въ оцарь меня увидише.“ Здѣсь Данте предсказываетъ скорое возвращеніе папы изъ Авиньона въ Римъ. Чтѣ восходитъ звезда того, что воссущишу изъ нѣчелъ 515¹, и убѣеъ великана съ его распузницею. — Похотъ Беазрине очень подробно объясняетъ поэту геологическую премудрость; ртотъ ея чрезвычайно красива, но совершенно непонятна, для того чтобъ маидущій божесвѣнныхъ знаній поэтъ позналъ слабостъ ума человѣческаго передъ премудростію божіею. Впрочемъ, какъ навшиятъ въ лезъ, Данте очень внимательно выслушиваетъ разсужденіе о древи познанія. Въ заключеніе разсказываетъ, какъ Данте былъ приведенъ Магилдой и Свациемъ къ рѣкѣ Эноз; непитъ ея сладкихъ сурій, Данте приходитъ орудъ возродитъ, кайтъ, подобно молодой расенитъ, которое отдалоетъ новой мезвой,

1) Анезо это очень земно.

ощущенным и способным возлететь в ру сурану, где вечно
блещут звезды.

3. Paradiso - Рай.

Наконец, восторженный богословием, Данте показывает,
как человек, просветленный на сгнесь своих заблуждений и
ощущений огу ширейшей гряди, возвышается до лицезрения
Бога, изотника великой правды и великого блага, достигает
вечного блаженства, и перед нами возстают величественная
картина Рай. За зретья гасит издавна - не задолго до смерти самого поэта, в 1321г.

Ta brangunes, cas et oson rades,
Dests caw caw uim parantien,
Tas seitau gastes spid, ka cith vektis.
Ak, debesis, kas vairak vina gaismas
Es biju, redzej' lutas, kuras izlucit
Ne prot, ne spej, kas nak no
Tas nirdinditas brinomas es redze
Un prats mans gimis tados
Ka atnina por teim vairs ne
Tas pre tan vargumem, ko sveti volati
Es gaci kraji leclā dandromi,
Lai se nu izina manai darsi
Ak, Apollon, prossi in-la peija darsa
Tas sava spoka tonika mani darsi
Ka psonakas pec lauru saimegurna.
Lidi im man pektisa ar viena pask
Parnasa galotni, bet taga
Ak abim jaset celi, kas vel prossi.

Великие зиндичия вселенной
Проникло все; но здесь оно сильней
Блещит чаше жаль, - во планете ожданной.
Также небеса воспринимать светом
Сильней всего; и я был жаль и видном
Все ро, чему у нас названная жаль.
Я видном жаль неслыханное чудо
И разум мой проник во закую глудь.
Что найдти возврата жаль орудь.
Но обо всем, что мой я удерек
Оу данных мн, безисслетных сокровищ, -
Я повежи когу ех родото роуб.
О Аполлон! благослови мой сильней,
Последний жудь! что ж маврь жвой заслушишь,
Своих даров мена сосудом едалай.
Досель я доволен был одной
Вершинной парнасских горь; но как

Взвеси меня ко обилию чудесной. — ^{manai kralis} ^{na senice} Dves manai vynu leclo speksu,
 Вздохни во меня ру мюль, с коюрой кошу
 У марсия же с членовь бесталь совлекь, ^{Ar kora Marsijam tu vavi ada}
 И пуще я все препони ^{unimoznu}... Но lococleem, ko vina stipri klaja.
 О мощной духь: проникни во грюдь мою, ^{Deevičkajs speks! ar, nāci manāis}
 И пуще хорь зюнь сурань ^{tiñai} благословенной ^{Ka šveticis valdibi emu vānu}
 Три пощюци зюей я военюю. ^{Ar apšaudat, kā telojas man prātā!}
 Пуще ко дереву, любимому богамь, ^{Ka, jūtavam mīlām kotem tvašofas}
 Приближусь я, и самь мое чело ^{Mu tu tad manu peasi vainragotis}
 Твои убоиной безмерзными взоувани. ^{Ar vīna kotem nemerzīgum šveticim}
 Для зорисеуба позрювь и царей ^{Ka šveticim tu tu vīnula šveticim tu šveticim}
 Ттакь рюдько жа, озець мой, тьбь срываеми, ^{Cavc tavi un cavc veku taftu darits!}
 (И грюдь и сгюдь мелатидь мь людей) — ^{Ar vīna kotem nemerzīgum šveticim}
 Что не скорбюте, а радоваеть ^{Ar vīna kotem nemerzīgum šveticim}
 Делюрийскій божь, когда кому нибудь ^{Ar vīna kotem nemerzīgum šveticim}
 Онь на чело Пеней взоувь возложить. ^{Ar vīna kotem nemerzīgum šveticim}
 Озь искорки розидаеми позмари: ^{Ar vīna kotem nemerzīgum šveticim}
 Ттакь, мозиерь божь, тьбещь, кь зедь ^{Ar vīna kotem nemerzīgum šveticim}
 Когда нибудь получить лучший дарь. ^{Ar vīna kotem nemerzīgum šveticim}
 Съ различныхь сзрань своихь мира ^{Ar vīna kotem nemerzīgum šveticim}
 Но ещели кезверзая черза ^{Ar vīna kotem nemerzīgum šveticim}
 Ттри раза зри черзю другия ^{Ar vīna kotem nemerzīgum šveticim}
 Образовавь зри равные креседа: — ^{Ar vīna kotem nemerzīgum šveticim}
 Тогда подь нль ^{Ar vīna kotem nemerzīgum šveticim}
 Розидаеми повсюду красюха. ^{Ar vīna kotem nemerzīgum šveticim}
 Угрю сумерекь ^{Ar vīna kotem nemerzīgum šveticim}

1) Козь называеми взоувю Пеней — лаврь, козюму что во зюо дерево била превращена богамь доул Пеней, дарна, любимая и преследуемая тнои. локонь.

Kai žemes žuizė, — saules pirmieji žvaigždės
 Kai žuizė žuizė, — saules pirmieji žvaigždės
 Kad skatoteis ra labi coronidzija ^{žuizė} Ужне блестяць каць згой гемисферой: —
 Es Beatričei, Lietuvos saule, Когда, взглянувъ направо, я обрѣлъ
 Твои, немітгои ка' не нивіам ^{жгзіс} Беатриче, смозрѣвшю на солнице

Такъ придалсно, какъ смозрѣть лишь орель...

Такими стихами, по переводу В. Косогомарова, начинается
 "Рай", "Паладио". За полгодъ поэта къ Аполлону вдохновителю
 его на досюйщю тысячъ о видѣнномъ царевнѣ Блаженствѣ,
 въ первой пѣснѣ идець разказаць о зойль, какъ Данте, соупуству,
 емий Беатриче, вознесся изъ земного радъ въ небесный сфе-
 ры, распределенная въ небесномъ проеуранствѣ по систе-
 мѣ Птоломей. — Беатриче смозрѣла придалсно на солнице.
 Подружденной неопредѣлительныхъ влеченіемъ, поэта зойль
 взглянулъ на солнице, зойль усуренная очами въ очи Беа-
 триче, — и преобразился. Онь самъ не замѣтилъ, какъ полетѣлъ
 въ небеса. Такими образомъ, вдохновенный селъ добродѣте,
 идяки, украинскій воспоминаніемъ о своихъ добрыхъ дѣ-
 ляхъ, очищенный оу вѣтахъ земныхъ слабостей погруженіемъ
 въ лезу, — Данте, при помощи Божесветнаго уренія, стило-
 неуклоннаго желанія, вознесся въ сферу непосредств-
 наго, живого огня и уже звернулся окоми смозрѣть на сол-
 нце, орудящее въ поиднѣ. Беатриче при зтомъ похисидеръ
 Данте, что сила его любви, неусхатно влекущей его къ Богу,
 помогла ему преодолѣть узамеель утила, приковыбавающую
 смертныхъ къ земли.

Методическая литература XIV в.

Данте и Беатриче приближаются к первому светозрелу, и Данте
 как и прежде, это его окружающее облако густое и неподвижное, блещет,
 как бриллианты, на короне императора Луки солнца. Это
 первая из сфер — Луна. Беатриче полагает, что виденная
 на этой планете жизнь происходит не вследствие неодинако-
 вой плотности ее массы, как учила тогдашняя физика, а по при-
 чине неравномерного проникновения „вечной землугушитель-
 ной“ (т. е. Луны) божественной силой, изливающейся на весь сферу
 от начала всему началу. Но Луна преобладает блаженства
 души злых, которые, увлеченные философией или подбуждаемые
 насильем, не совершенно исполнили обеты монашества
 (цельмоудрия). Между ними Данте возмущает Консулцино,
 зодь король сицилийского Рожера, которую силою взяли из
 монастыря и отдали замуж за императора Генриха VI, и Тик-
 карду, сестру видного иль во чистилище фореже Домахи.
 Последняя разбивает поэту георито лунного блаженства.
 Котливый свой рассказ, она поет Ave и исчезает в светлом
 пространстве, как исчезают звезды злого, погружен-
 ный в воду. Данте опять обращает к Беатриче, но она
 смотрит на него какими сияющими глазами, что поэту
 не может вынести ее взгляда, и язык не повинуется
 ему произнести ни одного вопроса. Рассказ Тиккарды воз-
 буджает в уме Данте некоторая сомненья, который Беатриче
 разъясняет и поэту получает от нее объяснение на некото-
 рые вопросы христианско-схоластической метафизики... Воздушной

1) Монахи не должны бы были до такой степени насилью, подбуждающему
 их к отпадению от монашеских обетов. В примечании такой непоколебимой воли Данте
 приводит св. Лаврентия, как бойца за царство Божие, Гийю небесный, и Луций Сцево-
 лу, как бойца за Рим земной. Но здесь возмущает в нем новая сомненья,

или насильныхъ обидовъ челоука не должны давати, а законъ и исполнати ихъ никто не обязанъ. Слѣдують приимать —
 Зефодъ и Моригени. Послъ этого поученія Геаррике, выходя
 въ Данце, съ бискупомъ сургомъ возносясь на взору сферу —
Меркурия.

Планета дѣлаеть гораздо блестящею присущей Геарри-
 ке, которая по мѣрѣ приближенія къ солнцу становится все
 лучезарнѣе и яснѣе. Тамъ находяться души доушнѣвшихъ
 блаженства своими добрыми похуиками, души злыхъ, которые
 всего свѣта Райнъ посвѣдили благососудитно народомъ, но, за
 глупыми шарейскими, поздно уже подумали о себѣ и о нещѣ.
 Одна изъ лучезарныхъ душъ оубо является оубъ зискии зисать му-
 гей, покрывающихъ взору сферу, и называетъ себя императо-
 ромъ Вериміаномъ. Душь императора припоминаеть сла-
 вная дѣлнѣя, римскаго орла (з. з. древидло Рима), какъ римскій
 орелъ леть съ начала вѣлѣды за Инетъ къ западу, потомъ,
 черезъ цѣлое столѣтіе, повернулъ на востокъ, къ Констанци,
 попому, и наконецъ черезъ два столѣтія улеть оубъ оубъ
 собствѣ. ¹⁾ Потомъ оубъ указываеть на блестящую яркую
 свѣтлую душу Ромео²⁾, бывшаго мудрымъ императоромъ Райнунъ,
 да Гераномъ и, по смерти его, правителемъ Прованса, но по-
 ло вознагражденнаго за свои безкорыстные дѣла; разска,
 забаветь своего собственнѣе исторію, и исторію Рима, какъ его
 два раза дѣлалъ Господь орудіемъ суда своего: оубио разъ
 чрезъ расидіе единороднаго сына, за грѣхи всего челоукаства,

¹⁾ Души блаженныхъ въ небесныхъ сферахъ представляются во видѣ
 зобѣлѣе, зо лентѣ яркаго пламени, сообразуемою еренимъ ихъ
 небесной славы.

а другой через разрушение Иерусалима в наказание за это
распятие. Когда Иерусалим, вышед с окаянными пламен-
ными душами, удался в радостной тляске, Беатриче
разрешаеть некозорые вопросы, возникшие в чине Данте,
относительно займы искуплений, безмерной души и злысна,
то воскресения.

Данте и Беатриче пересекают ^{на утробе сферы,} на планету Венеру, где
пребывают души души, которые некогда были слишком при-
вержены къ земной любви. Въ сфере Венеры, некогда ока-
завшейся пагубное влияние на смертных, но только винов,
лице лишь истой одухотворенной любви, Данте видит душу
своего царственного друга, Карла Марцелла, король венгер-
ского, который съ презрениемъ говорить о скупости брака своего,
Роберта сицилийского, опозорившаго доброе имя своего щедрого
орда, и излагаеть согласно съ схоластикой, какими образомъ
отъ добродетельнаго орда можетъ родиться недороднаго права
есть, въ примѣръ чего приводитъ именно своего брака Ро-
берта. Вся сановь, черезъ все поколѣнія были бы равны ордами
своими въ законъ слугамъ, если бы Творецъ чрезъ влияние созвезд-
ій, прищипъ Фортуны и пр. не забочился придавать некозорую
разнообразнаго, которая необходима для образования государ-
ства. Ибо государство, какъ замечали еще Аристотель, не можетъ
существовать безъ разнообразія силъ. Когда исчезаетъ Карль, къ
Данте приближается душа Кунциуса, сестры зирама Энциелито
ди Романо, и предсказываетъ поэту невзгоды, предсказывая Паду.

анцамъ и побѣду надъ ними Кама Гранде дель Скала; говорю о поэте Фроиско (Фруиска) и его благородномъ призваніи. Она удалеся; явилеся Фроиско (Фруиска) изъ Марсели, одитъ изъзема, меншиишмихъ зрубадуровъ Прованса. Эрозъ провансалскій ести, ескотъ-зрубадуръ говорихъ съ поэтомъ о блаженномъ обитательствѣ Фроиско на земли и между прочими называеся Раавъ, „бидни, цу Зерихотекскую“, сравнивая эзу благогесривую меншиишму съ бездоимой Флоренціей, съ мадмоу куріей Рима. Имъ ось, паеръ паеъ диреками за го, что ради корысрелюидъ и власрелюидъ, побиваеъ цюлей, они забвими и думаетъ о судьбѣ сваярй земли (IX н., 124-142 стр.). Тамъ Фроиско оканчиваеъ свои монологи сдвигиваеъ пророгесривомъ скорой переломны порядка вещей въ Израиліи.

Блазриве, блисзаточая все болые яркимъ свѣтомъ помя, рѣ воскоиденій въ верхній небесная сферы, возмосеъ съ собото Данге въ 4-ое небо или сферу солнца. При видѣ цури его, поэтъ воспѣваеъ могущесриво, прелюдросеъ и любовь, рѣ, ководившій Создательствъ при его звореніи. Тамъ Данге раз, лигаеъ предмеъ цуне не по цвѣту, а по силѣ ихъ свѣта. Пробывающія здѣсь блаженная души, сваярсе геологи, кру, шилиеъ въ тлѣеъ, сопрововодая ее сладосеънымъ помяеъ, въ веселомъ замѣтъ они зрутирцуютъ вокрувъ Блазриве иобра, зуюеъ лучезарный вѣнокъ, въ цемурѣ козорого сивеъ Беа, зриве, какъ символъ геологии. Въ ихъ средѣ Данге замѣтъ, гаеъ итоскопскаеъ изъ училей западной церкви и предсривисей

(знаменитого)
 церковной схоластики, *Вомы Аквитанского, Діонисія Ареопагита, Арозія, Бозція*, произведеніями котораго поэть как много пользовался, *Сигерія*, современнаго Данте насравника въ Паризиской университетъ и др. *Вомы Аквитанскій*, кромѣ того употребилъ, называеъ еще *макозорныхъ души, сочавля, ющихъ звеня геологическаго вѣнца божественнаго ученія: Алдберга Кельтскаго, Траціана да Кіузи, Петра Ломбардо, царя Солотона, Беду, Мендора, Биккардо и др.* Когда взоръ терпелъ былъ оконченъ, двенадцать знаменитыхъ геологовъ возобновили свое мѣлование и согласныи поніемъ срамъ славы Бога, въ знакъ того, что ученіе нѣ въ сущности едино и согласно. *Вомы Аквитанскій*, рождаеъ макозорна недоуманія Данте, излагаеъ сирафилескую жизнь св. Франциска д'Ассизи, оны объясняеъ своему благосеривому слушателью, Будо Бонъ во второй разъ спастъ человѣчество черезъ францисканцевъ и доминиканцевъ, и посредствоиъ разныхъ схоластическихъ учовокъ и діалектическихъ хитросей сараеи найри какъ мотъ, но больше жочеъ соприкосновенія между основательными эзвѣ орденовъ и Тисусовъ.

Во новотъ, ботне обширныхъ кругъ сѣяющихъ вогнаныи свѣдѣиъ знаменитыхъ душовъ, находитъ кардиналь-епископъ албанскій, св. Бонавендура, которій и рассказываетъ Данте жизнь свѣдѣиъ Доминика. Оны же поименно перечисляеъ души, обязателія на солницѣ. Вся XII-я иносъ подыи поствѣица словословію западныхъ представителѣи монашескаго по.

И не называеъ никого по имени, Данте даеъ лето поствѣица о каждомъ учивелѣи, излагаеъ сущность его ученія.

Эвонимусева. Тома Аквинский прибавляет, что ^{в библ. кн.} подобно тому, как земля, послѣдовавши зрѣль орденовъ оудалился отъ своихъ осто-
ваделей, и это попеременное тоице геологовъ (перваго и втораго
круза), изъ козороице одни превозносятся св. Франциска и Домини-
ника, а другіе порицательны нль послѣдовавелей, — занимается
пол-твсти. Въ похвалахъ Доминику и порицаніи фран-
цискаицеви особеныице ревнательны оказываецея чене чно,
идущий св. Бонавенчура. Когда оба круза славаецея въ адни,
отъ ниль снова оудтлвцея св. Тома Аквинский.

За длителныице обяеиеніеице Тома Аквинскаго богослов-
ско-схолоастическаго характера, почему Соломонъ должицея еи-
царцея мудройициице изъ царей, но что изъ этого еице не слы-
дучея, чтоице отице балея мудройициице изъ людей, и не мотицея впа-
датея ни въ какиице религиозныице заблудеиеніеице, даице возноситея,
се еице Блаженныице на 5ое небо, Марса, гдѣ находитцея души людей,
срѣнавшиице славу въ борбѣ за вѣру. Тамъ даице содерцаецея
полное несодыкатицаго блеска видѣице: ослѣпительныице сияю-
щий образъ Христа на пламенномъ крестѣ, козороице образъ,
тоице луцеарная иицееллигенциеице зрой планетеице, и вокруце
него души праведниковъ, радовавшиице при шизни за вѣру
Христову; отице поедучея въ видѣ яркиице огицеице, подобно аго-
лаице, круцаициице въ солнечномъ лучѣ, когда отице проти-
каецея въ землице горницу. Души блаженныице перелива-
ютцея въ зрой крестѣ всеицеице цвѣтани радуги, и ниль блеска
превосходитея все, что до сийце порѣ являецея поэту. Какъ царь,

монументальной сцены арфы, восторг кресла звучалъ подобно мѣлу
 гимновъ Христа надъ смертию, — тѣсно въ славу его. Но волею
 тѣни умолкаеть. Въ кресла отдѣляется одна изъ блестящихъ
 его гасилицъ и подлезаетъ къ Данте. Это Калсъавида, прапра-
 дѣвъ поэта.

Предокъ Аллигери начинаеть по латини бесѣду съ своимъ
 пономкомъ, привозвращая въ него славу своего имени. Порокъ
 оный въ поэтическомъ разсказѣ рисуеть картину добраго, сдѣлаго
 времени горда Флоренціи, а затѣмъ разсказываетъ о своемъ
 участіи въ походѣ императора Конрада III въ Палестину и о
 своей смерти въ борбѣ съ неверными. Гордый происхожденіе,
 етъ оъ такого предка, Данте предлагаетъ ему новыя вопросы о
 своей генеалогіи, говоря ему вн. Калсъавида недоволенъ зрѣніемъ
 аристократической снѣжностью своего пономка; сдѣлавъ ему нѣсколько
 ко упрековъ, оный обращаетъ снова къ Флоренціи, и къ похва-
 ламъ сдѣланымъ времени присоединяетъ горскія порицанія въ
 касродичныхъ распрѣхъ. Здѣсь оный предсказываетъ Данте вѣкъ предъ,
 сродичія ему нескасрѣн: изгнаніе изъ Флоренціи, убѣжище у
 герцоговъ веронскихъ (у Кана Гранде) и наказаніе златѣ, коро-
 ромъ орабать и изгонять его (XVII в.). Но не смотря на это, оный
 не должиетъ бодрѣть возвращая въру вѣкъ искривки, узманнвья
 шивъ въ адѣ, гнѣхиллицѣ и рать, пороку что оный могущъ бытъ
 огенъ полезны для исправленія чловчегсрва. Послеъ зого
 какъ предокъ Данте указавъ ему среди обидѣтелей Марса, зѣ
 среди ликующихъ въ божественномъ сѣноіи души, Исуса

Навина, Млжкжесевч, Карла Великого, Роланда, Вилгельма и Риноарда овернскихъ, Готтфрида Бульонскаго, короля Нормандии (Гвискарда) и другихъ славныхъ бойцовъ за вѣру (этой эпизодъ наполняется лучшій мифъ „Ада“), Беатриче возводитъ поэта въ б-ю сферу, въ сферу Юпитера.

Данте поднимается на Юпитера, — созвездіе и предание владыкъ справедливости, души которыхъ здѣсь предаются пылу и тлѣнью, поочередно образуютъ свои млавенствы или фигуры осельничества блестящую фигуру орла. Здѣсь Данте создалъ особенный символъ для своей основной идеи о всемирной монархіи, идеи, которая проглядываетъ почти на каждой страницѣ его поэмы. Здѣсь сформулировалъ все, что Данте до конца своей жизни съ пыломъ юности мечталъ о всеобщемъ освобожденіи и устроении имперіи и церкви. Души князей и императоровъ, лежа въ определенномъ порядкѣ въ области своей сферы, образуютъ слова: *Diligite iustitiam, qui iudicatis terram* (любите справедливостъ вы, которые судите землю); надпись эта блещетъ какъ золото на серебряномъ фонѣ. Изъ послѣдняго и образуетъ фигура римская: о орла, которая принимаетъ позанъ форму французской милліи, — когда нѣсколько свѣтовыхъ отдѣляется отъ общей свѣди и образуетъ надъ и маленькій треугольникъ. Данте съ удивленіемъ размышляетъ этой мучительной символъ императорской власти и обращаясь съ молитвой къ Господу, умоляетъ о томъ, чтобы концы неустойчивы и злодѣйствъ церкви.

Души владыкъ соединяють голоса свои въ единый голосъ царевенной тѣщи и говорятъ Данце, что они блаженствуютъ здѣсь за свою справедливость. Данце оидетъ впадеетъ въ сонмы, мѣ, — какъ согласоватъ съ идеей о правосудіи Божиимъ, что благочестивые и добродетельные язычники исключены изъ блаженства вѣчнаго. Символическій орелъ не даетъ ему на это прямого отвѣта, но говоритъ о несправедливости пугей Божіихъ, о томъ, что скорое гласъ молнии проникнуть въ глубину моря, гласъ чинъ человеческій похититъ займа правосудія вѣчнаго, что на уграшанъ суды судья меліце пріидрскій поедавитъ незнавшихъ крещенія, но зворившихъ волю Озца, вѣне имо, гиль, глаголавшихъ ему: Господи, Господи! Похотѣ орелъ назн, ваеъ поэру имена владыкъ неправосудныхъ, гила козорныхъ вѣн, шурей нѣкогда въ книгу суда, — закъ, напр., Албрехта I, Филиппа Красиваго, Венцеслава Чешскаго, Фридриха, короля Сициліи и др. Въ розне время оны показываеъ ему въ числѣ души, изъ кождо, ронѣ соеавлена планетная фигура небеснаго орла, на ряду съ Комезандиновъ Великимъ и Сицилійскимъ королевемъ Филиппомъ Добрымъ, владыкъ нехристианскихъ и добродетельныхъ язычниковъ, но особенной милости Божіей взавшихъ въ обиды вѣрныхъ, — какъ, напр., Давидъ, Езекия, Рифей и Тиракъ и императоръ Тиракъ (XV в.). Присутствіе послѣднихъ двухъ въ Редити соелогит орелъ обиденныхъ ракъ: оба они (добродетельные язычники), Рифей и Тиракъ, умерли не какъ язычники. Дима Тиракъ, но коллѣтъ павъ Григорій, возвращаеъ отвѣтъ

мръ ада въ зало, тогда прииде крещение, а взором удостоить
 благодати за своего высокоу справедливого: Божь озришь яну
 будущее спасение рода человеческого, а при христианскій до-
 бродотвори окрестил его.

Въ 7-мой сорокѣ или въ недѣль Саатурна свѣтъ продолжа,
 ютъ свое блаженство, козорого они искали уже на земли въ
 мислическомъ созерцаніи Бога, самосозерцаніи и удаленіи
 оръ вѣтъ въ земныхъ радостей; это оземельники и монахи.
 Позорну Саатурн удаленны оръ земли и ближе къ Богу, зѣтъ
 въ манеры, козоро видѣтъ до сѣкъ поръ дажде. По повелѣ,
 нію Тьгарне дажде созришь уже не на нее, а на кристалъ,
 нуо манеру золотого вѣка. Тамъ замѣлаеть отъ свѣзлуу,
 золотую мѣстинуу, видѣтнуу некогда Заковомъ, по козо-
 роу безчисленны свѣзлы духи восходятъ и спускають
 къ созерцанію Бога. Они воздерживаетъ оръ нѣтъ гни-
 повъ, позорну что земная оболочка дажде не вынесла бы
 всего великѣ видѣтнана и слышаннаго и уничтожи,
 лаетъ бы, какъ некогда Семела оръ слави Юпитера. Все это
 обьясняетъ поэту св. Петръ Даміанскій, тивній сыкала
 нуеритникомъ, по позорнъ насильно возведенный въ санъ
 кардинала. Рассказывая о своихъ земныхъ подвигахъ, бла-
 женной аскезѣ обьясняетъ дажде зайну предопредѣленіа
 и клеймишь порицаніемъ распутанности и сраетъ къ
 роскоши современныи поэту служителей римской
 церкви; яну взорѣтъ дурія думи, и оръ ихъ гнѣбнѣтъ

восклицаний поднимается такой шум, что Данте ничего больше не понимал и спросил как оглушенным рассказали грома. Когда же блаженный душа успокоилась, Беатриче объясняет Данте, почему в седьмой сфере прекратилась вся слуха гармония небесных ипотоний и исчезла улыбка с лица самой Беатриче. Наконец перед Данте явился св. б. медичи, он рассказывает, как иль били основаны колыбель на ноше-Кассино, и уговаривает поэта оставить земное и прильнуть кь небесному.

Отсюда, следуя по лестнице за Беатриче, Данте с некоторым арного беспокойства, проникает в 8-ую сферу, небо зодиака и неподвижных звезд и, пролекая через Близнецов, радует, но привлекательное созвездие, которое свело в картину его рождения. Теперь, чтобы приготовить поэта кь последнему, великому блаженству, которое ждет его в эмпирее, Беатриче в первый раз позволяет ему оглянуться на семь прошедших или планет и землю, — потому что только тогда можно достигнуть божественного, кто совершенно проникнется божественным и самоубийств, как нитоминна земля в сравнении с не-божь: убийств, это земля со всем, что она содержит и что ее окружает, иль значеие малейшего звена в великой цепи мироздания, что она гаситца вселенной, надь которой царит божий дух, предь беззаконностью которого ничто великого и ничего малого. Потому, когда поэт в последний раз оглянулся на светлую дугу Лаконн, лучезарного сия

1) Близнецы сияли созвездием утренняя.

Танеріона, Майно, Діону, Зевса, Марса и Сатурна, — Беатриче сказала ему: „Смотри на эти блаженные сонмы Трицифра Хрисова, смотри на созрившие плоды нашего пути через весь сферв“. И онъ видить въ вышнихъ, надъ безчисленными множествами пламенниковъ — Хриса, разливающего свой свой черезъ всю вселенную, на небо, землю и адъ. Въ видѣ дивно мурзариного солнца являеся позу самъ Хрисосъ, и зрѣніе Данте, укрѣпленное зрѣніе божественнымъ зрѣніемъ, получаеъ способность созерцать улыбку Беатриче, теперь вновь, съ недоуменной описанію прелестью, озаривъ, тѣло лицо его возлюбленной преводительницы. Укрѣпивъ зрѣніе Данте, Беатриче показываеъ ему позу на пламеникъ Добы-Маріи, илюющій форму розы, которую избрало Слово, тогда сражъ низою, и на пламенники апостволю и поплодобаеелей Хриса, сіяющіихъ какъ млія. Сверху низлезаеъ архангелъ Гавріиль и, лефав вокругъ звѣзды Маріиной, образуетъ пламенникъ своего факла сіяющій вѣнецъ. Радаеся хваледное пѣніе, — и Регіна соелі? помя зого какъ архангелъ Гавріиль убогалаъ «короной изъ звѣздъ, возносея, вѣнчаеъ съ сонмомъ аркатке, ловъ, белтъ за своимъ предвотнымъ самомъ въ высшую облакъ неба, въ Эмпирей?.

По просьбѣ Беатриче, нисходаетъ зрое юношей, Бивиниль свидоделами преобразанія Господня, и пеннубаеетъ Данте въ перина въ вѣри, надеиди и любви. Во первыхъ ан. Перръ.

1) Начало казалискаго анхифота въ чертѣ Добы-Маріи.

предлагает Данте некоторые вопросы об исповедательной или
 вольной; однако Данте заслуживает апофеоза благословить его
 в знак непоколебимости его религиозных воззрений.
 Стихотворная, XXV глава, Рай (1-10 стр.) начинается зрительно
 выразительного надеждой поэта на то, что его, «свидетельная
 поэма, в создании которой приняты участие земля и небо»,
 победит всемогущего его врагов и доживет ему, ложь и обман,
 немыслимому годами, возмощает вернуться на родину; за-
 тем же стихотворение исповедание его св. Яковом в утешении церк-
 ви о надежде, после чего евангелист Иоанн объявляет ему,
 что на небо ниспосылает лишь его душа, и что только на воз-
 носится туда с златом кровью Христа и Приснодети. Эти
 же исповедание поэта относительно зрелищ основной добродетели,
 любви к Богу и ближнему, и когда Данте охватывает
 на все вопросы, что апофеоза-благословения души в знак удобства,
 судьба привождервовали его сладколасными теньями.

После того как исповедание утвердило поэта в вольной, духов-
 ное созерцание его дала себя свободные и дельные, — и отъ видеть
 передь собою первого зрелища, Адама. Сладколюбивый
 праотецъ объясняетъ матушечьему познанию паронку, что при-
 чиною его наказания было не искусство шлода отъ древа по-
 знания, а преступление воли Божией. За это отъ 4302 года
 томился в преддверии ада, тогда как в земномъ раю про-
 бовъ всего семь часовъ. Передь зрелищъ, ^{говоришь отъ,} какъ я сошелъ в адъ,
 высочайшее добро называлось Эм; поэтомъ стало называться

Эли? — Весь рай поеть хвалу зрѣдичному Богу. Похолома ма,
схупаерь дорнесъзвѣтное молчаніе, которое нарушаерь Пегуръ
Эмерисеской рѣчью прозивъ павъ, ело недоседаймивъ ма,
мощниковъ, въ особенносги ене прозивъ Тописраціи VIII
(1300 г.). «Тотъ, кто на земли незаконно присвоилъ себѣ кра,
своль мой, пресволь мой, прудаль мой, оскатоуіея маганъ,
жалъ предъ очами сата Божия, — ротъ обрарилъ кладбище
мое въ клоакъ крови и слрада». (XVII н., 19-66 сф.). Тело
аносрота засвотуилогъ багровилъ свѣзоль, и, какъ сводим,
вадъ давушка, краснотлоцад оръ чужиого мюзора, заручилъ,
нилаегъ Беаррике, и все небо покрывологъ мракомъ, какъ
въ часъ смерзи Гисуса. Тогда, перемонивъ ротъ сводилъ по,
ризаніи, аносроль начинаерь сравнивалъ макодицеа пано,
исеніе церкви съ протедшимъ, и мазибаерь нѣсколко
дуривилъ павъ, выразная надежду, что скоро Господь по,
млаерь ей издравицель, какого послаилъ нѣкогда свѣзскому
Рилу въ млицъ Сициліона. Произмесь эго, онъ возносилъ
вѣтосеа со всеми свѣзельми въ высшюю сферу.

Данце еще разъ оглядываерь на ругаерь земли, козорую
охраняаерь передъ нимъ поворотъ созвездія Близнецовъ, и
слѣдуерь за Беаррике въ 9-ую сферу, сферу „первичнаго два,
исенія“ или въ 9-ое небо, соходящее изъ прозрачнаго, вѣтмо
двизиущагося свѣза, рѣтитъ мобилъ, даюцаго мору и дви,
исеніе другимъ сферамъ. Беаррике обьявляерь Данце, что въ эзои
сфере нѣтъ ни прохрансва, ни вренети въ обикновенномъ

1, Данце говоришь (девулгарі слово), что первое слово, произнесенное геловъ,
кото, было дѣлъ соинивилъ Эли, и что оно значило Богу. Св. Исидоръ въ своей
Этимологій говоришь, что первое имя Божіе было Эл, г.е. единый, а второе —
Элоі, или Эли, г.е. мой единый.

смысла, а что она, под непосредственным воздействием
 Божества, слышит нечеловеческое время и движение для
 всей вселенной. Объявляя поэту существо и строение кристалла,
 неба, бездну расширяется от непорочною правотою
 на землю и кончает свои знаменья пророкства. В этой сфере
 поэту дано воочию узреть мистическую сущность Божества: его
 взором открылся неопытного блеска свод, вокруг ко-
 торого в неказанной бездне вращалось девять кругов
 (девять чинов ангелов), причём, сообразуясь с
 их отдаленностью от центрального свода — Божества — блеск
 и движение их уменьшались. Около земли, которая по си-
 стемке даже центр вселенной, круги вращались злым мед-
 леннее, чем ближе, и стало быть злым быстрее, чем дальше
 от земли. Поэтому лунное небо самый медленный, а ртутный
 самый быстрый круг. Из этих кругов, сообразуясь
 с их девяти кругам видного мира, раздавалось непре-
 рывное пение, «Санта». Бездну объявляя даже отсто-
 яние между этими кругами, — мажорскальскими и духовными, и
 даёт подробное описание иерархии ангелов, взывает цюм-
 ком из сочинения Дιονисия Ареопагита!

Первые три круга около Божественного света или Божества,
 венной точки содержат в себе херубимов, серафимов и
 престонов Божий; в следующих трёх кругах: Власть, Добро,
 Долг и Сила; в трёх крайних — Господства, Архангелы
 и Ангелы. Блаженство ангелов состоит, во-первых, в созерцании

цаніи Бога, во-взорань, въ любви къ нему. Но второе выше,
каждъ изъ перваго. Знаніе есть главное достоянство и цѣль
человѣка. Поэтому высшіи ангеламъ любви, серафимамъ,
приписывается и высшая степень знанія передъ прочими
ангелами. Тамъ же видѣлъ позръ и Діонисія, описавша
чину ангелослуживъ, и св. Григорія Великаго, котораго ни,
самъ одъ зрѣлъ нѣскольکو иначе, но затемъ уже освободилъ,
ся отъ своего заблужденія. Позрѣвъ Беатриче разсказыва,
еть о сотвореніи міра.

Сраку въ мірозданіи есть проявленіе любви Божіей. Ре,
зультатъ его: интеллигенція (ангела), форма и матерія (ду,
ши и зѣла), каждая отдалено существующія, каждая въ-вѣрств
содѣлительна. И что сотворилъ Богъ, было совершенно.
Всѣмъ судьбамъ зворенія — ангелы Змиряя: они двѣтв,
позръ зѣла силото, которую воспринимателю, а низшіе, зрѣтъ
— только восприниматель обирая земли. Беатриче, одъ,
ясная даже происхожденіе и природу ангеловъ, мико,
холомъ порисравъ современнѣхъ ему-позрѣ. — богослововъ
и проповѣдниковъ, предлагающихъ своей насрвѣ подасѣн,
ки вѣтвѣхъ числаго евангелскаго ученія. Такими образомъ
св. Теронимъ вналъ въ большую ошибку, полагая, что ан,
гелы созданы за нѣскольکو зсѣдлательнѣй президе міра: но,
тому что до рѣкъ моръ они не имѣли бы никакого опредѣт,
и много назначенія. Этого также совершенно ошибоч,
но многія философскія школы приписывають ангеламъ

рая умъ, наидъ и волю. У ангеловъ нѣтъ никакой воли, кромѣ созерцанія Бога, а такъ какъ оно совершается не, прерывно, то у нихъ не можетъ быть и потребности въ наидъ. Такъ нередко геологи впадаютъ въ заблужденія, которыхъ сбиваютъ съ толку христіанство; а еще чаще они изъ тщеславія или корыстолюбія обманываютъ его самыми мелкими сказками. Въ особенной горечью говорить Беатриче о монашескомъ изображеніи оупущенія грѣшности (индугенция), — и въ немъ видить главную причину многоглаголюваній и правдиваго упрямка кельтскеслова. Поэтому она обращаетъ вниманіе Данте на безчисленное и неопредѣленное число ангеловъ и на безграничную величину Божія, — поэтому то слава его должна отразиться на каждаго изъ эфиръ ангеловъ.

Ангелы девятой сферы появляются. Вознесшеся съ Беатриче на 10ое небо или въ Эмпирей, Данте поражаетъ необычайной красотой, украсившей внезапно его руководительницу, — красотой, отъ сара которой нѣтъ признаетъ невозможнымъ. Съ одолѣвающимъ мученіемъ Божества въ глазахъ поэта блгодноту свѣтила праведности; его самого ослѣпляетъ невыносимый блескъ Эмпирей, но очи поэта приобрѣли способность вынести такую высоту сфера и отъ созерцаютъ Бога въ видѣ сфер, кающей освѣщеннаго блескомъ рыбки, вокругъ которой излучаетъ чудная вселенная, изъ изрезанныхъ волнъ брызжутъ и искры, и погружаются въ искры въ чашечки излученья,

1) Срав. Апокалипсисъ 22 ст.

как рубина в золотую оправу. Орруда, как будто чужеземная
 Благодатница, отнюдь не Бродягушка в дубовой, светлой
 волнистой лесу дивно изобильными берегами... Бездарице гово-
 рить огарованному поэту, что это только лишь дьявольски
 эти и велишь ему лишь изъ своей раки. Как скоро глаз
 поэта погрузился в волны света, позовет каменья или кру-
 лавы (т.е. безконечности); а изъ цветовъ "искры", в которыхъ
 отнюдь узнаешь души святыхъ и ангеловъ, образуетъ роза. Без-
 дарие ведеть Данте на середину этой розы, которая, какъ и у
 земного цветка - желтого цвета, и орруда показывается ему
 весь божественный, городъ. Взоръ Данте проникаетъ гуще
 всюду, отнюдь видя все "вблизи и вдаль", поэтому что тамъ
 исчезаютъ все условия пространства. Бездарице, указавъ по-
 зру на безчисленное множество избранныхъ божиихъ
 и на безконечность небеснаго Града, предсказываетъ, что
 вскоре пригрозитъ ^{уже} здѣсь мольба, на которой Данте
 видитъ корону, займетъ душа императора Генриха VII
 Луксембургскаго, тогда какъ прозвучитъ его имя Кисей-
 менъ V, в своемъ очередь, не замедливъ понасу въ адъ, "где въ
 желтыхъ ^{Ringel} заклінахъ своемъ вольхвъ Симонъ" (XIX повесть).

Поэту въ чужеземии продолжается созерцать небесный рай,
 величественное описание которого составляетъ начало 31-й
 песни. Между Богомъ и соименъ святынь возлетаютъ и
 низлетаютъ ангела и сообщаютъ блаженство, понуренное
 ими наверху, всей розе. Но парение ихъ не замолкаетъ

ни слова, ни зрѣнія, по тому то прозвѣ Богослужебнаго сія,
 ній ничто прозвѣцае не поиме. Между фалъ, пока
 Данте размазываетъ, небесную розу, образующую группами
 блаженствующихъ духовъ, Беатриче возносятся еще выше на нѣбо,
 принадлежаще ей среди нѣбо, у престола Божія. Внѣсью нѣбо
 Данте видить подлѣ себя царца. Про-аббата Кларвосскій,
 св. Бернардь, - символъ иезуитской теологій, которой оривенъ
 будещъ его возидель. Онъ указываетъ поэту на Беатриче, возсто,
 дающую на горы, во всей ея славу. Данте обращаетъ къ ней
 съ благодарственнаго молитвой за ея покоице и покровитель,
 сѣбо, давшій ему проникнуть до свѣзда свѣзды. По тому
 св. Бернардь, зоръ яркій созидатель вѣры, возвоисвѣнъ по-
 шифаніе св. Дѣвы и прославлявшій ее въ своихъ звореніяхъ,
 обращаетъ вниманіе поэта на высочайшую точку розы,
 гдѣ въ невозможномъ аркомъ сѣнѣмъ возстае Царица Не-
 ба. ^{Богородицу} ~~Ея~~ свѣозарную славу изобразилъ на словахъ у поэта,
 однакожь, нѣтъ ни дерзновенія, ни средствъ. Онъ сравнива-
 етъ ее съ орифламой мира, передъ которой все схановица
 блѣднѣетъ и безувозвытѣ.

Отъ св. Бернарда Данте узнаеъ порядокъ, въ какомъ свѣ-
 зѣ сгруппированы вокругъ Маріи. У нѣбо ея сидитъ дѣва,
 а на зрѣтель ^{лицѣ} Гаймис, созерцающая Бога, и Беатриче, изу-
 гающая его. Подъ ними, на выдаточней ^{группѣ} лессуки розѣ,
 расположились Сара, Ревенка, Юдиотъ, Рубот и другіи еврей-
 ки. Онѣ составляютъ какъ-бы переломку между двумя оу-

Далось розе, — такъ что на одной сторонѣ сидеть свѣдуща, вѣровавши въ Спасителя грядущаго, а на другой — вѣровавши въ пришедшаго. Въ глубинѣ розе, тамъ, гдѣ въ земномъ розѣ, тамъ маленькіе миски образуютъ сердце цвѣтка, помысли, на души унаршились въ крещеніи младенцевъ. На вершине, по лѣвую сторону Маріи, сидеть Адамъ, а по правую — Петръ: двое первыхъ, вѣровавшихъ въ Спасителя грядущаго и двѣ — тагося. За ними сидятъ Моисей съ пророками вѣрлаго завета и Иоаннъ Креститель съ пророками новаго завета, между которыми еще еще московско посье незанятыхъ. Данте долженъ смотрѣть на ликъ Маріи, чтобы приподобрѣ, съ къ зрѣнію Христа. Блаженство ея неописанно. Любова остояндръ ее своими крыльями и посье ангельское при вѣзубіе Благовѣщенія, королеву взоритъ вѣс рай (XXII п.).

Указавъ поэту порядокъ, въ которомъ разнотѣнны въ рато свѣдѣе Вѣрлаго и Новаго завета, и призвавъ еще разъ его вниманіе на милосердіе, крохоту и величіе славы Дѣвои Маріи, св. Бернардь обращается къ ней съ шаркой молитвой: «Дѣва матъ, дочь своего Сама, смиренная и возвеличенная нае всѣхъ жварей, определенная цѣль совѣта предвѣчнаго, за обла, горюдившая природу человеческую до того, что Творецъ не погнушался принять ея образъ! — Нуъ подрѣ звонкъ слова ро, дилаетъ любовь, и ея земной разсѣвталъ въ вогномъ мирѣ зрѣе цвѣтотъ. Здѣсь же, для насъ, сдѣлалась полуденнымъ солнцемъ любви, а внизу, между смертными, — живалъ ис.

зогникомъ милосердія... Въ зедъ милосердіе, въ зедъ крохосер,
 въ зедъ великіе: въ зедъ соединенъя вес, тѣ есѣ хорошаго въ
 созворенномъ. зѣмъ зедъ, которій нѣтъ глубочайшей бедны вселен.
 ной пожененно возвышался до совершенства жизни доиссуети,
 ной; онъ умоляетъ зенеръ зедъ благодае неизмѣримо, тѣмъ же
 дана ему силу подидѣтѣ глаза свои еще выше, къ послѣднему
 спасенію... комо не оураетъ его: нѣтъ молитвенни зедъи
 раздѣдѣ зѣки передъ его снѣжинни очами, и онъ удержитъ все,
 гайшуръ радосер. дѣше же, прошу зедъ, царства, ^{зедъ, которая пошея ва, тѣмъ дано,} зѣмъ, ^{зедъ,}
 на сердце его для такого зрѣлища. Побѣди въ немъ, заслужилъ,
 нѣмъ своимъ, въ челоукоескія сраженіи. Познаужи: и Беатриче,
 и скопско свядохъ проскураторъ къ зедъ руки, умоляя о зѣмъ. зѣмъ."

Съ такого шаркой молитвой св. Бернарду обращается къ Дѣвѣ
 Маріи, тѣмъ испроситъ ея благодарную помощь пошу для зѣго,
 тѣмъ онъ мѣтъ наисотенъ издѣдѣдѣтѣ дѣше самое Высшее Благо,
 или ^{Троицкозаскнѣ} Троицу... и возъ ея всегудной и Богомъ
 мѣтливъя очи обращающа на просидѣннѣ, и видѣннѣ мѣ, какъ ея
 прѣдънѣ молитвы праведнѣ. Покорнѣ она обращающа мѣ къ вѣщ.
 нѣмъ своужу, и нѣтъдѣ пошрѣтѣ, тѣмъ въ него когда нибудѣ про,
 никали жакіѣ свѣдѣннѣ очи созданнаго. „Я, говорѣтъ Данте, при,
 блонанскѣ наисотенъ къ цѣмъ мѣмъ жалатіи и во мѣмъ, како
 зѣо всегда Биваетъ, поужило тѣмъ срдѣмленіи. Умѣдѣдѣтѣ, кив,
 нѣмъ мѣмъ св. Бернарду, тѣмъ я смѣрѣннѣ вверхъ: но я узѣя сѣмъ,
 лалъ зѣо, тѣмъ онъ оръ мѣмъ зѣредованнѣ: и въ мѣмъ зѣдѣ,
 шійся все болѣе и болѣе, проникали лучи высочайшаго свѣта,

который сам-по-себе есть искуша. Озь этого зрѣнія мое сдѣла-
 лоегъ языкъ ясно, что нашъ языкъ не въ союзномъ дарѣ обѣ-
 лать никакого похвѣдѣ и не держаетъ палача удермагого!..
 Та, ствотъ совершеннойшій, что языкъ возвышается надъ
 похвѣдѣми смерднаго, возобнови въ члѣтѣ моему хозъ гаси,
 ну зого, что мнѣ явилосъ: сдѣлай Языкъ мой факиль мою,
 чиль, тогда хозъ оду некру рвоей слави и мнѣ охавишь
 будущишь поколѣтѣишь; тогда хозъ что нибудѣ возвра-
 лосъ въ мою палача; нуцъ въ срилахъ конѣ прозвучишь
 одишь зомско слабий озголососъ, и тогда уже слѣди хвоей
 похвѣди будучъ очевидна!

Просьба поэта услашана. Данѣе припоминаеть, правда,
 онемъ немногѣ подробносри своего послѣднѣго видѣнѣи.
 Омъ припоминаеть, что передъ нимъ явилосъ зри круга рав,
 мой величина, но различнахъ цвѣтахъ. Внутри круга
 омъ различаетъ человѣческѣи образъ, образующиешъ изъ взо-
 рого круга: это кругъ Сына Божѣи. Трѣтѣи кругъ восходитъ
 изъ двухъ первыхъ, — кругъ Духа свѣзого. Поэтъ сгараетъ про-
 никнутъ въ райну ихъ соединенѣи; но молнѣи вѣри зомка-
 те смирдетъ сильную фразию поэта. Съ удивительного силой
 фразии и Языка омъ въ послѣдней писемѣ своей, свѣщенъ,
 мой поэма! нѣдетъ передаѣ неваразимое, создаваѣтъ зѣнь
 не мнѣше въ послѣдней герционѣ (XXXIII н., 142—145 сз.), что
 сила воображенѣи здѣсь оказываѣтъ слущишь ему, языкъ какъ и
 болю его и желанѣе уже на мнѣ направилъ мѣтѣи, при-

водная в движение солнце и звезды. Жизнь оканчивается
зреть часе поэмы Данте. —

Путешествие Эго — чрез ад, чистилище и рай — совершается
в 1300 г. Оно начинается в четверг на сураской подолы и
оканчивается в торжественный день пасхи. В Эго коррозий
пролетают в брелети, Данте не только ценит в Акилоту
нехорошо прошедшего, но еще предсказывает о превращениях,
ожидательных в будущее его самого и Италию. —

Криуика.

Мой крайне сомарий пересказъ содержания „Торжественной
Комедии“ страдает, конечно, такою сторою сураскою; но зато, зна-
комъ Васк, м. н., в жизнь знаменитый и самый создатель сред-
невекового зборнаева во велик его объемъ и послѣдователь,
только разбирал, а не только съ его произвольною выборочною
эпизодами, онъ вникать въ жизнь да въ возможное побужденъ,
что хотя эта эрилогия относится въ сущности къ аллегори-
ски-дидактическому ордену поэзии, жизнь не только побужденъ
миссали, но олимпиадический много повествовательный, сурого-
эпический тонъ, то воздорженно, либо задумчиво-лириче-
ский, то, наконецъ, тонъ драматическо-диалогический, какъ
то не безъ основанія было замечено, что, сурого соворъ, Divina
Comedia не принадлежитъ ни къ одному определенному ви-
ду поэтическихъ произведений, а представляетъ собою совершен-
но самолюбное, свойщее особымъ образомъ литературное явление, вели-
чайший памятникъ среднихъ вѣковъ.

Изъ всего пересказа Вы можете также заметить и чрезъ
 вышайшую разносходимость эрилогий со стороны ея, такую
 скажемъ, вычужденную содержаній: поимено ея основной идеи
 или тенденцией, о которой въ двухъ словахъ будешь сказано
 внословоуехъ, Вы видите, что Данте, согласно духу эпохи и
 сложному характеру своей поэмы, ввелъ въ нее аллегорию
 и сдѣлалъ изъ нея фундаментомъ, на которой воздвигъ зрѣй-
 шее царство замочилскаго міра; что въ „Божн. Комедіи“
 поэтъ касался и символическихъ вопросовъ современной
 ему политики, и морали, а также говорилъ и объ орденахъ
 выдающихся личностей своего времени; указывалъ о разныхъ
 проблемахъ морали и разума, былъ поэтъ мало ищущее,
 нѣтъ дѣлъ насъ, но несомненно имѣвшихъ огромное зна-
 ченіе въ глазахъ насѣдующихъ и просвѣщенныхъ предсѣви-
 телей средневакового общества; наконецъ въ поэмы не за-
 били и вопросы, занимавшіе тогдашнюю политическую
 науку. И надъ всемъ зримъ разнообразіе господствующаго
 сознанія и правдивнаго чужество самого гениальнаго автора,
 обусловившихъ основную идею его произведенія. Благодаря
 аллегорическому характеру зрѣй идеи, она, естественно, до-
 пускаетъ различное пониманіе, почему и имѣется такое
 множество разнообразнѣйшихъ комментариевъ къ Божн.
 венной Комедіи, доходящихъ иногда до полнѣйшаго без-
 смысла и прозвиротіа. Последнее обстоятельство послужило
 поводомъ для нѣкоторыхъ изслѣдователей высказать социальныя,

Методъ италіанской литературы XIV в.

что Данте не устоялъ самокомментарию своего поэмы, что стало бы неминуемою массою существующихъ теперь попытокъ къ ея издѣлыванію. *

Но если творъ полнаго комментарія къ „Бож. Комедіи“ самого ея автора, до сего, по крайней мѣрѣ, общія указанія его на то, какъ должна быть понимана ея, связавъ поэма. Эти указанія заключаются въ его посвященіи „Радъ Кану. Транде делья-Скала, герцогу Веронскому.“¹⁾ По словамъ Данте, по поэма естъ описъ доктринале, смыслъ котораго многообразенъ. Сверхъ смысла буквального, три проіе смысла — аллегорическій, моральный и аналогическій, но особенно Данте, подлиннее еще болѣе общему смыслу — духовному (spirituale)²⁾ или, по Данте, аллегорическому въ болѣе широкомъ смыслѣ. Предметомъ „Бож. Комедіи“ (по буквальному смыслу ея содержанія, являясь различное соединеніе души въ загробной жизни; 2) по аллегорическому же, — человекъ вообще, заслуживающій награду или кару со стороны Божественнаго Престола судій своихъ, по свободной воли совершаемыхъ, добродѣли или злыхъ поступкахъ. Задачу поэмы сообразно приведемъ людей отъ являющаго имъ на землѣ зла и несчастій въ совершеніе вѣчнаго блаженства. Заключается же въ ней философія — чисто нравственная, данъ какъ прелюдическая ея часть не спекулятивная, а практическая: исправленіе погрязшаго въ грѣхахъ человека. Такими образомъ Divina Comedia заключаетъ въ себѣ развитіе нравственно-религіозной идеи въ алле.

1) въ посвященіи, признаваемыхъ за несомненно подлинное. Срав. Giuliani въ его изданіи „Opere latine di Dante“ II, 170 стр.

2) у схоластиковъ.

горнической формы видения или посвящений загробного мира с дидактического, назидательного цетомю.

Посмодующие фолькварели, не довольствуясь изложением, наивъ объясненіемъ аллегорическаго смысла зримои, но, залезъ глубже проникнувъ въ ея содержание и ваденіе связи между зримъ послѣднимъ и духовнаго, внурреннаго зиннаго самаго Данте. Все зри попытки, впрочеомъ, можно сгруппировать въ два оудала: по одимъ (къ зрой группѣ принадлежатъ Рити) — Данте вьднъ на себя провозвощаетъ своимъ заблудшимъ въ грѣхѣ современникамъ нехитрой путь ко спасенію, по другимъ (къ зрой второй группѣ принадлежатъ Скастагни и Озанат) — оиъ хотѣлъ предста- вить въ поэмѣ духовный процессъ соборвеннаго очищенія отъ грѣховъ. Недеке стараеся примирить оба воззрѣнія. Взглядъ же Гангелъа совершенно несообразенъ.²⁾ Сообразно еъ зримъ или другимъ взглядомъ и фолькваріе оудальныхъ эпизодовъ въ поэмѣ являеся неодинаковыми, — такъ, напр, зри зворъ преградатоніе поэту путь въ 1-й пасты. Ада, приниматоеся то за символъ зрѣхъ Смерзныхъ грѣховъ — сладолюбій, гордоети и корисхолубій, — то за аллегориче- скіе образы пансува, французскихъ королей и флорен- ційской республики.

Возъ какъ, по мнѣнію Пинзо, слѣдуетъ понимать зру аллегорию.

Мрачнѣ сходитъ съ высшей римской цивилизаціи

1) Dante et la philosophie catholique

2) Dante et les origines de la langue et de la littérature italienne.

в пращную долину невинности, по другую сторону которой возвышается и сидит гора повойней цивилизации. В глубине долины лежат дремучий лес — явная каменья на бере, мена варварства. Размышляя о бездверномъ соединении, въ какое она впадала, Уралия приходитъ въ ужасъ и сама не можетъ дать себѣ отчета въ томъ, какими образомъ она дошла до такого уничиженія.

Но вотъ задалаетъ зари новаго, XIV века; ее изображаетъ камень, освещенный первыми лучами новой науки и новаго языка. У подошвы горы, при блескѣ молодого солнца, Уралия на мгновение оракаивается и бросаетъ взглядъ назадъ. Она смотритъ и видитъ роковые предметы, за которые дошли ни одна нация не могла перемахнуть. Египетская, греческая и все другія цивилизации, достигнувъ высшей точки развитія, какой могли достигнуть по своей природѣ, внезапно упадали въ пращную долину и въ ней исчезали навѣки, а если и являлись снова миръ, то совершенно преобразованными и слитыми съ началами новой жизни и съ интересами другого народа. Одной Уралии предсказало бойдзи подобно, землетрясеніе изъ мрака, въ который она была низвергнута, возродился самой подъ благозвоннымъ лучомъ новой и болѣе пророчной цивилизации, и озарилъ это другіе народы. И дѣйствительно, послѣ небольшого оудвуха, она, все олицетворяющая своимъ позоромъ, снова пускается въ путь по обнаженной и пустынной крутизны, поддерживаемая надеждой

достигнув вершины горы. Но почти при самом начале восхождений, Флоренция, проворная и легкая пантера (беззубая, странно мянущая парфим) с пещурой миссурой, отдыхая в цвотах ботаники и черники, презирающе Мэлиин пуща и засраивая ее несколько раз сворачиваясь с дороги.

Но то была первая часть дня, во которую сынов Божий испустишь родъ человеческий; то было время весны, когда природа, пробуждаясь от сна, начинается весело удивляться. Все, казалось, предвещало Мэлиин побужо и наслаивую будущее и подавало надежду побужо Флоренцию, злымъ болше, что зрозъ городъ былъ разделенъ на парфим и не могъ успешно прозвиздсѣ прогрессивному ходу цвотного народа, Какъ вдругъ Франциза, во лице Филиппа-Кра, сиваго и Карла Валца, возмаетъ прозвизд Мэлиин, подъ видомъ льва, сильная, гордая и жадная къ дачегалю. Въ то же самое время Гиль, дощая волница, преисполненная встоль желаній и козоровъ уже „для многихъ была оубавой въ жизни“, являясь, тобы держатъ Мэлиин и парализировать въ сраганія вийдзи изъ невъзвезуба. Ози волница насрунаеъ на несчастную нацию, лишаеъ ее всякой надежды взойти на вершину горы и гонитъ ее куда, где „солнца лучъ угасъ“, т.е. куда, где разрушь, дъ, яремство и жизни народовъ находять себя смерть.

По мнению Данте, только одно средство могло спасти Мэлиин. Оно заключалось въ образованіи политическомъ,

философскою и христианскою, распространяемою по,
средством посредством поэзии. Но тогда поэзия действенна,
хотя могла возразить Иралино на шумный шум и удар,
жизнь ее на нем, ей следовало обратиться в народную израи,
инскую форму и обратиться за содержанием к богатому
ископанию народных преданий. Она должна была быть,
никогда с евангельскими учениями и политическими нача,
лами, козрой ругается бы за возможное политическое воз,
рождение — одним словом, ей надлежало сдаться израи,
янской, христианской и монархической.¹⁾

Виргилій являясь на помощь зрелому патристическому догму.
Осужденный на молчание в продолжение эпохи варварства,
отъ слова выходяще на сцену, предлагая себе в проводники
Иралино и отбываясь беси ее по шуму новой цивилизации. Ира,
лид и своей стороне просит его во имя любви, с какою она
хранила его произведения, избавить ее от роковой волгицы —
врага науки и образования. Виргилій тогда отбывает Иралино
прогнать.²⁾

Въ Беаррине видяще го возмоденную поэза, догм Пор,
жизни, воспынуше ить въ „Vita nuova“, принаше въ ея фю,
галь, обращенный въ поэма къ Данте, охкрывающе наме,
ки на поиски его в действительной жизни, го, наоборот,
признающе Беаррине „Този. Комедии“ за безусловной символъ
Твозишественного охкровения, спасающего грешное человеке,
ово, и тогда ея слова долкуютъ въ больше охвлеченномъ, Бого.

1) М. Пинто: „Историческіе очерки израильтинской литературы“ 1866г.

2) См. далее: Адъ, тисне I. Переводъ А. К.

словесно-философский смысл. Такая измена, за которую Беатриче упрекает Данте, понимая его одним в буквальном смысле, другими же в смысле увлечения его логикой, были философскими доктринами. Но отрицать реально основы в образе Беатриче едва ли возможно; но, например, в Вилье, м. 22., сказанное много раньше о Беатриче 'Новой Жизни' (Vita Nuova), как о женщине идеализированной в манере известной поэтической школы, к которой принадлежал Данте в начале своей поэтической деятельности, я полагаю, что Беатриче, как она является в 'Бож. Комедии', представляется собою мифом дальнейший окончательный фазис того сублимированного фактически существовавшей личности, в которой последние вполнью поглощаются идеей, быть поэтессой которой, но волею поэта, ей выпало на долю.

По своей форме, как 'откровение загробной жизни' Divina Comedia припоминает кь чуждому ряду весьма популярным в средние века полупоэтическим, полупоэтическим произведениям,¹⁾ которыми Данте, по всей вторичности, и обязан, но крайней мере, общему схематическому.²⁾ В отношении языка, урлогия Данте представляется бо, главным образом сокровищницей итальянского слова, из которой впоследствии писатели черпали безмерное множество раз. Со стороны слога за 'Бож. Комедией' должно признать необычайную многословность: в ней в энергичном

1) как это склонны думать некоторые из новейших итальянских изследователей — Bartoli, Renier.

2) С этими можно ознакомиться в сочтении А. Н. Веселовского: Данте и славянская поэзия каролингскаго (. Вильн. Сборник, 1870 г.) и по очерку Labitte: 'La divine Comédie avant Dante et Œuvres de Dante Alighieri' (éd. Charpentier, Paris, 1872).

точностью, доходящего порой до лаконизма, соединяется самое пышное поэтическое изысканство, с суровостью — тонкая ирония и крайняя возможность; с подавляющей грандиозностью образов — полный невыразимой прелестью картины природы и щедро разосканный поэтический сравнений.¹⁾

Что же касается общего значения „свидетельной поэмы“ Данте, то за свою безпристрастную многогранность, исчерпывающую все умственно-правдивое содержание средних ^{веків} эпохи по справедливости можно было бы назвать „думною“ эпоху своим великим в развитии геллологическим эпохи.²⁾ „Никогда, — говорили историк французской литературы, Гаспару,³⁾ — не создавалось поэтически, по произведению, больше глубокого по смыслу и больше возвышенного по цели, как ни одно мне подобное произведение не бы, но больше насойчивого и серьезного гряды и больше задумчивых выражений многому писателя во всей ей поэма... Это все полное значения; если эстетическое чувство не будет бывать загромождено, то, наоборот, кажда мелочь предсравняется для нас глубокий исторический интерес, — гений Данте грядет для себя полного его понимания. Поэтому здесь не, обходима научная работа, которая видела бы безиссленной связи поэмы с означенным эпоху времени и существовавшим, ли тогда научными доктринами, такие как, но много возможно, поэма, и сокровенный смысл ее аллегорий. Но Divina Comedia выдвигается, больше всякого иного создания поэзии, также и в поэтическом комментарии... Поэзия Данте нельзя сравнить

1) И. М. Болдаков у В. С. Корша II, стр. 824.

2) Geschichte der italienischen Literatur von Ad. Gasparu. 1885, I Bd. стр. 343.

3) Littre, Étude sur le style de Dante (в его Histoire de la langue Franç.; 2e v.).

съ широкой фраккой, зекенно козороу ми спокойно могли бы от-
даться; но она въ своей исполненной энергii смазоехи, по-
добно лучу молнии, поразяеъ мгновенно наше чухъ, то-
би рождаеъ же исчезнуеъ, или не успела воспламенити
наше воображение и не заперыла въ немъ кензлады,
моя черзы своихъ образовъ."

Divina comedia дославила поэзу большую славу еще при
его жизни; но по смерти его эха возросла съ закоу быстро-
дой и поэзу сталаеъ предметомъ поклонения своихъ сооте-
чественниковъ до закоу степени, что уже съ двадцатыхъ
годовъ сполнозя подвидеъ целый рядъ комментариёвъ
къ поэму¹⁾; пядьдесятъ лозъ спустя по смерти поэта, фмо.
рензийское правительсезво назначаеъ Боккаччо на долзи,
поэту официального золкователя Данте, козороу, поелю
него, занимали еще нъсколко лицъ. Съ цюлью изуре-
ния великаго создания великаго флорендинца были
угресидентою оудельной кафедры законе и въ другихъ горо-
дахъ Урлинъ — въ Болонью, Венецию и Физу и пр. Но
поэму Данте начали не рочко разьяняеъ съ кафедръ, но
и читаеъ въ церквахъ. Такъ, напр., мезолю для объе-
нения филологин слушали церкви, какъ Санжа-Мария
делл-Фроре и др. Внезапное, производное поэмой, было
такъ сильно, что возбудило опасение павъ, и они поручи-
ли написаеъ на нее комментарию, исказившею мысль
поэта; проклятию предавали зору, кою осмысливали по-

¹⁾ Ueber den historischen Werth der älteren Dante-Commentatoren,
von C. Hegel. 1878.

ничают и копируют поэзу иначе, как было приказано
напою. Поэтому „Бож. Комедію“ переделали изуряду. Въ XV вѣкъ
поэзія была въ пренебреженіи; ученые обратились къ изуче-
нію римскихъ классиковъ. Въ XVI вѣкъ, при всеобщей распу-
щенности нравовъ, поэма Данте не могла нравиться. Полное
забвеніе національнаго древоубиства въ XVII вѣкъ предало заб-
вѣнїю Данте. Только въ половинѣ XVIII столѣтія обратились
къ Данте, но и тогда его возродили насильниками иезуитъ Бейи,
мелли, а Волгерь объявилъ прямо, что, кромѣ 60-90-ти стиховъ
великодушныхъ и дивнѣйшихъ вѣковъ нашихъ, все осязательное
у него ^{и т. д.} ~~фумань~~, варварство, зривидлосность и пошлостіи. Но къ
концу XVIII-го и съ начала XIX-го столѣтія возростаесть опять
слава Данте, опять обращаются къ этому гению. ¹⁾ Фр. Шлегель
сказалъ „Бож. Комедію“ — чуднымъ звореніемъ, единственнѣйшымъ
въ своемъ родѣ и не подходящимъ подъ пошлостіи ни одного изъ
родовъ поэтическаго зворенія; Жанръ Гейне говоритъ съ удив-
леніемъ о Данте и т. д. ²⁾

Такъ или иначе, поэма эта — величайшій памятникъ сред-
нихъ вѣковъ; въ ней вѣтъ озрали знанія той эпохи: исторія, ко-
мика, философія, богословіе, астрономія, космогонія, даже искусство,
свѣдѣнія и ремесла; она вѣщаетъ въ себя трагедію, драму, комедію,
сатиру, апологъ. Вся мысль и привязанности Данте, воспомина-
нія о друзьяхъ и наславникахъ, великодушные порывы, патріо-
тическое негодованіе, личная неприязнь — все нашло мѣсто въ
поэмѣ. Предмѣръ огромной эпохи Данте создалъ въ гелованъ. Ручко,
возникшій нравственнѣйшій философіей и добродетелью, отъ зорнасу.

1) Такъ, напр., замѣчается въ предисловіи „Бож. Комедіи“ fatto и само въ французск. языкѣ;

2) Во времена откритія во Флоренціи въ 1473 г. первой, для одеснонїи, „Бож. Комедіи“, нѣко-
ликой кафедрѣ, на которой первѣйшій профессоромъ былъ Боккаччо. До нашего времени — вели-
каго поэту переводили и копируютъ поэзу въ замѣчательные писатели вѣхъ вѣковъ и народовъ.

вздухъ надъ пороками, достигаеъ сказья на землю, и просвѣщен-
най наукой о божествѣ или богословствѣ, дѣлаеъся достойнѣе
соучастникомъ вѣчнаго блаженства. „Бож. Комедія, какъ Млада,
не поэма, а мюзорія своего времени, гораздо лучше и доходнее въ,
разнающа идея и сурректленія той эпохи.

Этой естественной чуждаго рворенія обидеи ехедя его думан,
мощь и неяденоеъ, равно какъ и нестерпимое бога рворе
загромузды въ немъ явленій, что и вызвало съ зекеніемъ
времени почти неодолимую мизерадуру о Данте, предсав,
идеиуру собою цѣлую библіозеку историческихъ, геологич.
геккиъ, философическихъ и эстетическихъ объясненій.

Самые последние плоды Дантова пера.

Мнѣ охотелъ сказать еще о самыхъ последнихъ произ-
веденіяхъ Данте. Кроме ограниченныхъ мною сочиненій этого
великаго писателя, мнѣ написаны цѣлый рядъ латинскихъ
аллегорическихъ экловъ и посланій, изъ которыхъ имѣя
мнѣноръ большое значеніе при изученіи произведеній и
самои мнѣноры Данте. Не задолго до смерти, Данте публично
защищаль въ одной изъ церквей въ Веронѣ, положенія,
развиродъ мнѣ въ небожественныхъ сочиненіяхъ подъ заглавіемъ:
Quaestio de Aqua et Terra, — сочиненіи, въ случаѣ его под,
мнѣноры (всегда второяднорой, хотя оно дошло мнѣ въ ру.
кописи XVI-го столѣтія), доказывало ехедя, что благородная
жизнь знанія не покидала гнѣнального скиральца и среди
небзродъ его долгомнѣнорой изгнанія. Оураюетъ еще на ла-
тинской языкѣ нѣсколькоро писемъ Данте. 4) Къ самымъ по-

4 Opera latine di Dante — два изданія: Fraticelli (1856, Флоренція), и
Giglianti (1882, Флоренція).

стихотворные подражания Дантова пера ознакомили и переложения на
украинский языкъ итальянскихъ псалмовъ и символа втора.¹⁾

Резюме.

Данте въ своихъ произведеніяхъ, разсматриваемыхъ со стороны
ихъ-лишь формы или ихъ содержания, являлся намъ неслышанно
человѣкомъ среднихъ вѣковъ; зрѣлъ же не менѣе изъ вѣщихъ
средневѣковыхъ писателей онъ наиболѣе способенъ возбуждать
въ насъ интересъ къ себѣ, въ сильной мѣрѣ зароживая и нашу
умъ и наше эстетическое чувство. Помимо его высокой гениальности,
если, какъ поэтъ, сказавшейся неувѣдаемыми красками въ его сумракъ,
звонкихъ произведеній, то, что насущно роднитъ съ нами
автора „Бож. Комедіи“, заключаясь въ тѣсной связи между вѣками,
что зрѣло вышло изъ-подъ пера Данте, и вычужденнаго, духов-
ного мистическаго поэта, это — зорь субъективнаго, личнаго оптимизма,
который все рожде и рожде оживляетъ произведенія писателей
по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія новыя идеализмы. Другими
словами: зрѣла какъ въ произведеніяхъ прочихъ авторовъ сред-
невѣковаго періода, въ зрѣломъ смыслѣ, всегда губернаторск-
школа, въ созданіяхъ поэтическаго вѣдѣльсва и мощ-
ной мысли Данте отражается индивидуальность самого ав-
ра, весь его величавый правительственный обликъ.

Вообще въ сочиненіяхъ его открывающа удивительное зна-
ніе естественныхъ наукъ для XIII вѣка. Данте знаетъ объ
аэриподаль, о приращеніи земли къ центру земли, о звѣзд-
дахъ, объ испареніяхъ, о приращеніи прилива и отлива, о

1) Лучшія статьи о Данте, кромѣ уже названныхъ мною: Лоренца (Ж. М. Н. Тр.
1835 г.); С. Шеварева (Учен. записки Моск. Унив. № V—VI); Данте (Труды. Изд. Им. 1852 г.);
М. Пинто „О Данте“ (Учен. зап. 1865 г. № 9 и 11); Данте (Миллер. Кадомль, 1874 г.,
№ 118 и 119).

кислородъ, о дѣйствіи солнечныхъ лучей, о классификаціи растений, о принципахъ разсудка, о приобретеніи идей опытною (Эмпиризмъ), о всеобщихъ законахъ зягоуханія, о южныхъ созвездіяхъ. Одними словами, отъ зюда же написалъ космосъ, козюрьмъ генеръ, конечно, цесарьмъ, но чрезвычайнѣе любопознатель. Вели Данте безмерзень, какъ поэтъ, го поэтому, что выисхъ съ зюльмъ былъ философъ и энциклопедисхъ.

Гюккансѣ охавилъ много анекдотѣ изъ частной и домашней жизни Данте. Поэтъ былъ средняго роста и подъ шарою сгорбимъ съ; походка его благородная, глаза большіе, носъ орлиный, нижняя губа и подбородокъ выданы впередъ, волосы черные и курчавые, физиономія задумчивая. Въ отходненіи отъ бѣмъ ласковъ и скромнень, не словоохотивъ, но говорилъ съ жаромъ и увлеченіемъ. Онъ сурасно любилъ художества и охотно знакомилъ съ артистами. Обладая прекраснѣмъ голосомъ, гасю пѣвалъ въ спокойной минуте своей жизни, но пѣть было отъ мало.

Часовня надъ его гробомъ не разъ уже была разрушена, но находится на первоначальномъ мѣстѣ. Папа Левъ X, какъ покровитель наукъ и литературы, желалъ, чтобъ останки Данте перенесены были во Флоренцію, чтобъ вознаградили великаго поэта за несправедливою къ нему зюго города, при жизни Данте. Однако, жители Равенны, гордясь могилею Данте, воспротивились всякъмъ предвѣдѣннѣмъ папы, а козюрьмъ сродъ же мужественно защищали прахъ поэта и прохивъ

инквизиции, которая хотела исполнить надъ нимъ приговоръ
созищенный на коего, чего онъ избѣжалъ только внезапного
смертью.

Между тѣмъ, произошелъ споръ между епископомъ Равен-
ны и францискавскимъ монастыремъ: кому принадлежать
земля, на которой похоронен часовня Данте, и приоръ монашес-
тва, видя, что приговоръ суда будетъ прозванъ него, вырвалъ у него,
ко гробъ Данте изъ-подъ часовни и похоронилъ его въ другое мѣ-
сто, которое было извѣстно ему одному. Монахи узнали объ
этомъ, но уже слишкомъ поздно и, не желая подвергаться на-
сильникамъ, что прокартали Данте, проинимая уклончиво
о похищеніи. И, однако, преданіе переходило изъ рода въ родъ,
что Данте уже похороненъ подъ сводами часовни. Когда готовился юби-
лей Данте, муниципалитетъ Флоренціи вновь спавъ домогаться
перенесенія праха поэта въ родимый его городъ, но получили
въ отвѣтъ, что теперь мѣста, не знали когда либо Равенна мо-
нестръ захунилъ его, поэтому что теперь оба города равно принадле-
жать епископу Музалии, и прахъ Данте похороненъ въ свободной
землѣ. На это нечего было возражать, и чтобы сдержать послѣдніе
слѣды древней вражды, Флоренція пригласила всю Равенну на
празднество юбилей. Двѣнадцатью, явились орудья два депутата,
за и присуждывали на вѣкъ увеселеніяхъ, а въ это самое
время въ Равеннѣ неожиданно оубскама охранки Данте.
Подобно Флоренціи, которая и Равенна оупраздновать юбилей
Бликаго поэта черезъ нѣсколько дней послѣ главнаго торжества.
Для этого муниципалитетъ Равенны ^{вѣлкъ} ~~срѣзь~~ нѣсколько развалили,

закрываются подруги к часовни Даме. Но когда рабочие
срели одну ступню между часовнею и монастырем, до оукры,
и въ этой ступнѣ явились въ надпись: „осанки Даме пере-
несены сюда мною, Фра. Антонио Санци, въ октябрѣ 1678го,
да.“ X

Потомъ же съѣхались все городскія власти. Между
ними находился Арго Ванури, прѣѣхавшій изъ Бритидици.
При немъ оукрыли башню ящикъ, и въ немъ найдены были
полный скелеть, кости низшей части подбородка и нѣ-
сколькихъ сусуавовъ на руки и на ноги, а также пергамент-
ный свизокъ, въ которомъ повѣржена была надпись, стѣлланная
на гробѣ. Бѣда узнала объ этомъ магистратъ во Флоренции,
какъ отправилъ комиссію въ Равенну, которая, удостоверясь
въ происшествіи, устроивала въ попомении гроба открыть подъ
сводъ древней часовни. Въ прѣдней могилѣ нашли недо-
стающие въ скелеть куски костей. Въ архивѣ монастыря
дочлима, что въ упомянутомъ году прѣѣхавшій былъ дѣйствит.
челомъ Антонио Санци — и рука его вполне положила на ру-
ку надписи.

Это событіе невольно напоминаетъ объ оуслѣдствіи по-
слѣднихъ урринадцати тѣлесъ „Рав“, которая спускается по ре-
кѣ Равеннѣ. Напрасно розыскивали ихъ настоятели Даме,
и самъ его, жившій въ домѣ Поленде, поглядѣлъ уже въ такую
надсидчу. Они даже думали, что самъ оуцъ по какимъ нибудь
особеннымъ причинамъ уничтожилъ ихъ, какъ бѣрухъ
(какъ отъ рассказывалъ) привидѣлся ему сонъ, въ которомъ

Данте показалъ ему на пожатый шкафъ, въ латинской въ
книжнице. Самъ не зная до тѣхъ поръ и о существованіи
шкафа. Поутру бросился онъ охаживать это заморское
мѣсто, и нашелъ тамъ вѣтъ сполна урриадцаръ писемъ.

На шестисотлѣтнюю юбилей Данте, торжественно отпразднованномъ всего Мралією въ 1865 году, Викторъ Гюго, въ письмѣ къ генерал-консерву Флоренци, сказалъ, что Мралія воплощающа въ Данте. „Подобно ему, говоритъ онъ, она была въ изнанкѣ и вышла изъ ада; она испытала гонимое раздробленіе, была злого и географическаго фразога. Въ дантичю минуту однимъ гловкомъ олицетворяющъ цѣлую націю. Шесте вѣковъ составляющъ идеалъ Данте; вѣка эти были сущеемъ, ми цивилизаціи, и безмерзіе поэта шесте разъ было подзвержено шестю новими поколѣніями. Подавленая, забанная, окровавленная, погребенная Мралія образовала весь міръ. Во вѣтъ эпохи ея исторіи видна у нея вѣдѣ великаго начала. Она артистка и пророкица; барбарство прозвѣно ей. Она первая провела вопросъ о вазимости сохраненія жизни въ уголовныхъ дѣлахъ, она двукратно прозвѣвала прозвѣ казни. Между „Божественною Комедіей“, возмущающою прозвѣ мученій ада, и „Трагедіями о презумпціи и наказаніи“, возмущающою прозвѣ несправедливаго закона, существовать глубокая связь. Мралія ненавидитъ зло: Данте былъ первымъ бойцомъ ея, Геккаридъ — взоромъ. Данте въ XIII вѣкѣ былъ зародкомъ идей XIX-го вѣка. Онъ зналъ, что право и правосудіе должны когда нибудь осуществиться. Онъ хотѣлъ единства

Италию и его учения представляла теперь Францию. Многие великие люди создавали зародки будущих событий, мыслили и предугадывали их. Эдмондо Тортанни, которого звали Герардо Торо и Рейхлинго, и единство Италии, к которому сходились Данте — создавали не только жизнь нации, но и жизнь человечества. Там, где прекращалась разногласия, исчезала и зло. Невозможность исчезла в Америке, поэтому возродилось единство. Соединение народов нации, нация общности гениев. Прогресс все больше будет разбиваться на эпохи пуги света, и мы, там за шагами и без прерываний, достигнем его великого осуществления. Одна сила времени, одно могущество идей приведет нас к братству, миру и гармонии. Многочисленные не будут: по всей земле будут единосельцы. Воля верховная истина, воля неизданный человек."

Многие из идей поэта далеко опередили свой век. Там, где задумали соединить крепость с поэзией и едва ли не одних, в его время, мечтали о единстве Италии. Данте был ученик, но великий человек, предвидящий своего века, не только поэт, но историк и философ.

Подразнатели Данте.

Своими современниками и ближайшими за ними поколениями, флорентинский поэт имитировал, следовательно, не, как сказка, психологической стороной своих произведений, а напротив, там и их особенностями, которых все, стало принадлежало его эпохе. —

Франческо Барберини (1264-1348) был влиятельным юристом и поэтом. Нозарически и докторски правь отъ оставилъ поэму „Documenti d'amore“, въ которой болше философии, глыль поэзии. Въ двенадцати отделеяхъ ея говорителъ: о послушаніи, ловкости, посредстве, скромности, дерзости, надежде, благодарности, славе, справедливости, невнимости, благодарности и востности. —

Успехъ „Божественной Комедіи“, возрастающей авторитета ея увлекаетъ многихъ другихъ поэтовъ на ту-же дорогу. Но до сих поръ вѣнчаніи образъ поэмы былъ догматически общему пониманію, никто и едва-ли кто-либо предвещивалъ, что за нимъ скрывается колоссальное содержание, данное индивидуальностью Данте; вследствие этого, подразнивая впамя въ колдовскую аллегорию. Оттого понятно, что въ ближайшемъ же за смертью поэта время подвизаются, съ одной стороны, антигогическая фольклорная на „Бож. Комедию“ въ преобладавшемъ еще тогда духѣ аллегорична и схоластической учености, а, съ другой, подразнивая его поэму, который, объективно, даже въ слабой степени не достигаютъ высоты своего образа, хотя въ культурно-историческомъ отношеніи, конечно, и отъ не лишены интереса. Сюда принадлежить изъ ниль, во первыхъ, поэма великаго почитателя Данте, Франко делли-уберри (ум. вскорѣ послѣ 1367г.), написанная имъ въ последние годы своей жизни и озаглавленная „Описание свята“ („Диттамондо“): это произведение содержитъ разсказъ о странствованіи поэта по извѣстнымъ тогда частямъ свята и переполнено плохо переварен-

ново ученое, аллегорическое и эпизодиче, въ которыхъ поэты прямо высказываютъ подражанье поэмы Данте, — оно вошло въ 6-й томъ. Въ этомъ произведеніи части свода выведены аллегорическими фигурами.¹⁾

Противоположеніе съ названными поэтами (Франціо дельи-Уберти) предсказываетъ, еще лично знававший Данте, Франческо ди Симоне Саббини изъ Асколи (болѣе извѣстной подъ именемъ Чекко д'Асколи): онъ зрѣе проливникъ Данте и своего, крайнѣе земнучо, моралистическую, юридиче и утонченно поэтич., поэму „L'Asseva“ онъ уснащаетъ выходками прозвѣи абзора „Този. Комедии“, хващаясь тѣмъ, что онъ въ своемъ произведеніи не рассказываетъ подражанья, а зракъ, зуетъ объ однихъ серьезныхъ предметахъ.²⁾ По содержанию своему „L'Asseva“ совершенно сходна съ гнидическими средневѣковыми поднами. Чекко д'Асколи былъ профессоромъ астрологій въ Болонскомъ университетѣ, — имъ написаны латинскія комментаріи къ весьма популярн., пому тогда астрологическому трактату „Sphera“, — и въ 1327 г. былъ заключено заключеніе во Флоренціи за колдовство, „какъ ерезику, по приговору инквизиціи великодушья происковъ своихъ враговъ. Заключили, что онъ въ народъ, пому преданію явился съ ренураціей легендарнаго волшебника.

Такого же рода, какъ „Описание свода“ Франціо дельи-Уберти и „Тезверонарехво“ епископа Фредерико Фрецизи (ум. въ 1462). — Не приводя болѣе никакихъ именъ и за.

1) Кривичаскаго изданій „Dittamondo“ не существуетъ; ирическия прозвѣи изведенія Фр. д. Уберти изданы Р. Рамиз (1883, Флоренція).

2) Fel. Vacola, C. d'Ascoli e l'Asseva. 1879. Firenze. Кривич. изданій поэмы пому.

главий, а здесь ограничивает общими замечаниями, что в первую десятилетие XIV века, как дидактическая поэзия империя своими представлениями исключительно авторова, не возвышающихся над уровнем посредственности, как поэзия и лирика не может похвастаться ни одним выдающимся именем вплоть до момента своего обновления под пером гениального Петрарки.

Итальянская проза

в первой половине XIV века.

Слабый поэтический дворчеством XIV века в первой его половине, почему за это смущается временем раздвоения итальянской прозы, почему у итальянцев она так и доверся „il buon senso“ (хороший вкус). Письма не только в это время в литературе применяются еще и латинский язык. Так Муссафо, родом из Падуи (род. 1261, ум. 1330 г.), — представитель прозы, записавшей в XIII — XIV в. в сохранившейся Италии латинской истории, оградил и поэзия, им написаны: „Historia Augusta sive de gestis Henrici VIII Caesaris“ и „De gestis Italicoorum post Henricum VIII Caesarum“ (9—11 книги последнего из названных произведений Муссафо написаны гекзаметром). Муссафо и автор по латыни написанной гентилициозной трагедии „Escrinis“.

Первое место между итальянскими прозаическими произведениями сказанного столетия принадлежит естественно сочиненным историческим, т.е. хроникам. Украшением этой ранней историографии является „Флорентинская хроника“ Део-

ванни Виллани. Происходя из весьма богатой купеческой
 семьи, Виллани получил, по тогдашнему, блестящее воспитан-
 ие. Благодаря своему образованию, он мог извлечь боль-
 шую пользу из своих, совершенных им в молодости,
 путешествий во многие края, между прочим во Францию и во
 Нидерланды. Кроме знакомства с современными ему об-
 ществами во различных странах Европы, он мог своими пу-
 тешествиями вывести и самую идею изложения в последова-
 ющем разказъ „noveli cose dell' universo mondo“ (зна-
 чительнейших событий всего света), — идея, поддержанную и чув-
 ственно любящего патриотизма в горожанамъ, гордившемся
 своею родиной. Принадлежалъ къ партии гвельфовъ, что
 не мешало ему быть безприсудрасуднымъ не только в отно-
 шении къ Данце, но и къ императору Генрику VIII, кажда-
 го вразумительной едикомысленниками Виллани гвельфин-
 ской партии, Джованна Виллани, какъ вообще выдаю-
 щаяся по своимъ дарованиямъ личность, не разъ принимала
 участие въ управленіи республикой — то въ качествѣ пріора,
 то посланника отъ флорентинскаго правительсва, а такъ,
 же участвовалъ и въ военныхъ предпріятіяхъ послѣд-
 няго, напр., въ кончившейся неудачою Экспедиціи про-
 тивъ Лукки въ 1323 г. Банкротство одной изъ значитель-
 нѣйшихъ финансовыхъ фирмъ Флоренціи въ 1346 г. имѣ-
 ло послѣдствіемъ для Виллани не только потерю всего
 его состоянія, но и временное лишеніе личной свободы;
 онъ умеръ въ 1348 году.

Флорентинская хроника Джованни Виллани является, по мнению своего знателя, как обширнейший и значительнейший памятник эпохи отрасли саро-изатской литературы, так же и важное значение в культурно-историческом отношении. Дело в том, что автор, уже по своему происхождению, будучи представителем того городского сословия, которому западно-европейская цивилизация была обязана дальнейшим шагом в ее развитии выйдя из границ феодально-каролингского мирозерцания, являясь и в своем произведении сознательно выражаясь воззрений, интересов и тенденций среднего класса, или, иначе, муниципальнаго духа, обусловившего и определявшего весь существовавший, шире особенное национальное сознание Италии средних веков.

Центром "Хроник" Виллани является, правда, родная ему Флоренция, но автор ввел в рамки своего рассказа и события, происходившие не только в более отдаленных областях Италии, но и во Франции, Англии и даже на Востоке. Повествуя о судьбах родного города, Виллани начинает с баснословных времен основания Флоренции, пригласив, подобно написанным по образцу хроникам средних веков, описать, как бы оне чудились всякой критике легионами оффициально отдаленного прошлого; но когда ему приходится рассказывать о событиях, совершившихся на его глазах, он проявляет значительную способность проследить между отдаленными происшествиями соединяющую или причинную связь,

или по крайней мере выходя доискается до неч. Буддий
феодалского и рыцарского духа, онъ особенно богаты дан,
нами объявляемъ государственной, общегосударственной и эконо-
мической жизни флорентинской республики, благодаря
чему его „Хроника“ является драгоценнымъ источникомъ
для историка. Помощительное его взглядовъ вытекаетъ съ
точного наблюдательностью, своимъ пониманьемъ у аврама-кунца,
не исключаясь однакожь у Виллани изъ высшей широты
понимания, хотя онъ еще совершенно въ матеръ среднѣ,
высшихъ хроникеровъ готовъ, на ряду съ крупными общегос-
ударственными явлениями — какъ, напр, его одушевленный раз-
сказъ о закѣ называемой революціи Чокони, ставшей во
Флоренціи ремесленной классъ соперничать финансовою
буржуазію по отношенію къ обладанію властью въ респу-
бликѣ, — отличается съ самою наивной серьезностью закъ фран-
зи, какъ появление волка на улицахъ Флоренціи, необик-
новенно сильную грозу или присылку изъ Париза крово-
жаивой гоним.

Словъ Виллани хотя и срадаея различно и еще
не свободенъ отъ архаизмовъ и галлизизмовъ — последние
свидѣются въ о распроектанномъ французского
языка въ то время среди образованнаго французскаго об-
щества, — но уже предсказываетъ замкнутой чепухѣ въ словъ,
отъ легкости и правилности сравнительно съ болшимъ,
своимъ прозаическимъ произведеніемъ предвещало пери-
ода. Слово въ видѣ краужаго образа одно изъ его

«Хроники»:

«Находясь в качестве благочестиваго поклонника (въ годъ юбилея, 1300), въ священномъ городѣ Римѣ, созерцая въ немъ его знаменитыя древности и чуждыя рассказы о великихъ дѣлѣхъ, мѣлѣхъ римскаго народа, написанныя Виргиліемъ, Саллюстіемъ, Луканомъ, Титомъ-Ливіемъ, Валеріемъ, Орозіемъ и други, или уцелевшими исторіи, описывающими великія и малыя событія, чтобы сохранить ихъ на память и для призора вѣкамъ грядущимъ, я позаимствовалъ у нихъ форму и слово, хотя и не будучи уменникомъ, досройнымъ исполнителемъ своего великаго дѣла. Но въ виду того, что нашъ городъ Флоренція, дщерь и создание Рима, стремился возвыситься до столь высокаго, когда какъ Римъ клонился къ упадку, я подумалъ, что будетъ прилично изложить въ этой книгѣ или новой Хроникѣ всего исторію, также какъ и происхождение нашего города, на сколько я это узнаю, и, доискавшись до ихъ источниковъ, довести до конца рассказъ о событіяхъ прошлыхъ, настоящихъ и будущихъ. И такъ, возвратясь изъ Рима, въ 1300 г. я, съ Божіей помощью, принявъ за соавленіе этой книги во славу Господа, да и его угодника Іоанна и на прославленіе нашего коро, да Флоренціемъ.» Это мнѣшо изъ 8-й книги «Хроники» Виллани, гдѣ отъ, въ словахъ, проинкнурныхъ исполнѣхъ грезвилъ, но все же не гурдонимъ изъвѣстнаго энтузіазма сознательнѣхъ великія своей родины, рассказываеуъ, что внушило ему мысль написать его произведеніе.

„Хроника“ Джованни Виллани обрывается на XII книгу, подь 11-мь апрелья 1348 года, когда во Флоренции свирьперво-вала ужасная чума, орь которой поспьдовала и смерть са-мого Виллани. Его франкивий разсказъ овь зрелье великого бьдствья (кн. XII. 84) представляеть особенной интересъ, будучи сопоставленъ съ художественнымъ описаньемъ той же чумы, слушавшимъ какъ бы введеньемъ къ „Декамерону“ Боккаччо. Продолжателями произведенья Виллани бы-ли его братъ Маццео и сынъ его Фрилинно, подь перомъ коро-раго „Хроника“ осканавливается на 1364 годъ.¹⁾

Познакомивъ Вася, ч. 22, съ главнйшимъ изъ итальян-скихъ прозаиковъ первой половины XIV вька, мы не ожа-новимся ни на многоэлементныхъ, нередко апошивныхъ, полунсюрреалистическаго, полуморальнаго характера сборникахъ, подь названьемъ „Fiori“ или „Fiorite“ издавннхъ еще орь XIII вька и предназначавшихся для чтения образованной публики; ни на приписываемыхъ Бозону де-Рараэли изъ будбю произведенья, послуживъ заглавие „L'Avventuroso Siciliano“ и представляющемъ нечто въ родь психологи-скаго романа съ нравственнаго тенденцией; ни, наконецъ, на итальянь рядъ сочиненй, проникнутошь духомъ рели-гиознаго мистицизма и аскезика, — хотя все онь оулика, поетъ замочарельно хорошимъ слогомъ и имьють значение, какъ выражанье духа данной эпохи. Но нельзя не упо-мянуть о двухъ абзораль изъ зтого перьода итальянскаго

¹⁾ Критуическое издание Магнетти 87. 1823, Флоренция.

История итальянской литературы XIV в.

литературы по приняты особенной популярностью, вышедшей на долю их произведений.

Это, во-первых, действующим одаренный неподдельно талантланый поэт, проповедник доминиканского ордена, Акопо Пассавати (ум. в 1357 г.) с его знаменитым, Зерцалом истинного покаяния ("Lo Specchio della vera Penitenza"), заключающим в себе, в перемешку с рассказами о видениях, чудесах и т.п. повесть, исполненная истинного красноречия.¹

Другое имя — это Катерина Сивская (1347—1380 г.), принадлежавшая к ордену монахинь-доминиканок. Как и другие писатели того времени своей богатой собою жизнью — так в 1376 г. она также была отправлена французами в Авиньон к папе Григорию для переговоров по поводу происходившей тогда между ними войны, — она продолжала свои 373 письма; обращаясь в них к лирике всякого звания, она с пламенным, бурным красноречием убеждает всякого и каждого отказаться от мира сего со всеми соблазнами и исказением в беззаветной любви к Христу, к которому она, от ранней молодости, была проникнута в небывалой мере, дала, по ее римскому преданию, самое крайнее и совершенное выражение. Здесь же писательница говорит о том, как у большинства писателей, от которых столько странного слышится самое задушевное убеждение

¹ Издано Polidori, 1863, Флоренция.

и самой безвкусной, порою даже бунгарной изысканности
выражений и образов. Дочь народа, Кагеринка Сиенская,
примыкала близко к сердцу его беды и горе и всегда, во
случае нужды, являлась защитницей за него. Въ народ-
ных массах популярность Кагеринки Сиенской была
громадна, что ясно выражается въ ея народномъ прозви-
щѣ „la dolceissima matita“: „Въ Кагеринѣ Сиенской мы
поделили почти къ самому концу XIV-го столѣтія. Но теперь
мы должны въразумнее ^{къ} (разсмотрѣннаго) средннмъ сказан-
наго столѣтія.

Новое движение, новый фазисъ
духовной жизни Европы.

Счастливое положеніе средней Италиі, благодаря ко-
торому созрѣвали самостоятельныя личности съ своеобраз-
ными суровостями, обусловливало собою быстрое движе-
ніе впередъ ново-итальянской поэзіи. Пьякк, вѣдь за
Данте поднялись Петрарка и Боккаччо. Теперь мы посвя-
димъ ^{несколько лекцій} отдѣльному очерку жизни и литературной дѣятель-
ности этихъ двухъ крупнейшихъ, после Данте, предста-
вителей итальянской литературы XIV-го столѣтія. Вѣдь мы
уже рѣдъ писателей, о которыхъ было сказано только
что (ранше), мы имѣемъ уже болѣе основаніе, что
зѣда какъ эти послѣдніе были далеко не гениальными
продолжателями энергичнаго движенія предвѣдущаго
времени, оба зѣлько то названнаго автора, напрозубъ, и чѣмъ

Иван Яковлевич
Иван Яковлевич

значение писателей, трижды одаренных звореским гением, нового фазиса духовной жизни зворески, оумишель, нуру перру козорого соеаблядерь небывалый до зрьль порру взглядъ на соотношеніе между средневековым современно. ево и древне-классическимъ миромъ.

„Средніе вѣка, говоришь Данте, нуръ не до обогозворе, ній преклонялись предъ классическими писателями, но последние разламывались или въ односторонней зорки зръній: въ нихъ видѣли неисчерпаемый источникъ мудрости и образы вѣнчанныхъ мизерадурныхъ формъ, ризорие, скаго способа изложениа. Правда, у Данте весьма замкнуто законе и эстетическое воздѣйствіе на него древнихъ и жода его взглядъ на нихъ не былъ настолько оригинальнымъ, чтобы искать въ нихъ чего-либо большаго, сравнительно съ зрьль, чего искали его современники, все же его гений воспламенялся подъ зивозворными впечатлѣніями зиву, и зиль въ нихъ красоту, и древнимъ отъ обязанъ всего больше замъ, где онъ наивно сознательно или подразнаеръ. Штъкъ не менѣе, изученіе древнихъ соеабляло лишь одинъ изъ элементовъ его искусства, и орниодъ не служило для него основой, такъ что все звореску Данте сохраняло въ сущности вполне средневѣковый характеръ. Воодуше говоря, пониманіе древне-классического міра не доходило тогда до уразувѣнія его прозривно. лозиноеи съ современноеею; все ограничивалось зтъль, что съ нимъ зорько примиряется, лишь вѣнчанными образамъ восприимчивая его идеи, не смотря на то, что классическіе

авторы создавали даже как бы обидительный элемент ура-
 диционной средневековой образованности. Муссаро и Данте,
 при весьма низком уважении к античному миру, всею душою
 принадлежат своей эпохе, заидя исключительство ей и не
 рещали. Напротив того, характеристического чертого Возрожде-
 ния являлось стремление уклониться от современности
 и ближайшего прошлого, разрыв с живущими предани-
 ями и полное погружение в классический мир, представ-
 ляющий единственные образцы и идеалы, к которым
 можно возвратиться в полном его объеме смирившись под его
 власть и охранения существующей действительности, призна-
 вавшей за своего рода вырождение того идеального про-
 шлого. Петрарка — предшественник начала этого нового движе-
 ния. ¹⁾ x

Указав на принадлежащее Петрарке и Боккаччо
 место в истории Возрождения древности на Западе, я по-
 казано здесь, сверх биографических сведений, даже очерки
 собственно французских произведений того и другого из
 названных писателей, указав значение их обоих в ло-
 ть развития французской литературы.

Франческо Петрарка (1304—1374).

Франческо Петрарка²⁾ родился 20 июля 1304 года в Ареч-
 цо в Тоскане. Отец был сын мессера Пезракко (р.е. Пезро,
 от имени Пезръ), который занимал должноего секретаря
 или нотариуса (нотари) при флорентинском государстве.
 юный архивист и, будучи изгнань одновременно с Данте

1) Ср. Geschichte der italienischen Literatur. I. 7. 402 стр.

2) Petrarca

изъ Флоренции (въ 1302 г.), за то что онъ принадлежалъ къ
партии Бьлахи, поселился затѣмъ въ Арrezzo, гдѣ и явился
на свѣтъ будущій поэтъ Лаурѣ. Раннее дѣтство поэтъ
провелъ въ Анжизѣ, въ долинѣ Арно, съ мазерго, такъ какъ
оцу, находившемуся въ изгнаніи, нельзя было жить со сво-
ими семействомъ, а мазерго, Эллеза Камидзіани выхлопо-
дала себѣ разрѣшеніе жить во Флоренціи. Если мать отъ
возвратился къ оцу, жившему въ Пизѣ, и учился въ школь
извѣстнаго грамматика Котвеноче да-Праго, о которомъ впо-
слѣдствіи вспоминалъ съ благодарностью и оказывалъ помощь
внучку въ низшей наукѣ, извѣдая нѣкоторый не-
красивый чертъ изъ жизни грамматика крайней бедностью
старого учителя, ^{который} занимавшаго и продававшаго, ради хлеба,
книги поэта.

Узнавъ, со смертию императора Теодриха VII, надежду вер-
нуться во Флоренцію, Петрарко, оцу поэтъ, переселился во
Франзито, въ Абинсонѣ, бывшій въ то время мѣстопривлеченіемъ,
для паны и удѣшителей францискскихъ изгнанниковъ. Жизнь
въ Абинсонѣ, въ то время, была не посредствено изгнанническую,
и потому отъ оца послано свое семейство въ близжайшій, на югъ,
къ городку Карманзра, гдѣ юной (девятилѣтній) Фрателеско
получилъ первоначальное образованіе, т.е. пользовался уроками
прежняго своего учителя Котвеноче.

По желанію оца Петрарка вернулся внослѣдствіи въ уни-
верситетъ въ Монтепелсе, гдѣ и пробылъ четыре года, занимаясь
съ болѣе древними языками, чтеніемъ древнихъ авторовъ,

нежели юриспруденцией. Оуцъ не раздалъ наклонностей сына и желалъ, чтобы онъ занимался юриспруденцией, какъ болѣе выгоднаго и дающего карьеру занятіемъ; поэтому старикъ отъложилъ изучающе всѣхъ классикахъ, какъ привлекъ, казавшихъ поному и отвлекавшихъ его отъ изученія права. Поэря мобилннхъ абзоровъ, приобряженіе которнхъ стоило поэру сротннхъ урудовъ, какъ зронула его, что онъ разрѣдался, съ, оуцъ, видя что горе, слнлгнлсд и возвразнлъ ему пону, обгорѣнне экземплдрос Внргнлн и рнзорнкку Внлсеронк, говорд, что первд послудннхъ оудонковеннелъ днл чнн, а вторд будезъ полнотѣо при изученнн законновъ. Повнну, всб волѣ оуца, сннъ какне неохозно продолнлнл изучае законн, въ зеченнн зрелѣ мѣрѣ, въ Болоннѣ. Немодѣо къ нзбраннному его оуцовѣ предмѣру поэръ обнделнл въ ннел, ннлхъ свонхъ зѣнѣ, что онъ спнхлнл неблгодарннхъ изучае ренелло, которнхъ нн за что не хотѣл полнзобавлѣе се, геснннхъ обрзотѣ, а полнзудѣе ннѣ чеснно, заслудннхъ бо нзвннне глнцѣ.

Уже въ 1326 г., послѣ смерти оуца, будучи двадцати двѣти лѣтъ отъ роду, Пезраркн возвразнл въ Авннсонѣ, гдѣ векорѣ позернл и мѣрѣ. Оудавннел безъ сохзоднл, онъ, погнн по необходннносн, козѣ не везуннл въ монашеннн орденѣ, одннко, влннхѣе съ свонхъ брзѣнѣ Тѣррардо, везуннл въ дубовное звннне, слнхзавннелл особенно выгодннхъ днл ннѣ не облдднотнхъ средсзвннн (по смернн роднхелл Пѣ, зраркн полнел болншнѣ позерн въ нслѣдованннхъ отъ ннлѣ

созданий, владычие недообработанные души приказников).
 В Авиньоне, слондуя господствовавшими при пышном и
 распухшем панском дворе обильном, Петрарка вель
 весело обидеувенную жизнь. Одумав, в этом же городе,
 в апреле или 6 мая 1327 года, он впервые увидать, в церк.
 ви св. Клары, удивительной красота молодой женщины, Лауры,
 которая произвела на него такое сильное впечатление, что
 оно не изглаживалось всю жизнь из его произведений. Он
 сразу влюбился в нее. Сразу эта заставила заставить
 его написать, в честь светловолосой красавицы больше 10,000
 стихов. Это была совершенная Лаура, любовь ^к которой воспылала
 поэзия в 300 сонетов, сохранив в течение всей своей жиз.
 ни и, пережив предель своей платонической страсти, про,
 должал писать обзнание к я воспоминаю.

Долго думали, что Лаура — лицо величественное, несусеково.
 вавшее, слышавшее только воображаемой женой для сонетов
 поэта, но потом это оказалось ошибочным; теперь положи.
 тельно известно, что Лаура действительно существовала и
 любовь поэта к ней началась, как он сам об этом
 говорить, в Авиньонской церкви. Адам де-Сад, биограф
 Петрарки, физически изучавший поэта, доказывает, что Лаура,
 вострая иль, была замужем за его родственником, Туго
 де-Садом. Лаура, урожденная де Новь, дочь богатого и зна.
 ного рыцаря, Одиберга де Новь, несмотря на сильную страсть
 поэта и не особенно симпатичную личность мужа, сурово оз.
 золкнула Петрарку, когда страсть в двадцатипятилетнем моло.

домъ геловъкъ дожила апогед. Когда отъ вехрхъмъ ея въ иер. вай разъ, она была уже замужена и ей было уже около двадцати лѣтъ. Въ разбразной павской сродимъ Авиансонъ такое цголомудрїе было болше гнль рѣдкоуею, поному что Лаура отзолкнула не проскуо мургу, но искренно смубоуцо ерсауь, козорав хавъ заразиуельна.

Получивъ суровый воговоръ, поэръ предаея откядию и отлакиваея свое погидшее скауе. Мца забвемїя, Петрарка совершилъ въ 1333 г. продолжительное путешествованїе по Европѣ, побывавъ въ Парижѣ, Женевѣ, Мюльхаузѣ и Кельнѣ и, проѣхавъ на образномъ пути чрезъ дикіе мѣста Арденнскихъ горъ, возвратился въ Авиансонъ. Образъ Лауры не покидалъ его ни гдѣ, и стихи, го пламенныя, го нѣжныя, шилъ онъ подъ пера, передавая горе поэра позомеру. Напрасно друзья собуовали ему забарса, полюбивъ другую женщину: образъ Лауры былъ нестерпимо и вслodu съ поэромъ. Живя въ Авиансонѣ, Петрарка съучилъ приобрести расположенїе глѣновъ знатнаго римскаго рода Колонна, обезмечившесъ ему навсегда безбѣдное существованїе, какъ какъ благодаря шъ проекциѣ отъ не разъ впоследствии получалъ разный всема добродѣя дурковная должностри. Съ однимъ изъ нихъ, Якопо, епископомъ Ломбардскимъ, отъ былъ связанъ даме згоского друидомъ, и по его рекомендацїи былъ принавъ на слуду, ~~бывшию скорте синекурой и длившию до сажой~~ къ его старшему брату, кардиналу Джованни Колонна, — слуду, бывшию скорте синекурой и длившию до сажой

смерти кардинала в 1348 г. еще в 1337 г., Петрарка впервые посетил Риму.

Он, впрочем, горюет отъ, руководимый маскулами Сесаро Колонна и прочими находившимися в Риме предшественниками этой славы семьи, с неподдельным восторгом осматривал памятники древности, а также обшаривать всякую предлежку благоговейного поклонения мавра. По своему возвращении в Авиньон, по привычке не находя отзыва своей сраке Лаури, Петрарка удалился от шумной придворной жизни в уединенное местечко Воклюз, расположенное неподалеку от Авиньона в грезвчато живописной местности на берегах реки Сорги; здесь, ища покоя от сраки, от все отдался чтению своих любимых древних авторов и содвечивать любовным грезам и мечтам о славе. Плодом этих грез были канцоны и сонеты, ставшие иль Петрарки все больше популярными, а славолюбивая лютя внушила ему желание добудеть, как им инак, ^уубытания лавровым венок в римской катории.

Многочисленные, знавшие друзья и почитатели поэта предложили почитать самым горисервентным образом генералом того мавра. Поэт как ^{никогда охотился} ~~никогда~~ этой горисервенте сам поэт. «В один и тот же день, пишу отъ, я получил два письма, одно от римского сената, другое от секретаря парижского университета, приглашавших меня в Рим и Париж для убывания лавровым венок. Приказав себя поподосеи

мать моих несомненно гези, которую мы предлагали,
я колебался, кому из приглашенных меня отдаю пред-
почтение. Я обратился за советами к кардиналу Якован-
ни Колонна, и его мнение конечно было в пользу Ринка.
Я отправился в Рим. И так, по капризу случая в один
и тот же день (1-го сентября 1340 г.) Петрарка получил
как от римского сената, так от парижского университета,
реда приглашение к торжественному утешению лаб-
ровича втиском, которое было совершено позду в Бо-
клето. Воспоряженный поклонник древних, Петрарка,
при содействии расположенных к нему Колонна, раз-
умнейше, предпочел Капуцию Сорбонны.

Но предвзвизленно отъ пожелавъ подвергнуть
испытанию по вѣнѣмъ оураляемъ тогдашней науки со сво-
рона неаполитанскаго короля Роберта, единственнаго усе-
наго философа между монархами, которій, послѣ про-
неходившей въ желаніе зрѣть дней Бестоды, объявилъ похва
досройнаго примарія приговоренной для него въ Римѣ
вѣсшей награды. 8-го апрѣля 1341 г., Петрарка, въ праздни-
ной одеждѣ, подаренной королевой Робертой, былъ утѣ-
ганъ въ Капуцію, среди рукописеканій ринкляномъ, прису-
субовавшихъ на торжествѣ, сенаторовъ Срсо дель-Анжвил,
лдра. Два римскихъ нехорика Реймонду и Трегорвиуць
описаваютъ это торжество, говоря, что въ сущное время
усобиць и расирей, оно блисало какъ молній среди фак-
наль зучь; Трегорвиуць говоритъ, что утѣжаніе Петрарки

лабрами въ Кампании открывало новую эру въ образованіи. Среди жестокой борьбы партий, среди безпомощнаго Рима, праздники въ честь поэта сіяли мягкими лучами гуманности. Съ высоты классическаго Кампаниа, фортезубо это наполняло людья, погруженныя въ независимое, это міръ выходящая въ обновленіи ума, и что это самое самое лучшее фортезубо его. Мирное фортезубо имѣло болшее значеніе и самое повліяло на поэта.

Проздоль изъ Рима въ Авиньонъ, Петрарка около году провель въ Нарль, где въ то время власть принадлежала дружественному съ нимъ Луцо да-Корреджо. Здѣсь Петрарка, подъ благопріятными впечатленіями окружающаго его живописной природы, вновь прожилъ поэтическимъ вдохновеніемъ и въ короткій срокъ окончилъ свою латинскую поэму „Africa“. По смерти папы Бенедикта XII, онъ присоединился къ посольству, отправлявшемуся изъ Неаполи, съ Коло ди Риенци во главѣ, въ Авиньонъ, съ целью побудить новаго папу Климента VII къ перенесенію папскаго престола въ Римъ. Это не удалось, но Петрарка нашель со стороны папы полное расположеніе къ себѣ, выразившееся, между прочимъ, пожалованіемъ миллярискаго приора въ Тизанскую епархію. Съ приездомъ въ Авиньонъ, для Петрарки снова начался любовный древои съ пезубою, мими соперали въ честь Лауры. Въ это же время родилась взорой незаконный ребенокъ, прижитый имъ съ немецкою, о которой не имѣется никакихъ положительныхъ свѣдѣній,

кроме неопредѣленного упоминанія въ латинскихъ писемъ Пезрарки.

Уже въ 1342. Пезрарка освободясь Августомъ, тотчасъ отправился съ дипломатическими порученіями въ Испанію, гдѣ тогда правила вѣстка незадолго передъ тѣмъ умершаго короля Роберта, Дюванта, отличавшаяся естественю въ пошности и далеко не безупречными правами. Последнее обстоятельство не мѣшало Пезраркѣ нахотѣнско сдѣлаться ея секретаремъ, что она вынуждено было для болѣе успешнаго исполненія порученнаго позу дѣла прислать въ Испанію другое лицо. Сознаніе даровитости, сдѣлавшаго поэта съ одной стороны центромъ независимости, съ другой стороны сдѣлало его предметомъ заискиваній смѣстныхъ міра сего, созвавшихъ его популярности. Также ласкаемый, при возвращеніи, онъ принужденъ было остаться при дворѣ испанскаго Висконти въ Миланѣ, за что его цѣлѣе сѣтъко другъ его Боккаччо; но Пезрарка, сознавая свою ошибку, все таки подчинился вѣднѣннѣ испанскаго правителя и късколко времени жилъ при дворѣ гирата. Побывавъ при дворахъ различныхъ болѣе мелкихъ владѣтелей въ Ураліи, Пезрарка возвратился въ 1345 г. во Францію, гдѣ, несмотря на неудачу его дипломатической миссии, онъ былъ въ высшей степени благосклонно принятъ папой, предложившимъ ему дѣло должности апопостолскаго секретаря, отъ которой Пезрарка ознаменовъ отказался, но зато принявъ предложенной ему каноника въ Пармѣ.

Следующие десять лет Петрарка провел попеременно в Верхней Италии и на юге Франции. Несмотря на политический переворот и время, страсть его к Лауре не погасла, но перешла в менее бурное губерво, и когда Лаура скончалась, 6-го мая отъ чумы, сорока летъ отъ роду, мадерсто одинокимъ и дряхлымъ, страсть поэта не уменьшилась. Лаура умерла въ Авиньонъ 1348 года, того же самого рокового для поэта 6-го мая, когда отъ безпримель эту суровую красавицу, ни разу не измѣтившую своему долгу, хотъ послать ей смерти мучить оплакивалъ ее не болѣе 7-ми тысячью и злился горькимъ, въ томъ же году, въ подбрь. Поэтъ въ Паризѣ получилъ извѣстие о смерти Лауры отъ чумы, опустошавшей тогда югъ Европы, и возъ это написалъ по-латыни въ заголовки своего манускрипта Виргилія, хранящагося въ настоящее время въ амброзіанской Библиотеке въ Миланѣ:

Лауру, извѣстную своей добродетелью и восторгомъ мною, я увидѣлъ въ молодости моей, въ 1327 году, 6-го мая, въ церкви св. Клары въ Авиньонѣ, въ зауреченъ и въ зтомъ же году, 6-го числа, какъ разъ утромъ 1348 года, она скончалась въ то время, когда я, не зная своего несчастія, былъ въ Веронѣ. Въ Паризѣ получилъ я письмо друга моего Луиджи, сообщавшаго мнѣ это горестное извѣстие. Въ красивое и изысканное и умное зало было послано въ день ея смерти въ монашество братьевъ Миньорви. Я уверенъ, что дума ея, какъ гово- рилъ Сенека о Сципионѣ африканскомъ, возвратилась на небо, откуда пришла. Это въ сохранилъ манускриптъ объ этой грустной

минуть, а губеющую горское наслаждение ищет зря еуроки
 на зрой конто, козора и меня пасро передь глазами и будерь
 напоминает мнѣ, что все, приваживавшее меня къ жизни,
 порвало, и время уже покинуло зрой Вавилоны, что не
 будерь для меня горесудно, если я буду встопинает мусисезвен,
 но о безплодныхъ срапанидаль, ризезныхъ надеждахъ и нео,
 жиданыхъ собыдиль моего прошлаго."

Со смертию Лауры и кардинала Колонна и Пезрарки не
 гзла правезвенная связь, приковывавшая его къ Авиньону, ан,
 жинажио къ козороку, въ особенности же къ наводившемуся
 въ немъ папскому двору и его интригами и порочностью,
 отъ и прежде не разъ энергически выражалъ въ своей перепискѣ
 съ друзьями, какъ это въ 1553 г. Пезрарка навседа уехалъ
 изъ зрого города и переселился въ Урвалио, гдѣ и прожил по,
 слѣдствіе двадцать лѣтъ своей жизни, оставаясь сначала въ Ми,
 лантѣ, а потомъ въ Венеціи и Падувѣ. Въ послѣдніе годы жизни
 поэтъ не встопиналъ изъ Урвалио и жилъ съ своей незаконной
 дочерью Тиліей и ея мужемъ, дворяниномъ Франческо Тро,
 сано; сынъ его Джиованни, какъ незаконной, чинилъ ранъ,
 те оца въ Милантѣ, причинивъ ему много горя своимъ
 поведениемъ. Въ теченіе зрого періода Пезрарка пользовался
 огромною извѣстностью, доказываемого множествомъ знаковъ
 вниманія къ нему со стороны самыхъ высокопоставленныхъ
 и влиятельныхъ лицъ его времени; поэту весьма естественн
 было и въ Пезраркѣ желаніе оказывать воздѣйствіе на ходъ
 жгданныхъ собыдій, въ разсчетъ на свое исключительное по.

ложные, что не избавляло его, конечно, от промахов и от неприязни добывающейся в безплодности своих сражений.

Глубоко сурядя, видя бедствия, крамола и мздоугодивья войны своей несчастной родины, Пезрарка сурасно взывася ко велью, власте и шовшимъ, умоляя спасти погибающую Мзалию. Иногда фразы его кажутся пророческими, но иногда отъ неслезоко ошибается. Такъ, взывая къ папѣ, отъ видяще все спасеніе Мзалии въ примирительномъ присужденіи папы въ Римѣ, вѣнгеро добровольнаго авиньонскаго изгнанія. Сурядя глубоко, видя бедствия любимои родины, одъединеніе которой было его мечтой, отъ поочереди обращается то къ мзалианскимъ властителямъ, то даже къ Карлу IX, умоляя спасти Мзалию, свободно высказывая монархамъ горкія истины. Не смотря на крайне лезный приѣздъ, оказанный позу Карломъ IV по приближеніи въ Мзалию и, въ извѣщенномъ самодовольствѣ, евъ, описанный Пезраркой въ письмѣ къ одному изъ своихъ друзей, императоръ вернулся во-своемъ, не осущесвивъ возлагавшихся на него Пезраркой надеждъ по отношенію къ Мзалии. Не смотря на полное упрековъ письмо, посланное Карлу IX Пезраркой, послѣдній былъ принуденъ императоромъ весьма милосердно, когда, годъ спустя (1358) явился въ Прагу въ качествѣ посла отъ правителей Милана Висконци, нахотъ, ко Пезрарка дителью гродитъ сильнаго міра, насхотъко прочна была въ то время его слава. Онъ не оказывалъ въ своемъ по-средничествѣ и правднскимъ правителямъ и городамъ при ихъ взаимныхъ сполкновеніяхъ, но дило котчалою обшкнотеню

Богшими почестями, оказываемыми лично ему, и полного без-
установочного его дипломатического скарания.

Живя при дворе, привлекаемый властителями, обласкан-
ный ими, он не унижался перед ними, и суровая правда ка-
кую считало слезала съ устъ поэта. Но жизнь лиризатора того
времени немаленька была божъ мучающемуся, онъ не выпраши-
валъ себѣ денегъ, оказывался оуъ нищелюбъ и только скупился
облегчить скаранія родины, обращая свои пламенные рычи
къ властителямъ скарана, умоляя ихъ прекратить вразуду раз-
диравшую его несчастную и скарасно любимую имъ родину.
Онъ былъ вполне прекрасной, свѣтлой личностью въ эту прак-
тично эпоху всякихъ злодѣйствъ, и оумарилъ своей неслуго,
дарной, изгнавшей его родину, Флоренции, прославивъ ее.

Учтеніе Петрарки, конечно характеризующее его какъ
человѣка, ладитъ одновременно въ двѣ вразудуточные
сторонами, резко выразилось, напр., въ время соимовенія
между папой Урбаномъ V, перенесшимъ въ 1366 году папскую
резиденцію въ Римъ, и Висконци: оубавая въ дружбу
бъ съ послѣднимъ, онъ получаетъ самое лучшее пригла-
шеніе оуъ папы постыжить его въ Римъ. Предпринятое имъ
въ следствие этого путешествіе однакоже было прервано
по причинѣ слабаго состоянія здоровья, вынудившаго
Петрарку изъ Феррары вернуться назадъ. Въ 1370 г. онъ по-
селся неподалеку оуъ Пады въ деревню Арива, гдѣ и про-
велъ основныя четыре года своей жизни, занимая быстро-
стной имъ затъ долъ вытѣсть съ семьей своей замужней

дочери. Отсюда же была предпринята попытка дипломати-
ческая поездка Петрарки по поручению Франческо да Каррара
для переговоров относительно заключения мира между ними
и Венецианцами, увенчавшаяся досужественно предполо-
женной целью. Но за это же время прескратилась поэзи-
я, потому что Петрарка пришлое дорого поплачулся: изъ Венеции отъ вѣр-
нувшись къ своей сельской усадьбѣ Болонья и, спустя итальянско
время по его возвращеніи, утромъ 18 июля 1374 г., въ своей
виллѣ Арква, Петрарка скончался въ своей библіотекѣ, сидя
надъ книгами, какъ любимыми имъ. Вся падуанская уни-
верситетская, съ епископско каррарскимъ и духовенствомъ, при-
сутствовали на похоронахъ. Они похоронены въ приходской
церкви въ Арква, гдѣ здѣсь же, Франческо Тросано, поставилъ
ему мраморный памятникъ, нынѣ возобновленной графомъ
Карломо Леоне. ✕

Литературная деятельность Петрарки.

Въ своей литературной деятельности Петрарка представляется намъ
чуждо какъ латинскій, чуждо какъ итальянскій писатель. Поэту.
Обратимся во-первыхъ къ его латинскимъ сочиненіямъ.

1) Латинскія произведенія Петрарки. Обращаясь къ изученію
права къ самостоятельности замаривать римской и греческой ли-
тературой, подъ влияніемъ имъ Петрарка перешелъ и къ сочиненіямъ
на итальянскомъ. Въ течение всей своей жизни, среди многихъ
ученыхъ трудовъ и поэтическихъ звореній, онъ оставался вѣдало,
писалъ латинскимъ писателемъ и поэтомъ (славою своею, по
крайней мѣрѣ среди современниковъ, онъ обдѣлалъ своимъ латин.

скими сочинениями Сократа же, если не больше, какъ и евоише ии-
 римскими стихотворениями). Первый поэтъ своего времени, ономъ
 больше вѣнчалъ съ зѣлѣ и первыми учениями. Онъ перерылъ всю
 тогдашнюю монашескую библіотеку, описывая классическія
 рукописи, далъ первой толчокъ наукѣ и твердое направленіе
 университетной дѣятельности италіянцевъ. Это энтузіазмъ къ
 древнимъ писателямъ вызвалъ множество послѣдователей.
 Отискавъ въ Мюльхузѣ сочиненіе Цицерона „De officiis“, онъ
 домыслилъ больше самъ переписывать манускрипты и едва въ
 изломѣ городѣ нашелъ для этого чернила. Онъ много пи-
 салъ по-латыни, и изъ сочиненій его на этомъ языкѣ заимъ
 заимъ его „Epistolae de familiaribus“ (Писемна къ покровителю).
 въ которыхъ онъ разсказываетъ своего автобіографію. Латинскія
 произведенія свои самъ Пуррарка предпочиталъ италіянскимъ,
 и современники раздѣляли эту же взгляды.

Его поэма „Africa“ описываетъ подвиги героя урентей бун-
 теской войнѣ Сципіона Младшаго, или Африканскаго. Изъ
 девяти пьесъ первая написана крайне бѣшено и съ исча-
 ными одушевленіемъ или съ жаромъ, но въ послѣднихъ видно
 утомленіе, и поэтъ не только не придавалъ имъ окончатель-
 ной оцѣнки, но нѣсколько разъ сбрасывалъ сокетъ всю поэму.
 Пятью не меньше эта латинская поэма еще больше увели-
 чила и такъ уже громкую его извѣстность, благодаря чему
 и при содѣйствіи расположеній къ нему Колотта ко-
 зръ получилъ отъ римскаго сената приглашеніе въ Хортезъ,
 вѣстному убѣждало лавровыми вѣтвями. Въ послѣдствіи Пур-

1) Онъ удивителн, лица спокойнѣе отъ сраженій въ Лавро, Пуррарка не
 писалъ эту поэму, где воспѣвалъ Римъ, праздновавшій торжество
 въ честь Сципіона Африканскаго.

рарка говорить, что въ счароехи всегда краснѣлъ, когда кро-
нѣбудь гдѣсь сражи изъ его поэмы „Африка“, и глубоко созна-
валъ, что былъ обязанъ своею славою именно Фрочку произведе-
нію. Поэма издана римско послѣ его смерти друзьями, а пессни,
личное отношеніе поэта къ жизни всего народа вырази-
лось въ речахъ, владелъ Пезраркой въ чужа карфагенскаго
полководца Маго въ концѣ его латинской поэмы „Аfrica“.¹⁾

Его „Косманія“ — подразнаніе Тораціо и напоминають филосо-
фію латинскаго поэта. Его „Эклоги“ — сатиры въ пасторальной
формѣ, нѣкоторыя изъ нихъ написаны прозой папа и его авинь-
онскаго двора. Вообще о папѣ Пезрарка отзывался очень
непопулярно и называлъ Римъ „западнымъ Вавилономъ“.
Астрологовъ и шарлазановъ въ медицинѣ онъ также осмѣива-
лъ безпоощадно. Главныя изъ латинскихъ сочиненій Пезрарки:
„De remediis utriusque fortunae“, „De vita solitaria“, „De con-
temptu mundi“. Въ пребываніе поэта въ Авиньонъ имъ на-
писано, кромѣ ряда писемъ къ ближайшимъ изъ его друзей
„Мелито“ (Меллоди Свифано, въ Римѣ) и „Сократу“ (Лудовику, ес-
когорымъ Пезрарка сблизился во время юне уюландской его
пояздки во Фландрію), весьма важное для біографіи или,
върнѣе, для уразумѣній личности Пезрарки, латинское сочи-
неніе „De Contemptu Mundi“, своего рода подразнаніе Тоезіе,
въ „Consolatio“. Расположеніе къ мискицизму побудило по-
эта написать книгу „De Contemptu Mundi“, одну изъ замѣна,
замѣнѣвшихъ литературу „исповѣдей“.

Однимъ изъ характернѣйшихъ для личности Пезрарки примѣровъ

1) Книга VI, стр. 885 и слѣд. Критическое изданіе поэма принадлежатъ Франс.
Соттадіни въ изданіи по слугамъ Пезраркова родилья книги: Padova a Fr. Petrarca,
il XVII Luglio 1874, стр. 77 и сл.; лучший обзоръ о ней Zumbini въ его Studi sul Petrarca.
1878 Napoli.

его вникательства в политику его времени представляется его отношение к авантюристскому перевороту Колоди Сиенцы в Риме (1347 г.), которое он приворожовал латинской эклогой (Voto), парижским посланием (как назыв. epistola notantia) и италъянскою канцоной (L' Spirto gentil die quelle tembra veddi)¹. Разочаровавшись, с надеждою Колоди Сиенцы, в возможности возрождения римской республики, Петрарка не заведливо перенесла свои политическія надежды на римскаго императора, и, подобно Данте, стала видѣть источник спасенія для разединенной Италіи в перенесеніи центра императорской власти в Римъ, — отсюда рядъ увѣщаній, обращенных или къ императору Карлу IV посетившаго походомъ в Италію. Особенно важно его просвѣренное письмо подъ заглавіемъ: *De pacificanda Italia exhortatio*. Открывши здѣсь много, что во векахъ этого рода обращеній Петрарки — какъ къ папѣ, такъ и къ Сиенцы и къ Карлу IV, — является, въ видѣ мизерабурнаго шаблона, олицетворяющая столицу міра фигура величественной женщины съ постыданными волосами, съ лицомъ, измощеннымъ горемъ и лишениями, одозой в рудница, но все еще исполненной гордаго сознанія своего славнаго прошлаго. Вообще латинскія сочиненія Петрарки весьма замѣчательныя, для своего времени. Именно въ своихъ латинскихъ произведеніяхъ Петрарка является предвѣстникомъ Возрожденія.

2. Италъянскія стихотворенія Петрарки.

Съ именемъ если не великаго, то первокласснаго поэта

¹ Указанная покороче изъяснительная предположениа, то эра какъ, она была адресована авторомъ не Колоди Сиенцы, а кому либо иному лицу, едва ли можно сказать основательными (См. Bartoli, Italia etc. VII г., безъ посвященія Петраркѣ, — стр. 127).

Петрарка перешелъ въ поэмство — за свои итальянскія срихово-ренія. Тенерсия здѣсь основанная еще на его итальянскіе сриховоренія, но покорилъ именно и можно изумитъ Петрарку, какъ, похва сураси поэмной, создававшая первую изъ существъ, величайшій суронъ его душевной природы. Для того, чтобы доздоймо воснять свою Лауру, онъ избралъ новую форму сриха, являвшуюся до него въ необразованномъ видѣ хонско въ про. изведеніяхъ фрубадуровъ. Петрарка многимъ обязанъ Данте, о которомъ отзывался однако очень холодно и съ худо скрытого завистию. Срихи его ошматовакъ искреннею губеуба и краси. быми обородами, хотя онъ злоупредбляеъ риторическими украшеніями, амудизами, шротомъ словъ и метафорами, снѣ. дудъ въ зромъ своимъ предшесубемикамъ, провансалскимъ фрубадурамъ. Итальянскія произведенія Петрарки раздѣляются на сриховоренія (Il Canzoniere) и поэмы (I Trionfi).

а. Сриховоренія его собраны подъ названіемъ: Il Canzoniere или Rime del Petrarca. Эрозъ сборникъ сохранилъ изъ двухъ частей: первую изъ нихъ образуюъ сриховоренія, написанныя при жизни Лауры (in vita di Laura), вторую — написанныя по ея смерти (in morte di Laura); эти сриховоренія распадаются на 317 сонетовъ, 29 канцонъ, 9 сесунъ, 7 балларъ и 4 ма. дригала. Огромное болыиншество ихъ служило въразметіемъ любви Петрарки къ Лаурѣ. Эра любовь сдѣлала его самого зна. менитымъ въ поэмствѣ на итальянскія, какъ авзора сонетовъ и канцонъ, образующихъ въ своей совокупности такъ называемый „Canzoniere“ Петрарки, до насъ дошедшаго времени

одно из самых блестящих украшений итальянской литературы.
 Хотя вопрос о том, кто какой собою был на
 быки прославленная Петраркой Лаура,¹⁾ однако несомненно,
 но то, что эта особа была одна из общезнаменитых Авиньона,
 урожденная де Ковь (de Couves), а по мужу де Садь (de Sade),
 итак была замужем, так как поэт везде, говоря о ней,
 называл ее не дубчиком, а сестричкой „донна“ и „милле“.²⁾
 Невозможно предполагать, что Лаура была существом фик-
 тивным, а не реальным: Петрарка, как мы уже знаем, само
 собою о ней, и ее слова неоспорительною определю,
 именно оговаривая и своею губею в 3-м диалоге свое-
 го латинского сочинения „De contemptu mundi (или, *Secu-
 tum*)“.

Это касается до свойства, до природы самого этого губея,
 то нельзя не признавать основного сходства между любовию Пет-
 рарки и губею, вдохновлявшими поэта флорентинской
 школы и особенно Данте: как для него любимая женщина
 — источник всякого совершенствования для ее поклонника,
 так точно и Петрарка убежден, что „она озвлекла его
 покоем от всего низкого и придала ему крону, чтобы
 он мог направить свой помысел и созерцать, на общезнаменитую
 его высочью, первую причину вещей“ (De contemptu mundi,
 III dial.); обращаясь к своей душе, он говорит: „от нея
 приходишь ты видеть за любовная мысль, за которую ты
 следишь и которая приводит тебя к Верховному благу,
 ни во-что иная все прочее, предмет желаний“.

1) Bartoli Storia III, 188—210 p. (р. Газрану loc. cit. 405—408 pag. и при-
 логамия).

2) Кант, во 2-й сраффе канцона XII, (т. и. гаси), говорит: *La bella giovi,
 nella ch'ora è donna*.

216 Ka srodama v nu nasti / Nu viso 2 fakti / Nu pot manei
i nu manei, savi dicesime vaid / ita bed-oreni srodama vaid
Ja man, tis sidot zora louti / Is pulniga savi spora laeti
Pas manu licteni ta vaid, / Pas manu licteni gan vaid

И буду для меня похоть.

И все оно похоть как бы со мною,

Торжеству вхожу, и своей / Bet man pot savi launo licteni

Маломыслену мню зоскою / Krit zavi raiu aprainot;

О бодной улази мой. / Es domaju pot navi mictatu ...
Ka skaisitani v lat ta metopot.

Но мню, за мой удачу несчастному,

Себя лишь должно обвинять; / Nu nu kame dzela savi savi zavi

Я дувану, смирну не подвластна... / Ka vira dzive naseta,

Мелзя прекраснаму умирату. / Ka vici zandzisi ot vici

И я узнаю, зоской сердечной,

Когда вся жизнь озраблена,

Какъ все, что мило, скорозечно,

Что радует — молния огна. (И. Козловъ). Изд. и.

Вели вь первых сонетах поэза естс некозороа мекче,
срветноуе, за ро внослободуви некренноуе и срраеуе слвишау.
св вь казалоуе словоуе. Реода издизамай и сррого приличамай,
отв все-таки мента пларонически обрацауеуе кь своелю
предмеуу. Но при всей реалескоуе слодви Петрарки, отв
воспывамай вь своиле гармоническиле сррихале млодобе, не
нашедшюуе себде озвожа, — озгоуе ему прилодимоуе зомско из-
ливауе талодуе, и при масеуе посвященнамай его сердечкоуе,
мю горю сррилоуе, его поэзи, едесувемно, грозила крайня
монозоткоуе; Петрарка вь значаивешной мнуре избгоуе
ед, благодаря лишь необикновенному богароууе озривкоуе,
св козоричи отв унтьле передауе зерзавише сло губеуе, но
унтьле не мента мелзю озрицауе некозороаго однообразия

Методия украинской литературы XIV в.

его меланхолических излияний, не говоря о том, что во
законы множеству стихов на эту тему даже и прямая
поворотная были невозможны.

Другая, еще более характерная особенность лири-
ки Петрарки заключается в свободном. Упоминывая раньше
двойственную натуру Петрарки даже себя губеубоваря и в его
любви к Лауре и в ее выражении в „Canzoniere“: он в
своих стихах совершенно противоположными образом от-
носится к своему губеубу, — то для него это — путь, ведущий
к Высшему идеалу и к спасению (на что указывается и
свободной сонет):

Когда порой меня горечь утраты, Kad reizam mani nomas dulas bidas
В безмолвном чаше перед закатом дня, It klusa bristi sanlai norocotot,
Я вспоминаю крошечное свиданье Tad mana ^{promonja} in reizas sidas
Лугей любви, свиданья для меня. Naiz miltst, kas stars, man pamidgot.

Когда развату ласк Благое мерцанье, Kad dōna dymst, ^{kā} rēta garmā metas
И колоколь зарю приворожьбу звеня, Un zvani zvana austra sveicinot,
Ласкаторя думу мнѣ любви воспоминанья, ^{līz miltst, kas zud tad man rēdē}
Золотый забори прогн гоня. Ja rēdē mani, ^{īpaso smijās aizdzesot.}

И сердцу сладкое дыханье ощущая, Un jādams vārds jo silds divasotāms,
Я слышу рожки, вижу я черны, Es dzirdu raganas, rēdē vairotimms
Подобной меду, чуждой красота. Kā dabens tvi skauti zīmeties.

И вижу мнѣ, что я блаженствою рад Tad it kā paradīzas prieku mani,

Мне в розе мнѣ, и радостной покои ^{cašlu} ^{vil} ^{damē.}
Вдыхаю я усталого душой.) ^{Es vajā dāvēli tad elpoja.}

то это нечто греховное, и оно горды оправдывается в своей

сфраси, принсега покажице.

Безъ збѣри съ слога богушкии огаки,
 То на своуило гня глѣдѣри въ упорѣ,
 Другиль же солнице сфрасице: митъ погача
 Они вылодѣри нѣ подзельныхъ корѣ.
 Но сѣтъ еще иже: эри сажис
 Бросатоедъ въ безулицѣ на коерече,
 Зо зѣтъ мѣлкнувниѣ яркиим огнѣлим.
 Шаковъ и я: блескуциѣ солницеимъ взорѣ
 Возмоделной спосице во мѣтъ пѣтьѣ мочи,
 Во зѣтъ погной укритсѣ силѣ пѣтьѣ,
 Я на негъ глѣноу и тлѣгудъ очи
 Оуъ зилудей боли, и за ней во слѣдѣ
 Мѣду, блеконимъ силой роковой,
 Въ розѣ яркиѣ тлѣментѣ, гдѣ сгорѣо душого.

Теллиид и любовѣ вѣдуце посюлѣнцо борсѣду въ души
 поэта, — и онѣ съ солитѣнниѣ спрашиваеце себѣ: „Козорѣ по,
 бѣдидѣ, не знато; но до сей поры онѣ боролисѣ и не отклѣидѣ“
 (Соперѣ: L'aspetto sacro). Всего полнѣе эри его двойзвѣстносѣ
 выразиласѣ въ 17-ѣ канцонѣ тѣ гасуи (F'vo pensando, e nel
 freniere m'assale), въ козорѣ, мѣжду прочимъ, възрогачоуе,
 слѣдуюциѣ сфраси: „съ одной стороны срьдѣ и сѣрдегной боѣ
 побундатоуѣ, неидѣ вернуеце назадѣ; съ другой же, неидѣ
 дероширѣ сфрасѣ, но привѣикѣ слога усилѣившиасѣ во мѣтъ,
 то держатѣрѣ гдѣ боролсѣ съ самотѣ смертсѣо“ и, въ концѣ
 сѣлозборетидѣ, данубовски-лаконическѣй, резюмирующѣй все

содержание канцоны, сущая: „и вистну лучшее и къ худшему суремлюсь“ (8 vedgio l' meglio, ed al vedgio m'arriglio). Эта канцона Петрарки есть какъ бы поэтическое воспроизведе-
 ние его трагика, De Contemptu mundi. Ясно, что самъ Пет-
 рарка сознавалъ эту раздвоенность своей души, въ сонетахъ: „Ам-
 ти тогда, поэту даже прямо выразился: „ни да, ни маху
 не звучить вполне въ моему сердцу“.¹⁾

Первая и вторая части, Canzoniere²⁾ разнятся между собою
 главнымъ образомъ тѣмъ, что въ сущности первой изъ нихъ, не
 смотря на весь идеалистич. характеръ любви Петрарки къ Лауре,
 все-таки прорывается наружу губительная сторона его страсти
 (объ этомъ знаменитая по своей гнибописности строфа³⁾ канцоны:
 Ohiate, fresco e dolce ascue итал. языкъ поэт-ученый Кардоли
 даже помялъ фактъ образный, что описанное въ нихъ было
 плодомъ подслушивания Петрарки за купающейся Лаурой⁴⁾;

(Въ какъ-то небесной сферахъ обрала
 Природа образцы зной красн гудесной?
 Медля зого мзи на землю низошла,
 "Чтобъ мн узрели мнхъ любви небесной?
 Купадся въ ручее прозрачные сфера
 Мли залел подь стѣною древесной
 Какъа нилора расплески мола
 Глазую прѣдъ закой коей прелесной?
 Кто не видаль знойхъ ласкающидь оцей,
 Кого не озариль блескъ крохкий нль лучей,
 Тощъ бошей красоте не видаль поклоненся.

¹⁾ Bartoli, указ. сочин., стр. 214 и след.

²⁾ Волшебъ въ 72 гл., бесай мнхъ моченъ подразнаеухъ одной изъ мнхъ
 въ французскихъ сущахъ. Ср. у Корша зомъ взорой, стр. 340.

Кто не слышал рвѣи любви таваль
 М вздохомъ сладосномъ иль мзвонимъ ^{уезд} звонимъ,
 Не знаешь гужь любви сурдана и цыленска.)
 Во взорой мѣ, ^{гасу} возникшей ума по смерзи лауры, ехесрвенно, ука,
 заннавъ сурона исчезае, приель и самое пубезво и его поэри,
 ческое выражение доудигатоу удивительной тисоры, какъ эф
 видно, напр., изъ слѣдующихъ сонетовъ, принадлежащихъ къ
 совершеннѣйшимъ по содержанию и по формѣ.

Uptas Pintura virtus, una salas lapis zivinet,
Uptas Pintura virtus, una salas lapis zivinet,
 Небеса-ли прамисъ, шелезе... и зеленыхъ вѣтвей,
 Шило колеблемая мзвонимъ выдержомъ,
Gardamos per zedovu calzonu, zivinet,
Uptas Pintura virtus, una salas lapis zivinet,
 Шопоръ-ли прозрачные волны надъглагоушья на уездъ,
 Раздалось по цвѣдущему, полному ствѣмелу берегу;
Na kis vechas, kur zivinet, zivinet,
Uptas Pintura virtus, una salas lapis zivinet,
 Въ зого мѣста, гдѣ я сишу задучливо и пишу,
 Я вижу ту, которую намъ показало небо
Redukta, kur zivinet, zivinet,
Uptas Pintura virtus, una salas lapis zivinet,
 Мъ намъ скрываетъ земля, и слышу ее и сознаю,
 Что она не ушерла и даме изъ такой дали
At hild na manam zapaldu,
Uptas Pintura virtus, una salas lapis zivinet,
 Озвоняетъ на мои вздохи. —
Ar kada tagat slops zivinet, zivinet,
Uptas Pintura virtus, una salas lapis zivinet,
 Ахъ, дѣл чего же гудимъ себя пресиде времени?
 Съ соудраданьемъ говоримъ она мнѣ: затѣмъ изъ негласныхъ
Ar kada tagat slops zivinet, zivinet,
Uptas Pintura virtus, una salas lapis zivinet,
 Всей звонимъ мсторъ козочкомъ горскихъ слѣды?
 Не плачъ обо мнѣ: вѣдь со смерсно дни мои
Ar kada tagat slops zivinet, zivinet,
Uptas Pintura virtus, una salas lapis zivinet,
 Сдѣлаласъ выгнанами, и закрываю глаза,
 Я открыла ихъ среди выгнаго свѣта. — Мнѣ:
Ar kada tagat slops zivinet, zivinet,
Uptas Pintura virtus, una salas lapis zivinet,
 "Когда она вошла въ небесный селенья,
 Не со всѣмъ езоромъ соборъ небесныхъ смѣль,
Ar kada tagat slops zivinet, zivinet,
Uptas Pintura virtus, una salas lapis zivinet,
 Въ благоговѣнии и тихомъ изумленствѣ,
 Мнѣ, гасу:

Изъ глубины небель слезобвишия, окружишь.

"Кто это?" монаховъ другъ друга вопрошавши —

Давно ушь изъ сурман порока и печали

Не восходило къ намъ въ сѣньяхъ грезехъ

Своихъ сурого дровецветной и свѣзлой красохы.

И зило радудет, она въ мѣхъ сохиль верунаеъ,

Но заедля махъ, свой взоръ по времемань

Объ задохой пѣвниного на землѣ обращаеъ,

И сидеъ — идущи я за него по слѣдамъ...

Я знаю, милая! Я деиъ и корь на сурани!

Я Господи моллю! моллю и сиду — когда зие!

Между сонедали Пейрарки еше и патриозивескаго и обшара

правезветнаго содержания, но болшая часть посвященны Лауре.

Стихи его звучные и гуще, тамъ у Данте, но въ мѣхъ мало

разнообразя, какъ какъ содержание мѣхъ вердудет почти все

около одного и того зие предмета. Ода къ Угалии до сихъ

поръ производитъ сильное впечатлѣнне на итальянцевъ. Про-

тывая одисиды въ милая, она произвела такой сильной

внузиданъ, что для охладиденя его авезрийское правезиъ,

субо нашло необходиманъ навесуи пѣнжи на главную

площадъ города. Возъ первая сурора оды.

Угалия мой, — хожъ не издешишь слованъ навиза

Смерзельманъ, сураникъ равъ,

Кожорыши хъ все покрыва, все зие,

Пускай на сронъ и махъ родивихъ мѣхъ сурани

Пегалонивъ и суровивъ

Свѣздой пѣнжъ мой суреднеъ. Тосне!

Молю тебя, пусть зовут Twalder, Deew! Do veeuw
 Свѣлое милосердье, что тебя Ho svetā žēlsōvība atvēda
 Свело на землю, напои насъ искупить
 М мекъ брауды искупить Vīro zemes - ludru, tagad mūs jēl pestit
 Въ рукахъ людей, что мучаютъ себя, Un mēsu naida vēcā dertit,
 Созадохъ ешь гудъ Ka zebens faimā rokā bistamā,
 Въ брауды осмелюченкой. Kas pēd'jos spēkus nomaita,
 О, Господи! сердца ихъ гудьки Jēl vaidrot'ēst c'ina.
 М изгнать свѣщенкой Ar, Deew! m' Turs! tos jēle p'ami
 Мъ чужъ моихъ бнимажъ - ихъ мажи! Un p'atēstbas zina
Sauz man mūti vīnus pavāci! . . .

Со стороны формы стиховедения Петрарки неподражаемо,
 но тонкого и сдержанного ордона; издѣлано выражений,
 музыкальных фразы доведены въ нѣкъ до возможнаго совер-
 шенства, — это доказываеся, какъ зѣль, что мнозице от,
 дальнихъ его стиховъ вошли, на подобие пословиць, въ
 общее употребленіе, какъ и зѣль, что даже какіе поэты, какъ
 Аріосто и Полициано, дѣлали дословная заимствованія
 изъ Петрарки. См. примеч.

6. Маленькія поэмы, 7 Трионфи (Триумфы).

Петрарка, наконецъ, написалъ шесть маленькихъ поэмы
 подъ названіемъ „Триумфы“, какъ-то: Trionfo d'Amore (Три-
 умфъ любви); Trionfo della Castita (Триумфъ целомудрія);
Trionfo della morte (Триумфъ смерти); Trionfo della Fama
 (Триумфъ славы); Trionfo del Tempo (Триумфъ времени) и
Trionfo della Divinita (Триумфъ божества). „7 Трионфи“ написаны
 въ промежутокъ времени отъ 1357 по 1373 годъ. Поэмы эти, на-

писанных францезскими герциками, представляють рядъ аллегорическихъ виденій, воспъвающихъ могущество любви, цыклопидри, смерти, славы, времени и божества. Это было по- слъднее произведение поэта, въ которомъ уже ослабѣло поэти- ческое воображеніе. Дополненіемъ къ „Canzoniere“ Петрарки можно считать эту его аллегорическую поэму „I Trionfi“ — или просто эту поэму (составленную изъ шести отдѣловъ, разделен- ныхъ на „capitoli“ и озаглавленныхъ: Триумфъ или подвѣда любви, зр. цыклопидри, зр. смерти, зр. славы, зр. времени и зр. божества) звать съ болыими основаніемъ, что, поименно (хотя или ея не только эпическаго, сколько лирическаго тона, въ ней или въ ней находить себя приращеніе за, указаннаго франше, борьба между религіей и любовью, которая придаетъ ея своеобразную оцнчатку лирику Петрарки. Мнѣнію въ зрѣнїи поэмы или въ зрѣнїи главы „Trionfo della morte“ Лаура, уже небожественна, дала, какъ сказано заднимъ числомъ, признаніе, что и она при жизни своей на землѣ раздѣляла. Взаимно привязанное къ ней втораго ея пѣв- ца, но скривала свое чувство ради иль общаго спасенія, — эта фикція поэта характерна въ формѣ оцнченій, что доказываетъ достигнутое наконецъ Петраркою удовлетвеніе въ неграховности божественнаго его всю жизнь любви къ Лаурѣ. И это звать для насъ интереснѣе, что Петрарка началъ писать свою поэму уже въ возрастѣ, близкомъ къ старости, и кончилъ почти наканунѣ своей смерти, съ, добавленіемъ, въ то время, когда ея полнѣе сознаніемъ, съ

Воплощение зрелого мыслию поэта оглядывается на проекционную
 стигму и дает себе в ней отклик. Вкрадывая, основная
 мысль зрелой морально-аллегорической поэмы слободящая:
 человек, во время своего существования на земле бывает
 подвизаемый своими страстями, любовью; но отъсправив,
 едет съ ними съ помощью добродетели или целомудрия,
 наконецъ его переигрываетъ смерть, но слава переживаетъ ее, съ
 злымъ тады одинаково бытъ подвизаемой временною,
 которому прозвоняетъ моралью зомско вичное блаженство,
 миръ въ Боге, создаваятояще конечною зелье человека.

Эти-то послыдовательные фризурны поэты созерцающе
 въ видении; это — рядъ процессий, сопровождающихъ зом
 тное зорнеслужащее аллегорическое существо, приемы въ
 каждой изъ нихъ видятояще разная, въ болшииетве
 замечуванная изъ античного мира, личности, просла-
 вившаяся своего судьбою соотвояственно съ основными
 значениями зого или иного фризурнослужащего существа.
 Но Петрарка въ зромъ случае не совладалъ съ своей задачей,
 и если его поэма была подобно телатид его соотвоярся
 съ Данте, то отъ охался неизмеримо позади него.

При всей хладности, вичущей орь зрого произведений
 Петрарки, несмотря на безобразия зего зомий перечень
 однихъ мезорическихъ именъ, должитсяслужащихъ зать,
 муръ живые пластические образы, „I Trionfi“ не чужды и зрин-
 кой поэзии, именно, когда отъ касаетъ своихъ отношений
 къ Лауре, или когда отъ живописуетъ событиямъ душев.

ная настроенія, причём отъ досугаеъ замочаеъской образности — заковы, напр., описание скончавшейся Лауры (*Trionfo della morte*, въ концѣ 1-го capito).
Trionfo della morte, въ концѣ 1-го capito).

Оуатка, Криушка или рэзюме.

Между стихозвореніями, написанными Петраркой на итальянскомъ языкѣ, есть нѣсколько и малодобного содержания, — заковы, напр., канцоны: нѣтъ уже извѣстная „Италія моя“ (*Italia mia*) и „къ Коло ди Ріенци“:

Къ рѣбѣ взываю я, герой, *Es senza laci, varon,*
 Могуи духомъ, звердый въ домъ *Tu ^{virgini} m'hai data, varon d'alta,*
 Слушанія сражае родной!... *Ma tuu zemei palidri!...*

канцоны, дистанція искренности и глубокии губевои любви къ свободѣ и къ родинѣ; 7-й сонетъ 1-й гези „Санго, ниеге“, въ которомъ поэтъ поддерживаетъ въ своемъ другѣ благородное рвеніе къ занятию науки и, наконецъ ит., сколько сонетовъ, направленныхъ прозубъ Рима и испол. менныхъ ювеналовской смелости, но рѣзкози не выраже, ній превосходившихъ громади зирады Данте, а поэти и менше художественныхъ.

Языкъ въ произведеніяхъ Петрарки наслово выработанъ, что, не смотря на изрекшия патрсоъ итэ со днѣ смерти Пет. рарки, у него не найдется почти ни одного слова, которое пришлое бы признаеъ цезарьомъ.¹⁾

Но поэтическія произведенія Петрарки наряду съ своими высокими досоинсвами предзавляюте и крупное недо, сказки; сюда принадлежатъ: обилие сравненій, гезо нарядну.

¹⁾ Превосходная оуатка стихозвореній Петрарки въ германскомъ изомоніи сдана De Sanctis-омъ въ его *Saggio critico sul Petrarca*. Неаполь. 1869.

звук и холодный, игра словами, погоня за риторическими эффектами, набор слов, не заключающих никакой быстрой или менее глубокой или вообще оригинальной мысли; — следовательно замечая, впрочем, что на такой набор слов насаживали поэты в значительной степени эту крайне сухую, низменный стихотворную форму, которую они по преимуществу еще разрабатывали — сонет и в еще большей мере сери, на; допускающая большую свободу для передачи поэтических мыслей и высказываний канцона и у Петрарки несравненно более психологической правдой, непосредственностью в духе, повествования. Но вообще говоря, у Петрарки найдется лишь очень немного безусловно законченных стихотворений, даже между его сонетами, не говоря уже об оригинальных иногда чрезвычайного длинного канцонах.

Мы уже знаем, что сам Петрарка в суровости не был доволен своего поэтического «Африка». Он не только в суровости сознавал о написанном, но хотел переделать большую часть своих сонетов. Немного осталось бы тогда нам в наследие от гениального поэта, одиозного походящего во любви к избранной им женщине и родине. Мня обожанной, но недостижимой для него женщины от обезмерили своими письмами.

Что касается, как сказать, впрочем, знакомого игра, восточных стихотворений Петрарки, то как и в своем фило. софском сочинении он является первым головачом по, в истории, оказывается в них от приемов схоластики,

Которую он ненавидит и презирает, как и за свою лирику он заслуживает еще с большим правом называться первым человеком нового времени: действительно, в этой лирике впервые внутренняя, душевный мир получает самостоятельное значение, подвергается наблюдению и анализу и воспроизводится с полным вторжением. Средним выкаем была неизвестная своим выработанным психологическая жизнь. В „Canzoniere“ Петрарки поэзия в первый раз получает оздоровление человеческой души со всею ея борьбой, со всеми ея скорбями и прозворами. В этом заключается его великая оригинальность.¹⁾

Как личность, высокая по своим знаниям, дарованиям и прямоте, Петрарка возвышался над общим уровнем, что и было причиной нападок на него тогдашних писателей, отвергавших авторитеты классиков, признававших только Гомера, Ариосто и Вергеса²⁾ и называвших Пет.
и арабского
гольвард
Ариосто
(1126-1198)
 рарку необразованным добряком. Глубоко религиозный, но не ослепленный обрядностью, поэт, первый порицавший развращенную жизнь тогдашнего духовенства, отбрасывал на эти нападки книгой „О своем и многих других не-бывших“.

Почти не менее влияние Петрарки в итальянской литературе было очень велико, но зато и крайне бесплодно. Начавшись еще при жизни поэта, оно почти непрерывно продолжалось вплоть до XVII века, когда Тассони³⁾ первый серьезно восстал против поэта Лаурис, но и это не могло

1) Gaspary, Geschichte der ital. Literatur I, 7. стр. 480. и Корина 2, II, 843 стр.

2) В его „Considerazioni sopra le rime del Petrarca“ (1609), сочинении, навлекшем на него прозвище „Petrarcotastix“.

совершенно поколебать значения, признаваемого за Петраркой. Прозривостью общества увлечению последним является Фомско, уже в позднейшее время, поспешно совершившееся обращение итальянцев к Данте, не безь воздействия при этом все болше укреплявшиеся в Мудали патристических стремлений создатель свободной и объединенной Мудали.

Между тем в течение предшествовавшего периода итальянское общество мобилирует поэзию, — как называемый „академии“, но сивший порою весьма странными названиями: или предсказав, желстницей в XVI восток мостом слушав академия della Crusca¹⁾ — Фомско и замечает, что изучением и объяснением, ель срифлований Петрарки и подражаний им ель; в XVI — XVII в. стигалось обязательным для всякого вдовца по Лауре и востовав ее.

Что касается нравственной природы Петрарки, насколько она обнаруживается там в его произведениях, то в ней найдется вдовая следующая черта характернейшей стороны: неумирающая страсть к Лауре, неутолимая жажда славы, благоговейная любовь к древне-римскому миру и крайняя изысканность душевных наслаждений²⁾ кою, рого вродило, обцеловывалась и склонялось Петрарки к мизантропии, с одной стороны, и к пессимистическому взгляду на жизнь, с другой. Во всяком случае Франческо Петрарка^{Фомско} вдовом предсказав ель средневековой итальянской поэзии, а первым человеком нового времени. Его влияние не ограничивается одной литературой и сохранило

1) Crusca по-итальянски оруби.

2) Bartoli в VII г. своей Storia размахивает Петрарку почти исключительно с этой стороны.

няль это название къ своему имени. Отець его былъ купецъ,
 и въ одно изъ своихъ торговыхъ путешествій — переехавъ на
 французскій, ^{отъ которой и родилъ у него сына Джованни.} италіи, воспитывался сначала во Флорен-
 ции, потомъ въ Паризе, куда отецъ отправилъ его учиться торговлѣ.
 Отець его, владѣвшій значительными соедаженіемъ, благодаря
 чему отъ не разъ, по своему переселеніи во Флоренцію, за-
 нимающій значительной государственной должности. Безъ
 некоего своего оца Джованни Боккаччо, наравнѣ съ сво-
 имъ младшимъ братомъ Якопо, былъ обязанъ тѣмъ, что
 получилъ хорошее воспитаніе. Но отношенія молодого
 Боккаччо къ его оцу, который, провдохновлявъ довольно долго
 по смерти первой своей жены, матери Джованни, былъ по-
 томъ еще двадцать летъ, оцмодъ не оцматался нѣсколько:
 сфарикъ былъ по характеру практическій дѣлецъ и прида-
 валь оцмоду образованію исключительно лишь въ виду прак-
 тической оцъ него пользы, а потому президе всего отъ предно,
 лагалъ сдѣлать изъ сына образованнаго торговаго дѣла-
 чья, и оцмодъ всего меньше поэта или ученаго. Самъ же, на,
 прозвѣвъ, смотрѣлъ на образованіе съ эстетической точки
 зрѣнія. Въ разумахъ антагонизма между оцмодомъ и сы-
 номъ, возникшаго вследствие такой разницы во взгля-
 дахъ, явилось сначала раздраженіе, данное сфарикомъ Бок-
 каччо оцмоду, посудиши въ университетахъ подъ условіемъ за-
 няться изученіемъ каноническаго права, какъ открывав-
 шаго въ это время хорошую карьеру. Боккаччо самъ оцмодъ,
 забавясь, въ своихъ произведеніяхъ, на оцъ невыгодное вліяніе,

которое производили указанные отношения к орудю на его характер, и эта перемена шла в ранние годы зависимость орудя орудилась на Боккаччо орудилась самосудом, месси воли и развилась в висконско Болоньезской губернии, фельдмаршала, соединенными с поведением подчиняться гуго. му влиднито. Проведши время с 1320 г., повидимому, во Флоренции и в разговорах с торговцами поручениями орудя, в конце 1330 г. Боккаччо ввлекся в Неаполь в качестве орудящего агента. Там, на классическом холме Паулини, где в старинном развалинах предание видится гробницами Вергилия, молодой купец рывшись бросил торговый заклад и посвятил себя литературе и науке. Но орудя по званием ему зольско переломился родъ закладъ и изуратъ каноническое право. Заключил отъ орудя в Неаполь по 1338 г., занимаясь почитательно изучением права, а на самом деле чтением классиков и поэзией, изучением астрономии и математики.

В начале XIV столетия Неаполь пользовался значительным крупным политическим центром, особенно в правление короля Роберта, который, будучи главой гвельфской партии, располагал огромным влиянием; кроме того, сам орудя, лет ужею, отъ окружил себя фалангой поэтов и ученых и беднски старался придать как можно больше блеска придворной жизни. Флоренция, сравнительно с Неаполем, представляла тогда тихий городок, с серьезным и тихим образом жизни. По своему переселению из

1) Кончилшаяся будо бы образной орудякой к орудя предание Боккаччо в Паризи на выучке в банкирской конторе слободы, каменщика, смарта и легенды.

скромной республиканской Флоренции в пышную корону, сию столицу, где при французском дворе короля Роберта было и много флорентинцев, одаренной венецианской и срастной наукой Боккаччо не мог не ощущать сушеверенной переливки в самомъ себѣ. Роскошная окружающая Неаполь природа, шумная и веселая придворная жизнь, являвшаяся съ ея безконечными интригами ослиною, хотя и не безопасною школою для молодого и свѣтлаго характера; замѣтная любимица предметов, и, наконецъ, обладательная имъ ^{придворной неаполитанской даче, какъ говорятъ} любовью къ ~~принцессѣ Марии~~ незаконной, молодой дочери короля Роберта, принцессѣ Марии, вышедшей замужъ за графа д'Аквико, все это должно было оказывать сильное вліяніе на Боккаччо. Личное же Боккаччо съ этою порою определялось навсегда, — это поэтъ и ученый, не преследующій, кроить поэзіи и науки, никакимъ образомъ не смѣя, сканъ цѣлей, и по своей неколебимой привязанности къ естественной личной свободѣ предъизъявляющей еще болѣе, чѣмъ Петрарка, прямыхъ предшественниковъ дѣятелей итальянскаго возрожденія, такъ же болѣе всего дорожившихъ своею свободою, въ которой они жаль нуши, дали, чтобъ всецѣло отдавался изученію воскресеннаго или анжирнаго міра.

Любовь Боккаччо къ Марии, или какъ они называли ее въ своихъ произведеніяхъ ^{фрѣдѣлеть}, началась точно подъ конецъ его перваго пребыванія въ Неаполь: впервые они увидѣли ее 11 апрѣля 1338 г., въ день пасхи за обѣдней, въ

¹ Французское слово фрѣдѣлеть — пламя, какъ бы: искорка, огонь. Но итальянски употребляется слово Фламме, т.е. Фламме.

церкви Сан-Рово (Троба Господня), а въ 1339 г. Боккаччо
уже выехалъ изъ Неаполя. Любопытенъ долгая бы-
ла однако и пѣня и матеріалстную сторону, какъ какъ недобро-
ный его оудецъ Боккаччо вызвалъ сына во Флоренцію. Слѣду-
юще гезуре или пѣня мюхъ позрь долнеетъ быть провести
во Флоренцію или въ Германско. Хотя отъ не принималъ
никакого участія въ смудаль своей родины, однако предъ,
ваніе Боккаччо на родинѣ было омрачено для него огоре-
ніями, козорья отъ неказывалъ и по побуду возмущав-
тиль его патристическій губерва флорентинскій ^{соборъ} и блвд.
срвие неприятели домашниль условій — вѣлѣдствіе дво-
рской изменчивости своего оудца на молодой флорентинскій.
Въ началѣ 1342 г. во Флоренцію прибылъ, посломъ оръ короля
Роберта его сенешаль, Андриуони, которому мюхъ бытъ
Боккаччо былъ обязанъ своимъ доступомъ ко двору; о бимъ,
дожди къ нему Боккаччо свидѣтельствуетъ къ зтому времени
относился грамофа въ козорой позрь являлся какъ дова,
рентное лицо неаполитанскаго сенешалья.

Въ 1344—45 г. Боккаччо оидръ покинулъ родину и не-
ретьзнаеель снова въ Неаполь, гдѣ, по смерти Роберта, пра-
вительницей была его внука Жоанна (или Жанна), от-
личавшаяся крайнею безалаберностью характера и нрав.
свѣтлой распущенностью. Уже въ 1345 г. совершилось удѣльство
ей молодого мюна, Андрия Венескало, за козорый посли,
довали замужество Жоанна за дядю ей Лудовика Тарену-
скаго и казмъ обвиняемой въ удѣльствѣ Андрия козущесвѣтлой

королевиной фаворитки, бывшей преемле прякою, по имени Фриллины. Неаполитанская жизнь Боккаччо на эго разъ была для него не особенно пріятна, какъ эго видно изъ нами, санныкъ мнѣ въ эго время латинскійхъ экловъ, въ которьхъ одинаковы издизокъ аллегоріи заремидерь для насъ многое изъ разказовъ и сужденій Боккаччо о совершавшихся на его глазахъ собыдіяхъ. Тѣмъ не менѣе, онъ по преемлеку былъ высоко цѣнимъ въ высшемъ неаполитанскомъ обществѣ въ качествѣ близкаго образованнаго сводскаго челоѵка и, къ тому же, превосходнаго разказчика. При дворѣ Иоанн, ми Неаполитанской сраме отъ разказывае свои новеллы. Любимого задавои королей и великоиъ эго времени-было слушае задавоида, часо соблазнительской педоріи. Не зани, мая никакой правительственной должности, Боккаччо исполнял иногда обязанности секретаря при игравшихъ въ эо время болшиую роль въ неаполитанской политикѣ Андрианоли.

Озношенія Боккаччо къ Фриллине въ несомнѣнно еще продолжались въ эо время; судя по „посвященію“ по, слѣдствію изъ написанныхъ мнѣ по порученію Фриллине, зы произведеній „Filostrato“, озношенія ихъ были чисто пла, зоническаго свойства; въ лирическихъ своихъ произведеніяхъ Боккаччо также малочеръ на суровоеъ своей возлюб, ленной. Тѣмъ не менѣе, привязанноеъ поэта къ Фриллине было, повидимому, чрезвычайно сильна: все много, численна произведенія Боккаччо вышены

ему любовию къ ней. Любовь Боккаччо къ дочери короля Роберта длилась до начала 50-х годов; но вскоре уже она рѣднѣла. Они были почти ровесники между собою; славетъ красотою и образованностью, она играла видную роль при дворе королевы Болоньи.

Смерть отца, умершаго отъ чумы 1348-49 г., принудила Боккаччо вернуться во Флоренцію, гдѣ мы встречаемъ его уже въ 1350 г. опекуною его брата и замѣстивъ по чуждой, отъчужденнаго отъ отца семейства. По смерти отца порядочное наследство дало поэту возможное удобство, рѣднѣ своей склонности къ светскому образу жизни, но въ досвѣ время и охоту къ приобретению палеатинскихъ древн. классической литературы, изученію козоровъ отъ отдавалъ, съ неменьшимъ увлеченіемъ, чѣмъ Петрарка; съ послѣднимъ отъ быль связанъ самымъ тѣснымъ дружбаю, не ослѣпленнаго никакими серьезными несообразностями.

Начало второй половины века знаменательно въ жизни Боккаччо тѣмъ, что съ этого времени его отдѣленность, какъ поэта, почти уже завершилась, что отъ болѣе активно соприкасаясь съ помн. интеллигентною родиною, занимается высочайшими и исполн. нѣдѣ дипломатическія порученія, а въ его личной жизни отъ, каждаго факта, въ извѣстномъ смыслѣ равнозначительный съ его привязанностию къ Флоренціи, — это дружба съ Петраркой. Последняя должна была имѣть огромное значеніе для Боккаччо, такъ какъ она выводила его изъ нравственно-умственной односторонности, съмѣшивъ въ однородной съ нимъ наукой. Непосредственно воздѣйств.

связи они другъ на друга не оказали: встреча ихъ произошла, когда оба они уже установились въ своемъ развѣдѣ. Но все-таки въродно, что Боккаччо обязанъ Петраркѣ усиленъ въ его интересахъ къ классической наукѣ; но крайней мѣрѣ съ этого же времени онъ начинаетъ проявлять особенное усердье къ изученію древнихъ авторовъ. Во время своего пребыванія въ Консатанцинополѣ, Боккаччо предавался своему серьезному изученію греческой поэзіи, что свидѣлался однимъ изъ первыхъ и самыхъ раннихъ знаменъ ея; сошлись съ миромъ Гомера и идилликовъ, онъ также не чуждъ, среди разнообразныхъ и редкихъ судьбы и приключеній, съ равными доизощренными исполненъ и обязанности посла при неаполитанской дворѣ. Насколько Боккаччо преуспѣвалъ собою крупную нравственную силу, всего лучше доказываетъ то, что Гомо единственно съ нимъ, пренебрежительный самопоклоненія и ко всему относившійся съ нескрываемымъ сознаниемъ своего превосходства, Петрарка держалъ себя на равной ногѣ; о сердечности ихъ отношеній свидѣтельствуютъ за добродетель, что изъ вѣчныхъ друзей Петрарки однимъ Боккаччо былъ допущенъ въ интимный кругъ его незаконной семьи. Знакомство Боккаччо съ Петраркой началось въ годъ его возвращенія изъ Неаполя во Флоренцію, когда Петрарка прибылъ проездомъ въ Римъ (осенью 1350 г.), чтобы присутствовать на празднествѣ юбилея, и былъ встреченъ у городскихъ воротъ Боккаччо, въ домъ котораго онъ остановился.

Связи Боккаччо съ влиятельными неаполитанскими правителями.

своим и его знанием придворных обличавъ, а также ренунація
 ученаго знаменна латыни и вѣтхихъ даровицъ, чеснаго чело-
 вѣка, побудили его согражданамъ возлагать на него разныя
 должности и неоднократно отправлять его съ дипломатиче-
 скими порученіями отъ республики; такъ напр. предъ коро-
 лемъ Карла IX въ Шпанию, отъ вѣдиль въ Авиньонъ къ папѣ
 Урбану V съ цѣлью узнать, какое положеніе слѣдуетъ при-
 нять Флоренціи въ данномъ случаѣ; въ 1367 г. ему предсѣав-
 лено было заведывать финансовою частью при наймѣ солдатъ,
 послужившихъ на службу республики. Свободное отъ служеб-
 ныхъ обязанностей время Боккаччо посвящалъ какъ чисто
 литературнымъ замятіямъ (околодательная редація „Декамерона“),
 такъ и изученію классическыхъ авторовъ и соображенію ученыхъ
 латинскихъ трактатовъ, которыми отъ прокладывалъ путь писа-
 тельству эпохи Возрожденія.

Что касается внѣшнихъ событий этой второй половины жизни
 Боккаччо, то кромѣ упомянутыхъ дипломатическихъ его похв.,
 доскѣ (въ Римѣ и Авиньонѣ), она описываетъ то, что именно съ
 приближеніемъ къ старости матеріальное положеніе Боккаччо,
 благодаря его щедрости къ другимъ и расходовъ по охотѣ и
 приобретенію сокровищъ классической писменности, значи-
 тельно ухудшилось, что повліяло на характеръ Боккаччо, разбивъ
 въ немъ раздразнительное и засабливая его не разъ монархъ свое
 господствованіе изъ желанія по возможности лучше устроиться.
 Такъ въ 1361 г. отъ вѣдиль въ Неаполь по вызову Анджони, но вско-
 рѣ узнавъ о злѣ, оскорбившемъ медосердечіемъ его приемомъ,

за который оплачивался Блесадзини по сафиринской взвешанной,
 поеди письмовъ къ Мелли¹⁾, допонаправилелю названнаго вель,
 мнози, письмовъ, богазыль культурно-историческими данны,
 ми и интересными факте въ зомъ отношеніи, что здыет Боккаго
 зне проявляетъ зомъ озлиаивающу гуманисзовъ Возрожденія
 склонноекъ къ литературному чвансзвѣ, соединенному съ
 вьгьгьильмъ Бр^озожансильмъ на непризнаніе тль гснїалкноски
 и превосходсзвѣ.

Въ Неаполь Боккаго побывалъ еще разъ, именно въ
 1371 г.; но и зеперъ, не смотря на оказанный ему, особенно гра,
 фомъ Савь-Саберино и маршаломъ Неаполитанскаго короля,
 сзвѣ Масимардо де-Кавальканчи, самый радужный прїемъ, отъ
 не ршннлсь окончательноту зурропсзвѣ въ Неаполь, какъ ему
 предлагали: зоска по родинѣ, агобовъ къ независимоски и же,
 ланіе вернущсѣ къ своимъ книгамъ побуждали Боккаго чьхзѣ
 образно во Флоренцию. Въ послѣдній періодъ своей жизни (1360-75 г.)
 Боккаго факте двазиде предпринималъ погзздуку для свиданія
 съ своимъ другомъ Петраркой - въ 1363 г., когда отъ посетилъ его
 въ Венецию и проваль съ нимъ окопо чезверри года, конзуделъ
 его богазой библіозекой; второе посещение, факте въ Венецию,
 созодлосъ въ 1368 г. Вернувшись во Флоренцию, Боккаго
 написалъ Петраркѣ зрезвонкайтю характеристиксзическое письмо,
 шиво рисзующее и тль взаимную зрурибу и симпатическую
 личноску самого Боккаго²⁾. X

Къ началу шесидесятихъ годовъ зрелосзрїя относзрся два
 знизода въ жизни Боккаго: зго - его сближеніе съ калабріей.

1) Письмо зго, въ переводѣ, у Kötting'a, стр. 279-83.

2) У Kötting'a, указ. соч., оно зчлнлкомъ приведено въ переводѣ, стр. 313-19.

скимъ грекомъ Леонію Пилаго, у котораго онъ подв старости
 началъ учиться греческому языку; другой эпизодъ составляетъ
 посещение Боккаччо картезианскими монахами Давоаккино
 Киди. Этотъ случай весьма характеризуетъ и самого Боккаччо
 и его время. Въ июль 1361 г., явившись къ Боккаччо, монахи
 объявили ему, будто онъ посланъ своими гугиелемъ Пьетро де'
 Пьетрони, незадолго передъ тѣмъ умершимъ въ Сиенѣ и при,
 надлежавшимъ при жизни зачисл. къ картезианскому орде-
 ну, съ порученіемъ предостеречь Боккаччо отъ грозившей ему
 страшнѣйшей смерти и адскихъ мученій за его грѣховную жизнь,
 и въ особенности за его неслыханный сочиненіи, если онъ не
 постыдится своимъ раскаяніемъ. Это предостереженіе франка,
 римскаго монаха, подкрѣпленное увѣреніемъ, что о сказан-
 номъ его наставникъ узналъ въ бывшемъ ему небесахъ ви,
 дѣніи, произвело сильнѣе поразительное впечатлѣніе на Боккаччо
 (который сознавалъ за собой, кромѣ весьма проведенной имъ
 молодости, грѣхъ незаконнаго сожитія съ женою; плодомъ его было
 нѣсколько дѣтей, умершихъ еще при жизни Боккаччо), что
 онъ не только отказался отъ замятій поэзіи, но рѣшился
 было расстаться и съ своею драгоценною библіотекою. По
 счастью Боккаччо обратился за советомъ къ Пьетраркѣ, который
 отговорилъ его (Epist. senil. I, 5) увѣщаніемъ ограничиться болѣе
 строгимъ образомъ жизни и не забывать, что подв покровомъ
 религіи совершающа не мало обмановъ, и чтобы во всякомъ
 случаѣ онъ обождалъ, пока монахи, согласно сообщенному
 имъ Боккаччо манеренію, явятся съ цѣлью «обращенія»

и къ нему, Петрарка, а въ усть изъ его парусиносы, походки, нравовъ и разговоровъ узнаю, насколько свободенъ оказывалъ ему вторъ, прибавляеть Петрарка, не даромъ сшибшии при Авино, окескомъ дворцѣ и напракзиковавшиися въ дипломатизм.

Въ послѣдніе годы жизни, Боккаччо вналь въ мисерическое паскроеіе духа и, слѣдуча вышенильмъ названнаго кар, фезіанскаго монаха, сотворобавшаго ему озабуче безнравственную поэзію, возуниль въ духовное званіе. Убѣщаніе друга Боккаччо, Петрарки, не произвели никакого дѣйствія, и авроръ, Декамерона¹ удалился въ Герландо, гдѣ въ уединеніи началъ писать латинскіи произведенія.²

Но съ зрѣль поръ Боккаччо, кажедъ, уже не предпри-
нималъ никакихъ оудаленныхъ походовъ и проводилъ время часзію во Флоренціи, часзію въ родномъ Герландо. Здоровье его сильно пошатнулось, но умъ не менше отъ усердно продолжалъ свои умелія зандрія и даше принималъ на себя погезную обязанность, возложенную на него флоренцин, скиль правителсрвоиъ, публично читалъ золкованія на „Тож. Комедію“ Данте.³ Чозъ и съ перерывами, отъ читаль ззи свои чрезвычайино срараженно образованной и во многихъ оукоме-
нїяхъ драгоценной лекціи въ церкви св. Спесрата, но вое-
кресенсїамъ, начиная съ 23 охурдья 1373 г. и, кончель быль, до весны 1375 г., слѣдовазельно не болгы двухъ чозъ читаль отъ ззи лекціи. Въ среднїи охурдья 1374 г. отъ покуриль сильно опокалившее его извѣстїе о кончинѣ своего знаменитаго

¹ Покупленіе Боккаччо не золско въ монахи, но и вообще въ духовное званіе Каррмїо офрицасу (указ. соз., 273 стр.).

² Поставленіе отъ ззоиъ, прошедше въ Сингоріи болышнелозовъ 186 голосовъ прозвїе 18, состоялохъ 9 авцера 1373. Возназудзиденїе Боккаччо назначено было не свыше 100 флоринтовъ золоромъ (300 рублїей), чозъ долшннъ залогурїе, то цѣтн. поше денель въ 70 времїа была выше, чанъ зенель.

Медорія италіянської літератури XIV в.

^{Піццарркі}
 друга; згідно з відомим листом його до графа Піццарркі, Франческо да-Броссано, ясно видно, яка була дружба, що з'єднала обох великих „trientisti“ (як їх називали італійці свого часу). Всього відома, що печаль по Піццарркі ускорила смерть і самого Боккаччо, без чого вже в останні дні поета хворавши. Він помер в Сервалдо 21 грудня 1375 г. Гробниця поета, на кладбищі церкви в Сервалдо, була знищена в часи революції в Тоскані, і кошик поета вийнятий з гробу. Правосходна бібліотека Боккаччо, зібрана ним згідно з св. Духом, згоріла при пожежі 1471 г. со всіма згаданими і автографами. Остання його вилася в Castello Castaldo, в 2-х годині відстані від Флоренції по залізничній дорозі, впрямку в напрямку від підтримуваного поета, скромний дім його в Сервалдо.

Продукції Боккаччо розпадаються на італійську і латинську.

1. Італійська продукція.

Першою з відомих творів Боккаччо на італійській мові була поема „Тезеїда“, написана окремими і присвячена Фріаммерці (принцесі Маріні). Поема складається з 12 книг і містить в собі 9,000 віршів. Сюжет її — історія Архіуса і Памелони, синів Сиванського царя Кроноса, взятих в полон Тезеєм і привезених в Афіни, де вони вступили в шлюб з Деметрією, сестрою царя Афінополіса, Гипполітом,

на которой женился Тезей, победив ее. Оба обозначены кля-
нутой в любви предлежью своей сураси, но Тезей дает свободу
Архирасу с условием, чтобы он не возвращался в Афины, под
судом смертной казни. Однако Архирас снова возвращается
в услужение к Тезею, под псевдонимом имени (Архир), не
узнаваемый никем, кроме Эмили. Однажды, когда он, лежа
под деревом, жалуетя вступу на свою судьбу, жалоба эта
подслушивается Палемом, и соперники верунагов в одиночку.
Тезей, протезая мимо на охоту, в сопровождении Эмили,
вслушивается их разговор и присуждает их - возобновить
единоборство на афинском амфитеатре. Наградой победив-
шему должна быть Эмilia, победительницей будеть ее раба.
Архир (Архирас) победитель, но умирает через несколько
дней после победы, упав с лошади. Эмilia хочет после
договор за ним в могилу, но Палемом убивает ее выйдя
за него замуж, и отпущенный им свадьба оканчивается по,
Эма.

Не смотря на ее заглавие, героиня поэмы является не Тезей,
а двое афинских юношей, Архирас и Архир и Палемом,
сыновья афинского царя. Попад в плен к Тезею, они оба
влюбляются в Эмили, сестру заповожденной жемье Тезея
царицы амазонок. Из их взаимной дружбы, из любви
и соперничества возникают разные интересные положения,
удачно изобретенная и сопоставленная автором. Это ни-
сколько не классический, а скорее средневековый, рыцарский
сюжет. И как показано, что и здесь герои древности

получают облик средневековых, такие как и к самому дийвину приключенья разных перен. Взгляд из рыцарского обидея. В лице Палемона, Хорд и подвизденного Арци, Золь (Арциасоль) в происхождении в приключении всего аонического двора поединка, но величие смерти своего произника, охватывающего обладателя красавицы, Боккаччо изобразил самого себя, тогда как в дань сердца аничного героя снидея видят Фраммеру; но впрочем и в золь своем произведении поэты не разоблачили вполне дийви. Зельского характера отношений, существовавших между ними и неаполитанской принцессой. Эзель созреть несколько раз разбабавался в лихорадку и, между прочим, зрелья анг. лихисими поэтами: Эсероль, Флетпероль и Драйденоль. Эзой поэма Боккаччо подражала Эсерь именно в свайль "Кентерберийские рассказы" (рассказ рыцаря). ¹ Canterbury tales

Другая эпическая поэма, "Филосурахо" (человек подвизден, ний любовь), в 10 пьесах, ильвер своим сюжетом одань из эпизодов Троянской войны. Эра поэма произе по вымыслу и глудне по чубезу: Тройль, сам Триама, страстно влюбли в красавицу Хризейду, дочь Калхаса, зройнского епископа². Влюбленные наслаждаются счастьем, пока Калхас не оздрав. лдеет в лагерь греков - просит перемирия. Ибо положение дань вынуждает зройнцева просит греков о перемирии. Эго дарит зройнцам под условием выдачи Хризейды в одиче на Антенора. Хризейда, оздравленная в грекесий лагерь с ведением переговоров с зройнцами Диомедом, скоро

¹ Наконец, после долгих сражений, они достигают взаимности со стороны Хризейды.

удивляется въ ^{заст.} его сравненіи, поддаётся его убожаніямъ и изъясняетъ Трою, которой, узнавъ о роки въ сонныхъ виденіи, впадаетъ въ отчаяніе, выраженное поэтомъ съ болшими губевою и правдою. По возобновленіи военныхъ дѣйствій, Троя, окончательно убожившись въ невѣрности своей возлюбленной, ищетъ смерти и умираетъ въ бурю съ греками.

Въ средневековыхъ поэмахъ, откуда и на зорь разъ поэтическивался Боккаччо, Калхаль — не греческій царь, какимъ отъ являлся у Гомера, а троянскій, до яко передалъ грекамъ въ виду предсудящей гибели Трои. Подъ видомъ взаимныхъ отношеній Троя и Хризейда, Боккаччо какъ будто изобразилъ свою любовь къ Фриямелле. И эрик произведеніемъ Боккаччо Тосеръ какъ будто воспоминаніе въ своей поэмѣ „Troilus and Creside“, въ свою очередь подготовившей драму Мекснера подъ злымъ же названіемъ.

Третья, небольшая поэма, „Il Ninfe Fiesolano“, пересказъ мифологическій разсказъ. Поэма есть, какъ бы, такъ, собственно аллегорическое воспроизведеніе дѣйствій, сублимнаго происшествія, случившагося во времена Боккаччо. Въ стихотвореніи разсказывается, что въ роцѣ на холмѣ Фридале, пресиде основанія города зого же имени, обитала дiana съ своими нимфами. Одна изъ нимф, по имени Менсола, увлекается сраженіемъ къ молодой пасуры Африко, ввела его во время купанья въ свою купальню и нарушила обѣтъ цѣломудрія. Разъ нимфа

У Манр., Li romans de Troie Tome de Sene-Mora (и. XIII вѣка).

запоздала явиться на свидание и засравила заок долго
 сидит своего возлюбленного, что роко, мужливый сонить.
 видки и горель, убиваеть себя, а менсала, въ отчаянн
 оу преидевременной кончины своего возлюбленного, раз,
 рьшаеся оу бремени раньше срока. Разньвакмад
 Diana, узнав о случившемся, превращаеть нифу въ воды
 ручья, въ которой за бросилася мр бодзи предъ богиней за
 свой прозупокъ. До насродней поры два ручья, ниспадаю,
 ция съ высотъ, на которойль расположено городъ фрезоле,
 и сливаюцисся пороу въ соседней долине, пояръ записуево,
 батный мр поэма Боккалио названид: менсала и Африко.

Сверхат, большая поэма, принадлежуеть кохорой поэту
 признаеся не всеми коментаторами, "La Visione amozosa"
 или "L'Amozosa visione" (модовное видение) написана зер,
 цитали. Въ подразнатие "Триуналь" Петрарки, Боккалио
 написал еще эту тисро аллегорическую поэму "La Visione
 amozosa": во сть поэу видирь себя въ храмъ Фрорурн, при,
 чель послъдовательно описываеся зорнесрво мудрости,
 Славы, Богазрва, любви и Счастья. Это собрание примрорв
 зорнесрва мудрости, славы, Богазрва, любви и счастья, очевид,
 но задумано, именно^{но} идеаль Петрарковиль Гюонфи. Дийсрву.
 юцили лицили въ аллегорин — все знаменитые люди древ,
 нило и новаго мира, оу героув классической Трещин до рнца,
 реи круглаго стола. — Перцима, вычъсению кохорой болне
 звучного октавой въ закой мрть содъисрвовалъ самъ Бок.
 каго, являеся здесь уже на нури къ упадку, закъ какъ къ

ней прилипливающей изысканная прикраса въ родъ того, что начальная буква герцаговъ образуетъ акросуишь все той же Фриаммерды, въ формѣ двухъ сонетовъ и канцонъ. Стихотворение это очень монотонно.

Тяжелое имя Боккаччи сочиненіи Боккаччо (въ стихахъ и прозѣ) — Ameto ovvero commedia delle Ninfie Fiorentine (Амето или комедія о флорентинскихъ нимфахъ). Содержаніе и дѣйствія Боккаччо составляютъ рассказы семи нимфъ о любовныхъ ихъ приключеніяхъ. Въ числѣ молодыхъ нимфъ фигурируетъ и Фриаммерда, рассказывающая Амету о своей любви къ пасуху Калсону. Они вѣсь сжаратся поочередно, но привлекаетъ къ себѣ сердце Амета, который выслушивая ихъ въ сообществѣ пасуховъ и охотниковъ. Киммералъ удавая посвещенно обладаетъ грудами пасуховъ, который вслѣдствіе этого преобразуется въ совершеннѣйшаго рожь. Въ заключеніе, семь нимфъ должны въ абзоромъ въ свои сльъ семи христіанскихъ добродѣтелей.

Эта аллегорическая, пасухическая драма происходитъ въ окрестностяхъ Герзалдо. Здѣсь упомянутыя нимфы рассказываютъ другъ другу свои любовныя приключенія. Каждый рассказъ кончается элогомъ, въ формѣ герцима, и вся драма — древнѣйшее пасухическое произведеніе по вою мизеражури, сдѣлавшееся образцомъ всѣмъ позднейшимъ пасухическимъ произведеніямъ. Названіе свое драма получила отъ молодого охотника Амета, влюбленнаго въ нимфу Лито и представляющаго въ обществѣ пасуховъ

и мифы, похоти и козоры - аллегория мифических событий
 того времени. Под образами мифов, мифов быт, скрывается
 какое и как-то из современности поэты, флорентинскими
 дамы. Вся поэзия отличается прозой, сообразуясь с духом
 буколического содержания; поэзия отличается силой и округ-
 ленностью фразы, а стихи - плавного и образованного верси-
 фикацией. Эда в переписку прозой и стихами написан-
 ная буколическая идиллия „Амето“ или „Ninfa de Ameto“
 стала предтечей всей италънской пастушеской поэзии;
 она именно первообразом стала знаменитой в XVI столетии,
 гим идиллии „Аркадия“ Сантазаро.

Эти нами уже пройденная поэма: „Тезейда“, „Фило-
 сфаго“, „Мифы Фрезоле“ и „Амето“ относятся к порядку
 романтически поэмы Боккаччо. Она написана окла-
 дами - франсами, заключающими в себя по восьми
 11-ти сложенными стихами - эта стихотворная форма, весьма
 усовершенствованная Боккаччо и с тех пор ставшая
 обычной для италънской романтической поэмы.

Первый опыт Боккаччо в новеллистической прозе -
 роман „Философ“ (7 частей): он сформирован и
 представляется собой, в сущности, переделку весьма
 популярной в средние века старо-французской роман-
 тической поэмы о Флоре и Бланшфлоре „Flore et Blanche-
 fleur“. Другими словами, это италънская редакция старого
 французского романа о Флоре и Бланшфлоре, рассказ
 о своей даме, средневековая дуэсно-наивная новелла,

написанная напѣщенной прозою. Въ второй книгѣ герой
 романа, Флоріо, присуствуетъ на засѣданіи подобнаго
 суда (corte d'amore), гдѣ происходили пренія о дригальцахъ
 вопросахъ, касающихся любви. Въ вопросахъ, получившіе на-
 гало въ Провансѣ, составили почти самую главную часть всего
 романа. Содержаніе его заключается въ любви Флоріо, испан-
 скаго принца, къ Бланкофлорѣ, сиротѣ, воспитанной при
 дворѣ его отца. Чтобы отклонить своего сына отъ неравнаго
 брака, король продаетъ Бланкофлору азіатскимъ купцамъ.
 Флоріо отправляется на поиски и, послѣ многострадальнаго при-
 кошенія и опасностей, находитъ своего возлюбленную,
 женился на ней (не безъ содѣйствія, однако, боговъ — Марса
 и Венеры), дѣлается христіаниномъ, обращаетъ многихъ
 въ христіанство, проживаетъ въ сказіи до ста лѣтъ и умираетъ,
 оставивъ въ одинъ день съ супругой. Песняра, безвкусная смесь
 измышляема съ христіанствомъ ставитъ здѣсь романъ ниже
 всякой критики. Злоупредѣленія мисологіей здѣсь дошли,
 часть крайнихъ своихъ предѣловъ: досадно сказавъ,
 что въ романѣ Плуронъ передо我们有 рыцаремъ, она
 называется напѣщенной книгой, которая сама явилась
 ему для возвышенія своей воли, отъ которой онъ получа-
 етъ приказанія до лунно, до черезъ Ириду. (Словомъ, „Фило-
 коно“ далеко уступаютъ въ дождливости, Фридрихъ, о
 которой мы должны теперь распространиться).

Гораздо выше, въ литературѣ и въ историческомъ от-
 ношеніи, другой романъ Боккаччо: „Fiammetta“ или

„L'amorosa Fiammetta“ (Влюбленная Фрэнкмерца). Въ звуч-
 кой, хотя немного напущенной прозе Фрэнкмерца изобра-
 жаетъ съзвоніа влюбленной женщины, разлученной съ сво-
 имъ возлюбленнымъ. Фрэнкмерца, замужняя женщина,
 живущая сначала счастливо съ своимъ мужемъ, но потомъ
 вдругъ увлекается любовью къ прекрасному юному Панфилю.
 Грустная, взволнованная, возвращается она домой съ обид-
 ми, где въ первый разъ убивала предмерь своей срааси. Съа-
 радъ пѣвца узнаетъ ея тайну и съ помощью чирекаки пред-
 озергаетъ ея нагубныхъ послѣдствій этой несчастной сра-
 сии. Но въ кошмару ея являеться Венера, объявляетъ ей суц-
 ность и непреодолимое могущество любви, подкрѣпляетъ
 свои доводы примѣрами боговъ и героевъ, убѣждаетъ оставить
 напрасныя усилія побѣдить это могущество и советуетъ сми-
 ренно покориться ему. Любовь Фрэнкмерца усиливается, и на-
 ло-по-малу богиня посвящаетъ ее во все тайны любви,
 лихроси и приворова, — зрѣть необходимая спутниковъ
 всякой запретной срааси. Фрэнкмерца сама удивляется огром-
 ному знанію своего когда-то невиннаго сердца. Она съ удо-
 вольствіемъ замечаетъ, что ея молодой возлюбленному обо-
 янно любви, и умножь приобретаетъ къ лихроси, чтобы ни-
 кто не обнаружилъ своей тайны: приобретаетъ доброе
 родство съ своимъ возлюбленнымъ, дружбу ея супруга, и
 наконецъ оба достигаютъ цѣли своихъ суремленій. Но
 желанія героини не удовлетворяются. Въ одну ночь къ Фрэн-

перуть двидаетъ Панфило и объявляетъ, что оны должны осрабуть
 се, потому что старый, безпомощный другъ зоветь его къ себѣ.
 Фриаммеръ поразена и со всякой могущесвобой любви црва,
 риваетъ сло осрабуть. Юноша непреклоненъ, съобвннл одѣ,
 замкоеть для него свидѣннл; но оны даеть и лдубу въ
 вточной вяркоети и обдощаетъ скоро вернеться. Сцена раз-
 лужи огенъ угрожаетъ. Панфило цтознаеть, и фриаммеръ,
 за осрабуть одна съ своей срабутью, муками и надеждани.
 Приходитъ день, назначенный для возвращенія Панфило,
 а его ндуть! Тогда овладываетъ его вся волненія срабутьи.
 Ед помонетіе срамовиеть еще уснастнее, когда она пому,
 каеть извощіе, что Панфило женился въ далекой срабутьи.
 Тотменсубо ед безиредитльно и высказываетъ въ знерши,
 маель возгласахъ прозубъ измѣнника. Она расказываетъ,
 что оуданетъ ему... Но время мало-по-малу успокоиваетъ
 взривъ ревности, и фриаммеръ жмелаетъ возвращенія Пан-
 фило, даме находитъ, что жениуба его вовсе не пресржи-
 ление. Потому она снова разрастаетъ прокльрднми
 и жалобани зо прозубъ Венери, которая обманула ее,
 зо прозубъ невѣрнаго Панфило. Наконецъ ищутъ ед за,
 мѣлаеть это болотнениое, мхордочное соордніе и цво,
 зить ее на земляя воды въ Байи; — но чудная природа,
 пышная праздники, роскошныя зурсиры — не могутъ
 разсвдз ед скорби. Въ отчаяніи она хотеть броситьсѣ
 съ высокой башни своего дома, но кормилица подостываетъ

во-время и спасает ее. Фридрих сравнивает судьбу свою с судьбой всяких знаменитых любовников и любовниц древности и находить, что ничто из них не было до такой степени удручено несчастьями и печалью.

Романъ весьма беденъ дѣйствіемъ, или оно очень мало, и страницы наполнены длинными разговорами, злымъ болелье скучными, какъ какъ почти весь романъ состоитъ въ передачѣ чувствъ героини, болѣею частью съ ея усами, и такъ, забываемыхъ съ начала въ утробѣ счастливой любови къ Танфило, а потомъ, послѣ разлуки съ нимъ, вѣроятно съ сопроводяемой измѣною, подъ знакомъ отчаянія, чувств не доводящихъ несчастную до самоубійства. Но недочетовъ дѣйствій вознаграждаетъ замѣчательное знание психологическимъ анализомъ, неподражаемого срастательного тона и превосходнымъ языкомъ. Вообще въ романѣ видно глубокое знаніе человеческого сердца, и движенія его изображены съ удивительною вѣрностью и зоркостью. Весь сюжетъ, какъ несчастной срасти воспроизведенъ чрезвычайно правдиво, хотя и въ нѣсколько утрированной по своему общему образу формѣ діалога или монологической декламации; но злымъ не менѣе зрѣлъ романъ и теперь (еще въ Балтичѣ мѣрѣ, тѣмъ Vita Nuova Данте) значеніе родоначальника психологической новеллистической на Западѣ и (прикидая въ раздѣлѣ разницу во времени происшествій) можетъ быть сопоставленъ съ такими произведеніями, какъ „Кобальд Моуза“ Руссо и „Сраданія молодого Вертера“ Тѣмпе.

Крупный недооцененный, но талантливый поэт, какъ названного, такъ и нами уже пройденныхъ произведений Боккаччо составляетъ чрезвычайная приливность элементовъ, заимствованныхъ изъ классической мифологии, и походящее сурреальное вводитъ аллюгорично; но последнее можно въ духе того времени, тогда какъ сфера Боккаччо антики, зировавъ происходила изъ его близкого знакомства съ до, сурреальными тогда авторами древности. Таковъ или иначе, риторическая элегия — какого является эссе романовъ „Фрэнк, мекка“ — (на подобие Дантовой „Вита nuova“ это произведение какъ разъ посвящено прославлению возлюбленной поэта, которая, какъ мы знаемъ, жила при неаполитанскомъ дворе и была замкнута въ трагическую судьбу королевы Иоанны) содержитъ въ себѣ великолѣпная поэтическая мифа и отличается неутрачено психологической глубиной, не смотря на всю свою риторическую и мифологическую оболочку. Хотя внешнею цѣлью вводить недооцененный дилемма, которое поэтъ замкнута длинными, утонченными разговорами и монологами, однако лучшая мифа „Декамерона“, главнѣйшаго зрѣща Боккаччо, къ разсказанію котораго мы должны теперь перейти, касаясь только оглобочко „Фрэнк, мекка“.

Произведение, доставившее Боккаччо въкобучу, безсмертную славу, есть „Декамеронъ“ (Decamerone). Название этого произведения происходитъ отъ греческаго δέκα — десять и ήμερα — день, такъ какъ книга дѣлится на десять дней, и

1) Körtling, Rocassio, стр. 351 (письмо Колонно Саломари по поводу смерти Боккаччо, и замѣтка стр. 435—38 (ср. Körtling, Rocassio, стр. 657 и слѣд).

Въ каждый изъ нихъ разсказывается по десяти новелль, изъ
 чего это произведение иногда обозначалось также просто
 словами „Cento novelle“ (Сто новелль). „Декамеронъ“ написанъ
 въ 1348 г., въ эпоху, когда страшная чума опустошала Фло-
 ренцію (по Виллани, Эпидемія унесла зами до 50 тысячъ
 жертвъ), и оконченъ въ 1351. Въ началъ своего произведенія
 Боккаччо помѣстилъ описание чумы и оцѣнку ея, быв-
 шихъ причинъ происхожденія „Декамерона“. Семь ^{сестеръ}моло-
 даковъ дворянъ — изъ высшихъ и образованныхъ красавицъ —
 Пампиния, Фриаммерца, Фриломела, Эмилія, Лауретта, Кефри-
 ла, Элиза — собрались въ одно утро въ церкви Santa Maria
 Novella во Флоренціи; ни одна изъ нихъ не переступала
 еще за 28 лѣтъ, ни одна не вышла изъ мѣны 18-ти; каки,
 да и изъ нихъ была чума, прекрасна, безукоризненной нрав-
 ственности и благоприсущей рѣчи. По совѣту старшей
 изъ нихъ, Пампинии, онѣ рѣшили съѣздить опустошаемой
 чумою городъ и отправившись въ одну изъ загородныхъ виллъ,
 чтобы предаваться тамъ веселымъ удовольствіямъ, не пресеку-
 ная однако границу благоразумія и чести. Во время ихъ
 собираній, входя въ церковь ррое молодиль людей, изъ
 которыхъ самому младшему было однако не мѣнее 25 лѣтъ.
 Ни бѣдствія злого вѣщети, ни похоръ друзей и родныхъ, ни
 опасности, которыхъ подвергались они сами, не могли за-
 сѣвать ихъ забыть любовные интересы. Памфило, Фрило-
 мела и Діонео — какъ звали юношей — присоединяются
 къ семи дамамъ, изъ которыхъ съ иными они были связаны

узлами родства, — и весь десверро управляется въ виллу за
двѣ мили отъ Флоренціи. Описанія окрестностей города, ве-
ликолепныхъ зданій виллы и увеселеній маленскаго об-
щества представляють картину съ нравственными картинками
бюджетній, поурядившихъ Флоренцію. Первая сцена переноситъ
насъ на арену смерти и опусхоженія, и ни Сципиидъ, ни
Лукрецій не изображали такими нравственными и утѣшитель-
ными красками этого великаго бима рода человеческого. ✕

Вселеній кружокъ избираетъ изъ своей среды царицу, коро-
рѣя и назначаетъ закладъ и развлеченія, на каждый изъ
дней, проведенныхъ обществомъ за-городомъ. Поухъ какъ про-
водили свое время добровольные изгнанники: „пресиде нтъ
солнце васоко стѣновилосъ на небо, подавали обѣдъ, со-
судившій болшею частью изъ разныхъ пеленій и вина;
около полудня собирались весь у фонтана, выбирали ко-
роля и королеву для управления обществомъ, каждый
гласъ котораго обязанъ былъ разказать какую-нибудь
исторію. Когда кончался новелла, весь садился за ужинъ
или поздній обѣдъ и заключали день музыкой, танцами
и танцами“. На весь дни опредѣляется тема разказовъ
о комическихъ или печальныхъ случаяхъ жизни, о бле-
стящихъ примѣрахъ великодушія и т. п. Только одинъ
изъ всего общества, Дионео, былъ освобожденъ отъ этого
правила и могъ выбирать какой предметъ, какой ему
вздумается. Разказывали онъ всегда послѣдній и всегда
самый соблазнительный вещи. Только въ первый день,

каждый рассказывает что хочется, острочинки ржачи и колкие шутки сантлодея градоны. На 2-й день королева-царица назначаетъ делу: исторіи о рыцарь, которые прозвѣтъ омиданія счастья и побѣдъ различныхъ несчастій; на 3-й день, — предметомъ разговоровъ опредѣляется предметъ счастья; на 4-й рассказываются любовныя похождения, иль вѣтъ трагическую развязку; на 5-й разіи тамъ похождения, при неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, иль вѣтъ счастья ко, мѣтъ; герои 6-го дня избавляются отъ всякихъ опасностей крас, ными словами и колкими отбѣтами; въ 7-ой рассказыва, ется о хитрости протѣкахъ, которыхъ лукавый темъ обман, нываетъ своихъ легкомысленныхъ суруговъ и т. д.² Какъ видно, для каждаго дня выбирается изъ всѣхъ родовъ приключеній, такъ что всѣ десять рассказовъ составляютъ отдельную серію повѣстей, болѣе или менѣе всезрѣтне и сгертывающихся одну другую иже, служащую для нихъ какъ бы основой.

Дворецъ, описанный въ началѣ 3-го дня, есть Villa Pal. тисті, а долина, изображенная въ концѣ 3-го дня, она сама, на которой и теперь съ восторгомъ любоваются туристы съ высоты Фризонны. Содержание повѣстей заимствовано во изъ историческихъ событій, описаніе городовъ можно найди у историковъ того времени — Виллани флорентинскаго, Ма, Дзелло, Кампаниле неаполитанскаго, Бонифацио зрѣвиз, скаго, Гумальди болонскаго и др., во изъ провансалскихъ балладъ и легендъ, французскихъ и другихъ итоскранскихъ фабль, во изъ городскихъ анекдотовъ, во изъ содѣвленной франкзій.

1) и все рассказы этого дня оулаются весьма болѣе содержательны; 2) наконецъ, все рассказы 10-го дня вполне нравственны (въ томъ числѣ, за, клонительная въ декамеронѣ знаменитая повѣсть о Тризелдѣ, переведенная на латинскій языкъ Петраркой и не разъ обработанная поэтами для сцены).

Сцало-бафт, при составлении своего „Декамерона“ Боккаччо пользовался частото двойствительными происшествиями, которые изложены (конечно с меньшими искусством) и в разных итальянских хрониках, газетох же больше рамками новеллами, а также суживорками легендами, балладами, и, наконец, жившими в устах народа и иногда весьма издавна, напр., из Индии, замесными рассказами; но отов чиньяль все ихъ обновилъ своимъ творческимъ гениемъ, и возвелъ ихъ на ступени художественной созданій искусства съ поточество психологической глубины и правдивости, отличающихъ его изложение, до художества которого ^{еще} возвышается прелестью его живописного, колоритного языка. Глубоко въ нихъ осмыслена, слабая и дурная сторона человеческого сердца раскрыта, безъ поучений и ненависти къ людямъ. Моментальные продолжки смѣняются происшествиями интимно-эротическими. Редко видно глубокое знание быта и человеческого сердца: Боккаччо выводитъ въ своихъ рассказахъ обманщиковъ и обмануемыхъ, скрягъ и разбратниковъ, мздолюбъ, шидовъ, азычниковъ и христіанъ, дакъ и рыцарей, пилигримовъ, героевъ и разбойниковъ, лицемеровъ и глумцовъ, королей, папъ и больше всего — монаховъ; ни одинъ изъ итальянскихъ писателей не обладалъ въ такой высокой степени комической силой, захватывающей людей смѣхъ надъ ихъ содурственными слабостями. Боккаччо безпоизадно бичуетъ поповъ и монаховъ, всегда презира,

1) U. Novellino' g. Biagi, 1880, Firenze.
2) Decamerone' Tomiani, 3 v. 1857-63.

У Сл. Marcus Lindau, Die Quellen des Decamerons. 2-te Aufl. 1884 Stuttgart. Въ этихъ писателяхъ источники Боккаччо новеллы и итальянскій сборникъ, издававшийся подъ заглавіемъ „cento novelle antiche“ или „il Novellino“, — но однимъ составителемъ въ XIII в. однимъ изъ многихъ, по другимъ — въ XIII — XIV в. несконечными издателями. Объ этомъ спорно въ вопросе сл. Lindau, стр. 124 и сл. (ср. Гагаринъ, вост. ст. 184 — 174 р.) Лучшее издание: 1770

еломъ въ Италіи, но въ короткихъ разсказахъ его доходятъ до цинизма. Вошь, въ видѣ прилива, сонный пересказъ одной новеллы, припад. лощицей къ числу направленныхъ прозубъ духовенства разсказовъ Боккаччо.

Денъ I-й, новелла 2-я. Доманоззо, парижскій купецъ, живущъ въ большой дружбѣ съ однимъ евреемъ Авраамомъ и употребляетъ все усилія, чтобы обратить его въ христіанство. Наконецъ Авраамъ обѣщается перемѣнить вошу, если, побывавъ въ Римѣ, онъ увидитъ, что поведеніе духовенства, это новый законъ лучше стараго. Доманоззо приказываетъ ораторить его отъ этого намѣренія, вполне увѣреннымъ, что если еврей увидитъ своими глазами распухшее виситище церковниковъ, онъ и дуракъ забудетъ о христіанствѣ. Но Авраамъ ощущаетъ зверь въ своемъ ртне, ни и, пригласивъ въ Римъ, убеждаетъ, что папа, кардиналы и прелаты предаются всевозможнымъ порокамъ. Возвратившись въ Парижъ, онъ, къ величайшему удивленію Доманоззо, изъясняетъ желаніе креститься, какъ какъ по его убѣжденію религія, которая, не смотря на полнѣйшую пригодность своимъ служителямъ, существуетъ какъ долго и еще распространяется по всей землѣ, должна быть единой истиной.

Настѣшки надъ духовенствомъ навлекли на Боккаччо жестокія преслѣдованія. Двѣсти лѣтъ спустя послѣ перваго появленія „Декамерона“ въ рукописи, на Триденцкомъ соборѣ отъ помѣщенъ было въ росписъ запрещенныхъ книгъ (index), и сформъ ханъ до тѣхъ поръ, пока не были очищены отъ всякихъ подозрительныхъ, но не соблазнительныхъ мисуръ;

за это последнее свойство книгу сочили приверженцы Савона-
рола. Чтобы воздвигнуть „Декамеронъ“ въ претинахъ его вѣдь,
по приказанію великаго герцога флорентинскаго Козима I, были
ведены серьезные дипломатическіе переговоры между вице-
королемъ флорентинскимъ филологомъ, и необразованнымъ испан-
цемъ, которому поручена была цензурная дѣла въ Римѣ.
Вся литература, въ которой ослѣпляется духовенство, должна
была быть изгнана, какъ образъ, что въ нихъ вице-
король лишь должны были дѣйствовать и говорить кун-
цы, судьи, судьи и пр. Въ законѣ искаженномъ видѣ из-
даніе появилось въ 1574 г. Но еще самовольные, чѣмъ рим-
скіе монахи, оказался Леоардо Салвиати, котораго, по при-
казанію великаго герцога Франческо, предпринялъ новый
пересмотръ „Декамерона“. Въ его изданіи измѣнены да-
же главы и названія; главы передвинуты и сокраще-
ны, — и потому это произведеніе до сих поръ своему винов-
нику названіе pubblico notario assassino (публичной и всѣмъ
известной удѣлки). Настоящий „Декамеронъ“ появился въ
Миланѣ только въ XVIII столѣтіи; больше еще различныя из-
данія были ^{всѣ} изданы тогда библиографами и спекуляторами.
„Декамеронъ“, это сборникъ съ повелій, или сочиненіе
это состоитъ изъ съ повелій, разделенныхъ на 10 дней и въ
каждый день больше гаетъ изъ чрезвычайно разнообразныхъ въ
то время французскихъ фавль (fabliaux) и другихъ разска-
зовъ. Боккаччо переработалъ ихъ грубой массой въ издѣльно-
художественную форму итальянскихъ повелій. Самкой для

этого множества художественных рассказов слушать история
 деядри молодых людей, козоров, спасает от глупы, свиробы,
 существующей во Флоренции, удаляется в окаробазельскую по
 своему мисроположению виллу, описание козоров, такие
 какъ и образа жизни въ вренментныхъ обшачелей, оулигаеу,
 съ замглазельной роскошью красокъ и богачства языка.
 Въ своей совокупности повеллы „Декамерона“ представляются
 своего рода не бошесуветной, комедией челоуеческой жизни;
 дншсубельско, въ нихъ проходятъ, одни за другими, съ собно,
 денелью только что указаннаго порядка въ ихъ расирель,
 ленин, предохраняющаго отъ повзрелья, весь классъ и
 сословья, всевозможные челоуеческие характеры и чубелья,
 подъ вышннми формами жизни того вренмени. Хотя
 болшннство рассказовъ и оулигаются забавными юморомъ,
 сущескнми законами, не редко переходящими за пределы
 приликия, но въ сборникъ много нелюезарка и въ рассказахъ
 наезуическаго и чубельянаго характера, тогда какъ друге
 изъ нихъ оулигаются героичнми реальными драматическими. Оуно,
 сущельно крайне неприликатно по нашимъ пондхелью со-
 держаннмъ инокозоровыхъ повелль слоделью замглазель, что въ
 XIV вѣкъ взглядомъ на эпоху скаръ были иные. Такне шнн,
 съ знанелью при эпохъ и го обшодельсубелью, что безнравельен,
 нелью жоданнмъ дубельсубелью, предельавелью козорого въ ска-
 замннхъ повеллахъ шрателью обшннвенно самуо видннчу
 роль, досулила высочайшей степени.

Что каселью общаго значелья „Декамерона“, весьма бнстрелью

распространившегося в переводах на разные западно-европейские языки, но оно двойного рода: во 1-х, по отношению вообще к западным литературам, «Декамерон» соединил в себе необходимую точку развоя европейской новеллистики, являясь для нее вызывающим к подражанию и соперничеству образцом, — собственно средневековый тип, рассказа (фаблио, шванк и т. п., а также и прозаические понырки новеллы на итальянском и на французском языках, отныне XIII—XIV века) отличался крайнею наивностью тона и остротой сюжетной формы объективно суроваль остроты художественного построения, что и дало возможности «Декамерону» приобрести указанное значение, — и, во 2-х, в отношении к собственно итальянской литературе, «Декамерон» имеет огромное значение, что в нем Боккаччо является создателем итальянской прозы. Некоторые из его новелл обработаны в последние дни и для сцены. О знаменитой новелле о Тризелдо я уже упоминал. Возьмем еще ^{сказку} другую новеллу, которая послужила источником для общепозитивного эпизода о древней переняти в «Накануне мудрым» Лескина.

День 1-й, новелла 3-я. Султан Саладин хочет жениться на дочери у богатого но скупого александрийского жидка и призывает его к себе. Зная заранее, что жид не разженется охотно с своими деньгами и не желая брать законного основания придать к наследию, Саладин поднимается на жид, роет: он задает ему вопрос, какую из трех религий (мусульманской, еврейской, христианской) считает он истинною.

Въ отъѣздѣ на это мѣсто разсказывалъ исторію о родовомъ кольцѣ, съ обладаніемъ котораго было связано обладаніе всеми имѣніями; однимъ изъ его владельцев имѣлъ 3-хъ сыновей и, не желая обидѣть никого изъ нихъ, приказалъ сдѣлать 2 жюно какія же по виду кольца и далъ каждому изъ сыновей по кольцу риконско оръ его братьевъ. По смерти оръъ бѣжій сынъ сынъ, далъ свое кольцо насродичимъ и себя единственнѣйшимъ наследникомъ. Такимъ же образомъ приверженцы каждой изъ 3-хъ религій сдѣлають се единого истинного. Сурзату такъ понравилася находившееся мѣсто, что онъ охотно признался ему въ своихъ намереніяхъ, и оръъ добровольно далъ ему кузиную сумку.

Форма повелль произошла собственно прямо изъ измѣнившихся воззрѣній италіянцевъ на жизнь, и даже въ томъ случаѣ, когда содержаніе заимствовалось изъ старыхъ сказокъ, фавль старо-французской поэзіи или изъ руселитныхъ произведеній въ широкотъ родѣ, центральнымъ пунктомъ являлась индивидуальная жизнь со всеми ея особенностями и во всемъ ея значеніи. Въ подобныхъ произведеніяхъ даже самая незначительная дѣятели представляють какія стороны и черты, которыхъ оказываются двойнымъ вниманіемъ и участіемъ, между тѣмъ какъ точка надъ, молчательное, не рѣдко сопровождаемая пролическимъ отношеніемъ къ міру и его явленіямъ, соединяется съ своеобразной веселостью, возбуждаемой немечерными разнообразіемъ жизни. Италіянская повелль прежде всего

составляет рассказ, предназначенный для передачи в кругу со-
беседников; все это, следовательно, должно заключаться в
живое изложение, с юмором, ютостью и простотой, легкая шутка, и
сумасбродная выдумка, и забавная городская история в оди-
нковой манере могли заинтересовать своего слушателя, как и
какое-нибудь страшное, либо зрелищное, либо погрязающее
проникновенное или же романтическое приключение. Боккаччо
с удивительным мастерством развил эту форму и легкое
изложение в изображении его сюжета возвел в ее закон.

Одним из признаков этой эпохи возрастающая склонность к про-
зам и сочинению, неумеренное стремление к наслаждению
жизнью и к неумеренной чувственности, — все это, возник-
нувшее под влиянием изысканностей мировоззрения, нахо-
дит себе отклик в грациозных историях «Декамерона».
Примером за правило, при упоминании об этой сочинении,
можно в виду только чувственное легкомыслие и забавную
фривольность многих из его историй (которая представляется еще
более резкой, что они рассказывались при дамах и даже са-
мих дамах!); но из-за этой фривольности и цинизма
из виду, что все рассказы Боккаччо проникнуты духом
самоуважения и гуманности, глубоко уходят к судьбам
людей и вообще к человеческой жизни. Если жать прослав-
лены только грациозность Боккаччо, его восхитительная сти-
ль изложения, художественность описаний, острота и юмор-
ность характеристик, воспроизводящей одной чертой облик
всего человека, то не менее достойны уважения благородный

чужеземца и веселое добродушие, простирающийся свозь на...
слышанку и фривольность.

Не много книг имели какое влияние на литературу, как
„Декамеронъ“. Въ итальянской литературе онъ довелъ проза,
италийскій языкъ до совершенства и упрочилъ существованіе
цвѣтлой отрасли разсказовъ, прежде Боккаччо находившейся
въ грубой и необработанной видѣ. Со времени появленія
новеллы, господство флорентинскаго наречія въ литературѣ
Италіи утвердилось на прочномъ основаніи: „Декамеронъ“
сталъ авторитетомъ грамматикъ, книгою законовъ италій-
ской прозы. Ни одно произведеніе не опредѣляло въ какой
точности правилъ языка, потому что ни одно произведеніе
не было до такой степени любимымъ чтеніемъ всей націи.
Но представивъ въ своихъ новеллахъ образцовую по своей чи-
стотѣ и богатству оцѣнокъ итальянскую прозу, Боккаччо
въ то же время напалъ на оцѣнокъ итальянскихъ прозаиковъ оу-
гасилъ на ложную дорогу, искажая свой слогъ латинизиро-
ваннымъ конструкціей, благодаря чему и въ самомъ „Декаме-
ронѣ“ попадаются мѣста, страдающія запутанностью и чуж-
дого, — недосказокъ, принятыхъ еще большими размѣрами у
слѣдовавшихъ по его стопамъ позднѣйшихъ итальянскихъ
прозаиковъ.

Мы уже говорили, что поэты подъ старость раскаиваясь
въ заблужденіяхъ своей молодости. Сильнѣе всего это про-
изнесено въ поэзіи, поэты въ сочиненіи, заслу-
жившемъ за свою грубость названіе гряднаго маскильда.

Оно явилось подъ заглавиемъ: „*Il Corbaccio*“ или „*Labyrinthe d'Amo-
re*“ (Злой воронъ или лабиринтъ любви). Это довольно обшир-
ное произведение, въ сатирическомъ родѣ, исполненное юве-
наловской силы и шелли, это также въ прозѣ написанное
сочиненіе, въ которомъ Боккаччо безпощадно осмѣиваетъ
какую-то флорентинку, озлобленную равнодушіемъ на него, но,
видимому, сильною сурасею къ ней. Во снѣ являея поэту
духъ, ведетъ его въ дикую, мрачную ссрату, называющуюся
лабиринтомъ любви, и тамъ произноситъ грядущій нашествіе
на снѣщину. Содержаніе состоитъ ильня въ томъ, что по-
этъ и другъ одного ^{старого} профессора, покойнаго мужа зной флорен-
тинки, явившаяся ему изъ преисподней, бесѣдуетъ, обѣщавъ,
бываетъ взаимными озорвенностями на снѣхъ слабостей и
снѣшнскихъ ссоромъ вдовы профессора и осмѣяя ее самыми
разными упреками и насмѣшками. Будучи въ сущности
парфредомъ прозивъ отдельной личности, „лабиринтъ любви“
содержитъ въ себѣ и крайне необузданную сатиру на женъ,
ицнвъ вообще. Сочиненіе ильня двойною цѣль: показать
полнѣйшее озрженіе автора оуъ его живою сурасею (амоте
снѣала, какъ говоритъ Боккаччо) и оуънеуть прекрасному
полу, „снѣграбшаму съ нилья не одну плохую шурку“. Мравъ.
Яцнвъ цѣннудъ Это произведение за обиліе въ немъ мравъ,
нилья, снѣро флорентинскихъ оборотовъ рчи, за богатство
едъ языка.

Кромѣ приведенныхъ произведеній, Боккаччо написалъ
на итальянскомъ языкѣ также нѣсколко посланій и три

История итальянской литературы XIV и XV вв.

сочинений, составляющих плод его усердного изучения Данте: одно из них — "Vita di Dante" („Жизнь Данте“); другое — более обширное и озаглавленное "Origine, Vita e Costumi di Dante" (Происхождение, жизнь и нравы — обычай Данте), и третье — "Il Comento" („Комментарий“ к „Божественной Комедии“), составившийся из чужеземных слов, в последние годы жизни, опубликованных лекций о поэме Данте, Комментарий заключает в себя разбор 16-ти первых пьес „Ада“, Комментарий остановился на 17 стихах 17 пьесы. „Vita di Dante“ (Жизнь Данте) — произведение полного сил и одушевления, за что часто недо-свернутое. За романтическое изложение своего предмета Боккаччо заслуживает гордые упреки своих согражданов.“

Къ самому последнему времени жизни Боккаччо отно- сясь одно произведение, написанное ^{имъ} даже по итальянски (если только оно не подделка XVI века), — это благоговейно-назидательная повесть, подъ заглавиемъ "Ивано" („цивилизованный, образованный“), ее сюжетомъ, заимствованнымъ изъ распроеданной в средние века легенды о Косеянцине Великомъ. Прозаический рассказ „Ивано“ огуломъ подобными же пре- илуциевали и написаны в одинаковой манере с больше обширными и серьезными повестями „Декамерона“.

Почти безъ исключения все многочисленных поэтических произведений Боккаччо введены ему любовью къ дочери ко- роля Роберта, Марии-Фриамурре, — „Философ“ написан по ея поручению; „Тесеиде“ и „Филострато“ посвящены ей, свидетелемъ, судья в то же время об образованности Марии-Фриамурре,

1) Вот эти перечисленные сочинения издали отдельно Миланеи (1863, Фиренца), они не вошли в полное собрание итальянских сочинений Боккаччо, изданное Монтес в 17 томах (1829-37, Фиренца).

Такъ какъ итакъ Боккаччо едва ли могъ бы посвящать ей эту изобилующую мифологическими подробностями произведение; въ „Фрамменту“ (или въ „Влюбленной Фрамменту“ — *L'Amorosa Frammenta*) она сама является героиней, а „Амето“, „Amorosa Visione“ (Любовное видение), „Ninfale Fiesolano“ и даже „Дека, меромъ“ преисполнены обращенными къ ней похвалами; въ большинстве лирическихъ сочиненій воспевается же она Фрамменту даже по ея смерти; нѣкогда еще изъ этого рода сонетовъ Боккаччо отличался высокими поэтическими достоинствами.

2. Латинскія произведенія.

Боккаччо писалъ, въ особенности въ послѣднiе годы, много на латинскомъ языкѣ. Это болѣе всего гасяго ученая сочиненiя, доказывающiя близкое знакомство автора съ классическими произведенiями. Въ этихъ латинскихъ, даже многочисленныхъ произведенiяхъ — 16 эклогъ, писемъ, нѣсколькo ученыхъ трагедiевъ — слышу здѣсь только нѣсколькo словъ. Главная изъ нихъ: „De genealogia deorum“ („О генеалогiи боговъ“) — лирич. журналъ энциклопедiя мифологiи, въ 15-ти томахъ. Она содер. также въ послѣдней своей, XV-ой книгѣ, интересная автобиографическiя данныя. Далѣе, „De montibus, sylvis, fontibus“ и пр. (О горахъ, лѣсахъ, источникахъ и пр.), это — географическiй трактатъ въ формѣ словаря; потомъ „De casibus virorum et feminarum illustrium“ (9 книгъ — два биографическiя сочиненiя о знаменитыхъ мужахъ и женщинахъ [De casibus virorum et feminarum illustrium, 9 книгъ] и „De claris mulieribus —

И на итальянскiй языкъ переведены Corazzini (Lettere edite ed inedite di messer Gio. Boccaccio, tradotte e commentate. 1877. Firenze).

Биографию описывает отъ Эвы до Жоанны (Манны) Меконли, замской. Боккаччо писалъ языке латинскій Эклоги, но отъ языкъ не мезамитраженствы, какъ и вообще произведеній его на Этомъ Языкѣ. —

А. г. г. Мы приближаемся къ концу нашего изложения литературной деятельности Боккаччо. Боккаччо сдѣлалъ тоже для итальянской прозы, что Данте и Петрарка для поэзии: отъ образовалъ литературный языкъ, создалъ кромѣ того особъ родъ повелѣвъ, легкихъ разсказовъ, чрезвычайно художественныхъ, преимущественно эротическаго содержания. Языкъ Этомъ развился еще у провансальцевъ, а въ северной Франціи назывался фавльсо (фавльсамъ). Происхожденіе Этомъ недолгихъ разсказовъ, го пасторальскаго, го шутилъ, ваго, го сатирическаго содержания восходитъ къ глубокой древности, и начало ихъ надо искать въ „Паннатануртѣ“ и „Тузонадестѣ“. Последняя книга, распросуранившаяся съ чала въ Греціи въ XIII вѣкѣ, была переведена съ еврейскаго на латинскій языкъ, потомъ на испанскій. На итальянскомъ, она явилась въ позднѣйшей обработкѣ французской. „Мезоритъ о семи мудрецахъ“ также воезотнаго происхожденія и разсказъ „Disciplina clericale“, замечувантвое у иавриуанскыхъ сказочниковъ испанскихъ евреевъ Петровъ Алфонсовъ, переведенннхъ въ христіанство въ 1106 году, послужили образцами итальянскихъ повелѣвъ, явившихся въ концѣ XIII вѣка подъ названіемъ: „Cento Novelle antiche“ („О старинныхъ повѣстей“). Составитель Этого сборника, кромѣ французскихъ

1) См. Мух. Вселір. Изв. В. Зорова. Томъ I, стр. 38-40.

фаблио, пользовался старыми хрониками, рыцарскими романами, анекдотами, народными шутками. Трудая форма эдилья разказовъ нравилася народу и, собирая подобныя новеллы, Боккаччо придавалъ имъ лиуэрацурныйя формы.

Въ Боккаччо не охалось чуже ничего оу задулльвль предразсудковъ и нелъной шисерокоези среднль вьковъ, среди козоривль отъ шиль и дильсвоваль; его противъ съ безноцад, поузью мольни дилуезъ вьдкью дикоезъ, грубоезъ, наглуо ограниченноезъ, сословное чвансубо и малкое чирльмубо, лицемерие и шисерокоезъ, словомъ все, что не пошмиласъ и не уважаласъ человчческаго доезюмсуба. Изъ едъланнаго нами перекля произведенийъ Боккаччо видно, что, какъ писаетъ, онъ охмилася болъшого плодovieзсубо, козоряд соединилася и съ вьдающимся художесубеннымъ талантомъ. Въ шиль Боккаччо доезюмльмъ образомъ завершилася чъкъ, льнй длесудльнй периодъ старо-итальнскаго лиуэрацуръ, и Боккаччо по всей справедливоези спизаетъ зрельмль вь, шильмъ представилася итальнскаго лиуэрацуръ XIV вька.

Наслѣдники-подражатели Боккаччо.

Непосредственными наследниками Боккаччо въ области новеллы спизались флоренцинець Франко Саккетти и его, соотечесубенникъ и современникъ серъ Эмобанни Флоренцино.

Франкеско Саккетти получилъ гуманисубическое образование и занималъ вьсшй государсубенный долж., пошти во Флоренцинской ресубдликъ; прославленльнй

поэту и знатоку искусства своего времени, отъ нарядѣ
 съ сонетами во вкусъ Петрарки, писалъ и веселые сонеты,
 и оставилъ по себѣ 258 новеллъ, изъ которыхъ немногія
 заключаютъ въ себѣ рассказы; остальные же суть драматиче-
 скіе наброски изъ флорентинской жизни. Саккаuzzi умеръ
 въ началѣ XV столѣтія.

„Декамеронъ“ имѣлъ такой огромный успѣхъ, что въ
 1372 г., т. е. черезъ три года послѣ смерти Боккаччо, явился
 сборникъ „Рисотоне“ („Разгильднй“, „Глупецъ“, „Плѣнникъ“), состав-
 лѣн изъ 25 новеллъ — явное подражаніе Боккаччо. Авторъ
 его былъ сэръ Джованни Флорентинно. Главная тема его
 рассказовъ, не лишена комизма, но все на циниче-
 скій, — прозаичный языкъ, обманутые своимъ распу-
 шенымъ мечемъ. Въ своихъ рассказахъ авторъ являетъ
 ся то чувствительнымъ, то шуточно фривольнымъ, но не можетъ
 выдержать сравненія съ Боккаччо и даже съ лучшимъ
 предшественникомъ Саккаuzzi. Последний, Саккаuzzi, отличается
 болѣе народнымъ, сэръ Джованни же книжничавъ содер-
 жаніемъ своихъ рассказовъ. ¹⁾ Это ближайшія по времени
 къ Боккаччо его подражанія.

Другой собиратель новеллъ Массуріо ди Салерна, жив-
 шій около 1470 года, въ сочиненіи своемъ „Novellino“ пред-
 ставляетъ рѣзкую сатиру на духовенство. Больше дарова-
 ній, но и больше цинизма въ рассказахъ епископа Ма-
 рко Транделло (1480—1562), написанныхъ когда авторъ былъ

¹⁾ Съ содержаніемъ обоихъ сборниковъ можно ознакомиться по
 книгѣ Dunlop'a, *Geschichte der Prosa-dichtung*, übersetzt von F. Siebrecht.

уже 70 летъ. Еще больше дарованъ и болше неустрашимъ
 Анболо Фирентинчона (1493-1545), монахъ въ Валломъ,
 Фрозь. Онъ писалъ сатиры, комедии, повелли, трагедии,
 но изъ всѣхъ его произведеній огромнымъ центаломъ
 пользовалась его „Тястода зверей“ (Discorsi degli animali).

Однако, мы уже перешли въ XV вѣкъ. Наступленіе
 новаго фазиса въ развигіи итальянской литературы совна,
 дасть съ наступленіемъ новаго періода въ жизни самой
 Италии въ отношеніи къ ея политическому и общесу,
 ветному положенію: дѣйсвизуемто, черезъ три года
 по смерти Боккаччо происходить во Флоренци какъ
 называемое возмущеніе „бюлти“ (черезбидовъ) или воз,
 станіе низшихъ, немиллицихъ классовъ прозвѣзати,
 зогныхъ сословій въ республикѣ, которое положило
 начало упадку свобода въ ней и, вытѣснить ея утокъ, поли,
 зическому могущесву рода Медичи. А затѣмъ на,
 ступаеъ уже XV вѣкъ, слугащій предвѣрять къ эпо,
 хѣ Возрожденія, — вѣкъ, далеко не обильный замоча,
 фелотами литературными палитумиками, но отль,
 гетной энергичнымъ научнымъ движеніемъ и блескъ,
 щимъ развигіемъ искусствъ. Но въ XII вѣкъ среди
 всѣхъ элементовъ совершавагося тогда прогрессивнаго
 и преобразовательнаго движенія первое мѣсто принад,
 лежить наряду съ основаніемъ итальянской литерату,
 ра возрожденію классической древности.

XV столетіе.

Писатели Муслим не только в государственных делах содействовали мало-по-малу освобождению и возрождению их родины, распространяя в своих произведениях патристические принципы, защищая их, провозвещая в жизни, популяризируя в народе. Во время великого гонимого возрождения великой страны, сродно в то время сражавшейся с мусульманами союзниками и зряками, сфера владений, перо писателя оказало не меньше услуг, чѣм мечь освободителя. Мы видим и впоследствии еще увидимъ, что почти все замкарафелские писатели древняго и новаго времени были въ то же время и государственнымъ людьми, а политические деятели не разъ прибѣгали къ перу, чтобы развить и распространить свои идеи. И такимъ образомъ написанныя произведения создаются гордо не одной Муслим, но и всего человечества. Вообще изоритъ иракской литература подвѣрждаетъ эту истину, что никогда, никакія цензурная цензура, репрессивная мѣры, гонимая властей и административные порядки — не задушатъ свободнаго, честнаго слова, не спасутъ отъ переворотовъ, неизбѣжныхъ при самоуправствѣ, беззаконіи и безответственности ретроградной власти, которая можетъ даже убить писателя, но не убьетъ свободной, идеальной мысли, посвященной въ его произведенияхъ,

созрѣвающей въ сердцахъ массы, всегда относящейся съ сочувствіемъ къ этой массѣ и съ негодованіемъ — ко всякому насилію надъ нею, или къ ея изуродованію и оскотленію во имя поддержанія ничего не поддѣрживающей основы. Какую важную роль играетъ мизерабура въ развигіи народа, въ его угнетеніи, рано или поздно, волею или неволею, но неизбѣжно дающей полный просохъ всякой кесуной, кофѣ бы и задлуждающейея массѣ, — объ этомъ распространяется въ измѣнѣ, такъ какъ это доказываютъ исхорія не одной италіянской, но и всемірной мизерабуры.

Далѣеѣе развигіе италіянской мизерабуры въ XV столѣтіи поспѣдовало уже при измѣнившихся отношеніяхъ и условіяхъ общесубвенной жизни. Уже не только одобренная видатирія личности, но и бѣда, тада гасе всего италіянского народа прилкнула къ новой образованности; возрастающее благоденствіе и миръ, царствовавшій надъ полуостровомъ въ теченіи этой I-й гасе столѣтія, пробуждали не только стремленіе къ наслажденію жизнью, но въмѣстѣ съ этимъ и сурасе къ самообразованію, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе овладававшую италіянами.

Вмѣстѣ съ блестящими образованіемъ несомненно усиливались скепцицизмъ, роскошь и извѣстность, которое уже тогда засравлили толькоровыхъ пафрїоровъ

задумывался о будущей судьбе Мхалин. Но в общении эта сурана в течение всего XV столетия скорее представляла собой вполне радостное зрелище. Подобно

Наряду с повеллой развивалась в XV веке в Мхалин лирическая поэзия, преимущественно в любимой форме сонета. Из лириков этой эпохи, преимущественно по подражанию Петрарке, больше других замечательны Джулио де Монзи де-Валь-Монзани, римлянин по происхождению, умерший в 1449 году; он был графом, доктором и юристом, по суждению его, изданное под его званием „La bella mano“ (Прекрасная рука), поэт, баллада большого изысканности. Название этого сборника стихов его получили оттого, что поэт преимущественно воспевал в нем прекрасную руку дамы своего сердца.

Giusto de Conti
e Val-Montani

Писали и эпиграммы во вкусе Марциала, хотя и в форме сонета. Из этой же популярной формы являлись и число-сафиринские стихотворения. Подначальником их был Доменико де Джованни (Burchiello, содрузвенно: Даннико де Джованни), флорентинский цирюльник, умерший в 1448 году. Сонеты его, имевшие больше двадцати изданий, грубы и комичны. Но Джованни Буркиэлло — несомненно популярный за свое неисчерпаемое балагурство; его юмористический стихотворениями кишат месячными намеками и остротами.

Giovanni
Burchiello

Vincenzo Подразумевать его брата Брунелеско (+ 1444). Маддео
Palani Белскарри, умерший в 1454 году, писал соежы ду,
 хобного содержания.

Albert Ваше слово Леонь Баррисса Алсберри (1398-1472),
 знаменитый артист-реставратор и один из образованнейших
 людей своего времени; он писал «новеллы» и шуточ-
 ная сатирико-эпиграммическая в сатирическом и юмористиче-
 ском духе.

Итальянцы, в особенности флорентинцы, от-
 личались направлением не только резко скептическим,
 но и грубо реалистическим. Виднее изъ особенно
 разрослось, когда флорентинцы очутились под властью
 Медичи, превратившихся из купцов во владетель-
 ных принцев; они стремились къ мирному разви-
 тию гражданственности и въ широкихъ, едва ли когда-
 либо снова достигнутыхъ размерахъ, способствовать
 имъ преимущественно науку и искусство; при нихъ фло-
 ренция стала средоточиемъ умственной и художествен-
 ной жизни Италии и сохраняла такое положение
 въ течение всего XV столетия. Скептицизмъ окрѣпъ среди
 непрерывной борьбы противъ господства церкви и той
 ея формы, въ которой она къ концу столетия, въ ли-
 цѣ Александра VI Борджиа, достигла высшей степени
 безнравственности и разнузданности. Прозъ скептицизма
 нашла себѣ литературное выражение въ сатиру, на,

направленной прозивъ вѣтъхъ остраковъ и оуголосковъ сред.
 нѣхъ вѣковъ. Создательная національная черта нрав.,
 аще въ склоносуе къ вѣтшиности, къ легкоуозмо.
 менію даже къ самымъ важнымъ предметамъ, ^{жиз.}
 илюсуе своимъ счастье, — все это обусловливало раз.
 вѣзіе фарса и сатирическаго направленія по премію,
 исуебу. Идеализмъ, козорый при этомъ продолжалъ
 сизе держатся, сохранилъ въ сущности только одну фор.
 му. Въ сознаніи необыкновенной красоты и досхоин,
 сува, соединенныхъ съ совершенсвоуе языка, чѣмъ пре.
 мнуще сурвенно характеризуются античная философія
 и литература, изученіе козорыхъ въ XV столѣтіи соуса.
 било общію задачу вѣтъхъ образованныхъ людей Ита.
 ліи, въ зѣтисноуе кружкѣ гуманистовъ все больше и
 больше стали мерзарт о полновѣ (даже въ смыслѣ язк.
 ка) возросденіи римской поэзіи, и въ рабскомъ по.
 драматіи древнихъ авторовъ видѣли наивысшую
 степенъ совершенсва, какадъ только могла дауе досум,
 нуза предзавидѣли новой образованности. Въ это фило.
 ренцинскіе поэты этого времени нишуеъ либо сатира
 и фарса, либо произведеніа въ старо-академическомъ
 духѣ; изъ нихъ особенно замѣчательны Эміованни
Бурквелло и Леонъ Тазуеца Альберци, о козорыхъ мы
 уже говорили, и другіе, о козорыхъ рѣчь будетъ вполнѣ
 срѣич.

Новая Эра.

Со второй половины XV столетия начинается новая эра итальянской литературы и науки, обязанность свою лишь развитием покровительству дома Медичи. Эта купеческая фамилия деньгами и проясками овладела Флоренцией, и Козима Медичи сделался фактополком, влиятельным правителем. Свою узурпацию он старался искупить меценатством, распространял первую публичную библиотеку во Флоренции и основал во Флоренции Платоническую академию, где первым президентом был Марсилио Фичино, переводчик Платона (1433-1491). Он перевел также (Платона и) Дионисия Ареопагита и писал на латинском языке трактаты о бессмертии души. Поклонение его Платону просуществовало до того, что он требовал, чтобы священники проповедовали в церквах учение философа.

Luigi Pulci

Луиджи Пульчи (1431-1487), член учено-артистического кружка Лоренцо Медичи, был учеником Джованни Бурквелло во области повелли и сонета; с великим талантом и рьяностью цинизмом, он во своем поэтическом творчестве пародировал приключения одного из героев цикла сказаний о Роланде в своем сатирическом эпосе «Morgante Maggioso» («Великань Моргантэ»). Хотя его поэтические герои ругаются и кривляются, как флорентинские носильщики, но все-таки фигура великана

носить на себя оужелазокъ мезинного юмора и оригиналь,
ной силы таланта, и въ поэмы безупречная прекрасная
мелочь. Во всякомъ случаѣ Луиджи Пуджи значительнѣе
превозмогъ своихъ братьевъ Луку и Бернардо Пуджи.

Главой и центромъ всего этого кружка поэтовъ
былъ внукъ Козима Медичи Лоренцо Великолепный
(Lorenzo Magnifico, 1448—1492), спасшійся отъ убійствъ,
подосланныхъ папою и кардиналами, сдѣлавшимъ едина,
свѣтлымъ наследникомъ богатствъ этого дома, еще бо-
льше дѣда содействовалъ развиту мизерабурри и самъ
былъ поэтомъ. Его канцоны и сонеты принадлежатъ
къ лучшимъ произведеніямъ этого рода; славы его
дидактическія поэмы „О соколиной охотѣ“ (La caccia
col falcone) и „Споръ“ (Altercazione) о самой счастливой
жизни, прославляющей идеи Платоновской филосо-
фіи. Аллегорическое сочиненіе сужихвореніе его „Амбра“
воспѣваетъ красоту природы въ его любимой виллѣ,
носившей то же названіе. Въ своемъ дидактическомъ
сужихвореніи „Altercazione“ (Споръ) Лоренцо поэтически
излагаетъ ученіе Платона, въ элогической аллегоріи
„Амбра“ онъ описываетъ въ видѣ Нимфы свою оцу,
сродненную виллу и въ своихъ „Главахъ“ подражаетъ
Виргилію. Но принося такимъ образомъ дань умле,
генію гуманизма, онъ въ то же время писалъ сонеты
и сатиры, въ особенности свои домашнія сужихворенія

грациозная млясовая пьеса для майских танцев фрн.
рензійскихъ двубушекъ (Canzoni a ballo) и карнавалъ,
 ная пьеса. Онъ писалъ кромѣ того духовныя и нрав.
 сьветныя сьхоловоренія, наконецъ тузюскую поэмю
 „Пьятица“ (F. veoni): содержание ея — сошествіе поэза
 въ битвой погредь, въ сопровожденіи извъсукаго гудъ,
 ки, козорому поэзу задаеъ вопроса въ духъ предма,
 емакъ Виргиліо Данце. Въ эти произведенія упрѣ,
 гиши за ниль ренурацію въ высшей сьпени самосудьре,
 наго и въ извъсують сьнасть выдающагося поэза.

Лоренцо Великолѣпный сьчутьль соединилъ въ себѣ
 гуманисьхическое образованіе и непосредственую от,
 зьбчивосуд на впечатлѣній окружающей жизни, сопро,
 вождаемую способносудю поэзиськой передачи зрѣль вне,
 гадлѣній. Неудоминный покровитель всѣхъ умсьвенныхъ
 сьрежлений и художесьвенныхъ талантовъ, выдающійся
 предсудавитель фрнзьянской образованносуди XV вѣка, онъ
 не уклонилъ и оъ лигерадурныхъ зрудовъ.

Главная заслуга Медичи и окружавшихъ ихъ ти,
 сазелей сосудуръ въ очищеніи вкуса и развиріи знаній
 посредсудьволь изученія природы и древнихъ классиковъ.
 Знакомсудьволь съ грескиими писазельми Иралид обдъ,
 запа греку Эмануилу Хрисолорасу (1350—1415), явивъ,
 шенудя въ Римъ, съ цѣлюю убѣдудь пану созвае кре,
 сьвой походѣ прозудь зурокъ, угрозавшихъ Консуданъ,

этнополю. Не успевъ въ своемъ предпріятіи, Хрисолорасъ
оцался въ Мцалии и сжалъ учить греческому языку въ уни,
версидеаль, развивая любовь къ классицизму. Ученото дѣ,
вѣдѣтностю озлмались его послѣдователи: Леонардо Бру-
ни (1369—1444), росканецъ, переводчикъ классиковъ, ав,
зоръ „Исторіи Флоренціи“ и биографіи Данте и Петрарки,
Аурисини (1369—1460), сицилиецъ, привезшій изъ Визан,
ціи 238 рукописей древнихъ авторовъ; Тварити Верон-
скій (1370—1460) и др.

Вини

Все болѣе многочисленнае новеллистичеэтого вре,
мени оказываются во вѣтхѣ оцмощеніяхъ грубое и бѣд.
ноте содерманіемъ своихъ флоренцинскихъ предмисрвен,
никовъ. Изъ нихъ болѣе выдаются Насурго Салерскій
(1470г.), написавшій „Книгу новелль“, исполненную бичу,
ющей фривольной сатиры прозивъ нравовъ современниковъ
и въ особенноти духовенства, и Сабатинно дельи Ариенци
(1483г.) изъ Болоньи, затмѣившій легкостью и непринуж,
денностью разказовъ — ученостю, впроемъ довольно задне,
мото, ясно показавшій въ своемъ сборникѣ „Le Porrettane“,
какая грубостъ находила еще себя мѣсто на рѣдѣ съ про,
славленной образованностю.

Массинио

Изъ другихъ писателей замѣгазельны: Серафимо
д' Аквила (1466—1500), прозваннотый закъ по городу, гдѣ
отъ родился. Онъ славился въ Римѣ сужалми и шипро,
византиянки, козорая тѣмъ подъ музыку своего сожаненія.

Accolti

Бернардо Акколти¹⁾ (+1534), прозванный Mnico Acetino, пользовался всеобщимъ уваженіемъ за свои сфиди, до, сравнившіе ему похвалы Аріосто и мнѣго при дворѣ папы Льва X. Онъ писалъ и эпиграммы во вкусѣ Марціала, козъ и въ формѣ сонета.

Если среди условий, ^{и мнѣго} нами раньше изложенныхъ, великіе поэты XIV вѣка нашли себѣ, правда, много, численныхъ и талантуемыхъ, но далеко не равныхъ, нѣкъ преемниковъ, то на это были различныя при, чины. ✕

Итальянскій театръ.

XV-й вѣкъ увидѣлъ, наконецъ, начало итальянскаго театра. При Медичи именно положено ему такое нача, ло въ ^{его} литературномъ значеніи. Малочисл. съ XIII столѣт. дѣя, усстраивались уже по различнымъ торжественнымъ случаямъ болѣе предвѣстий (Representazioni) и раз, вѣщались миракли и мисеріи. Театральная пред, ставленія въ Италіи, какъ и въ другихъ странахъ, обя, зана своимъ происхожденіемъ религиознымъ обрядомъ и процессіямъ. Кадоликское духовенство (еще въ началѣ XIII столѣтій), видя пристрастіе народа къ сценическимъ зрѣлищамъ, начало предвѣщать разныя мисеріи, духов, наго содержанія, подъ названіемъ Fotorie или Comedie spi, rituale, Vangelii, Esempii, Figure. Фигуры свѣщенныи спектаклями оно придадо христіанское значеніе даже

¹⁾ изъ Аріосто

заключил в эстетическом празднике, как карнавал, прямо происходящий от римских сатурналий. Къ нимъ при-
соединились зачѣмъ вошедшие въ составъ мистерій фарсы
и озорливо разыгрывавшіяся, съ мѣсячными оузниками въ
своемъ содержаніи, шутки, и закъ представляли очень рано
получили характеръ импровизированной комедіи масокъ
(Commedia dell'arte). Это — закъ названная народная или
импровизованная комедія, въ противоположеніе комедіи
серьезно лифратурной или ученой (commedia erudita). Ха,
характерную черту этой комедіи составляло мѣстное воспро-
изведение живыхъ особенностей городской жизни и
условностей подобныхъ живовъ въ представляемыхъ фар-
сахъ.

Эта национальная комедія впервые съ оперой возник-
ли исключительно въ Италіи, но живы комедіи принадле-
жать еще предкамъ италіянцевъ и представляютъ зомско
видоизмѣненія живовъ, козорьки восхищались простой
народъ римской республики и имперіи. Таковы живы:
Pantalone (Панталонъ), козорьки представлялъ собою вене-
ціанскаго купца, глупаго, влюбливаго и зрелливаго добра-
ка, козорька весь надубающъ; Arlecchino, слуги его изъ Бер-
гамы, ловкаго плура и шута; Polcinello (Полишинелло),
неаполитанскаго паразита-юмориста, уродливаго, врасули-
ваго ^{Резонеръ} забіяки и негодяя; доктора изъ Болоньи, дурака,
но педанта, вообразившаго себя ученымъ; Джентиле —

римского шеголя; Скаранучио — лвазливого забавки; Брителли, продувного погодья-лакья, превразившагося у французовъ въ Скапина; Коломбина, возлюбленной Арлекина и др. Маски умножились и, конечно, были, что специально-мъсезного получили общій характеръ, такъ что старый первоначальный зинть болонскаго „доктора“ скоро замѣнился общими зинтовъ педанца, а Пармакъ — общими зинтовъ зайки. Изъ рано возникшихъ общесубъ для представлений мисерри выдѣлились общесубъ для представлений національныхъ фаресовъ.

На ряду съ зинти заказками комедии развивались въ Мралин „мисерри“, положившия основаніе трагедии. Это были сценическія представленія, изображавшія какое нибудь событіе изъ веухаго или новаго завѣза, легенду изъ жизни свѣзого и з. н. Древнѣйшая мисерри при, надписишь еще X столѣзито, и въ герере послѣдующіе была мисеразура (болые всего во Франціи и Германіи) была наводнена произведеніями этого рода. Лоренцо Медичи Великолѣпной (Lorenzo Magnifico) писалъ законы мисерри, вѣзавля въ нихъ мѣніе, но вълѣдствіе наклонности дома Медичи къ классическимъ образцамъ, въ Эзолу производства этого ^{дома,} въ мисеррияхъ, и, полнѣйшимъ во Флоренціи, съ необыкновенного роскошью, сжали подвѣзаться боги и герои древняго міра. Те, перзударъ Флоренцинскаго театра ограничивался подра.

таніями латинскими писателями. Подъ влияніемъ уже, того латинскаго гуманизма и академіи, на ряду съ комедіей *dell'arte*, зародилась „ученая комедія“ (*comedia erudita*), козорая началась съ отдѣльныхъ представлений латинскихъ комедій Плавта и Теренція и возвысилась до подражаній своимъ образцамъ. Она достигла еще болѣе, того значенія на рубежѣ XV и XVI столѣтій.

Первого крѣпко-итальянскаго драматическаго слѣдствія сфера „Орфей“, написаннаго Анджели Полициано, поэтомъ и филологомъ. Знаменитый и прославленный другъ Лоренцо Великолѣпнаго, великій гуманистъ Анджело Полициано (1454 - 1494) показалъ свои силы въ итальянской поэзіи, сочинивъ нѣсколько произведеній. Онъ оставилъ на латинскомъ языкѣ „Исторію заговора Пизцы“ и на итальянскомъ поэму: Stanza per lo ^{la} giostro del magnifico Giuliano („Стансы на турниръ великолѣпнаго Джуліано“), дошедшую до насъ только въ отрывкахъ, полную педагогическихъ, назидательныхъ сравненій и мифологическихъ воспоминаній, но написанную звуковыми стихами. Это — описаніе торжественнаго „турнира“. Анджели Полициано написалъ и драматическую зклогу „Орфей“.

„Орфей“, трагическая фабула (*favola tragica*) — написана въ два дня, по случаю придворнаго торжества въ Мантуѣ, въ 1472 году. Пьеса раздѣлена на 5 актовъ. Сначала, въ роли пролога, является Меркурій и въ 19 стихахъ разсказываетъ содержаніе и казасуррофу пьесы. Когда онъ уходитъ,

насухъ Арисей жалуется другому насуху на свою не,
счастную любовь къ прекрасной насухити. Старшій на,
сухъ надуется отговоритъ доварница отъ несчастной сфра,
сфи; Арисей изливаетъ своего сфра въ четирахсхорофной
тенью. Каждая сфра напинается словами:

„Люба! Слушайте мои сладосудная слова, козорьны
не хотите вышмазе прекрасная нимфа!“

Приходитъ Тирисей, козорый лицеъ заблудившаго
алменка, и говоритъ, что видѣлъ дѣвущку: „Лицо ея — стѣзь
и роза, волоса — золото, глаза — зеленые, одеяла — свѣтъ,
лад.“ Арисей думаетъ, что это она, и стѣшится къ ней.

Въ взоромъ акте Арисей гонится за убѣгающею отъ него
нимфой, но дриада объявляетъ отъ ея печальной смерти:
ее узналила змѣя. Дриада видитъ Орфей, приближеную,
шагося съ цигрой, и хочетъ объявить ему отъ зломъ несна,
сфи, въ то время какъ другія дриады должны покрывъ
цѣло Евридикы зеленою и цвѣтами. Въ зреломъ ак.
те, Орфей поетъ похвалу кардиналу Манжуанскому,
Франческо Гонзага, въ честь козорого давалоеся предскав,
леніе. Ода эта написана по-лазани и состоитъ изъ 13
сфрофъ. Поэтомъ, испускаетъ жалобные вопли, отъ объявлен,
есть о своемъ напѣреніи союзи въ заррарь, тогда зрота,
зелеными сфухами умоливъ Смерть о возвращеніи Ев-
ридикы. Сазиръ Лнезилъ замѣчаетъ на это: „кро нис,
ходить зуда, зоръ ушиб не возвращаетъ. Впрочемъ

Меторія шведської літератури XV в.

Кеселю удивляється, що хозь, хто взявъ себѣ въ провод,
 никки Амура, — зердець свѣтъ." Зерверзый акъ происходить
 у дверей ада и въ самомъ аду. Орфей возбуждаетъ созрра,
 даніе Цербера и фурий; они пропускаютъ несчастнаго,
 у козорого брагали небо и весь срихли. Плутонъ спраши,
 ваерь, хто отъ, приближающійся съ золозой цижрой и
 засрабившій неподвижнаго врага озворнуса; хоо отъ, —
 до того приковавшій къ себѣ вниманіе всѣхъ, что
 даме прервалися мученія Мксіона, Танфала и Дана,
 ливъ. Персефона проситъ Плутонъ послушать Орфея, и
 Орфей въ окривахъ рассказываетъ смерть Эвридики, козоль
 заклинаетъ оудатъ ее — Хаосоль, изъ козорого все произо,
 шло, Флегетоноль и Яблокомъ, козорое закъ правилос
 царитъ ада. Персефона ходажайсубвуетъ за него передъ
 сцируголь. Плутонъ соглашаетъ озпуситъ Эвридику
 съ условіемъ, что Орфей не взглянетъ на нее до тѣхъ поръ,
 пока они огуздутъ мезиду шивами. Овъ радосци Орфей
 ондъ поетъ по-лазани чезаре оука, отгасци принадле,
 мацце Обидно. Позоль отъ не уертоль, взглянулъ на
 своего Эвридику и — позерялъ ее навсегда. Въ идзоль акъ,
 зъ Орфей, въ окривахъ, оплакиваетъ своего судбу. Людовъ
 къ менцикамъ не должна болѣе буть яму зсакама,
 никто не ствуетъ при немъ говорить о любви. Онъ едъ,
 лался неависунникомъ менцимъ, „перелитчивомъ
 какъ волна, обтоцидъ въ берегъ". Тогда приходитъ

меклада. Одна из них говоритъ: «Сестра, это жуть, кто пре, небрегаеъ нашей любовью; убейте его!» Онь бросаются на Орфея и удиваютъ его, за сценой; одна из мекладъ разсказываетъ, какъ онь разорвали его на куски и напо, или землю его кровью. Пьеса кончался великолѣпными дивирамбамъ въ честь Бахуса!¹

Такиимъ образомъ изволе представляеъ рядъ лириче, скихъ сценъ. Постановка пьесы была необыкновенно роскошна. Особенное впечатлѣние производило первезуи актъ, изображавшій ада со всеми его ужасами. Сцена бы, на раздѣлена на двѣ части. Съ одной стороны былъ входъ въ преисподнюю, съ другой — вышренное ада съ Церберъ, рокомъ, фуридами, Мксіотомъ, камнемъ Сизифа, богиней Данайдъ и даме Танталомъ, сидящимъ въ водѣ по шее. Пьеса представлена была въ 1483 году при дворѣ Гонзаговъ Мантуанскихъ. Произведение «Орфей» поимеъ въ изволе, поимеъ смысле слагаеъ предвозвѣстникомъ позднѣйшей италъянскон оперы.

Возъ еще поимеорне изъ авторовъ этой группы, писате, лей комедій: Барнардо Аккользи, изъ Арцицо, котораго мы коснулись уже раньше, поимеицеъ при дворѣ папы Льва X, сочинялъ сонеты, пьесы шушливаго содержания, эпиграммы, а также имъ написана одна комедія подъ заглавиемъ «Виргинидъ».

Кардиналь Видбіена или, какъ онь собоветко на,

¹ Бручъ сочинилъ музыку на эту пьесу, именно на искорин Орфей и Эвридики.

звался: Бернардо Довидзю или Довици (1470-1520г.), *Dovisi Bibbiena*
 личный секретарь Льва X Медичи, знаменитый первого
 серьезного комедио. Каландрия. Возь ее содержание:

У Делеззю, графиня Модона, два близнеца —
 Лидио и Санзилла, которые так похожи друг на друга,
 что различить их можно разве только по платью. Отец
 уже шестнадцать лет как умер, Модону взяли зурки, раз-
 орили ее и убили почти всех свидетелей. Нянька и
 слуга Франкио, чтобы спасти Санзиллу, одели ее как-
 током и назвали Лидио, потому что брата ее они слы-
 жали убивать. Они выехали из Модоны, но дорогой
 охоты попались к зуркам. В Консантинополь
 братья уроча выкупились флорентинский купец Перил-
 ло и взял с собой в Рим. Там они долго жили
 в его доме. Перилло хотел отдать свою дочь за Санзил-
 лу, которая все еще носила мужское платье и называ-
 лась Лидио. Между тем Лидио спасся от смерти,
 одевался, выехал со своим слугой Фресенцио, взошел
 и остановился наконец в Риме. Он выдвигается в
 Фрульвию, жену просвеща Каландро. Добившись взаим-
 ности, он часто посещает Фрульвию, передвигаясь в
 женское платье. Но Каландро, узнав Лидио за насрой-
 щую двушку, выдвигается в него и подговаривает илу,
 за Фресенцио (разве передвигая женщиной?) дождаться
 свидания с милой красавицей. Фрульвия, которая боится

повернув своего возлюбленного, изъяснившего желание оу,
 правдивая отыскивает сестру, — вовлекает в свои интриги,
 сн одного предсказателя, приглашающего к себе на ве,
 герь переодетую Санзиллу, козорую она слизает за Ли,
 дио. Пла, конечно, ничего не понимает в этой истории,
 но Франнито убождает ее принять приглашение, тогда
 поспешает надъ Фрулвией. Фресенио между темъ, дурачить
 сараго, влюбленного Каландро, изъ которого выводит
 похотливое и безъ того сдѣлала оубраженнаго дурака.
 Она уверяет его, что любимая дѣвица Лидія согласна
 принять его, но для предозвращенія всякаго скандала,
 желает, чтобъ Каландро былъ внесень къ ней въ сун,
 дучь. Саррикъ уходитъ покупать сундукъ.

Въ Фресенио алехъ Каландро несетъ въ сундукъ.
 Фресенио приходитъ съ одной подговоренной для этой
 протѣлки шенициной, которая должна называться Сан,
 хиллой. Сундукъ охраняютъ на заставѣ, оукраютъ,
 — и Фресенио, чтобъ вырвать своего кліента изъ неволи,
 данной бѣды, заставляетъ вѣр своего сообщника и уверя,
 етъ замаскированныхъ дозорщиковъ, что Каландро — нуженъ
 этой шеницине, умерший оу гунн, и что его несутъ
 броситъ въ рѣчку. Вѣкъ, даже шеницинка, убогаетъ, ис,
 пугавшись заразы. Каландро самъ долженъ нести
 сундукъ въ домъ своей возлюбленной. Фрулвией, приве,
 денная въ сомнѣніе первыми оубытомъ любимого Лидіо

Это возлюбленна
 ер Фрулвией
 у Максимира

(Санцилла), передъѣзжая въ музическое плахе и идеть
искара своего милого, надъѣдетъ и побудитъ его возвратиться.
Но передъ домомъ его она видитъ Каландро съ непороч-
ной женщиной и побудитъ его домой, чужая ему позация,
причель и жозъ не осрается въ долгу у своей супруги. Межи-
ду зтымъ предсказатель и волшебникъ Рурфо подготавливаетъ
Лидио (Санцилла) къ приключению. Но Франкио признавая
Рурфо, что его господство въ самомъ дѣлѣ женщина, и
объясняясь большой придвили уговариваетъ колдуна увѣ-
рять Фульвио, что это превращение произошло отъ вне-
запнаго волшебства. Лидио и Санцилла въ одно время
сходятся на условенномъ мѣстѣ. Каландро, увидя ихъ,
не знаетъ, козора изъ двухъ его возлюбленныхъ. Межди-
у зтымъ его насройчиваетъ пугаетъ Лидио, козорой уходитъ,
объясняя придви въ болые удобное время. Санцилла идеть
въ домъ Фульвио. Въ гезверзю акъ Фульвио наужьшма
отъ перемены пола Лидио и объясняетъ волшебнику зна-
чительную сумму денегъ, если отъ возвратитъ прежи-
ній порядокъ вещей. Рурфо, уговоренный Санциллою
и Франкио, принимаетъ деньги. Въ идзю акъ, Салид,
случайка Фульвио, приноситъ деньги для Лидио. На
эти деньги одъѣвляють приязаніе оба близнеца, меж-
ду ними поднимается споръ, потому что Салид не зна-
етъ, кто изъ нихъ насройчивъ Лидио. Лидио идеть на-
конецъ въ домъ Фульвио. Фресеніо услышалъ о превра-

именіи своего господина, и смущение его превратилось
 въ ужасъ, когда онъ увидѣлъ въ изгнѣхъ зной меча,
 морфозы. Онъ поднимаетъ споръ съ Санциллай, которая
 его вовсе не знаетъ; утверждаетъ, что она — его господинъ
 и хочетъ удовлетвориться въ ея полнѣ. На помощь къ
 нимъ являея Фрэнсисо. Во время спора объявляется
 загадка, что Лидіо еще живъ, а Санцилла его тестра.
 Самид рассказываетъ, что бразя Калаандро видѣли, какъ
 Лидіо вошелъ въ домъ Фрульвин, — и поэтому молодцу
 грозитъ бѣда. Фрэнсисо велику покорной Санцилла
 вилку въ окно, обильнѣе одеваетъ съ Лидіо и выну,
 едетъ его изъ комнаты Фрульвин. Калаандро осматриваетъ
 свою жену чиркалами и идетъ въ домъ съ утѣмъ, чтобъ
 удитъ Лидіо; но ссора разрѣшается къ общему удоволь,
 ствію, открываютъ истиннаго Лидіо (Санцилла). Въ ко,
 слѣдней сценѣ бразя и сестра узнаютъ другъ друга.
 Санцилла должна теперь выйти замужъ за сына
 Фрульвин, а Лидіо женится на дочери Перилло, назва,
 теной пѣвкогда для Санцилла.

Послѣ Биббисны — подразманіе „Аендх.налк“
 Плавра. Въ зной фривольной пьесѣ болше грубокъ
 шутокъ, чѣмъ комической соли, болше непристойности,
 чѣмъ интриги, — и все-таки она была представлена съ
 роскошной обстановкой сначала въ Урдино, при дворѣ
 герцога, потомъ въ Вариканъ, передъ нами Авольтъ X

Медичи, всей коллегией кардиналовъ и маркизой д'Эсте-Тонзата-мантуанской. Вскорѣ слава, 'Наландрий' пере, шла даже границы Угалии. Авторъ въ прологѣ снисаеъ необходимомъ оправдася, этого комедія написана не сриками, а прозою, по-угальски, а не по-лафски, въ новѣйтель, а не въ античномъ духѣ. Какъ уже сказано, комедія фривольна, изобилуетъ въ высшей стѣ. неги грѣзными шутками, выразительными однакожь самой безукоризненной фосканской прозою. ✕

Домованни Ругеллаи, флорентинець (1475-1525 г.), про. зонозарій Лева X. Медичи, принадлежиць къ такъ называ. емкимъ академическимъ поэтамъ. Именно рядомъ съ сизнетнымъ, цвѣтушимъ и плодотворнымъ развитіемъ угальской національной литературы, (въ продолженіе всего XVI вѣка) шло подразнаелное, въ античномъ духѣ, тисзо академическое направленіе поэзи, которое въ дан. ный моментъ, правда, досужло лишь ограниченнаго вліянія, однакожь при врожденной склонности угаль. янцевъ превеличавать досужинсхва кождъ ба и безво. дермаделной, но прекрасной формѣ, и при нль убавне. ній къ лозитому авторизету античной поэзи, оно полу. гило со временемъ болъшее и вѣтсѣе фараелное значе. ніе для дальнѣйшаго развитія угальской литературы.

Домованни Ругеллаи бошелъ уже въ сочив. клас. сическимъ срихофорцевъ за свое скучное дидактическое

Russellai //
Russellai

произведение „Пейла“¹⁾ въ козоровъ оны подразамль Вир-
гилито. Но въ „Ореск“ оны являея нежданымъ подра,
шаедемъ Фримида. Оны въздумаль исправляеъ своего
великаго образа, засаваляя двойсвуюоцаюль лицъ своей
нечи говоришь красивымъ, но изысканымъ языкомъ.

Въ другой драгедим „Ростонда“ (Розамунда), Рунел-
лан уклонился оъ подразаманія древнимъ и разработалъ
романтическій сюжетъ, но вынесъ съ зтомъ ввелъ въ поду
сценическіе утасы и поррдаоюціе эффекуы. Возъ содер-
маніе пьеса: Розамунда (Ростонда) — дочь короля гети-
довъ Кунинунда, подтожденнаго и убитаго въ сраженіи
лонгобардомъ Алдоинкомъ. Она, со своей нянкой, явля-
ея на полъ бурвы, оыскиваеъ зреть своего оуца и по-
гребаетъ его, вопреки повелѣнію Алдоина. За зтимъ
сващеннымъ дѣломъ засаеъ ея Фрамиско, одиный изъ
военачальниковъ лонгобардской арміи; оны приказыва-
етъ снова вырыъ изъ земли зреть Кунинунда, а Роза-
мунду, вынесъ съ ея нянкой и хоромъ генидскихъ
дѣвъ, озводитъ плѣнницамъ къ Алдоину. Сцена не-
реальнаея. Алдоинъ выходитъ изъ своей палатки и
безпокоитъ о томъ, что Фрамиско закъ долго не исполня-
етъ возложеннаго на него порученія. Являея вѣрникъ
съ головой генидскаго короля, озрубленнаго у зруна. Ал-
доинъ приказываеъ свлаеъ изъ зѣрена кудомъ, тобѣ на
форисеубъ побѣды нѣе изъ него за устнѣхъ лонгобардскаго

^{1) Le Ari.}

оружия. Когда явится Розамунда, отъ грозится отъправитъ
 се къ оуцу. На вопросъ, кто похоронилъ зреть, — она отвѣ-
 таетъ просто и благородно: „тѣ мнѣ отъираются! — да! Отъ
 белухъ се отъвези пока въ свою сѣбѣ. Франиско уговари,
 ваетъ своего государя, изъ политическими причинами, пошу,
 нить лучше съ Розамундой, совѣзуче слы не убиваетъ презъ,
 красную принцессу, а лучше женился на ней. Алдонинъ
 отъвѣчаетъ: „да! какъ это мнѣ президе не пришло въ
 голову!“ — и рѣшается послѣдовать совѣзу своего любима-
 ца. Но Розамунду любитъ Альмахида, воинъ изъ мотъ,
 гобардского войска; отъ явится, узнаетъ отъ Лора о по-
 ложении дѣль, и рѣшившись убить себя отъ безнадѣи,
 ного оукалнѣ, — уходитъ. Съ зреть поръ дѣйствіе почти
 все происходитъ за сценой, а на сценѣ только, повѣстъ,
 вается! Изъ дворца выходитъ вѣстникъ и разсказыва,
 етъ, что на свадебномъ пиру Алдонинъ засравилъ своего
 молодую супругу нить вино изъ худка, еднлатного изъ
 черепа ея оуца. Вслѣдъ за вѣстникомъ приходитъ и
 сама Розамунда, съ черепомъ въ рукахъ, разсказываетъ
 то же самое и рѣшается умереть. Альмахида кля,
 неждъ отъсудитъ за нее. Пѣрай актъ состоитъ изъ простого
 разсказа отъ дѣйствіе Алдонина и изъ королевской мо-
 ради, изрекаемой при зтомъ случаѣ король въ поученіе
 встѣть землякамъ владыкамъ: Пуще всякій скиндрото,
сесть изъ примѣра мисрокаго короля, которій левиниъ

здѣсь, удивляясь, — научился не быть теснодумцем, ибо это не угодно Богу!”

Содержание пьесы взято изъ „Меторія Лонгобардова“ (De gestis Longobardorum) Павла-Дьякона,¹⁾ но Ручеллаи совершенно измѣнилъ ее, принаровивъ къ романтическимъ требованіямъ. Діалогъ „Розамунда“ написанъ въ versis sciolti, т.е. безъ рифмы, съ манерными сѣчками, а хоры въ форкъ канцонсы. Но не строго авторъ держался единства мѣста, хоръ дѣлалъ свои урагедіи на пѣту акроба.

Трагедіи „Розамунда“ начинаются длиннымъ рядъ феатральныхъ унасовъ. Такія трагедіи писали Полленzone (1461) — „Казивидъ“; Колленкуріо (1500) — „Амфикуріо, онъ“ и „Тосифъ“; Боярдо — „Тимонъ“.

Оригинальность всѣхъ нами пройденныхъ драмъ зуровъ всего рѣзче проявляется между прочимъ лишь въ нѣсколькихъ операхъ по газси комедіи, а между трагедіи; на нихъ весьма замѣтно ознаменовался не только преимущественно, такъ сказать, средней итальянской образованности XV вѣка, но, благодаря тому, что эти писатели не были выдающимися надурами, и ея же, досказки.

Но всѣхъ больше нѣтъ право называться содѣе, но „классическимъ“ поэтомъ, въ произвоположительности про, фанамъ, — Эморино Триссина изъ Венеции (1478-1550);

¹⁾ Русскій переводъ этого разсказа объ Албоинѣ и Розамундѣ по, мѣстѣ М. Стасюлевичемъ въ его изданіи: „Меторія среднихъ вѣковъ въ ея писателяхъ и издѣлываніяхъ новѣйшихъ ученыхъ“ (П. 1863).

съ его трагедіи „Софронисба“ (1514 г.) принаждо елизаде нага, ло италіанской трагедіи, но она принадлежиць уже XVI-ому столѣтію.

Особый родъ драмы „Пастушеской“ развился изъ пасторальной поэмы, начало которой положили ^{дриа} Якопо Салла, дзаро своимъ идиллическимъ романомъ „Аркадія“. Перваѣ пастушескаѣ драма, написанная Агостиномъ Беккаріи, была дана въ Феррарѣ въ 1554 г., съ музыкаго миссифонса цемла Виола. Содержаніе драмы сообразуець любовь зрель пастуховъ къ зрель пильфалъ и индурги прозубъ ниль ревниваго сазира, козорого обманывають любовники. Орономатій цемль ниль пастушескаѣ драма Торквато Тассо „Амитта“, подвигшадель въ 1572 г.

Идиллическаѣ и пастушескаѣ поэзіѣ.

Въ XIV и XV столѣтіяхъ италіанцы, по прижитию какъ ниль подвижного, направленаго къ наслажденію жизнено характера, такъ и сообразуець сь зримъ одразованности и культуры, могли обладать лишь въ слабой степени склонности къ идилліи, и если въ италіанской литературы этого времени мы возпрогасимъ цемль рядъ эклогъ и пасторальныхъ произведеній, то появленіе ниль слѣдующе скорѣе приписаетъ развившейся тогда потребности подражанія античной поэзіи, гомъ вліянію содурвенныхъ душевныхъ побужденій и губець. Исключеніе представляеть уже упомянутой Якопо Салла.

мадзаро из Неаполя (1458—1530), повесть жизни на, сластей жизни, а поэму, естественно, ох души на, суровый на идиллический зомь. Это так же извест- ный прозаический роман „Аркадия“ (еще в XVII в. пользовавшийся — именно во Франции — большой попу- лярностью) заключающ в себе известное число эплов, олимпиащих милой просодой и весьма милой об- разностью представлений, и признается первообразом как чело условных италъянских пасторалей, так и пастушеской поэзии вообще в последующее время. Из этого романа, как мы уже слышали, развился и особый род драмы „Пастушеской“.

Эпосъ.

Капризная заманка ^{Римъ-Римъ} подмывает надъ геро- аки содвзвешных же эпических произведений, заман- ная уже у Гомера и в особенности в XVI столетии у Ариосто и рядомъ сь Ариосто у возникших и уже прямо бывших на пародию эпиковъ, сначала в италъ- янской поэзии не возростающ. Италъянская эпика, на- чавшаяся какъ колосальный творение, какъ поэ- ма Данте, образовалась вскоре же къ произведениямъ, заимствованнымъ изъ цикла французскихъ рыцар- скихъ поэмъ. В первой половине XIV столетия явилась поэма, написанная окъавани, „Бюва д'Анжона“, не, решенная и в русскій сказочный эпосъ в искажен.

номъ разсказъ о походе истреблѣ Говы королевича. Фрэн-
цузскій поэтъ XIV столѣтій Сосенко де Мфакони напи-
салъ героическую поэму „Испанія“, описывающую послѣд-
ній походъ Карла Великаго въ эту страну и почти безъ
измѣненій излагающую сѣхлами хронику Туррина.
Почти въ тоже время появилась французская поэма „Короле-
ва Анкрюи“, героиня которой убиваетъ Роланда за то,
что она не могла понимать аргументовъ герода о без-
стыженномъ захватѣ Богородицы. Но послѣ зрѣль за-
казковъ Бразя Пугли написали замѣчательные эпосы.

Луиджи Пулги (1431—1487), глѣвъ учено-архисудн. *Luigi Pulci*
ческаго кружка Лоренцо Медичи Великолепнаго, о ко-
торомъ уже раньше рѣчь бала у новеллистовъ и сонетни-
ковъ, написалъ замѣчательной рыцарскій эпосъ подъ за-
главиемъ „Моданте Маддиоте“ (Великанъ Морганузъ). Ге-
рой этой поэмы — исполнивъ Морганузъ, котораго Роландъ
обращаетъ въ христіанство и дѣлаетъ своимъ братомъ по
оружью, — необузданный, забавный, но въ сущности добро-
душный оригиналъ, которому „кашеуся очень легко вы-
щипать Харону бороду, самого Пулгона согнать съ престо-
ла, Флегетонъ выпить залпомъ, Флегіана проглотить
разомъ, Фурій, вытѣсая въ Церберомъ, пришибить однимъ
ударомъ, даже самого Велзевула образитъ въ бѣгство,
захъ, чтобъ онъ подымалъ брызжы сирійскаго дрожеда.
ра! Поэма состоитъ изъ 28 пѣсень, каждая пѣсь оу 60-ти

до 200 страниц. Первая часть начинается текстом Тоан,
нова свангелия:

No esakuna bja Vard, taas Vard, bja
Bij Pee Dava bijku Dais, bja Dais Vard,

No miugibas uz miugibim, taas Dik vards,
Ka oiti sakuma si nenabodi,

Un ladiu, ka pas paliga man dotu
Esengeli, ka patiesibustatit

Esengeli, kas atminu man glasta,
Ka patiesiba plust gmanu strata.

В начале самою въ Боге было Слово
И Богъ было Слово; Слово-же было Богъ,

И искони оны Богомъ бвяхъ. — Другого
начала самъ и видущае не могу.

Итакъ, Господь, пошли ко мнѣ свѣтлаго
Архангела, чтобъ оны мнѣ днесь помогу

Повѣсуюваеъ правдивое сказанье
И укрепить мое воспоминаеъ.

Позомъ позуеъ призываеъ Бога, дьбу Марію, и послѣ
короткаго вступленія прямо вводитъ гизагелъ въ роман.
жвескій міръ рыцарства. Двѣнадцатеъ пѣладиновъ Кар.
ла Великаго оскорблены предпочтениемъ, которос ии,
ператоръ оказываеъ храброму Роланду. Мгнотомникъ Та.
мелонъ (Тамъ) пользуется эзиль, чтобъ повредитъ Ролан.
ду въ глазахъ императора. Роландъ выхващываеъ свой
мелъ, но позомъ, одумавшись, покидываеъ и императорскую
резиденцію, Паризъ. Оны ѣдетъ въ страну Извѣтчиковъ
и уше на границу началкиваеъ на приклятогеніе съ
френдъ великканами, изъ которыхъ одинъ даеъ свое иидъ
позамъ. Описаніе боя между Роландомъ и великканами
даеъ образчикъ того, какого рода подвиговъ должно
осидаеъ оуъ храбрѣйшаго изъ Христіанскихъ рыцарей.
Двухъ великкановъ оны убилъ; френдаго принимаеъ къ

1) Переводъ и изложение П. Косюмарова.

себя на службу, после того, как жозь обвенчалъ ему при,
 князь хрисциансубо. Про-то и есуть герои поэмы, Морганфе-Виль,
 сынъ съ нимъ Роландъ оуправляеца въ монастырь, козорый
 осаждали фолько-то удивне великана. Въ монастырь ра,
 дучица возвращению героя, приобръзению новой овцы сяду
 Хрисфову и концу бодсубид. Два новые друга осуются
 госуице въ обители, гдѣ имъ очень понравилось. Желая
 гильмъ-нибудъ бызъ полезнымъ своимъ хозяевамъ, Морганфе
 отправляеца за водой, въ козорой монахи устрѣили бонъ-
 шой недосадокъ. Въ этой экспедици на добродушнаго
 великана нападаеца сядо дикихъ свиней; двухъ изъ нихъ
 оное удиваеца и приносизъ въ аббатуево, гдѣ его, а въ осо,
 бенности свиней, принимаютъ съ радостью. Множамъ закъ
 понравилось кабансе мясо, что кошки и собаки кришли
 въ негодование, получивъ слишкомъ чуждъ чужо-обглоданъ,
 мидъ косяи. Роландъ, наскучивъ бездѣйствсннго життяго,
 оуправляеца искаца приключеній. Морганфе слѣдуеца за
 нимъ. Вооружение его состоизъ изъ заржавленной шап-
 ки листового желѣза, изъ старой длинной шпаги и огром-
 наго дьика, варваннаго изъ разбитаго колокола. Въ эти
 доспехи оне приобрѣмъ въ монастырскомъ арсеналѣ. Ви,
 гдѣзи оуправляеца гулѣце по большому свѣзцу. Первое и са-
 мое странное изъ нихъ приключеній было сражение съ гор-
 зомъ, козорый лежалъ въ заколдованномъ замкѣ, подъ
 надгробнымъ камнемъ. Не чужамъ добродушной Морганфе

приблизясь зреть каменъ, какъ освобожденный горсть въ-
скопиль орудя въ видъ страшнаго, оубраженнаго ске-
леца и бросилъ на Роланда. Но великанъ прислушавъ
его колокольнымъ звонкомъ и уложилъ назадъ подъ ко-
нскую плечу.

Между темъ все шло о Роландъ при дворъ им-
ператора Карла. Особенно шло о немъ родственникъ
его Ринальдо, котораго и оуравилъ, вѣнчанъ съ рыца-
ремъ Дидономъ и Оливьеро, оукивая пронаваго
безъ вѣсти рыцаря. Они прѣезжаютъ въ то самое аб-
батство, гдѣ за нѣсколко времени передъ тѣмъ подвизи-
мигали рыцари. Въ аббатствѣ, между тѣмъ, все пере-
мѣнилось. Оуица за смерть убивае великановъ,
на монастырѣ началъ брата Корганъ съ войскомъ
сарациновъ, похитилъ вѣсьхъ монаховъ, вѣнчанъ съ имъ
аббатомъ, и живеть въ монастырѣ въ свое удовольствіе.
Три рыцаря начали на сарацинскую сволою, раз-
били ее и освободили монаховъ, которые, въ благодар-
ности за это, сообщаютъ свѣдѣнія о Роландѣ. Рыца-
ри сейчасъ же оуравляютъ по его слѣдамъ. Риналь-
до началъ на громадную змѣю, котораго советомъ
уши собираетъ проложитъ лева. Онъ убиваетъ змѣю.
Спасенный и благодарный левъ охаетъ съ рыцаремъ,
слушающъ ему переводчикомъ и повсюду являющъ са,
милъ гордимъ защитникомъ своего господина. На,

конецъ Ринальдо удалось добраться до того мѣста, гдѣ
 незадолго передъ тѣмъ Роландъ остановился подъ иже-
 нель Трунора. Они встрѣчаются, — но только во враги,
 добрыхъ полкахъ и, не узнавъ другъ друга, выходятъ
 на единоборство. Роландъ не подозреваетъ, кто его сопер-
 никъ; но Ринальдо узнаетъ его по оруженосцу и ца-
 дитъ его въ бѣгу, сколько можетъ. На этотъ разъ поединкомъ
 кончается ничья; вѣзды обѣщаютъ другъ другу сѣчься
 на другой день, тогда продолжится единоборство. Но Риналь-
 до не можетъ долее выносить, тогда Роландъ оставаясь
 врагомъ его, отводитъ его въ сторону и обдѣлываетъ свое иже.
 На слѣдующій день вѣзды представляется возмож-
 ное образчикъ свое соединенное мужество проливъ од-
 ного врага. Король Карадоро, у котораго они находятся,
 проситъ ихъ помощи, потому что на него напалъ ко-
 роль Манфредотъ, котораго любилъ дочь его Меридиану,
 связанная къ ней и, получивъ отказъ, хочетъ взять ее силой.
 Роландъ, Ринальдо, Оливьеро и Морганже сражаются
 за оскорбленнаго государя. Манфредотъ побитъ и при-
 нуденъ просить мира, горшеубенно отказавшись отъ
 всякаго претензій на руку и сердце прекрасной прин-
 цессы. Меридиана поцѣлывала побѣду къ Оливьеро,
 котораго, съ своей стороны, готовъ быть ея супругомъ, только
 съ условіемъ, что она приметъ христіанство. Принцес-
 са согласна на это, но тоже съ условіемъ, чтобы Оливьеро

доказавъ ей, что Магомедъ не истинный пророкъ. Сивтери
 объявляетъ ей трюхи, приводя къ слѣдующему сравненію:
 «если вы сомнѣваетесь, то одно лишь доказательство
 то посмотрѣ на свѣтъ, который доказательство заставитъ всяки дру-
 тель свѣтъ, и все-таки удерживаесть свое первоначальное
 пламя». Красавица убѣждена, но бракъ между влюблен-
 ными все-таки совершаесть безъ всякаго посредства
 церкви. Позомъ вѣтъ рыцари, вѣнчаесть съ новообращен-
 ной принцессой, отправляесть во Францію, на помощь
 Карлу Великому, на котораго напалъ Термонъ, сара-
 цинскій король изъ Танис. Меридианъ самой Хорьмелъ
 отправляесть на поиски приключеній и она, съ позволе-
 ніемъ Роланда, береть съ собою Моргану. Они вѣдуть въ не-
 придельскій лагерь и многихъ удиваесть; но скоро, окру-
 женные несметными колесувальными врагами, должны
 сдунуть силъ. Въ свалкѣ, когда каждый бѣжитъ замять
 Фоиско самилъ собою, Меридиана далеко отъ себя,
 сло снужника; но Моргану, видя, что принцесса осла-
 бѣла и уже готова унаесть, нахаетъ своимъ колокольнымъ
 языкомъ, прокладываесть широкую дорогу и, махая по-
 кучь наваленныхъ иль зруновъ, уносаесть Меридиану
 съ поля сраженія. Между тѣмъ оуесть Меридианъ, ко-
 роль Карадору, посилаесть къ Карлу Великому вели-
 каго Везурро съ зредованіемъ, что ому выдали его
 дочь. Везурро вѣтъ себя очень дерзко: на данной ому

аудіенція оскорбилъ императора и Оливсери сажали по,
 зорными ругательствами и даже бросилъ на одного изъ
 рыцарей съ своею удмеловскою дубиною. Рыцарь устоялъ
 оускокивъ въ сторону, императоръ спрагнулъ съ своего трона,
 все пришло въ движение. Морганте, козоровъ воодиче
 не повъ осажавая покойника и безубежденнымъ зри,
 делемъ никакого подобия, — кидается на Велурто
 и опрокидываетъ его на землю. Въ холлугу падъ
 келовкимъ падениемъ заносчиваго великана. Но зоръ
 поднимается и, оправившись, вызываетъ вельвъ палати,
 новъ на поединокъ. Оливсери убѣгаетъ изъ зала, тогда
 вооружившеся. Но Морганте двисуетъ оу недртотичи и
 уюндеръ императора позволить ему поитьряться си,
 лани съ великаномъ: „Я зрениу съ досади, говоривъ
 отъ, — если не убью его содубетниками своими руками.“
 Узвѣтъ Карла нельзя разелымаръ за шуюнкъ, подъ
 ндзюнкъ палатинами, и Морганте, безъ дальнѣйшихъ
 разговоровъ, бросается съ своимъ колокольнымъ язк,
 камъ на прозубника, козоровъ поджидаль его, снова
 вооружившись срашнкой дубиною. Нагивается не,
 исювай бой: Велурто падаетъ мерзвымъ, поразивъ,
 най срашнковымъ ударомъ колокольного язка.

Между темъ какъ Роландъ, по милосери Тачело,
 на, снова разсорившийся съ императоромъ, осаживаетъ
 парижскій дворъ, подуръ въ Персисо и фамъ, послъ звѣсти

приключений, попадаешь въ плѣнь; между тѣмъ какъ
 происками того же Талелона народъ парижскій им-
 маетъ Карла короля и возлагаетъ ее на Ринальдо;
 между тѣмъ какъ Ринальдо, услыхавъ о несчастіи Ро-
 ландо, снова возводитъ на престолъ Карла и стѣпичуъ
 на помощь своему родуственнику и другу; между тѣмъ
 какъ Ринальдо, испугавъ на пути въ Азію жонку и
 сѣмю приключений, возвращается съ Роландомъ и вѣтвуетъ
 съ нимъ осаждающъ Вавилонъ, — Морганзе живеть
 одинъ во Франціи. Тамъ онъ возвращается съ другими
 великанами, Маргудомъ, и страшиваетъ его, крещен-
 ный ли онъ? и въ кого вѣришь, въ Бога или Магомета?
 «Я не вѣрю, — отвѣчаетъ ему безбожникъ великанъ, ни
 въ ситюю краску, ни въ герцу; но вѣрю въ кашу,
 ма; въ вареного или жареного; иногда же въ мас-
 ло и пиво, когда оно у меня есть; больше всего я вѣ-
 рю въ вино.» Съ подобной же наглостью Маргудъ раз-
 сказываетъ новому знакомцу о своихъ подвигахъ:
 нѣтъ ни одного злодѣянія, которое бы не совершилъ
 онъ, — начиная отъ оубудіева и до мелкаго кошеч-
 никсва. Морганзе слушаетъ самохвалство Маргудда
 очень внимательно, и позавъ беретъ его въ седѣ въ спущ-
 ники, съ тѣмъ условіемъ, что онъ «будетъ вѣришь въ
 его колокольный языкъ больше чѣмъ во что ибудѣ.»
 Позовъ великанъ вѣтвуетъ оуправляющъ въ Вавилонѣ,

где Морганге снова хочеть сойтись съ своимъ господи-
 номъ, — и по дороге испытываеуть мнозисеубо приключе-
 ний, причемъ грубая надура Маргужа боеказываеу-
 ся въ полкомъ свѣзъ. Черезъ несколько времени вели-
 камъ эгоуь кончаеуть свое земное поприще самбымъ ко-
 мическимъ образомъ: увидавъ обезьяну, съ упоризельнѣй-
 шими ^{сентиментальными} ухажками надѣвавшую его сапоги, Маргужъ
 расхохотался и, оуъ смѣшнаго наирѣшениа кукулювъ,
 лопнулъ. Морганге находитъ своего господина въ Ва-
 вилонѣ. Роландъ узнаеуть его по колокольному звону:
 потому что великамъ, завидѣ палладина издали, спавъ
 подбрасываеуть своего дубину въ воздухъ и по тому оидеу
 на лѣзъ ловиль ее. Онъ оказываеуть при осадѣ города
 значительныя услуги арміи и рѣшаеуть подводу. Во вре-
 мя послѣдняго штурма онъ разрушаеуть башню и
 отвлаеуть широкую брешь, сквозе козорца палладина
 проникаеуть въ городъ. Роланда избираеуть королемъ.
 Но оберегаеуться, которое отвлаеуть ему чело и предсав-
 ляеуть сироту истиннаго рыцарсуба, оузаваеуть его и всахъ
 палладиновъ во Францію. Мдухъ они уфа для освобожи,
 деидъ Танелона Майнцкаго, козорай попалъ въ свѣзи
 старой колдуби. Козд Танелонъ поехадно и извѣсти-
 нически замышляеуть гибель Роланда, — но оонъ его род-
 ственникъ, храбрый палладинъ и по тому должиетъ
 буть освобожденъ. На образнахъ тузи корабля Роланда

туго не было опрокинуть кираль. Но моргане нападает на морское чудовище сзади и раздробляет ему голову своим колокольником языком. Это была последняя подвижка великана, сверху которого приключается уже довольно странному образу. Когда корабль уже готовился войти, то в гавань, морской рак хватал великана за ногу, и человек, козрой лот сразу же с цыблем войском, укирает от укушения маленького насекомого.

Со смертью моргане эпоха не оканчивается. Герой сходится со сестрой во второй дрене поэмы. В это же не, чего описывает замеслователь приключить, — как это же, мало же многие комментаторы. Автор ввел в свою поэму такое иносказание иносказательных лишь, что портилось с ними с разом не было никаких средств; между тем большая часть палатинов, рыцарей и даже при, никала такое басовое красие в иносказании поэмы, то автор не мог оставить неорито их недоказанного. Этого уредовали и слушатели, заинтересованные стран, ного судьбою героя; Я говорю, слушатели, поэтому что Пугли, по примеру древних расодов, гизам своего поэму за счалом Моренго Медичи Великолепного (Lorenzo Magnifico), в присудствии Трипичо, Поли, цизано и самых знаменитых людей той эпохи.

Пить моргане мадонне, без сомнений, одно из оригинальнейших произведений того времени. Моргане

является предвзвешенным добродушным юмором, грубой силой; это человек, который ничего не чувствует и не чувствует, сделав сам по себе, и поэтому последним нуждается в руководителе, которому отъ, впрочем, подчиняется совершенно охотно; это натура совершенно губительная, которая как нельзя больше доволна своим кругом своей мускульной деятельности и не подозревая, есть, что кроме этой деятельности мускулов существуют еще другая, высшая деятельность — духа и сердца. Взгляд с этой точки зрения личности Моргане является превосходно очерченным и мускулами наполняется гениальность создания Шекспировского юмора. Многие не знают как смотрят на подвешенную комическую фигуру Моргане, среди романтической обертки рыцарской легенды. Большая часть комментаторов думает, что поэты в этой гротескной картине сельдучь презрительно, но богатырство старинной рыцарской эпохи. Но верно, что отъ не хотеть уничтожить своей прозой обаяние волшебного романтизма, а просто создать нового характера обаяние интереса старинного романа. Это всего выродиться, поэтому что поэты с особенной любовью занялись созданием личности Моргане.

Но дальше этой поэмы значительно измывается; но, это пересекает быт оригинальностью юмористическим. Только один раз Пучки возвращается к своей привычной манере.

После зрочагелскаго описанія смерти Балдуина, Благороднаго и великодушнаго сына измѣнника Танелона, — поэтъ ведетъ насъ въ ограбленную кателлу, разрушенную, мрутся неподалеку отъ Ротсевадской долины. Тамъ помышляеся двое демоновъ зачать, чтобъ лобыздуши сарациновъ, убиваемыхъ франкскими рыцарями. Поэтъ, съ оригинальною, неумитно-комическою силой, изображаетъ усилія и уловки двухъ демоновъ и дьявола, скучно радуясь Люцифера при видѣ такой богатой добычи. На редкость форменнѣе придворіе христіанскихъ душъ. Св. Петръ подлѣтываетъ и обезсиливаетъ отъ безпрестаннаго озвораженія райскихъ ворахъ; поэтъ кажетъ уродомъ съ его тела и черепъ по волосамъ и бородѣ. Дамы поэма зрочагелскаго придерживаеся хроникки архіепископа Туринна.

Можно сказать, что съ веселымъ юморомъ и поэтическимъ цинизмомъ, Луиджи Пульчи въ рѣзкомъ тонѣ пародировалъ приключенія великана Морганте, одного изъ героевъ цикла сказаній о Роландѣ въ званіи своей сапуриесскаго эпоса, *Morgante Maggiore* (Великанъ Морганте). Хотя его поэтическіе герои ругаются и кривляются, какъ флорентинскіе носильщики, все-таки фигура великана Морганте носитъ на себѣ отголосокъ неумитнаго юмора и оригинальной силы Залатца, и въ поэма вертлгачеся прекрасная мѣста.

Меторія ирландской литературы XV в.

Меторъ замбогазельна рыцарская эпопея „Ирирфо
Калванео“ брата Луиджи — Луки Пуччи (+1490г.).
Содержаніе поэма слѣдующее: Пвидонъ, графъ Нардон-
 скій, соблазняетъ Палигретду, дочь короля Эмирскаго, по-
 зомка Триама, и покидаетъ ее беременною. Она хочетъ
 уйти съдѣ въ лесу, но ее обнаруживаютъ пастухъ и приво-
 дятъ въ своего хижинку. Тамъ она встречается другою женою,
 Минну, Массиму, козородъ которой была обманута и брошена,
 и послѣ разныхъ приключеній пришла изъ Тосканки
 въ Калванійскія горы, встрѣтила тамъ добраго пастуха
 и поселилась въ его хижинѣ. Она разрѣшилась отъ
 бремени мальчикомъ, козородъ, по имени горы, была на,
 званъ Ирирфо Калванео. М Палигретда родила маль-
 чика, козорода назвали бѣднымъ Аббедузо. Вскорѣ она
 умерла, оставивъ Массиму забора отъ отцовъ мальчицкаго,
 козородъ уже соединяла самую зѣбную дружбу. Они все
 издвигаются въ магомезанской религии и развиваютъ
 свои силы въ борьбѣ съ дикими звѣрями. Когда они стали
 юношами, Массима рассказываетъ отъ нихъ происхожде-
 ніи и особенно Ирирфо о преслѣденіи его отца. Юно-
 ши разлучаются, Ирирфо идетъ отъскрывать своего отца
 съ зѣбю, чтобъ увидѣть его. Но совѣтъ не позволяеть ему
 совершить отъездъ; поэтому онъ идетъ въ Римъ, ве-
 лить окрестить себя, беретъ у папы отпущеніе грѣховъ,
 отъправляется паломникомъ въ Иерусалимъ и встречаетъ

въ слугу Людовика французскаго, собравшагося въ кресто-
 вый походъ на Египецъ. Между тѣмъ Аббедухо убедилъ
 морскими разбойниками и проданъ египетскому султану,
 му Тидальдо, гдѣ принимается участие въ походѣ противъ
 французовъ и оказывается закусо храброе, что Тидальдо
 дѣлаетъ его рыцаремъ. Оба войска высматриваютъ на едино,
 борются храбрѣйшими своими рыцарей. Аббедухо является
 бойцомъ за Египецъ, а съ противной стороны высматриваетъ
 Гириффо. Парламентеры французскаго короля, Фралсконе,
 уговариваетъ Аббедухо принять крещеніе и перейти въ
 христіанское войско. Аббедухо попадаетъ въ западню,
 письменно даетъ обѣщаніе, и Фралсконе рожается-же идетъ
 къ султану, гдѣ объявляетъ ему о неискренности Аббедухо
 и доводитъ до смерти храбрѣйшаго рыцаря Эгнуса. Но
 Тидальдо признаетъ Фралсконе измѣнникомъ, и рожо-
 вариваетъ его къ смерти и великую привезти палача.
 Эгнуса оканчиваются оубовою.

Это первая попытка создать самостоятельную рыцар-
 скую эпопею, но Лука Пуччи не успѣлъ окончить
 своей поэмы, и ее продолжилъ Бернардо Джамбуццари.
 Въ поэму, Гириффо Камбатано видна вся главная чер-
 та итальянскаго Эпоса: любовь холодная или губитель-
 ная, но не самоозверженная и идеальная, какъ въ
 рыцарскихъ французскихъ поэмахъ, смѣсь эгоистиче-
 сь христіанскаго, неправдоподобія, безъисключеннаго,

невозможные подвиги героев, слишком легкое поведе-
ние героинь, насмешка надъ духовенствомъ, проия
и скендицизмъ.

Всего было три Браза-мисафелл Пуделли; но во всякомъ
случае Луиджи Пуделли значительно превзошелъ своихъ
Бразевъ Луку и Бернардо Пуделли. X

Тирзоги феррарскіе изъ дома д'Эсте издавна сопер- Домъ д'Эсте.
ничали съ флорентинскими Медичи въ покровительствѣ,
суть издѣланы искусствомъ. Поэтическая производи-
тельность вскорѣ перешла изъ Флоренціи въ Феррару,
чему способствовало то обстоятельство, что вскорѣ послѣ
смерти Лоренцо Медичи Великолепнаго, господство
его дома было уничтожено изгнаніемъ Медичи и ихъ
приверженцевъ монахомъ Джироламо Савонаролла,
который ввелъ во Флоренціи демократическую республи-
канскій образъ правленія. Въмѣстѣ съ роскошью и ве-
ликолепствіемъ двора Медичи прекратилось поощреніе
поэтическихъ талантовъ и государственная заботливость
о поэдахъ. Феррара съ тѣхъ поръ оставалась поодѣльно
многопредоставляемъ издѣланнымъ эпохѣ, и первый фер-
рарскій поэтъ, предпринявшій его разработку, былъ
Кіекко (Скиессо), объ обстоятельствахъ жизни котораго
зубко то и известно, что онъ былъ слѣпикъ (Скиессо) и
умеръ въ концѣ XV столѣтія.

Кіекко (Скиессо) написалъ рыцарскую поэму въ

1) Зина памф. Аріоста сатира на феррарскаго Гомберона

45 пьесныхъ, „Мамбриано“ (Libro d'arme e d'amore, но, тато Mambriano). Главные герои зурь — Мамбриано и Риналдо, и нѣкозороид приключеній нхъ очевидно служили образцомъ для позднѣйшихъ эпиковъ, какъ напр. пьеса Риналдо въ сѣзяхъ любви феи Карак, динь подалъ мысль Тассо изобразить пребываніе Риналдо въ огарованномъ саду Армиды. Цѣлое не лишеть единства и сурдагеръ оцсуреживель плана, са, миль невородивиль сльменіемъ хрисіанскихъ поидіи съ анзичной мисологіей¹⁾ и вильеть съ зелье меблагодприсуройносурго. Ксеско для эзай поэма вос, ползвовалей преимущесурвенно позднѣйшей вазувго Карловой легенды, незорідли сыновей Аймона.

За Ксеско слѣдущей

Риналдо

Марчео Бойярдо (1430—1494 или 1495 г.).

Марчео-Марія Бойярдо, графъ Скардіано, кодонокъ одного изъ самыхъ знаменитыхъ домовъ Ломбардіи; онъ ^{родился въ 1430 г. и} Риналдо Бойль вездь къ Феррарскому двору и слѣду, съ признакъ его, владѣльца нѣсколькихъ обширныхъ помѣстій въ средней Италіи, вассала и придворнаго повелителя Феррары Эстэ, предсавительель перехода отъ XV къ XVI вѣку, съ поры микнущаго ранняго Возрожденія къ временамъ помнаго блеска козд, новѣйшаго Ренессанса. Созод на службѣ повелителей Феррары Эстэ, Бойярдо умеръ въ званіи комондатура

¹⁾ напр. Плуто передъ судимильель Хриса, обвиняеть Полада въ ереси.

или губернатора Редонии (Redonno), въ 1494 или 1495 г., въ годъ взорженія иноплеменцевъ въ Италию.

Главнымъ произведеніемъ Магдео-Маріи Бойардо была рыцарская поэма, Orlando innamorato (Влюбленный Роландъ). Въ ней содержится: Королю Традассо захвачено и нѣтъ лошадей Ринальдову Бодурдо и мечь Роландовъ Туриндану; тогда завладѣвъ ими, онъ собираетъ большое войско и взоргается съ ними во Францію. Чтобы увеличить опасность, угрожающую въ этомъ случаѣ Карлу, поэтъ удаляетъ изъ Франціи двухъ храбрѣйшихъ рыцарей и защищаетъ ихъ любовью. Во время великолѣпнаго пируества, которое императоръ давалъ своему двору и знатнѣйшимъ изъ сарациновъ, по случаю открытія журнировъ, — дружъ между гезарблн великанами являея двѣ ослѣпительной красоты, Анджелика, дочь Талафрона, короля Кавайскаго. Она вызываетъ вѣтъхъ находящихя на лицо рыцарей на поединокъ съ ея братьемъ Аргалсей и срабитъ слѣдую, еще условіе: рыцари должны сразиться зорско конь, яли, кто, кого подбидитъ Аргалсей, османуетъ его плъти, никаки, а если онъ самъ будетъ подбидеиъ, то возвра, зитъ въ Кавай съ своими приверженцами, а Анджелика османуетъ въ награду подбидителю. Красота ея ослѣпляетъ всѣхъ рыцарей христіанскихъ и язы, скихъ, могодыхъ и саросихъ, даже самого императора,

1) Catai, позже это Кувай.

фактъ что вѣсь до единого принималось възвѣтъ и
 всякому хотѣлся мачать единоборство. Но императоръ
 назначилъ по справедливости державныхъ наладниковъ; пер,
 вѣй нумеръ дошелъ Асколсору; поединки начина
 ются. Асколсоро самоубвенно кидается на Аргальто,
 брата Анджелики; но оръ первого не прикасается,
 и въ концѣ своего прозвѣтника лезуть изъ стѣла и
 попадаютъ въ плечо; но Феррау въ концѣ концовъ
 убиваетъ Аргальто. Анджелика бѣжитъ въ арденн,
 скій лѣсъ, еще не дождавшись конца поединка; Фер
 рау догоняетъ ее; за ними слѣдуютъ Роландъ и Ринальдо.
 Въ зѣль-го лѣсу Ринальдо видитъ заколдованной
 незнакомки; напившись изъ него, отъ беруть забываютъ
 свою любовь и ложатся спать на траву. Между тѣмъ
 Анджелика, напившись изъ другого незнакомки, и въ
 ющаго совершенно противоположное свойство, немо
 венно поцѣлывала къ Ринальдо самую близкую
 сража, вѣнцо президиумъ незнакомки неависки. При
 дя къ зѣль-го лѣсу, гдѣ спитъ Ринальдо, она поражена
 чудной красотою рыцаря и осматриваетъ спящаго розами
 и лиліями. Визитъ просыпается и, увидѣвъ дѣву, воз
 гасъ не садится на своего коня и скачетъ оръ нея. Ан
 джелика бѣжитъ за ними и говоритъ Ринальду са
 мой пылкой слова, пока отъ не скрылся изъ виду,
 потомъ возвращается на президиумъ лѣсу и засыпаетъ.

смерти на речке Панама. Здесь он должен бороться
 с сурмикаем чудовищем, которое охраняет Москву. Чу,
 добинце победлено; но когда оно погубивало себя
 смертельно ранами, ударило ногою в землю; отъ
 этого удара выскочила железная связь, скрипя подъ
 нескою, и опукала Роланда такъ, что, не имѣя возмощи,
 Москви вывободился изъ-подъ нея, онъ долженъ умереть
 съ гонимъ подлѣ друга своего врага, — если бы другой ве,
 шканъ, еще сурмика претивля, не разорвалъ его
 цѣпей, поэтому то онъ хотѣлъ убить Роланда его сод.
 сурмика мечомъ — Дуриданомъ; но освободивши
 Роландъ нападаетъ на чудовище и убиваетъ его. Оттуда
 онъ проходитъ въ Теркессію, и видитъ тамъ Москву, по
 срединѣ которой стоитъ женщина и держитъ въ ру.
 какъ хрустальной кубокъ. По ея приглашенію, Роландъ
 выпиваетъ волшебное питье, налирое въ кубокъ, и возъ.
 гаетъ ея забываетъ свою любовь къ Анджелику. Тогда
 да его отводитъ на волшебный островъ Фаллерингу, где
 онъ, влюбивъ со многими другими излюбленными
 рыцарей, долженъ всю жизнь, полную губительныхъ
 наслажденій. Между тѣмъ Анджелику, которая за.
 перлася съ войскомъ въ главный городъ своего царства,
 Альбракк, осадилъ татарскій царь Африканъ, сватавъ,
 шійся къ ней и получивши отказъ. Напрасно защи.
 таетъ ее Сакрипанъ, храбрый король Теркессіи; Альбрака

взрда и разграблена. Анджелика спасается бегством
на горы островъ, где сидятъ много рыцари, тамъ она
освобождаетъ ихъ, разрушаетъ горы, и освобождаетъ ихъ,
ладими снова завсваиваетъ ей царство. Ринальдо тоже
принимаетъ участие въ этой войнѣ и, по счастію об-
сподаетъ, ему доводится вернуться въ единоборство съ
Роландомъ. Поединокъ этотъ длился два дня, и въ то
самое мгновеніе, когда Роландъ хотѣлъ уже нанести
смертельный ударъ своему противнику, являлся Андже-
лика, все еще влѣбленная въ Ринальдо. Роландъ оце-
няетъ оружіе безъ вреда подвѣшенному противнику
и, поминимъ меланію красавицы, отправляется раз-
орять заколдованный садъ и убиваетъ сдерживающаго его
дракона, котораго уже опустошили все окрестности сфа-
ны, уничтожили народонаселеніе и проглаживаютъ
всѣхъ рыцарей и дамъ, проходящихъ мимо сада. Ро-
ландъ жонгась же отправляется руда. Ринальдо излечи-
ваетъ свои раны и еще больше ненавидитъ Анджели-
ку за то, что она спасла ему жизнь.

Роландъ возвращаетъ дѣву, которая вручаетъ ему книгу
съ описаніемъ сада, всѣхъ его чудесъ и опасностей, и вы-
ска съ зѣлымъ улизъ его, какъ подводитъ ихъ. По этому на-
сравленію они убиваютъ дракона, сдерживающаго входы, по-
томъ внутри сада, одно за другимъ, подвѣщаютъ все пре-
мудрствъ: убиваютъ бѣшеное животное, осла, покрывало

золозой гешцей, великана, двух других великанов,
 родившихся из крови первого, и множества различных
 чудовищ. Но ему трудно еще держаться предающейся
 стужи. Он срубает расение, возвышающееся на широ-
 кой долине. Только что он это сделал, какь сон,
 не исчезло, земля заколебалась и густой дым, выходя,
 щий из пламени, покрыл все садь. Когда дымъ
 рассеялся, все садь исчез, и Роландъ увидѣлъ фрею Фра-
 мерину, привязанную къ сулоу срубленнаго дерева.
 Фралерина проситъ рыцаря пощадить ее и говоритъ, что
 она дѣйствовала только по приказанию злой фри Мор-
 ганы. Роландъ рѣшается напасть на злою волшебни-
 цу. Знакомитъ Фралериную съ дорогой и вѣстни-
 едъ прендъувѣднн, Роландъ приходитъ къ мосту, гдѣ
 его встрѣчаютъ великановъ, суровыхъ замка; великановъ схва-
 тываетъ рыцаря въ охапку и влѣчетъ съ нимъ куда-
 ся въ воду. Погрузившись на дно озера, Роландъ видитъ
 передъ собою хрустальной, сверкающей прекрасными
 красками, грозъ Морганы. Роландъ удивляетъ исполнн-
 и влѣчетъ въ грозъ. После безчисленныхъ чудесъ, онъ
 находитъ наконецъ фрею, сплзную во вѣтренности
 грозъ и символически представляющую богиню фор-
 зунн. Рыцарь освобождаетъ волшебницу на бредъ, но,
 возвращаясь назадъ, чтобъ овладѣть ею, уже не нахо-
 дитъ ея и вѣсть его поиски напрасны. Тогда начинаеть

его мучитъ раскаяніе. Но форзукъ опять возвращается къ нему и, не держа вѣрности, Роландъ схватываетъ ее за волосы. Тогда онъ зрѣдуче и полуглазе клочья оубъ земли, цы, освобождаетъ вѣсьль дамы и рыцарей, между коими рыцари находилась и Ринальдо, попавшій сюда послѣ самыхъ удивительныхъ приключеній. Вѣсь рыцари оубъ правляются во Францію, а Роландъ — въ Кахай. Зримъ кончается первая часть поэмы.

Содержаніе второй части или книги:

Къ событіямъ, коими данъ поводъ съ одной стороны перекрестная любовь Роланда, Анджелики, Ринальдо и Фрерра, съ другой — война Градассо съ Франціей, зачѣмъ дѣла завоеванія Ринальдова коня и Роландова меча, — въ началѣ второй части присоеди. няется еще одно происшествіе, — именно походъ, предпринятый прозивъ императора Карла могучимъ королемъ Аграмантомъ, оубъ козорого, Тродро, когда-то погибъ во Франціи. Къ войску его прислали многие оубо сарациновъ и мекиду прочимъ знаменитый визязъ Родомотъ, оубъ родомотъ. Но, по предсказанію, Аграманту не будетъ счастья въ этой войнѣ, если въ ней не приметъ участія молодая и прекрасная Рудисе, ро (Рудигеръ), козорый, вѣнчуетъ съ сестрой своей, поручивъ надзору сарала волшебника Агласа. А найди его замковъ можно только при помощи волшебнаго конца,

Козоримъ обладаеъ Анджелика въ Кагате. Аграманъ
 отъицаеъ королевство Голу, кто добудеъ ему это кольцо.
 Вызоваеъ способный на всякое мошенничество кар,
 ликъ Брунелло. Викторъ отъ являеъ не только съ коле,
 цомъ, но и съ боевыми конемъ Сакрипанца, съ мечомъ
 Марофизы и даже съ мечомъ и рогаомъ Полада; все это
 отъ украеъ послъ самыхъ разнообразныхъ приключе,
 ний, занимательнo разсказанныхъ въ пещерахъ или
 пещи пещидь. Въ награду его Долатоъ королевъ Пин,
 гизана. Замокъ генеръ найдено, но нтъ никакой воз,
 можности войти въ него. По мудрому совету одного ко,
 роля, у подошвы горы рыцари заговариваеъ фурциръ;
 Руддигеро слодитъ съ горы и приходитъ утася въ по,
 жинной бивъ; Аграманъ возводитъ его въ самъ рыцаря и
 приходитъ въ свое войско. Азлаъ видитъ наконецъ, что
 отъ долгие покорилъ судьбѣ, и отицаеъ своего пидица;
 отъ предсказываеъ ему множество приключень въ Францїи,
 и говоритъ, что сдѣлавшия христіанство, отъ утася
 отъ извѣна майнцскаго дома, но что только его, при,
 ца Дезз, будучъ блистаеъ въ послѣдннмъ возрастающей
 славы.

Итакъ война съ Францїей началась. Паладина спъ,
 маъ на помощь Карлу и приходитъ во Францїю,
 каидный послъ безмисленнаго множества приключений.
 Когда улодитъ Риналдо, Анджелика не можеъ охраняться

въ Карла, а Роландъ сподусеть за него. Ринальдо и Анджелика отъѣзъ, кажда въ порознь, приходяще къ волшебному источнику арденнскаго лѣса; много муть него, и зомлась же роли ихъ мнѣлось: Анджелика начинаеть те, навидоуеъ Ринальдо, а зомъ начинаеть ее любить. Позомъ, ну происходоуеъ суррашней поединокъ между Роландомъ и Ринальдо. Анджелика въ чмась двожинъ къ императору съ извоуеиель обь Эой расѣрь. Императоръ пору, гаеуъ царевну зашцить герцога Накота и успокоиваеуеъ брандоуоущихъ вуждеиъ обьщаніель разобраеъ ихъ дѣло съ мудровель безприсурасіель.

Теперь выстунаеуеъ на сцену два новые героя: Руддизеро и Брадаманца; оба они прикинаеуеъ чмась въ безчисленномъ мноисеуеъ дужь и поединковъ. Руддизеро горюеъ неуртвѣиель поиторитъ силами съ Роландомъ, но кародтай вжлась благоразумно оукура, наеуеъ оуеъ своего нѣромца вѣкюю возмозимоеуеъ такой вѣртыи. Брадаманца зоме совершаеуеъ чудеса храброски, между прочимъ она вадерживаеуеъ продолжителное единоборство съ Родомотзоуеъ. Той Эоуеъ она ведеть влѣеуеъ съ Руддизеро, козорей, сизад Брадаманку за незнакомаго рацаря, вызываеуеъ засудитъ ся мѣсоуеъ въ поединкѣ съ Родомотзоуеъ, закъ какъ она должна постыиитъ на поноуеъ императору. Брадаманца возвращаеуеъ оуеъ Карла въ то самое мѣновейе, когда

Родоновица, оглушенная ударом Гудисеро, признает себя победленным и уходит. Она хочет познаться с брабронью рыцарем, и Гудисеро рассказывает ей всю историю своего происхождения, воспоминаний и приключений. Сердце дитя воспламеняется любовью к рыцарю, и по его просьбе она рассказывает ему свое имя, свое происхождение и свой пол. Влюбленная с злостью она снимает шлем, золотые волосы падают на плечи. Красота ее так поражает рыцаря, что он не в состоянии произнести ни одного слова. Вся эта сцена полна простоты и естественности. Разговору двух влюбленных помешали сарацины; в схватке с ними Брадаманту ранит оруженник, излечивает ее, но она должна отрезать свои длинные волосы. Остриженные волосы вводит в заведение фюрдингину, которая влюбляется в Брадаманту, принимая ее за лоношу? — Поэма неокончена.

Кризиса.

Из этого сказочного очерка поэмы видно, какой неслыханной фантазией обладал автор. Влюбленного Роланда (Orlando innamorato). Каждое маленькое отступление далеко еще повод к новому узлу в интригу, и без того уже до безконечности запутанной; поминутно, но вливаются новые эпизоды, вводятся новые лица, и надо сказать, почти всегда вводятся шельмажи. Магистерьяль для Бойярдо послужила Карлова легенда

и это событие разбивается Ариосто в 25-ой пьесе своей поэмы „Orlando furioso“.

в самом обширном ее объеме; впрочем, поэту польза, сзидя его совершенно свободно и проявляясь блестящими образами своеобразия фразы в изобретении и гримасе, робкая лица, похоти и казасуррофа. Подобно своим предшественникам отъ начинаеть поэту в шуршавъ зонтъ, и съ самаго начала спозриеть на романтическій миръ золото какъ на красивую и удобную сцену для похоти, деній героев, какъ на милоя и блестящая бредни, гдѣ можно дажъ полный прозоръ пригудать и проини, но, одаренный французскимъ кубеубомъ, выводитъ идеаль ро, мануизма, идею рачарезва, изъ области маслѣшки въ сферу серьезнаго вдохновенія и составляетъ замкнутъ обра, зомъ исключение изъ обыкновеннаго тона црагьднскоя эпохи зого вренени.

Главный недостатокъ этой поэмы — неясность харак, рисунки. Впрочемъ это недостатокъ вообще црагьднскоя эпохи, гдѣ выводится на сцену такое множество дѣйству, ющихъ лицъ, что огульная обрисовка характеровъ сра, кобиеть совершенно невозможнаго, и все вниманіе поэта поглощено веденіемъ интриги и изложеніемъ до безконечности запутаннаго сюжета. Другая причина на неясности характериски заключаетъ въ томъ, что поэту совершенно отрывалеть отъ почвы дѣйствительнаго и переносить своихъ героев въ французскій миръ. Лицосеть Орландо (Голанда), главнаго героя поэмы до.

воисно блвдная. Въ самомъ началѣ поэма уже удѣвляе,
 шведъ въ его неподдаемости; поэтому дальнѣйшіе его
 подвиги не представляють интереса. Это поношение, по-
 ти срадаательное, и это далаекъ для него сравненіе съ са,
 рафинскимъ героемъ невыгоднымъ. Сарафинъ — сорока
 настураембояд, ильющаа сознаательную цѣль, для божи,
 менія козрой они приводятъ въ движеніе весь средсва,
 и далаекъ какимъ образомъ главными дѣятелими зноса,
 напрозвѣ, Хрисіане слушать предметомъ нападенія на,
 срунающей стороны, дѣйсвующе не массой, воодушевлен,
 ною единсвобно цѣли, а болшето часію оудѣлными
 парзійми; все у нихъ дѣлѣетъ случайно; иль безиресхан,
 но потогатоуъ зо свѣдѣе, зо фен, и даме изъ кризиса они
 выходятъ всегда при помощи какого нибудѣ чуда. Поэма
 называеетъ, Влюбленный Роландъ; между тѣмъ любовь
 героя къ Аидмелликъ являетъ въ поэма чужд видномъ
 очеркомъ: это — зольско эпизоде, едва замѣтный въ пѣснѣ,
 иель сумбуръ романтическихъ приключеній. Старый
 императоръ Карль во вѣль рыцарскихъ поэмъ игра,
 етъ салую печальную и недоеройную роль. Онъ слабъ и
 легковѣренъ; его легко раздражигт и еще легче усно,
 коуе; онъ какъ дал послушно поддаеетъ вышенианъ
издѣтнника Тамелона, не смогръ на зо, что уже не
 разъ былъ виссоко наказанъ за эту добтарчивоест. По,
 величель Хрисіанскаго міра знаетъ ничего не лочеръ

о своемъ государствѣ: онъ забочился только о своемъ дворцѣ, да о врагахъ, если они на него нападутъ. Онъ цехробилъ праздники, предсѣдающаго събиралъ на турнирахъ и пр. Ринальдо, котораго сроднѣ въ болѣе зрѣлыя оумошениды къ Анджеликѣ, былъ Роландъ, — предсѣдатель, тоже весь на неразвѣтнѣй характерѣ. Того же рода изъ волшебнаго колодца Мерлина Борухъ превращалъ его любовь къ Анджеликѣ въ ненависть и равнодушіе, тогда какъ тотъ же на, низокъ возмнилъ въ Анджеликѣ самую пламенную любовь къ Ринальдо. Високъ дѣлалъ за нее вода производилъ совершенно обратное дѣйствіе, какъ что Ринальдо любилъ Анджелику, а за ненависть его; и этой ^{nicht hinreichend, nicht vollständig} незамысловатой выдумкой мотивируется самая главная часть дѣйствія. Внутреннихъ побужденій, которыхъ бы заслуживали эти, сробавъ самосодѣянно, нѣтъ ни малѣйшаго слѣда; во вѣтъ нѣмецкія эпосы Роландовой саги движущаяся только марионетки, которыхъ нѣтъ дѣлать за низокъ. Онъ совершенно по своему усмотрѣнію.

Одинъ изъ болѣе удачно охарактеризованныхъ въ поэмѣ — Ахонсо. Онъ слытъ въ любви и въ сраженіи, но по храбрости своей все-таки ниже палладиновъ, въ томъ же онъ тщеславенъ, и для каждаго неудачнаго исхода какого нибудь дѣла, для каждаго поразенія въ раздорѣ съ рыцаремъ, для каждаго презрительнаго отказа въ указываньи за дамой, — у него наготовѣ изъ,

бинение, обезавленное почти всегда нестерпимыми прикосновениями
 чужо бившимми. Совершенно заклинь же онь являеся
 въ первомъ бою, когорый ведуть рыцари и саракины за
 обладание Анджеликой. Асзонсфо емоубверено ки,
 даеся на Аргалю, Брата Анджелики, но онь первого
 же прикосновения коня своего прозубника, лезитъ
 изъ сѣдла, — что, впроемъ, для него дало не новое. Но
 онь и дуръ въреть своему характеру: поседино вообра-
 тая себя мерзвой какой-то бѣдсвенной удачи, Асзон-
 фо и теперь разливаеся въ длинныхъ шалобахъ на
 теснокую судьбу, разрушающую все его кавтеренія
 и сваливаеъ все бину на сѣдло. Когда Братъ Андже-
 лики былъ убитъ, и она сама бѣдширъ въ арденнскій
 мѣсь, преследуемая рыцарями, Асзонсфо завладеваеъ
 конемъ Аргалии и идеъ въ Парижь, не подозревая,
 что каждае прикосновение этого волшебнаго коня
 сразу выдываеъ изъ сѣдла прозубника. Тамъ открыея
 бѣдшой дурмиръ, и французскіе рыцари въ срашномъ
 горь. На арену вселутили непобѣдимый саракинь Фран-
 допю и вызываеъ на бой вѣсьхъ рыцарей, а между темъ
 вѣсь зренищуръ одного его взгляда. Двое чинъ выброшени
 мь изъ сѣдла, — дазначитъ Муджери и епископъ Тур-
ниль. Все рыцари двора Карла оставили поле дурми-
 ра; одитъ зомко Трирѣне ослилисе вѣйзи на бой
 съ великаномъ, но и онь скоро огузише на песокъ. Шесре

другихъ рыцарей похертели зусе угасе, — даше такыхъ
 героевъ какъ Ричъардеззо, Алардо и Сливъери, Грандоніо
 бросаетъ на землю и, отъпеченной побѣдой, просураетъ
 свое высокоствріе до того, что самими оскорбительными
 словами поноситъ наладиновъ и самого императора, ко-
 торый присвоистенной и разгнѣванной, зисекко малуе,
 ся на покинувшихъ его рыцарей. Въ эту здиселучо ми,
 нузу и прихолозъ на журниръ Асолоффо. Отъ все слышалъ
 и видѣлъ и, подозрекаемой неудаками христіанскихъ
 рыцарей и циреками императора, проситъ позволенія по-
 мѣризе свои силы съ дзвотникомъ. Отъ вооружаетъ и
 садитъ на коня. Зридели узат хорошо зтатозъ Асолоффо,
 поззочу они не идучъ никакого добра озъ его удами;
 даше самъ императоръ съ неудовольствіемъ говоритъ своей
 свизъ: Этого срама не досекавало еще намъ! — Выпзняетъ
 Грандоніо, гордый своими побѣдами; выпзняетъ и Асоло-
 ффо, хоть немножко поблѣднѣвшій озъ сраха, но гоховій
 скортые умереть, гнѣмъ перенесри позоръ. Рыцари свызнаютъ
 ся, и при первомъ зие прикосновеніи волшебнаго коня,
 Грандоніо падаетъ на землю. Все изумлены въ высшей
 степенки и испускаютъ крикъ радости. Но Асолоффо, не,
 подозревающей чудесной силы своего коня, удивленъ
 болше вѣсьхъ и какъ будзо самъ малинаеъ вѣризе въ
 своего храдроеъ. Оубавало поблѣдизе еще двухъ сарацис-
 скихъ рыцарей, но и зъе такше легко выдроменое изъ

судила неподобливить Асольсфо. Зрители не знают, что сказает о законе гуде, и самъ Асольсфо думает, что отъ грезитъ. Это гисросердечное недоумителіе рыцаря, въ виду сво- ей неопытанной доблести, превосходно обрисовывается ха- рактеръ Асольсфо.

Совершенной контрастъ съ этою личностью представ- ляетъ сарацинскій Феррау, характеръ, тонъ хорошо очерчен- ной, — теловѣкъ, одаренный необыкновенной силой, де- лкой храбростью и сурасной любовью къ независимости. Въ томъ бою, гдѣ Асольсфо въ первый разъ встречается съ Аргалей, Феррау выдрометъ изъ судла прикованіи, емь заколдованнаго коня Аргалей и, вытѣснъ того, тобѣ спокойно оудаетъ въ плать, какъ Асольсфо, съ бѣшен- ствомъ кидаетъ на чедирель великановъ, которые хотѣли свдзатъ его, и убиваетъ ихъ. Плещезно наполняется ену Аргалей условія бою. Феррау выхваиваетъ свой мечъ и сурашное единоборство начинается снова. Анджелика, боает, что бою зрозъ коницѣ не добромъ для ея брата, бѣжитъ въ арденнскій лѣсъ; Аргалей слѣдуетъ за нею; Феррау гонитъ за ними; догоняетъ Аргалей, засраивля- етъ его снова драгся съ собою и не успокоиваетъ до уалъ поръ, пока не наноситъ своему сопернику смертельной раны. Умиравощій рыцарь умоляетъ броситъ урчкъ его въ рѣку, зачѣмъ, тобѣ никто не догадался объ его по- зорной смерти. Феррау обтываетъ ену это и проситъ замско

позволения взять дна на гезаре шлемъ, поэтому что свой
онъ похерялъ во время сраженія. Аргалъ живаеъ въ
знакъ согласія и умираеъ. Феррау сникаеъ съ него шлемъ
и надѣваеъ на себя, а друтъ Аргалемъ бросаеъ въ рѣку.

Нѣсколко времени онъ просодалъ надъ рѣкой, размарри-
валъ круги, образовавшіеся на водѣ отъ паденія дѣла, и
потомъ задумчиво идеъ къ югу отъ арденнскаго лѣса. Это
чрезвычайно мѣлкая и живая черта въ характерѣ пылка-
го сарацина, яроуетъ позораго факъ мгновенно сникаетъ
при смерти врага и даже почти превращаеъ въ раскѣ.
Внѣе о слишкомъ необдуманно совершенномъ поступкѣ.

Надо сказать, что вообще сарацинскіе герои гораздо
интереснѣе христіанскіе, поэтому, что дѣйствія сарацин-
скіе рыцарей возможныея болѣею ясною вънутрен-
ними причинами, тогда какъ христіанскіе нападены
являюся почти всегда слѣпными иррационали случая и
характеръ ихъ рѣшительно не можеъ совпадеъ съ та-
рами производящихъ ихъ волшебниковъ.

Тѣмъ не менше поэма итѣеъ блестящій мѣста.
Возь, напр., превосходный эпизодъ, гдѣ послушный же,
паніаль Анджелики Соландъ озиряеъ разорѣзъ,
колдованной садъ и поуръ изумляеъ неслыханностию
своей фантазіи, обиліемъ образовъ, изобрѣтательностию
въ событіяхъ и описаніяхъ, яркою колорита и живи-
менностию своихъ картинъ. Здѣсь раскинуто передъ нами

все богаче во всеобщем сказок; здесь мы находим оригиналы волшебного охрота Алкиды, в описании козорога Ариосто превзошли бойярдо только гармония, поэзия языка, но не богаче вымысла и не очарования земной живописью роскошных пейзажей.

Ариосто взял из этой поэмы большею частью подроб. сюжет в сплетении происшествий, весь план своей поэмы Orlando furioso (Мешеровый Роланд), главной рв. ^{5-е} часть двисвйд, да еще множество мелочей в описании путешествий, сражений и любовных исхорий. Мы слышали, что императорь Карл Великий поручил Алкиде мху защитить герцога Намона. С этой точки Ариосто исходитъ в своемъ продолженіи и последователно развиваеъ и заканчиваеъ весь сюжетъ, начавшійся в этой поэме, 'Влюбленного Роланда'. Особенно это относится къ эпизоду о любви Рудисеро къ Градаманте, сестры Ринальдо. Ариосто преимущественно занялся этими эпизодами; поэтому у него больше выдвинула вперед война Аграманта противъ Франції, тогда какъ главный сюжетъ бойярдовой поэмы, — предприятие Традассо и перекрестная любовь Роланда, Ринальдо и Анжелики совершенно отступили на задній планъ, такъ что да же обширное продолженіе Ариосто, сохрвено говоря, не закончило громаднаго плана, задуманнаго бойярдомъ.

- 18) Немного и армянская монография по этому предмету:
о главнейших и упомяну еще при разборке произве-
дений армянских писателей.
- 19) Розановъ, Вискъ просвѣщенія въ армянской литературе.

Die Beerdigung findet Freitag den 23. c. um 12 Uhr mittags
vom Trauerhause aus statt.

Die Tochter.

Dorpat, den 21. Mai 1914.

Druck von G. Mattiesen.

Мы здесь остановимся на Бойардо Болте, чьи бы
 следовало, чтобы зочные оцтннчъ его подражателя и про,
долназеля Ариосо, которому обыкновенно приписывають
 доэпоическу, еку не принадлежанца. Последние жансы
 Бойардового, Влюбленного Романа, въ которыхъ выраже,
 на скорбѣ поэта по поводу чуже насущавшей невзгоды (хотя
 оны оцтннчъ не предугубовали велья ея разноробствъ), являющъ
 ся замѣчательными въ своемъ родѣ поэтическими намятми,
 комы на рудомъ двухъ разнородныхъ зочнъ.

Бойардовымъ эпосомъ, Orlando innamorato начинающъ,
 ся поэзія, котора, возвысившись надъ сафирой и шувовской кар,
 рикадурой XV века, проникла при всей веселости своего
 общаго тона, болѣе репннчъ соубувннчъ къ изобразительнымъ
 сюжетамъ и гораздо болѣе серьезнымъ оцтннчъ къ выс,
 шимъ художественнымъ цѣлямъ. Хотя довольно сомниреть,
 но приписываеъ поэту ^{ф. 200-210} неподдельное удивленіе предъ
 востъвасннчъ или средневековыми героями, зчннчъ все же,
 ннчъ ясно, что благородный придворный герцога Эрколе
 Феррарскаго смозричь на ннчъ въ полной свободой мысли
 и прнннчъасубенно сннннчъизируеть рыцарскннчъ нравамъ
 и галантннчъ наклонноселья своихъ палачннчъ. Почти
 небозричал по своему плану и нннчъригаль, хотя и слабая
 въ смыслѣ характеристики, эта поэма заключаетъ въ себѣ
 оцтннчъствоя пнннчъ, двннчъувннчъетно оцтннчъствоя по чрезъ,
 выкайной живосннчъ изложннчъя и какъ-бъ оцтннчъствоя

наглядности образов.

Бойярдо, кроме латинских стихотворений написал множество сонетовъ, канцонъ и херцидъ, однако главнѣйшее произведеніе его была и еще рыцарская поэма „Влюбленный Роландъ“. Къ созданию этой смелъ не дала ему кончина этой поэмы, и порванную нить Роландовой саги сурово было окончить поэту, еще болѣе даровитому, — Аріосто.

Существуетъ русскій переводъ этой поэмы, сделанной съ изуродованной французской передѣлки: „Влюбленный Роландъ“, соч. Бойярда, пер. съ франц. Я. Булгаковъ, зг. 1777г. — 2-е изданіе 1799г. — Разборъ этой книги помѣщенъ въ „С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ“.

XVI столѣтіе.

XVI-ое столѣтіе, это — эпоха Возрожденія, или лучше, это — совпаденіе расцвѣта гуманизма съ эпохою Реформаціи. Пособіе.

Введеніе.

Съ концомъ XV-ого и началомъ XVI-ого вѣка совпало расцвѣтаніе гуманизма, эпоха оживленія всего хлѣба науки, изъ козорыхъ имѣя находились въ совершенномъ упадкѣ, имѣя еще болѣе осужденны на безплодную задлужденіи, благодаря царившимъ въ средніе вѣка генеретію мысли и болѣз.

История итальянской литературы XVI ст.

ментной французской. Изучение древних языков и литература составляло при этом зольско средство, между тем как целью всего движения, охватившего собою ринициально всю сферу, являлась сама жизнь. Было во внешней сфере важно, что по мере того как росло сознательное понимание величия погибшего языческого мира, люди все больше утверждали себя гуманистами организмы эпохи средневековой жизни, и необходимо признавать, что плодотворные зародки всего необходимого Бога, того человеческого достояния последующих столетий всецело заключались в грандиозных и всеобъемлющих сферах XV века.

Подводя итоги деятельности итальянских гуманистов, нужно заметить, что вызванное ими великое человеческое движение было во общем благоприятно для развития европейской мысли. Оно освободило ее от клерикального авторитета, пустило в оборот массу новых идей, изощрило критическую способность и положило основание священной науке. Не много найдется от расей в сфере науки, в которой итальянские гуманисты не внесли бы обновления. Они создали грамматику и критику Геккера, преобразовали науку, положили твердое основание пед.

гоги, археологии и исторической кризисъ. Одними
словомъ, за исключеніемъ развъ науку естественъ,
натуръ и математическихъ, нѣтъ той области, которую
они не преобластывали бы нуремъ изученія
наидриковъ свѣтской науки, заботившись нѣмъ
древними.

Тѣсная суровая дѣятельности итальянскихъ
гуманистовъ заключалась въ нѣмъ нравственномъ
вліяніи. Хотя гуманисты и не были виновны въ
общей деморализаціи итальянскаго общества,
хотя въ средѣ нѣмъ находились люди высоконравъ,
свѣтлые, но общій дѣлъ итальянскаго гуманизъ
на предвѣлялъ въ нравственномъ отношеніи
мало привлекательнаго. Это были люди гордые, смъ,
зависѣ сѣбѣ высшими организмами и насраждетъ,
но зредовавшие славы и денегъ. Исканіе славы,
но нѣмъ выразенію Виллари, было „демономъ
эпохи Возрожденія“, искутавшими всѣмъ итальянъ,
явскими гуманистовъ, начиная съ Петрарки. Тѣмъ
минусъ нѣмъ не предвѣляло къ жизни нѣмъ,
какимъ идеальнымъ зредованіи. Индифференциальныя
къ религии, нравственности и гражданскому долгу,
они безъ всякаго колебанія продавали свои перья
за нѣмъ людямъ, какъ Цезарь Борджиа. Въ саомъ
нѣмъ отношеніи къ классической литературе, ире.,
у какъ, напр., Марсиліо Фичино или Пико де ла Миранъ,
дола.

имущественно римской, у них преобладало увлечение формой; болонизм сравнил свои идеи, алошь усвоил себе цинцеронобовский слог, и кто больше успевал в Этом, тот пользовался болонским почетом. Только беззаботным увлечением классического древности объясняется то обстоятельство, что болонизм в итальянских университетах не перенял родного языка и писал исключи-тельно по-латыни.

Конечно, не было недоедания в борьбе и смысле производившим и со стороны средневекового духа. Так как новый гуманизм прежде всего проявлялся в болонизме существовавших тогда универ-ситетов, обусловив возникновение и многих по-вальных высших школ, то схоластика зтем проиграла и проиграла зашла в своих последних уверды-ндах, и оснеорогенная борьба, козорую в первое десятилетие разламываемого периода, в качестве поборника гуманизма, принялось вези Фогану Рейхлингу (+1522) прозивь болониканцев Келнского университета и в козорой приняла участие вель (преимущественно же немецкие) представители гу-манизма, слушила живым свидетелем того, что гуманизм сражался не с призрачными врагами.

Связанное со многими блестящими именами Возрождения древности оказало на новую литературу как нельзя более сильное и прочное влияние. Не только приобретение нового удивительного материала, но и большая ясность и уверенность самодеятельности, с которыми смотрели на это новое достояние и пользовались им, уже вскоре дали себя почувствовать во каждой, отдельно взятой, литературе. Сами гуманисты, как ни высоко ставили отнюдь прямое подражание и (до известной степени) даже перенивание древности, все же сознавали, что сущность античного духа заключалась именно в тесной связи его с природой, и они приняли самое живое участие в борьбе из-за жизненных задач своей эпохи и посвящали свои латинские стихи и прозу на слушание и вопрошание, волновавшими их современников.

Но, как мы уже видели, влияние гуманистов, гуманистических сурреждений не было безусловным, но благоприятным. За одно с средневековой фантазией новое направление вознесло закваску и истинную фантазию и неподдельную полноту жизни, много вынужденней убедительности и истинного чувства не редко заслуживала похвалы риторика. Преобладание во поэзии риторических элементов,

склонности к численному формализму и академической условности, которые, начиная с XVI столетия, во некоторых литературах начинаются выступать на первый план, сличение и иерархизация наук, нравы и художественных задачи, всему этому родами были положены в эпоху Возрождения, не смотря на все чрезвычайное живучесть и плодотворное его влияние в других отношениях. Со всеми этими ни одна литература не могла бы безнаказанно издаться нули гуманизма и вза, много соприкосновения с ними: благозвучность видней гуманизма, именно в цветущую пору Возрождения, рывительно переключивается на сторону невыгодную его стороны.

С гуманистическим движением, которое в первая три десятилетия XVI столетия достигло высшей точки своего развития, почти совпало начало реформации, величайшего движения, которое, нарастая виками, наконец охватило европейский мир и до глубины взволновало народную жизнь. История реформации также является повсюду в связи с историей литературы, и на целое столетие реформаторские стремления и продвижения обусловленной ими реакции составляют главный фронт всей тогдашней численной деятельности

Реформация.

и Людовичесветного зворесуба, — нейтральной почвы, можно сказать, вовсе не существовало. Если в реформации снова с помощью силы ожить, по существу своему, средневековой духе исключительно церковного направления, оуптисенной было и подьиденный гуманизмом, то зтьмь не менее отъ всууимь реперъ въ союзе съ чинсувенными силами, козорья высунили на исходъ XV столѣтїя, соединилъ со суремленїями чиего мїрскаго характера (при зтомь не рѣдко искажалъ и принимая несвоейственную ему окраску) и, что вазимые — главные всего, разрушивъ великое единство средневековой европейской церкви, провозгласилъ свободу внутренняго подьиденїя и права на выраженїе сокровенной, тинь чубеубъ и помысловъ каждой оудьельной личности.

Въ зтомь быль колосалный позрїсенїи и переборозовъ и велигесветной внутренней борзбы, кофорцо пришлое зогда переимуръ каждому мѣсяцъ цену челоубку, долзины были созубавъ сильныя и оригинальные характеры, долзины были проскуръ съ все палитной индивидуальной силы. После первыхъ десятилетїй реформации, оулаваивилъ бурный характеръ и зрїтимо революціоннаго движенїя, зроче недавно возникшїй протестантизмъ,

а съ появленіемъ Калвина и сами реформатскія церкви въ юго-западной части Европы казались поборомъ своимъ авторитарномъ всякія вредныя увлеченія индивидуальнаго духа, при этомъ проявляя почти еще болѣе суровой неуступчивости, чѣмъ это дѣлала преемде и за тѣмъ тѣмъ усерднѣе въновѣе, перс принималась старая римская церковь. Но на дѣлѣ это оказалось на столько несомнѣтельнымъ съ истиннымъ духомъ реформаціи, со созданными протестантскими политическими и обществеными отношеніями, что индивидуальное развитіе въ каждой области, въ особенности же въ либерализмъ, было признано правомъ не подлежащимъ болѣе сомнѣнію.

На исходѣ XV столѣтія, въ противоположность предшествующему времени, когда оказывалось сильное одностороннее предпочтеніе всему античному, италійская поэзія въ національномъ духѣ быстро Италійская поэзія XVI ст. достигла неопредѣленнаго процвѣтанія, которому на первыхъ порахъ не повредилъ даже несчастный поворотъ въ судьбахъ Италіи, наступившій вслѣдъ за неаполитанскими походами французскаго короля Карла VIII. Въ продолженіе столѣтій Бурбоновъ, сколько и блестящихъ декадъ, отъ перваго вступленія французовъ (1494 г.) до уничтоженія флорен,

зийской республики (1530г.), когда самые важные события совершались на почве Апеннинского полуострова, итальянцы, исполненные умственной бодрости и возвышенных стремлений, ознтобы не падали духомъ; скорее, наоборотъ, подъ напоромъ совершавшихся событий, казалось, грозившихъ сокращенъ судьбу этой нации, сказалась вся мощь завовавшая въ ней индивидуальной умственной силы и нравственной воли. Весь величавый драматизмъ, все смущенное броженіе этого зруднаго времени, съ одной стороны, и унаследованныя отъ лучшей поры и казавшіяся неискоренимыми полнота жизни и свѣтлое раскрытіе духа, съ другой, — словомъ, весь преобладающій и недосказанный идеалъ итальянской жизни и образованности нашли себѣ полное выраженіе въ современной литературе, особенно же въ поэзіи Мрагдвнцевъ.

Говоривши въ введеніи въ общель о расцвѣтѣ и характерѣ гуманизма, о церковной реформѣ и итальянской поэзіи XVI столѣтія, теперь можемъ перейти къ разсмотрѣнію отдѣльных тисаделей, ихъ подразделеній, направлений, школы и т. п.

Аріосто (1474—1533г.).

Смерть Магдео Тойярдо, козоровъ на распроедѣ, мисб съ XV столѣтіемъ, не дала ему комплитъ

поэмы. *Orlando innamorato* (Влюбленный Роланд), и порывающую нить роландовой саги сценено было окончить поэту, еще больше даровитому, — Ариосто. Ибо по прологическому Пугачи и Бойдрдо нуди эпического воспроизведения средневековой романфики въ духе новаго времени продолжала идири одаренный еще болышого гениальностью Ариосто, величайший изъ италятскихъ поэтовъ описываемаго периода, т. е., начала XVI столѣтiя. Въ немъ — въ Ариосто — одинаково достигли высшей своей зоски и издичнаго веселосуд, и умибатощаяся жизнью пышная и задорная свѣтскосуд, и эротическое мировоззрѣнiе зог. Дашней Мзалии.

Модовико Ариосто (*Ludovico Ariosto*) — Благороднаго происхожденiя. Онъ родился 9 сентября 1474 года въ Реджио. Отець его служилъ при феррарской дворѣ, и самъ рано познакомилъ съ блестящего придворного эинзиста. Хотя Модовико болъ предназначенъ въ поносу къ изученiю права, и именито отецъ заставилъ его избратъ юридическую карсери, однако юноша сррасудно оудался занятiю гуманитарными науками и началъ рано писать стихи, уже рано выступилъ въ своихъ поэтическихъ опытахъ какъ подразаецъ комедiаль Плавза и Птеренцид. Но золько по смерти оудца фаланръ Ариосто

былъ замѣченъ; въ 1503 г. поэтъ, въ званіи придвор-
 наго кавалера, поступилъ на службу къ кардиналу
 Мттолизу д'Эсэ, по порученію котораго имъ было
 исполнено нѣскольکو дипломатическихъ миссій.
 Аріосто часто жаловался въ сафирѣхъ и писемѣхъ на
 трудности своей службы и скудное жалованье, что
 ему, однако, не мешало, въ своей поэмі расхвалить
 своему покровителю и всему дому д'Эсэ непоколе-
 нно и униженно похваляя, — для того, чтобы
 приобрести независимое положеніе, которое по-
 зволило бы ему жить совершенно по своей при-
 хожи. Во II сафирѣ говорится о нь: „Я не захоуль
 ни священство ^{и еск} расы, ни клоука, ни фансуры. Бе-
 ми-ба я былъ священникомъ, мнѣ напрасно при-
 ходила-ба охота мениться; если-бъ у меня была
 жена, я долженъ былъ-ба безпрестанно бороться
 съ меланіемъ сдѣлауся священникомъ; и такъ
 какъ я знаю, какъ гаско мѣнялся настроеніе мо-
 его духа, то избѣгалъ приковывъ себя къ гелу-ба жонъ,
 ко ни-было, оу гего я, — когда придеу расхвалюе,
 уже не могу-ба озорваться.“ Въ промежутокъ оу
 1504 по 1514 г. имъ была написана поэма „Orlando
 Furioso“ (Неисповой Роландъ), которую онь посвѣ-
 тилъ кардиналу. Но кардиналъ не любилъ поэзіи,
 ничего не смыслилъ въ ней. Прочитавъ поэму, онь

не нашел ничего лучшего сказать поэту, какъ обра-
 зится къ нему съ вопросомъ: „Откуда, поэтъ возьми,
 мессэръ Лодовико, нахваляли вы всякъ этакъ шучку?“
 По происшествіи шестнадцати лѣтъ, Аріосто бросилъ
 службу у кардинала д'Эста, котораго глубоко оскор-
 билъ поэза холоднымъ приемомъ посвященной
 ему поэмы. Но поэма эта, не будучи оценена
 по достоинству кардиналомъ д'Эста, зато была выхва-
 чена всеобщимъ одобреніемъ со стороны образован-
 наго итальянскаго общества. Аріосто вскоре послѣ
 того перешелъ на службу къ герцогу Феррарскому,
 Алфонсу д'Эста, котораго назначили его, въ 1520г.,
 губернаторомъ (наместникомъ) надолгой Моденской
 провинціи Тарфаньяны, гдѣ Аріосто пробылъ три
 года. Позомъ онъ опять вернулся къ блестящему дво-
 ру въ Феррарю, гдѣ получилъ въ свое завѣдываніе
 устройство придворныхъ празднествъ и свѣтскихъ
 представлений. Тамъ сжалъ онъ писатъ и для зра,
 зра. Последние годы жизни поэза прожилъ среди
 счастливаго и безмятежнаго досуга и умеръ вилъ
 13 июня 1533 года въ Феррарю.

Хоть Аріосто, какъ мы уже слышали, уже рано
 выступилъ въ своихъ поэтическихъ операхъ какъ
 подражатель комедій Плавта и Теренція, имен,
 но послѣднее, кромѣ того писалъ и сафировъ, однако

где больше всего его привлекала романтическая эпи-
 ческая поэзия. Романтическая литература Франции
 и Италии еще в молодости была любимым и
 любимым поэтом, и знакомство его с „полным гудея
 сказочным миром“ склонило его от патристиче-
 ского поэта на латинский язык. Но решив,
 писал по-французски, он долго колебался
 в выборе сюжета и сперва решился сообразить пред-
 метом своей поэмы эпизод из войны Ричарда Ан-
 гийского с Филиппом Красивым (французским)
 и даже начал ее герцогскими. Но сюжет этот
 скоро ему наскучил; он бросил его и опять начал
 писать в рыцарских романах и книгах, пока не
 остановился на мысли продолжать историю Ролана,
 да начал, где ее кончил Бойярдо. Читая одиннад-
 цать глав работы от надъ эпик своих глав,
 кельмъ звореніемъ, рыцарской эпохей „Orlando fu-
 rioso“ (Неисловый Роландъ или, Неисловый Орландъ)
 и написал 46 пѣсень, которыя начали появлять-
 ся въ публикѣ съ 1516 года и имѣли громадный
 успѣхъ, всего больше потому, что Ариосто обраба-
 талъ романтическій, рыцарскій сюжетъ совершенно,
 но въ національномъ духѣ и въ искусствѣ, т. е., не
 съ серьезными сторонами, какъ его предшественники,
 Бойярдо, а съ юморомъ и скептицизмомъ, средъ

ными правителями. Возьмем вкратце содержание
пресловутой поэмы или легенды, громадной эпопеи.

Писем I. Карль Великий строит лагерь у подош,
въ Пиренеяхъ. Стол ополчился противъ Аграманга и
его сараценовъ. При войско находится Роландъ (Ор-
ландъ) со своей возлюбленной Анджеликой, которую
любитъ также соперникъ его, Ринальдо. Карль, опасаясь
нагрудной распри, отдаетъ Анджелику подъ
охрану герцога Баварскаго, и велеваетъ, после бѣдъ,
отвѣщать ее въ награду храбръшему изъ рыцарей.
Но христіанское войско претерпѣваетъ поражение,
Анджелика, пользуясь злымъ, скрывается. У одного
рыцаря спалкивается она съ Фреррау, и почти зом-
галь она являеться зуда Ринальдо. Въ то время, какъ
оба рыцаря спорятъ за обладаніе дѣвой, она опять
скрывается. Ринальдо замѣчаетъ это первымъ и гово-
ритъ Фреррау. Рыцари мрутъ, вскакиваютъ на
коней и гонятъ по слѣдамъ бѣгльицы. Фреррау
снова приходитъ къ тому мѣсту, гдѣ она уже была,
да искалъ свой шлемъ, упавшій въ воду; теперь
онъ ищетъ его оцѣль. Изъ рыцки поднимается злая
бѣда Анджелики и объявляетъ, что это его шлемъ,
который Фреррау, по договору, долженъ былъ бросить
въ воду. Она утѣкаетъ Фреррау въ парижскій клузъ.
Онъ и совмѣстятъ ему добыть себѣ шлемъ у Роланда.

Феррау идетъ искаеъ Голанда. Между ульмъ Анджелика,
на второй день отъсуда, приходитъ къ рудью и скри.
ваеся въ розовомъ кудрарникъ. Вскорь приходитъ
зуда съ зрелій любовникъ, король персескій Сакри,
танцъ, слодовавшій за нею съ востока до самой Фран-
цин. Онъ ложится на траву и жалдеся на несуду,
нуо любви. Анджелика, смалившись надъ нимъ,
выходитъ изъ засады. Только-то Сакри танцъ хозель
насладится любовью, приходитъ бѣлый рыцарь. Они
борются; лошадь Сакри танца падаеъ и отъ съ нею;
рыцарь уходитъ. Анджелика усмоковваеъ присви,
шеннаго короля. Но зозъ присваиваетъ еще болтае,
когда готиеъ прикоситъ ему изъсуде, что бѣлый
рыцарь — была дѣвица Брадаманца, козую отъ
вездъ ищеть. Оба садитъ на одну лошадь; вкорь
прибѣгаеъ Риналдооъ конь, а велтъ за нимъ яв-
ляеся и самъ Риналдоо, козойи, напившись изъ
волшебнаго исфогника, сзолько тие сзаль ненави.
Днеъ Анджелику, сколько президе любилъ. Сакри,
танцъ обтъцаеъ своей снудницеъ защищаеъ се оъ
Риналдоо.

Пѣснь II. Въ то время какъ оба рыцаря борются,
Анджелика снова скриваетъ и попадаеъ въ не-
щеру пегроманца; зозъ усмоковваеъ своего козую
и, посредукомъ волшебсуда, посилаеъ къ сразия,

похищенъ французскій сонца, которой обманывають
 нхъ лживыя рассказы о бѣсѣхъ Анджелики въ
 Парижѣ. Между тѣмъ императоръ проигралъ жалъ нное
 сраженіе и посылаетъ Роланда въ Англию просить по-
 мощи. Роландъ дерзнулъ кораблекрушеніе. Брадаманца
 ищетъ Рудмбергъ. Вздуръ видуръ она, что у нѣсрамьаго
 источника сидитъ жоскующій рыцарь Пинабелъ; зреть
 Пинабелъ знаетъ ея, что какой-то владѣннхъ, на
 крылатомъ конѣ, похитилъ у него возлюбленную
 и перенесъ ее въ заколдованный замокъ, что Рудмбергъ
 и Брадассо сразились съ злымъ гадомъ Агласомъ,
 но побѣждены и въ роже посажены въ замокъ. Бра-
 даманца горитъ желаніемъ освободить своего возлюблен-
 наго Рудмберга. Рыцарь беретъ ее къ замку и зочскодо-
 рою узнаетъ нхъ своей служницы. Оказывается, что
 томъ его находится въ срамной брандѣ съ ея домомъ.
 Поэтому Пинабелъ рѣшается похитить Брадаманту,
 заводитъ ее въ глубокую пещеру и оставляетъ тамъ
 одну.

Пѣснь III. Брадаманца благополучно и слажливо
 спускается подъ землю и входитъ въ церковь, устроена,
 нхъ надъ гробомъ Мерлина. Женищина беретъ ее къ
 Мерлину, и зреть пророчить ей блестящее позолещво
 (домъ Зоръ, которому позъ истритъ при зтомъ случаѣ)
 и освобожденіе Рудмберга. Поэтому женищина вызываетъ

дуровъ, заславляе ихъ проводивъ передъ Брадаманцою
и разказывае ихъ имена и исхоро. Это все будущия
члены царсвѣннаго дома Везъ. Наконецъ шенцима
говоритъ Брадаманцѣ, что единственное средство подбо-
дуть Агласа заключается въ одномъ кольцѣ, что она
вернувшись обладателя этого кольца и оумиляетъ у него
Залисманъ.

Пѣснь IV. Брадаманца находитъ владѣтеля кольца
и беретъ его себѣ въ проводники; но передъ замкомъ
привязываетъ его къ дереву и оумиляетъ кольцо. Позовъ
она вызываетъ на бой самого гародва и, не смотря на
весь паръ, побѣждаетъ его; затемъ уходитъ Рудикеръ изъ
замка. Но онъ садится на гийографъ и исчезаетъ въ
воздухѣ. — Ринальдо въ это время присажетъ къ берегамъ
Шотландіи, „Тотъ каледонскій древній лѣсъ,

Простершииъ далеко, ^{Vns Kaledonijas vecais meiss}
Тѣны бранныхъ видѣвалъ гудетъ, ^{Rau izpletis jo tālu,}
Въ утнѣ своей гудюкой, ^{Kas sēdēja paka brīnīgus}
Видѣлъ подъ утнѣю отъ своей ^{Kas vedēja savā paspānē}
И вудзѣй дружанскіиъ, ^{Britanijas bruņniekus,}
И вудзѣй нрѣ-за морей — ^{Ar bruņniekus aiz jūras līnē}
Французскіиъ и германскіиъ... ^{gan frančus, gan ģermānus...}
Прославилиъ нрѣ въ родѣ, ^{Qui elāv' augumi augstācēn,}
Проникнувъ въ лѣсъ дремучій, ^{Kas elpās ģini mežā,}
Присажетъ, Таласъ и Ланцелотъ, ^{Kā: Tristans, Galas, un Lancelots,}

Изображены, обнимаясь. *Kids beggadis to skapstija.*

У нас же, рыцарь, есть законы, *Alms, brungenes, se likmes*

Как в месяце не сскался, *La neron mēnslaini-*

А он в исходн — кто-б позорн *Un tas jau drū his noteci-*

Nis brungenes, kas meļi О ней смаль в борбде упроной

Nam sakauj, tad uz sēta degt О доносчиковъ, факт на коэфиро

Bas maistulāns kaunm — Взведуть ее позорной". ..

Dzinevras kers, tā sans pānims Орежъ Дзиневры — факт у насъ

So skaito kēnigimēiti — Говуць красу-царевну —

Pac mīlo domu no smundams По милой дочери крушамъ

Mucēdams divētes mēkas, И край скорбъ душевну,

Jan pilcātās, jan maistimēis И вь городахъ и вь городкахъ

Ar laidis tantā vēsti: Пущимъ вь народъ извѣстие:

Kas nācēti īsp ar zobenu Кто-бъ ни ~~бѣ~~ ^{св} пришелъ, *šerons* вь рукахъ

Konāgāt glati maitas goda, — Омыръ ево безгесуръ, —

Ja tas no angsta dzimams, Тудъ зомско родомъ знаменитъ

So brungenes īstā vēlam, Будъ рыцаремъ избраннымъ, —

Tam sava meita doti vīns Потому онъ дочь свою бручитъ

Ar bagatigu pāra? .. Св приличнымъ ей приданкомъ". ..

Lūk, kasondābi ~~to~~ kas slavams, Возъ подвижъ! онъ со край славитъ,

Ka klāstils pa māžā Премъ по лосу скизуръскъ

Un slava gūt bez publikas, И слава не вь виду людей

Nekas vis neizpauca. Твоямовной добивауръскъ.

Lūk, kasondābi, kas sola tev Возъ подвижъ! онъ зедѣ сумиръ

Ar godu — kēnigimēiti, И гесъ и дочь царевну.

Какихъ едва-ль земля родитъ — *Tik skaista, kāda radzela*
Прелезгнѣишую добу! — *Nel nava zemes vīstā!...*

Порою рыцарь Ринальдо кричитъ въ озвѣзъ:

„Скорѣе мнѣ проводника! *Ar, ātri līp ar tām pēdēm vēdeju!* ^{zudnā, zīglā}

Легу, — я чуждъ боязни; *Es skoscetu, nekā satu;*

Богъ дасть, спасетъ моя рука *Pa līdzas deans, es izglābīn*

Красавицу отъ казни!... *To skaisto ķēniņ' meitu...*

Ринальдо и проводникъ озираясь въ пуръ:

„Два пурника стѣшахъ, лежахъ, *Ar divi vīci stāidzās, skrej,*

Ме узрава, ю чѣли“... но дорогого *Ka sasmeztu jēl mērki...*

Взручь слухъ иль сномомъ поразитъ, *Tas pēpēzi gird vaimanes,* ^{bet utā}

Раздавшися далѣко; *Kas atkān ^{Tas} ko gaisā nes šur no tāles;*

И пурники лежахъ на сномъ *Un abi skocen, ko māx, trop prom*

Сквозъ чашу въ доль широкій; *Caņs biži dze ^{plātē} lējā;*

Тамъ два убійца, между нихъ *Tie divi slopkavas, slop' toņ*

Красавица младая; *Redz jaunā skaistu meitu;*

Но вѣя въ слезахъ, въ жакихъ слезахъ, *But vērās asarās, ^{ic} tā,*

Какія рѣдко видна. *Kā reli ^{tik} veen ^{tas} redzams.*

Разбойники, съ похотью въ рукахъ, *Un slopkavas ^{caņpitāji} duncēin jām.*

Порою чубъ завидный *Ģogātāvi plant' zēdām,*

И красота и жизни сетъ *Kaut' skaistuma nu dzīvību* ^{gūst}

И кровото обгарится; *Un aiņš traipēs paldet;*

Она къ нимъ — малодню рожъ, *Tā viņma lūz ^{ganži} lēz' zēlīgi,*

И молуъ мнѣ сядгисъ. *Jel taudzīvību tāi tūpēt.*

Ринальдо стѣшихъ, пришелъ, взглянулъ *Rinaldo ulat' jām pēc' tēd' jēs*

eto paliga, na glästa.
 Vijs' uzaliedza, na atekamej'
 hejs, bezgornis visaparkt.
 Un laupiqmru mtstajst
 Rom laižās laupitaji,
 Ka dūž los vaišs ja nesovež,
 Teš slēpūšes aiz lejas;

Rinaldo tos nu uvarā,
 Teš skaidstules tas dziesās;
 Lūž zinat, par ko zeltoni
 Ar uzboncis tad lietonis...

Teš elstīti ar asonim
 Par šānma laundac. bāni,
 Ne Mikenas, ne Argos ar,
 Ne Tebas bressim dešās,
 Ne vīcas zāmes pašmē
 Nav tā ko izdarīj'ās...

Tā kārlē, ka pat arānis,
 Kas a un kas
 Ne irēi no ar jūb,

М - съ помощью къ полдичей.

Онъ закричалъ, и грозный гулъ,
 Дробесъ, грохочезъ въ чащу.

Добару бросивъ, въ мить дъмазъ

Разбойники пусились,

И скоро ихъ ушь не видашь,

Они за доломъ скрылись;

И, не забываясь объ нихъ,

Риналдо скортой къ прекрасной;

Онъ хотезъ знашь, за что пощигъ

Те удѣль несчастный...

Пѣснь V. Она оубыгазъ:

„Я разкасиу тебѣ сквозь слезъ

О срашннхъ злодѣянодхъ,

Какихъ Микены и Аргосъ

И Тива въ исцязаньдхъ

И все тесзюкѣ краѣ

Не совершали въ мѣрѣ"...

Она - Далитда; царевна Динневра приняла ее, ко
 двору въ счюпнѣ. У Далитда ^{баль} невѣрнай любовникъ,
 Албанскій герцогъ Поллинеъ, коздорой счрасно вѣлоб.
 целъ въ Динневру; но за не принималъ его, жакъ
 какъ она вѣлоблена, Въ Ариоданъ счрасно,

Такъ счрасно, что и рѣки водъ

И океанъ безбреитный

Ни полумскри не залверъ *Pro dzionostej izdjest vis*
 Въ познать сражи пьзкой. *Fai mazgas karoles leestā.*

И Ариоданъ, изъ Мралии пришедшій на стверь съ
 младшимъ братомъ Луркановъ,

„О какъ Димневу отъ любилъ! *Ar, ka' dzionostei mīlej tas!*

Мяръ! ни Везувий дьлмий, *Ne Vezuvā savā dzimnā,*

Ни Эрна въ глубинъ своей, *Ne Erna savā dzilumā,*

Ни Троя въ дни печали *Ne Troja bēdā dienā*

Мибъе, нагубный, силстый *Ar dzionostei mīlej tas!*

Огней не порасидали. *Vis irai izcēlāi.*

Познать Полинесь рвынмъ, между выдлмного режой
 На вькъ постыдъ сору.

Отъ угроворилъ Далмиду ночью, когда Димневу
 будеть спарт, во вькъ ея царевниномъ уборъ, при
 лунномъ свѣтъ, съ балкона лъзрннцу спусти и
 нахъ въ его объязъ; а Ариоданъ отъ говорить, оже,
 безъ Димневу, что у него (Полинеса) съ Димневъ,
 рою зоне давно существуетъ связь. Ариоданъ, конечно,
 не вьрнъ зому. Тогда Полинесь приглашаетъ его
 самолично удостовѣрся. Ариоданъ съ братомъ Лурка-
 номъ ночью при лунномъ свѣтъ приходитъ и со
 скривнаго мьса видать, какъ Полинесь на балконъ
 дерошнъ въ объязъ Далмиду въ царевниномъ
 уборъ, въ одондъ дьлоснънгой и въ зоду съ вькъ
 суронъ. Ариоданъ думаетъ, что это на самоъ дьлм

По узру изъ-подъ крова *Tas dewas kada rītu
Bij devesis prasam oļā*
 Пыснулся въ нуръ; прилуну браъ *From celā, kura celona
gīnā*
 Да герцога золско знали... *Tik [brālis, leclokungas ...*
 Прошло доеи воселс; наконецъ *Bij apkārt danas astonas,*
 Какой-то пурники влодиръ *Ta Kad kaut kāds cefnecks atnāks*
 Съ ужасной вѣсело водворецъ *ek sānsomu vēsti pīle [gālnā
pācēf*
 И прѣмо рече заводиръ *Un tāšmi ēsāk rmas*
 Передъ царевной молодой, *Prēcis kēnini meitas, skaistules,*
 И говориръ прекрасной, *Un tāsta nabadzitei,*
 Что въ бозднѣ позонуръ морской *Ka jūras dzalīnē noslēcis*
 Ариодануръ несчастный; *Arīodants aiz bēdām;*
 Что онъ въ мирокіе валы *Ka dzīlās jūras vilnis tas*
 Голшующаго моря *Starp angstākajām bangām*
 Самъ бросилъ съ кругой скалы, *Pats nogāzās no stāvas klīnti*
 Не переживши горя. *Vis nepameidams ēkumjas.*

Шенеръ Лукканий въ отказѣ рѣшился Джиневрѣ

Воздаѣтъ шескою мекю *Vis fāsmīgāko atcebt.*
 Въ безумной слѣпоуи своею *Tas bezprātīgā aklumā*
 Не дорожилъ онъ кесью *Pat aizņimsist visu godu*
 Не подоялся позерѣтъ *Un nebaidās [tā] pagaudēt*
 Любовь къ себѣ цареву *Vis kēnini mīlestību,*
 И въ царевнѣ независимыи сраѣ, *Un valīti palisot cenīstams,*
 Обидѣтъ прелесѣ-дѣву. *Kad vaimos kēnini meitu.*
 И говорилъ передъ царѣвѣ пурлиско:
 Узнай, онъ дочерью звоею *No tavas meitas apraimots*

Ilans brālīs vīci smagi, Обиженъ былъ жестоко,
 La do tās tas tūdal atbūti, И разлучился зотмась съ ней,
 Viena apriēt klaidināms. Блудная одиноко.
 Viņš redzēja tās kaunu pat. Онъ видѣлъ самъ ея позоръ,—
 Dzinēra to aizmīta — Дзиневра сядь забыла,—
 Un nopīta brīža brīža tam. И сизгъ злохасному съ гъльхъ поръ
 Nu dzīve vasaļdzīva... Быва уше посылла.
 Tad sīxi izstāstīja tas, Путьъ разказаъ подробно онъ,
 Kā, veidzījoties nostij, Какъ, въ часъ полночи земной,
 Dzinēra savā balkonā Дзиневра вышла на балконъ
 Un kādu puzīnīti ~~un puzīnīti~~ И приидла нескромно
 Kā mīļāko, — bet kas tas bij, Любownika, — то кро онъ былъ,
 To meklēja ūnāt, Разбѣдаъ невозможно;
 Bij puzīnīti tas at... Переодѣвшиелъ приходилъ
 Kā viss, kam' izmanība. Любownika озоросивый.
 Kā si teovāda pāteisi, И справедливосъ зрять слова,
 Ja' puzīnīti vel Lurkāni, Сказалъ позовъ Лурканий,
 Tos apstiprināt varam mīn. Я подтвердизъ всегда готовъ
 Un vīcēsim as gatav. Въ рукаль съ оружельхъ брани.
 Гъдмай царъ, поразимной закнльхъ позорельхъ, пове-
 ловаеъ произвези слѣдствіе. Онъ когедъ ^{узнатъ},
 виновна или нъзъ царевна молодая и величель
 задермаеъ многихъ дѣвицъ и дакъ придворнелъ.
 Далнда, будетъ даъхъ задерманной и обличенной
 въ винтъ, въ пресуднеліи, займо нъзъ дворца бѣжала

Мелодия кралядской литературы XVI ст.

къ герцогу. Но злодой, призвавше оуправиле ее
 въ свой горный замокъ, гдѣ она ^{скривлась} была бы въ безопас,
 мой душинтъ, коиду рѣчь приговоряла ей узнае,
 мой конецъ. Отъ даль проводникакъ приказъ
 въ лѣсу удиве се. Ринальдо снае ее и снѣшише же-
 меръ спаси и Дошинебру. Всеб городъ шумъ, встѣ
 на бою; нашла ^{чине} одинъ познакомый рыцарь,
 козорый вѣдѣ срамаеся ея Лукканомъ за оклеве,
 занную Дошинебру. Ринальдо вихрель къ луку кнуф-
 ся „Тѣтъ два безфрентныхъ бойца

Другъ друга порасмаежь.

И что ударъ, до ихъ сердца

Менешовой палатой:

Одинъ на гибель красозы

Разомель свой гнѣвъ кровавый,

Другой за смерзбу клеверы

Срамаеся со слабой.

Чине Ринальдо передъ царель и говоришь:

„Вели, монархъ, сказаель герой,

Вели престель сраменсе!

Надезь ли уошь или другой —

Безвинно мѣль паденсе:

Одинъ не вѣдая крамонь,

И вашиль дѣль не зная,

Спаси красавицу пришеель;

Для ней отъ, въ бой вступая,
 Въ себя увѣренности нашель,
 Готовь поидти съ гесусо...
 Но я смаси се пришелъ —
 М от гибельного месусо
 Птому, кто смель се гернигъ
 Бездурьдой клеветого.
 Вели сражене прекрауицъ,
 Я все реды озкрого.

Сраженіе прекрауицъ; Ринальдо моголь
 Съ начала до конца раскрыль,
 Пересказаль подробно,
 Какъ Полинель царевнѣ мруиль,
 Какъ оуриль ^{вѣрнѣе} жовъ и злобнѣи.
 М сказанное доказавъ
 Оруженель вызывался:
 Велили Полинеса звать, —
 Предаделъ показался;
 Онъ дрепелъ, но возражалъ
 Бездобръство герото:
 „Въ бой! — бой рѣшишь, Ринальдъ сказалъ, —
 Кто правъ нѣр насъ съ зобото.“

Ринальдо подъядаеть коварного Полинеса, который
 умирая оукриваетъ „Всѣ замысль свой умасный“.

Пѣснь VI. Вели прослуъ незнакомаго рѣцаря обѣ.

явише свое имя. Отъ двлауъ эго — и оказываеуея Арио,
 Данголь. Унавь въ воду, отъ пореманиль свое на,
 мьреніе; хорошиі пловель — отъ безъ зрѣда доплель
 до берега. Отъ узналъ, что бразъ его обвиниль Джи-
 невру и что никто не хогель выйдти на „судъ бо-
 жий“ за бѣдную дввущику. Старая любовь проснулася
 въ нель, и отъ явилсх сразнауея за мильную из-
 мѣннищю. Король радосно оудаель ему Джимевру
 и съ нею въ лель земли герцога Алданскаго, По-
 мнесса. — Крылауый конь замосиръ Рудтсгеро на
 пусуынный прекрасной островъ. Рыцарь привязи,
 баель своего коня къ муръ, но муръ громко она-
 мурель ему на обиду. Рудтсгеро извиняелься, страши,
 баель одъ ея ураси и предлагаель свою защитиу.
 Муръ разсказываель. Она была Асволсеръ, родсубен-
 никъ Ринальдо и Полада и наследникъ Анелин.
 Освободившиел отъ индѣйскаго плѣна, на пуръ доной,
 отъ попалъ, вытсуть съ Ринальдо на Оуровъ фрей
 Алгити, козорая своимъ коидовсрвоель привлекла
 къ берегу встель рыдь. Алгити влюбилася въ Асвол-
 фа, заманила его далеко отъ зоварища, выкочила съ
 нимъ на киза и уплыла. Черезъ нѣсколько дней
 досрели они эгого острова, козорый баль у Алгити
 въ общель владѣнии со сестрами ея, Морганой и Ло-
 димсжиллой, злами фрейли. Но Алгити скоро падо,

тель Азотурь, и она превратила его въ расчленіе, —
 точно также какъ и прочихъ своихъ любовниковъ.
 Тогда издѣлалъ Бодо, Рудисеро хотѣлъ уйти въ область
 Лодиссина, и слышавъ о новыхъ опасностяхъ, угро-
 жающихъ ему на этой пути. Онъ обходитъ городъ
 Ангити и возвращается съ золотой дикарей, запрещая,
 ющимъ ему идти далѣе. Рудисеро съ осервененіемъ,
 евъ дерётся съ ними. Въ дѣвѣ кончатъ распрю.
 Они приглашаютъ Рудисеро въ городъ и просятъ
 его помощи противъ сурьной великанши Эри,
 фили.

Глава VII. Рудисеро приводить къ великаншѣ,
 и она подвигаетъ ее. Дорога свободна, они взбира-
 ются на гору и приходятъ въ замокъ, откуда Агги,
 на выходитъ къ нимъ на вершину, со всеми своими
 дворами. Рудисеро одвораженъ, великаншѣ при-
 нять принцѣ фрей и проживаетъ въ замкѣ нѣдныя
 дни. Между тѣмъ Брадаманца ищетъ своего Рудисе-
 ро. Волшебница въ мерлиновомъ грозѣ выходитъ
 къ Брадаманцѣ, предаетъ у нея волшебное кольцо
 и обещаетъ ей возвратитъ Рудисеро. Потомъ фрей идетъ
 въ городъ Ангити, въ образѣ стараго Азласа, явля-
 ется передъ Рудисеро и предлагаетъ ему сурогіе чирокки.
 Когда волшебное кольцо подвигнувалось, и добрая
 фрей замкнула въ видѣхъ сурогіе и расказансе, она

принимаетъ свой собственный образъ феи Мелиссы и рассказываетъ о любви Градаманта. Посредствомъ кольца уничтожаются все чары, Алсина оказываясь уродомъ; Рудисеро обманываетъ ее; по совету Мелиссы отъ беретъ свое оружіе, садится на черного коня и ѣдетъ къ Лоджискилле.

Късень VIII. Дорогой нападаетъ на Рудисеро егеря Алсины; но рыцарь подъявляетъ его при помощи заколдованнаго щита. Алсина заставляетъ бѣгство возлюбленнаго и посылаетъ весь свой народъ искать его на сушь и на морь. Но Мелисса идетъ въ замокъ, уничтожаетъ все его городскія силы и освобождаетъ рыцарей, превращенныхъ въ расклеванъ и живозныхъ. Особенно она покровительствуетъ Арзолеру; отдаетъ ему оружіе, сажаетъ сзади себя на крилатую лошадь и привозитъ раннаго Рудисеро въ землю Лоджискиллы. Ринальдо, между тѣмъ, исполняетъ порученіе, данное ему императоромъ: ѣдетъ въ Англию и получаетъ замъ вѣнцогерца, мнѣ войска. Анджелика все еще господствуетъ у волшебника, котораго освободилъ ее оръ Ринальдо. Но волшебникъ самъ влюбился въ прекрасную царевну и хотѣлъ удержать ее. Анджелика убѣждаетъ. Волшебникъ посылаетъ за ней одного изъ своихъ духовъ, котораго отъ вселилъ въ лошадь. Лошадь

приближается к Анджелике к берегу, бросаешь в нее,
 сажая ее в море, плывешь и высасываешь дельфинку,
 обезумевшую от испуга, на пустынный остров. Яв-
 ляется волшебник и, чтобы лучше удовлетворить
 своей страсти, погружает Анджелику в сон, — по-
 том как же сам засыпает под ней. На острове
 царствует король, у которого красавица дочь. Морской
 бог Прозей полюбил королевну, и она заберемен-
 ла. За это король велел умертвить ее, а разгне-
 ванный Прозей со своими чудовищами страшно
 опустошает остров. Оракул советует каждый день
 вводить к морскому богу по одной дельфинке, и да-
 лше это до тех пор, пока какой-нибудь страсти,
 бысть не удасться влюбить в себя Прозея. Чудовище
 пожирает эту дельфинку, которая ему не нравится. Так
 каждый день исчезало по дельфинке. Народ уже на-
 чал искать смерти в чудной стороне. Один из ста-
 рших вербовщиков призывает на остров Андже-
 лику, схватывает ее и отводит в замок, где она
 должна дожидаться своей очереди быть представле-
 ной чудовищу. — Императора Карла в Париже
 кратко съездили на бере. Полаидъ замъ же; онъ
 горько упрекает себя, что упустилъ Анджелику,
 зоскучаясь о ней, видитъ ее во снѣ, и это наводитъ
 на него мысль грешитъ, что онъ злословно скривается.

Императора выводить из себя божество племянника, скрывшагося именно в то самое время, когда онъ больше всего нуженъ. Другъ его Брандимаръ узнавъ, лжеться его разыскивать. Брандимаръ долго не возбращается, — возлюбленная его Фьорделиза, зоме идець искаеть его по божьему свѣту. Но Роландъ попадаеть прямо на врага.

Пѣснь IX. Роландъ рыцарь по всей Франціи, оу-
 скивая своего возлюбленнаго. Въ Брезани прихо-
 дить онъ къ божьей рѣкѣ. Дѣвушка хогеть его пере-
 везти съ однимъ условіемъ, что онъ помощеть коро-
 лю нрландскому покорить островъ Эбуди, шизели козо,
 раго похищаютъ всякъ менцинь. Роландъ обѣща-
 еть. Потмась же онъ оуправляетъ въ море, но буря
 прибиваетъ его къ Шелдѣ. Тамъ выходитъ къ нему
 Фарики и просить его пойдти къ одной печальной дѣ-
 вушкѣ. Онъ зомтась же идець, и дѣвушка разсказы-
 ваетъ ему свою исторію. Она — Олимпія, дочь графа
 голландскаго и любитъ Бирена, герцога Зеландіи.
 После войны съ саразинами долженъ былъ совер-
 шиться мѣжъ бракъ. Но въ оуездствіе Бирена за него по-
 сватался Арбанъ, сынъ короля фррисландскаго, и по-
 лучилъ оуказъ. За это разгнѣваннаи король началъ
 на голландское графство, завладѣлъ имъ, убилъ оуца
 и братьевъ Олимпіи. Последний городъ сдаеться и от,

дасть ее самоё (саму) брагу. Тогда двбушка двладезь видь,
 будо соглашаеся на бракъ съ Арданголь, но оукры,
 ваеъ свой насроящій планъ двумъ юношамъ: одного
 послаеъ во Фландриту, чтобъ снарядитъ корабль, а
 другого оставляеъ съ собою. Биренъ возвращаеъ съ вой,
 скомъ. Король выходиъ къ нему на верьку, побъзда,
 ерь его, береъ въ плеть и хогеъ покорный оунизко,
 ваъ свадьбу сына. Но юноша подкараулимъ принца
 въ погелю и убилъ его. Позомъ онъ двшиъ съ Олимпі,
 нией къ морю, садитъ на корабль и оунавбаеъ. Разнъ,
 ваннай король рѣшаеъ, что Биренъ будеъ казнень,
 если гереъ годъ (жохорій уже почти прошель) двбушка
 не будеъ въ его власти. Таки какъ весь унозредленняя
 ея средьба не помогли, зо она рѣшилаъ иди на смерь,
 но боудъ ^{Роландъ} козней короля и позтому просиъ франца
 надбодаръ за исполненіемъ целовіа, тобы съ ея вы,
 даей немедленно биль освободитъ Биренъ. Роландъ
 обѣщаеъ все; тѣдеъ вытѣеъ съ Олимпіей во брагнскую
 землю, оставляеъ двбушку на корабль, а самъ идеъ
 въ Дордрехъ и вызываеъ короля. Если Роландъ будеъ
 подбъздень, онъ оудаеъ двбушку; если же онъ подбъ,
 дитъ, — Бирену будеъ возвращена свобода. Роландъ уди,
 ваеъ короля. Биренъ освободитъ; невъеза возвращеъ,
 на елу, но онъ оставляеъ еурану подъ надзоромъ сво,
 его родивенника, а самъ оунавляеъ покоряеъ Фрис.

ландию. Полагая же говорить о землях в Ирландию.

Повесть 8. Въ то время, какъ Биренъ осидаетъ берега
 Голландии, онъ влюбился въ дочь удиваго короля, которую
 беретъ съ собою какъ пленницу. Буря прибываетъ
 его къ острову. Ночью, когда Олимпия мирно спала, онъ
 покрадывается на корабль и сбавляетъ яхту свою одну
 на пустынномъ острове. — Рудгеро, между темъ, спасъ
 либо достигая залива, омывавшаго границы царства
 Лодзинсхилла. Лодзинскъ перевозитъ его и размещаетъ
 въ похвалахъ Лодзинсхилла. Вдругъ является со своими
 флотовъ Англичан, и хогеръ поймавъ бурю, но вол-
 шедный щипъ обезсиливаетъ ее, а войско, высланное
 Лодзинсхиллой, обращаетъ ее въ бѣгство. Весь флотъ
 Англичан сожженъ, и только сама она спасается въ
 маленькомъ корабль. Рудгеро входитъ въ замокъ
 Лодзинсхиллы и находитъ замъ Аргольфа. Но ему
 смертельно хогеръ домой... Сначала онъ управляетъ
 крадеными конями, потомъ, съ позволе-
 ния доброй феи, улетаетъ на пель. Наконецъ онъ
 вблизи Лондона. Войско, обещанное въ помощь
 Карлу, уже собралось. Рудгеро обещаетъ на своемъ
 гипогрифѣ множество сунуть, и наконецъ находитъ
 Анджелику на пустынномъ острове, прикованную
 къ береговой скаль. Онъ хогеръ спроситъ дѣву объ
 ея участи, какъ вдругъ изъ воды выходитъ чудовище

и прямо озуправляется къ своей смерти. Но Рудэиборо
взупнаеть съ нимъ въ бою и побъждаетъ его при по-
моци волшебнаго щупа. Отъ освобождаетъ красави-
цу озъ цыпей, самаеть ее съ собой на коня и скакаеть
къ берегамъ Брозани.

Книга XI. Скорый сдерживаетъ упрямнаго коня

<i>Jan tuzas storgalvige kavalu</i>	Поводилимъ лихой наездникъ помереть
<i>It' pavaldaus' epas valdit' kessetins' jaks</i>	И въ нить одинокъ удавигъ въ нельмъ огня;
<i>Mu acunivokli' uent' tam' uguni;</i>	Но похожи, козорадъ насъ гложеть,
<i>Pet' meesas' kavi, kas' muis' stipri' kaisi</i>	Нелзъ смирить, разсудкомъ заманя:
<i>Ar' pealu' veen' nis' novas' labimat,</i>	Она сама разсудотъ уничтожить.
<i>Ta' pata' peatu' sei' iznecimad.</i>	Такъ злой недвотъ, протыкавъ въ кадкъ медь,
<i>Ta' laeis' pata' madu' saodis,</i>	Пока всего не съешь, — не озойдетъ.
<i>Liit' Laitis' visu' m' apedis' no' aigeas.</i>	Какъ вырвзъ нашъ законъ соблазнъ великой
<i>Ka' vaioni' tada' kardinadanni</i>	Коль побъдигъ, — судите сами вы,
<i>Lai' par' vaseta, sprocejat' pata' juad,</i>	Когда вброимъ въ прелесной Андмеликой,
<i>Kas' divatis' no' kaito' Andgalikoa,</i>	Развзото озъ пошь до головы,
<i>No' galvas' lidz' pat' kajam' zjorobta,</i>	Отъ оздохаль подъ гибкой повеликой
<i>Tas' saloti' al' paitas' zom' kuplas' gobas</i>	И пресиную любовь забвиль... увы!
<i>Mu' pieto' mihu' aiguvirsa... ai' vai!</i>	Но еслидъ отъ любилъ и съ претинилъ жаромъ,
<i>Pet' kant' ar' nilalu' ar' pieto' spisku,</i>	Все-тъ спужницу не озупузилъ бы даромъ.
<i>Tak' nepalaidu' laimi' las' puz' dzeiku.</i>	Распрамъ-бы и самый Ксенокрауъ изъ Халке,
<i>Pat' Chakras</i>	Тона, древнегреческий философъ, прославившийся сво-
	имъ воздержаниемъ. Могиду зъльмъ какъ Рудэиборо ле-
	зигъ въ зъни безъ шлема и ларъ, волыцель дукной

сладкой, царица Анджелика видя въ борю на немъ свое кольцо, у нея давно украденное. Съ эмиль коле, цомъ она во Франциско явилась, гдѣ лишилась брата, козорого сразилъ французскій палачикъ; съ эмиль коле, цомъ она сразилась съ Маладисомъ, шла безъ сфра. ла въ жозъ грозъ, гдѣ Мерлинъ жилъ; съ нимъ - въ коле, цомъ - она спасла Роланда и рыцарей дружина съ тлѣна Драгондими; съ эмиль коле, цомъ она ушла озе сфарика изъ Башни и т. д. Позомъ у нея похищенъ былъ эрозъ чудесный камень и погидло все для бѣд, мой съ эмиль поръ, позерданъ зромъ и все. М возъ те, перг отса нашла свою позерю, свое кольцо, свой залис, канъ. Она сняла кольцо съ Руджисеро и, взявши его въ ротъ, бисуро мелезла „какъ зуманъ, когда его раздо, сиръ вихръ лодурий“.

Напрасно озадаченный рыцарь шцезъ мелезнув, мую царицу. Она зводитъ у насруха лошади и оу, правидеться на ней въ возрогное царство. Пока Руджисе, ро искалъ ее, крыларый конь его улетѣлъ, и вырзъ должати цепенъ поди пѣшкомъ. Герозъ нѣсколко времени отъ вертнеться съ Брадаманзою, кото, рай бѣшено красаетъ съ великаномъ. Брадаман, за оглушена ударомъ дубины и сброшена на землю; великанъ поднимаетъ ее и уходитъ, пресль, дучемый Руджисеро. Зазнѣвъ позеъ обращаетъ къ Роланду

и воздасть прозвѣ изобрѣзенья огнесѣртыснаго ору.
жия. Создансе адское! съ злыхъ поръ.

Какъ стало зѣе извѣсно,
Война не славу, а позоръ
Разносишь повсемѣстно.

Теперь чинъ не чести въ бояхъ
Военному искусству,
Не чинъ у воиновъ въ сердцахъ
Возвышенному чувству!

Теперь ни доблести въ войнѣ,
Ни мускетра не видно,

Ачъ ней горнесѣвухъ наравнѣ
Герой и зреться поспадный...
Злодѣй, кто изобрѣлъ его!

И люди съ мирозданья
Не выдавали ничего
Чужасть изъ созданья...

Такъ гордился, сердился ^{по злу} на руссе. Какъ пришло
Ба сму, если ^{бъ} зомеръ шилъ, гордился и возсравадъ
прозвѣ целелиновъ, удциливыхъ газовъ, горалихъ жид,
козей и з. ж.

Роландъ присѣдѣ къ берегу пурова Эбуда, видя змк,
щипу, прикованную къ дереву, и чудовище, вышедшее
изъ волнъ, гоховое позираетъ ее. Когда чудовище озкра,
ло свою огромную пасть, Роландъ кануль въ нее

Якорь, какъ что оно уже не могло снать своихъ гѣло,
срѣй. Позомъ онъ убиваетъ его и вытаскиваетъ на берегъ.
Сбѣгаетъ народъ; но вѣнцо того, чтобы благодарить
рыцаря, сбѣгаютъ выдать въ его подвигъ сѣворажениво
и, бодетъ мизенія раздрогнетнаго Продел, козель Бросилъ
рыцаря въ море, какъ ошущелскую смерть. Но Ро,
ландъ обращаетъ ихъ въ дѣгерво. Въ это время на берегъ
сходитъ ирландское войско и дѣлаетъ срашныя ош,
срашнѣя на ошровѣ. Роландъ между тѣмъ идетъ къ
прикованной дѣвѣ, и находитъ — Олимпію. Онъ от,
вѣзываетъ ее, и она рассказываетъ ему свою исторію. При,
ходитъ Оберто, король Ирландіи, узнаетъ своего друга
Роланда и вѣдываетъ въ Олимпію. Онъ вѣдетъ свое
войско въ Толландію, подбѣждаетъ Бирена, убиваетъ
его и женится на Олимпіи. Роландъ возвращается
во Францію и проводитъ тамъ цѣлую зиму.

Пѣснь XII. Обѣжавъ всю Францію, Роландъ съ при,
ходомъ весны отправляется походомъ Германію, Урлію, Не,
манію и Либію. Дорогой, проѣзжая черезъ лѣсъ, онъ встрѣ,
чаетъ огромнаго рыцаря: въ рукахъ его бѣдетъ дѣвчушка
и проситъ о помощи. Роландъ скачетъ за хищникомъ,
— но жѣтъ негдетъ на широкомъ дворѣ большаго
замка. Роландъ за нимъ. Въ пышныхъ комнатахъ
замка онъ встрѣчаетъ множество рыцарей, обманувшихъ
неизвѣстнаго злодѣя, — Сакрипанца, Градасо, Феррадъ,

Брадиманцу. Лицники не оставили никого в покоях: кого лишили коня, у кого отняли подругу, у кого оружие. Роландъ бѣгаетъ взадъ и впередъ по замку; слышишь съ женскій голосъ, зовущій на помощь: помогите! кричащъ неизъяснимая красавица. Но Роландъ нигдѣ не находить бѣдную дѣвушку, жалостно оплакивающую потерю своей „розы“. — Между тѣмъ Рудисгеръ, ставшійся за гигантомъ, похитившимъ Брадиманцу, приходитъ въ зору же самый замок и подвергается одинаковой участи съ Роландомъ. Онъ слышитъ умоляющій голосъ своей возлюбленной и нигдѣ не находить ея. Все это волшебство устроилъ Агласъ для того, чтобъ отвлечь своего питомца Рудисгера отъ боевой жизни и предохранить его отъ скорой смерти. Анджелика, по дороге на воюющъ, тоже приходитъ въ зору замок съ тѣмъ, чтобъ изъ собравшихся тамъ рыцарей выбрать себѣ проводника. Выбравъ ея падаетъ на Сакриманца: отъ него легче будетъ отделиться, когда надобное въ проводникъ минетъ. И вотъ она надвигаетъ на палецъ свое кольцо невидимку и, блистая красотой, являетъ передъ герцесскимъ рыцаремъ. Но въ розе самое неженское приключеніе Роландъ и Фреррау и узнаютъ сраженный предметъ своихъ неудачныхъ исканій. Рыцари бросаются къ Анджеликѣ, но она беретъ свое волшебное кольцо въ розѣ и исчезаетъ. Между тѣмъ Фреррау, давшій

одуъ ходиъ безъ шлема до рѣкъ норъ, пока не добудеть
 съ бою шлема Роланда, — узнаеть своего соперника и возво-
 ваетъ его на подпитокъ. Великодушный Роландъ, не же-
 лая пользоваться выгодами своего вооруженія, снимаетъ
 свой шлемъ и вѣшаетъ его на дерево. И возъ неуживъ,
 какъ прозивники сходаетъ. Между рѣкъ Сакрипантъ,
 мало издуревшая исходомъ боя, отправляется искать
 Анджелику. А она невидимо присудривала при
 поединкѣ и, желая подшутить надъ Роландомъ, уноситъ
 его шлемъ. Фреррау первая замѣтила пропажу; рыцари
 подозреваютъ въ покрадѣ шлема Сакрипантъ и разъ-
 нзываютъ въ разную сторону. Анджелика между тѣмъ
 расположилась отдыхать у ручья и, въ повѣсивъ шлемъ
 Роланда, идетъ искать для своего коня корму. Является
 Фреррау. Анджелика, взявъ кольцо въ ротъ, испугается.
 Фреррау беретъ оравленный его шлемъ и возвращается
 въ лагерь къ Паризию. Анджелика въ отчаяніи, что
 по ея милости Роландъ остался безъ шлема, ѣдетъ
 дальше. Роландъ покупаетъ себѣ новый шлемъ и возъ,
 вращается въ Паризию. Дорогой онъ встрѣчается съ некръ-
 йльскимъ войскомъ и убиваетъ на подпиткѣ сарацинъ,
 скаго принца. Тогда все войско бросается на выдѣзъ,
 и нецѣлостный герой убиваетъ рѣму невѣрниковъ, ора-
 ные обращаются въ бѣгство. Порѣшивъ съ сарацинскимъ
 войскомъ, Роландъ отправляется дальше и привозитъ

Красавица, заливаясь слезами, объявляю...

Повесть XIII. Доблудика такъ напимася свой разказахъ:

И зная, рыцарь, мой разказахъ
 Мнѣ жизни счююхъ будещь,
 Сзарука зва слышнущь насъ
 И, вѣрнѣ, не забудещь
 Тѣмъ, кто держишь здѣсь мѣня,
 Пересказахъ до слова;
 И, кощезь быхъ, сего те днѣ
 Погибелъ мнѣ гогова.
 Что нуднѣ? не когу заишь
 Несчастій предъ зобю;
 Мнѣ въ жизни нелъль дорознущь,
 А смерть мнѣ нудъ къ покою..."

Позже она разказывае, что она Мзабелла, дога коро-
 ля Галисим, что любовь - виной судьбы ея несхокой. Сов-
 мо прошелъ годъ, какъ ея отецъ озкрылъ турниръ въ Бай,
 очнѣ. На празднествѣ турнира она влюбилася въ Зербинь,
 на, наследника моллатдского короля. Зербинь любилъ
 ее зоме. „А какъ горилъ въ его крови

Любовь ко мнѣ шивад!... говоришь Мзабелла.

Иа обденилися въ любви,

Дружъ друга покидая."

Но Зербинь не просилъ руки Мзабеллы у ея отца,
 зная, что это будещь безплодно, поэтому что они разныхъ

вѣрѣ и родителе Мзаделлы — холодный теловѣкъ. Зер-
бинъ рѣшился убесѣди Мзаделлу зайковѣ. После празд-
ника Зербинъ попался въ оузыну, но обѣщавъ вскорѣ
после того исполнить заклясь свѣлой. Однако оузыны
орозваный къ полкамъ, идущимъ къ Карломану,
Зербинъ не могъ самъ лѣзть по океану за Мзаделлою.
Онъ поручилъ Одорикку, обязанному вѣсьмъ Зербину,
убесѣди его возмодленнцу Мзаделлу. И Одорикъ явился
погостъ съ кѣсколскими провозмазельми и увелъ ца-
ревну на галеру. Тамъ, съ родимого разлучая,
къ Зербину я легла.

Какого радостю въ зорь часъ

Душа моя хитила." Возклицаеъ

Мзаделла. Но едва они досрдили вѣсѣрь гуманной
Монжамы, ^{когда} вдругъ поднимаетъ сильная буря, бушуетъ
възвѣрь рѣвнѣй, галера разбиваетъ, люди погибали.
Толско Одорикъ съ Мзаделлою и двудя избранными
спаслись въ лодкѣ. Они прибыли къ дикой сѣранѣ.
Здѣсь, Зербину извѣдѣя, Одорикъ второломной оскорбля,
оъ Мзаделлу нескромного ядовѣсто. Но Алмонъ, всегда
Зербину вѣрнѣй, мѣшаеъ ему предаеъся Буйной кѣтъ.
И оъ него-то Одорикъ думаеъ освобождаетъ. Онъ говоритъ
Алмону: "На насъ надеъ чирекъ месрокий, когда ца-
ревну мои пѣшкѣмъ позанцимъ за собою. Случай и
приходи съ конемъ." Алмонъ, не отидаъ никакихъ

бѣдѣ, отправился въ путь. Пожаль злодѣй Одорикъ оу,
 крыль своєю мыслью озабавишася въ тѣмъ молодому
 Хоробу; признался ^{ему} въ слѣпной любви къ Мзабеллѣ, и пред,
 полагая, что Хоробъ по дружбѣ рышмихой принесеши ца,
 ревету на смерть буйной сражи. Однако Хоробъ приз,
 катилъ Одорика внимать, краснѣя и блѣднѣя, назвала
 его предазелемъ и въ бѣшенствѣ затесъ руку на мечъ.
 Между тѣмъ какъ они бились, Мзабелла подбѣжала въ
 глѣбъ лѣса. Но злодѣй Одорикъ, искусный въ битвѣ,
 низложилъ Хороба въ прахъ и похрился въ лѣсъ за
 Мзабеллой. Та рѣшилася скорѣе умереть, чѣмъ, изжнѣ,
 тѣмъ Зердину, ^{уфрантъ, оуфраффизъ оуфрантъ} мѣстѣ въ обидѣхъ злодѣя, и

Та заццицалася оузъ него

Ногами и руками,

И волосъ ену рвала

И бороду ццичала

И, не щадя его тела,

Отплатно кричала.

На ея необиланной крикъ приближалъ народъ — толпа
 народа и злодѣй скрылся за кущами. Толпа спасла
 ее. Она избѣжала срама; но какая польза? Изъ огня
 она попала въ полмя. Ходякъ ее продахъ какъ мочу,
 но подороже. И возъ ее уже сфорогвалъ купецъ восход,
 мочу сфуржану. Такъ, слезы изъ оуей сфурца,

Царевна говорила,

оуфрантъ, а сфурца, оуфрантъ, оуфрантъ, оуфрантъ

И ангелская протча ея
До сердца доходила.

Путь въ пещеру врываюзея разбойники, но все они
передицею Роландомъ. Роландъ уводитъ Изабеллу изъ пещеры.
Навстречу попадаеся или рыцарь, въ печальномъ платьи
вскопной, но путь переходить къ разказу о Традаманъ,
къ нѣмкой, близидущей по Провансу, жоску о своемъ
Руденгеро. Приходитъ фред Мелисса, утѣшаея ее, говоритъ,
что рыцарь ея живъ, но только лишенъ свободы. Фред
разказываетъ про кизроси Азласа и совѣтуетъ идти въ
его отарованный замокъ. Тамъ Традаманъ вступитъ
Азласа, принявшаго видъ Руденгеро, но должна сейчасъ
же убить его. Далее она предказываетъ Традаману
славу ея погониковъ по земской лини (деге). Героиня
идеть въ замокъ и видитъ волшебника въ образъ Руденге
ро, оздывающагося отъ двухъ гигантовъ. При видѣ мила
го у нея родилось подозрѣнiе, что прозвище него было
какой-нибудь ^{человѣкъ} навѣтъ. Нѣтъ! Это Руденгеро, говоритъ она
себѣ, и уходитъ за городомъ въ его заколдованный
замокъ. Тамъ Азласъ какъ ослѣпилъ ее, что она
не узнавала Руденгеро, а отъ не узнавала ея. Сарацин,
скій король сгротъ свои полки подъ сѣннами Париза.

Пѣснь XIV. Служитъ сарацинской армii. Мандрикаръ
только что явился въ войско и, слышавъ о подвигахъ
Роланда, нестерпиво хотеть похвратъ ея кннѣ

силами. У входа в долину отъ безрыкаеъ оурадь ры,
 царей, охраняющихъ отъ царя гранадскаго, просвазан,
 ную за Родоноуа, короля Сарзи. Мандрикаръ нападе,
 ерь на ниль; зълохранизели гранадскоу царевны ва,
 лярся „какъ ллгушки“ — грознай фазаритъ перебилъ ихъ
 венхъ до одного, посадилъ царевну Дорализу къ себѣ
 на лошадь и утъхаль. Ноче они проводятъ въ рабальей
 хизинитъ. Аграманъ съ сарацунскимъ войскоу рѣша,
 езя на шуррих Париса: Императоръ и народъ коляу.
 ся о защитъ, и Боу послалъ архангела Михаила
 провести христіанское войско зихонско изъ Пикарди
 въ Парисъ, а между сарацунами побелъваеъ лну по,
 стьдъс вражду. Ангель находилъ Раздоръ въ монастырь,
 а Скромноуеъ въ пещеръ, обитанной Сномъ, и послалъ
 ихъ обитъ исполняеъ свое дѣло. Такииъ образомъ Ри,
 малъо съ всенопогазельскимъ войскоу слауливо прихо,
 дилъ къ Парису.

Пѣснь XV. Сураниий шуррих. Родоноуеъ пресиде встхъ
 обладаеъ первой оунокъ и черезъ ровъ перескакиваеъ на
 взору. Сарацунское войско зовис хосеуъ перебрахъ на
 зу сторону вала, но осадителске муредляюу его окени.
 Аграманъ между зтхъ шуррихуеъ борова. Асломсфрѣ
 полунаеъ оу Лодисеуилли книгу, предохраняющую
 оу колдобсрва, и роу, звукъ козорого набодилъ сфрахъ
 на всякаго рыцаря, какъ би онъ храдръ ни былъ.

Съ зрими подарками отъ узманъ отъ гостеприимной
 феи. Въ зримъ подходитъ отъ къ замку великана, ко-
 зорый любилъ всякъ смущниковъ стужю, скованной Вул-
 каномъ, и позомъ позиралъ ихъ. Но звукъ Асволсфова
 рога набодитъ на него закой узналъ, что Асволсфъ ско-
 выбаеъ великана и беретъ съ собою. При уезъ Нила
 возвращаеъ отъ съ двумя рыцарями, Трифоновъ и Ан-
 биландомъ. Рыцари эти вѣдуть жестокий бой съ негодь,
 димьямъ разбойникомъ, козорый билъ закъ живуть, что
 если у него отъскуръ голову или вообще какую ни,
 будъ часть зъла, ему сполно золко поднятъ се, приса-
 битъ къ обрубленному меду — и она прираеъла. Но
 Асволсфъ, при помощи своей волшебной книги, по-
 бѣждаетъ разбойника. Отъ отрубилъ ему голову и чека-
 камъ съ него, прииде чьмъ его обезглавленный профивъ,
 никъ чентьмъ прииди въ себя. Асволсфъ съ новыми
 друзьями отъправляетъ въ Иерусалимъ. Тамъ Трифоновъ
 узнаеъ, что его возлюбленная, козорую отъ оставилъ въ
 Констанцинополь, чила въ Анѣохию. Рыцарь отъ,
 правлетъ ея отъскиваетъ.

Лѣтисъ XVI. Трифоновъ возвращаеъ у Данака своего воз-
 любленную съ чужеземными рыцарями. Но разбратница
 чьтъ рветъ его, что рыцарь Эрозъ ея родственный. Агра,
 камъ изурнаеъ ворага Парима. Страшный бой. Подо-
 монъ въ городъ, и свирепуетъ огнемъ и могомъ.

Ринальдо подходит къ Парису съ вспомогаемыми на вой,
скажи. Начинается буря. Императора убедом. в. в. о. и
неисповедь Родомонда, и онъ посылаетъ воиско унзъ *Бифо. Купи*
его.

Пѣснь XVII. Родомондъ изур. м. уезъ городъ; императоръ
и всѣ рыцари идуть прозивъ него. Король дамаскскій дахр
турниръ. Трифонъ съ другими рыцаремъ вѣтъзнаетъ въ го,
родъ; Грециъ рыцарь приглашаетъ мнѣ къ себѣ въ домъ и
разказываетъ мнѣ о пободѣ къ турниру. Трифонъ идетъ
на турниръ со своею любовницею и измѣнникомъ Марза.
номъ. Марзанъ оказывается зрусомъ; вѣтъ снѣтосѣ надъ
мнѣ. Трифонъ подтѣждаетъ вѣтъ, но зѣтъ не мѣтъ
долженъ оставить турниръ, сѣдѣетъ своего доварца. Не,
далеко отъ города Трифонъ ложится спать; Марзанъ бѣ,
рѣзъ его доситѣли, идетъ съ развращницею въ замокъ и при,
своиваетъ себѣ вѣтъ погеси подтѣдителя. Трифонъ проси,
наетъ, узнаетъ измѣну и видитъ наконецъ ясно свое
положеніе. Кинѣ гнѣвомъ, Трифонъ принужденъ
надѣтъ доситѣли Марзана, идетъ въ замокъ, гдѣ его вѣтъ,
таетъ дружинной хохотъ. Марзанъ боится откритія и по,
скорнѣй уходитъ. Трифона свѣзываютъ, сажаютъ на колес,
нищѣ и предаютъ публичному посядѣнію.

Пѣснь XVIII. Передъ ворагами Трифона освобождаетъ.
Тогда, получивъ назадъ оружіе, онъ даетъ полную волю сво,
ей ярости. Много народу подижо. Трифонъ дѣлаетъ назадъ

въ городъ и поднимаетъ мостъ. На Родомонца нападаютъ
 восемь рыцарей и все войско. Но онъ уничтожаетъ мно-
 гихъ рыцарей, прокладываетъ себѣ дорогу къ рѣкѣ, бросается
 въ воду и плыветъ. Когда Родомонцъ вышелъ на берегъ, яв-
 ляется передъ нимъ карликъ и рассказываетъ, что жена
 его уведена рыцаремъ (Роландомъ), который разогналъ всѣхъ
 съ утѣлохранителей. Родомонцъ приходитъ въ дѣшеву.
 Императоръ Карлъ снова выстраиваетъ свои войска, и сраш-
 ный бой начинается. Король дамаксій выходитъ прозвѣвъ
 Трифона съ 1000 рыцарей. Трифонъ храбро защищаетъ.
 Король удивляется ему, прекращаетъ бой и предлагаетъ
 всякое удобствореніе. Братъ Трифона, Аквиланцъ, узнавъ
 объ измѣнѣ Марзана, идетъ искать своего брата. Отъ брата
 беретъ Марзана съ оружіемъ и любовницею, связываетъ
 ихъ обоимъ и освобождаетъ въ Дамаскъ. Между тѣмъ вся
 эта песторія уже разнеслась по городу. Марзана пудлинно
 высекли, а тогда погнали Трифона, угнетавшаго новый
 турниръ. Асзолсфъ и Сансонеръ слышатъ объ этомъ тур-
 нирѣ и идутъ въ Дамаскъ. Они берутъ храброго
 Марфизу, приземлившую Асзолсфа, и берутъ ее съ собою
 въ городъ. Сансонеръ подымаетъ на турниръ. Въмъ оу-
 правляется пономъ во Франциско. Благодаря храброму
 Риналдо, дворянини озброены оу срашъ Паризма
 и забираютъ въ укрѣпленный лагерь. Медоро и
 его другъ хозяръ погго похоронитъ своего убитого короля,

Исторія ирландской литературы XVI ст.

продираются въ лагерь и убиваютъ множество Арисиданн.

Письмо XIX. Медоро захватилъ раненаго. Анджеллика находитъ его, уноситъ въ родство Лизитту, излечиваетъ его рана и влюбляется въ него. Она продвигаетъ свадьбу въ Лизитту и хогеръ беретъ съ собою Медоро на востокъ. Они идутъ черезъ Испанію. Марфизу и герцога разбой, никова зашла сильная буря. Они приближа къ берегу, гдѣ царствуютъ женщины и условіемъ свободы полага, тотъ побѣду надъ десятью рыцарями. Жребій выпадаетъ Марфизу. Она подвигаетъ девять рыцарей, но де, сязый равенъ ей по храбрости. Приходитъ ночь, бой прекращаютъ, и рыцарь зовутъ гунземзева въ свой домъ.

Письмо XX. Рыцарь рассказываетъ свою исторію и го, воруя, что его зовутъ Гвидонъ. Въ сговариваются спасенъ дѣтствомъ. Ногонъ оснащенъ корабль, но утромъ женщины замкнули дѣтство. Нескокая буря. Асолофъ зрѣдизъ въ свой рокъ, и все обращаетъ въ дѣтство. Но озъ чюаса и Марфиза съ рыцарями бѣгутъ на свой корабль; распускаютъ паруса и оставляютъ Асолофа одного. Марфиза и герцога рыцарей привозитъ въ Марселл, гдѣ она оставляетъ своихъ спутниковъ. Зер, бинъ, который хогеръ околесилъ мнимую смерть Медора, возвращается съ Марфизой, но подвигаетъ его.

Письмо XXI. Приходитъ рыцарь. Зербинъ борется съ

нимъ и ранилъ его на смерть, но должны въ ханъ
дальше.

Пѣснь XXII. Асзолоръ привозимъ наконецъ въ
Руанъ. Въ князь, подаренной ему Модисеиллой, отъ
находивъ средство побѣдить колдовство. Когда оно ис-
лезло, Рудисеро и Брадаманца съ воспоргомъ узнали
другъ друга. Брадаманца предъзеръ отъ своего возлюблен-
наго, чтобы отъ окресился и посвазала за нее заве-
деннымъ порядкомъ. Они пускаются въ путь. Рудисеро
подъиздаеъ рыцарей. Брадаманца удиваеъ Пинаде-
ля, но не можеть найти выхода изъ лѣса.

Пѣснь XXIII. Брадаманца ищеть Рудисеро и кри-
ходитъ наконецъ къ дому мнску, гдѣ заколдованной
замокъ. Тамъ сужитъ ище Асзолоръ. Она узнаеъ его.
Отъ оудаеъ ей свое конье и свою лошадь и самъ уле-
даеъ на крылатомъ конѣ. Брадаманца тѣдеъ дальше
и привозимъ въ одласъ Монралдана къ своему фри-
милстому. Зербина ^{за нку} приходитъ къ дому мнску, гдѣ Бра-
данца поразила Пинаделя. После зисерныхъ по-
исковъ отъ приходитъ въ замокъ Тозривъ, гдѣ шиверъ
оуецъ убизаго. Оуецъ Пинаделя велеть во время сна
свзаетъ Зербина и на другое укро хогеть его черверго.
ваъ. Но въ то самое время, когда его привлекли
на мнско казни, приходитъ Голандъ съ возлюблен-
ной Зербина, Мзабеллой. Шуда же прискакали кан-

дриккаръ съ Дорализой. Старикъ вызываетъ Роланда на поединокъ за знаменитый мечъ Роландовъ, Дурин, даму. Они долго бьются; наконецъ у Роландова съдла лошадей подируга, она падаетъ; другая лошадь испуга, лаетъ и понесла Мандрикарфа; за нимъ помчалась и Дорализа. Роландъ раздается съ Зердиномъ и подерже искаре изытчиковъ. Случайно онъ приходитъ къ жону пасуху, у котораго ночевали Медоро съ Анджеликой, и видяще многисерво слѣдовъ ихъ любви и ихъ счастья. Онъ обидоуделсно узнаетъ оъ пасуха о невірности Анджелики и оъ ревности сходитъ съ ума.

Книжка XXIV. Роландъ недоводеуваетъ и удивляетъ много людей. — Зердинъ и Изабелла тѣдутъ дальше и встрѣчаютъ Одорика, котораго ихъ отмануль. Онъ зако, вать въ цѣпи и приведенъ на судъ. Зердинъ проща, етъ Одорика, приходитъ къ жону пасуху, гдѣ нещров, еубовалъ Роландъ, и оъ одного поселаника слышитъ всю исторію. Смуценный, собираетъ онъ все доспѣхи Роланда. Тогда приходитъ къ нему Фрорделиза въ селе, залъ; она никакъ не можетъ найти своего Бранди, марфа. Зердинъ вѣшаетъ оружіе и доспѣхи Роланда на сосну. Мандрикарфъ приходитъ и беретъ мечъ, изъ, за котораго онъ прежде сражался. Но теперь онъ дол, жень бѣжитъ за него съ Зердиномъ и уже намекъ ему всемо опаснѣхъ ранъ, когда проседе дѣвчушки поло,

милли коней поединку. Зербинь умираетъ, Изабелла
хотеть умертвить себя; но оземельникъ удерживаетъ
ее и провозмаетъ ее и зруитъ Зербина въ Провансъ. Ман-
дрикаръ посылъ бой плеса въ Дорализой на травъ. По-
домонъ приходитъ, и жестокий бой начинается между
рыцарями за добычу. Является всенникъ, говоритъ о по-
ложениі сарацискаго войска; прозвнни-
ки заключаютъ перемиріе.

Писмо XXV. Рудисеро приходитъ въ замокъ, въ ко-
ромъ приговорили на казнь юношу, изобличеннаго
въ прелюбоудійство. Божіе подоще. Юноша осво-
божденъ. Оказываетъ, что онъ — Гилльбардеро (Рикар-
деро), бразъ Брадаманзы и родуственникъ Ринальдо.
Онъ рассказываетъ свою исторію. Рудисеро нинешъ въ
Брадаманзу, что обходительства еще не позволяютъ
ему придти, и на другой день увозмаетъ изъ замка.

Писмо XXVI. Оурядъ подьдатель располагаетъ у
дверей изогкиковъ Мерлина, украшенныхъ ма-
морскими изваяніями. Между прочимъ есть тунъ
и фигура, налегающая на времена Аріоста, — чудови-
ще, убиваемое Францискомъ I, королемъ французскимъ,
императоромъ Максимилианомъ, Карломъ V и Генри-
комъ VIII. Приходитъ служанка Брадаманзы и разка-
зываетъ, что Родомонъ озялъ у нея коня Рудисеро.
Мандрикаръ хотеть взять харфицу какъ добычу, но

Марфица борется с нимъ до зѣлъ порѣ, пока ихъ не раз-
нимаеъ Родомонъ. Родомонъ оцаскиваеъ Мандрикарфа
и вызываеъ его на бой, но получаеъ закои ударѣ, отъ
котораго у него мѣлъ ваваливаеъ изъ рукъ, и самъ отъ
падаеъ съ лошади.

Письмо XXVII. Родомонъ и Мандрикарфъ преслѣдуютъ
Дорализу до самаго Париза. Большая битва подѣ сѣтнѣ,
ни Париза. Христиане были да подготовлены; но ангелъ
спова спасаеъ ихъ. Марфица узнала карлика Брунеля,
который поблизилъ у нея мѣлъ. Она схватываеъ его
къ себѣ на лошадѣ и гонитъ съ нимъ вѣльсѣ къ бли,
жайшей башнѣ. Раздраженной король гонитъ за
Марфицой и хогеръ съ ней драгѣ самъ, но его удер-
живаюуъ. Король, въ свою очередь, хогеръ удерматъ
оуъ поединка Родомонъ и Мандрикарфа; рыцари
наконецъ согласились, что сиротонъ Дорализу будѣ
уоуъ, кого она выберетъ сама. Дорализа выбираеъ Ман-
дрикарфа, Родомонъ, оскорбленный, хогеръ возобновиуъ
бой, но когда король запрещаетъ это, отъ гордо выхъ-
жаеъ изъ лагеря. Сакрипанъ хогеръ догнаеъ его, но
скоро держитъ изъ виду, потому что ему пришлось
еще выаскиваеъ изъ воды упонавшую дѣвчичку. Р.
домонъ въ дурномъ расположеніи духа доходитъ
до Саотви. Тамъ, въ гостиницѣ, хозяинъ разсказъ.
ваеъ ему исторію о невѣркахъ моничицѣхъ.

Повесть XXVIII. Новелла о невѣрности женищины. Выслушавъ ее, Родомонъ отправляется далѣе къ морю. Окружности Монпелье ему понравились, и онъ остается тамъ. Приходитъ Мзабелла съ оземельникомъ и гробомъ гербама; Родомонъ влюбляется въ нее.

Повесть XXIX. Родомонъ объявляется Мзабеллѣ въ любви. Монахъ, напроказъ, сдѣлающъ гробовицъ ее идти въ монастырь. Разгнѣванный рыцарь кидаетъ его въ море. Наконецъ онъ до такой степени надоедаетъ Мзабеллѣ своею любовью, что она можетъ освободиться отъ него только смертию. Она убѣдила Родомонда, что приговорила сосать, дѣлающъ теловока неувязчивымъ; для пробы она подсаживаетъ свою голову, и Родомонъ отъскакиваетъ ее однимъ ударомъ. Родомонъ воздвигаетъ Мзабеллѣ огромный мавзолей и срубаеъ черезъ рѣчку узенькій мостикъ; на немъ онъ сражается со всякимъ провозникомъ рыцарамъ, и оружіе подъявденныхъ въшаеъ, какъ зрѣеъ, на гробницѣ Мзабеллы. Безумный Роландъ, совершенно голый, приходитъ къ зрѣищу мѣсту, связываетъ Родомонда и кидаетъ въ рѣчку, но рѣчка не вылаиваетъ и идетъ далѣе; Родомонъ выходитъ изъ воды нѣсколко поздне. Роландъ приходитъ наконецъ въ Испанію. Тамъ встрѣчается онъ Анджелику съ Медоромъ. Испанская Анджелика, по своему обыкновению, убѣгаетъ; Роландъ за ней; Медоръ

замахивается на него мечомъ; но Голандъ ударомъ кулака удивляетъ его лошадей. Они гуж не схватили Анджелику, но она, положивъ кольцо свое въ ротъ, дѣлается невидимото. Голандъ „неисповедуется“.

Письмо XXX. Голандъ, продолжая неисповедовать, бродитъ по Испаніи. Зогнавъ лошадей Анджелики, онъ удивляетъ пасуха, овладеваетъ его лошадей, затѣмъ идетъ смерти и потомъ повзрелъ эту продолку со всякими безрочными всадниками. Разоривъ половину Малаги, онъ у Гибралгара перетягиваетъ въ Африку Рудисе, но подъ Парижемъ удивляетъ Мандрикара. Братья Брадаманда, Ринальдо, приходятъ въ Монзалданскій замокъ, береть съ собою братья своихъ братьевъ и родственниковъ въ войско Карла.

Письмо XXXI. Дорогой они встрѣчаютъ чернаго рыцаря, рѣ и затѣваютъ съ нимъ ссору. Ринальдо ведетъ рыцаря напикать бороться съ чернымъ рыцаремъ. Ночь прекрасна въ поединокъ. Ринальдо ведетъ рыцаря въ свою палатку, — и узнаетъ въ немъ своего брата Гвидона. Вель пѣту въ мѣсяцъ; на дороге къ нимъ присоединяются Трифонъ, Аквиландъ и Фортделиза, которая рассказываетъ Ринальдо о „неисповедованъ“ его родственника Голанда и о томъ, что его мечомъ и достигали завладѣли изытиски. Еще дальше присоединяются къ нимъ Сансонетъ. Ринальдо со всеми ими вбивается

въ сарацинскій лагерь и производить въ немъ страш-
ное опустошеніе. Императоръ, узнавшій объ этомъ, до-
же дѣлаеть вылазку. Грѣборделиза снова видитъ своего
Брандмарка, рассказываетъ ему о немеровствѣ Голанда,
и Брандмаркъ осраблваетъ сраженіе, что въ позднѣе по слѣ-
дамъ Голанда. Они приходятъ къ мосту Родомонца.
Силнопя свавка. Оба падаютъ въ воду. Брандмаркъ
готовъ уже быть захлѣбнувшись, но Родомонцъ выхватилъ
его, обезоружилъ и заперъ въ башню. Грѣборделиза хо-
дитъ, что въ позвае на помощи Ринальдо и другихъ
рыцарей. Между тѣмъ сарацины раздѣли на голову.
Король Аграманъ съ остаткомъ своей арміи бѣжитъ
въ Арль. Тутъ же и раненой Рудисеро.

Глава XXXII. Сарацинскій король разными обѣ-
щаніями хотеть склонить на свою сторону Родомонца,
но напрасно. Изъ Арля приходятъ рыцари и распропаган-
дировать слухъ, что Рудисеро завела связь съ Марфицой,
и скоро должно совершиться ихъ бракосочетаніе. Бра-
даманца хотеть умертвить себя, но сначала думаетъ
отомстить Марфицу. Дорогой встрѣчаетъ она послан-
ницу отъ королевы исландской, которая прислала им-
ператору великолѣпной щирь. Щирь этуъ должны
отъ отдать храбрымъ и изъ своихъ рыцарей, кото-
рый, вѣнчаетъ со щирью, получить и руку королевы.
Ночь засаду Брамману на дороге. Пасуха указа,

валъ ей на замокъ Тристана, но предупредивъ, что всякій, ищущій тамъ господина ея, долженъ получить его съ боя. Она приходитъ къ замку; отъ утра за, нять зрѣтъ исландскими рыцарями, съ которыми она должна сразиться. Она поджидаетъ всѣхъ урехъ и идетъ въ замокъ. Коздичъ рассказываетъ ей новеллу о происхожденіи этого обряда.

Пѣснь XXXIII. Въ залѣ разбитана карзика, на, писанная Мерлинкомъ, изображающая будущія судьбы Франціи. Утромъ Брадаманта сбирается въ храмъ да, те, но исландскіе рыцари вызываютъ ее еще разъ, она поджидаетъ ихъ. Арзолсфр на своемъ крылатомъ конѣ одлеаетъ все свѣтъ и опускается наконецъ въ Нудин. На замощенго короля нападаютъ Гарни, Арзолсфр пронзаетъ ихъ звуками своего рога.

Пѣснь XXXIV. Арзолсфр преслѣдуетъ Гарни до воровъ ада и даже самъ сходитъ туда. Отъ видѣть тамъ мен, щинъ, которыхъ на землѣ были слишкомъ недосройны. Мидя, индійская принцесса, рассказываетъ ему своего мерорина. Арзолсфр скачетъ дальше и взбирается на высочайшую гору земного рая и видитъ тамъ парри, арловъ и Фоанна. Эрозъ говоритъ ему между прочимъ, что Роландъ наказанъ за то, что изъ любви къ Язык, ницѣ лишилъ христіанское войско защиты, кото, рую мовъ-ба оказалъ ему. За это отъ герверга года будетъ

безумствовале. Азотскерь долженъ тогда принести ему
лекарство, которое нужно будетъ погертить на луну.
Завтра они отправляются на луну. Азотскерь находить
тамъ множество символическихъ вещей. И разсудокъ
Голанда видить отъ въ буфалку, которую долженъ взять
со собою.

Письмо XXV. Азотскерь видить короля низи мно-
гихъ будущиыхъ жизней (младш. Империу Эерз), изъ нихъ
нѣкоторыя жизни будутъ одарены безсмертїемъ, а другія
погружены въ забвенїе. Градаманца, между тѣмъ, про-
ѣзжаетъ по Провансу. Эрборделиза зоветь ее на попойку.
Она приходитъ къ балету и въ бою сбрасываетъ Родо-
монца съ лошади. По договору она посылаетъ въ Ал-
жиръ гонца съ приказанїемъ освободить мльчиниковъ,
а сама, со свѣдой, мелезаетъ неизвестно куда.

Письмо XXVI. Приходитъ марфица. Градаманца
съ Арсезго кидаетъ на свою соперницу и опрокидыва-
етъ ее три раза. Борьба эта привлекла множество ры-
царей тѣхъ христіанскаго войска; завязывается сража-
ка. Градаманца убиваетъ пропастъ дубинниковъ и
еще разъ копейки повергаетъ марфицу на землю. Оби-
онъ бышено сражаюзетъ мечами. Тогда изъ джунгли,
шаго рва раздаются голоса, объявляющїи въ длинной
испорим, что марфица — сестра Руджисеро. Это голоса
Азласа. Руджисеро разсказываетъ всю исторїю своихъ

предковъ, начиная съ разрушенія Трои и кончая тѣмъ, какъ Атраманъ убилъ его отца.

Пѣснь XXXVII. Рудмисеро хотѣлъ уже идти, — но вдругъ слышитъ невдалекѣ гон-го шлоба. Это исландская по-сланница со своими двумя женихами; въ одномъ замкѣ ихъ раздѣли почти до-нага, озябли щизъ и взяли въ плѣнъ ^{ихъ} рыцарей. Рудмисеро и его тамъ садятся на коней и ѣдутъ въ замокъ. Ужне изъ-далека, въ селѣ, ^{или издалека} наполненномъ женихами, они слышатъ, что зирани прогналъ всѣхъ жениховъ отъ ихъ музней потому, что у него два сына погибли отъ любви. Всѣхъ гужныхъ жениховъ отъ убиваетъ, а рыцарей ихъ беретъ въ плѣнъ и отпускаетъ только тогда, когда они дадутъ клятву ненави-дѣть жениховъ. Брадаманца, Рудмисеро и Карфуза ѣдутъ къ замку, убиваютъ множество людей, ослепляютъ хозяи-на замка ударомъ кулака, связываютъ его и предъ на-родомъ передаютъ музическою казни.

Пѣснь XXXVIII. Брадаманца и Карфуза идутъ въ кри-сціанскій лагерь подъ Арлемъ. Карфуза принимаетъ тамъ крещеніе. Асволотръ съ Роландовичемъ разсудкомъ, закупореннымъ въ бузгалку, возвращается въ Мудбю и угрожаетъ королю нанести на владѣнія Атраманца. Поединокъ долженъ рѣшить судьбу обоихъ войскъ и ихъ перій. Ринальдо и Рудмисеро избраны для этого боя. До-говоръ скрѣпленъ клятвой, и поединокъ начинается.

Письмо XXXIX. Рудисеро дерзает мнимо и небрежно. Аграманъ приходитъ въ ярость, кидается на борцовъ и на рушаго зримо условія договора. Снова начинается омерзительная буря. Асольсръ набираетъ себѣ войско въ Африку, нападаетъ на Алжиръ, возвращаетъ свободу Сансовину и Брандмарку и ходитъ иди во Францію на помощь Карлу. И Фюрделиза приходитъ къ Брандмарку. Между тѣмъ немщовсвудюцій Роландъ производитъ срашннвй оу, срашннй въ лагерь Асольсра. Въмъ рыцари нападаютъ на него, чтобы свъзарт и похотъ издегарт. Платъ многихъ усилій это удалое иль, и Роланду возвращаетъ разсудокъ. Аграманъ, утѣмилный со всѣхъ ссоротъ, самаетъ осраотъ своего войска на корабли и ходитъ отплытъ въ Африку. Но зуть отъ срашннвартъ съ флотомъ Асольсра. Маркое морское срашнннн.

Письмо XL. Аграманъ на гелноктѣ ускользаетъ изъ бурви. Асольсръ и Роландъ осаждаютъ со своими войскамъ городъ Визерту. Брандмаркъ первый вздрраетъ на сѣбну. Городъ вздръ присудномъ и разграблетъ. Рудисеро идетъ въ Марсель искаже коробля, находитъ все флотъ сарацннскій въ плѣтну, разгоняетъ нѣсколко сотенъ хрнсдннскнхъ рыцарей, беретъ корабль и снвшнзъ въ Африку.

Письмо XLI. Срашнннн буря. Все экипажъ иди. Рудисеро спасаетъ на скалу, а корабль разбиваетъ о

береть зого самого острова, где был Голандъ. Онъ идетъ
туда, находить тамъ оружье Рудисеро; нечъ беретъ себѣ,
лазы отдаеъ Оливьеру, коня Брандимарку. Во время
плаванія у Рудисеро пробуждается совесть, онъ даетъ
обѣтъ сойтись христіанитомъ и спасаетъ на скалу.
Тамъ ошельники крестить Рудисеро и предсказываютъ
ему все его будущее, раннюю смерть, мезъ и позому
всю судьбу дома Эскъ. Голандъ и другіе начинаютъ страш-
ный поединокъ. Брандимарку убить.

Пѣснь XIII. Голандъ удивляетъ Аграманта и Традасса.
Ринальдо узнаетъ о невѣрности Анжелики и обѣ ей
благословъ съ Медоромъ, онъ отправляется ее разыскать.
Въ лесу нападаетъ на него чудовище (символизирующъ,
еще ревность). Рыцарь (символизирующій презрѣніе)
освобождаетъ его отъ этого чудовища и советомъ излечи-
ваетъ отъ любви. У Пѣ однихъ рыцарь приглашаетъ его
въ свой замокъ. Позъ поговаряется случаемъ, тобы описатъ
подробно феррарскій замокъ и полетитъ дому Эскъ.
Принимаетъ кубокъ вина, но королю можно будетъ
узнавать вѣрность или невѣрность супруги.

Пѣснь XIV. Голандъ отказывается отъ испытанія,
и Ринальдо садится на корабль; корабельщикъ опять
рассказываетъ ему новеллу о невѣрности женищины, и
Ринальдо приезжаетъ къ Голанду. Они идутъ къ Азолеру.
Брандимарка торжественно хоронятъ въ Сициліи.

Фрборделиза срубила себѣ около его гробницы келью и
вскорѣ умираеть. Оливьеръ, во время поединка, упалъ
подъ лошадей и раздробилъ себѣ ногу. Его озвонилъ къ оу-
мелнику, кресившему Рудисеро, и святой мужъ исцѣ-
ляеть его одной молитвой. Приведены жуда же и Собринъ,
получивъ исцѣление, оны крестятся. Въсь узнаторъ, то
Рудисеро тоже христіанинъ, и привозеубуеъ его.

Лѣтъ XLV. Ринальдо одъщяеть Рудисеро сестру свою
Брадаманду. Въсь пѣдуеъ въ Марсель, куда прилезаеть
и Ардуенъ на своемъ крылатомъ конѣ, котораго оны
спускаеть наконецъ на волю. Оудуа весь озуправляеъ
къ императору въ Паризь, гдѣ ихъ привозеубуеъ какъ
спасителей оземсва. Ринальдо говориетъ своимъ родитѣ-
лямъ, что оны одъщялъ сестру свою Рудисеро. Но эти
уже прежде дали слово принцу константинопольско-
му, и поэтому отказываеъ Рудисеро. Брадаманда идеть
наконецъ къ императору и проситъ его дать ей въ сестру,
ли того рыцаря, котораго ея побѣдилъ. Карль соглаша-
еться. Но родители увозятъ ее въ свой укрепленный
замокъ, въ Пиренни. Рудисеро Логерь извѣсти импера-
торовъ и принцевъ греческихъ. Оны уеззаеъ изъ Фран-
цин и приходитъ въ Бѣлградъ, гдѣ именно въ это
время происходило сраженіе, между греками и бул-
гарами. Булгары одброшены назадъ, предводитель ихъ
убилъ, но Рудисеро становится во главе болгарской

армии и обращаясь граковъ въ бѣгство. Булгары хвалятъ изобразъ его княземъ; но онъ все-таки преслѣдуется принцемъ Лева, который счастливо переправляется черезъ рѣку. Рудисеро скачетъ цѣлую ночь и останавливается наконецъ въ госпиталь, около одного замка.

Пѣснь XIV. Козимъ замка приказываетъ схватить Рудисеро. Это приводитъ къ императору. Сестра императора, сына которой онъ убилъ въ сраженіи, великъ посадила его въ башню и изгнать. Брадаманца съ оружіемъ своимъ возвращается въ Парижъ и горюетъ объ отсутствующемъ Рудисеро. Но принцъ Левъ, который уже во время боя убилъ Рудисеро и полюбилъ его, тайно прокрадывается въ башню и освобождаетъ Рудисеро. Принцъ узнаетъ отъ него, что Брадаманца будетъ зменено зомско своего погребенія. Онъ проситъ Рудисеро сразиться за него. Изъ благодарности Рудисеро не можетъ отказать принцу. Оба привозимые въ Парижъ, день боя назначенъ. Рудисеро сохраняетъ суровое инкогнито. Бой продолжается до вечера, и кончается зѣмь, что мнѣшаго Лева провозглашаетъ побѣдителемъ и хиругомъ Брадаманца. Рудисеро узнаетъ далеко и проситъ смерти положивъ конецъ его сраженіямъ. Марфица объявляетъ, что Брадаманца уже давно принадлежитъ Рудисеро; поэтому Левъ долженъ въ немъ драгся. Левъ посылаетъ за своимъ невестушкой французск. Рудисеро везетъ ищущъ и нигдѣ

не находять.

Письмо XLVI. Левъ управляетъ самъ исказе его. Фрэн Мелисса приводитъ его къ Рудмисеро, который обречь себя на голодную смерть. Левъ неотступно проситъ Рудмисеро открыть ему причину своихъ страданій. Рудмисеро разска- зываетъ ему всю исторію. Левъ удивляется благородству своего соперника, но не хочетъ уступитъ ему въ велико- душіи и отказывается отъ Брадалманчи. Они идутъ ко дво- ру, гдѣ узнаютъ и привѣтствуютъ Рудмисеро. Левъ раз- сказываетъ объ его великодушіи, и раздвоенный сердце Брадалманчи соглашается наконецъ на бракъ своей доче- ри съ Рудмисеро. Булгары присылаютъ депузацію про- ситъ Рудмисеро княжить надъ ними. Фрэн Мелисса устраиваетъ брачную посреда, подъ удивительнымъ пово- гомъ, на которомъ выткана вся доиславная исторія кардинала Митрополита. Свадьба управляетъ блестящимъ образомъ. Когда весь сидѣли уже за столомъ, вдругъ яв- ляется Родомонъ и вызываетъ Рудмисеро на поединокъ. Письмо долгаго и жестокаго боя Родомонъ убить.

Такова поэма „Немцовъ Поландъ или Орландъ“ (Orlando furioso) Ариосто, приписываемая къ рыцарскимъ эпопеямъ. Идея юмористическаго обрабозки Эпико-романа, эпическаго сюжета принадлежить Пулги, но у Ариосто весь рыцари изображены одинаково, у него даме Балон и Бавицеи — рыцари; весь совершаютъ одинаковые под-

1) Русскіе переводы: Немцовъ Поландъ, героическаго, ^{поэма} пер. съ франц. Кетръ Москва, ноябрь. к. 1791-93. — Немцовъ Орландъ, А. Ариосто, пер. съ итальян. Павль, 37. к. 1832-37. (Только первая 15 страницъ, и то съ пропусками). Переводъ 100-112 страницъ XLIII главы набросать Пушкина въ. Переводъ одного незнаменителнаго орубка. Отдѣланъ Мв. Козловымъ.

визи; весь одинаково зависяет от случая. Недосказки эти, произошли вследствие неудачного выбора сюжета. Но, если Ариосто хотеть подразнить и не могь создать ни, чего самоподразнителя, то понятно, что онъ убожилъ себя и ошибки своего предшественника. У Ариосто нтъ удач, нтъ характеристикъ и оригинальности въ изображеніи, яль природы и разнѣхъ странъ. Трѣткою слабой ползуетъ, съ его описаніе садовъ Алкиды. Но замъ-то всего меньше и можно найди оригинальности. Такія описанія были очень обыкновенны между поэтами времени Лоренцо Медичи. Уралія была жода бога и диммигескиши и описательными поэтами и ни одна эпопея не обходилась безъ описанія резиденціи какой-нибудь феи.

Поэма Ариосто не имъетъ ни добродушной въри, ни юмористическости, ни единства, ни неуничной любви, ни ре, лигии, ни даже уваженія къ рыцарству, какъ въ средне, вѣковыхъ поэмахъ. Поэтъ оунесся съ ироніей и сценци, цизмочилъ къ своему предмету. Безсвѣдность и неясность, добавляетъ похотденій его героев мы видѣли доска, жогно изъ подробнаго изложенія поэмы. Герои его — ирди, ки случая, женщины, колдовства; въ нихъ нтъ ни харак, тѣра, ни нравственнаго мужества, даже храбрости иль зависяетъ отъ волшебства, дѣлательнаго иль неудачливости. Менищины его еще меньше привлекаются. Къ вопро, савъ, волшебствъ и его время, — къ зиратіи пансува,

свободы совести, къ мнѣ величавъ и правдивъ — поэтъ совершенно равнодушный и смѣется только надъ монахами, не загромождая абсурдныхъ учений церкви...

Медосаждение единства въ „Неисповедомъ Роланда“ тоже не принадлежитъ Ариосто, потому что оно совершенно не зворило, а только продолжалъ фрагменты, оставленные ему предшественникомъ. Въ концѣ „Ямбленнаго Роланда“ (Orlando innamorato) Гойярдъ начинаеетъ эпизодъ любви Рудмбергъ и Брадаманта, а у Ариосто это событие стало главнымъ предметомъ поэмы, и любовь Роланда отступила на задній планъ. Это же все въ новую сторону въ эпозъ сюжеть, Ариосто долженъ былъ прибавить къ любви Роланда другою казасрофу, где вьрядъ, и безъ того уже не оказывавший большого ума, герцарь наконецъ и послѣдній его осадокъ. Это сумасшествіе, или, какъ принято по-русски переводить, „неисповедомъ“, составляетъ предметъ немногихъ пьесъ, а между тѣмъ цѣлая поэма получила название отъ этого почти эпизодическаго события. Этого факта не принадлежатъ Ариосто и безконечныя отступленія въ разказѣ, переполненныя самыми неслыханными происшествіями, слѣдуютъ за королемъ не, возможно безъ головокруженія; эту морду ввелъ уже Пугачи, а въ особенноти Гойярдъ.

Не только въ цѣломъ, — даже въ малѣйшихъ подробностяхъ своего эпоса, Ариосто, при ближайшемъ разсмотрѣніи,

ним его поэмы, является подражатель. Метанские и французские романы досрабили ему почти весь материал. Доже главное событие эпохи „Немцовый Роландъ“ (Orlando furioso) — подражаніе Тристану и Ланселоту. Множество картинъ заммервовано изъ античныхъ поэтовъ. Даже заммервованія и у Данте, даже и тогда очень нецеремонная; зажилъ образы большая часть какъ не, досраковъ, такъ и досропозовъ поэмы принадлежишь не самому Аріосто, а возникла оъ первоначальной его ошидки, сосредицей въ томъ, что онъ не создалъ и не раз, работалъ свой содробенный планъ, а часть продолжалъ нагазое предшесрвенниками, часть подражалъ имъ, или заммервовалъ изъликомъ у разныхъ поэтовъ, древнихъ и новыхъ, италіанскихъ и иностранныхъ. Ему принад, лежишь только разработка заммервованнаго материала, бол, той часть въ его унозредленіи, облагороженіе музыки и неподражаемая, ровная прелеср сриховъ, разливая по всей поэмы.

Кромя того въ поэмы „Немцовый Роландъ“ Аріосто оу, разлиласъ вся его эпоха, вся современная ему Италія, управляемая герцогами и кардиналами, съ ея нецеремон, вившимися пондзіями о принципахъ, руководящихъ желовногесрвоить, съ преобладаніемъ богадсрва и грубой си, ла, съ ихъ ироническими отношеніями ко всему, что вниъ сферы ихъ низшейшихъ интересовъ. Точно эпозо,

диплексія подробности поэмы обрисованы рельефно и пла-
стично, и рядъ эрмъ отдѣльныхъ великолѣпныхъ картинъ
производитъ сильное впечатлѣніе, котораго лишена вся
поэма въ цѣломъ ея созабвѣ.

Не прѣдъ благоговѣйнаго удивленія къ риндартскимъ
прѣданіямъ, изъ которыхъ онъ заимствовалъ материалъ для
своей поэмы, Аріосто однакожь погертналъ въ присущей
ему озабвчивости на всякое реальное дѣйствіе или явле-
ніе сколько земли для своего зворгсства, что онъ каждоу
дѣву, каждое похитденіе, всякое героическое или похори,
судическое положеніе, въ калейдоскопическомъ измѣнчивомъ
несуротъ изображеніяхъ въ поэмы собирій, члмверъ раз-
украшлр всю прелестю яркиа красокъ, злмъ самымъ
засраблнл насъ совершенно заблваеъ объ его почти пол-
ной беззаблрности относительна цѣлности создаваемыхъ
нмъ характеровъ. Своѣмъ ошлвленномъ глверомъ и неиз-
мѣнно свѣзломъ настроеніе поэта остротелъ въ поэмы
всегда и вездѣ одинаковыми, его серьезноеъ, законъ каковъ
и фривольная шаловливоеъ, его острочлмная иронія
наравнл съ его издлчнмомъ глверомъ явллется въ
равной мѣрѣ проникнутомъ непреодолимо глрцто-
щю, невыразимомъ прелестю. „Художественная цѣл-
Аріосто заклучается въ блестящелъ, ошлвленномъ дѣл,
срблн, которое съ совершенно равномѣрностью маслра,
дѣлается по всей великой поэмы.“¹⁾ Но особенно прлхо,

¹⁾ Гуркхаръ, Куплтура возрожденія (Виссенадт, „Cultur der Renaissance“).

дирся указавъ на легкость и прелесть его сужа. Вотъ
какъ напр. Менсеровъ Роландъ говоритъ, говоря о похвальной любви (Тысяч

Цвѣты, поляна, боръ зеленый, XXIX. Въ переводѣ М. Козлова):
 Пещера, зовъ волны суредной, Kiprusas, zala biže, laucis,
 Притога счастья моего, — bižala, kas tomāz vāstojauca,
 Где Галафрона дога младая, Tus manas laimes mitaibi, —
 Другихъ платоническихъ презирая, Kas Galafrona maita jaunā,
 Меня любила одного, — Tad citiem pēdējājam laimā,
 Где въ Анджелико прелестью Tik mani mēļ' vēnigi, —
 Я долго шила въ зимы безбожной, Kuras ar Andželiku klusu.
 Где обменная она Kas viņa kaita galija
 Въ коняхъ одвѣзла леснала, arstavīgi,
 И, ноги сладостной полна, Mā manas apstāvētas rokas
 Медора къ персямъ прижимала, Un pilna salda maiguma
 Какую вамъ награду даде? Laij Medorām' lai slat tai lokas, —
 Я бѣдный лишь могу сказать, Kas, kādā alga peņķist jums?
 Чтобы любовники младые, Es nabazs, man tik vēlējams,
 Дѣвицы, вѣзды лихые, Kaut mīļāzi jūp' jaunī oļistu
 Озь дальнихъ сранъ, изъ ближнихъ сѣль, Ar mīlestību stiprā, īsti
 Случайно, болотно кто оъ ни шель, Iz tuosm' ceļiem, tālām
 Чтобы онь полдну, боръ зеленый, vēstāim,
 Пещеру, зовъ волны суредной, Vermalga, ka par visām' latāim
 Цвѣты, блестящие красой, Lai nāsi
 Благословъ, молимъ душой: Lai manas zala biži, laucis
 Да солнце нѣкъ приближно грѣеъ, Su ala, avotīnus jaukus,
 Да въ зомну ногъ луна летвеъ, Ar puķas, kas te jūstā mirdz,
Tas lūdzams vēlētū no sirds:
Lai caur' viņas mēļ' silda,
Lai manas garma maiti pilda

in parte
 in parte *novis meliora*, М хорт бы нилор не доуускал,
 in parte *superditi gaudere*. Чтобь срадо къ ниль насучь гонял...

Сверхь порочисленныхъ блестящихъ качествъ Ариосто-
 вой поэзии, очаровательная музыкальность его октава,
 несомненно, являлась въ той же мере неосознанною
 для италъянскаго уха въ XVI столетии, какъ и въ поздней-
 шей времена.

Ариосто написалъ и нѣкоторыя комедии. Изъ нихъ ^{всего гетире. Фро:}
 больше замѣчательны „Шкадука“, ^{или, Негроманте, первая комедия} „Подсаванне“, ^{или, Лена} „Астро-
 логъ“, ^{или, Плавра} но онѣ не больше какъ подразманіе произведеній,
 явилъ Теренціид. Хотя въ нихъ нѣтъ недочетка ни въ
 капризной шурливости, ни въ граціи и блестящихъ
 наглядяхъ, но все-таки, въ сравненіи съ 46 пьесами
 „Менсцоваго Палаида“, онѣ не представляють собой что-
 ны. Слава и значеніе Ариосто основывается на его по-
 эмѣ „Орландо furioso“. Поклонники Ариосто называютъ
 его не иначе какъ „фроррарскимъ Толеромъ“. Мотивы быдъ,
 ни у одного изъ поэтовъ не продвигаясь въ такой невоз-
 муемой исторіи, какъ у Ариосто, съ одной стороны, упо-
 еніе жизни, во всей ея полнотѣ, со всего царства
 въ ней исчерпанъ геловическихъ образовъ, выраженъ и кан-
 ризовъ, и, съ другой, снѣгманное и въ краснѣ и ироніи
 субъекта удовольствія, одинаково пробуждаемое какъ
 прелестно, такъ и глупостию свѣда, и надо сказать,
 что, къ довершенію, все это не придумано, а дѣйстви-

1) Cassania.

2) *Furpropositi. I. suppositi*

3) *Il Negromante. Terborzая комедія „Лена“.*

„Cassaria“ (Шкадулка), „I suppositi“ (Подзабные), „Lena“ (Лена) и „Il Negromante“ (Негромагь или Чертоколдун). Первые две комедии сами по себе весьма незнатны, в них лишь поэты сурого держались латинскими образцами, Теренцием и Плавтом. Третья комедия, „Lena“, вводит нас в самое грязное общество итальянской гетто. Главное действующее лицо в ней — Лена, свободная, к которой любовники ее, старый Фрацио, отдавая на „воспитание“ родную дочь, Луцинио. Лена сначала ухаживает за гитарой, гоговице куманце, вдеват и другими женскими работами. Завязывается любовь между Луцинио и молодой Марии. Лена, воспитательница, гогова доживает молодому гелованку Луцинио — за 25 дукатов, которых, однако, нет у Марии. Слуга Карло помогает Марии сменить гитару эти деньги у отца. Комедия кончается тем, что молодые люди соединяются законным браком. — Вот и конец, никаких продолжений Лены — завязывается все узлы интриги, а диалог сильно приправлен двусмысленностью и ясной шуткой. И все-таки неслучайно она пользовалась громадным успехом, была представлена перед самыми знатными особами феррарского двора, и взором сына герцога, принца Франческо Д'Эсте, самъ декламировал пролог. —

Во второй комедии, „Negromante“, Ариосто ходит к нам, как к своему на свое время. Чертоколдуны играли тогда большую роль в Италии и приобретали значительный доход, пользуясь суеверием итальянцев. На это сюжет написано множество комедий, — очевидно являлись целью открыть народу глаза. Герой комедии, проследующий юности Гинцио, ожидающий от негромагга значительной услуги, совершенно борется в его магический дар; слуга Стефано — единственно умный гелованок, во имя здравого ^{смысла} оспаривает чудеса негромагга. Интрига состоит в том, что Гинцио тайно женился на Лавинии, приятной дочери старого Фрацио, но при известии смерти отца, отец его Массимо принуждает сына жениться на Джулии. Как избавиться от этого брака? Гинцио решает никогда не признавать своей второй жоны, чтобы засравиться от отца и попросить о разводе. Но отец Джулии прибегает к колдуну и просит его снять с молодого гелованка заклятие. Старый же Фрацио, узнав об этом, вылезает с Гинцио предложить тому же колдуну еще большее вознаграждение, чтобы от него поскорее развелось браки. Таким образом ловкий негромагг поймав двух дураков на одну удочку.

Во второй комедии, „Negromante“, Ариосто дает следующую характеристическую негромагга: „Не у многих такая самоуверенность, как у сивора Джамелино; он едва ухитрится гитарой, а выдает себя за философа, алхимика, врага, звездочета.“

волшебника и заклинателя джукве, — и вядо слышавъ-жо отъ
въ зрѣль и другихъ вѣщахъ египетско-е, какъ оселъ и бѣжъ въ
музыкѣ. Но скорчивъ роту, неподвижно какъ мраморъ, отъ
крушивъ лодку головы своей болванска, враньавъ и други,
ми худомежавали, наслаждаея богачевами другихъ и дѣлаея
меня учасуникомъ своей наслажденій, а глупость, преобладаю,
щавъ въ свѣрѣ, помогаея ему въ зрѣль. Ми бродивъ какъ цыга,
не изъ сраны въ срану, — и гдѣ отъ прободиръ, замъ осажедъ
слѣдъ, словно оъ слизня, или, лучше, оъ града и молнии, замъ
то отъ, для того чтобы скривея, въ каждомъ городѣ должны бы,
нѣтъ илена, одесиду, взыкъ и озерсво. Это отъ называея Пегроль,
ро Мваноль; жо вядея себѣ за грѣха, жо за египтянина или
африканца. А на саволь-жо дѣль отъ природивъ жидъ, — однесъ
изъ гдѣль, козорихъ выгнали изъ Насулим. Долго ба ми при-
шлое говорить, елидѣ я сраъ рассказываея, скопскихъ побилей
и грабятъ, скопскихъ музыканъ и женщинъ падуе отъ и
обмануе, скопскихъ заварналъ отъ прелободитиель, позо,
му что отъ бережъ жо оплодотворитъ безплодный бракъ, жо по,
мирие муна съ женой, жо подивитъ какого-нибудь дворяника
и обрадоваея его лучше, гдѣль монахъ Добрушкы.

Негроманцъ — волшебникъ Ариоса совершенно оправдываея
вѣе эри пареканія. Отъ не только забываея обѣ сророти сошлаея
ему дѣя его операций по золотому или серебряному сосуду, но
падуваея еще и дѣрвѣло просрака, Камилло, козорий собственъ
пропадаея оъ любви къ жентѣ Гинзю, и женте не жалъвети
денея для расфорисенія брака. Негроманцъ спизаея за луч-
шее поуробоваея со вѣчьѣ зрѣль еще разъ денея на свои за-
клитанія и позоъ махнуе съ награденнымъ добромъ за
грануцу. Гинзю не согласилъ оскорбидъ своего невимную же-
ну, — Нидбю говориея ему: „Не будѣе такъ щекозливы: не жаду.
мивайдея накиси вѣдѣ другою, если вамъ это приносидъ поль-
зу. Ми живемъ въ такое время, когда люди, козорие могли бы
сочлаея это, и не дѣлаея — огонъ радки; и гдѣль знахитѣ лю-
ди, жѣль гаже они это дѣлаея“. Мнрига разрѣшаея сценной
признанія: — сгарикъ насильно обидруживаея, что первая и на,
сродная жена Гинзю — его родная дѣт, козорую отъ спизаея про-
навшено; позтому отъ соглашаея, чтобы вораъ жена перешла
къ ея прештѣлю обомажело, — Камилло. Негроманцъ обмануе, обѣ-
щаній, данникъ ему — никакъ не сдержналъ; ему не только ничего
не дали, но и самъ отъ еще должея поновилъ о спасеніи
своей личности. Отъ хожея по крайней мѣрѣ забравъ козъ свои
вещи, — но Нидбю жорониръ его въ гавань, велитъ ему взавъ
замъ Барку и дожидаея его съ поиниками, а самъ скриваея
— со вѣтми богачевами своего господина.

В. Косахаровъ перевелъ на русскій языкъ комодіи Ариоса, ему
принадлежитъ и оцѣнка ихъ. Хотя, какъ мы видѣли, въ нихъ
нѣтъ недоузака — . . .

желто пережизно поэтомъ.

Подражатели Аріосто.

Метель, Немецоваго Голанда, который даже и осмелся неоконченными, хотя Аріосто и предположилъ описать смерть героя, — долженъ былъ конечно возбудить много подражателей. И, въ извѣдательно, Аріосто имѣлъ досаду, точно подражателей, однако создаетъ себя послѣдователей отъ не мочь, даже какъ и его гений, и его божественная веселость создавали слишкомъ исключительную его принадлежность. Изъ многочисленныхъ Эпиковъ, перелившихся въ сраженіи стожери романтической саги, слѣдуетъ упомянуть, ну въ здѣсь прежде всего Дувль: Луиджи Аламанни и Бернардо Тассо.

Первымъ изъ подражателей Аріосто былъ Луиджи Аламанни (Luigi Alamanni, 1495—1556). Онъ родился въ Флоренціи въ 1495 г. Принадлежалъ къ аристократической фамилии, любимецъ кардинала Джулиани, близкаго друга совѣтника папы Льва X, молодой поэтъ создалъ заговоръ противъ жизни кардинала, долженъ былъ бѣжать въ Венецію, а когда кардиналъ взомель на папскій престолъ подъ именемъ Климента VII, — и вовсе оставилъ Италию. Больше 35-ти лѣтъ прожилъ онъ во Франціи и уѣхалъ въ 1556 году въ Амбазу, пользуясь расположеніемъ Франциска I и Генриха II. Въ подражаніе Аріосто, Аламанни написалъ поэму, Дмиронсе или, Миронъ Курцудакій

История итальянской литературы XVI ст.

а также и суровая серьезность, замечающаяся каждым из
 больше глубоких умов под влиянием суждений об-
 щественных и политических воззрений XVI столетия,
 все это в сильнейшей степени нашло себе выражение
 в лице великого флорентийского политика, историка,
 поэта-драматурга, публициста и философа Никколо
 Маккиавелли. Эрозь человека каменья загадочного, сообра-
 жень самобытн и великодушн, энергичн и добротн,
 коварств и прозорн, мизантроп и романтическаго самоуб-
 верженн. Этого искуснаго вьроломства и пародиче-
 скаго самопожертвованн одинаково возбуждалось в Мак-
 киавелли поэтическое удивленн. И люди, среди ко-
 рах отъ шнль, не видяли вь его сочиненнхь ничего
 гнуснаго; даже лучшие изъ нихъ отзывались обь авторств
 и его произведеннхь съ глубокимъ уваженнмъ. Папа
 Климентъ VII покровительствовалъ изданню такъ самахъ
 книгъ, когорая, въ слѣдующемъ столѣтн, зридентскнй
 соборъ призналъ вреднымъ для чтеннхъ христанъ. Про-
 знхъ Маккиавелли возрала прнмде всего не его сооре,
 гезубенникн, а французскнй прозсцанъ и англнйскнй
 кардиналъ. Все это доказывающъ, что недосадки тнса,
 зель принадлежали не ему самому, а праваль зн-
 ли, вь когорую отъ шнль.

Николай Маккиавелли (Niccolo Macchiavelli)
 родился 3 мая 1469 года во Флоренціи. Семейство его

принадлежало къ старинному дворянскому дому. Макиавелли была, другомъ науки и поэссой. Отецъ видяль, въ своей поноски, счастливое соседствіе какъ своего Близнай, шаго оженсубва, такъ и цѣлою Мзалию. Съ молодыхъ лѣтъ отецъ исполняль должность секретаря флоренційской республики. Съ 1494 года Мзалия сдѣлалася резуромъ крова, вѣдь войнъ и цѣлою герсолобывалъ плановъ зрѣль мѣщесубвенныхъ государей Эвропа: королей Франціи, Арагоніи и императора римскаго. Карль VIII, проходя въ Мзалию, далъ самосозрѣлости Тизъ, бывшей въ зависи, мѣщесубвенціи. Но зомско-то Карль оставилъ Мзалию, какъ Флоренція снова объявила свои приязавіи Тизъ. Мѣщесубвенціи за этого началася упорная война, въ которой принудили красіе почти все осзальная государства Мзалии и кофраръ басурро мѣщесубвенціи послѣдній силъ бѣдой страны.

Въ болые зрѣломъ возрасѣ Макиавелли, когда отецъ дѣйсубвенціи зо въ качествѣ государственнаго секретаря флоренційской республики, зо какъ съ посланническихъ при разнѣхъ мзалианскихъ дворахъ, при куріи и во Франціи, одушевляемый гордыми патриотизмомъ и глубочайшей ненавистью къ иноземнымъ варварамъ, угнецавшимъ и грабившимъ Мзалию, освобожденіе этой послѣдней и возсзавленіе ея полирическаго значенія было посзоямною жиз,

менной мечтой его. И какъ бы ни совершилось это освобождение, — при помощи ли могущественнаго, все вокругъ пригнетсающаго зирана, какими обьщала съдлазся Цезаре Борджиа, или путемъ народного возсранія, — одними словами, какими бы то ни было, дурными или хорошими, средствами, достижение свободы составляло для Маккиавелли единственную цель, козорой оны ни на мигъ не терялъ изъ виду.

Онъ глубоко скорбелъ о бедьствіяхъ родины и ясно сознавалъ, гдѣ было зло и въ гдѣ заключалось спасение. Мезогриковъ зана была военная система французскаго народа, уничтожившая его силу и дисциплину и съдлавшая его легкою добычею для всякаго турнезанаго грабителя. Поэтому Маккиавелли начерталъ планъ объ ознопы упорядочения наемныхъ войскъ и объ узуррсьи національной милиции. Онъ съ ревностными прилежаніемъ привдлся за изучение теорій войны и въ короткое время успелъ ознакомиться со всеми ея подробностями. Плодомъ этого изучения были, сего книги о военномъ искусствѣ — „Arto della guerra“. Изъ теорій Маккиавелли зотчасъ-же перешелъ къ практикѣ. Довѣрчивоство, козорую ему оказывало ира, искусство, оны воспользовался, чтобъ освободить свое государство изъ иришесцевъ, давъ ему возможность поручить защиту содверственныхъ сямалъ своимъ, от,

клонивъ опасную помощь гуннеземляевъ. Две про-
граммы для введения новой милиции (Due provisi-
oni per istituire milizia nelle repubblica fiorentina)
и „соображенія, касающагося выбора командира тѣхъ,
хотѣе“ вхлѣдуть во все собраніе сочиненій Маккиавел-
ли. Изъ его 80 писемъ¹⁾ видно, какія зрудость и усилій
сложилось ему устроить въ тѣхъ предъзервіи при испол-
неніи своего плана. Кавалерія, въ глазахъ Макки-
авелли, не имѣла значенія, какое ей придавали его
современники. Она объявляеть, что главная сила
арміи — состоять въ пѣхотѣ. Поэтому, прежде всего
она занялась ея организацией. Вся гражданскіе, обя-
занные способными къ военной службѣ, по пер-
вому призыву должны быть готовы съодобать за
своими знаменемъ. Эта полнѣйшая революція
всѣхъ правъ и облаевъ флорентинскаго народа
вызвала безчисленное множество прозесловъ и со-
прозивленій. Маккиавелли долженъ былъ писать,
грозиць, грозиць, просиць, угрожать, воздѣль изъ од-
ного мѣста въ другое. Наконецъ усилія его увѣн-
чались успѣхомъ; наборъ былъ объявленъ, новое вой-
ско обучено, и Маккиавелли съ озорскимъ востор-
гомъ видѣть, какъ итальянское оружіе снова стано-
вилось грознымъ для варваровъ. Но революція
1512 года разрушила едва начавшееся дѣло. Медици

1) Обнародованна въ 1857г.

возвратился из своего продолжительного изгнания, — и политика Маккиавелли была оправдана; обществ. ветвь — же его заслуги нарасхват были нище, зото, заботливый и пылкой. Онъ былъ сначала изгнанъ изъ города, но когда открылся заговоръ противъ Медичи, его посадили въ темницу Джорджи, Закова, ли въ цѣли и даже подвергли жестокой пытке вздвигаванъ на блокъ (fune); но участь его въ заговоре все-таки не было доказано. Кардиналъ Медичи, взойдя на папскій престолъ подъ именемъ Льва X, далъ свободу бывшему секретарю флорентинской республики, но съ приказаніемъ немедленно удалитъ изъ города. О жизни и занятияхъ Маккиавелли въ это печальное время мы узнаемъ изъ его переписки съ друзьями („Lettere familiari“). Кухинный мажордомъ джентилеони, онъ писалъ къ одному изъ друзей своихъ, Франческо Веззори, прося его сказать кардиналу, что Медичи не будутъ расказываться, если возвратятъ его изъ ссылки. Вотъ письмо прочитанное имъ пишемъ:

„Я живу въ деревнѣ... Воздухъ съ развѣтыванъ и отравляется въ рошницу, въ которой великъ повару, бьетъ лимбидя деревья; замъ ощущаетъ я два часа, перемазывая работу, сдѣланную накануне, или коро, зая время съ дроботыками, которые вѣчно сораздѣл

го моту собото, го съ съседями. Позомъ я оуравляюет
 въ зракцирь на большой дорокъ, разговариваю съ протъзъ,
 матоцирими, разспрашиваю иль о новосудья, выслуши-
 ваяо различныя вещи и замѣчато разницу вкуса и
 разнообразіе фразіи у людей. Между зельмъ приходирь
 время обѣда; я и мое семейство подимъ го, что кониерь
 досрабавиъ моя дѣдная деревня и мой небольшой досра,
 зокъ. После зела я возвращаюет въ госртинлицу;
 замъ обыкновенно застодатозъ лоздиль, желтничъ, мѣ-
 ничъ и два киртинника. Съ ними углубляюет я на
 всеб оудрокъ днд въ игру крикка или зрикъ-зракъ.
 Мапинатозъ безконечныя споры, наконецъ браня.
 Вечеромъ я возвращаюет домой и иду въ свой кадинеръ.
 На порогу сбрасываю свой мушинскій кафтанъ, покръ,
 зий грядъто и пилото, надѣваю великолѣпное придвор-
 ное ^{платье} и, одязий закима образомъ, оуравляюет ко двору
 великаль ^{музей} людем древносци. Дружески примязий или,
 я пираюет замъ зой гнизного, козорая одна зомско и
 сродна мнѣ, днд козорой я и роидель. Я не сражиет
 разговариваю съ ними, не боюет разспрашиваю о при-
 чинѣ иль дѣисувій; они смислородельско оубѣчатотъ
 мнѣ; въ зегеніе пыльмъ герцерахъ часовъ я не губъ-
 сувцо ни малнйшей скурки, задѣваю всякое горе,
 не боюет бѣднотсци и даие смертъ не усрамаюет ме,
 нѣ. Все переному я съ нихъ на себя. И, слѣдучъ словакъ

Данце, что, нѣтъ знанія безъ употребленія понудило,
 — я усвоиваю себя изъ бестѣды съ ними все, что золско
 мнѣерь для меня какую нибудь важность. Такимъ
 образомъ я написалъ сочиненіице „de Principatibus“...
 Я посвящу его Доминиану Медичи, по тому что поги,
 баю; я не могу больше осваваться въ такомъ положеніи,
 нѣи, инакѣ бѣдностіе засрабизъ весьма презираю мѣнѣ.

Сочиненіе, о корольи здѣсь упоминаеть Маккия,
 велии „Государь“ (Il Principe). Но посвященіе этой
 замѣгательной книги было принядо холодно. Авзоръ
 ничего не получилъ; положеніе его было самое от,
 гадное. Въ июль 1514 года писалъ отъ къ Франческо
 Ваззори: „Я осваюсь все въ этой же бѣдностіи; и ни
 одна душа человѣческая не вспоинишь о моей пре,
 данности, не думаетъ, что я на что нибудь еще годенъ.
 Но бѣдѣ мнѣ невозможно еще осваваться въ такомъ
 положеніи; я советельи удиваю себя, и если Господь
 не умилиосердизъ надо мною, въ одитъ прекрасный
 денъ я долженъ буду осрабизъ свой домъ и поедуишь
 репрезиторать или писатольи къ какому нибудь то,
 дееть, — если уиъ не найду ничего лучшаго, или
 забизъся въ глушь, уиъ днѣи графовъ. Семейство
 свое я осрабизъ здѣсь; тисъ отъ сморришь на мѣнѣ
 какъ на умершаго. Бѣдѣ мѣнѣ еще будеть гораздо лучше,
 я приношу еще одну золско издержки, потому что

никакъ не могу озвѣкнутьъ оу своей привычки мозагъ денги".

Но Медичи рѣшились наконецъ образиць вѣнча, ние на знаменитого изгнанника. Въ 1521 году въ первый разъ было поручено ему управление общесу, венной должности. Эта миссія заключалась — въ порученіи пригласиць на великій посѣтъ проковъд, ника. Но когда коннезавль Бурбонскій угрожалъ Флоренціи, — флорентинци поручили Маккиавелли собрати милицію и осмотрѣць укрѣпленія. Нако, нець, въ мартъ 1527 года, отъ посланць Бомъ къ Анд, рето Доріа, козорый съ французскими галерами крейсировалъ передъ Гибиза-Веккіей. Это была его послѣдняя миссія; ибо отъ умеръ 22 іюня 1527 года на 58 году. Смерць его ускорило упоудрѣленіе ти, моль, иль сажиль изобрѣженныль. Когда-то отъ помогали ему въ хронической болѣзни желудка, но на згоць разъ измѣнили и несчастный скон, гался въ страшныль мученіяль. Маккиавелли пережиль дреже изгнаніе Медичи, и гучу, опусо, шенія козорой описаны иль въ писмаля. Отъ осца, былъ свое семейство въ крайней бѣдности, а иль свое покрывое самыми недлаговидными нареканіями. Маккиавелли никакъ не любиль. Медичи ненавидѣли его какъ подорника свободы, а паудриозы, забывъ вѣсь

мучения, перенесенная Маккиавелли во имя сво-
 боды, помнили только, что во последнее время жизни
 он был находился на службе у Медики. Таким образом
 зреть человека, который не любил, великий прези-
 раемый, — а между тем он во самое время лю-
 бил свободу и любил ее больше, чем обыкновенной
 любовью — так говорить о нем безпримечательный сви-
 детель его поступков, Джованни Баурусса Бузини.
 Тело Маккиавелли было погребено в церкви Сан-
 Кроче, где, по проекту англичанина, великий гер-
 цог Леопольд поставил ему надгробие. „Tanto
 potius nullum rex elodunt“ (Такое имя не купи-
 дается во похвалу) — говорит надгробная надпись.

Теперь рассмотрим Маккиавелли как поэта, а
 поэта как политика и историка.

I. Маккиавелли как поэт.

Что касается поэтической деятельности Маккиа-
 велли, то мы написаны, кроме небольшого числа
 сонетов и сатир, только комедий, сатириче-
 ская новелла и политический роман. Из комедий
 следует признать „La Mandragola“ самой блестя-
 щей предшественницей созданной по римским
 образцам commedia erudita. У Аристо была бо-
 лшая забота к комической поэзии, но ему не
 доставало глубины содержания. Безспорно выше

1) или „Mandragora“, это — sorta di pianta, известный род растений,
 французское „mandragore“.

его Маккиавелли, которого до сих пор не превзо-
 шель никто еще из итальянских комиков. Въ
 основаніи его комедіи „La Mandragola“ (Любовное
 зелье или „Волшебный напиток“) лежитъ истинное
 происшествіе.

У сарая флорентинца, Никія, у котораго док-
 торская шапка торгуетъ на базарѣ, собственнѣ безмоз-
 гой, есть молодая хорошеиная жена Лукреція,
 которую хотеть соблазнить молодой французъ Калли-
 мако. Но докторъ Никія строго охраняетъ супругу,
 да она и сама чрезвычайно изломудренна и гес-
 та. Поэтому Каллимако спекулируетъ на ограби-
 ченности Никія, на его сурасное желаніе имѣть
наслѣдника и порою еще на порочность матери
 Лукреціи, Соузрары; крокъ того онъ заведовалъ къ
 себѣ въ помощники паразита Лигуріо, друга дома
 Никія. Лигуріо завязываетъ следующую интригу:
 Каллимако долженъ выдать себя за знаменитого
 врача, котораго латинскими цизарями вѣщаютъ
 къ себѣ уваженіе небезсмертнаго педанта, и хва-
 лился, что у него есть самое дѣйствительное средство
 противъ мелодіи, волшебный напитокъ мандра-
 гола или мандрагола, сонное зелье, которое Лукреція
 должна принять, ложась спать. Но какъ какъ зрѣе
 напитокъ первый обвѣщанъ дѣлаетъ смертельными

для мужа, то Ниния совздумавъ поймаетъ какого нибудь деревенскаго парня, и представитъ ему въкуснѣе смертоносное наслаждение. Старый просракъ сначала упрямился, но потомъ соглашается, удовольственный звать, что многие короли и знатные синьоры уже уже, уредляли эти средства. Осрается уговоритъ жену. Турръ является на помощь мажъ Лукреции, Соурада, и дуч. Ховниль Тимозео. Готовность Тимозео и спосодъ, кождо, риль отъ принимается за ^{своѣ} дѣло, — самая горская садиря на безервдично казуисрику и безераникично мад, поше къ денгальн иратднскомо монашесува. Соура, за бедерь пагера къ Лукреции. Возь разговоръ между мезидоу тили:

Пагерь Тимозео. Я знаю, что вы ходите оу меня усла, мажъ. Я дѣйствительно болше двухъ часовъ просидѣлъ мадъ книгами, изучая Эзоу слухай, и по основазель, номъ изслѣдованіи, нашель много, что годится для насъ какъ вообще, такъ и въ частности.

Лукрецид. Вы шутите, или говорите серьезно?

Пагерь. Ахъ, мадонна Лукрецид, разве жемръ до шутокъ? или вы видите меня въ первый разъ сегодня?

Лукрецид. Нѣтъ, пагерь; но мнѣ кажется это самая ужаснѣйшая дѣловъ, о козороуъ я когда либо слыхала.

Пагерь. мадонна, я вѣрно валь. Но вы не должны болше говорить Эзого. Вѣзъ много вещей, козороуя издали

какуред унастывими, невыносимыми, гнусными, но
 если къ нимъ подойде ближе, они срамовѣе веселы,
 ми, спокными, задумчиво-знакомыми. Поэтому-то
 и говоришь, что у страха глаза велики. Таково и на,
 сходящій случай. Но я возвращаюсь къ мысли первому
 поводу. Что касается до вашей совести, валь сроду зомь,
 ко приняде въ уваженіе го всеобщее правило, что гдѣ
 есть вѣрное добро и невѣрное зло, тамъ никогда не нуж-
 но изъ боязни зла упускати добро. Здѣсь вѣрное добро
 въ зомь, что вы придеде въ благословенное положеніе,
 ніе и приобретете душу христіанскую Господу Богу.
 Сомнительное же зло въ зомь, что зомь, кто будетъ
 владѣть вами посты камушка, умреть, но вѣдь си,
 каеде, что и не умираеть. А такъ какъ дѣло это еще
 сомнительно, го и хорошо дѣлаеть .массирь Никія,
 не подвергая себя этой опасности. Что же касается
 до того, что самый акръ есть грѣхъ, это зомько такъ ка,
 мееде, поэтому что согрѣшаеть воля, а не умъ. Пѣви-
 кій грѣхъ было бы ослушаться своего супруга, а вы
 дѣлаете ему удобное; грѣхъ было бы удовлетворить
 своимъ страхамъ, но вы дѣлаете себя непріязное.
 Кроме того всегда нужно имѣть щель передъ глазами,
 ми. Ваша щель — наполните еще одно мѣсто въ
 рато, утѣшите своего супруга. Въ Библии сказано,
 что Лозови догери, думая, что онъ одинъ зомько осра.

лись на землю, вошли въ связь съ оцзюмъ своимъ,
а какъ какъ намъреніе ихъ было доброе, то отъ и
не согрѣшили.

Лукреція. Къ чему вы меня угрожаете?

Пазерь. Я клянусь вамъ, мадонна, Эмиль свидѣль
знаменіемъ, что если вы, въ Этомъ слухать, послуша-
ете своего супруга, то сдѣлаете просупнокъ не больше
того, какъ если бы въ пнзницю покушали мяса, —
грѣхъ, которій омывается свѣтлою водою.

Соуфраа. Она исполнишь то, чего вы хотите. — Ну,
чего боитесь вы, дурачка? Въ Этомъ городѣ, по крайней
мѣрѣ, пнзбдсвѣтъ шенциномъ подняли бы за Эту руку
къ меду.

Лукреція. Пущь такъ; но я знаю, что не переши-
бу Этой ночи.

Пазерь. Не бойся, дога мой, я буду молиться Богу,
я буду пнзвѣт молитвы архангелу Гавриилу, тогда
онъ охранитъ тебя; иди съ Богомъ и гозовся въ фанн,
свѣту, которос предсозуть тебе? —

Вдвали когда нибудь лезуизизмъ былъ какъ ма,
сферски очерченъ, какъ въ Этой сценѣ, въ которой на-
зеръ усмиляетъ собѣсъ молодой шенцины. Нако,
неужъ Лукреція сдается и принимаетъ займубенное
средство. Нигія, Лигуріо и пазерь, наряженный
въ докторское платье Каллимако, съ насупленіемъ

1) Переводъ и разборъ В. Косюмарова.

ноги, ищущь по уликамъ кресувитскаго парня, нахо-
дярь передъѣздаго мушкетера Каллимако, — схватыва-
ючь и приводярь къ Лукреции, когорая, после того, какъ
Каллимако умоляетъ ее, говоритъ: „Такъ какъ зводъ
хитросуе и глупосу моего сына, просудою моею ма-
ри и глупосу моего духовника довели меня до того,
того бы я никогда не сдѣлала добровольно, го я хоту
думать, что закова воля промысла Божия и не въ
созданіи отказатся отъ того, что повелѣваетъ мнѣ
принять медо. Поэтому я беру зедя моиъ господи,
потъ, защитникомъ и возидель“.

Маккиавелли въ прологъ къ Эрой тесетъ извѣщалъ,
ся передъ зъми, когорые нашли бы ея стюмеръ медо,
сзойтими зимаго и серьезнаго геловѣка, извѣтially
зъми, что ему хотъалосъ усладитъ печальнаю мануру
изгнанія Эрки „судовыми“ насильми. Конечно, „кан-
драгола“ — самая безцеремонная комедія всемірной ли-
тературы; но въ ней знакомимся съ распущенностью
правовъ нравствъ и нѣкъ моральнымъ разслабле-
ніемъ, обнаружившимся въ XVII и VIII столѣтіи. Въ
содержаніи тесей выразиласъ вся логкомысленная
распущенность эпохи, но характеры недалекаго педан-
та — „дождоре“ и прохвѣрливаго духовника нарисованы
съ такими мастерствомъ и оригинальностью, что не
могутъ спутаться золько подражаніемъ чинамъ Шерен.

ция и Плавза. Надо признаться въ томъ, что въ этой комедии „Mandragola“ живописная обрисовка характеровъ и фонка, живая сакура — превосходны; съмиссурне и энергичн языкъ, искусство и сила выраженія заглавляють удивляться. Словомъ, въ этой комедии мастерски и съ аристофановскимъ покоромъ писателемъ изображается социальное и нравственное расклатие своихъ земльковъ и современниковъ.

Вторая комедия этого автора, „Клиция“, имѣетъ гораздо меньше интереса; она не больше какъ передѣлка Плавзой „Казима“, перевезенный выходъ переведены почти слово-въ-слово. Содержание комедии гурдо новин, лишь обкаеъ жизни. Въ продолженіе всего дняеувиѣ молодника осажая въ деревню, а героиня въ своей ком, какъ, предосабиъ рѣшеніе своей ураси глупому озицу, хизрой мажери и двумъ плутоватымъ слугамъ. Однако Маккиавелли исполнилъ своего задану съ умомъ, емь и вкусомъ. Онъ приспособилъ интригу къ иному созданию общесва и ловко связалъ ее съ исторіей своего времени.

Въ числа сочиненій Маккиавелли есть еще двѣ комедии, ^{но} безъ заглавій, — одна въ прозѣ, другая въ срибахъ. Первая очень корозка, довольно жива, но особенными досроинсваами не озиаеся. Последнею нельзя признать подлинного. Ни досроинсва, ни недосауки не

наполняют знаменитого автора. Маккиавелли на, звалъ свои комедии уклономъ въ оръ настоящей цѣли своей жизни.

Сатирическая повесть „Белбфогоръ“, единственная, написанная Маккиавелли, новелла, съ, содѣянно, сазира на энцицимъ: говоряще, что Маккиавелли написалъ ее на свою содѣянную сциргу, маркизу Корсини. Эта повесть писана съ на ряду съ лучши, ли изъ новеллъ Боккаччо.

Кромѣ того, Маккиавелли написалъ „Мизис Ка, сцирцо Касуракани“, властителя Лукки, — замѣчаетъ, нѣмкого изъ тѣхъ итальянскихъ воиновъ, которыхъ, по, добно Пизизраду и Толону, приобрѣтали власть скорее губѣящую, чѣмъ видящую и опирающуюся не на законъ или юридическую давность, а на общесуден, ное расположение и на великія личныя качества. Подобное сочиненіе могло бы показаться чѣмъ всю сцирцо рода верховной власти, — съомъ особеннаго и съомъ часно ошибочно понимаемаго, — которой греки называ, ли зиратисю и, которой, озраци измѣненной фео, дальнаго сисфемого, вновь появился въ республикаль венеціанской и зосканской.“ Это сочиненіе Макки, авелли не исторія, а чѣмъ въ родѣ политическаго романа и слышяще чѣмъ переходяще къ его политиче, скимъ и историческимъ сочиненіямъ. — Это касаясь мизики, то Маккиавелли, Ариотто — все писали собою въ гуччѣ Пезрарки, но въ которыхъ было очень мало поззи.

II. Маккиавелли как политик и историк.

Маккиавелли - вечно вдохновляемый одною мыслью о том, какими образом снова добьют дуралемную независимость Италіи. И это его непреодолимое стремление к свободе усилилось наконец до того, что перешло в дикое отчаяние, в самое горькое презрение к современникам, а его жонкий собудбенный и хитрый ум засравил его придавать грезмьрное значение политическому выролому и лицемерию. Так он в разное время написал свое самое обезславленное, сколько и знаменитое произведение „Il Principe“ (Тосударь) и свои „Discorsi“ - Беседы о римской исторіи Ми, вид, своего „Исторію Флоренціи“ и как уже извѣстную „Историю Каструччо Кастракати“.

Та заглавная книга, содержание которой отъела, но иль ея, автор одинъ иль неависудный иль иль въ исторіи правдынской литературы, - „Il Principe“ (Тосударь или Власзелитъ, Власзелъ). Какъ мы узнаемъ изъ письма автора къ своему другу, Франческо Веззори, эта книга написана въ изгнаніи. „Маккиавелли пишетъ: ... „углубляясь въ эту предметъ мыслями своими, насколько могу, разсудило о сущности царской власти, какихъ родовъ бываетъ эта власть, какъ она приобретаетъ, держится, поддерживается и теряется. Посвящаетъ - куда некуда засравила.“ И онъ посвящаетъ ее Джуліану Медичи.

Но первое печатное издание „Государствъ“ (De Principis) появилось лишь спустя пять летъ (1532.) после смерти его автора. Современники сочли посвященіе книги знакомъ политическаго озвучиванія. Но Маккиавелли, будучи, отчаяваясь въ свободу Флоренціи, горько было поддерживать всякое правительствѣ, которое могло ограничить ее независимость. Маккиавелли предвидя, что республиканскія конституціи не были въ состояніи „собрать“ Италію, что бы одними силами всей націи низвергнуть Арно гундедизевъ. Поэтому у него составилась мысль, что это могло бы достигнуть только тогда, когда бы кто-нибудь изъ князей изъ наследственно-владѣтельныхъ фамилій Италіи не могъ бы держаться своимъ національнымъ войскомъ, а на упорядоченіе наемныхъ войскъ Маккиавелли смотрѣлъ какъ на величайшее несчастіе Италіи. Единственное средство освобожденія отъ видима въ федераціи. Но возвратился генералъ къ посвященію, такъ какъ оно важно для характера ^{срѣлки} книги и ее автора. Оно гласитъ:

„Тѣ, которые ходятъ съ своими добровольными войсками, сражаются ради его любви и склонности; но даже видима, что ему нередко предлагаютъ коней, оружіе, ^{дождя} драгоценные камни и другіе пред.

мези, достойное его величия. Так как и мнѣ хотѣ-
 лось-бы повернуться къ сполнѣ вашей свѣтлости дано
 моего уваженія, но я во всемъ доказать моему не нахо-
 жу, что было бы у меня драгоценное моего знанія
 дѣлнѣй великихъ наукъ, — знанія, которое я приобрѣлъ
 гасяго черезъ безпрерывное изученіе мнѣшшаго. Все
 это я долго и заботливо обдумывалъ, обдумывалъ, и поспе-
 шно жонеръ къ вашей свѣтлости, въ объемъ небольшой
 книжкы. Положилъ, я не смѣлаю эту книжкы дозой,
 ното вашего вниманія, но все-таки звердо надѣюсь,
 что вы примете ее съ вашей обычной милостью, при-
 нявъ въ уваженіе то, что я не могу принести дара,
 большого этой книжки, представляющей возможность
 въ короткое время изучить все то, что я усвоивалъ
 себя въ продолженіи многихъ лѣтъ, со сполнѣми за-
 трудненіями и опасностями. Мнѣ бы не хотѣлось,
 чтобъ смѣлаи слишкомъ дерзкимъ приузданіемъ
 желаніе такого ничтожнаго человека, какъ я, —
 обсудить и регулировать правленіе государей, ибо
 какъ зѣ, что хозяръ сдѣлае изображение какой ни,
 будь сфраны, должна прежде всего выдразъ самую низ-
 менную точку зрѣнія, чтобъ ознакомиться съ огер,
 заніемъ возвышенностей и горь, и пополье чре пере-
 нести пункръ своихъ наблюденій на верь, чтобъ
 удобнѣе обозрѣвать углубленія и долины: такъ же зогно

необходимо быть государемъ, для того, чтобъ хорошею-
ко ознакомиться съ сущностью народа, и напроживъ,
чтобъ судить о государь, нужно быть геловьскою изъ
народа. Поэтому ище ваша свьзлость примеръ мой
нужноимый зреть въ золь смыслъ, въ какомъ я хрѣдъ,
лагало ео; Это соимосеннице, если золько вы прочете
его, покажетъ вамъ мое горднее желаніе, чтобъ ва-
ша свьзлость достигли зой сценети великій, на которое
дасть вамъ право спасете ваше и оцаленные бгесудъ,
ице дары природы. И, если ваша свьзлость, съ вер-
шинъ вашего могущества, захоуице зрѣице взгляды
на зо низкое мнѣзо, которое занимаетъ я, вамъ бдѣте
совершенно ясно, какъ не заслушено я прозреть,
ваго зьявленое и долгое гоненіе неумолимаго рока.

Штерс возъ, въ одицихъ чертахъ, содержаніе зна-
менитой книги: Il Principe. Маккиавелли напи-
саетъ свое сочиненіе разборомъ различныхъ родовъ
царской власти: княжества-бывающъ или наследъ,
свѣтлой, или новой, или сътъманной, — какъ гленъ,
присоединенные къ наследъсвѣтлому государству
князь, которій или приобрѣлъ. (Глава 1). Въ наследъ,
свѣтлыхъ государствъ, привыкшихъ къ династии
своего князь, держатся ему гораздо легче, чѣмъ въ ко-
быхъ; идо довольно уютъ и зого, если князь не еза,
некъ поресудунаеъ порядковъ своего предшесвѣтника,

и походы будешь сразитъ рязь свой шаль съ одеждель,
срвами. Поздому таме и не советамъ ловкй князь всегда
удерживае своего власа, если золько ево не лишитъ ее какая
нибудъ необожественная и непреодолиная сила; но если
бы отъ и лишился своей власи, ему онды легко воз,
сзаконивъ ее при малыишеть несчастии завладывшии
его." (Глава 2). — Но въ новомъ княжесзвѣтѣ уже являющея
зрудности, подыдывъ котория правитель не всегда бива,
позъ въ силахъ. (Гл. 3). Разсужривъ несколько частныхъ
примеровъ сполковеній произвола новыхъ владывелей
съ древними прерогативами народа (гл. 4), авторъ прихо,
дитъ къ разрешенію вопроса: гдѣль слѣдующе подыдывело
удерживае въ новиковеніи народъ, жившій до погоре,
ній свободно подъ своими соборвенными законами.
Въ слѣдующей главѣ говоривъ о рзъхъ, которые своего
соборвенного силою основываютъ новыя государства, — а въ
7-й о рзъхъ, которые обязати своей власью спасрливому
спреленію вышнннхъ одеждельсзвѣ. Последние сзоянть
въ совершенно образномъ отношеніи къ первымъ, пер,
вые державая правсвенного силою своихъ законодатель,
ныхъ президенцій, а взорне, — хотъ и досугаютъ власи
бездъ болсннхъ со своей спороты усилий, но сохранияютъ
ее болсшего гасрнто золько при помощи вышннхъ под,
держки и физической силы. Слѣдующая глава зракуретъ
о лицахъ, достигшихъ пресрела злотъднннхъ. Здѣсь

Маккиавелли изображает Агаокла с его безчисленны-
ми злодействами и прибавляет, что не смотря на всю
срашную эсрококу, онъ можетъ быть включенъ въ рядъ
самыхъ надѣшнѣйшихъ правителей.

Въ 9-й главѣ авторъ возвращается къ княжеской власти,
основанной на свободномъ гражданствѣ. Этою достигнуто
этой цѣли, по его мнѣнію, надо не сполско высокихъ до-
стоинствъ или непопулярнаго счастья, сколько, коварства,
увѣтливнаго счастья. Правда, что послѣднее гораздо
надѣшнее первого, потому что во всѣхъ республикахъ,
гдѣ такія возвышенія имѣють мѣсто, — две партіи сходятъ
одна противъ другой: народъ и великошн, преимущественно
во которыхъ основано на рожденіи, богатствѣ или
другихъ отношеніяхъ. Каждая изъ этихъ двухъ партій
стремится къ преобладающему вліянію и, если не
можетъ достичь его собственною силою или не въ силахъ
поплатить сопернику, — она охотно передаетъ свою силу
тому, кто обѣщаетъ ей унижить ея соперника, хотя бы
ей самой стоило это самаго злѣшлага порабощенія.
Всего вернее счастье служить тому князю, который
ладитъ съ обѣими партіями, или чѣмъ-то воспользо-
вался възрѣвъ, мгновенно подувшимъ съ благопріят-
ной для него стороны. Слѣвъ во главѣ государства, вла-
ститель можетъ опираться или на вліятельныхъ людей,
или на народъ. Если онъ дѣлаеть первое, — онъ долженъ

привлекает къ себѣ раздачею наградъ и погребныхъ долговъ,
 погребенъ; такими образомъ интересы зрѣлыхъ людей будутъ
 тѣсно связаны съ его собственными интересами; зуръ
 уми ому помогають болше чиниться, чѣмъ гений; кро же,
 напротивъ, зогеръ опирается на народъ, — зуръ упрочить
 свое положеиіе на скомско, на скомско окажется въ немъ
 звердосци характера и личнаго достоянства; въ зромъ слу-
 чаетъ народъ похожъ на благороднаго коня, котораго пови-
 нуется зомско искусному и сильному наезднику, и
 непреклонно вышибаетъ изъ сѣдла наездника неискус-
 наго и роднаго. Поэтому пословица: „Кро основывается
 на народѣ, зуръ суронъ на песокъ — не безусловно спра-
 ведлива, а справедлива зомско для зуръ, которые возвы-
 шаются по приходу народа и не могутъ внести свои
 доли для сохраненія цѣлаго. —

Объяснивъ въ 10-й главѣ, что вынужденная сила го-
 сподства суронъ въ различныхъ отношеніяхъ и покоится
 на различныхъ основаніяхъ, съ которыми господства
 и долги соотносятся, въ слѣдующей главѣ какъ,
 каивели свави въ примѣръ духовнымъ владикамъ
 — папу Юлія II, который, будучи одаренъ звердосци ха-
 рактеромъ, дѣйствовалъ не въ своихъ частныхъ интере-
 сахъ, а имѣлъ въ виду зомско великіе церкви и не-
 зависимость Мралии. — Въ зрѣхъ слѣдующихъ главахъ
 оны говорятъ о знаменательнѣйшихъ пунктахъ востанаго

устройству, — и при этом отдасть преимущество нацио-
нальному войску, и заключает замечание, что ни
одним мудрым государем, даже во время глупейшаго
мира, не поспунаеть въ этомъ оумоении совершенно
беззаботно, — но напротивъ, всеми силами доизметъ ея,
рачься о хорошей подготовкѣ войска на случай неслы-
сна, чтобы во время приближенія бѣды быть совершен-
но готовымъ встрѣтить удары судьбы. — 15-я глава изъ-
слѣдуетъ причины, доставляющія государю похвалу
или порицаніе. Говоритъ, козровый во вѣкъ ефоровъ
хочеть быть только идеальнымъ хорошимъ, необходимо
идеть среди дѣлъ, козровые вовсе не хороши. Во-
просъ, предложенный въ 16-й главѣ: что полезнѣе
для государя щедрость или скупость, — приводитъ къ
рѣзкимъ противоположеніямъ. Маккиавелли заклю-
чаетъ такъ:

Цезарь и Александръ возвеличили свою славу безъмѣр-
ной щедростью, ибо они раздавали не инициативу своимъ
подданнымъ; но если бы его ефатимъ разбогатѣлъ, — это об-
рачься здѣсь во вредъ... и эфиръ или впадаетъ въ дѣд-
ность и теряетъ свой вѣсъ, или бывающа вынужденъ при-
бѣгать къ грабительству, и дѣломъ навлекаетъ на себя
ненависть... Поэтому гораздо лучше быть скупымъ, хотя,
конечно, это не принесеть здѣсь большой чести; но край-
ней мѣрѣ эфиръ бы не возбудилъ ненависти; ибо какъ

Исторія шведской литературы XVI ст.

скоро оберветелсхва заставяръ гедя быказался щедрымъ,
ты не будешь вынужденъ придти въ умеренитом
градесу..."

Въ 17-й главѣ разсматривается, что полезнее
для государя, — милосердіе или жестокость, бѣже любви,
мыль или ненавидимыль. Ни одному изъ своихъ за,
душевныхъ желаній государя не можъ бы слѣдовать
такъ свободно, какъ желанію бѣже милосердыль; но
это милосердіе, переходя въ ^{внѣшность} похворьво, очень гасро по-
вергаетъ народъ въ бѣдствіе, и для поваго государя, ко-
торому угрожають самыя разнообразныя опасности, въ
милостко невозможно избѣжать обвиненія въ жестокости.
Поэтому для государя гораздо полезнее, что въ его бѣдствіе,
гѣль мыль, такъ какъ любовь и, во всякомъ случаѣ,
необходимое уваженіе очень рѣдко удаются соединитъ
внѣрь. Дружбу и любовь государя приобретають почти
всегда не возвышанностью своего ума, а наградами; по-
этому они не прочны; кромѣ того, люди меньше сфра-
маря оскорблять того, кто домогается любви, гѣль того,
кто вышаря сфрахъ, идо любовь никогда не сдержива-
етъ узамъ обязанности; а такъ какъ природа челове-
ческа склонна къ слабости, то любовь слишкомъ легко
разрывается своекорыстель; но сфрахъ оуъ болзти на-
казанія приобретаетъ прочностъ и уже не прекраща-
етъ никогда. Гѣль не меньше государя должеть вы-

шаге на своемъ сураха, что въ онъ, если уиъ не смискала
любви, за ро и не приобрѣлъ бы независимости; поэтому что
легко засрабуетъ себя и боится, и въ ро же время не боится
независимости...

Въ 18-й главѣ разсматривается вопросъ, до какой степени
государя обязаны держать свое слово. „Государя должны
соединять въ себя природу льва и лисицы, поэтому что
онъ нуждается не только ^{въ} львиной силѣ для великихъ
подвиговъ, но и въ лисичьей лисицы, что въ озеретъ
козней. Мудрый правитель не долженъ быть рабомъ
своего слова, какъ скоро слово это начинаетъ клонить
ся къ его вреду и уже линовала надобности, подав-
шая поводъ къ этому обещанию. Да если бы и все люди
были хороши, правило это не было бы хорошо, но такъ
какъ они дурны и ни въ какомъ случаѣ не расно,
можно держать свое слово, ро и властительно осязаетъ
дѣлать ро же самое...“

Въ 19-й главѣ излагается правило, что государя дол-
женъ всего долженъ думать о рои, какъ бы ему охотра-
нить оръ себя все ро, что можетъ его сдѣлать незави-
симымъ, или даже презраннымъ. Не быть презираемымъ,
— это уже одно звердой оплошь для государя, ибо онъ
срауць за нимъ какъ скала, къ которой бѣзъ великай,
шей опасности нельзя придлизиться ни насилемъ,
ни хитросрауцью; вслѣдствіе этого государя, по обещанью,

судаль, едва-ли могутъ издѣлать того, чтоо не совершатъ
 насилій и зримъ не навлеку на себя независю, чтоо бы его
 узранить еще большю опасностю уменьшенія своей вла,
 сти. Заявившия позомъ (гл. 20) число военныхъ вопросовъ,
 полезно-ли государю оберегать себя укрепленіями и зо,
 му подобными средствами обороны, — Маккиавелли, въ 21^й
 главѣ, спрараеся объяснить, какими образомъ государь мо,
 жеть достигнуть славы и величія. Въ примѣръ отъ беретъ
 Фердинанда аррагонскаго. Посредствомъ непрерывнаго ря,
 да умно-разсизанныхъ и сообразно съ цѣлью исполнен,
 ныхъ предпріяній, изъ независимаго владѣтеля отъ воз,
 встиса до сильнѣйшаго государя христіанскаго міра
 и расширилъ область своихъ владѣній въ той именно
 мѣрѣ, въ какой укрепляласъ внутренняя сила государ,
 ства — королевства. Отъ именно соединилъ въ себя приро,
 ду льва и лисицы; отъ больше чѣмъ кро-мидудъ другою со,
 озвѣтствующею идеалу государя, удовлетворяющаго всѣмъ
 требованіямъ разнообразныхъ обезьянствъ. Къ концу
 главы авторъ говоритъ, что государь ласковостю и сообраз,
 номъ съ его средствами щедростю привлекаетъ къ себѣ серф,
 ца подданныхъ; уважаетъ различныя корпораціи, ками,
 дуно по ея общесуветному положенію; устраиваетъ празд,
 ники для забавы народа, но при этомъ не теряетъ свое,
 го достоинства, безъ котораго не мыслима прочностъ
 счастливаго царствованія.

Въ 22-й и 23-й главахъ говорится о мнѣнїяхъ и
 мнѣнїяхъ государя. Мнѣнїя Маккиавелли называе^{тъ}
 разумомъ, потому что они мнѣнїя государя самого неос-
 ходимаго для него качества, — именно извращаю^{тъ} въ
 немъ пониманїя истины. Путь къ раскрытїю истины
 долженъ быть всегда открытъ. Государь долженъ избирать
 мудрыхъ людей, чтобы они излагали ему истину; а
 они должны отбывать роль на его вопросы и приказы
 всякимъ образомъ, чтобы подающїй советы видѣлъ, что сло-
 ва его будутъ приняты въ уваженїе въ той мѣрѣ, въ
 какой будетъ велика его откровенность. Когда государь
 выслушаетъ все, что ему хотѣлось, онъ долженъ у себя
 сделать рѣшенїя и непоколебимо идти къ его испол-
 ненїю. Кто жаль посягаетъ, тотъ — государь въ истинномъ
 значенїи этого слова, потому что онъ соединяетъ въ своей
 особѣ всю духовную силу своихъ подданныхъ, и эти^{мъ}
 сообщая^{етъ} единство направленїя всему истинно-урав-
 нвенному мнѣнїю народа. Путь государь является образомъ
 всемогущества, которое даже дурныхъ и себялюбивыхъ
 заставляетъ вращать вращать хорошее и клонящееся къ
 общему благу; путь онъ является неслепымъ и мудрымъ,
 ибо «всѣ добрые советы, отъ кого бы ни пришли, кажутся
 происшедшими отъ мудрости государей, а не мудрость
 государей кажутся происшедшими отъ добрыхъ советовъ».

Въ 24-й главѣ Маккиавелли показывае^{тъ}, почему госу-

дари Мэралии такъ легко позирали свои владѣнія. Во-пер-
 выхъ, они никогда не заботились о прочной защитѣ
 своихъ владѣній, объ образованіи надежнаго и способ-
 наго войска; или ильми прозрѣвъ себя масса, или, на-
 конецъ, не поняли, что иль надо привлечь на свою
 сторону вельможъ; во всякомъ случаѣ, они сами под-
 готовили себя паденіе или своими неразуміемъ, или
 своей сонливой безпечностью, родко и малодушно по-
 кампывали только о своемъ личномъ спасеніи. Своего бди-
 сьвенную надежду они полагали въ томъ, что оскав-
 ленные или народы, накупивъ своимъ новымъ пра-
 визельсваши, снова обратятся къ старымъ; конечно,
 эта надежда не неосновательна. Счастье, — продолжена,
 въ Маккиавелли въ слѣдующей главѣ, — кажетъ иль,
 только на половину управлять нашими дѣльми,
 тогда какъ другая половина предоставлена нашей
 совершенной силѣ. Заръме отъ говорить объ удачѣ че-
 ловѣческихъ плановъ. Счастливые безстра оуба, по-
 тому что форзума — оицима, которая всегда оуба
 прелицество силъ оуби. Последняя, 26-ая глава, со-
держитъ „возвраще къ Мэралии, которая, во что бы то
ни стало, должна освободиться отъ гонимого ила.“

Чтобы для государя, которому Маккиавелли посвя-
 щаетъ это сочиненіе, были еще ясны патристическія
 намѣренія автора, — онъ присоединяетъ къ „Государю“

(De Principia) следующій эпизодъ: ✕

Вели для того, чтобы показать божественную силу Моисея, необходимо знать въ какомъ рабствѣ находился Израиль въ Египтѣ; чтобы оценить высокую храбрость Кира, — надо знать, въ какомъ угнетеніи жили персы подъ владычествомъ мидянъ; чтобы прославить подвиги Пезея — нужно иметь понятие о распаденіи ассирия: только такъ и для возбужденія всей силы израильскаго духа, необходимо показать, въ какомъ положеніи онъ теперь находится; покажетъ, что онъ ^{въ} бо́льшей рабствѣ, чѣмъ евреи, угнетенные персы, распущенные ассирияне, безъ главы, безъ порядка, подвержены ограбленію, взысканію въ грязи и послужили разнаго рода бѣдствіямъ. И хотя, конечно, время отъ времени, проявляются свѣтлыя моменты, показывающія, что освобожденіе возможно, но до сихъ поръ еще такъ у насъ горячо интеланного чувства, и мы сурово ожидаемъ того, кто бы положилъ конецъ существованію Ломбардин, грабешамъ въ королевствѣ и въ Птосканъ, и исцѣлилъ эти гноившіяся язвы. Каждый слышитъ, какъ народъ умоляетъ Бога, чтобы онъ послалъ ему освобожденіе отъ позорнаго ига гунеземцевъ; каки, дай видѣть, какъ готовъ народъ следовать за знаменемъ, если бы нашлся человекъ, который водрузилъ бы его; — но до сихъ поръ не находилъ еще человекъ, который бы возбуждалъ такую основательную надежду, какъ ваша

знаменитый домъ, одаренный великимъ духомъ и счастьемъ отъ Бога и церкви, кормило которой отъ дерзкихъ генераловъ въ рукахъ своихъ, — отъ легки всталъ моль бы едн. махся воздѣль боя за свободу. Справедливое этого дѣла быль не можеть: здысь война необходима, даже священ, ма, и ктырь надежды ни на что другое, кромѣ нея. Нуида насодзельна, а вѣльсь съ рѣль и зрудность не рѣль велика, если фолько все будеть идти млого указан., мѣль образомъ. Съ какой любовью возрѣвѣли бы закого освободителя во вѣльхъ провинцияль, поскрадавѣшиа отъ зрѣль наводнений иноплеменниковъ, съ какой мощью и мощеніемъ, съ какой непоколебимой вѣрностью, съ какой преданностью, и слезами восзвора! Какія-бы ворога не озворились передъ нимъ, какіе-бы народы не захоули побитоварсь ему, какое-бы сердце иральянское восзор, жетно не летьло ему на верьтчу? Вѣльмъ ненавистно нуиельное мго. Путье же вашъ знаменитый домъ съ озвагого и надеждой береться за рѣшенье этой великой за, дали; надежду эту вчушаель вашъ чуме самая законность предпріявѣя, — и путье подъ вашимъ знаменемъ и вашимъ господствомъ исполняель слова божественнаго прѣвца Петрарки: „нуиельво вооруиельсь прозвѣвъ яросси, — и ко, розка будеть мѣль дивва; позоумъ что древняя доблеть не умерла еще въ иральянскомъ сердцѣ...“¹⁾

Канцлеръ Тэконъ говоритъ объ этой книгѣ и про

1) Чте кабинеть-министръ Волынский едѣлаель переводъ „Государя“ (Le Prince) и, снаддиель его комендариѣли, подиель императрицѣ Анниѣ Иоанновнѣ. Но судьба этой рукописи неизвѣстна. Я воспользовалсь ^{и др.} переводомъ и изданиемъ этой книги — по Козьмарову.

Маккиавелли: „мы должны благодарить его за то, что он без обиняков сказал нам, как обыкновенно поступают люди, а не то, как они должны поступать... Эроз человек не читает Фукидидов: они и без него очень хорошо знают, что должны делать; напротив, они показывают нам, чего они должны опасаться“. Но в истории всемирной литературы нет другого примера такой общеневзвешенной нападки, каким подвергался Эроз Фукидид. Также напр.

В 1741 году вышло анонимное сочинение „Refutation du Prince de Machiavelle“, написанное прусским контрпринцем, впоследствии Фридрихом II, Великим.¹⁾ Шаг за шагом следить отъ за Маккиавелли и опровергать его за общими разномыслиями, за совершенно другими воззрениями на исторические факты, за прозаво, положившим примерами из истории. Но, вводя въ подробности, автор пропускает общую идею. Не смотря на все контрасты между Фридрихом и Маккиавелли, между ними гораздо больше общего, чем кажется при первом взгляде на „Опровержение Князя“ (Refutation du Prince). Въ этой книге есть только одна глава, въ которой Фридрих совершенно сходится с Маккиавелли. Фридрих на деле исполняет то, чему теоретически учил Маккиавелли. Оба они не сходятся только въ нравственном принципе Маккиавелли, въ своем „Il Principe“.

¹⁾ Переводъ „Антимакиавелли“ существуетъ почти на всѣхъ языкахъ, не исключая французскаго. Русскій переводъ вышелъ въ 1779 г., подъ заглавиемъ: „Анти-макиавелли или опытъ возраженій на макиавелеву науку о образѣ государственнаго правленія“, пер. съ итальянскаго Яковъ Хорошавинъ.

номиналь отношенія правителя къ подданнымъ записи
 образомъ: между государемъ и народомъ — вѣчная война;
 поэтому цаль вѣчно силы закона является только сред,
 ерва насилія и хитрости. Но вѣкъ государей личнос само,
 храненіе и усиленіе власти приводитъ къ многочислен.
 нымъ произволностямъ съ народомъ. Самолюбивой госу.
 дарь непременно сравниваетъ себя во вездѣшное отношеніе
 и къ народу, и къ государству. Фридрихъ II, въ первой гла.
 вѣ своего сочиненія, объявляетъ, что государь, глава народа,
 есть только его главнѣйшій служебный членъ; по мнѣнію
 Фридриха, сила и послѣдовательность когдѣ только тогда
 называлась добродѣтелями, многоцѣлими вѣнчаннымъ доско,
 истребо, когда отецъ слугарь высшимъ чинамъ, когда вооду,
 шествіе неравенствъ духомъ, когда, однимъ словомъ,
 вѣчными посягательствами государя управляетъ только одна спра.
 ведливостъ и стремленіе къ благу народа.

Маккиавелли видя въ только одно средство вырваться изъ
 этого безобразнаго положенія, въ которое пала его родина,
 — республиканецъ до мозга костей, человекъ, который
 выше всего на свѣтѣ сравнивалъ счастье свободной жизни;
 хвалясь за отчаянную мысль о зирани, о, повелего,
 сударя, козорній какими-бы то ни было средствами, силой
 или хитростью, обманомъ или жестокостью, захватилъ въ
 свои руки власть надъ пораженною Италіей и,
 прогнавъ гужеземцевъ, соединилъ-бы снова въ одно вели.

кое издало ее раздробленными членами. Для этой великой цели, собрания родной земли, он позволял и даже советует своему государю (принципе) всякия средства, козорства въ другое время никогда бы не смелъ соизумевать. Но для государя, какъ для залога единства и освобождения Мралин, позволительно всякое противузаконное средство, каково-бы оно ни было. „Маккиавелли искалъ, говорить къ меккѣй маторникъ Ратке, „спасенія Мралин; но положение ее казалось ему всякимъ отчаяннымъ, что онъ даже рискнулъ прописать ей адъ.“

Изъ сочиненій Маккиавелли, послѣ сего же обезславленнаго, сколько и знаменитаго произведенія „Государь“ (Il Principe) замечательнѣе „Трактатъ о первыхъ десяти книгахъ Тита Ливія“ или „Discorsi“ (Бесѣды) о римской исторіи Ливія“. Весь ходъ мысли у Маккиавелли вполнѣ самобытенъ; онъ даже свои аксіомы не заимствовалъ прямо у Ливія, а только почерпнулъ ихъ при вторахъ, взявши изъ римскаго источника; и въ томъ, что изъяснителю не слѣдовало звать при вторами, видя въ прикн. ну урядка и злополучія своей родины. Маккиавелли высказываетъ въ этомъ сочиненіи слѣдующія мысли:

„Мы не умѣемъ пользоваться образованіемъ, — гордимъ, вад, лтоносимъ и не знаемъ неумнаго духа исторіи пре-,
- творающую намъ яловитъ насущный смыслъ ее. Люди, читающіе исторію, видя въ порядъ собою массу происшествій,

и не хвалять понайт, что ест такія происшествія, козо,
 рыль можно подражать; какъ будо небо, солнце и люди
 не зть зие, что были пресиде. Не нушно завоеваній, а
 нушны союзы; не нушно бездесія и посрамленій; не
 надо ни призывать изгнанниковъ, ни нападать на соо,
 рдцнтся; гражданамъ не слѣдуетъ оскорблять гирнеземцевъ;
 не прикинаеть полициторъ; бует, смозря по обзороженствамъ,
 зо медленннмъ, зо скорымъ, иногда даме озважннмъ, не
 довърятся братау, даме зогда, когда буетъ казатся, что онъ
 склонился на звою сторону; о заговорахъ смачала узнай,
 силны онъ, или славы. Италія, Испанія, Франція — все
 онъ находятъ въ положеніи испорченномъ и раздуро,
 енномъ; но въ Италіи это выказываеуся ястнѣ, — прикина
 фа, что друзія страны итьють королей. Миланъ, Неаполь,
 даме Романя, по прикины своего дворянства и своей испор-
 ченности, не способны къ свободѣ.

Эта книга написана, когда верхняя и нижняя Италія
 были порабожены и губство порабоженія было зтьмъ знн,
 бѣе, что италянцы приленимо работали надъ изучені-
 емъ древннхъ. Редумсзаетъ згорій Маккиавелли зоре, что для
Италіи необходимъ неограниченнай государь, козорый
 бы своєю силою подвднлъ всекое производннствіе, и, зтобы
 спасти свободу, писаетъ придгаеу къ зиратіи.

Правило, козорое авзоръ предписываетъ законодателью
 мнуетъ въ виду, что все люди подлы и низки, — ин чало,

динь и въ этомъ утрацать; здесь ученіе о необходимости
 единоличной власти последовательно доводящая даже до
 брагодійства, и здесь мы находимъ ученіе о томъ, что
 обманомъ государь гораздо скорее достигнетъ своей цѣли,
 чѣмъ силою; и здѣсь высказано правило, что изъ утратъ
 наукъ подавнѣе господствующае несогласіе, — именно:
 прикиривъ ^{всплывъ} коноводовъ парцій, изгнавъ ихъ или, на,
 конецъ, убивъ, — последнее средство самое лучшее. М,
 въ этомъ же сочиненіи, съ благоговѣйнымъ удивленіемъ
 онъ говоритъ о подвигѣ Брута старшаго, котораго, по своей
 любви къ свободѣ, мудрой хитрости и неутомимой сурь-
 госту, представляеть образецъ настоящаго римлянина;
 фактъ же безропотноя воспріимчивой хвалы славы и славы
 государству, которое на снудномъ полѣ, за плугомъ ищетъ
 себя диктатора. Это приводитъ въ восхоръ то великіе духа
 гражданъ, которые, какъ полководцы, презрительно обо-
 дяся съ туземными царями, а какъ гасные люди —
 обрабатываютъ такое просвращенно земли, сколько пара
 воловъ можетъ вспахать въ одинъ день.

Политическій утрацать Маккиавелли — изобретчикъ, изъ
 котораго черпали Монтескьѣ, Руссо и многіе другіе. Онъ,
 снлгомъ замѣчаетъ, что „Бесѣды“ (Discorsi) допотопны бытъ
 настоящаго книгой каждаго законодателя и государствен-
 наго мужа. Подобными же образомъ судить объ этой книгѣ
 и англійскій историкъ Галлавъ.

Книга „О военномъ искусствѣ“ (Arto della guerra) — единственное изъ сочиненій Маккиавелли, напечатанное при его жизни (1521). Изобретенію пороха Маккиавелли придаетъ здѣсь очень мало значенія и, думая, что оно едва-ли долготю произведетъ какую надобность перемѣну въ способѣ вооруженія или расположенія войскъ. По общему свидѣтельству историковъ, дурно устроена и дурно снабженная артиллерія того времени, полезная при осадахъ, имѣла мало цѣны на поле сраженія.

Въ своей „Флорентинской исторіи“ или „Исторіи Флоренціи“ (Storia fiorentina) Маккиавелли представилъ превосходный образецъ прагматической исторіографіи. Она съ удивительнымъ тактомъ умѣетъ отдѣлить научную исторію отъ простого разсказа о событіяхъ дня, отъ политическаго резюмѣ; особенно мастерски изложена исторія Лоренцо Медичи. Взоръ принимаетъ своего исторіографа изображеніемъ погрѣшеній римской имперіи, дрогнувшей подъ напоромъ германскихъ варваровъ, и показывается какъ посылки, новыни опустошенія, изгнанія и быстрой переменчивой господствовавшихъ князей, — госуда, дарова гдбли и возникали, одни возмшадет изъ праха до значенія державъ первоклассныхъ, другія съ вжотомъ великія погруадет въ самое глубокое ничтожество.

Во 2-й книгѣ Маккиавелли переходитъ къ Флорентинской исторіи, и въ этой книгѣ, такое какъ и въ двухъ

лишь образам и государству и много концу и, впро-
 должении своей жизни, подвергается переметамъ. Са-
 мая благоустроенная и наиболее долголетняя государства
 бывають эти, которая посредством своихъ учреждений могутъ
 обновляться какъ можно чаще. Безъ такихъ обновленийъ
 государство не можетъ существовать долго, но обновления долги,
 на всегда приводитъ къ принципамъ, къ первоначальнымъ
 учреждениямъ и правамъ государства. Это совершается пере-
 бородами, которые такимъ образомъ много въ себя имеютъ
 благо, посредствомъ чего они снова производятъ первые за-
 родили славы и величия. Физическое ослабление и ус-
 ление государственного и всякихъ другихъ земель, чрезъ кругъ,
 оборотъ органической и неорганической жизни, это из-
 мѣненіе предметовъ обуславливается необходимой и не-
 избѣжной судьбою. Каждое государство произошло вслѣд-
 ствіе потребности защиты противъ врага. Понятіе о хоро-
 шемъ и справедливомъ возникло впервые по соединеніи
 людей въ государства; понятіе о правосудіи создавалось изъ
 законовъ и наказаній. Общество раздѣлилось на правы,
 желы и управляемыя; за первоначальной свободой выдвора
 слѣдовала наследственная монархія; монархія выродил-
 лась въ тиранію; тогда лучшие люди государства не могли
 переносить подобнаго злоупотребленія власти и свергли
 своего монарха съ престола. Низложеніе монарха про-
 изшло не потому, что въ народѣ проснулось сознаніе

своего могущества, своих силъ и правъ, — а только потому, что правители стали деспотами.

Далѣе: когда правление перешло въ руки аристократии, сыновья освободителей, выродившись такъ же скоро, какъ и позолки первого государя, — образовали олигархію и, въ свою очередь, были изгнаны народомъ. Образовалось народное правление, демократія, которая очень скоро выродилась въ анархію, демагогію и своеволие герми. Эра неурядица снова привела къ избранію государя. Это касается Мэалии, но Маккиавелли видитъ далье страшную испорченность государственного организма, но не въ такой однако степени, чтобъ положеніе было совершенно безнадежно. Возвращеніе отъ усиленія и засухи къ дѣятельности и силѣ возможно, впрочемъ только при одномъ условіи. Это условіе — возвращеніе ко всему древне-римскому съ полнымъ отказомъ отъ всего средневековаго. Во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ Маккиавелли проводитъ воззрѣнія древне-римской полиціи, съ такими обширными, звердыми и вторыми знаніями римскаго государства и его исторіи, какъ хорошо покажетъ въ томъ, духъ и смыслъ древняго римлянина, — что, какъ выражается итальянскій историкъ литературы Тертинусъ, едва ли кто нибудь болѣе Маккиавелли имѣетъ право на названіе послѣдняго римлянина. Притомъ, именуясь истинно отъ сараея о примѣненіи къ пофед,

посядь по воле времени военных учреждений древ.
 няго Рима.

Превосходную характеристику Маккиавелли ^{и опытку его произведений} представил
 англійскій ^{и поэт} историк Макколей (Thomas Babington Macaulay,
 lay изъ Rothley Temple въ Leicestershire 1800-1859), въ своихъ
 „Кригическихъ и историческихъ очеркахъ“. Поэтъ какъ онъ
 гавъ между прочимъ говорить о Маккиавелли и его произведеніяхъ.

„Едва ли съясъ въ исторіи литературы нмъ больше ненависть,
 кое, чѣмъ нмъ Маккиавелли. Едва ли можно нмъ, мало
 знакомому съ исторіей и литературою Италии, гнать безъ
 ужаса и изумленія знаменитый Французъ, навлекшій
 зольско позоръ на нмъ писателя. Такое выраженіе явной
 и безсмысленной злобы, такая холодная обдуманная и изу-
 гетная жестокость могла принадлежать зольско самому
 развращенному изъ людей. Правда, которая закоренелый
 злодѣй едва ли бы смалъ вышаръ самому приблизительному
 изъ своихъ сподручниковъ, или сознать самъ не нмъ
 какъ подъ личиною какого нибудь оправдывающаго се,
 фризма — проповѣдуемая въ зольско уракфатъ и ^{ни} признатая
 за аксіомы... По вѣснмъ сочиненіямъ Маккиавелли нмъ,
 зя найди ни одного выраженія, доказывающаго, что онъ
 сгнать прихворсво и предахелсво дѣломъ безсмысленъ.
 и, въ то же время, нмъ знаемъ мало сочиненій, въ козо-
 рныхъ было бы такъ жачъ много возвышенныхъ гувовъ,
 такое исное и земное рвеніе къ общему благу, такой

второй взгляд на права и обязанности граждан, как в творениях Маккиавелли?..

Значительно выше всего ему предшествовавших и, следовательно - историков - философов создал Маккиавелли. Мы (в нашей изложении) видели его как поэта и драматурга, но еще гораздо выше как историка, публициста и философа.

Историки.

Франческо Гвиччардини (1482-1540).

Франческо Гвиччардини (Francesco Guicciardini), также как и Маккиавелли, родом из Флоренции. Он родился в 1482 г. во Флоренции. Он был королем знаком с Маккиавелли; оба они считали друг друга; но, хотя Гвиччардини был последователем Маккиавелли, однако их политическая система была не одна и та же. Гвиччардини был приверженцем дома Медичи. Его политическая деятельность началась в то время, когда Маккиавелли лишился звания секретаря республики. Гвиччардини сначала был судьей, затем провинции Модены и Реджо. Папа Климент VII доверил ему не только управление Романьей, но и главнокомандование армией в войне с приверженцами императора. Гвиччардини не послужившее в этой должности. Но самое разграбление Рима солдатами императора не изменило добродетели, которое имело к нему папа. По смерти папы Климента VII Гвиччардини

возвратился въ свой озересувенный городъ, и вскорѣ удалился
 въ свое помѣстье, не далеко отъ Флоренціи, гдѣ работалъ
 надъ своимъ громаднымъ историческимъ трудомъ, въ ко-
 ромъ безпристрастно рассказывались событія того времени.
 Въ этой „Исторіи Урліи“ рассказаны событія отъ 1494 по
 1532-ой годъ. Авторъ подражаетъ манеру Ливія, однако онъ
 не такъ блестящъ и драматиченъ, но гораздо основательнѣе.
 Полирика преобладаетъ въ изложеніи Франческо Твичгар-
 дини, ^{характеристики} характеры личности у него описаны ярки, хотя не
 всегда безпристрастны; многообразная жизнь суррадалась много
 словесно. Подобно древнимъ, онъ заставлялъ своихъ геро-
 евъ произносить длинныя речи. Трудъ Фрэдъ Твичгардини
 не успѣлъ довести до конца. Онъ умеръ въ 1540 году.
 Наслѣдники его долго не рѣшались издать это сочиненіе.
 Только черезъ 20 лѣтъ по смерти автора вышли первыя
 16 книгъ его „Исторіи Урліи“; черезъ послѣднія книги
 явились три года спустя. Твичгардини кромѣ ^{написалъ} этого много
 политическыхъ трактатовъ. Безусловный приверженецъ
 дома Медичи, онъ дослуживъ наравнѣ со своимъ великимъ
 сооучесувенникомъ, Маккиавелли, гронкой, хотя не совсѣмъ
 заслуженной славы за свои исторіографическія труды.
 Въ его главномъ трудѣ (Исторія Урліи) событія и проис-
 шествія его времени изображаются хотя и чрезвычайно
 подробно, но не всегда съ полною достоверностью. Тѣмъ
 не менѣе Твичгардини — историкъ, политическій, классикъ.

скиль за его отгёрливая характеристика, за прагнари-
геское изложение болшого гасфиса иль самиль перестри-
гиль событий и за своглой, безпристрастивый взглядъ
на эти события.

Ассіани

Мезоріо Гвиггардини продолжалъ Донамбатиста
Ассіани (1513-1579). Его Мезоріо моего времени содер-
житъ 22 книги, кождый обнимающа периодъ отъ 1536 до
1574 г. и оцѣпается всносство, отгёрливосство и просождого
изложения. Паоло Сарпи (1552-1623), венецианецъ,
монахъ ордена сервизовъ, математикъ, ересубоиспизатель,
филологъ, преподаватель геологій и каноническаго права,
докторъ философій, преданный академъ папого Пав-
ла V, приказавшимъ считать его сочиненій, въ кождорыхъ
мезоріи ограничивалъ связкую власть папы. Не до-
вольствуясь церковнымъ проклятіемъ, папа подкупилъ
назерилъ удійцъ, кождорые, папавъ посто въ 1607 г. на
Сарпи, возвращавшагося въ свой монастырь, нанесли
ему фязмелый раны и оставили его замертво. Изле-
жившисъ съ зрудомъ, отъ въ 1609 г. написалъ Мезоріо
сношеній Павла V съ венецианскою республикою, отъ
1605 по 1607 годъ. Римская курия покрововала взоротно
удійцъ Сарпи, посто въ его келью, но заговоръ биль отъ
кряжъ, и республика приняла весь мъръ, чтоди спасти
своего мезоріика отъ удійцъ. Главный зрудъ его — Мезо-
ріо зрудензскаго содора. Сарпи превосходно изобразилъ

Борьбу мелочных ссор и личных приязней оццовъ церкви и властителей, участвовавшихъ на соборахъ. Сарни открылъ ^{Никола Альберти} заслонокки въ венахъ, дѣлалъ наблюдения надъ расширеніемъ и суживаніемъ ^{суживаніемъ} зрачка, надъ отклоненіемъ магнитной стрѣлки, изучалъ алгебру, высказалъ важныя мнѣнія о личныхъ пяджахъ и распространялъ ученіе Палледи, называвшаго Сарни своимъ оццомъ и учившемъ. Множество фракцiovъ Сарни, этого ярого противника римской курии, остались не напечатанными.

Давидо Давила (1576-1631) служилъ сначала при ^{Davilar} Генрихѣ III и IV, потомъ венеціанской республикѣ, былъ губернаторомъ Канди, Фриуля, Далмаціи, пользовался всеобщимъ уваженіемъ, но былъ застрѣленъ во время ссоры. За годъ до смерти отъ издалъ Исторію гронданскихъ войнъ во Франціи отъ 1559 до 1592. Разсказъ его грозвн, тайно живъ и наглядень.

Кардиналъ Гвидо Бентиволіо (1579-1644), философъ ^{Bontivolio} и ученый, умершій въ конклавѣ, гдѣ все ожидали его избранія въ папы, написалъ много замѣгательныхъ историческихъ сочиненій. Особенно важны его Писма, Дневникъ и Исторія фландрской войны. Языкъ этого историка — извѣсень, направленіе хогъ и клерикальное, но не искажающее собыдій. Противникомъ этого направленія, свойственнаго римской курии, явился павъ уже извѣсеньный ффра-Паоло Сарни.

Проявление реформационных тенденций
в италънской поэзии.

Еще до начала XVI вѣка, вѣсьма увлекшая за собой дворянское высунувшаго во Флоренціи демократа-инсрика ^{фра-} Джироламо Савонарола показала, что духу италънскаго народа все-таки присуща была глубокая-серьезная сторона, способная продвигаться съ могучею силою. Съ каждаго десятилетія въ новой, блестящей эпохи Возрожденія, взоръ элементъ укрѣплялся и приобрѣдалъ все большую глубину въ выдающихся натурахъ, между тѣмъ какъ, съ другой стороны, въ послѣдствіи дворянское Савонарола присоединились и вліянія пьемонтской реформации. И такъ какъ глубокая искорка, гонимая католической церковью не допускала надежды на ея самоисправление, а угасающее безсудство и развращенность, порождаясь самыми разнузданными эгоизмомъ, рядомъ со вѣсьма блестящимъ и высокою италънской образованности, сравнились все очевидные и ужасные, то для вѣсьма благородныхъ умовъ естественнѣе, но было опаснѣе на мысль о внутреннемъ, соборномъ, или усиленномъ досугаго огищеніи. Въ многочисленнѣе кружкѣ, образовавшейся въ Неаполѣ около Бернардо Оккино, равно какъ и въ кружкѣ кардиналовъ Конзарини, Полье, Морониэ, въ первые годы правленія папы Павла III, не огудали даже передъ мыслью о мирѣ.

номъ соглашеніи съ нѣмецкою реформаціею. По край-
ней мѣрѣ многіе изъ ихъ членовъ сходились съ Лютеромъ
въ воззрѣніяхъ какъ относительно необходимости выдвиг-
нутаго убѣжденія и раскаянія, такъ и признанія налоговъ,
которыя обновили вѣнскихъ посядковъ. И на ряду съ цѣлою
вереницею богословскихъ зрѣнцевъ и проповѣдей, болѣе
нашего срававшихъ похвалъ шерзвото инквизиціи, указанныя
убѣжденія нашли себѣ въ выраженіе также и въ поэзіи. Со-
да принадлежатъ пресиде всего:

Микель Анджели Буонаротти (Michel Angelo Buon-
totti, 1475—1563 г.), въ общемъ извѣстный золско подъ име-
немъ Michel Angelo, великій ваятель, живописецъ, зод-
чій и поэтъ, былъ не золско великій художникъ, но и
замѣчательный поэтъ. Онъ писалъ оригиналы сонетовъ,
канцонетъ и герзикетъ и приобрѣлъ эфими своили орхо,
зворекіями приобрѣлъ себѣ славу задумебно-глубокаго
поэта. Сравашиетъ съ са.иою юноскою, проведенною имъ въ
Флоренціи, непоколебимыи поклонникомъ фра-Вши,
роламо Савонарола, изгнавшаго изъ Флоренціи Медичи
и ихъ приверженцевъ, Микель Анджели, въ зрѣломъ
возрастѣ, принадлежалъ къ кружку римскихъ друзей
реформы. Въ правленіе одного изъ его преемниковъ
Лова X Медичи (1513—1521) насупилъ золодой вѣтъ для
римскаго гуманизма. Римская Академія, возсраповлен-
ная послѣ смерти Павла II, досупила високаго процвѣтѣ,

жаний, и она сочилась ревностными познаниями
 в застывании. Самыми дорогими гостями были гу-
 манисы, ученые, художники, музыканты. Воспитанный
 в кругу флорентинских гуманистов, она больше инте-
 ресовалась устами гуманизма, чем церковными до-
 гмами; она радовалась как ребенок, когда ему удалось
 добыть первую книгу Меролин Платина, и охотно инди-
 ферентно к начинавшейся реформации. Терпимостью
 его была равна его любви к наукам: она охотилась от
 преследований духовенства падуанского профессора Пье-
 тро Помпонаци, охотлившего безкоррпоре души с
 научной точки зрения; она защищала знаменитую
 „*Bristolae vitotum obsecutum*“, где предавался позору
 невольничества, разраба и мадонна католического духо-
 венства. И к этому кружку римских друзей рефор-
 ма принадлежала Микела Анджели. Но взятие Рима
 в 1527 г. испанскими и немецкими войсками охот,
 гиваясь блестящая роль, которую играла некогда
 в Риму в истории итальянского гуманизма и
 проявлений реформационных тенденций. И в ^{воле Микела Анджело}
 в отоме тур своих соперников высказала следующую мысль:

Визирь Колонна (1490-15472), рано обданный
 сестра храброго маркиза ди-Пескара, была связана
 дружбой с Конзарини, Пале и Микел-Ан-
 джели. В своих срихотворениях, в коровых она ме-
 гически оплакивала преждевременную кончину любви.

Солонна

1) Молчи, прошу, не слмай меня будить!

О, в зорь вихь прескитной и поедитной,
 Не оинь, не губевоваць - удаль завидный:

Озрадно снарь, озраднои камель бужь. (Перевод В. Н. Тютчева).

История итальянской литературы XVI ст.

много сурьеза, сопровождается свои малова обращениями, вь позарковскомъ вкусе, къ италья, где проехали счастливые дни ея любви, ^{въ своихъ эллигескихъ сочиненіяхъ} она постепенно возвысилась до полного одухотворенія своей скорби, до искренней, таго религиознаго самоозреченія и христіанской на-дежды, къ козорамъ, подь конецъ, присоединилась, въ извѣстной мѣрѣ, мистическая восхорженность.³⁾

Эпосъ - пародія - сатира.

Капризная замашка подсмѣивается надъ героями соборветныхъ же эпическихъ произведеній, замѣтная уже у Бойярдо, эпика конца XV столѣтія, и въ особенности у Аріосто, эпика начала XVI вѣка, умирялась однакожь, у перваго грезвѣгаино эпизвеннаго обрабочкаго сюжета, у втораго же вполне художественнаго законченнаго живописныхъ изображеній каждаго оудыснаго эпизо, да. Но рядомъ съ Аріосто возникли уже прямо дивніе на породито эпикки, козорые, подь вліяніемъ какой-то задорной прихотливости, превращали эпическій сюжетъ какъ разъ въ нечто совершенно прозвоболоженное.

Франческо Берни ^{росканецъ по происхожденію} (1470 - 1536 г.) перенялъ въ смыслъ пародіи „Влюбленнаго Роланда“ (Orlando innamorato) Бойярдо, послѣдовательно писалъ за него (Orlando rifatto), замѣнивъ грубыми комизмомъ тонкую иронию оригинала. Въ своихъ „Capitoli“, схиотвореніяхъ въ терцинахъ (contronimento in terza rima) и сонетахъ

1) Другая поэтесса, Вероника Тамбара (1485-1550), также отлакавъ въ стихахъ своего мужа, писала сонета религиознаго направленія. Этого же направленія держался епископъ Хиддини Габриелло Фриамма (1527-1583).

2) Возродившіи пародію Роландъ - въ рифмѣ, франц. refrain

отъ всего рязе и безусловно вырадовалъ своего при-
хотливо-колическую манеру, при чемъ удары его были
направлены преимущественно на чрезвычайно напыщен-
ность иезуархисзовъ.

Falengo
Теофило Фроленас ^(Бенедиктинский монахъ) (1491-1544) написалъ „Orlandino“
 (Роландина или Роландушка, ибо Орландино италъское
 имя уменьшительное) ^{о происхожд. Орланда-Роланда} и издалъ эту поэму подъ псевдонимомъ
 Limerio Pittoco въ 1526 г. Въ „Orlandino“ безъ оги,
 ильковъ осмѣливается ризарство, пригелъ, въ качествѣ его
 признаннаго тѣща, самъ Ариосто высказываетъ авторомъ
 въ сѣтливомъ видѣ. Впрочемъ „Орландино“ заимогоде-
 леть еще голь, что въ него проскомознудли мюзеран-
 ско-ерефическiя воззрѣнiя (въ эпоху происхожденiя по-
 змы продвигшия свое дѣйствiе и по ту сторону Альповъ),
 такъ что это произведенiе подверглось гоненiю со сто-
 роны инквизиции.

Сатира легко перерождалась у француженъ какими обра-
 зомъ въ пасквилли, панфлеги, пародии и такъ называ-
 емой бурлескъ. Предсавиделемъ этого рода поэзи быль прежде
 всего Франческо Берни. Онъ пробовалъ сначала писать въ
 серьезномъ родѣ, но это ему не удалось. Позомъ онъ
 перешелъ къ пародии-сатиры и написалъ пародию влюб-
 леннаго Роланда (Orlando rifatto - передѣлка Роланда) и
 эта передѣлка пользовалась гораздо болѣе широкимъ успѣхомъ,
 чѣмъ поэма Бойярдо. Въ мелкихъ суждалъ его много

оскрожь и сарказмовъ, но еще больше неприличія: въ нихъ
 безпротавоужся длинныя панегирики закъимъ предмезань,
 какъ толки, ^{свал} чурі, ^{Диделана} болынка, ^{галлос} сруденъ, ^{дистел} герфополохъ. Въ
 нсесть. Въ похвалу гуннѣ отъ говоришь: „Въ природѣ сур
 зно, но у всякаго зла суръ своя хорошая сторона и свое
 искусство. Такъ и у гуннѣ суръ хорошия стороны: она
 издредляеть всякъ мерзавцовъ, призомъ можно дѣлаеъ
 дѣлаеъ долговъ, сколько угодно. Если присзанеуръ докуръ
 ливной кредиторъ, скажи, что у тебѣ болыу голова — и оны
 удвѣдиуръ безъ оглядки. Звиденъ на улицу — форма не
 суръ сндеръ тебѣ, весь бѣгуръ другъ суръ друга въ разныя
 стороны. Зеловнчесуръ позволдуръ дѣлаеъ всякѣя гупо,
 суръ, это насуръдущее время благодатной свободы, золозой
 вѣкъ первобызумаго сосуръднѣя“. Такой родъ бурлескныхъ
 суръхозвореній италѣянцы называють поесія ветпеса.
 Другой родъ поэзи полуримъ названіе „макароникой“;
 отъ сосуръ изъ смьси италѣянскихъ фразъ съ латинъ,
 скими, приеуръ этъ и другіе гасуръ искажанауръся. Осно
 вазелеуръ ея бнль фра-Теодрило (Поленго). Кроитъ поэма
 „Орландино“ (о днуръзуръ Полада), подъ псевдонимомъ Мер-
линъ Коккайя, отъ написалъ 17 книгъ макаронниче,
 скихъ суръхозвореній и др.

Другой предсавиетъ этого рода поэзи графъ Камил-
ло Скрофа, писавшій подъ псевдонимомъ Фриденъ,
изин Глозокризю.

Идиллическая и пастушеская поэзия.

В XV и XVI столетиях италъянцы, по причинам какъ ихъ подвижного, направленного къ наслажденію мизантро характера, такъ и сообразованной съ этимъ образомъ жизни и культуры, могли обладать лишь въ слабой степени склонностью къ идилліи, и если въ италъянскій лиризмъ этого времени мы включаемъ целый рядъ эклогъ и пасторальныхъ произведеній, то появленіе ихъ слѣдуетъ скорее приписать разбившейся тогда подробности подражанія античной поэзіи, чѣмъ вліянію собиравшихся душевныхъ побужденій и чувствъ.

Исключеніе представляетъ Яконо // Дмаконо Саннацаро (Jacopo Sannazaro) изъ Неаполя (1458—1530 г.), повесть жизни и наслажденій жизни, а поэтику, естественнѣе оръ души на, сфроективнѣи на идиллическій тонъ. Его прозаическій романъ „Arcadia“ заключаетъ въ себѣ извѣстное число эклогъ, олимпиадическихъ лирой проозодой и весьма мнѣт, кой образностью представленій, и признается первообразомъ какъ много условныхъ италъянскихъ пасторалей, такъ и пастушеской поэзіи вообще въ последующее время. Подражателями пасторальной поэзіи Саннацаро явились Теорій де-Монтемайоръ (Jorge de Montemayor, 1520—1561 г.) изъ Монтемора въ Португаліи, въ своемъ пастушескомъ романѣ „Diana“, и аллгорическо-пастушескій романъ „Astrée“ (Астрей) Франсуа Флоретъ Д'Уфѣ (1567—1625) былъ на,

написаны по образцу французского и испанского на-
сущескиих романовъ и схищозворныхъ произведеній. Указъ
еще въ XVII вѣкѣ, Аркадія Саннацаро пользовалась
большой популярностью. У особаго рода драмы, Пастуше-
ской развился изъ пасторальной поэмы, начало которой
положили Саннацаро своими идиллическими романами

и Аркадія: Епископъ Клавдіо Толомен изъ Сиенны (1490-1555)
писалъ идиллическіе и пасторальные сонеты, Дональдо Сфорци изъ Флоренціи
Сонетоджурн и писатели комедій. (1571) писалъ мадригалы.

Подобно Аріосто и Саннацаро, также обилие формы,
идеи (XV-XVI) принадлежать итальянско французскимъ
поэтамъ, которые, будучи еще вполне проникнуты зазорными
вещами и гурьбами поэмы, одушевлявшими ихъ въ коло,
доку, не обнаруживають въ своихъ произведеніяхъ ника-
кого вліянія уже наступавшей язгосной и мрачной эпо-
хи. Ихъ оригинальность всего рѣзче проявляется преи-
мущественно въ лирическихъ схищозвореніяхъ, въ коми-
ческихъ пьесахъ, въ сонетахъ и въ итальянскихъ операхъ
по части комедій.

Вліяніе Петрарки на лирическую поэзію было тако-
е сильно въ XVI столѣтіи, что почти въ одно и то же вре-
мя явилось 12 огромныхъ томовъ комментариевъ на его сон-
еты и безчисленное множество всякаго рода объясненій,
фрагментовъ, диссертацій поэты на каждую строчку, каждое
выраженіе. Изысканная, узкая форма сонета сдѣлалась
единственнымъ выраженіемъ всего поэтическаго гурьбы.

Въ германцахъ сурокаль укладывались и эротическія и аскезическія произведенія, сатиры и Элегія, Эпиграммы и идилліи, панегиріки и пасквили. Въ этихъ произведеніяхъ весьма замѣтно отразились не только преимушество, какъ сказало, средней итальянской образованности XV и XVI столѣтій, но, благодаря тому, что эти писатели не были выдающимися натурами, и съ недосказки.

Возь птохоторые изъ авторовъ этой группы: Бернардо Довизи кардиналъ Виббьенна (Виббьенна, 1470-1520 г.), личный секретарь Лева X Медичи, знаменитый своего фривольного комедіста „Каландрія“, изобилующего въ высшей степени грязными шуточками, выраженными однакожь самою безукоризненною флорентинскою прозою. Бернардо Акколти, изъ Арrezzo, прозванный Минико Аретино (1466-1534 г.), пользовался всеобщимъ уваженіемъ при за свои стихи: сонеты, пьесы шуточного содержания, доставившіе ему похвалы Аріосто и место при дворе папы Лева X, любимцемъ котораго онъ былъ. Онъ писалъ и эпиграммы во вкусъ Марціала, хотя и въ формѣ сонета, а также имъ написана одна комедія подъ заглавіемъ „Виргинія“. Франческо Марія Молца изъ Модены (1479-1544), одинъ изъ не многихъ сонеттистовъ, которые умели отнестись полугривущо уже академиче, ски-условный характеръ поэтическую форму живого, не, поддѣльного чувства. Ансола Фиренцуола (Агноло

1) Впрочемъ онъ придерживался религіознаго направленія поэтессы Вульгорія Колонна, Вероника Тамбара и епископа Тадриелло Фралима, о которыхъ уже рѣчь была раньше.

Физенцола 1493-1545), монахъ въ Валлодрозе, вѣс-
ма извѣстной какъ авторъ оцмчатыхъ и грезвомайного
распуцетносекю содержанія повелл. Кроме того онъ
писалъ сзрли, комедии, дракхары, но изъ вѣсхъ его про-
изведеній огромныя цѣпхоль поизобавласс его, Бесѣда
звѣрей (Discorsi degli animali). Я приведу начало этой
бесѣды; какъ образецъ италъянскихъ повелл она помѣ-
щена въ „Всемирномъ Трудѣ“ д-ра Хама.

„ Въ славноиъ мѣстѣ городѣ Мерццо, построенной
надъ самой благодарной рѣкой Бизенцио и некогда
предписывавшемъ законы всей округной долины, а нынѣ
- закова превращеное судей мѣстечкѣ - заросшемъ дерева,
яли и лозами виноградными, и образившемся въ вершенъ
леснѣ, призовѣ болковѣ, жилъ царь по имени Люзор,
кренъ, мужъ мудрый и доблесный, великй мѣдизелъ
всего, что вѣдае надлеснѣ царскому великесву. Для
поученія своего держалъ онъ при себѣ вѣсхъ уахъ, ко-
торые въ царствѣ его оцмчались какими нибудь свѣдѣ-
нїями. Между прочими, былъ у него философъ, по иже-
ни Пиадонъ, въ козоронѣ съ обширными знанїями сво-
дичласс иезикная добродѣтель, а добродѣтель дополня,
ласс привѣзливоезю и скромносекю, это доказывало, что
мудросекъ болше краснѣ крозкй ликъ и просекй парядѣ,
нешли ^{нахмуренное} гело, какой бы мѣлкого око ни
было прикрасо, и что у геловка, козорный, что бы казарсек

Волки

жмыкнись и ученакнись, напучкаешь на себя сердитый и учро-
тый видъ, большею частью нравъ закои те грубый какъ
и парусинось — какъ весьма върно разсудила тютюная
перепёлка о коршунъ.

Какой-то пущеловъ поймалъ перепёлку, и зная, что
эти пущики прилично погорь, посадилъ ее въ клетку, криво
сверху стужкой, чтобы несчастная пущица, недавно понав-
тивъ въ тютю, не разбивала себѣ головы, когда бьются
о стѣны и крышу своей утюрны, заутыль вытосилъ за
окно, выходящее въ садъ. Это затримъзрилъ коршунъ
и жоглась те задумалъ полакомиться ею. Возь отъ и
прилетѣлъ къ ней на ухро и повель ей медовыиъ голо,
солъ закуро рьел:

— Сесурница моя, любезная! Знавалъ я бабушку твою по,
койтую, хлѣбъ-солъ съ ней водилъ, какъ мажъ погузалъ,
жолско вспомню ее, мого голубушкы, какъ слезы и подеру,
паторъ! Услыхавъ, что ты попала въ закуро бѣду, я вспом-
нилъ все, чѣмъ обязанъ всему роду твоему, и возъ пришелъ
къ тебѣ съ предложениемъ — попомъ тебѣ выину изъ этой
землицы. Я держусь освободить тебѣ безъ большого зрудя: сѣ-
нъ мнѣ жолско разорвать клѣвыиъ и когъами эту стужку
— и полетай себѣ куда дуишь твоей угодно.

Перепёлка, которой (какъ въ мнѣхъ себѣ представилъ) ну,
ще всего жоглось выдраться на волю, обрадовалась закому
великодущному одъщанью и гуръ было не сказала коршуну,

не подумавъ хороменско, чтобы отъ его исполнилъ. Иъ
 счастье она присяжно взглянула на него, чтобы убо,
 рижся, правду ли отъ говоришь: испугалась она глазами
 его сурмяныхъ, нависшихъ бровей, козлей его осурьихъ, ско,
 рый пригодныхъ къ грабегу и разбою, чьль къ подвисаю
 милосердія, задумалась — не обманываешь ли отъ ее, и оу,
 вьгала ему рогого разумного:

— Можешь бытъ и въ самомъ дѣлѣ малоекъ къ моей сорг,
 кой судьбинѣ побудила жедъ прилежъ ко мнѣ, золько
 не закилъ жъ что-то сморщилъ; а если чьль напала жедъ
 пракая охота спасать, спасай — поди кого нибудь другого —
 не нурино мнѣ жвоей малоекъ; боюсь, какъ бы не сфалосъ
 со мною жого же, что съ дикобразомъ, которій ^{отъ} возвращал,
 съ съ войны вьтвѣ съ лисицей и жаловался ей на чеда,
 лосъ и на лапозу въ косяхъ. Лисица и говоришь ему:
 — Самъ жъ виновать — зачьль ходишь въ оружіи, когда вой,
 на кончена. Хоть бы велероль на поглетъ сминалъ съ
 себя броню — по крайней мѣрь оудохнулъ бы, душу оувель.
 Согласилъ едурю дикобразъ, и, какъ пришли они въ жожъ
 вечеръ на посюялый дворъ, оружіе съ себя снялъ, поужи,
 малъ и снаръ забалился. Злодѣйка, какъ видижъ, что отъ
 заснулъ, подкралась къ нему, да безоружнаго жууъ же
 порьшила и скучивала не хороньетъ.

Зачьль, не вразъ болтъе словъ, чьль перепѣлка начала
 бурься кровяли по всей клвужь изо вьтъль силъ, и подняла

закой тушь, что козачишь услылалъ, и пойдя къ окну
озогналъ корзину; возъ, видя что приговорной диалогско
никого не взялъ, сорвалъ своего злобу на безрозовишней
елку шаборонку, бросилъ на него и шлъ ужомилъ свой
голодь. А перепёлка смозришь да думаеъ про себя. — Владъ
возъ же не ошидласся — каковъ съ лица, заковъ и съ нрава?

Но такъ философы не походили на нынѣшнихъ
мудрецовъ, козоре суровыхъ взглядовъ, блѣдными, впаля-
ми щекани, расчурпанной бородой, да немодимоскою
сфаратоеъ показале, что они выше другихъ; оны припадъ,
лежалъ къ филь мудрецавъ, козоре при безукоризнен-
ной сизизни, привозливомъ обращеніи, ласковилъ рѣ-
чалъ, просозѣе нарядда, сфаратоеъ заслузишь дѣлаица
не разными ломаніями, ренуцацито хорошихъ и ум-
ныхъ людей. Доброй царъ, забывишь это, всема гасцо,
внѣшо зого, чтоды забавляеъ шуцани да скопороками,
проводилъ съ ними время въ дествѣе и сирашивалъ у него
разрѣшенія вопросовъ, приводившихъ умъ его въ сом-
нѣніе. Философы же, обзавивъ царю свое мнѣніе, до-
казывалъ его сперва вторыми доводами, а затѣмъ на-
жилъ нибудь задавнелъ рассказомъ (на что оны были
масерь не менѣе дзона) показывалъ ему ишину какъ
въ зеркаль. Такъ однажды царъ, везиду прочилъ, сирю,
силъ его, какой приличеръ оны можере привезти въ пред-
охраненіе оъ зла двучъ ^{задумавшимъ развѣ} зажадовнелъ придвелей,

какъ что, если между ними станеть зретье, злоумышленн,
ное лицо, съ цѣлью посылаетъ раздоръ и заставитъ ихъ же,
мартъ погибели однимъ другого, то прїязели могли бы уберегъ
ся. На вопросъ зретье, философъ не задумывался, охвѣтывая:

— Свѣзлѣннѣйшій государь, какимъ прїязельмъ я бы посова,
зовалъ хороменско обдумаетъ то, что случилось со лвомъ,
съ бикомъ и съ бараномъ."

Вкратцѣ за позорїа закад: Баранъ Карминскъ при,
водитъ ко лву, царю звѣрей, бика Бюондо; царь, видя
его цѣль и добродушія, объявляетъ его первымъ бараномъ свое,
го двора. Это возбуждаетъ зависть Кармински, и зоръ рѣ,
шаетъ поубитъ бика, не смотря на все утѣшанїя свое,
го брата Белло и рассказы его, въ козоровнѣ приводитъ
многочисленно басенъ. По совѣзамъ Кармински, лвъ убива,
етъ бика, но вскоре начинаеть сознавать своего ошндку
и, въ то же время, ошндочается прозвїа барана. Возько,
неть новелла.

---. Горю лва не было предълово, и не имѣя другого
способа блестящимъ образомъ погнѣть наивнѣ несчае,
наго Бюондо, отъ горькошвенно ономъ свою ошндку
въ крови коварнаго Кармински?

Фрими словами философъ окончилъ свой рассказъ, на,
глядно доказавъ имъ царю, какъ далеко болѣшимъ го,
споданъ ошндочается козней завистливыхъ доносчиковъ
и вообще береться вѣтъвъ зѣль, козорове по сфоритной по,

говорить: братья два сестры одного кистю, и какъ над,
 лежить срараделено и забодливо ордъляръ и суну оуъ лми
 въ словахъ зъхъ, которые, подъ видомъ полезныхъ совѣтовъ,
 срараоуа зомско возвеличуетъ самихъ себя и погубитъ другихъ.
 Онъ доказалъ наконецъ, что государя не должно легко
 верить всему, а должно одними ухомъ слушать обвиня,
 енаго, помня слово мудреца, сказавшаго, что зоръ кто
 всему веритьъ — легкомысленъ душою. А если легкомысленъ,
 не доеройно порицатий въ какиль нибудь людичкаль,
 зо зъль больше въ государя, каидое дѣйствіе и поступокъ
 козорого приносить всеобщую пользу или всеобщій
 вредъ.

Много даровитыхъ писателей возрнула въ эту эпоху.
 заль епископа Мауро Банделло (1470—1562), написавъ,
 тыхъ когда автору было уже 70 лтъ. Но еще больше
 даровитъ и больше неперсность Англо Фиренцуола,
 съ королемъ ^{мк} Гольбо то ознакомились.

Наконецъ сюда принадлежить и Пьетро Нелли изъ
 Сиены. Онъ писалъ въ народномъ духѣ, хотя часто грубия
 оухозворенія, наполненныя лизмоны нападками,
 тремилуцксквенно на духовенство, за что его и обвини,
 ли въ ереси. Это — оузроудной сатирикъ, писавшій въ
 каррикатурно-юмористической манерѣ.

Дидактическая поэзія.

Особенно многоислетны закие произведенія этой

Эпохи, относящиеся к дидактической поэзии. Сухими, сами по преимуществу ценны и конечно сначала на латинском языке: о земледелии, шелководстве, дрессе, рованных охотничьих собаках, о шахматной игре и т. п. Ручеллаи написал поэму о ислах (le Ari), Луиджи Аламани — о земледелии, Франческо Берлини, герн — географо вь герцианах, Алесандро Мезауро (1558—1621) — о шелководстве (Senecide), Панцилло (1510—1568) вь поэмь. Валиа удъиздаеъ мазерей самихъ кормицъ срудьбу дворянъ своихъ, Дмиролако Фракассоре изъ Вероны (1483—1553), вратъ папы Павла III, философъ, лекторъ, написавиий латинскую поэму, Сидрильсь.
Академическе поэзы.

Вдоль съ тизнетивныхъ, цвѣтущихъ и плодотворныхъ развицель италънской национальнои литературы, вь продолжение всего XVI вѣка шло подразнаеельное, вь анжичномъ духѣ, гисро академическое направление поэзии, которое вь данный моментъ, правда, доушло лишь ограниченнаго влиднѣя, однакожь при врожденной склонности италънцевъ преувеличиваеъ доурихъвахо. за бы и бездоурихъваельной, но прекрасной формы, и при нхъ уваженнѣ къ логичному авторитету античной поэзии, оно получило со временемъ большое и влихъеъ фраеельное значеннѣ для дальнѣйшаго развицѣя италънской ли. тературы.

Пьерро Вембо изъ Венеции (1470—1547), кар. Вембо дикаль, блестящѣй модичеъ папъ Леона V и Климентъ VII,

Любобвникъ Лукрециу Бордоин и Морозини, хукенвий
грамматикъ, кумизмазикъ и Бозатинъ, лукуий ларин,
 ский поэтъ и прозаикъ своего времени, написавъ на этомъ
 языкѣ исторію Венеціи — ^{до 1513 года,} ~~исторію~~ Андрея
Навадмеро, ~~посланника Венеціи при Эзо~~ ~~продолже~~
 на: перевелъ ее поэтъ на италіанскій языкъ. Эзо-про-
 долженіе исторіи Андрея Навадмеро (1483-1529), послан-
 ника Венеціи при Францискѣ I, написавшаго исторію
 своего оужезва до 1487 года. Послѣ смерти Бембо вене-
ціанскій сенатъ поручилъ продолжать эту исторію Пав-
лу Паруцѣ (1540-1598). Отъ добавъ свое замычательное
произведеніе до 1551 года, дополнивъ ее описаніемъ кипр-
ской войны (1570-1572). Далѣе венеціанскую исторію
продолжалъ Андреа Морозини (1558-1618), описавшій
событія 1611-1615 г.; Баззиса Нани (1616-1679) добавъ
ее до 1671 года, а Микель Фоскарини (1632-1692) до 1690 г.
 — Къ замычательнѣйшимъ сочиненіямъ принадлежалъ
Бембо. Въ одномъ изъ сочужовъ отъ говоритъ, что «на,
дѣлся всегда жизнъ свободнымъ и чакъ вооруженнымъ людомъ,
что никакое пламя не могло согрѣть его; но однажды
съ неба сошла внечница и золъко-что онъ увидѣлъ ее,
какъ оружіе его, ледъ, упало на землю, душа воспла-
менилась и онъ позволилъ обвижъ себѣ шето бриліантъ,
заволи цѣпями». Въ другомъ сочужовѣ, когда онъ увидѣлъ
свою даму, съ распущенными волосами, сердце его

Navagero

зотлась же впрорхнуло въ ея волосы, какъ прыжка
въ вѣзби куцарника; тогда руки дамы поднялись, тогда
запелси волосы, и сонали его; онъ хотѣль закригашь,
но сердце его било уже влезено въ косу и осралось въ
вѣткочь плъну у небесной тешцины.

Пьерро Балбо прославился, какъ грамматикъ, своими
сочиненіемъ „Троза“, а также и своими историческими
трудами, былъ провозглашенъ за свои (холодные) сонеты
и канцоны возродителемъ поэзіи и возобновителемъ
вкуса.

Незнаменитые его по нескренности и галанту,
также много академическимъ поэтомъ былъ графъ Балбас,
саре Касцилоне (Baldassare Castiglione) изъ Мантуи (1478—
1529 г.) — философъ и авторъ книги „Обязанности при,
дворнаго“, сившій при Урбинскомъ и другихъ мелкихъ
итальянскихъ дворахъ. Съ изяществомъ онъ изобразилъ
современное ему общество и его идеала въ чине уноня,
кузомъ заглавленномъ сочиненіи „Обязанности при,
дворнаго“ (Il Cortigiano), выразивъ языкомъ нашего вре-
мени, какъ-бы „перинной дметрементъ“.

Сюда принадлежатъ и также уже извѣстные ^{флорентинцы:} Лован,
ни Пурелла и Луиджи Аламани. Первый (1475—1525)
вошелъ также въ сонетъ „классическихъ“ стихотворцевъ
за свое (скудное) дидактическое произведение „Le Ari“
(„Пчѣла“), въ которомъ онъ подражалъ Виргилію, а

авторой (1495-1556) приобрѣлъ равную съ нимъ славу какъ ие дидактическииъ срифозвореніемъ „Оземледѣліи“, написанныиъ десязъ лѣтъ до его смерти (1546г.). Онъ ко, драматъ поэме древнииъ писателей, но писалъ призоиъ и сонеты. Онъ оземлаеуся ииито ииетъиъ азыкоиъ.

Сюда принадлежатъ еще: Модовикъ Каселъвоуро изъ Модены (1505-1571) — кризикоиъ и иереводчиоъ Аристоотель, архіепискоиъ и папскій нуицій Домованни дѣлла Каза изъ Флоренции (1503-1556) — ораоръ, авторъ поэмы „Тала, зед“; Аннидате Коро изъ Мерри (1507-1566) — иереводчиоъ Виргилія и Теоокрифа; Бернардино Баледи изъ Урбино (1553-1617) — иереводчиоъ Арафа, авторъ поэмы „Вселіртный позоиъ“, описавиій въ 106 сонеттахъ церкоиъные праздники и въ 52-хъ — иуеводиуелъ по Риму; Домованни Гвидати, они (1500-1541), архіепискоиъ и иравиуель Малерате, писалъ сонеты парриозическіе, хоуа зроуъ парриозизмъ соиитиуельного качесува. По ииитоио поэта, Виалія долои, на владіиесувовахъ надъ миромъ, позоиу что она — резиденция церкви. Подобиые же сонеты писалъ Луиджи Аламанти, Бернардо Камелло (1502-1566), сосланнай за свои политическіе убоиженія и бросивиійся въ иіо, зизмъ, и иисриоъ Доменико Веніеро (1517-1582), одинъ изъ основауелъ венецианской акадеиіи.

Но встать больше ииуеуъ право называеуся соборуенно акадеиическииъ, „классическииъ“ поэтоиъ, въ ироуивоно,

ложности профаналь, сгизавшимъ задачею поэза живое
 и полное своеюсери изображение непосредственно-реаль-
 ной жизни. — Джованни-Джорджо Триссимо изъ Ви-
 генцы (1478—1550 г.), кавалеръ Зологого-рука, вельможа,
 занимавший высокия и погезныя должности при двурь
 папаль. Онъ написалъ ^{вс} 27 книгаль, озаглавленной
 „Освобожденная Италія“ или „Италія, освобожденная отъ
гозовь“ (*Italia liberata da' Goti*). Поэма неуклонно слѣдуетъ
 разсказу Проконія о гозской войнѣ при Велисаріи и на-
 чинается воззваніемъ къ Аполлону и Музамъ, поэтомъ
 сейчасъ-же переходить къ хрисціанскому Богу-отцу, ко-
 зорій сформъ въ сонмѣ благочестивыхъ и созерцалъ днѣ-
 ній людей. Одно изъ его свойствъ — Предвѣдѣніе, говоришь
 ему, вздыхая: „О отецъ, неумели жебѣ те зронить угасть
 Италіи, козоруто зи жакъ давно уже видимъ подъ владою,
 червоить гозовь; прошель уже срокъ, до козораго зме ан-
 гелы должны были держатъ Италію за ея преступіе грѣ-
 хи? Възгной отецъ озвѣчалъ съ утѣдкою: „Догъ мой, я
 именно одъ зомъ-го и думалъ: Онъ уходитъ, рѣшив-
 шись совершить освобожденіе Италіи, и находитъ для згого
 лучшимъ средствомъ, вышущъ во снѣ Иериніану, соправ-
 зелью міра, рѣшившея начать войну съ гозами. За про-
 бунденіемъ визанзійскаго императора слѣдуетъ свѣса
 его зуалеца, со вѣстии канцгерали. Въ згой сценѣ гла-
 ва римскаго государства звлается въ грезвѣщанно малкомъ

съездъ. Онъ хотеть созвать князей имперіи на военный
 съездъ по закону восточному дѣлу, какъ завоеваніе Ураліи,
 и цѣлый часъ надъгиваетъ гулки и засрабляетъ голыка,
 шердинеровъ расчесываетъ свои длинныя волосы. Въ эти
 подробности придворнаго зрѣлища, умѣщенные въ анекдоты,
 гескомъ описаніи слабоумнаго государя, вовсе не
 пригодны для тоса. Съездъ князей имперіи, описанный
 съ самыми скучными подробностями, происходитъ въ церк-
 ви. Описаніе церкви занимаетъ двѣ страницы; одному
скипетру посвящено 14 строкъ. Императоръ съобщъ не,
 редъ окружающими его палачами, герцогами, двадцатью
 подвластными ему королями и баронами, и рассказы,
 ваетъ, что онъ съ самаго восшествія своего на престолъ имѣлъ
 громадное влеченіе къ допросамъ подвижамъ, что
 генеръ, по этому случаю, онъ заблагоразсудилъ завоевать
 Уралію, и возлагаетъ это дѣло на Велисаріа. Тогда
 въ съездѣ поднимается жаркій споръ между Велисаріемъ,
 сроднику когорато державъ Нарсеевъ, и зависливымъ кон-
 суломъ Салидіемъ, поддерживаемымъ королемъ сарацис-
 повъ. Императоръ приглашаетъ членовъ съезда разоидъ
 зисъ по домамъ обидать, а Нарсееву и доброму графу Мса-
 бримъ приказываетъ воззреть войско на морскомъ бере-
 гу, потому что помята сродна онъ самъ хотеть положить
 начало предпріятію. Когда полководцы осязуютъ на-
 единь, Нарсеевъ спрашиваетъ своего зоварница, не хотеть-

ли отъ стерва покушае? Но графъ Лавель, который играетъ роль роля мудраго Несора, утверждаетъ его, что луче, не осудится безъ пѣви, чѣмъ безъ геси. Заключе слѣдующе од. сродземствѣише описаніе болшого смозра; адгюжанри мезаютеъ взадъ и впередъ, вѣсь окна цвѣдны дамами. Ког. да войско двинулось, зрѣбы и инструменуы поднѣли жа. кой шумъ, что земля и небо дрогнули и даже нѣкого, рке лошади испугались. Здѣсь героическій эпосъ близко подходишь къ карикатурѣ. Велисарій полуграеъ зирум графа Мзалии и вицеимператора Запада, и народъ кри. пиль закъ громко, что срановиуея, слышно звѣздамъ. Въ заключеніе совершаеъ гомерическое предзнаменованіе. Два дракона вползаютеъ на первое дерево и ходятеъ уперзубиуеъ пщице, который гнѣздяея на пель, но ихъ убиваютеъ два орла. Мудрый проривидецъ Прокопій объясняеъ, что пщицы означаютеъ Мзалию, драконы гозовъ, а два орла - Велисарія и будущаго полководца империи.

Вторая книга подрашаеъ невѣстному кифалогу ко, радлей, Мліадвѣ и сухильеъ языкомъ, но съ болшого чре. поестю даеъ географическое и сродисрическое описаніе римской империи, ея провинцій, владѣній гозовъ и исго, риео ихъ завоеваній. Съ третей книги ктажи поствъ начинаеъ чгоидаеъ духу своего времени, и вводишь романтическую интригу, неимѣющую съ главнымиъ дѣйствіемиъ поэмы никакой связи. Въ одну прекрасную

ного Юстинъ, племянникъ и наследникъ императора, возвратился на землю у императрицы съ племянницей ея Софіей, влюбился въ нее, и Андрей, козорей своей позади ея, пронзаетъ своей стрѣлою сердце принцессы. Поэтъ даетъ подробное описаніе ея сердечныхъ мученій, а Юстинъ между тѣмъ отправляется въ Мзалию, и его флотъ, по повелѣнію ангела Нептунія, мгновенно переносится въ Бриндизи. Софія неуживима; но императрица обѣщала ей, что она умоляетъ своего супруга отпустить Юстина изъ Мзалии, и употребляетъ для этого все средство, какое въ Младѣ употребила для усиленія Юпитера Юнона, когда она хотѣла догнать побѣду грекамъ. Обстоятельное описаніе речей императрицы отличается только намѣреніемъ поэта возбудить грубое чувство похотливости. Императоръ даетъ свое согласіе на бракъ Юстина съ Софіей. Вдругъ, недалеко отъ Византіи поднимается буря; корабль гонимъ, и полумерзвато Юстина, разъяренныя волны выбрасываютъ на берегъ. Софія отправляется съ горя, но принца спасаютъ; Софія все даетъ прозводіе, и оба получаютъ жизнь и здоровье. Велисарій высасывается съ войскомъ въ Мзалию и уредуетъ отъ гонимыхъ, что они сдали ему городъ Бриндизи. Воздвигаютъ сначала отъвергаютъ это уредованіе, но ангелъ Лазаріо, принявши образъ одного изъ воздвигъ, внушаетъ имъ свой рогъ закой страхъ, что они отдадутъ ключи и очистятъ городъ. Разсказъ этого

совершенно познательного события занимаюсь слишком
 зоо скиховъ. Поэту изображаются даже бои гигантовъ и вели-
 кановъ. Восемь рыцарей отправляются на reconnaissance,
 ровку во внутренность страны. Прекрасная, но коварная
 дѣва возбуждается въ нихъ состраданіе разсказали о на-
 несенномъ ей оскорбленіи, и рыцари, рѣшившись
 отомстить за нее, идутъ къ заколдованному мезоннику,
 у котораго сидитъ Траулосъ (геній зла), передъ которымъ рыца-
 рель. Трою геній созидаетъ на слуги у своей сестры Акра-
 зин (неумертвенность) и вѣнчается съ двумя великанами
 день и ночь сферическѣ мезонникъ, къ которому не должно
 прикасаться чужа смертного. Они зовутся же вызываютъ
 рыцарей на поединокъ, съ условіемъ, что побѣжденный
 будетъ мянникомъ побѣдителя. Семь рыцарей однимъ
 за другимъ уже распрощались на пекки отъ прикосно-
 венія заколдованнаго котца и въ чинахъ отошли къ
 Акразин. Но восьмой рыцарь, не желая подвергнуться
 подобной же участи, убѣгаетъ въ лагерь. Велисарій по-
 силаетъ жуда гвардей другимъ рыцарей, козорне полура-
 ютъ отъ ангела соборъ и наравленіе, какъ разрушаетъ
 гары волшебнаго мезонника. Мезонникъ зрѣвъ образовалъ,
 ся изъ слезъ Арезы (доброты земли) въ то время, когда съ нѣ-
 мянница Синезид (мудрость) была умиривлена Акрази-
 ей; и такъ какъ эти слезы обладаютъ силой исцѣлять
 всякое зло и уничтожаютъ гары волшебства, то Ареза и

въ догери поставлены, подъ сурогий арсезъ, а ифогнико
 охраняется Фрагласомъ, вооруженными заколдованными
 оружіями. Ангель дасъ одному изъ рыцарей шлемъ и
 щизъ, прозивъ козорный безсилно вѣдкое волшебство, а
 другому рыцарю совѣзеть во время боя подбѣжать къ
 ифогнику и, запертыи изъ него вода, плеснуть ею въ
 лицо Фрагласу; — тогда умилостивится ггародъ и сѣво. Таки
 рыцари и сѣвали. Фрагласъ подбѣзденъ и долженъ
 отвезти рыцарей къ сестрѣ своей Акрагид, козорая, послѣ
 долгаго сопрозвѣленія, принуждена наконецъ дать
 свободу пѣнныи рыцарямъ и вытѣснить изъ зем-
 ницы Арезу. Ареза полураецъ свое царство и оказыва-
 етъ болшую помощь подбѣзденнымъ.

Ораленная книга „Освобожденной Италіи“ (Italia
 Liberata...) замѣтна описаніемъ успѣховъ византийскаго
 войска, бурь, завоеваній, поединковъ и въ цѣломъ пред-
 ставляетъ исторію Прокопид, изукрашенную разными
 поэтическими вымыслами. Велисарій въ Римѣ осади,
 день гозами. Предводителемъ имъ знаецъ, что папа Свѣ-
 всвѣръ, обязанный своимъ саномъ гозскому королю, —
 зайной братъ римлянь, и что вообще паперы губувуютъ
 какое влеченіе къ земнымъ благамъ, „что продали-бы
 за деньги всю вселенную“. Поэтому воздѣ гозовъ по,
 свлаецъ папѣ подарки и гозъ обѣщаецъ озворить ему
 воруза Рима. Но Богъ посылаетъ своего ангела Немекия

(мессе) открывает Велисаріо эту измѣну. Велисаріи ве,
мать арестовывает папу и созывает весь римскій народъ,
чтобы посовѣтоваться, что дѣлать. Другой ангелъ, Пал-
ладій, играющій роль Мисерва, советуетъ низложить
папу похищенку, чтобы не подаст повода къ волненію
въ народѣ. Позже засрабляющъ его раздраженъ гнѣвной
речью прозываетъ мать, «козорне еще явятся въ міръ».

Замѣчательно, что Триссимо, занимавшій высокія
и почетныя должности при двухъ папахъ, — позволяющъ
себѣ такіе резкіе и шесюкіе нападки на Людовіана-
тіе, властолюбіе и роскошь римской Куріи. — Въ сильныхъ
словъ ангела видно, какъ осязательно сознавалась тогда
всѣми позредеюще реформація, и какъ особенно ценные
позже проникнушы были эфирны идеями, козоровъ, виро,
гель, никто изъ Эпиковъ не высказывалъ такъ смѣло
и такъ прямо, какъ Луисги. Позна Триссимо написа,
на пѣдисронтальнъ перисловатнннль срихонъ, изобрѣде-
ніе козорого приписываетъ ему и Мламани. Козъ
Триссимо е говоритъ, что отъ слѣпо идеъ по слѣдамъ
Томера — позна его презвѣлаино слаба, а герои, принадле,
тащѣ къ развратному византийскому двору, до того
нижнннннн, что всякая здравая мысль выжмаетъ или
во снѣ ангелонъ или заинтересннннн виднннннн. По,
эма не имаетъ никакого литературнаго значенія, или
имаетъ лишь малое литературное значеніе, но важна

для исторіи эпохи въ томъ смыслѣ, какъ ее понимали
 италіянскіе ученые. Гимнъ небеснаго царства составле-
 ны поэтомъ по образцу іерархическаго двора въ Римѣ
 и, сообразно схоластическому распределенію, подъ име-
 нами ихъ олицетворены и канонизированы разныя
 христіанскія, іудейскія и даже языческія идеи. Тамъ,
 напр., въ началѣ 21-й книги, на небесахъ собирается
 верховный советъ одъ умплюзменіи годовъ, и поэтъ зна-
 комитъ со всеми придворными чинами небеснаго
 царства. Богъ-отецъ открываетъ застѣпаніе въ своемъ двор-
 цѣ, который ему построилъ старый Вулканъ. Дворецъ
 эгого поэты называетъ иногда Олимпомъ. Вокругъ бога-
 отца группируются все его свойства и силы, въ образъ
 его дочерей; дальше сидятъ интеллектуалныя планеты,
 между которыми безърогатовъ и греческія ^{и римскіе} боги, — Сатурнъ,
 Юпитеръ, Марсъ, Аполлонъ, Меркурій, Венера, Диана (какъ
 Луна); потомъ интеллектуалныя неподвижныя звѣзды, —
 Орионъ, Цезрей, Кассіопей, Ариадна, Персей, Хиронъ, Ан-
 рея и др.; дальше ангелы небесныя, которые въ вѣрны
 исполнители и рѣшители земной и поручено руководима
 дѣятельности людей. Вотъ эти низшія божества носять
 умуца „вѣщныя суджанціи“. И въ этомъ небесномъ со-
 ветѣ христіанскій поэтъ заставляеть христіанскаго бо-
 га изобрѣтать на погидалъ годовъ разныя лихвороды, из-
 мѣны, предазелскіе сны и другія неслезивыя средерва.

История врандэнской литературы XVI ст.

Можно сказать, что Эгозъ Эносъ — описание войны грековъ, подъ предводительствомъ Велисарія, прозвѣвъ готовъ въ Мзалии. Кроме того Эгозъ Эносъ предраздѣляетъ подражаніе Виргилію, исполненное съ тисзо-ануикварского основательностью, но при полномъ огузервѣи паллѣи, много поэтическаго вдохновенія.

Славу сдѣлала Птриссимо не какъ эпическій, но какъ драматическій писатель, ибо съ его трагедіи Софронисба (1514 г.) тридцать стижаръ начало врандэнской драматикѣ; кроме того тиссу Эзу надо стижаръ первой трагедіи, въ современномъ значеніи этого слова. Подражатель древнѣе, Птриссимо соединилъ въ Эгозѣ произведеніи классическую прологу съ романтической интригою. Въ хорахъ и вообще въ лирическихъ мѣстахъ, поэты нередко возвышались до неподдельнаго навоза.

Дѣйствіе происходитъ въ Цирры, главномъ городѣ Нумидіи; тисса начинается длиннымъ разговоромъ между Софронисбото и ея наперстницей, Эрминіей. Царница, жондетъ предугубривіе и желая облегчить свое горе, рассказываетъ о судьбахъ Карвалена оузъ придвизія Дидоны въ Африку до сраженія при Замѣ. Эго длиннѣйшій и скучнѣйшій рассказъ (въ 99 сужловъ). Позомъ царница объявляетъ, что войско ея мужа Сиракса сфужъ у города, готовое вернуться въ бой съ римлянами, но это ее привелъ въ сущеніе вѣщій сонъ. Эрминія озвощаетъ

ей Эврипидовскими сензациями: „въ земной жизни не минуешь горя; даже и родилась ты не безъ болѣзней“ и т. п. Выходя въ зѣль она соблазнула царницу помыслы и принесла смерть. Софронисда уходитъ исполнить со- вѣтъ наперстницы. Является Коръ, разсудивающій о зѣд- номъ положеніи города. Приходитъ въсвѣтникъ и разска- зываетъ о порабощеніи и плѣнѣ Сиракса. Софронисда разливается въ жалобахъ: „черезъ море, рабыней, долгина въ бѣду иду къ римлянамъ; кто-жъ! лучше умереть!“ Но Коръ не соблазняетъ ей, предавая себя смерти, ибо, говоритъ, отъ словани Эврипида, — смерть болѣе зло.“ На это Софронисда озвѣщаетъ срыбани, принадлежавшими къ муч- шимъ въсвѣтъ трагедіи:

Сокровищу подобна наша жизнь:

Немгъ его для низкихъ цѣлей зѣрнугъ;

Но ужъ за то не должно и шадитъ

Его для дѣль, касающихся чести!..!

Приходитъ другой въсвѣтникъ, увѣдомляетъ о прибу- жии Масинисси въ Цирку и показываеъ его царница съ балкона. Король овладеваетъ ужасъ и удивленіе; яв- ляется Масинисса; Софронисда привѣтствуетъ его длинной рѣчью:

Небо, счастье, зѣва храбростъ дали зѣбѣ, что ты мо- жешь зѣмеръ посудитъ со мною какъ зѣбѣ вздумается. Я не прощивлюсь судьбѣ; обѣ одному лишь прошу —

1) Переводъ В. Косоголарова; изложеніе трагедіи также по его разбору.

голко обь одноль: тогда же самь распорядилсь моею
 учасью. Обь зголь умоляю я зедя во имя сана царского,
 козорнй голко-то принадлежалъ имъ, во имя боговъ
 згого города, принявшихъ зедя благосклонно. Ты вьде
 землякъ мой; какъ оне какъ и я, родилсь во Африкѣ, я
 обьзана мною къ своему созвездьветнику зу добьран.
 мось, въ козорнй долонна оуказатъ врагу и гьнеземлю.

Эта озорожная, оу слова до слова възражъ у Либйя,
 просьба, не зрогаеть Масимиссу; онь обьзаетъ голко
 Ходарайсрвовае у римлянъ за свободу Софонисда. Но
 царича не прекращаетъ свои молбь:

„ Съ зобой однимъ ногу я безъ бьвзми
 здохъ говоритъ; хотъ сердце обвазилъ имъ
 Глубокій срьдъ, что я въ зяжеломъ горѣ
 Лимъ жалобъ чьмь наводитъ...

Но все-таки и мнѣ оурадно думать,
 что доброй поньзю горе близинихъ...

Осмьлясь зедь прозворогитъ,
 Кто будеть какъ килмь и дерзко гордъ,
 что изъ богачевъ безчисленной добычи,
 Лимъ меншицу оспоритъ у зедь?

О, дай мнѣ зо, о голь зедь молно я;
 Дай, ради зой руки подьдоносной,
 Козорую смьренто я чьмьчу.

А если же находимъ невозможнмь

Скажи меня охъ прозвона римлянъ—
 Такъ дай мнѣ смерть!... Возвѣщало о которой
 Въ послѣдній разъ зедя я умоляю...

Масинисса даетъ наконецъ обѣщаніе: пока она
 живъ, Софронисда никогда не будетъ въ рукахъ римлянъ.
 Оба удаляются, чтобъ обсудить свое положеніе. Хоть разъ
 сурдаеть о горькой судьбѣ Нумидіи и надвѣрся на
 лучшее будущее. Двѣрся Лелій, второй вождь рим-
 скаго войска, и спрашиваеть о Масиниссѣ. Сурвонъ
 ему даетъ вѣстникъ. Онъ разсказываеть о томъ, что
 чинъ извѣстно зривляеть, — именно о свиданіи Со-
 фронисды съ Масиниссой, — и о томъ, чего еще не зна-
 ютъ: о свадьбѣ царицы съ нумидійскимъ герцогемъ.

Длинный разговоръ зривъ вѣстникъ продолжаеть
 такъ: Царица удалится на пыскавско мунуръ для
 успокоенія. Масинисса погрузился въ глубокую думу
 о томъ, какъ бы ему исполнилъ свое обѣщаніе; позомъ
 онъ послалъ къ Софронисдѣ извѣщеніе: чтобъ она
 ничего не боялась, — ибо онъ хотеть вздръ се себя въ су-
 прыги. Софронисда озвѣщаеть, что для нея было бы грѣзъ,
 богаино пріязно вайдри захуотъ за государя, кото-
 рому она еще президе предсказана была въ супры-
 ги, роуско ей сурдино такъ скоро отказаеть охъ своего
 мотного мужа. Масинисса приказалъ ей озвѣститъ,
 что павъ другого средурва обезпечитъ ся свободу; она

должна выбрать или бракъ съ нимъ, или разводу рим-
лякъ. Софонисба решилась. И, не смотря на ропотъ
народа, тотчасъ же совершилось бракосоездание.

Позвольте оны описывать весь брачный торжество, не опис-
кая ни малѣйшей подробности. Приходить Масинисса,
и Лелий начинаютъ съ нимъ длинный споръ о непри-
личии его образа дѣйствій. Масинисса отвѣчаетъ на это,
что римляне обѣщали ему воздѣланность весь его проза,
и въ права; Софонисба была за него помолвлена, притомъ,
де только ее выдали за Сиракса, — стало быть оны имѣетъ
на нее право; поэтому римляне должны освободить ему
Софонисбу, если не захотятъ нарушить договора. Коръ,
со своей стороны, проситъ пощадить царицу. Несговор-
чивый Лелий хочетъ увести силой Софонисбу; Масинис-
са грозитъ, что оны будетъ сопротивляться. Является Ка-
зонъ, супругъ Лелия, и совѣдуетъ предостеречь Сизини;
оны решение распри; Масинисса соглашается.

„Я былъ бы подлѣ, преступенъ и злослава,
Когда-бы вамъ супругу дорожную
Дать силой вырвать; но — я подданный
Правдивому решению Сизиниона.“

Примиренные герои уходятъ, и Коръ высказываетъ
вновь свои надежды. Тогда является Сизинионъ; ему
предсказываетъ Сиракса, который говоритъ о супружествѣ
Масиниссы и Софонисбы то же самое, что и Лелий.

Римлянина приказывае съезъ идти съ Сифракса и отвезти его подъ погребный арсенъ. Когда-же являеся передъ нимъ Максимисса, — онъ благодаритъ его за храбрость ока, занную имъ въ послѣднемъ сраженіи, но вѣтеръ съ тѣмъ удивляеся его неблагообразному поведению. На, прасно сфраксера оправдае себя Максимисса: вѣтъ уже извѣстно, говоритъ онъ, — что именно за ро я и сражался прозвѣ Сифракса и Карбагена, что у меня отняли руку Софронисды и отдалъ ее Сифраксу; но если-бъ я также и погрѣшилъ относительно Софронисды, мои подвиги, конечно, должны засравить забвѣ эту ошибку. Циционъ отвѣчае ему, что онъ болѣе зорко понаблюдаетъ съ Софронисдой, но не шенится на ней. Когда Максимисса везу, нимъ въ союзъ съ римлянами, ро, исчисляя свои права и требованія, онъ и не поминалъ о Софронисдѣ. Софронисда, какъ супруга Сифракса и дочь Асдрубала, создав, ляеся насрѣ доблчи римлянъ. Впрочемъ, за рошениель этого вопроса слѣдуеъ образуетъ къ сенату, козорый, по, терь бже, и отдаеъ Софронисду Максимиссѣ. Хотя эти прижити и ничего не отвѣсляютъ африканскому принцу, но у Цициона много войска, и Максимисса черу, таяеъ, прося зорско даъ ему вренд обдунаеъ, какъ не, полнитъ повелѣнія римлянъ и вѣтеръ съ тѣмъ софр, таяеъ слово, данное Софронисдѣ: пока онъ живъ, не предаваеъ ее въ руки враговъ. Циционъ соглашаеся

даже ему оусроку. Все уходитъ, и хоръ повзрѣеу древней
сензеници о силъ Амура. Тогда явлѣея вѣсненики —
и говориу, что Софонисба, облекшиа въ царевенноя
украшенія, хощеу иди въ крааь, праздновау свой бракъ
горнесувеннѣе шерзвотрипоменіеа. Хоръ разскае.
баеу вѣсненику, что между зѣаь произошло, и зриуе.
ли во взорѣ разъ выслушиваюу разговоръ маситисси
съ Сципионѣа. По уходѣ вѣсненика хоръ отлаживаеу
угасѣ Софонисба. Явлѣея слушанка и объявляеу, что
когда царица хотѣла принеаитъ шерзвѣ, къ ней при-
шель посланцеу маситисси съ кубкоаъ яда и сказау:

„Мой господиу прислау мѣа, царица, —
Сказау редѣ, что онѣ би и охотно
Меполнилъ зо, о чѣаь зѣа въ первый разѣ
зѣа просила; онѣ, какѣ зѣаи сунууа,
М бѣеу зѣаго обязау зѣа зѣауа;
Но зѣа какѣ онѣ и самѣ въ себѣ невласрѣа,
Хотѣлоу би еау, по крайней мѣрѣ,
Сдержанау свое взорѣ обѣщансе:
Что зѣа, пока жива, не попадеа
Въ чужіа руки; онѣ велиа напоитиуе,
Что зѣа сама зѣаеу абуеа можеа
Досройнѣа своаъ великиа предковѣ...
М весело взѣла царица кубокѣ.
Сказау: смѣи оубѣеу мой господиуу,

Это первый даръ, который онъ послалъ
Своей жемчю, — охотно примяръ его."

Позомъ она благодарила боговъ; колмлась за своего
маленскаго сына и за довармца своего несчастья, смъло
воинила Ядь, безъ слезъ и безъ жалодь, распорядмлась
своимъ похоронамъ, просумлась съ жемчюжмкомъ и
просумла просумъ ея, если когда нмбудь оскорбмла мхъ.
Но Ядь дмтервовалъ закъ редлетно, что Софронмса по,
являея еще разъ на сценъ, — промцаея съ солнечмкомъ
свѣтомъ, и благодармтъ хоръ за его угасея. Она порумцаея
позомъ намрестмцмца Ирмнмю своего маленскаго сына,
просумъ умесум ея въ какое нмбудь безопасное мѣсто
и воспумцаея; но Ирмнмю не хочея перемумъ своего пове,
мжельстмцмцу. Цармца насродрельно просумъ ея не удм,
важъ себъ; онъ момуя еще безрмцумся въ загробной жмз,
тм; ея дмзъ мумцаея въ помечетмхъ мазери. На,
конецъ Ирмнмю обмцаея умозредмтъ все смлы для
перемесетм жмзм. Мемду намрестмцмцей и цармцей
завъзвмваея длмтмюмъ заговоръ:

Софронмса. Ирмнмю! жм потерм мямъ;

Я спановмюся слабъе и слабъе,

И мракъ мочной уме покрмвъ мямъ огн...

Ирмнмю. О, горе мямъ! не разеравймся съ мамъ!

Софронмса. Я не мому... вѣдь я умъ на мумъ.

Ирмнмю (подавая ей редетма). Прмподмлма ея къ себъ, мамумкъ

Так хочется поцеловать тебя...

Софронисба. Ах! не могу я.

Корь.

Богъ пошлѣ ей миръ!

Софронисба. Я умираю; будьте все счастливы. (Умираетъ).

Корь сожалѣетъ о безвременной смерти несчастной; принимаетъ даже замесуваетъ у древнихъ трагиковъ греческое восклицаніе *Oimoi!* (уби мнѣ), козоришь она по охотѣ напинаетъ свои жалоба. Корь проситъ ее успокоиться: не она первая, не она послѣдняя испытываетъ такое горе.

Этимъ трагедія могла бы и кончиться, еслибъ ма, ситисса не пришла въ голову новая планъ: она на, дворян погубо займо увезти Софронисбу изъ Карвагена, и поэтому хочетъ ее предостеречь, чтобы она не приняла яда. Но это уже поздно, и Маситисса узнаетъ то же самое изъ устъ Кора. Призываетъ Маситисса не про, износитъ обильныхъ фразъ отчаянія и горя. Она дѣла, етъ гротеско сурражное восклицаніе:

«Но разве ядъ болѣе жутка въширъ око?»

Позовъ она распорядилась похорогами и опукала, етъ Эрминито въ ея оулетство. Корь кончаетъ пьесу разными, лентивми о жизни надеждъ человѣческихъ. —

Триссимо сурого дорманя единаева масса и это- первая итальянская трагедія безъ ривовъ, писанная сиче, маньями ^{и пѣль} сфизами (*versi sciolti*). Недосказки пьесы

досказочно обнаруживаются изъ ея содержанія. Самыя
 существенныя событія тѣсны: рѣшимость Масиниссы
 спешится на Софронисду и ея согласіе на это, присылка
 къ дяди Софронисды и мужику, съ козорилью она вытн,
 ваеъ смертной кудожь, — те происходять на сцену, а
 разказаны зрѣтсиль мисомъ. Однѣ зомско характеры
 Софронисды выдержаны, оуражные лишены всякого ин-
 тереса. Мелій, Каронъ, Сципионъ — безхарактерны, а Ма-
 синисса — смѣсъ мужества и дружески, влюбчивости и равно-
 душія. Особенно скученъ хоръ, въ козороуь подражаніе
 матеръ грековъ невинности. Но несмотря на многесво
 недосказковъ, драгедіа „Софронисда“ имѣеть большое мѣсто,
 разурное значеніе, — какъ первая правильная драгедіа
 новаго времени. Ученѣ одна идея создае такое звореніе
 и ученіе удовлетворительно справится съ нело, — она
 руниваетъ въ Триссинно выходящій изъ ряда обикно-
 венный талантъ поэта. Триссинно проложили доро-
 гу, по козороуь шло многесво италіанцевъ и фран-
 цузовъ. Такъ ^{новр.} это современники и послѣдователи, Дюно,
 ванни Ручеллан (1475—1525), прозопоэзія Лева I, сурого
 держался манеры своего предшественника. Какъ въ Триссинной
 Софронисды, — діалогъ „Розамунди“ Ручеллан
 написанъ въ versis sciolti, а хоры въ формѣ канцонъ.
 Еще въ зеченіе XVII столѣтія на французскомъ языкѣ
 явилось нѣско переводовъ или подражаній „Софронисды“.

Спущая его лодку посылъ Триссинго, Мере (Mairet) въ своей
 „Софронисба“ создалъ трагедію, которую и теперь еще фран,
 цузцы считаютъ первой правильной трагедіей своей сцены.
 Эрозъ же сюжеть обработалъ Корнель (1665). „Софронисба“ Ла,
 грантъ-Шансель (1716) скоро исчезла со сцены. Вольтеръ,
 уже въ глубокой старости (1770), тоже принимался за эрозъ
 сюжеть; но его „Софронисба“ не что иное, какъ передѣлка
 трагедіи Мере. У англичанъ написана „Софронисба“ Томъ,
 сонъ, поэтъ „Времены года“ (The Seasons). — Эта трагедія
 появилась въ 1758 году въ немецкомъ переводѣ Тома,
 на Гейнриха Шлегеля. Переводъ эрозъ замѣчательнъ тѣмъ,
 что въ немъ первый разъ употреблены нарицательныя дѣла,
 употреблявшіяся въ тѣхъ торъ посредствѣмъ разныя
 немецкихъ драмъ. Наконецъ у насъ написана „Софро-
 нисба“ Яковъ Борисовичъ Князьинъ, членъ российской
 академіи.

Возвращаясь къ Джованни Джорджо Триссинго, надо
 сказать, что съ его трагедіи „Софронисба“ (1514г) почти
 сразу началось начало французской трагедии.

Пьеро Аретино и писатели одного
съ нимъ направленія.

Между тѣмъ какъ пошлѣе, въ началѣ XVI сто-
 лѣтїя, французскій народъ подверженъ былъ ужаснѣйшей
 сени и владычество гугенотцевъ побуждали болѣе бла-
 городная природа насрощена въ смыслъ нравственнаго

самоуглублений и больше серьезного отношения к ним, тогда как наука поверхностная и глумившаяся, городская, естественно, падали еще гораздо ниже, только это могло бы случиться при иномъ обзоре, — при, конечно, параллельно съ усилениемъ страха и вилье не, взгодъ Мэралиа, разрослась до самого дерзкаго и безобразнаго цинизма, достигнувъ своей наивысшей точки въ литературныхъ произведенияхъ и даже, можно сказать, въ самой личности Пьетро Аретино.

Arétino

Пьетро Аретино или Пётръ Аретинский (з.е. ^{родился въ 1492 г. въ Аретино} Аретино, 1492 — 1553 или 1557 г.), выросъ, не получивъ ни какого образования, кромѣ знакомства съ итальянской литературой, приобретеннаго имъ въ мастерской своего хозяина, бывшего переплетчика въ Перуджи, и въ 1517 г. отправился искать счастья ^{въ Римъ}, гдѣ басурно и приобрѣлъ себѣ извѣстность своими безобразными сонетами, сатирическими и юмористическими стихотворениями, но въ то-же время своими злобными нападками очень нажилъ себѣ не мало враговъ, козоровъ отъ, однакожь, за извѣстную плату всегда готовъ былъ осыпать лестью и похвалами, какъ своихъ покровителей. Этого назойливаго попрошайку боялись и знавали не только императоръ, короли и князья, а и покровительствовали не только папа, и современники дали название божьему, божнаго (il divino Arétino): но онъ еще домогался

кардинальского звания и разослалъ ко вельможамъ лотар-
ханъ, не исключая самого императора, медалъ, котораго
приказалъ для себя выдать и украсилъ съвѣдующего над-
писью: *Divus Petrus Aretinus flagellum principum*
(Божественный Пётръ Аретинский, бичъ государей). Пос-
лѣ разнаго рода похлещеній онъ поселился наконецъ,
въ 1527 г., въ Венецію, откуда, предсказуемо изъ-за
венеціанскія отношенія, держалъ въ посредномъ стра-
хѣ не только вельможъ принцевъ и имѣлъ знаменитыя
лицъ Урлин, но и почти вельможъ ^{родомъ} лотарховъ въ зброткѣ
своими безпрестанными переходами отъ самой гонимой
злости къ наилучшей лести, благодаря чему и взи-
малъ со вельможъ солидную контрибуцію. Смерть этого
человѣка, разбразнѣшаго изъ вралѣнскихъ поэтовъ,
была достойна его жизни и его звореній. Когда ему
разказали нѣсколько анекдотовъ скандально-разбраз-
ной жизни его сестры, — на него пришелъ такой припа-
докъ стыла, что онъ упалъ навзничъ со стула и сло-
малъ себѣ шею (въ 1553 или 1557 г.).

Явленіе этого челоѣка въ вралѣнскій литература
въ высшей степени замѣчательно, и ярко характеризу-
етъ время и народъ, къ которому онъ принадлежалъ. Въ
своихъ срихзвореніяхъ циничныхъ, но полныхъ жизни
и яркихъ красокъ Пьетро Аредино изображалъ безсуд-
ную распухатность своего времени и безнравственную

напущенности, сопровождавшему его содерзвенное спасрливое
 существование. Казалось, что сознание разницы между
 зтомь, что справедливо и что нязь, у Аретико было не
 многимь ястие зтомь у безсловналь скозювь, но за то
 онь обладаь зотчайшимь курсель относительно всего,
 то вь данную минуту благопрідзервовало и боло до,
 срутно ему, зачь зто, вь сущности, озмодь не прозиво.
 рьгизь сь его общиль характероль зорь фразь, то онь,
 авзорь „Сзраисрбуующей блуднищи“ (*Pittana gigante*), подь
 конець своей жизни, сь насущилемь конурь рефор.
 национнаго движенія, сочиниль богословскіе зфраза-
 зы и облигаль „беззріднуо андихристіанскую пагозу“
 фрмурь Микель Анджеловскаго Сзрашнаго Суда. При
 всемь зомь Аретико обладаь несомнннмь позрже,
 скиль залануоь вь содерзвенномь смысле слова, а не
 золько вь области шузовски или грубо-комическаго. Онь
 написаль не золько безгисленнвй сочиненія вь сри,
 халь и прозу (*sonetti Lussuriosi, Rime, Stanze, Capitoli,*
Radionamenti piacevoli, Lettere и пр.), изволь рьдць
 комедій, но и зфрагедію, заслуживающую, между без-
 гисленнмь мноисеуболь зфрагедій, зтой эпохи, особенна,
 го вниманія. Это — „Торацид“ или лучше „Орація“.

Прославившійся своими грядзными произведеніями,
 Аретико выбраль для своей драмы андичинвй, сергез,
 ной сюжеть изь самаго блисфазельнаго періода римской

У Вь изажданскость, кь не произносась или вовсе нязь

испорит, полного пламенной любви к отчизне, свободе и строгой правдивости. Содержание пьесы составляет борьба Торацкиев и Куряцкиев; автор сурово придирчив. Везде рассказа Лавида. Первая акция начинается выборами messi бойцов. Радость старого Торацкии несколько нарушена тем, что дочь его, Целия, помолвлена за одного из друзей албаноуских юношей, и закинь образом ее, лейскому счастью угрожает опасность. Целия, мануланная зловещими снами, жалуется кормилице на жесокую рок, оставивший ее между Брагьями и возлюбленным и уничтоживший ее счастье, какая сторона ни подошла. Еще больше смущает ее приказание отца идти в храм Минервы, убоинать алтари и молить богиню о подьбде римлянь. Второй акция полон трагических сцен, как: смерть сарика Торацкии, рассказ о подьбде, о смерти двух его сыновей и подьбде друзей, радость римлянь, составляющая страшный контраст с горем Целии, до такой степени забывающей, что она, как римлянка, тоже должна-да радоваться подьбде отчизны, - что ее без чувств уносят домой. В следующей акции на двери храма вешают профен. Сердце Целии еще более раздирает разговор с двумя римлянами, рассказывающими все подробно про подьбда. Она узнает между друзьями одесду, которую сама ткала и подарила своему жениху, и с

воплемъ изълежеть эту одесиду. Подъидицеля ведуть въ урочн.
 фрѣ; Целія не пошеть сержанъ своей горести и вѣдѣшен.
 мой братель закалываеъ се. За это онъ позванъ къ суду.
 Царь Тулль переносишь дѣло къ думавирамъ, козорые,
 козорые, не смотря на все удивленіе къ Торацію, какъ
 къ спасителю оугесрѣва, признають его виновнымъ и
 приговаривають къ позорному наказанію розгами
 и повѣшенію. Старый Торацій защищаеъ его съ пла.
 метнымъ и могучимъ красноречіемъ, а свѣтъ аппели.
 руетъ ко всему народу. Въ послѣдствіи акръ народъ
 собирается на форумъ. Оуецъ оудѣ предпринимаетъ
 защиту сына, и какъ какъ сомнѣваеъ въ честихъ сво.
 ей защиты, то просишь, по крайній мѣрѣ, милосердія,
 рекъ за своего послѣдняго сына, козорого онъ, плака,
 считаеъ въ своихъ объзрѣихъ. Народъ зронушь и связ.
 гаеъ наказаніе, замѣнивъ смертную казнь повѣдені.
 емъ подъ ярмо съ покрывомъ головой. Торацій съ негодо.
 ваніемъ оувергаеъ эту милосердія и оскорбляеъ придли.
 зившагося микрора, что оубооруживъеъ прозивъ себѣ народъ
 и добиреъ казни. Вдурнь раздаеъся громъ и молнія, слы.
 шився голосъ Юпитера, повелѣвающій народу успоко.
 ирся, а гордому подъидицелю — подчинитиъся наказанію,
 позому что онъ приобрѣдеъ еще большую славу удо,
 влѣзвореніемъ, козорое даеъ государству, закону и
 правосудію. Этого голоса слушаеъся и Торацій.

Выбор и обработка этого сюжета обнаруживает за-
лапзу замечательный, который мог бы составить эпоху
в драматической литературе, если бы не попал на печаль-
ную дорогу, — не прилетел ^{к месту прогима} (такое неестественное сред-
ство, как, напр., деус ех машина). Но древние римляне
не характеризованы живо и сильно; поэты ловко вос-
пользовались для этого различными движениями губерва,
произведенными коллизией событий. Торе Целлии переда-
но превосходно. Такие угрозы и в старом Пуб-
лий-Тораций сносит древне-римского духа и непоколе-
бимой энергии с невинностью отца, защищающего сво-
его единственного сына. В споры с дуумвирами береть,
кажется превосходный мотса, как, например:

Дуумвиры. Глубь и слепота законь —

Публий. Хорошо, если мой сын убил сестру, пусть
его накажут; я сам накадал бы его, если бы это было
факт.

Дуумвиры. Так что-же сделал твой божественный сын?

Публий. Он изсушил эти неслезивые слезы, завидо-
вавший славу римской.

Вообще язык неса срыв и серьезень. ^{несколько на весь недоуздок} трагедии Аретино
иногда закон целаль, что, сра муть поэме, в XVII столетии,
великий драматик Корнейль, автор французской
драмы, ее обработал для французской сцены и его, То-
раций были признаны классическими и до сих пор

то слава предъ судомъ „Академии“, „Двора“ и „Города“. Дати, Ардино написала пять комедий, въ высшей степени остроумный и непристойный. — Мы съѣлаемъ анимализмъ только одной комедии Пелла Ардино, чтобы пока-зать, какъ при всей незначительности содержания, обзоръ умѣлъ ввести въ пьесу множество сценъ, далеко уклоняющихся отъ предмета, но увлекающихъ своимъ блестящимъ остроумиемъ. Комедия эта называется „Cortigiano“ (Куртизанка, Придворная). Симонъ Мако, исполняя завѣщанье своего отца, прѣзжаетъ въ Римъ съ зверемъ на материнѣмъ приобретени кардинальской шапки. Тамъ узнаетъ онъ, что для этого совершенно необходимо съѣ-даться сначала придворнымъ. Для этого Мако беретъ себѣ въ учителя придворнаго искусства маэстро Андреа, плохого живописца. Когда форсъ заключенъ, живописецъ уходитъ за своимъ сочиненіемъ объ этомъ ис-кусствѣ. — Сцены антракта, между первыми и вторыми явленіемъ маэстро Андреа, исполняются слугами, по-тешающими публику балагурствомъ. Позомъ маэстро Андреа даетъ свою первую лекцію, наполненную сатирическими намеками на папскій дворъ. Вмѣстѣ съ этой интригой черезъ пьесу проходятъ еще другія. Симонъ Параболано приводитъ въ Неаполь и влюб-ляется въ Либію, жену Луизио. Онъ выкупилъ самого себя и людей своихъ этого займого сурасомъ, пока его плуто,

вазой и раздвинутой суга Россо не рывшимся надуть
своего барина и извлечь для себя выгоду изъ его сфраси.
Завязываеся колкий разговор между двумя лакевками,
которые сравниваютъ дворъ и сенборим добраго срагаго
времени съ новыми. Позомъ слѣдуетъ веселый и безъ
церемонный разговоръ между Россо и одной пудлив.
мой особой, Алсвидицей, которая съ болшими торжествами
жалуется, что ея господа сознали въ качествѣ вѣдьмы,
и за какія пущряки! Однажды, по дружбѣ къ кучкѣ,
она дала кучкѣ неслыханно яду, другой разѣ лишняго
реденка закинула въ раку, и въ зрезіи — одну прокла,
зую ревнивицу такъ пихнула, что за кубарель скари-
лась съ лестницы и сломила себѣ шею. Она заклю-
чаетъ свой оубраженый панегирикъ похвалою но,
растивимъ качествамъ покойницы: „А уясъ совсѣсно
какая была у этой женщины. Наканунѣ дѣлова-
днѣ она въ розѣ не брала мясного, на рождество
посудилась только яблочкомъ и виномъ и весь постъ,
словно оумелница, прибавляла только съвѣщенъ,
киши яичкави“.

Все это наполняея цѣлую сцену и только въ кон-
цѣ являеся намекъ на пущрицу: оба уговариваеся
надуть Парадолано, и для этого Алсвидица должна вы-
дѣе себѣ за мянску Лави. Слѣдующая за тѣмъ сцена,
на ни на шагъ не подвижаеся двѣ сцѣ: Парадолано

разсуждаешь со своимъ слугою Валеріо о томъ, что
 времена плохи. Въ зреломъ выхождъ Россо и Алъ,
 виднѣя, сообщивъ другъ другу свои жизнеописанія,
 угобариваются подслушавъ Параболано, вѣтсго Ливіи
 булогнищу. Завтра слѣдуетъ безкомечна: длинная
 совершенно гнидая пестель сѣна, вѣзавленная зорско
 для того, чтобъ усами двухъ лакеевъ скажарт панемъ,
 рикъ вѣтсго зовазномъ венеціанцамъ и другимъ
 милосервцамъ Петра Арехино. Въ слѣдующій сценѣ Рос-
 со говоритъ своему господину пѣсколко зльмъ эниграмъ
 на палу и кардиналовъ. Между зльмъ Мако, который
 унѣ надуръ, обокраденъ и обмануръ, — заславляющъ въладе
 невообразимая глупости, утвердя, что факъ посрѣдуютъ
 все придворные. Завтра онуръ начинаеца советъ въ пе-
 ндущій къ долу разговоръ между духовникомъ и Алъ,
 виднѣя. Личностъ злого пона очерчена превосходно.
 Между зльмъ какъ Мако, запрязанного въ большой ко-
 зель, грязнымъ способомъ превращающъ въ придворнаго,
 Алъвиднѣя угобариваетъ булогнищу на свиданіе
 съ Параболано, переская свои безбожнныя рѣчи текста-
 ми изъ молитвы Господней. Сверхъ того разная мошен-
 ническія продѣлки слугъ раскрывающъ акръ до невоз-
 можности. Мако вышелъ изъ козла; онъ снуряетъ себя
 унѣ совершеннымъ придворнымъ и восклицаетъ:
 «сегодня я хочу быть епископомъ, завтра утромъ карди.

наломъ, а къ вечеру тапой. Поставъ мнози съзва поэты,
 нѣмль приключеній, како и Параболано сходьдетъ вѣнцы,
 замѣчаютъ оба, что они надуты, сдараются урѣшишь другъ
 друга и, насколько возможно, поправитъ свои обещанья,
 съва. Параболано говоритъ: вась возъ ^{сидеть, сидеть, сидеть} оудули, а вы оиды
 поправились. А сколько приходивъ въ Римъ гораздо
 въ лучшемъ положеніи, и уходивъ домой оудуле, не на,
 ходя не зодско никого, кто бы помочь мль поправитъ,
 ся, но и никого, кто бы не далъ мль советомъ поидитъ.
 Россо извиняется наконецъ въ непомыслимой длинѣ ко-
 медіи зѣмль, что въ Римъ все идеть долго, кромѣ разо-
 ренія...

Если Пьетро Аретино въ сонетахъ, въ "Ragionamenti"
 дошелъ до крайней степени безсмысленнаго сладосърастия,
 а въ своей перепискѣ по послѣднимъ предѣловъ началъ
 ной низости и негеловитеской злобы, то въ своей трагедіи
 "Орація" и въ нязи комедіи "Marescalco" (.маршалъ),
 "Cortigiano" (.Куртизанъ), "Froscito" (.лицеизобрѣ), "Talan-
 ta" (.Таланта) и "Il filosofo" (.Философъ) оны ближе
 подошелъ къ порнаву иезитно-уралянской драмы,
 гдѣмъ кро-мьдо изъ уралянтскихъ позововъ. Оуригающе-
 мучъ сурьезвенностию и живосурьезно діалогу Пьетро Аре-
 тино свойственны наилучшіе эффекты замъ называе-
 мой commedia dell'arte. Аретино предсраблыветъ совершен-
 нуо прозивоположеніе Маккиавелли. Оны совершенъ.

тившимъ дитя своего времени, невыразимо беззастыдливъ,
глубоко развращенный поэтъ, съ фаланговымъ богатствомъ,
но съ направлениемъ мысли и чувства.

Таковы представляли итальянскую комедию первой по-
ловины XVI столетія. Библиена, содѣйствіемъ на рубежѣ XV
и XVI столетій, первый придавъ комедіи настоящее
значение, Аріосто совершенно отделилъ националь-
ную комедию отъ античной. Маккиавелли представилъ
прекрасно развитые характеры, а Аретино
соединилъ ученую комедию съ комедіей dell'arte.¹⁾

Сроднился по духу съ Петромъ Аретино представляется
съ Маццео Банделло (1480—1562 г.), досюжетный еми-
сконъ аменский, новеллы котораго (1554 г.) отличаются
въ оборотъ блестящаго рассказчика и отличаются, хотя
болшею частью при весьма двусмысленныхъ сюжетахъ,
энергическими жонгами изощренія и психологиче-
ской правдой.

Изъ подразателей Петра Аретино замечательны
Лодовико Dolce (1508—1566 г.), историкъ, ораторъ, грамматикъ,
философъ, поэтъ во всякихъ родахъ, переводчикъ, из-
датель — написалъ поэмъ въ 39-ти томахъ „Принципе-
опе“, въ которой подразамилъ Млиада и Инсиде. Учи-
никъ Аретино, хотя отъ въ своихъ комедіяхъ „Казаго“
(Паренс), „Fabrizio“ (Фабрицио) и „Ruffiano“ (Свотникъ) и
превзошелъ въ неприсвойности свой образцы, Аретино,

1) Calandria

2) Мелоду прочитанъ въ „Nezcomante“

3) С. н. „Mandragola“

4) „Cortigiano“.

Bandello

Dolce

съ козораль отъ равняется только по безсудству въ дно,
мятуемых комедийхъ. Виргоэль Лотовико Домсче доволъ,
субовался только переводами и передѣлками греческихъ
и римскихъ трагедій.

Домованни Джиральди Giraldio (Giovanni Giralaldi Cinthio), Cinthio
изъ Феррары (+ 1573), ^{написавшим трагедію Орбаски и} наполнившим свои повеллы умас,
мысли и циническими каррионами, съавиръ свои 100 но-
веллы (Fiesatottinti) въ связи съ современными ему поли-
тическими невзгодами, благая рассказы въ уста бѣглецовъ,
послѣ разграбленія Рима въ 1527г. отправившихся моремъ
въ Марсель. съ особенной охотой отъ изображаетъ со-
дѣла трагическіе, суровые или даже прямо суровые,
желтые, — земли, сочлаившіяся съ первыми десятилетиями
этого вѣка людьми въ италіанскомъ обществѣ, да,
годаря проникшему въ него испанскому вліянію.

Изъ другихъ писателей повеллы еще замѣчательны:
Франческо Свипарола (1550), оставившій сборникъ подѣ Svivarola
названіемъ Placvoli notte (Пріазна — Прелестная ночь),
богатыи по содержанию, но бѣдные по литературной ор-
дѣлкѣ; сборникъ флорентинца Антоніо Франческо Grazzini
Грацини (+ 1583), названній иль il Lasca (Наслаги
деніа? — ^{свѣтъ} jouissant d'une santé parfaite), чрезвычайно зани-
мательны по разнообразію рассказовъ, обработанныхъ
вполнѣ литературно. Но лучшій сборникъ повеллы, кро-
мѣ „Декамерона“ — безъ сомнѣнія „Пенуаперонъ“, иль

писанный въ началѣ XVII столѣтій на неаполитанскомъ нарѣчїи, полный остротами и шутивыми разсказами.

Трагедїи этой эпохи.

Трагедїей Гозалунда послѣдовала Писсимо, Дино, Катти Рупеллаи (1475-1525), начинающа длинный рядъ театральныиъ ужасовъ. Такія трагедїи писали, между прочими, Колленутио (1500) —, Амфиурїони и Госифрѣ; Тинзїо — Орбеске (1573); Анжонио-Денїо-да-Орзи, Манфрѣда и Спероне-Сперони; тогда какъ Алманини, авторъ Анджони, Домусинїани (около 1560 г.), авторъ Зелѣный, переводчикъ Софокла и Еврипида, Анжвиллара и Лодовико Дольче доводившася тогда переводили и переработками греческїиъ и римскїиъ трагедїи. Не разбирая безызвѣстныхъ произведенїиъ Эвїиъ Фрозиковъ, упомяну тогда одъ одной драмѣ Спероне-Сперони (1500-1588), какъ самой характернѣишей помысю романизма съ анжильныиъ искусствомъ.

Содержанїе ея пьесы „Камале“ взято изъ ^{скандинавской} скандинавской хроникки одъ Долье. Долье Долье, Камале, слухнїиъ Венерѣ орудїиъ нести за то, что боиъ въѣзровъ, въ угоду Юпитеру, никогда развѣивалъ и погубилъ флотъ сына ея, Дней. Венера, силою своей власти, заставляетъ несчастную Камале войти въ связь съ ея драготнѣи, Макариемъ, одъ котораго она родила малютку. Долье въ отвѣщенїе выкидываетъ малютку собакамъ; Камале

предоставлены выборы между Ядомъ и кинжаломъ, Мака-
рий закалываеся мечомъ, и Золь, бѣшенство козорого Гисро
смыслилъ раскаяніемъ, клянется, что онъ срашно оубъ,
сречь пожомкаль Энея.

Спероне-Сперони нѣскольско оудалися оубъ подрашна,
нѣя древнимъ, но рѣчь не менѣе все-таки произвели
нѣсесу чудовищную. Первые три акта пролодартъ въ не-
скаснелнхъ жалобахъ и опасеніяхъ, въ грѣдахъ и сно,
виднѣнїяхъ, самое дѣйствіе напинаеся содѣрженно съ
перверзого акта. Но и рѣчь оно рѣмеся почти всезвско
въ длинномъ разеказѣ. Хоръ, соедоцїи нѣя въ зрѣвѣ,
являеся первый разъ въ перверзомъ актѣ, зомко за рѣчь,
чтобы вѣсннхъ моль разеказартъ въ одномъ монологахъ
всю исторїю о зомъ, какъ Золь узналъ отпросуднхъ своей
догери. Къ концу нѣсесн зрѣвъ хоръ подвляеся еще разъ,
чтобы въ девази срнхалъ увѣрнхъ зрнфелнхъ, что богъ въ-
зрѣвъ непереманно сдерннхъ свое одѣнзаніе. Три за,
клогнфелстнне срнхн могоубъ даръ поварїе о нрнхъ нѣя,
лої драмн: „Тордн угрозы згого бога, козорнї салодеронлв,
но власрвцѣрѣ надъ нами и надъ волнами, звердн одѣ,
нзанїя, козорня онъ всегда сдерннхъ. Поэтому будте
увѣрнн, что, когда-бы го нн было, исполненїе его ссрам-
ннхъ словъ соверннхъ вполнѣ.“

Концръ. реформанїя.

Въ пятидесятихъ годахъ XVI вѣка нѣмннскїя рефор.

магия митовала высшую точку своего развития, и от-
 гавтная борьба между модераторством и кальвиниз-
 мом, богосодержательный прецизионизм сектантов и пре-
 следований еретиков, односродное геологическое на-
 правление и изгнание всякого свободомыслия — явились
 симметрией того, на сколько новое учение уже утвердилось
 в своей убедительности и увлекаемости. Свара, про-
 организованная церковь, которая в продолжение ньюко-
 раго времени с какими-то изумлениями смотрела на
 взоршение реформационной бури, снова собралась упереть
 с силами. После короткого колебания между направ-
 лениями, которое проводили кардиналы Конфариони,
 Поле,^{Морелло} и др. и которое сдвинулось к примирению и
 воссоединению с протестантами, возлагая свои надежды
 на собор, назначенный уже за ньюко-раго десятилетия,
 и между двумя противоположными направлениями, которое
 предполагало подвиг протестантов путем реформы
 нравов и упорного поддержания всех церковных
 традиций, — борьба эта была склонилась к подвигу этого
 последнего направления.

Во главе его стояли джауинци (члены высшего
 монашеского ордена) Караффа (папа Павел IV) и Таззано,¹⁾
 доминиканец Михаил Тиссерн (папа Пий V), ко-
 рые, начиная с последних годов правления папы
 Павла III, приобрели громадное влияние; 21-го июля

1) Помощник Таззано (папа Бонифаций VIII).

1542 года они добились президентия общего инквизиции, оного суда, наказавшего свои дворянства со суровою строгостью и суровою, и воззрели этой партией одержали верх во всем решении Тридентского Собора, открывшагося в 1545 году и закрытого, после польско-литовских перемирий, в 1563 году. Исперия и самоотверженная преданность взяли француженок своему делу, идущая рука об руку с кривой суровою прозивью всего, что случилось с ересью, во обществу со священной властью Испании, снова совершенно подчинили во известной мере обновившейся церкви все земли южной Европы; этому новому религиозному морю придали еще большую глубину взором поколение ревностных князей церкви, среди коих, роль особенно выдавалась св. Карл Бартоломео Миланский; св. Франсуа Салский (François de Sales) и кардинал Гвидо Бензиволюсо (1505-1561), управлявший сазирическими выходками.

Так как самоотвержение и удаление от мира почти везде означалось только насильственным, то и во время обновительного католицизма выступили рука об руку просвещенная религиозность и зловещий гудеса эрзаза, искренняя преданность католицизму и лицемерное рабство, свободное убеждение и узел проповеди и поучения и самое злосчастное давление на чужих посредством инквизиции. Великая литература и искусство

романскими народами, которых уже заслал Эдвард обнов-
 ленный каролингизм, принужденны были слушаться ену
 генерал, при чем безпоощадно подавлялось и угнетало-
 ность всякое проявление индивидуальности
 возбуждавшей прозывъ Кантесуба, тогда как искусство,
 въ реальных своих проявлениях, гасило привлечено
 было на служение церкви, гасило же пользовалось жер-
 твенностию въ своей самосозидательной сфере дворянства.

Въ этомъ соединении и далее, можно сказать, нераз-
 деланно сливнии мирской гусевенности съ религиоз-
 ной экстазомъ, — это создавало наподобие характерную
 черту конгре-реформации, — приняла существовавшее уже,
 еще новозрешенный орденъ „Общества Иисуса“, который,
 будучи основанъ испанскимъ францисканомъ Игнатиемъ
 Лойолою въ 1540 г., доселю полного своего развития достиг,
 ко при взоромъ генерала ордена Диего Лаймеса, преем-
 ника Лойола. Укрепление въ вере преданныхъ церкви
 кароликовъ, возвращение сомнѣвающихся и оступившихъ
 въ лоно церкви, посредствомъ проповѣди, исповѣди и
 восприимчива, считалось главнымъ заданьемъ иезуитовъ, при
 чемъ до конской выработанная организация ордена,
 самоотверженнейшая преданность его членовъ своему
 долгу обозначили имъ необыкновенную чистоту. Умствен-
 ное влияние, приобретенное ими посредствомъ посред-
 ствомъ своихъ университетовъ и школъ, повело къ грезвѣ.

тайно важным последствием, налагаем самым безрадос-
ным отпечатком на многоисленный поэтический и
художественный создания разнаправленной эпохи. Собранный
на литературная и поэтическая деятельность Лодуигово,
еще долгое время после озвучива гуманизма, создавала
в форме лирических произведений, аллегорий, комедий,
гимнов, исторических, канонических, моральных, дог-
матических сочинений, обильную ново-латинскую лире-
ратуру, ознаменовавшую почти исключительно риториче-
скими характером. Невозможная признания дарования сто-
ловали в своих поэтических стремлениях излагать,
скими образцами, так как, несмотря на самую широкую
распространенность ордена, общий дух Лодуигово все же
сохранял романскую природу.

Итальянская поэзия под влиянием
конурь-реформации.

В Италии борьба в первая десятилетия XVI века,
вопреки надеждам патриотов, окончилась в пользу без-
условного господства испанцев. В Сицилии и в Неа-
поле, так же как и в Милане утвердились испан-
ские вице-короли, князья средней Италии были в зави-
симости от них, значение Венеции уменьшалось со-
дня на день; папский престол, самая национальная
власть в Италии, нуждался в помощи вассалов.
то из католических государей для желанного воз.

срабатывания церковного единства. Еще глубже, золье
 политическое падение, захватывала полный переворот
 всего жизненного строя: только по осадкам и орденам,
 намь следовало можно было узнать Мурато Времень Ари
озо и Маккиавелли, Рафаель и Микаэл. Анджело с от,
 личавшими ее зворгсзволье, Довольсзволье, скенцизмизмь
 и умервенной поцью. Ни о какомь свободномь движе-
 нии нечего было и думать при политическомь давлении
 несправдыв и духовномь гнеть инквизиции. Можно
умервенной свободы — правда, нередко вырождавшейся
 въ разнузданное мысли. — заслужило безусловное под-
 зинение церкви; единичные прозвнники ее въ области
 мышления, какь, напр., философь Джордано Бруно, Луци
лио Ваннини, сатирикь Брессанце Паллавилини и др.
 копчили свою жизнь на кострахъ; „общесзво сранови-
 лость если не добродетельна, то серьезнае (Ранке), и
 если новая опека церкви относительно образа жизни
 и правоть часо оказывалась несообразной, то напро-
 тивь зтьме полнью, безпоизаднью и глубине она дава-
 ла себя зувсзвовае въ области умервенной жизни.

Торквато Тассо (1544—1595).

Знаменательный итальянский поэт второй половины
 XVI века, который, будучи представителем анти-рефор-
 мационного духа, зтьме не менее еще въ доураочной
 степени владелъ блестящими досконами великой

эпохи Возрождения, для того чтобы оказавшись могущее
влияние на науку и заняв место между величай-
шими поэтами и художниками Италии, Эзо-Тор-
квато Тассо, сын эпического поэта (Аманде, Фло-
риданцо) Бернардо Тассо.

Торквато Тассо (Torquato Tasso) родился в Соррен-
то 11-го марта 1544 года, в детстве постигал в ново-учре-
жденную иезуитскую школу в Неаполе, затем всту-
пал в Падуе юриспруденцию, но уже рано посвя-
тил себя поэзии, следуя в Эзоле примеру омера, по-
эты драматизма Ариосто. Гениальная слава, которую ^{Торквато} отъ приобрелъ
своими поэтическими произведениями, вредно подт-
вердила на его творческий организм, развила въ немъ
самолюбие, положила первые зародки его болтлив-
ной разрастиваемости и шизофреничности, испортившия
впоследствии всю жизнь поэта. Возлагавшія на него
большия надежды доставили поэту место придворного
кавалера у герцога феррарского Алфонсо II изъ дома
Эсте, а вместе и желанный досугъ для поэтического
творчества. Но пребываніе при блиставшемъ художес-
ственными вкусами феррарскомъ дворе стало роко-
вымъ для поэта: полное добальство, которое отъ здѣсь
пользовался, парализовало его оживленность и музическую
энергію его духа, тогда какъ любовный капризъ,
деня и сраженія - отъ влился въ среду герцога, леопору-

козорьимъ отъ даль полнучо волю, презытно напяр,
 гали въ нель гинне гувсвошь, а гисро-архисезическое
 увлѣтїе округавшешо его средой не давало ему возножи,
 носри глатохровно обсудитъ и членитъ себя свое положе,
 нїе. Сначала обласканный и избалованный двумя сестр,
 рами герцога, принцессами Лукреціей и Леонорой,
 изъ козораль послѣднїа (въ козорую отъ влюбшя) раз,
 дѣляла францасувическую религиозносрѣ Тассо и при даль
 суртѣла пробудитъ и поддерживае въ нель и болше-
 земную сурасрѣ — отъ вскорѣ увидѣла, что его неувѣрен,
 нья прирвзанїа и недовѣрившя малюби припила,
 кофсѣ съ холодноо сдержанносурѣ, и догда отъ не замѣд,
 амль создае прозивъ себя гнїеувѣрннхъ прозивннковъ,
 при гель яму меренцилшес враги даме даль, гдѣ нель и
 не было. Первнѣ годн прошли однако безъ осоденной ка,
 засурфрїи и позрѣ пользовалея вельми благамн своего
 положенїа. Но презытное гесролюбїе, козорое уже не
 удовлєворялось болше данными центълами (назоралей
 „Аминца“, козорая при самой пышной обрѣановкѣ была
 посрѣвлена на сцену и придлнженїа къ концу ве,
 ликаго тмоса „Свободнїенный Герузалмъ“), но презытно
 ное гесролюбїе, козорое все болше и болше переко,
 дмло въ ирочное недовѣрїе къ округаносцїамъ, вельма,
 го родн впузреннїа борьба, религиознїа соинтнїа,
 козороя засрѣвляла правоборнїаго каролика Баврсея,

История итальянской литературы XVI ст.

что он оскорбитель, — все это овладело им с момента окончания поэмы. Тассо отдал рукопись на судь академикомъ, козорые своими мелочными придирками и предположеніями разнаго рода поправкамъ, въ особенности же требованіемъ выкинуть изъ духовнаго слагозворенія въ связки-романтичскіе аксесуары въ поэму, привели его въ отчаяніе, между тѣмъ какъ самое положеніе его въ Феррарѣ сдѣлалось для него несстерпимо-тягостнымъ. Вандербіе того, что онъ сознавалъ себя тѣмъ связаннымъ, сознавалъ, что за нимъ слѣдуетъ.

Многа переломны мѣста и отношеній, онъ обратилъ свое вниманіе на Флоренцію и дворъ Медичи, но въ то-же время понималъ, что герцога взглянуть на это какъ на извѣстную и на совершенную разрывъ. Положеніе Тассо, понавшего какъ бы между двухъ огней, между фанатическимъ Канцлеромъ съ одной стороны и мелкимъ деспотизмомъ съ другой, смозрѣвшимъ на знаменитаго поэта какъ на своего крѣпостного, лучше всего показывается, до того дошла въ то время Италия. Наконецъ „несстерпимо наязмузия“ отношенія, еще ухудшившіяся послѣ неодоказанныхъ попытокъ въ Римѣ, довели Торквато Тассо до полнаго душевнаго разстройсва, выразившагося взрывами бѣшеннаго гнѣва и необузданными обвиненіями въ фальшь и лжѣ. Все болше и болше охватывало

его счрасть, что онъ неприлично оскорбилъ церковь или своего государя, несмотря на повзрженные знаки милости со стороны Алфонса и если онъ посылъ со своей фразею, то онъ послъ изданія своей поэмы будещъ отправленъ или убитъ, за эта фраза сообразуемо, была кое-чему закону, что онъ уже не разъ видалъ при дворахъ тогдашней Италіи. Влюбившись въ сестру герцога Леонору, онъ принужденъ былъ удалиться отъ двора и наконецъ въ июль 1577 года Тассо бѣжалъ изъ Феррары, нѣкоторое время скривался въ Сорренто у своей сестры, затѣмъ отправился въ Римъ; охотодъ бѣжалъ помырки полирился съ феррарскимъ дворомъ, въ 1578 году снова отправился въ Феррару, отъ бѣжалъ, когда герцогъ удержалъ рукописи. Освободившаго Иерусалима и его пасорали, и, послъ пребывания въ Мантуу и Туринъ, въ 1579 году, во время брака, соезанія герцога съ Маргаритой Тонзаго, какъ-бы побурдаемой демоническимъ порывомъ, снова пожелалъ заманивъ себя въ Феррару; не будучи въ силъ перенести разлуку, вернулся опять къ предмету своей срасти. Но принудий холодно, онъ срасть осъ, нахъ герцога и его дворъ самого жестокого бранса, и какъ сумасшедшій (каковыиъ онъ и былъ отчасти) потыщенъ былъ въ домъ чиналиментныхъ, въ домъ, мизу св. Анны. Возможно, что благосклонносе,

козоручо ему раньше оказывала принцесса Леопора
и козорого отъ, каменья, уне грездурь похвалялся,
была одна изъ причинъ, создавшихъ его печальную
судьбу, — но въродивше, что къ рѣшимельному шагу
со стороны герцога Алфонса (посадице поэза въ домъ
уналичественныхъ) привели съ одной стороны угрозы
Тассо въдросуръ изъ . Освободительного Ферусалима въ
мѣсяцъ, посвященный прославлению феррарскаго дома,
а съ другой — не прекращавшиса споменія поэза съ
Медичи, всеиу этому спосодуровали какъ ишурриги
враговъ и зависуниковъ поэза, такъ и личеновий
вѣякой сдержанности образъ дѣйствій самого Торквато
Тассо. ^{Римъ} Кѣмъ мѣрь зомилса отъ въ заключеніи зо болте
зѣмеломъ, зо болте легкомъ.

Наконецъ, ходатайство могущесуветныхъ князей,
кардиналовъ и вѣдатоцихся лицъ, къ козорамъ зывамъ
несчастнай поэръ въ своемъ участномъ горь, побудило
герцога возвраще Торквато Тассо свободу; это случ.
вилосъ въ июль 1586 года. Внициентный наконецъ на
свободу Тассо скизалса по Мцалин, зо возвращая потеръ
и удивленіе, зо зѣрня нууду и сзрадая разрушительномъ
умсуетныхъ способностей. Поэръ жилъ сталала въ
Манжу и позомъ нѣкозорое время въ Бергано, гдѣ
отъ надросамъ и окончилъ драму . Торрисмондо; въ
1587 году отъ оуравилса въ Римъ, гдѣ Сикеръ V оказал

ему мало вниманія; въ 1588 году — въ Неаполь, а весной 1590 года принялъ приглашеніе переселиться во Флоренцію. Въ это время онъ работалъ надъ сочиненіемъ качества вліяніемъ издучивъ надъ своимъ эпосомъ и совершенно искажилъ его, выбросивши прекраснѣйшія и изысканнѣйшія мѣста — такъ что раньше съ восторгомъ принятой „Освобожденной Иерусалимъ“ былъ генералъ вѣсти и обернулся. Но въ 1593 г. въ Римъ открылась для Торквато Пассо блестящая перспектива: его друзья, съ кардиналомъ Ададбрандини во главѣ и все поощряли его талантъ, за прѣдложили ему зрѣлище за его поэтическія произведенія; они добились возстановленія обывающаго священнаго вѣщанія поэта. Оно должно было совершиться весной 1595 года, но силы Пассо были уже надломлены, уже зимой болѣзнь поэта усилилась; 25-го апрѣля 1595 года, за нѣсколькихъ дней до увѣщанія его лавровымъ вѣнцомъ въ Кампиданію, онъ умеръ въ монастырѣ св. Сатурнія въ Римѣ.¹⁾

Уже рано Торквато Пассо посвятилъ себя поэзіи, слѣдуя въ это время призыву своего отца — поэта. Еще въ Падую, во время своей университетской жизни, 18 лѣтъ отъ роду, онъ написалъ небольшой романтическій эпосъ „Ринальдо“^(1562 г.) и нѣсколькихъ лѣтъ спустя напечаталъ титанъ „Освобожденнаго Иерусалима“. Слава, которую онъ приобрѣлъ своимъ романтическимъ эпосомъ „Ринальдо“

1) въ образованнѣ надъ заглавіемъ „Завоеванный Иерусалимъ“

2) Тече представилъ жизнь этого поэта въ видѣ драмы „Torquato Tasso“ (1780—1789).

и возлагавшиеся на него большие надежды доставили юному

поэту проковое для него место при дворе Альфонса II,

При дворе.

герцога феррарского ^{Впервые} первые годы прошли здесь без осо-

сь 1565-1586.

бенной казасурфы и поэту писать желанный досугъ

для выполнения своего великаго произведения „Осво-

боженный Иерусалимъ“, надъ козорнымъ отъ зрудился

въ роженіе послѣдующихъ 10 лѣтъ. Но прежде всего

Тассо занимался здесь насрушеского поэзіей, насру,

шеского драмой. — Первая насрушеская драма, написан-

ная Арсиниоми Боккарди, была дана въ Феррарь въ

1554 году, съ музыкаго Альфонса делья Виола. Содержа-

ніе драмы сообразуется любовъ зреть насруховъ къ зреть

мифрамъ и инурри прозвѣ ниль ревниваго сарира,

козорого обманывають любовники.

Въ 1572 г. Тассо написалъ свою насрушескую дра-

му, Аминда. Пьеса, написанная въ молодне годы,

пропикнула зивиль, искренниль губернволь, козр

содержаніе ея несесурветно: Амуръ, соскугаея на

Олимпиль, сходитъ на землю и сраарезъ отивилъ любовно

сердце безгубезвенной нимфы Силвиль, не озвѣтающей

сфраски насруха Аминда. Подруга Силвиль, Дарфа,

склонилъ шескокую цезупилъ нѣтъному губернбу, факъ

какъ все зивилъ на землю создано для любви. Но,

молодъ Дарфа, полный лирическиль красоль, не про-

изводитъ внезапный на непреклонную красавицу.

Завтра мы сядем Пирсиса утешая Амингу, приводяща,
 го въ отпавше оуъ холодноста Силвю. Подъ видомъ
 Пирсиса Пторкваро Пласо изобразилъ самого себя и, утѣ,
 шая друга, разказываетъ ему свою содѣянную исторю,
 прилежалъ къ ней восхвалений герцогу Алфонсу, его
 двору, принцессамъ и насмѣхалас надъ своимъ сопер,
 никомъ, виведеннымъ подъ именемъ Монсо. Трихо,
 динъ Дафра и уговариваетъ Амингу — заградъ враспльхъ
 Силвю, оправившюся кумахъ. Аминга слѣдуетъ
 ея собору, и, вернувшись, разказываетъ, какъ нашла
 Силвю раздѣвную и привязанную къ дереву, во власти
 сарира, котораго отъ обрала въ дѣтство сурьлой. Но осво,
 бодивъ нимфу, Аминга бѣшь закъ родокъ, что опустила
 нимфу, не получивъ награды за ея спасеніе. Потомъ
 ему говоритъ, что Силвю пошла на охоту и, преслѣ,
 дѣя волка, углубилас въ тащу лѣса; Аминга погна,
 ся за Силвюю, но не нашла ничего, кромѣ ея коня,
 брошеннаго на землю, покрывала, и позола върнѣ.
 зилъ множество волковъ, глодавшихъ пси-зо кости.
 Аминга думаетъ, что его возлюбленная погибла, и
 убогаетъ съ намѣреніемъ лишитъ себя жизни. Но явлѣ,
 еря Силвю, разказываетъ свое приключеніе и узнаетъ
 объ отпавши и намѣреніи Амингы. Эго бѣрутъ зра,
 гаетъ ея сердце, она губитъ любовь къ несчастному
 пасруху; любовь эра возрастаетъ все болше, и наконецъ

Сильвия написала губернатору такое письмо, какое он, поговаривая Аминта. В рассказываю (весь сообразия сообра. тавозся зурь не вь двйствнн, а вь рассказах), что Аминта бросилась вь рьку. Сильвию зорзавь расказали; она стьбширхь кь рьку, чтобь спасти своего возлюбленнаго, если еще не поздно. Аминта спасена; и когда открыли глаза-видишь, что она вь объзидяхь Сильвию съ зньмь, чтобь никогда не разлучарся съ нею. —

Тассо и вь этой драмь подчинился духу времени. Слишком искусственный ^{в стил} иносказво коннеззи, калам, буровь, андигозь и игра словь особенно непрнйятны здьсь, гдь говорять и двйствують, двзи природы, просые пасу, Ли и пасушки — говорять кризими, но при этомъ за-бываютъ, что эти „двзи природы“ зть две французь, озка-завшиесе золско озь кровавыхь сраженнй и дуэлей. Оу, посылелсно Corsetti (з. е., ирь озрозали — Блесзщннн видушкани) я доломно замьзурь, что они особенно были вь унозредленнн и нзалднцевь XVII столъуя, напр., у Марини; вь Тернаннн у Тофрнансвалдау, Гаре, Дорфера и др. Главная прелесеь драмь Тторисваго Тас, со заключаеся вь ея языкь, пышноть, гармоническомь. Музыка кь драмь написана однимь изь замьзурь, ныхь композиторовь XVI вька, Фразломь Мароззо. Та, сфораль, Аминта; которая при самой пашной одезанов-кь была пограблена на сцену, нннла озромный чьстль.

Въ это время Торквато Тассо по пресмыкому помы, звался весьма благами своего положенія при дворе и продолжалъ подвигаться къ концу своего великаго зноса. Онъ окончилъ свою поэму Герусалимъте liberata (Освобожденный Герусалимъ) въ 1575 году. Въ содержаніе этого его капитальнаго зрудѣ.

Почетъ I патинарехъ срихольв: Пото свѣщенную брань полководца, освободившаго градъ Хрисовъ. Столны кресно, пощевъ уже шестъ лѣтъ сразалоя на Востоку. Сирія и Палестина почти окончательно покорены или, но личные интересы и раздоры предводителей заставляють часть ихъ подвизалей, уже подступавшихъ подъ стѣны Герусалима. Благочестивому Тоуфриду Бурсонскому являеся ангелъ и возвѣщаеъ ему, что Богъ назначилъ его главнымъ вождемъ войска. Предводители кресноносцевъ подѣривдають это избраніе, и Тоуфридъ, собравъ войско, вѣдеъ его къ свѣщенному городу, гдѣ король Аладимъ принимаетъ вѣсь лѣври къ оураме, нѣю хрисѣианъ.

Почетъ II. Въ защицѣ города помогаеъ Аладиму волшебникъ Исмаель и совѣззевъ перенесри въ негевъ изобразеніе Богородицы, сохраняемое хрисѣианами на алтарѣ подземной церкви. Аладимъ събѣззевъ этому совѣззу, но образъ исчезаеъ ночью изъ негетни. Въ похищеніи обвиняють хрисѣианъ и, носиль без,

плодного обаяния в их домах. Аладинь оудаеть прика-
 зание — истребить всяких христиань огнемь и мечемь. Это,
 бы спасши своихъ единоверцевъ, молодая Софрония въ-
 даясь себя за похищенную образъ. Коротко присудидаеть
 ее къ сожжению на костре, но, когда ее ведутъ на казнь,
 являясь влюбленный въ нее Олиндъ и объявляетъ,
 что онъ виновенъ въ похищеніи. Въ эту минуту, ког-
 да ихъ обоня возводятъ на костре, являясь въ полномъ
 вооруженіи Клоринда, героиня Азическаго войска; она
 вопрошиваетъ у Аладина прощенье преступникаль,
 и розъ даетъ свободу обоимъ виновнымъ. Въ это время кре-
 стянцы подходять къ Дмаусу, на полдня пути отъ
 Иерусалима. Два посла египетскаго царя предлагаютъ
 миръ и дружбу, если они удовольствуются завоеванны-
 ми уже ими землями и не пойдуть дальше. Тодфридъ
 отказываетъ Луринъ, бога и несколько сантиментальный
 эпизодъ этой пьесы — любовь Олинды. Олиндъ, ильскаго
 мѣръ страдавшій отъ безнадёжной любви, разделяетъ
 мученичество Софронии золько за то, что бы умереть
 съ зою, съ козорою онъ никогда не могъ надѣяться жить
 вместе, — такъ какъ она мечтала золько обь одномъ
 мѣтѣ. Еще больше эта сантиментальность ^{на} вызывается съ
 первыми появленіемъ Клоринды, несезуемной жен-
 щины — женщины, козорою вскормлена была зирри-
 цей; поносъ ея прошла въ вывозномъ лошадей, въ мѣрамин

коний, въ богатствъ вѣнцехи, въ любви медвѣдей и
львовъ; теперь ея ремесло — война, но при видѣ двухъ
любовниковъ, привязанныхъ къ козру, она заплакала.

Письмо III. Съ первыми лучами солнца крестоносцы
подступаютъ къ Иерусалиму. Возвъ какъ поэтъ изобража
етъ губерва, волновавшій христіанскихъ воиновъ при
первомъ взглядѣ на Иерусалимъ.

«За первой минутой радостнаго испуга наступило
глубокое сокрушеніе, слыхотанное съ губервою евраки
и благоговѣнія; вѣсь со вздохами и раданіями или
босикомъ къ священному городу; постигли съ себя
вѣсь украшеній, изгнали изъ сердце своихъ вѣсь губерва
гордыни и суетности, — и все-таки, какъ будто находя
недосягаемыми слези, всѣхъ восклицалъ: „Уракъ здѣсь,
о Господи, пролились засяги ручьевъъ звоей крови! Не,
утемъ, при закомъ горестномъ воспоминаніи, я не
пролсъ двухъ живыхъ исторгниковъ горькихъ слезъ? О,
дешвое сердце мое, зачѣмъ ты не вырешъ глазами
и не выкаплешъ, превращенное въ слези? О мое звор
дое сердце, что ты не разорвешся, что ты не разобшъ
ся? Если ты теперь не плачешъ, ты досройно вѣчнаго
плача.»

Аладивъ посылаетъ призвать христіанъ свое от,
борное войско, и самъ выводитъ на башню, чтобъ оско
рочъ его. Съ нимъ вѣдетъ Эрминія, дочь царя анжіо.

хитского, погибшаго въ битвѣ съ христіанами, влюблен-
ная въ храбраго рыцаря Танкреда, не озвѣщающаго отца,
ко ея сражи и вздмлающаго по Клодинѣ, что не мѣ-
шаетъ ему сражаться съ нѣю, конечно, не узнавая ея подъ
забралою шлема. Мусульмане осуждаютъ, но съ суро-
ти христіанъ нападетъ въ битвѣ много рыцарей и между
ними Дудонъ, козорому Аргому нанесъ смертельный
ударъ. Готфридъ, обозрѣвъ положеніе города, находитъ,
что еще не пришло время напасть на него, и озира-
етъ къ друиу Дудона, козорого оплакиваетъ его дружба.

Пѣснь IV. Сагата собираетъ въ адъ своихъ подвластныхъ
друговъ и рассылаетъ ихъ по разнымъ направленіямъ гу.
Битъ христіанъ силою и лихорадою. Одни изъ дѣтены
отправляются къ владѣтелю Дамаска, знаменитому
воинству и убѣждаетъ его сдѣлать въ лагерѣ кре-
стоносцевъ своего племянницу, красавицу Армиду,
для того чтобы она опукала своими очами храбрѣйшихъ
рыцарей. Армида являетъ передъ Готфридомъ, прося его
заслуживаетъ прощаніе преслѣдованій своего дѣди, отъ
козорого она принуждена бѣжать. Готфридъ зрѣетъ
ея колѣбали, но не можетъ въ насмѣшливую минуту
отдѣлать для ея защиты ни одного отряда своего войска,
необходимаго ему для осады города. Отъ обѣщаетъ по-
мощь ей — по взятіи Иерусалима. Красота Армиды про-
изводитъ сильное впечатленіе на рыцарей, и брати

Торфрида Эвсафий предугадывает, чтобы ей оказана была не медленная помощь. Торфрид соглашается наконец сущесствъ съ Армидою десять рыцарей, для возвращенія ей престола, полнотеннаго двдета. Прозвѣннато Лоро, то изображено кокетство Армиды, угрожающей рыцарей длиннаго маторіей своего несчастія, и действующей по зомь на каждаго отдѣльно, смотря по его наклонностямъ: на одного чувствительностию, на другого - недосудностию, улыбкаго и слезами. „А одна слеза въ очехъ Армиды, говоритъ поэтъ, засраблѣла плакаше тысячи рыцарей.“

Пѣснь V. Убожій Дудонъ быль возидель оуборнаго ограда франкскихъ рыцарей. Но его мѣсто должеъ бытъ избранъ храбрѣйшій и благороднѣйшій изъ возидей. Эвсафий воздусидаетъ герцога Ринальдо, совѣтуя ему занять это мѣсто, но браинтъ мисла удалитъ его оъ Армиды. Преденденомъ на зо мѣсто овладетъ королевскій сынъ Тернадъ. Споръ рѣшаетъ поединкомъ, и Тернадъ убивъ Ринальдомъ. Но побѣдитель принужденъ бѣжать, такъ какъ онъ нарушилъ законъ, запрещающій поединки въ войско христіановъ во время этой священнои войны. Кроме десяти рыцарей, за Армидою уходитъ еще много, и войско кресфомосцевъ находится въ затруднительномъ положеніи оъ кофери оуболькихъ Храбрыхъ, оъ голода и оъ приближенія египетскаго флота.

Повесть VI. Положение Азмуниковъ, называвъ, удег-
шаеръ. Свиротный геркель Арганъ вызываеъ въ виду
всего войска двухъ рыцарей на единоборство, подобно
дасъ Озона и далаеъ его своимъ пыткикомъ, но
бой съ Танкредомъ оканчиваеъ удельными ранами
обоимъ. Эриния, желая спасти рыцаря, къ козороку
губерцереъ пожитую склоняеъ, и зная ея лебдую си-
лу зравь, оуправлеаеъ въ лагерь, въ вооруженіи Клорин-
да. Тамъ она подвергаеъ большой опасности и при-
нуждена бѣжать, оуправивъ только къ Танкреду гон-
ца. Рыцарь, не смотря на свои раны, уходиъ ^{изъ} лагерь,
думая, что съ нимъ талаеъ безрогудеъ Клоринда.

Повесть VII. Эриния убѣгаеъ далеко къ шаламанъ
мирнахъ пазуховъ и проводиъ мирные дни въ зрѣомъ
сельскою убѣжищю. Въ то же время Танкредъ, отыски-
вая Клоринду, попадаеъ въ огароватный зайомъ Арни-
да и далаеъ пыткикомъ волшебнице. Въ лагерь
хресноносцеъ его идуть для окончанія единоборства
съ Арганомъ, но видя оуездоеъ многеъва Храбрыхъ
рыцарей, едлавшихъя неволониками Арлиды, пре-
сцарьмай Раймондъ, графъ Тулузскій, рѣшаеъ воу-
тиръ въ неравный бой съ прозивникомъ. Божъ посы-
лаеъ старцу ангела, защищающаго его небеснымъ
брилиантовымъ щитою. Арганъ раненъ, но на
помощь ему являеъ Релзавуль. Она образуеъ

из облака геловтвѣскую фигуру, которой придаетъ гер-
 зю Кларидю, и храбрый старикъ принужденъ прекра-
 зить единоборство, потому что получаетъ легкую рану,
 не смотря на защиту ангела. Въспомоществовательные
 адскии силы, являющіи одерживающъ побѣду надъ
 ратникомъ Христіанъ въ Бюгерво при кровѣ и молніи.

Пѣснь VIII. Бюгервѣя въ христіанскомъ лагерь дожди-
 гаетъ крайнихъ предѣловъ. По ^{тѣмъ} наущенію демона Ахра
 гора и фурии Алексо приносятъ окровавленное оружіе
 Ринальдо и распространяютъ, что оны убивъ, по приказу,
 занію Тозеррида. Франкянцы берутъ за оружіе, чтобы
 осуществить смерть своего создателю. Въ лагерь
 поднимается мандоусодіе, но Тозерридо укрощаетъ воз-
 сужаніе.

Пѣснь IX. Чтобы довершить поражение христіанскаго
 войска, Алексо побуждаетъ никейскаго султана Солима,
 на напасть ночью на лагерь. Арабы используютъ франкво
 и съ помощью подземныхъ силъ, уже формисубутионъ
 побѣду, но Бобъ посылаетъ архангела Михаила, про-
 гоняющаго демоновъ съ поля сраженія. Язычники обра-
 щаются въ Бюгерво, исурдѣленные христіанами.

Пѣснь X. Бѣгущій Солиманъ возвращается волшеб-
 ника Исмаила, который переноситъ султана магическою
 силою въ Иерусалимъ, на военной совѣтъ, рѣшающій
 ся капитулировать. Солиманъ укоряетъ малодушныхъ

и воодушевляють ихъ къ защитѣ. Въ то же время, въ лагерь крестоносцевъ возвращаются рыцари, приведенные Аркидою, и разсказываютъ свои похождения въ огаро. Ваннонь царевъ волшебницы, откуда они были освобождены Танкредомъ и Ринальдо. Рыцари радуются извѣстью, что Ринальдо живъ.

Глава XI. Готфридъ рѣшается изурочовать Иерусалимъ, и христіане готовятся къ этому — религиознымъ торжеству, во имя. Начинается страшная буря. Танкредъ и Готфридъ ранены, послѣдній даже опасно — вранисей стрѣлою, гну. Доко проникнувшей въ тело, что все человеческія усилія спасти возмездь были бы напрасны, если бы ангель не помогъ заживить рану. Только наступившая ночь прекращаетъ на время бурю.

Глава XII. Ночью Клодинда и Арганъ выходятъ изъ города — съ цѣлью запереть осадныя машины христіанъ. Это имъ и удается; но, между тѣмъ какъ Арганъ послѣ того успѣвъ возвращается въ городъ, то Клодинда попадаетъ на Танкреда, козорыя, не узнавая ея, застрѣливаетъ ее съ нимъ бурей. Когда послѣ долгой, сильной борьбы Клодинда наконецъ падаетъ подъ страшными ударами Танкреда и онъ узнаетъ, что убилъ своего возлюбленную, и смертию съ ней умеръ бы однимъ... онъ упадаетъ въ обморокъ. Когда Танкредъ приходитъ въ себя, Клодинду уже схоронили, и онъ на могилѣ ея изли,

вазъ свое горе. Узнають о смерти Кларинды и въ Деру, салить, гдѣ поднимается вѣтъ, и Арганъ кланется озеру итѣ снесоко.

Пѣснь XIII. Близъ лагеря христіанъ. расположено мѣсто, изъ котораго они добываютъ деревья для устройства сѣтноподобныхъ орудій. Чтобы помѣшать этому, волшебникъ Исменъ, силою гари, окружаетъ это мѣсто сѣткою изъ пламени. Шамкреду удается однако жуда проникнуть; онъ хогерь срубилъ много одно дерево, но изъ-подъ коры течетъ кровь и выходитъ голосъ, говорящій, что души навшихъ подъ Иерусалимъ заключены въ эти деревья, и что, погасивъ огонь и не дожидаясь нарушить ихъ покой. Шамкреду удаляется изъ мѣста. Въ это время небо послалъ христіанамъ новое искушеніе: палящій жаръ и засуху, прекращающіеся только, когда Готфридъ упрашивалъ Бога послать дождь, освѣжающій землю.

Пѣснь XIV. Готфриду Божь сообщаютъ во снѣ, что безъ Ринальдо, все еще находящагося во власти Арлиды, крестоносцы ничего не сдѣлаютъ. О томъ же узнаетъ и Пьеръ Пизанчичъ въ сонномъ видѣніи. Онъ собою, хогерь отправилъ къ рыцарю двухъ посланцевъ и, вѣтъ, сѣтъ съ хогерь, указывая имъ дорогу къ христіанскому волшебнику, которой научилъ ихъ, какъ найди Ри. нальдо. Волшебникъ ведетъ ихъ въ подземелье и разсказываетъ, какъ Арлида заблела рыцаря въ огаро.

Изъ серебра лироя,
 Они браццались на ^{византийск.} крѣпостяхъ
 Изъ золота лирого;
 И лица видны на брацахъ; —
 Полмира залъ земного,
 Все живи, митъ не говоряръ.
 И, каменеся, все слышарь,
 Взаимный пониматарь взеладъ
 И губеволь сураси дншарь.
 Сталъ видель съ прѣлкой Геркулесъ;
 Герой, надсеида своѣа,
 Схиризем ада, сачъ небеса
 Прядеръ рудо Милеса;
 И слодричь на него Эрозъ
 Съ улыбокю лукавой.
 Олфала палицу береть,
 Покинуцую слабой;
 Безсилная — едва, едва
 Ве приподнимаеть;
 Сидяет на тлени кожу лова
 Невейскаго взлагаеть.
 Сталъ надъ равниной водъ морскикъ
 Бѣловоль холмы тѣни
 И въ два рѣда суда на нихъ,
 На бурву обреченны;

Съ оружіемъ брызнула дождь звездою
 И въ заревъ все море;
 За славу обладать землею
 Два королюди въ споръ:
 Здѣсь Августъ и полки римляне
 Сдѣлили флотомъ воды,
 А замѣ Антоній — братъ царицы —
 И гунды народы.
 И духовъ брани ошнвдася,
 Тамъ корабли сразились;
 Лежали коня, огнь не гася,
 Вали въ крови давились.
 Еще сомнѣвался цѣль хъ цѣль
 И дѣла не рѣшилась,
 А гунда царица въ бѣгъ
 Несчастный обрѣлась.
 И другъ ея за ней бѣжитъ,
 Хотѣ въ бой суревнѣть сѣтало
 И зрѣнь вселенной имъ забаву,
 Въ нѣмъ сердце ородвало...
 Но нѣтъ! онъ стои не бѣжитъ,
 Онъ увлеченъ царицей:
 Вспомнитъсь — огнь любви дрожитъ
 Подъ властною рѣсницей,
 И намеръ на лицъ позоръ;

Во немъ боряся две силы:

Что къ бурьѣ бросить долгий взоръ,

Что на ея воззрѣла.

И скоро Нильс его призвалъ

Во излучинѣ безвсезной...

Тамъ смерти отъ безпечно издава

Во обдѣлкахъ прелестной.

Безумья ласки, сурасный взоръ

Несчастнаго подбѣга...

Все это рыцари, взоромъ обдѣлали и въ садъ веселымъ.

И возрѣ открылся пышный садъ!

Вездѣ живая вода,

Лутайки расписныхъ цвѣтущихъ

И строй холмовъ душистыхъ,

И купы молодыхъ кустовъ

И рожицы рай душистыхъ,

И грози и ковыри долины...

Мексиканцы не тамъ ло

Здѣсь родили красавицы для карманъ

И скрився въ нихъ умило.

Все прозо здѣсь, во всемо видна

Безпечное и свобода;

Казалось, обо всемо адна

Заболѣла природа,

И пришла здѣсь во первый разѣ

За образец искусство.

Здесь воздух, гарь покоряет,

На все навываль губево;

Везде поцелуево слюды:

Там на древахъ возвысеньяхъ

Выходятъ гурные плоды

Мур-за цвѣзовъ душистыхъ;

Тут не шелохнуся лирики,

И воды отъныли,

И припали възерки

Пернатыхъ хоры тьли; —

Можь рожь твѣзовъ однимъ лезань —

Чудесный красотою...

Мь языка созвучноего словъ,

Какъ у людей, сходила.

Онъ стьль на вѣзвѣ, онъ тьсьма заньль

И все еву бникали,

И вѣзерокъ дохнуе не стьль,

И сзруйки не плескали.

Онъ между прочимъ тьль возъ какъ:

--- влвѣкъ, уба, навѣкъ оу масъ умилея

Пролѣзномъ тьль цвѣзъ поноски шивай!

Зелѣнай май къ долинамъ возвращеся,

Но цѣвь для насъ не буть веснь другой.

Скривай цвѣзотъ скорой, пока не замзея

Метвь близкихъ руръ, часъ узра золодой;
 Стужи мюды въ зъ дни невозбразимы,
 Когда, мюды, ми можель быдъ мюдыми!

Поэма: Заруила тьмъ, замолкъ тьмелъ;
 М ^{intellektuelle} горлиця ^{wissen} боркуд.

Въ восурго тмакельномъ серцеу

Тьмуъ сладуръ поучилу;

М все удвоило мюды,

Все къ тьмъ ^и пробудило,

М сердце зверное удво.

Мюдыно забилосъ;

Кусца и урвкы и цыбуръ —

Всё муръ тьмой эмалл,

Земля, вода и възеркы,

Мюдыно всё въздалл.

Въ даханъ розывахъ кусцовъ,

Тодъ тьмуцено зьмью,

Тодъ сладкимъ звукомъ голосовъ,

Зовущихъ къ наслажденю,

Друзьк идущъ, и въ мь сердцая

Спиръ крове, спиръ мьги ^{zabivanie} мьтисе,

Тьдязъ сквозе възви, и въ кусцахъ

Несиданное явленбе;

Вскозрьмися, и что мь въ очалъ?

Они увидядъ замъ Винальдо въ обьязяхъ Армады.

и идущу, пока красавица удавится въ свои перчатки.
 Позомъ Карлу и Удалду удаеся увести съ собою Ринальдо.
 Когда Армида нашла, что скрыто предъ глазами идущу,
 что другъ ея сердца дѣтишь, — она придтоаея къ займаше
 каръ своише, но уже зцеоуно, ничто не помогаея.
 Тогда несчастная разрушаея свои волшебные сади и
 замокъ, а сама отправляея въ Тазу, гдѣи въ войско
 египетскаго царя сражаея противъ Христіанъ.

Пѣснь XVII. На сморзу египетскихъ ^{воишь} Армида, въ при-
 суживъ вѣнцѣ воишей, обѣщаея оударъ свое царство и
 руку зову изъ нихъ, коу убедеъ Ринальдо. Ринальдо (Ри-
 нальдо), между зѣлкѣ, являея къ Христіанскому вол-
 меднику, когорый далъ советъ, какъ найти его, и зовъ
 вручаея ему драгоценное оружіе и щиръ, изобража-
 ющій подвиги его предковъ. При зтомъ оиъ разсказъ,
 ваея Ринальдо и о его подалкаль, въ особенности о
 герцога феррарскаго, Ансронетъ, когорому неслѣдъ оиъ
 было не потерѣе, хотя оиъ и засадилъ тоза въ домъ
 сучасшедшихъ. Ринальдо продолмаея нуръ и являея
 въ лагерь кресконосцевъ. Оиъ собираея нѣди въ
 огарованный мѣсъ, но пресиде приносиръ покойніе
 въ своихъ задлужденіяиъ и, послѣ увѣщанія Пезра
 Пусзанника, совершаея по его совету паломнишея
 на гору Флеонскую.

Пѣснь XVIII. Въ мѣсу Ринальдо собираея срубѣе

дерево, но ему являлся образъ Арминды, сгорающейся
удерживает его. Когда же отъ не покоряется Этому иску,
меню, его окружають срашныя чудовища, но отъ
все-таки срубають дерево — и огарованіе нѣса пелезаери.
Дерева его идуть на постройку военныхъ машинъ.

Письмо XIX. Пламяется буря и шумъ города. Надъ
полемъ срашенія собирается небесное войско, влѣзъ
съ душами воиновъ, навшихъ подъ сѣтнами Иерусали-
ма, и содействуеуть побѣдѣ. Знамя кресомосцевъ развѣ-
вается уже на сѣтняхъ Иерусалима и только мѣсяцъ
продолжають срашныя единоборства. Тамкредъ сра-
таеетъ съ дикими Аргандомъ и удиваетъ его, но самъ
раненый падаетъ на полъ срашенія. Ирминія являетъ
ся изъ лагеря египтянъ, пришедшихъ на помощь Ала-
дину, перевязываетъ его раны и, согласно изъявлен-
ному имъ желанію, переноситъ его въ Иерусалимъ,
гдѣ отъ хосея ухеретъ у гроба Господня.

Письмо XX. Египетское войско нападаетъ на хри-
стианъ, и завязывается послѣдняя, рѣшительная буря.
Гозфридъ являетъся вездѣ, гдѣ связька жарге. Солиманъ
и Аладинъ также принимаютъ участіе въ срашеніи.
Они убиваютъ Раймонда дулузскаго, храбраго Одоарда и
жену его Гилбдину, послѣдовавшую за мужемъ
въ кресовой походъ. Тамкредъ офицаетъ смерть ихъ,
убивъ Солимана. Арминда, лишившись всего своего

защитниковъ, хотеть убить себя. Ринальдо удерживалъ ее отъ самоубійства тѣмъ, что просилъ у нея прощенья и объявлялъ себя ея рыцаремъ. Позна оканчиваясь полнымъ побѣдою Торррида Буркониокаго, который велелъ побѣдителей въ свѣщенный городъ, а самъ, во главѣ своихъ рыцарей, входитъ въ храмъ въ кровавомъ бою, ружьеніи, вѣщая его тѣмъ, какъ урочей, и исполняетъ на гробѣ Христа данный ему обѣтъ.

Таково содержание поэмы, прославившей Шоркваро Тассо, какъ предшавицель романтической эпохи. И поэма эта имѣла огромный успѣхъ и до сихъ поръ служитъ образцовымъ произведеніемъ. ✕

Шоркваро Тассо самъ написалъ при разсужденіи (Discoiti), слушающія объясненіемъ ея значенія и искусства поэзии вообще. По его мнѣнію Римская поэма эта предвѣщаетъ видора содержания, способнаго принять художественныя формы, искусства упорядоченія въ дѣло эфирныя формы и приданія имъ всевозможныхъ поэтическихъ украшеній. Существенная принадлежность эпохи — ^{идеализмъ} идеализмъ и чудесное; или можно соединить зорско въ Христіанскомъ столѣтіи, гдѣ чудесное можетъ совершать: Боги, его ангелы, демоны, святое, феи и волшебники. Дѣянія, изображаемыя въ поэмы, должны быть славны и возвышенны; герои должны обладать высокой храбростью, великодушіемъ, какою,

носуго и издшесуволю манерь (cortesia), фрадула тоды
должна заключать въ себя совершенно законченное
дѣйствіе и единство.

Вотъ эти героическія правила Торривадо Тассо осу-
щесувили въ своемъ эпосѣ „Освободительный Иерусалимъ“,
прідавъ ему сурого, вѣрующій, католическій оутинокъ,
лишенный однако національныхъ особенностей и от-
звѣчающійся резоритескими и либретурными восточн.
паніями. Слѣды Томера, Виргилиа, Аукреція, Аукана,
Торация и Обидія — слишкомъ замѣтны въ поэмѣ Тор-
ривадо Тассо, даже въ рѣчахъ его героев, не только въ
описаніяхъ бурь. Лучшимъ похиванъ классическихъ
эпиковъ придакъ золско романтическій, а иногда
даже иллинической зоню. Такъ, напр., въ пѣснѣ VIII,
гдѣ рѣчь идетъ о любви Фримиинъ къ Танкреду:

Но и во ень любовь своей мечтой
Тревожить сонъ езрадамыи младой.
Пробуждена она была зарёю,
Какъ прашки тѣтъ утѣ едали на древахъ,
Кучки ширяте надъ свѣзлого рѣкою,
А възерокъ рѣзвиретъ на цвѣтахъ;
Проснулася, и уомной взоръ съ зоского
Бродиль кругомъ на селескихъ шалашахъ,
И голоса сквозъ зелень юъ ней несуретъ,
Съ жургантесемъ волнь, и стѣба слези млоуекъ.

гарящего силото, о геть съиджеть съвучерь съидущее ить.
сго въ тьсти XVI:

Армида сладосурасуно
 Раскинулася на цвѣздахъ
 И съ ней - Ринальдъ прекрасный.
 Съ зрѣтецуцихъ ея груди
 Билъ сядъ покровъ ревнивей,
 Въ сурвалъ разсѣтанныхъ кудрей
 Игравъ зефиръ слазливый,
 Съ чела, весь шемгучъ въ гасъ узель,
 На грудь еррцей казился,
 Въ очахъ дрожащій пламень котель,
 Какъ лунь въ водѣ, свѣзилъ.
 Кипящій сурасуно живой
 Ринальдъ, склоняетъ къ прекрасной,
 Чеза къ чезалъ, глава къ главой
 Дыхансе герталъ сурасуно,
 И не сводилъ съ ней оны глаза,
 Любовию лаская,
 Она заливъ, кльмъ, горьмъ и гасъ,
 Она, его лаская,
 Шо къ груди бѣоуцейся приоимая,
 Шо сливъ чеза съ чезали,
 И ^{объимавъ} обимавъ и заирерь,
 И возъ сплелес рукави...

И возъ душа съ душой слилась,
 И возъ вздохнул сладко...
 Пришелся, въ гущь придался,
 Все видела украдкой.
 Она цыпленку рабства золотой,
 Она - гордится властью.
 , Ко мнѣ, ко мнѣ! сказала герой,
 Твоимъ взоръ, замиженный сраженно!
 Въ немъ свѣтъ, въ немъ рай моихъ огей,
 Въ немъ счастье уноится.
 Здесь навсегда въ груди моей
 Твое изображение.
 Она съ него не сводитъ глазъ,
 Но зило съ лосна везала
 И когда - и послѣдній разъ
 Его поцеловала;
 Наука гартъ - ее въ гартъ
 Звала единственною;
 Ринальдо за ней иди не мовъ,
 Армидой увлеченной.
 Когда имъ покаянъ душима
 Прохладу навывала,
 Они слюдились, и луна
 Ихъ вьтвесе освѣщала;
 Они въ объѣмѣхъ любви

Часовъ не замѣтали

И, разжигая сердца въ крови

Въ воссоргаль уюпали...

Тяжело и зорко подобный глаза, эти губы и любви, выразительный подъяль съ парящею силою, больше всего привлекають къ нему израильцевъ. Особенно подъяль передаетъ оное ощущение несчастной любви, напр., любви Эринии къ Панкреду, или любви Ринальдо къ Ариндо, несчастной любви, испорчившей и его собственную жизнь. Болельщическая внешность, въ жизни своей не познавая, много по собственной инициативѣ, выразилась и въ характеристикѣ его романовъ, не дала оцѣнку поэтике ничего по собственному подъялению. Другая, главная послѣ любви основа поэмы — романъ переходить у него въ метаморфозы и интересную воссорганность

Герусалемити Liberata (Освобожденная Ферусалима)

Было высочайшимъ литературнымъ произведеніемъ, какое только было вызвано вѣнъ пробудившимся строгимъ отношеніемъ къ жизни и церковному реформационно въ Израиле. Въ смысле одушевленія изъ братскихъ или героическихъ сюжетовъ и живительной обрисовки характеровъ Торквато Тассо очевидно создалъ выше Ариосто, но, слишкомъ подъявившимъ вліянію Виргиліевой Энеиды относительного строго-

эпической композиции, онъ въ ^{мнѣн}связности и непосредственности представлений, ощущая позади неподражаемого, възрѣвшаго пѣвца, Немецковаго Воланда (Orlando furioso).

Въ слѣдствіе этой слишкомъ накатически созданной композиции, во вѣкъ гасящъ, Освободительнаго Иерусалима гудевущая что-то оцаненное, холодное, вымученное. Хотя поэма предназначалась собственно для прославленія перваго Крестоваго похода, почему и пришла въ ней широкій доступъ вся духовная риторика, какой жребовали какъ самой сюжету, такъ и духу того времени, однако описательная часть, или часть, въ которой вполне мирской характеръ и отличается несравненно болѣе прелестью и глубиной. Напр., въ пѣсни XV-ой, гдѣ рыцари Карль и Удалъ идуць искать Ринальдо, находящагося въ горахъ Аркиды, возъ пѣсо:

Герои мирного срезій
Идуць по выси горной,
Литы стѣпные бугры и лѣды
И круизной озвѣсы,
Перестыкавшіе слѣды,
Давали пуръ ильъ фѣсткой.
Уже осѣлисъ позади
И пѣдины и суремники,
Уже стѣзилисъ впереди
Цѣвѣущій долины;

Мелодія уральской литературы XVI ст.

Дерогъ шагъ — и надъ главою
 Сидеть солнце мѣся;
 Глядѣшь, — и прелестно живою
 Сзрама волшеберовъ отвѣта:
 Тамъ вѣчно вѣсь въ вѣзерокъ
 Прокладото душистой,
 И вѣчно расворено вѣсохъ,
 И вѣчно тебѣ гасно.
 Широкой пурники зропой,
 Чуръ слышными шагами;
 Тѣо спанушь, го отъ въ впередъ;
 И вѣзь негодникъ гасной
 Сбѣгая съ камней, брызги бѣгу
 И брѣвь жемчужницъ мисной,
 Пущисной дѣрнѣ, облегшій брѣвь,
 Ласкаемый водою,
 Зовезь, манишь на лозить нѣтъ —
 Въ озрадному покою.
 „Вѣзь отъ, пришелицы говорять,
 Мезогникъ сѣмъ-ла вѣнній!“
 Вѣзь жокъ воды и въ нель-го хдѣ
 Для пурниковъ утасный!
 Шенеръ побѣда наивъ тѣ платиць!
 Въ гасъ отъговъ опасныхъ
 Заговорили слухъ наивъ для сирень,

Для твоей сладко-гласныхъ.
 Метвь твою геза друзей впередъ
 Мдежь и полна ежала
 Мъ пышного разлива вѣдь,
 Мъ влажного кричала.
 Мъ видишь, — брашнями ежона
 Разсѣялены на брегъ;
 Въ водахъ раздвинулись валы,
 Мъ въ сладко-рачной твоей
 Два дѣва — гудо красодой —
 Выходажь и игратажь;
 Что тѣмъцуря отъ воды,
 Что въ жаркѣй споръ везунагожь,
 Кѣзо преиде къ гѣли доплывежь,
 Что, въ глѣбъ, развѣсь, кыратажь...
 Нарнули... возъ спина мелкнѣхъ,
 Возъ локона всплавагожь.
 Невоисно вейхнули сердца
 Бероевъ горделивнѣхъ;
 Сзодъ, идущъ спорныхъ игръ конца,
 Тладнѣ на дѣвѣ игривнѣхъ;
 А дѣва все еще въ воды
 Играла и шутила.
 Мъ возъ одна, везавъ до грудей,
 Все прелесть розъ и лилѣй,

Это роскошь двубеветных красок
 Пришелцава показала;
 На игровых зайцах дилка водь
 Прозрачная лежала.
 Такъ въ облакъ роси безаерь
 Рудяная денница;
 Такъ вышла въ первый разъ изъ водь
 Любви и нощь царца:
 Такъ предъ очами прищелцовъ
 Изъ волнь за дѣва вѣдала,
 Такъ влага съ шелковыхъ власовъ
 Кристальная сбѣгала.
 Она бросаеъ взоръ къ брегамъ,
 Какъ будто бы безъ цѣли;
 Такъ вѣздяи, и - пероу къ усавамъ,
 Ланица покраснѣли.
 И зоронливого рукой
 Прядь кудрей развязала;
 Она съ главы злагой волной
 На грудь ея упала.
 Взоръ сладостный огнемъ горюхъ,
 Въ усахъ улыбка дншухъ,
 На розахъ двубеветныхъ ланицъ
 Рудянецъ срадно пншеъ...
 Раскрылись алья уста,

И голос — звуки рай,
 Из ниль слышала геса
 Героев колода:

Людицы спасся! вы пришли,
 По вышней волть рока,
 Въ благословенный край земли,
 Сказала дрова рока:
 Здесь вогный царьвугерь покой,
 Здесь горесей забвене!
 Здесь разливаеся рькой
 Бездрезной наслажденсе,
 Какое въ вькть ниль злагомь
 Члародь, законовь гундой.
 Прогь мегь и панцурь и шеломь!
 Въ достыхалъ мьгъ здесь мунди;
 Въ храмь мира нль! нль не видае,
 Не маюдае болтъ крови;
 Вы будае здесь воевае
 Подъ знаменемь любви.
 Здесь сьгань войми — душисей холмь,
 Пльне роцинь, дерна логне;
 Мн вась въ царинь приведемь;
 Для ней всего дорогне
 Блаженеуво вьгьрившился ей,
 Она, когунь гений —

Раздольную съ вами радуешь досей
И лоне наслаждений.

Но пресиде смойше помы съ себя
Въ сзрудяхъ похоча чистыхъ,
И лакомсзвъ, время не гудя,
Орвѣдайше душисзвухъ?

Но повзанный голосъ, сфрасуе огей
И груди — зависуе млинъ —

Плывидли слухъ и взоръ друзей,
А сердца не плывили.

Линсъ венныхнезь огонекъ ланишь,
Линсъ губсзвентисесть простисея, —

Разсудокъ бездну озарить,
И совѣсзе унаснаеся...

Герои къ новениъ зорисеубавиъ —

Къ замесзвентному саду;

А дѣвы въ гуде, и скривли замъ

Позоръ свой и досаду.

Такия и форму подобная мѣста въ поэзии Таркв.
го Стассо больше всего привлекали не фольско шраг.
Янцевъ, но и друшихъ, цзвѣдѣщихъ и сзриннузо
поэзію. Такъ, напр., какъ мнѣ каменеся, мѣсто о
дѣвѣ, востедшой изъ вода, по всей въродуносси, дѣ,
зе дало поводъ къ сочиненію прекраснаго сзихо.
зворенія — Баллада, Рѣдаси" (Дел Гичвас).

Связь, козоровъ Торквато Тассо почти съ из-
букочно охарактеризует изображение сцены Ринальдо
къ Арминде и чудесныхъ садовъ этой послѣдней;
дивно-прекрасныя эпизоды Эрминии, Олимпия и Со-
фронии; выдающаея масштабность вѣтъ положе-
ній, въ козорахъ порывы сцены доходятъ своего
высшаго выраженія; великолѣпныя празднества, споры
войскъ (здѣсь въ блестящихъ краскахъ отражается
роскошъ феррарскаго двора), прелесть его картинны
природы, — все это, независимо отъ его религиознаго
одушевленія и французски, заслужило похвалу, но
вѣкъ гораздо больше романтическу и чувствен-
ной свѣтлостю, чѣмъ сколько отъ самъ того желать.
Музыкальность его сценовъ, козора образила эпизо-
ды этого эпоса въ квѣсти венеціанскихъ гонимыхъ
робъ и козорахъ съ обаятельнымъ мелодичностью се-
дичахъ и извѣстную Энергію, равно какъ и элегі,
гескій духъ, проникающій всю поэмю и какъ нелюдь
больше согласовавшійся съ родимыми настроені,
имъ лучшихъ людей въ Узалин, въ равной мѣрѣ
подкрѣпляли знаніе и вліяніе Торквато Тас-
со.

Дофонтинска и недосказки поэмы „Освободительной
Иерусалимъ“ видны изъ ^{какого} нашего изложенія. На современ-
никовъ поэма она производила такое сильное впечат-

Львине, что подь конецъ своей жизни отъ задумалъ
продолжать ее и подь сомнительнаго качества вліяніемъ
іезуитовъ написалъ другую поэму въ 24-хъ икствяхъ, За-
блосватный Іерусалимъ (Jerusalemme occipata?), въ кото-

рой нѣтъ и слѣда поэзіи и дарованія Шоркваро Тассо
и которая была озвертнута весьма.

На русскоиъ языкѣ много старинныхъ переводовъ, Сво-
боидетнаго Іерусалима (Jerusalemme liberata). Первый едѣ,
лаиъ съ французскаго и принадлеише Михайлу Пото-
бу (Т. 2 часри, 1772, второе изданіе 1787, Москва). Съ француз-

скаго бѣе перевелъ поэму С. Москозильяникова (Москва, 1819;
2-ое изданіе 1821 г.). Съ италіянскаго А. С. Шмидкова (Т. 2 часри,
1819). С. А. Рави (Москва 1828). А. Мерзлякова (1828 г.). В.
Ливанова, въ прозѣ Золско нагало (Москва 1862 г.). Сверѣ
того иръ Тассо переведена: Богинія Тассова: А. Шми-
кова. Тассови ноги (Т. 1808). Николай Огулонова (Мѣ,
началъ: Цѣвизн на 1809 г.), 7-оме изданіе, исправленное
бышло въ 1819 г. подь названіемъ Тассова нестатид.

Въ заключеніе разскажемъ еще, Торришондэ, един-

Торрисмондо, молодой король Тохим, управляет в Нор-
 вегию, обвенчался с Альвидой, дочерью замешанного ко-
 роля — и не для себя, а для своего друга Дмермондо, за
 которого норвежский король из фламьинской врандике
 оудаль бы дочь свою. Торрисмондо получает Альвиду в
 супруги и, объявив, что будет праздновать свадьбу дома,
 берет отъезду свою милую супругу на корабль к Дмер-
 монду. Но дорогой отец, владеющий в Альвиду, которая
 оказывалась своему милому мужу всевозможные ласки,
 и когда ночная буря прибила его корабль к пещер-
 ному берегу, Торрисмондо изматывает своему другу, му-
 чиливый рассказ, отъ возвращаясь в отъезду, и с
 дня на день откладывает свадьбу. Вручь отъ Дмермондо
 получает известие, что отец идет. Торрисмондо не
 знает, что ему думать; отъ решается отъезду своему
 другу сестру свою, добродетельную Розамунду. Но во
 время приговариваний къ празднеству происходят
 рядъ страшныхъ откровений, подготавливающихъ зрелище,
 скую казасурфу: именно отъкрывается, что Розамун-
 да не сестра Торрисмондо, но что в дѣхуе она
 была обличена на Альвиду, которую норвежский
 король, снужающий ее за свою родную дочь, оудаль в
 супруги ее родному брату. Торрисмондо идет к
 Альвиде отъкрывает ей тайну и угрожает ее вайду
 за Дмермондо. Но она убивает себя. Торрисмондо

отказывался от короны в пользу Дзармондо, и просил его быть подпорком своей несчастной и преследуемой матери. Позволь отъ закалывался на трутень Альвиди.

Авторы были проникнуты трагической идеею древних и умали перенесли эту идею в сферу романтической. Въ трагедии его гретья кровосмешения совершаются не сознательно, не по воле Венеры, какъ въ «Камале Сирене-Сирони», — а по несчастному стечению обстоятельствъ, по неизбавимой воле рока. Пьеса эта имела большой фуроръ, въ томъ же году ее подвешивали въ связи она была перепечатана 7 разъ. Эту драму итальянцы долгое время считали одною изъ лучшихъ своихъ трагедій. И въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже объ интересѣ дѣйствія, прекрасной, энергическій языкъ ея и великолепная конструкция стиха итальянцы «Торрисмондо» достойный поэтъ «Освобожденнаго Иерусалима».

Хоть Торривадо Тассо и какъ лирикъ и какъ драматикъ были самыми выдающимися поэтами своего времени, однако же великая поэтическая слава его основывается почти исключительно на его Эпическомъ трудѣ.

Современники Торривадо Тассо.

Президе всего нѣкозорове изъ писателей этого оудата -

Castelletti

отдѣленія подражали масхусской драмѣ Торива, зо Массо, Аманда. Такъ Крисфороро Касзелетти наидяеть ирландцавъ своей романтической масхураляго, Амариллида. Пасухъ на островѣ Канди илюбизъ нинфу Ликориду. Отъ думаетъ, что она погибла отъ ада его соперника, оставляеть островъ, десеть леть скитаееть по свѣту и приходить наконецъ въ Тоскану. Тамъ отъ влюбляееть въ Амариллиду, но, чому то она совершенно похожа на его третию возлюбленную, Ликориду. Амариллида, зоме гудая въ Тоскану, отклоняеть иказелетто масхула, прикваша ина Кредуло. Но она зоме любизъ его, позоуд, что находить въ немъ сходство со своимъ мнимо-погидшимъ любовникомъ. Такъ они иудаютъ до послѣднего акта; Кредуло хотеть умереть и, прощаясь съ жизнью, произноситъ имя Ликориды. Это привлекаеть вниманіе Аманной Амариллиды, и нѣсколко вопросовъ и отбѣзовъ приводить къ откровенію, что Амариллида и Кредуло старые любовники съ острова Канди, снова соединившіеся въ Тоскану.

Ongharo

Ongharo (1569-1599) для своего „Алекс“ воспользовался рабочими идиоммами. Масхуловъ на сфорали отъ занятими рабаками, которые говорятъ не о волкахъ и овечкахъ, а о рабахъ; вѣдьса са,

уира отъ ввелъ безобразныя фризонь. Одной
идиллию недосадочно для сцена; поэзию Альви-
зио-Пасквалино внесъ въ пастушескую драму эле, Alvisio-
методъ шурки, Касцеледди - элементъ героико-роман- Pasqualigo
тически, а Ингаро выводилъ на сцену рыбаковъ,
но ~~они~~ ^{эпики} не написали ничего замѣчательнаго.

Соперникъ Торквато Тассо при дворѣ феррарскомъ,
Донамбаззисса или Баззисса Тварини (Quatini) изъ
Феррары (1537-1612), основатель по подвигенное на,
правление прарянской поэзии, которое совершенно
отрекалось отъ непосредственной жизни и уходило въ
безопасную, но вполне благодарную для лирика
область идилли. Лучшее пастушеское драматическое
заключено въ Il Pastor fido (Вѣрный пастухъ). - Пьеса
раздѣлена на пять актовъ и въ ней больше шести
тысячь стиховъ различнаго размера. Содержаніе
следующее: Аркадіяне должны ежегодно приносить
Жантѣ въ жертву дѣву, чтобы эфиръ отклонялъ отъ
себя морь. За жертва должна приноситься до тѣхъ
поръ, пока, по изреченію оракула,
два сердца, ведущія происходятъ свое отъ боговъ!
Монфано, зарець разбитой божини и овецъ единъ,
свѣтлаго сама Силвіо, ведеть свой родъ отъ Теркулеса
и, желая исполнить предсказаніе оракула, старается
соединить своего сына съ Амариллидой, прекрасной

пасхушкой, догертю Птирзю, похотька Пана. Испол-
 нению злого пророка милаерь сердце Силевю, нею,
 сурное для любви, молодой теловткъ наловить удобою,
 субли золота въ окозю и не хочеть зная своего невѣстну.
 Амариллиду сурасно любить Мирзилло, мильной свою
 пасхука Карино, незадолго передъ зтымъ оуправившии
 ся въ Элиду. Въ закото зие сурасно любить и со Ама-
 риллида, но не высказываетъ своей любви. Кориска,
 козорая любить Мирзилло, пользуется зайною любовсю
 Амариллида, етою погудитъ се, воображая, что по
 смерти соперницы она нераздалсно будеть наласи,
 дазся любовсю Мирзилло. Разными лирроскани
 ей удаеться свести зайно людяцихся въ теизерть и
 позоить провесити руда зие сакура. Мля сввахиваюрь,
 приводярь на судъ великаго правосвдцнника
 и обвиняюрь въ нарцшении изълоудрид. Ами-
 риллида не можерь доказаць своего невинности
 и осудена на смерть. Мирзилло, въ козороу Ко-
 риска напрасно сфараетья пробудитъ ревности, рю,
 маетья умереть за свою возлюбленницу; законъ, на-
 казываетъ зюлько танициню, позволяеть люди,
 зиталю искунарь своего смерзюго срьхъ осуденныю.
 Мирзилло ведеть на мьсо смерзюоприношении, и
 Монрано зие заноситъ козю надъ обреченной
 смерзюю; какъ вдругъ являетя мильной озець Мир.

зилло, Карино, и открываешь, что осужденный не
 сын его, а чужеземецъ, и по тому, по закону, не
 может умереть за другого. Открывается, что Мирзилло,
 по родной силе Монзано, ребенок упавший въ рѣчку
 и полу-мерзвый выхваченный паскухалли. Птенерс,
 какъ какъ Мирзилло не чужеземецъ, Монзано, въ
 исполненіе закона, долженъ прилези въ шерзбу
 своего единственнаго сына. Бѣдный оцень нецуть-
 шень. Къ счастью, являеся слѣпой пророкъ Пирезио,
 назначенный судьбою для разоблаченія заморжен-
 ныхъ словъ оракула. Онъ доказываетъ, что не златко
 предсходящая шерзба прозвѣна воля богини, но на,
 счалъ конецъ египетной шерзвы Аркадию, ибо ис-
 полнилось древнее предсказаніе оракула, и вѣрная
 любовь соединила два сердца, вѣдущія происхождіе,
 дѣле свое оубъ боговъ. Решено выдать Амарилиду
 за Мирзилло. Между тѣмъ Силвію, гоняеся за ди-
 киль звѣрель, нечаянно попалъ сурьолою въ До-
 ринду, которая его любитъ. Созрѣданіе, закрывшееся
 въ его холодное сердце, при видѣ дѣвочки, ране-
 ной, какъ полагалъ онъ, смерзельско, — решило
 въ любовь, и выздоравливая Доринда сдѣлалася
 женой Силвію. Кориска приходитъ къ удивленію,
 что ея индрили безмолвна — и расказываетъ.

Je pastor fido пользовался большимъ извѣстностію

въ эпоху своего появленія. Позомъ сурогіе красоты
оскнѣли его, но въ послѣдствіи исторія литературы
признала и дозоумсва въ зной ибееъ. Правда,
герои ея не пастухи, а придворные, говорящіе
изысканнамаъ здыкомъ зого времени; въ ибееъ видно
явное подразманіе. Аминта? Пторквато Тассо, но м.
русскія ижеца въ ней превосходны, а ходъ дѣй.
субія напоминаеъ греческія драмы. Пасфорамъ
„Вѣрный пастухъ“ Баззисца Тварини оуплаеъся боъ,
тиши живоюъ и движеніемъ, чѣмъ Аминта? Птор.
квато Тассо, но за го она искусственнае и разсу,
догмае; эа пасфорамъ ерала образцомъ для цѣлаго
ряда знавшихъ за издизеувомаъ идиллическихъ
поззобъ. Сухи Тварини по справедливосци засл.
живаюъ удивленія.

• Габриелло Киадрера (Gabriello Chiabrega) изъ Саво.
на (1552—16372.), свирѣпсвудъ въ полемическихъ кан.
зонахъ прозвѣвъ ерзиковъ Люзера и Калвина, глав.
номъ образомъ приобрѣлъ своего славу идиллически,
одами и песнями, козорія отъ охотно позволялъ
называть пипдаровскими и анакреоническими. —
Отъ подразманъ по крайней мѣрѣ антитомъ м.
рикамаъ Пиндару и Анакреону. Немногіе позра
получили при жизни сродско почесей каомъ Ки.
дрера: вѣтъ власцирели Мзалии ¹⁶³⁷⁻¹⁶³⁸ кампереривъ оскнама

его знаками своего благоволения, но поэты не при-
нимали от них никакой зависимости и жили
большего частью в своем родном городке Савонне,
исключительно занимаясь литературою. Писали они
чрезвычайно много и во многих родах, но лучший его
произведения — ода и песни, хотя в духе своих, мораль-
ных канцональ отъ самых ризкиль и пошлых
образов обругал Лютера.

Спероне-Сперони (1500—1588), известный критик Sperone Speroni
своего времени, не раз применял свои силы и в по-
эзии. Его трагедия „Каначе“, с которой мы уже ознако-
млились, в прозаической ^{форме} приподняла подмилды его
современников, вполне сообразовывала всевозмож-
ные ужасы того времени.

Подобными Спероне-Сперони поэтом был и Luigi
Луиджи Грото, который в своей пасторальной драме Grotto
„Любовное раскаяние“ (Pentimento amoroso) пытался
соединить яркий эффект с неопределяемой призор-
ностью, а в драме о пифере „Калисто“ явился, после
„Орфея“ Анджелио Полициано, написанного в 1472г., —
впервые предвосхищающий оперы. В „Калисто“ мы
по канцонь в первой интермедии при грации, во
второй — герере исебля, в третьей — весь деревя на сцене,
в четвертой — даже облака.

Со времени покорения Неаполя испанцами обь

нации значительно сближались; между поддиреклами и поддиректантами начался обмен чужеземных сокровищ, приобретенных одними нациями. К числу замечательнейших, сданных испанцами у своих турецких гофрей, принадлежат и романтическая трагикомедия. Стышение трагического с комическим, — зрелищного со скомическим, — сданным с самого начала главным характером испанской комедии; еще в XVI столетии образовалась совершенно особая отрасль драматической литературы. Но в Италии она представляла необыкновенное явление. Когда испанцы, усвоившие себе испанский язык, бывший в начале столетия родным языком испанской знати, привнесли к эксцентричности испанских романсов, манера козоров была перенята даже и теми, камми, они уже без всякого труда приняли и франц. комедию, поправившись и в своих роскошных разнообразиях.

К началу раннего попытки ввести в итал. итскую комедию романтическую эксцентричность, принадлежат комедия Рикки, 'I tre Tiranni' (Три тирана), представленная в 1529 г. в Болонье, перед Карлом I и Климентом VII. Путь на законь един, сьва не обращено никакого внимания; между прочим, во время тесса, актеры мигрируют к св.

тому Яго, въ Талисимо, и усматриваясь возвращается оттуда
къ концу комедии. Продолживъ действие пьесы на цѣ-
лый годъ, авторъ, что въ придаче новой сцене больше
важности, въ прологе засрабляеть Меркурию объясняетъ
ее.

Къ концу сфоразія драгикомедія цѣпала приближена
на драматическую погубь Ирали. Въ это время (1822)
явился Радзавлло Боргини со своею комедіей, испол.
ненною неправдоподобныхъ происшествій и невообра-
зительныхъ ужасовъ. Пьеса называється „La donna costante“
(„Постоянная женщина“ или дама). Въ ней содержание:
Элфрентина влюблена въ Арисиду, козорый за какое-то
преступление изгнанъ изъ оземсува; но воля отца она
должна выйти за другого. Чтобъ удержаться возлюблен-
наго, она принимаетъ сонтвай напизокъ и, при помо-
щи брата, ее хоронять. За что она зилонско уходитъ
изъ гробницы, переезжаетъ въ муоское плазе и хотеть
пѣхать въ Лионъ, гдѣ поселился ея возлюбленный.
Но она находитъ его еще въ Болоньѣ, и въ то время,
когда влюбленные радуются своей встрече, Арисиду
изгнаноу и сашаноу въ цторьбу. Элфрентине снова на-
дѣваетъ женское плазе, хотеть идти къ губернатору го-
рода, объяснить ему свои отношенія къ Арисиду и хо-
датырбовать отъ его освобожденія или, въ случаѣ не-
удачи, убить себя. Въ то время, какъ она, вѣтъ себя, съ

Borghini

кинжаломъ въ рукавъ, бѣжишь по улицу, встрѣчаешься съ нею озрѣвъ сбирова, бѣдущаго молодого геловъка на вистельмиду. Это родной братель Эдфрениге, Мильциадѣ, котораго била схвачена на веревочной лестницѣ у окна своей возлюбленной и, чтобы спасти ее честь, сказала, что она хотѣла ограбить дома. Сбирова раздвѣганоса при видѣ мнимой покойницы, которую они вчера фолско похоронили. Мильциадѣ зосе убѣгаетъ, встрѣчается Тебеделииду, своего возлюбленнаго, которая стинаетъ съ него цѣпи и отводитъ его домой. Маргелъ, заклятый братель всего семейства Мильциадѣ, подсмотрѣла въ замѣлочку скважину обвѣдѣя любящихся и стѣшишь къ музю, чтобы засравила его оумсривъ содлазничельныхъ дочери. Обоихъ спасаетъ кормилца Эдфрениге и братель. Губернаторъ узнаетъ эту исторію, устраиваетъ два брака и водворяетъ миръ между обоими семействами.

По примѣру многихъ другихъ пьесъ, въ La donna сопотанте вхавлено шесъ антрактовъ съ музикою и танцами. Первый слугинъ введеніемъ къ прологу: Музы пототъ на Парчистъ 14 сриховъ. Ораломе поитище, на въ концѣ каждаго акта. Въ вхоровъ поетъ Сонъ въ своей пещерѣ съ Иридой двѣ суровы. Въ вхрельмъ поетъ Церара, сидѣ въ своей колесницѣ. Въ гезвертомъ Римъ являетъ на зриуфалонной колесницѣ, передъ которою идуть въ стѣндѣ покоренная провинціи, Римъ поетъ сурову

о своей победѣ; провинции озвѣстало ея. Въ пятью —
самы Римъ явилась въ окопахъ передъ Фридриховой колес-
ницей, на которой сидѣли Мариль, Тензериль, Рицциль,
Шокилла, Нарезель и Бурдонъ, полководцы Карла V;
они похоръ канцону, главное содержаніе которой заклю-
чаетъ въ сѣбѣ: на побѣдѣ побѣдившаго миръ; заглавье
слѣдующе шалоба Рима. Въ послѣдствіи антракты явля-
ются изъ ада Плутоны съ Прозерпимой, изъ моря Нептуны
и Везида, съ неба Юнона и Юпитеръ, Венера съ Вул-
каномъ и Курисидомъ, — все въ высшей похоръ и образують
балетъ.

Комедія наполнена академическими и педагогиче-
скими рѣчами, исторіями, поученіями и сужденіями,
которые ксѣжи и нексѣжи произносятся слуга Луциліо,
врагъ Дразисрафо и паразитъ Эдате. X

Изъ послѣдователей Рафаэлю Боргини болѣе дру-
гихъ замѣчательны Сфорца делли Оджи изъ Перудини
(† 1610), написавшій двѣ еще болѣе суровыя комедіи:
Storikilotachid ('Поединокъ любви съ дружкой') и La
Figione d'Amore ('Темница любви').

Оджи

Къ исторіи оперы.

Наконецъ изъ пасуральной драмы развился въ
Италіи особый родъ сценическихъ представленій — опера,
достигающая вскорѣ же значительнаго развитія. Сначала,
для приданія операновѣ болѣе роскоши, музыку
вводили въ пѣсу, какъ вводное украшеніе. Такъ въ

«Орфей» Полициано музыка и занцы занимали взи-
ное место. Въ драмѣ Божкари Sacrificazione (Шерзбо-
припомение) цѣлая сцена была играема съ акомпана-
ментомъ музыки; это было опытъ перваго регитта,
жива. Наконецъ стали развивать одну только музыку
для выраженія чувствъ и мыслей.

Первыми исключительно оперными поэтами были,
Rinuccini въ концѣ столѣтій Оррацио Ринучини, коюрой своими
операми «Дарфизъ», «Эвридика», «Ариадна» основатель но,
всей родъ поэзии и эрмиа закрылъ послѣднюю возмож-
ность развудія для итальянской драмы. Въ 1597 году
явилась по первая правильная опера «Дарфизъ» съ му-
зыкаго композитора Пери. Въ ней преобладали звук-
ные, хотя и плоше сдѣли и весь оркестръ состоялъ
изъ клавишдала, прародителя фортепиано, большой
цизри, виола-ди-ганда и двухъ флейтъ. Содержаніе
оперы заимствовано изъ «Метаморфозъ» Овидія, козо,
рый самъ только прологъ. Въ началѣ пьеса хоръ насу-
ковъ и пилоръ проситъ помощи Аполлона прозаве
Пилота, оцусошанощаго сурану, и бока озвѣчаеъ имъ,
повторяя, какъ эхо, послѣдніе слоги стиховъ. Потомъ
Аполлонъ являеъ на сцену, убиваеъ змѣя, и въ
аріи успокоиваеъ хоръ, озвѣчающій ему гимномъ.
Но гордый своего побѣдою Аполлонъ оскорбляетъ
Амура, коюрой являеъ со своими сурьлами, въ

сопровождении Венеры, и грозить мести богу. Хоры
принимали подвешивающую силу Амура, и Аполлон
вскоре же переносил на себя дилемму его угрозы.
Увидя Дафну, отъ глумившуюсь к ней сильную сурасть,
но нимфа божинь, презирая любовь бога. Позомъ авля,
еся въспрнись и рассказываетъ о превращении непреклон-
ной красавицы въ лавръ, а Аполлонъ изливаетъ свою
печаль въ длинной арии. Опера оканчивается прекрас-
нымъ хоромъ.

Идиллически-мифологическое содержание оперы, не-
избывная дозоль обаятельность музыки, соединенная
съ юнымъ, сценическимъ обаяниемъ, слишкомъ от-
вотами похребносьямъ зого времени, тогда не имьтх
устыла.

Первымъ авторомъ комической оперы былъ Орацио Орацио
старший изъ Модены. Онъ ввелъ въ свою оперу Арле,
кина, Пандалона, Бригеллу, хвасущія испаница Кор,
доне, шидовъ и французовъ.

Въ первоначальномъ видѣ своемъ, зоесь съ проо,
благатенъ поэзии надъ музыкаю, опера существовала
до конца XVI вѣка. Далѣе, съ чинакомъ поэзии, мть,
сфо ея заняла музыка, и съ XVII столѣтій начинае-
ся уже періодъ паденія итальянской литературы.

Такъ продолжала опера свое существованіе съ незначи-
тельными, ничтожными содержаниемъ, пока въ пер-

1) Арлесцино, скрипачъ, папу

2) Пандалон, весталь, поле масона

3) Бригелла, масон характеровъ

Вой половинѣ XIX столѣтій не выскрнули Рихардъ Ваг-
неръ (1813-1883) со своими операми, въ которыхъ
онъ впервые придаетъ значение не только музыкъ, но
и содержанию - поэзи оперы.

Оппозиционная направленія въ итал-
анской лифераатурѣ.

Хоть Гаммель общесрвенный отношенія и направле-
ніе, которое придавалось университетному образованию, были
до крайности сублициальны для италіанской лифераатуры
этого періода, однако все еще въ послѣдній десяти-
лѣтій XVI вѣка ильли нѣско въ ней нѣкоторой оп-
позиционной тенденціи и факта. Какъ оппозицію
нужно разсматриваетъ здесь все, что прямо или кос-
венно шло ^{противъ} наперекоръ господствующему духу. Мнѣ-
когорне писатели этого направления окончили жизнь
свою на крестѣ. Возь прежде всего сциалезъ-философъ

1548-1600.

Джордано Бруно (Giordano Bruno da Nola или
Витто Нолано). Онъ родился въ 1548г. въ Благословен-
номъ краю, у подножія Везувія, у самыхъ воротъ Неа-
поля въ старой Нолѣ, въ Кампанѣ, ^{Нолѣ} ~~одномъ~~ изъ древ-
нихъ поселковъ Великой Греціи; гудные ландшафты
раздѣлалась передъ нимъ, море и горы ласкали взоръ
своими красочами, дружное, радостное и всегда веселое
населеніе городка оумно не наводило на печальныя
мысли, а окрестныя холмы давали въ изобиліи пре-

восходное вино. Никогда не забываетъ Бруно своей
 милой Нолы, своего земного рад. Усвоивъ все, что
 могла дать ему школа въ Неаполь, онъ дополнилъ
 свое образование постоянными чтеніемъ, изучая
 философію и аритметику, и займывая знаніями. Орфо-
 коми, чуждъ же ребенкомъ, всего 15-ти лѣтъ, онъ вступилъ
 въ монастырь, и всю первую молодость (зримая часть
 долгихъ лѣтъ) проводилъ въ заочной обученіи. Раню
 или поздно его самостоятельности должна была кой-ки
 въ разрывъ съ узкими формализмомъ монашескаго бы-
 тья. За чтеніе волнующихъ книгъ уже на него
 косятся, за разговорами его слѣдятъ, едва не отдають
 его подъ судъ за ироническіе оцѣнки о инквизиціи;
 когда же, бѣствуя съ однимъ изъ зоваринцевъ-монаховъ,
 онъ неосторожно оговорился сочувственно объ аристеяхъ¹⁾
 и дѣло огласилось, назначено было суровое слѣдствіе.
 Постыжимо скрывается онъ въ Римъ, но и тамъ скоро
 нападаютъ на его слѣдъ; онъ принужденъ скитаться
 по сѣверной Италіи, на время останавливается въ
 Туринѣ, Венеціи, Падувѣ. Тамъ же взялъ онъ по-
 сохъ изгнанника! Нигдѣ онъ не встрѣчаетъ ласкова-
 го привѣта, нигдѣ не находитъ возможности остано-
 виться. Только въ генуэзскомъ городкѣ Нолы (Noli)
 ему дали право свободнаго преподаванія, и онъ уже безконечно
 счастливъ; нѣскольکو мѣсяцевъ подъ рѣдъ собираемъ

¹⁾ угодни Ариуса (въ IV вѣк.) и его приверженцевъ, сжигавшихъ
 Фисуса долско-головчюкомъ.

Земли разнообразных слушателей, красноречиво и
 убедительно излагаешь. Добытая ими научная истина.
 Официально называлась отъ эфира или предметъ
 „Сферой“, т. е. астрономией, но подъ ея покровомъ охва-
 тывалъ широкій кругъ знаний. Отъ однихъ изъ ревност-
 ныхъ поклонниковъ теоріи Коперника, козорого назва-
 ваясь взоромъ Колумбомъ, стало пробиваться събы нуръ
 къ небу сквозь преграды старой планетной системы, вез-
 дѣ проповѣдуешь и защищаешь ее, формируя крушение
 схоластическихъ представлений о мировомъ устройстве,
 освѣщеннымъ авторитетами Аристарха и Птолемей.
 Одного этого заслуживаешь за опасную теорію, отни-
 мавшую у земли ея первоначальное, центральное зна-
 ченіе, и раздробившую гармонию целой міра небоса.
 ныхъ легендъ, доказательно было бы, тобѣ обличить въ
 Третье ерефика. Но за то же ли пострадалъ вскорѣ Та-
 ллей? какъ мы это увидимъ впоследствии. Но коло-
 дой философы не ограничились соувѣреннымъ изло-
 жениемъ глумого оукриза; оно послужило для него осно-
 вой для дальнейшихъ построений. Французія по зараво-
 тала. Добывшись надежнымъ крыльямъ, отъ бросил-
 ся въ безконечный просторъ, разсѣкая воздухъ и про-
 никавъ въ другіе міры; отъ гордо доказавалъ существо-
 ваніе множества этихъ обнимаемыхъ міровъ; ему грези-
 лась жизнь и проблески сознанія вездѣ, душевная востанія

охлаждалъ отъ на самыхъ низшихъ ступеняхъ царства природы; эти представления сливались въ грандіозный пантеистическій догматъ о мировой душѣ, о слияніи и жизни, жизни божества и природы, и передъ этою свободной общезначимостью религіей блылись и казались ничтожными все положительныя, церковныя религіи. Его философія принимала глго поэтическій характеръ, и даже и бже не могло: отъ удовольствія бжль, что истинный философъ не можетъ не бже подумать.

На рѣдъ съ этимъ увенчаніемъ его по-временамъ привлекала и замечательная мифология, алхимія. Но это неважно, да и увлеченіемъ его времени, и съ годами, обладая истинною наукою, отъ охладнѣлъ къ этимъ вкускамъ своей молодости. Срежленіе тайны удовольствія, гдѣ отъ могъ бы свободно проповѣдывать свое ученіе, увлекло его по ту сторону Альпъ. После недолгой оужановки въ Мелань, онъ видѣлъ его во Франціи. Въ Тулузѣ, гдѣ университетъ слагался изъ сотенъ и собиралъ до 10,000 студентовъ, оужавъ отъ свой курсъ философіи природы, изъяснялъ диспуты съ залучниками саринъ воззрѣній и подвдоносно разбивалъ ихъ. Въ немъ вырабатывалось способноспи оратора и искуснаго спорутика; ему нужна большая аудиторія; въ немъ воплотилась сила оулиганствій пору Возрожденія гдѣ, свободнаго профессора (Libre professeur), не принадлежащаго и гдѣ, впрочемъ, отъ перешелъ въ кальвинизмъ.

ни къ какой корпораціи, перенявшаго изъ одного умереннаго цензура въ другой, разнося свои ученія по всему свѣту. Для Джордано Бруно настала пора посягательнаго скизантизма.

Слѣдующее послѣ Плулузи озаглавленіе его было Латривіа¹⁾ Сордонна, эрозъ оплодъ схоластики, сродна на сраасиѣ, гоговая искоренила налѣвнше проявленіе свободы мысли. Но опасность не помышляла Бруно смѣло высказывать свои мнѣнія, сблизился съ передовыми мыслителями, заручился даже поддержкой Генриха III. Но изумленный просфоръ и оудиль напелъ отъ залско въ Англіи, куда послѣдовалъ за другимъ своимъ, французскимъ посломъ Мишелемъ де Касремо. Въ Оксфордѣ отъ собиравъ масса студеновъ, отъ аснѣвъ свою теорію о превращеніяхъ видовъ въ природѣ. Въ разбѣвахъ кружкахъ, группировавшихся около двора Элизаветы, отъ вертозилъ искреннихъ изъннзелей и друзей, вродѣ угемана италъянца Флоріо, перевода дивнаго Спинозы Монраня, или Филиппа Сиднея, англійскаго романиста.

Наконецъ въ семьѣ своего восприимчиваго хозяина отъ оудыхалъ душой: Касремо былъ рѣдкимъ су, иругомъ, а въ именъ его и особенно въ маленской доктѣ Джордано Бруно гоговъ былъ видоуъ неземная созда, нійя. Когда дѣвочка тала и играла на музыкальномъ

1) Эрозъ отъ игралъ лекціи философіи, на кохорныхъ явился предъ шесственникомъ Спинозы, принявъ вселенную за живое существо, душа кохората — Богъ.

инструментъ, отъ спрашивалъ себя: не ангель ли со-
шель къ нему съ неба? Позревшее въ привязанности
и семейномъ счастье сказывалась въ разнѣ мнужа. Мно-
го любившій и сурово увлекавшійся въ молодости,
отъ давно подавилъ въ себѣ зрѣ влеченія; предметомъ
его кулза ознакомъ стала софѣя, мудрость, и этой воз-
любленной отъ слушалъ немилосердно.

Но двуклзнее лондонское зашише оборвалось вне-
зпно. Касательно были оговаривъ, съ нимъ покинулъ
Англию и Джордано Торинно; отъ возобновили было
въ Парижѣ свои чтенія, но, вынужденный направилъ
несодоудливимъ оставилъ французскую столицу, напра-
вилъ на этотъ разъ свой кузъ въ другую сторону. Герма-
нѣя привлекала его своей озмивленной университетской
жизнью; отъ передвигалъ во всякъ ^{годашникъ} (главныхъ универ-
ситетскихъ центрахъ: Карлсругъ, Вюртембергъ, Тельмиче-
ръ, наконецъ Прага, также привиславшейся рода къ
нѣмецкимъ културнымъ пунктамъ. Счастье и темеръ
не всегда удавалось ему. Столько въ Вюртембергъ, не
уфразившемъ еще со времени Лютера большого значе-
нѣя въ наукѣ и церкви, его вернули съ полнымъ
радушьемъ. Но и зуръ судьба не могла долго щадить
его: после двуклзней двуклзности, доставившей ему
большую популярности, наступилъ невзгоды; въ госте,
принимомъ университету березъ верехъ прозвонологи.

ная партия, и Джордано Бруно принужденъ отъ него
взять свой посохъ. Наконецъ мы видимъ его, усталого
и больного, во Франкфуртѣ на Майнѣ, коррекзоромъ
въ одной изъ лучшихъ типографій. На знаменитыя
нѣкогда франкфуртскія ярмарки съезжалась со всей
Европы разнообразная публика, въ томъ числѣ много
иностранцевъ, въ особенности книгопродавцевъ. Джор-
дано Бруно и дуръ ищеть повода къ претіянь и на,
утомивъ бестѣпаль, пригрозивъ къ негачи поволя про-
изведенія. Онъ вѣчно или за книгами, или ходилъ
одиноко и суровъ Либера.

Среди другихъ занятій его неожиданно и пріятно по-
разилъ призывъ побывать еще разъ родину: Могениго,
молодой предсавитель ерархитного венеціанскаго рода,
высвѣтившаго изъ своихъ рядовъ семерыхъ дожей, полу-
чилъ чълавшему во Франкфуртѣ книгопродавцу пере-
дать Джордано Бруно о своемъ поклоненіи его мудро-
сти, о желаніи видѣть его лично въ Венеціи и пооб-
завая его уроками.

Конецъ показався слишкомъ поспѣшного горю,
носилъ философа оговаривая на предложеніе неизволь-
наго ему магната, но какъ покаяно радостное вол-
неніе въ Джордано Бруно, желовѣкъ, какъ любившаго
родину, утомленномъ десятилетнемъ изгнаніемъ
и вѣчными скитаніями, и зенеръ внезапно увидѣвъ,

- темъ возмозимоеъ хоще не на долго поддываеъ въ своей
земль! Къ тому же опасенія гоненій и суда удержанъ,
мисе увѣренноею, что могоуисеуенная селсе Мого,
ниго съчинеъеъ озеродъеъ его неприкосновенность.
Эзо роковое совпаденіе обстоятелствъ ускорило раз-
вѣску несчастной жизни Джордано Бруно. Придывъ
въ Венецію, онеъ вскореъ созналъ свою ошибку. ✕

Въ Могеннго онеъ увидалъ скулатоуцаго, недалекаго
и грусливаго падринія, которій увлекался лишь слу-
хами объ искусствѣ, съ которыми Джордано Бруно пре-
подаеъ „Молліеву науку“, главнисиъ образомъ спосооъ
развизія навизія. Широка взглядовъ училель, доботори,
во въсказывавшаго нель, поразила и испугала молодого
человѣка; завязанная нель связи съ венеціанскими
волнодумцами, вродь Морозити или Сарти, были
ему непріятны; кризика современной догматики и
восфорженная негманія о просветленной, есеуеуен-
ной религии показали ему вредную ересь. Между
училелью и ученикомъ началось гасходъ размовки.
Джордано Бруно уже собирался назадъ, во Франкфуртъ
на Майнъ, но Могеннго, на зроръ разъ поддывишеъ на,
сзойливолю вътшаеъеъеъ своего духовника, рѣшишеъ
выдаеъ своего училель въ руки венеціанской инквизи-
ци. Ногесто, опираеъ на попомъеъ месси гондолгаровъ
въ ближайшей сродки, онеъ - зроръ нубий Иуда - захвауишеъ

его въ тюрьму, продержавъ сначала подъ домашними арестомъ, а потомъ, составивъ доносъ, полный немалыхъ обвиненій, передалъ его зайному судилищу инквизиции, въ которомъ немалую роль играли даже названная еще sacri all'eresia, специально надбавшіе надъ искорененіемъ ересей.

Начался венціанскій процессъ. Философъ это, коіто излагалъ передъ судьбами свои убѣжденія, какъ будто передъ нѣмъ была парижская или окефордская аудиторія, а не оубы инквизицоры; вызванъные свидѣтели — типиграфшники, знавшіе его по Франкфурта и нѣскольکو образованныхъ, съ которыми онъ цѣлкомъ соизнесъ, дали самый соизверженный показанія; можно было надѣяться на благопріятный исходъ — и Бруно, поддавшись крайнему душевному утомленію, дошелъ даже ненадолго до роли просителя: если оставяць эту жизнь, онъ отъицалъ извѣстнаго и неправаго многого въ своихъ сочиненіяхъ. Но это была ничтожная слабость, вышешная, какъ и у Галилея, губерволь самосохраненія. Да и она была бесполезна: о задержаніи Джордано Бруно провѣдали въ Римѣ, обрадовались захвату такого ересіарха и потребовали его присылки въ папскую столицу. Слабыхъ возраженія Венеціи, ссылавшейся на свои державныя права, не помогли: изъ Рима отъогнали, что преступленія такого

несмысленного врага религии подсудим лишь верхов,
 помы воздвиг церкви. Съ той минуты, когда Бруно вежу-
 тиль на барку, озвобившую его въ Анкону, его участь
 была решена. Судьи римскіе превзошли изувеченныхъ
 больше благодушныхъ венеціанскихъ инквизиторовъ,
 и во главе ихъ стоялъ кардиналъ Сантасеверина, мо-
 гущесть превышавшій самого папу Климентя, крак-
 ный францискъ, слышавшій Вароламеевскую ночь свяж-
 ныхъ праздниковъ церкви, — что ему значило послѣ
 зтого ^{вспоминаніе} со свяжъ какого-нибудь презрѣннаго ере-
 зика!

Но новый процессъ занялся на семь мучительныхъ
 лѣтъ (1593—1600); судьби какъ будто наслаждались, возноси,
 носъбю медленно изсержать своего жертву. Бруно зам-
 кнулся окончательно въ себя; его зверднѣе отъвѣта, пол-
 ные дощотнѣва, раздражали судей: „Я не обязанъ и
 не хочу бранъ твою-либо казнь, и казнь у меня повода
 къ зому“, гордо отвѣчалъ онъ судьямъ за годъ до казни,
 и написалъ нѣтъ стѣное защитительное посланіе.
 После перерыва снова возобновлялись допросы, дощ-
 комень и казни; всю душу изсержали они у несмы-
 сленнаго. Онъ давно свѣкъ съ мыслию о казни: „Пощъ,
 кощъ сстрашился за свое зѣло, — говорилъ онъ еще въ Лон-
 донѣ, — не кощень губевдываетъ единеніемъ съ Богомъ; внол-
 нѣтъ спасливъ лишь зодъ мудрый и добродѣтельный

человекъ, который способенъ даже не губернатора бить." Закончивъ процессъ, дали подсудимому срокъ дней, чтобъ онъ ночь, обдумался и ознаться; но послѣ этого срока онъ гордо заявилъ, что не знаетъ за собой никакой вины и ни о чемъ ознаться не хочетъ. Отъ него не скрыли, что его ищутъ именно черезъ на козерь. Онъ ознаться: "уширало мученикомъ добро, волюю, но душа моя вылетѣла съ дыномъ козря воз, несетъ въ рай."

На эту, саранинскую" гордость ознаниемъ чинились приговора; когда дожидали его до конца, Джордано Бруно произнесъ послѣднiя слова: "Вы прощайте, еще больше сраха, произносъ свой приговоръ, чиниъ я, выслушивая его." На площади Флоры, прозивъ развалины театра, некогда сооруженнаго Помпеемъ, устроены были большой козерь; войско и массы народа окружали его; козерь мгновенно запылавъ, и, связанный по рукамъ и ногамъ, въ сильныхъ оури. Давидъ погидъ славный мученикъ 17 февраля 1600 г. Свой характеръ онъ выдержалъ до конца. Другiе ерезики, Туль, Серверъ, не могли воздержаться отъ криковъ боли и сноповъ, - Джордано Бруно ни одиниъ вздохомъ не выдалъ себя.

Палачи собрали пепелъ и развѣяли его во все стороны, чтобъ ничего не осталось отъ такого упрямника.

История итальянской литературы XVI и XVII ст.

Но, на зло злой беззачетной тесноты, неумови,
 моя гасиры праха, муденика за науку разнеси
 во все концы света зародили новых благородных
 подвигов человеческого мысли. Без науки, литературы его
и сочинений.

Уже рано Джордано Бруно уомязе сомничий,
таида нежны, презренье кь суетьрлю. Какь у Фрау,
 сра, порыви его неодолим; онь часо благодаритъ Бога
 за то, что Онъ надолжилъ его зримъ свойствомъ, какь
 смелливъ былъ бы онъ, еслибы, принимая различные
 образы, могъ возноситься въ небесной сферы и прона,
 какъ въ глудъ земли! Съ закити широкими замеслами
 было бы зячкого ошидкого сознательо обреть себя на
 засой, слъное послушание и неподвижность. Онъ
 покидаеуь монахиря, взялъ посохъ изгнанника. Уже
 въ эту пору онъ надросалъ первую свою книгу, L'asca
di Xoe (Ноевъ ковчегъ), изобразивъ въ ней человеческое
 общесрво подъ видомъ разныхъ живозныхъ въ ковге,
 нъ, предводильныхъ осломъ; го дали его первая на,
 благоденя надъ, блаженного слумосубо, Santa Maria,
 та...

На-ряду съ теориею Коперника Бруно по-време,
 такъ привлекала и замесвенная мудрость, поднимав-
 шая завъсу надъ многими загадками быдйя. Всегда
 ослъвивавший алхимико, онъ ^{вса-таки} не могъ прозривосродитъ
 искушению, которору подпадали многие сильные умы

его времени, взаимно не перескабавшие и не интересовавшая
 нами. Тогда вспомнив это, мы поймем, как Эмюр,
 дано Бруно мог серьезно увлекается царьскими
 зборениями Раймунда Люллия, который не только на-
 чаль искусству развивает науку, но механически пере-
 вода основные идеи в алгебраические знаки и нахо-
 дя их на вращающихся кругах, брался научить, как
 вырабатывает новые идеи и догадки, — пространно до-
 ковал о символическом геловчегеских имен и соотно-
 сствующих им цифрах и р. д., основываясь главным обра-
 зом на еврейской и арабской нумерации. Возможно-быть,
 Эмюрдано Бруно привлекла своей неутомимой и без-
 боязненной энергией сама личность Люллия, до глубочай-
 кой старости не перестававшего проповедовать и учить
 того мугеников. Быть-может, его поразили в зоре,
 идя предшественника проблески пантеизма. Мы имеем
 еще — говорит Алексей Весселовский — любопытное дока-
 зательство живого интереса Бруно к люллиевой науке:
Московский Румянцевский музей хранит в числе сво-
 их редкостей рукописную книгу неизданную еще
 Фраказов нашего ученого, с несколькими листками
 собиравшейся черновой работы Бруно; глядя в
 особенности на эти листки, чувствуешь как бы при-
 сущие его, видишь его в минуту размышлений, за-
 мышавших на бумагу божьи фразы свои мысли,

козорая иногда цитируют много написанному на полях возгласу или небольшому ирландскому стилю хозворения. И что же? - Главное содержание поэзии составляют разсуждения о магии, о духах - покровице, миах, о „шотландской медицине“.

Но не на этом зиждется великое значение Бруно, как мыслителя. Это только - небольшая дань увлеченности его времени, и в годили он овладевает кю эфиром вкуса своей молодости. В одном из своих стилю хозворений он сравнивает искажений и распрощаний, зелей жизни со сильными плодами, козорый пускается в открытое море на узлой лодке, не сурашает опасностей: волны могут поглотить ее, ветер разорвет паруса на класи; а сколько опасностей на суше! Не, проходившая горы, дремучие леса, в долинах лодочная злоба и неправда. Но все это не устрашает ученика, ему не жалко пожертвовать молодости, утратить богатства, бессонных ночей. Его поддерживает священный огонь героического энтузиазма, который Бруно прославил в одном из лучших своих произведений „Войси фитоти“, являясь сам в жизни навлдонным приключением таких суднизелей идеи.

В своей единственной комедии „Il Sordano“ (Свободный) Джордано Бруно описывает астролога и суеверие, а именно предсказателей Серботти, Эго оплода ско.

1) Ср. его срасто „Джордано Бруно“ в книге „Этнод и Карак. герисудики: Москва, 1894.

2) Героическое бытие мисва?

и ослышалъ аристотелевскую схоластику; въ Герониме
скомъ Бюшансхъ (Troisié figure) возвеличивается
 подвигомъ свободнаго мыслителя; въ Эгоизмъ изъ лучшихъ
 своихъ произведений Бруно возвысился до серьезной,
 въ извѣстной степени даже одушевленной, поэзии, а,
 наконецъ, въ книгѣ De l'infinito universo et mundi
 (О безконечной вселенной и мірахъ) излагаетъ про-
 сфрантве члѣмъ когда-либо свое ученіе.

Послѣ этого крайняго разбора его сочиненій) возъ еще
 характеристическій черта его своеобразной личности. Эго
 было крохотное существо, вѣчно взволнованное и без-
 покойное, съ необыкновенно подвижными чертами ли-
 ца, темно-каштановыми волосами и окладистото боро-
 дою, облеченное го въ рясу доминиканца, го въ парадъ
 свѣтскаго кавалера, съ шляпою и плащомъ. Въ глазахъ
 его горѣлъ неугасимый огонь; Бруно го передается уны-
 нію, и тогда, по его словамъ, какъ будто созерцаетъ адскія
 муки, го грезетъ слышаеся у него медлительныя шепоты.
 Но стѣхъ Эгоизмъ не радуетъ: въ Эпиграфѣ къ своей ко-
 медіи „Свѣтники“ (Il Candelaio) Бруно приписываетъ
 себѣ способность быть веселымъ среди печали, печаль-
 нымъ среди веселья (*in tristitia hilaris, in hilaritate*
tristis). Въ молодости онъ мечтаетъ, что никогда не
 забудетъ своей милой Фолы, своего зеленого рая, всей
 красоты Европы будетъ сопоставлять съ нею, не разска-

неужь съ прозвищемъ "Ноланца" (Вично Нолано), и не
 разь вспомнишь о своихъ презвитихъ сосѣдяхъ, ихъ дѣ-
 лахъ и селеняхъ! Но онъ не въ силахъ осваиваетъ навыки
 въ законѣ заимать: точно непреодолимая власть бле-
 щь его въ данъ. Бывало, говоришь онъ, въ двузские годъ
 ему казалось, что за Везувіемъ все кончался, что
 данъ край свѣта, — порошь ему пришлое много извѣ-
 данъ, какія безграничныя бласи разсуждаются за пре-
 дѣлами ближайшаго горизонта. Не онъ первый по-
 кидалъ родину, чтобъ искалъ свѣта науки; сложное
 вліяніе греко-латинской культуры прививало но-
 манцаль тибне научные интересы; ему разсказыва-
 ли въ двузствѣ о тѣсколскихъ выходцахъ изъ Нолы,
 затлажившихъ страданія и казни за свои сурен-
 ленія. Это не устрашило его. Джордано Бруно много
 любилъ и сурасно увлекался въ молодости, но вѣнсуя
 съ зѣнь предметомъ его кулста все осваивалася тоуя,
 мудрость. Одно изъ стихотвореній въ московской руко-
писи обнаруживаетъ въ немъ зѣнь покровителій раз-
ладъ сураси и воститъ суренленій: "Я пошу високо
 знанія любви, — говоришь онъ, — но я оледенилъ въ себѣ
 надежды и желанія. Когда въ сердцѣ моемъ сверкають
 искры, на глазахъ навердываются слезы; я древошеси
 замираю, рвусь впередъ, сѣдя радостью, и оглашаю те,
 бесной сводъ отглавными возгласами".

Это — дым давно минувших дней,

Преданья старины глубокой...

Но это не романтическое сказание, это не грациозная легенда, — мы ознакомились здесь уже с печальным судьбою сильного мыслителя-поэта, не признанного со-временниками, погибшего за независимость своих убеждений. Неудачником при жизни, отъ и передъ судьбою поэт-механик долго не находилъ справедливости; друзья шкена захитили его; Золма и Фенерг знаеуть о Савона, роль, хоть по широтѣ взглядовъ и научному значенію Бруно далеко его превосходить; знаеуть она о Талилея и его прогрессѣ, попннью его знаменитыя слова, — но идя Джордано Бруно для громаднаго большинства стало безсодержательнымъ звукомъ. Новѣйшая наука съ конца прошлаго столѣтія усилленно сражаетъ и исправляетъ эту заслѣпую несправедливостъ. Далѣе во времени и различіе въ цѣляхъ и задачахъ культуры двухъ вѣковъ (XVI и XIX), во многомъ столь противоположныхъ, не должны заслонить отъ насъ значенія такого мыслителя и удивительнаго стойкаго человека, какъ Джордано Бруно. На примѣръ его, какъ на судьбу Талилея, Кам, пателлы, Ваннини и другихъ предсавителей исобачаіаго, Богатирскаго поколѣнія пресинихъ, мугениковъ науки, оудаленнѣйше поэт-механик будеуть воспиривають въ себѣ идеалично преданностъ освободительному знанію.

Бруно мечталъ о закоме дагомь, заародкомь вліяніи, когда человекъ, погидиий въ одномь вѣкѣ, живеетъ во множествѣ столѣтій (la morte di un secolo fa vivo in tutti gli altri).

И на самомъ дѣлѣ, свободн вліянія Бруно, напр., на англійскую литературу его времени долго были замѣтны. Ихъ находили у Меленкура, особенно въ „Танклетѣ“ (записыванія изъ діалоговъ Бруно: La sena de la sena de, тиръ умершихъ?). Изъ выдающихся писателей новейшаго времени вліяніе идей Бруно прослѣживается у Тѣре. Своєю, подчасъ изумительной оугадкой, дѣятельней его предшественниковъ великихъ философовъ XVIII и XIX вѣковъ, сравняей его на одной высотѣ со Спинозой, Бруно схоже на руденіе умиротворяющаго Возрожденія и восходившей зарни новаго времени. Джордано Бруно писалъ и стихи. ^{въ заключеніи} Воздѣ переводъ одного изъ его сонетовъ:

Я расправляю крылья прекраснаго, сураснаго желанія.
 Чтѣтъ выше я поднимаюсь подѣ быланіемъ зѣвря,
 Тѣтъ свободнѣе бѣдухъ парюхъ гордохъ крыло,
 Презирая міръ и суремляс къ небу.
 Сравниваюхъ меня съ Икарѣмъ,
 Но я поднимаюсь еще выше на моихъ свободныхъ крыльяхъ.

1) Brunnhofer. Giordano Bruno's Weltanschauung und Nachwirkung. Leipzig. 1882. — Domenico Costi. Giordano Bruno da Nola, sua vita e sua dottrina (новое изд. съ знамен. додѣв. 1889 г.). —

Алексей Веселовскій. Възр., произнесенная въ соединенномъ засѣданіи Общ. Люб. Рос. Пловесности и Психологии. Событія въ жизнь Д. Бруно 10 февр. 1885 г. Giord. Bruno's Einfluss auf Goethe, сдѣвѣ Бруно Гоетера въ III з. Goethe. Fabr. Buch, 1886 г.

Хоть я и самъ предугубую, что когда-нибудь умру мертвою,
Но какая жизнь можетъ сравниться съ такою смертью?

Пуще мое сердце робко спроситъ меня:

Куда ты стремишься, безумецъ? Горю ждешь!

За слишкомъ озвонкою дерзостью слобдуешь раскаяние.

— Ничь, я не боюсь паденія! озвоню я съ высокаго неба:

Все выше, вверхъ! выше духъ — и пожомъ цари, договорной!

Славная, благородная смерть предзнаменена ждешь.

Галилей (Galileo Galilei) принадлежалъ къ 1564—1642.
классическимъ писателямъ своей нации. Онъ родился
17 февраля 1564 года въ Пизе. Посвятивъ себя сначала
изучению медицины и философіи Аристотеля, въ
университетъ своего родного города Пизы, Галилей Га.
лилей вскоре перешелъ слобно второванъ въ аристо,
зелевскія правила и началъ вторить болше содубвен,
мыль наблюдениемъ и опыту. Оукравъ 19-ти лтью за.
кони ^{репутации, падал} надруника, вслѣдствіе наблюдений надъ кача,
мией лажнаде въ пизанскомъ соборѣ, 26-ти лтью,
онъ болъ чине профессоромъ математики, но первая
оие открытая имъ теорія паденія звердалъ жель взрѣть,
жила самое упорное сопрозвлекіе, а независугъ герцога
Джованни Медичи, кашину козорого Галилей осудилъ,
какъ нелтъпную, надолго заслывила ученаго покинуть
Флоренцію и лишила возможности заниматься изу.
чениемъ законовъ науки. Плоско друсида двухъ пазри.

цзевъ дослужила ему много учителя математики въ Падую. На публичной лекціи его, шедшей огромной ценою, являлись изъ далекихъ странъ даже такіе слушатели, какъ шведскій король Густавъ-Адольфъ. Галилей удаля много изобрядовъ по механикѣ и фортификаціи, улучшилъ компасъ и телескопъ, открылъ спутниковъ Юпитера.

Извѣстность Галилея была такъ велика, что французская республика пригласила его снова вернуться на родину. Онъ согласился, но, послѣ почтимаго пріема, вскоре же испыталъ все недобротелазевъство своихъ враговъ. Они воздзали прозвѣ его гидрографическихъ изслѣдованій и сочиненій о солнечныхъ пятнахъ, но въ особенноти прозвѣ его защиты Коперниковой системы. Въ ученіи славянскаго астронома, о движеніи земли, каѳолическая церковь нашла ересь, прозвѣнута священному писанію, и въ Римѣ Галилея заставили дать обѣщаніе, что онъ ни писанно, ни изречено не будетъ защищать этой системы. Но ученый не выдержалъ и, ^{отвѣчая} отдалъ іезуитовъ въ своемъ сочиненіи о кометахъ, написалъ "Разговоръ о птоломеевой и коперниковой системахъ міра". Не высказывая прямо своихъ убѣжденій, онъ вывелъ въ зрѣломъ заключеніи зрѣть зрѣть лишь, изъ козю, рвѣтъ одно защищать систему Птоломея, другое - Ко.

перника, а зрече длаахъ оцтнку доказахелсхъ обо,
ихъ прозвннковъ. Кромя двухъ главныхъ разговора
о судотномъ обращеніи земли вокругъ своей оси и о
годнотномъ едъ двигненіи, здохъ помощены еще бесѣды
о лунѣ и о приливахъ и отливахъ. Въ предисловіи автора
говоритъ, что написалъ эдохъ трудъ для того, чтобы дока
затъ, что въ Италіи хорошо знакома съ доказахелсхва
ми система Коперника, хотя церковь и запретила ее
своими благодѣтельными указами для ухраненія вѣжнхъ
непріступностей."

Книга эра, написанная замыхахелсхихъ мисра,
зурннхъ языкомъ, была напечатана съ разршенія глав
наго цензора и папскаго секретаря; она вызвала огром
ное согубсудіе въ ученомъ мірѣ, но брани вѣжнкой свѣж
лой мысли возражали противъ Талмеса — и во главѣ ихъ
былъ папа Урбанъ III, возрожденій въ книжѣ, въ учахъ
защитника положевой системы, свои собственныя
выраженія, высказанная имъ въ бесѣдѣ съ Талмесемъ
и ближайшего опровергнутая въ книжѣ философа.
Скорбленной папа прогналъ и своего секретаря и цен
зора, а Талмеса вѣжнхъ предать суду инквизиціи.

Почти 70-лѣтній ученый, богоской сфарикъ, долженъ
былъ изъ Флоренціи явиться въ Римъ передъ своими
судьями. Слишкомъ семь мѣсяцевъ длилось слѣдствіе,
судъ и допросы и, наконецъ Талмеса притиснутого былъ,

свой на колотыль, отресея отъ своего сочиненія, при
 знаннаго логикомъ, безумномъ, ересьескимъ и еро-
звномъ священному писанію, Сердцемъ искреннимъ
и вѣрою непреложною отрицая, проклинаю и нека-
вину высказанная мною заблужденія и ереси, гово-
ривъ чуждой, измученной нравственною нуждою. —
 Медорія не подтвердила преданій ^{ни} о физической пытке,
 козорою будучи бы подвергали его, ни о знаменитой
 фразѣ: „e pax si timore (а все-таки земля вертится),
 козорою отъ произнесъ, поднявшись съ колотыль. — Но
 несомненно, что и послѣ отреченія Тамилей и кнѣзю,
 изъ почти полгода держала его въ узорномъ заклю-
ченіи, гдѣ отъ написалъ два сочиненія о механикѣ,
 и, давъ ему позволеніе вернуться на родину, строго
 наблюдала за нимъ, не позволяла издавать его сочи-
 неній, преслѣдовала его самого и друзей его.

Во Флоренцію позволили ему прѣхать изъ залскокогда
 отъ ослѣплъ — въ 1635 году. Еще семь лѣтъ послѣ этого
 несчастія прожилъ великій ученый и умеръ 8 янва,
 въ 1642 года¹⁾ на рукахъ своихъ учениковъ: геометра
Винченцо Вивіани (1622—1703) и Физикомъ
Торричелли (1608—1647), изобрѣзателя Барометра, изъ
доказалъ законовъ гидростатикки. Тѣло великаго
ученаго было перенесено во Флоренцію, гдѣ въ церк-
ви Санжа-Кроче воздвигли ему, въ 1737 году, великолѣп-

ный памятникъ.

Галилео Галилей, великій математикъ и естествоиспытатель, приспособилъ итальянскій языкъ къ философскому изложенію мысли и, кромѣ ученыхъ изслѣдованій, обезсмердившихъ его имя, занимался поэзіею и музыкою. Онъ любилъ лирическую поэзію и изучилъ Аріосто и сравнилъ его выше Шорквато Тассо. До насъ дошли три сочиненія, написанные имъ. Всѣ сочиненія Галилея собраны и издааны Леопольдомъ II, герцогомъ тосканскимъ, въ 1842—56 гг. Изъ изданныхъ имъ сочиненій, нѣкоторыя заняты его астрономическими сочиненіями, нѣкоторыя — физико-математическими, нѣкоторыя перепиской, а послѣдній томъ посвященъ лирическимъ лекціямъ о Данте и о Данте и о Данте, поправкамъ къ «Флорентинскому Републикану», разсужденіямъ объ «Освобожденіи Иерусалима» и др. Венеціанецъ Паоло Сарпи (1552—1623), членъ ордена сервизовъ, математикъ, естествоиспытатель, филологъ, преподаватель геологии и каноническаго права, докторъ философіи, преданный адвокатъ императора Павла V, явился ратнымъ подкупленнымъ убійцею. — Эгоистъ Крабруи Сарпи первый разъ провозгласилъ ученіе Галилея, называвшаго Сарпи своимъ орудіемъ и ученикомъ.¹⁾

Не одного Галилея преслѣдовало францужеское духовенство. И до великаго астронома и послѣ него

1) На русскій языкъ о Галилео естествоиспытателе переводъ изъ «Воспоминаній» о немъ Ренана. (Воспоминанія. прибавл. къ Турневиллю Введенію. № 8—9).

многие ученые и философы заплатили свою кровью за свои убеждения. Одним из первых поименно за свои политический и религиозный мнений Геронимус Савона, рола въ 1498 г. Подобную же участь испытали Джордано Бруно въ 1600 г. и Луцилио Ваннини въ 1619 г. Фра. Паоло Сарпи (Сарпи) были явными врагами убийца ми, а Галилей и Кампанелла записаны въ злостатьи.

1569 - 1639.
Campanella

Томмазо Кампанелла изъ Сицилии въ Калабрию. Онъ родился въ 1568 г., былъ монахомъ доминиканскаго ордена въ монастырь Козенца. ^{Прославился, какъ поэтъ и философъ, политический и философский социенизмъ} ~~родился 27-28-1625 въ Козенца и умеръ 21 мая 1639 года~~ ^{Обвиненный въ ереси} и въ заговоре противъ правительсва, онъ былъ поборникомъ нравственности семь разъ и посылъ заключенъ въ земницу, гдѣ провелъ 27 или 28 мѣзъ. Свободившись наконецъ, онъ удалился во Францію и умеръ въ Парижѣ 21 мая 1639 года. - Онъ - предшественникъ Бэкона и Лассалля, предпринималъ произвести реформу въ наукахъ и философию. Единственнымъ изобретениемъ всякаго знания и философию онъ признавалъ - изслѣдованіе природы. Теорію знания онъ основывалъ на чувствахъ. Душа, это движение мозга, душа - богоподобна, вселенная, какъ цѣлое, безъ зла. Въ своемъ „Городѣ солнца“ (Città di sole!) онъ представилъ смѣлую утопію кореннаго социального переворота. Кампанелла писалъ трактаты и сатиры.

зворенія. Боже переводъ одного изъ нихъ:

Меня послала въ миръ высочайшая мудрость,
 Божевал сираведливостью, чинить и любовию
 Побѣднць зрѣть мочью враговъ:
 Произволь, клевету и лицемеріе.
 Такъ зри врага побѣждающа зрѣнь другими—
 Зримъ будеть удивленворень разумъ,
 И миръ расплачуться за мученія,
 Козоряд вѣчно приносять съ собою насиліе, ложь и коварство.
Голодъ, война, зараза, ненависть, обманъ,
Неправосудіе, лънь, распухство и безпорядокъ—
 Производятся на свѣрь самоподіемъ, гадомъ глупости,—
 Позволу я лучше нападу на ихъ мартъ.

Луциліо Ваніни (1586—1619), роше поэтъ и перс. Vanini
 жертвель здуше красѣ каръ Савонарола и Джордано Бруно.
 но. Отъ закше погидъ шертвого религиозныхъ преслѣ,
 дованій. Въ книгѣ своей: „Отъ удивительныхъ зайнакъ
царизмы и богини природы“, отъ говоришь прешающесъ.
 венно о физикѣ, стараетъ объяснить явленія природы
 естественными законами. Этого было досадно, то,
 ба обвинилъ его въ безбожій. Принудительный бѣгъ
 изъ Ураліи, отъ явился въ Тулузѣ какъ гость, но
 парламентъ велѣнь схватилъ его, заключилъ въ замъ,
 нищу, пытку и, вырвавъ у него языкъ, задушилъ
 и смелъ его. Отъ умеръ 34-хъ лѣтъъ отъ роду съ звордостью,

оскорбляя своихъ судей и уворяя въ своемъ правосла-
вii.

Безопасность всего была форма сажиры, которая,
казалось, нападала только на лиферазурный явленiя,
но при зломъ поразилась и зоръ думь, которой подчиня-
лось почти все лиферазурное зворкесство зрой зноби.
Но зломъ на меньше гораздо опаснее была чисто-пола,
зическая и анцикадо-мическая сажира. Третье всего
закимъ сажириковъ, дорого поплачившихся за свои
нападкы на католицизмъ, были:

1556 — 1615.

Троджо Боккалини (Тројано Боссалини). Онь ро-
дился въ 1556 г. въ Лоренцъ и управлялъ сначала нтъ.
козорови городами папскихъ владѣнiй, но, оставявъ
многихъ воинныхъ духовныхъ лицъ, долженъ былъ
оставить службу и поселился въ Римъ, гдѣ насильски
его воздзановили прозвать него множесво враговъ,
закъ что онъ долженъ былъ бъгнать въ Венецiю, но
не успокоился и тамъ. Такъ какъ его согнениа были
особенно направлены противъ омерзого беспорядка и
произвола испанской власти въ Неаполь, то онъ на,
конецъ былъ предавленски умерщвленъ въ 1615 году.
Въ одно утро гдзверо масовъ проникли въ его спальню
и убили старика въ посрели ударами небольшихъ мѣш-
ковъ, кадицъ и пѣсковъ. Зоръ родъ луцифелской смерти,
изобретенный въ Мцалин, назывался sacchegiate.

Возь сочиненія Боккачини. Пресиде всего въ ономъ, изъ
въезжая въ Парнаса (Ragguagli di Pasnasso) много разъ,
 остроумныхъ нападокъ на извѣстную личность, выскан-
 зываемую отъ лица Аполлона, верховнаго судьи на
 Парнасе; позовъ въ Продомъ камня (Pietra del para-
 done) Боккачини воздалъ прозвъ испанскаго влады-
 герца въ Уралии — за что долговъ былъ Джованнъ въ Вене-
 цию, но не успокоился и тамъ, и въ своемъ „Полиціи“,
 несконъ баламъ къ ^{книжкѣ} сочиненіямъ Тацитъ (Vilancisa
 politica di tutte le opere di Cornelio Tacito) право же,
 буре изгнанія гугенотскихъ властителей изъ Уралии.
 Академіи, ученые, публика восхищаются его сатирами,
 но правительству мало его. Выказавъ въ одной изъ
 своихъ сатиръ мысль, что тѣ, у кого длинныя языки,
не дожидають обыкновенно до старости, Боккачини
 испягалъ на себѣ справедливоствъ этой пословицы.

Уралиоты были сатиры Александра Тассони (Aless. 1565—1635.
 sandto Tassoni) изъ Модены. Живя долгое время въ
 Испаніи, управляя многими кардиналовъ, бывши
 секретаремъ савойскаго посланца, онъ не любилъ ни
 испанцевъ, ни придворныхъ, ни поповъ, — хотя самъ
 возвысилъ въ духовное званіе. Большаго частотныхъ
 онъ въ удивленіи, въ салуцкель абазувъ, занима,
 все охотого, и только при концѣ жизни получилъ
 погрудное званіе при дворѣ моденскаго герцога.

Героический эпос, снова вошедший в поуче, бла-
 годаря произведению Торквато Тассо, было удачно на-
 родировано Александром Тассони в героико-коми-
 ческой поэме „La sceschia rapita“ (Похищенное ведро).
 Идея, лежащая в основании всего вымысла, особен-
 но ясно высказанная в 3 сцене I-й книги, — сур-
 ведование на раздробленности Мэалии, продолжа-
 ющаяся цетльмь сунльзия и поддерживающуюся келом,
 килии усобицами ед государств и городов. Тассони
 хотель изобразит карикатуру зтой несчастной разд-
 лации. Распря, вокруг которой верзается события всей
 поэмы, возникла оъ похищения ведра, козорое мо-
 денцы, названные в поэме, по имени их пафрона,
 дженнианами, — унесли изъ Болоньи. Два раза
 Болонцы, названные, по имени своего пафрона, не-
 зрониами, отпрзвляли въ Модену пословъ, зредовавъ
 возвращенія похищенного ведра. Моденский сенатъ,
 председаемый герцегомъ поддечого, согласился наконецъ
 на выдачу, но съ такими условиями, козорыхъ болон-
 цы не приняли. Снова начинаеся распря. Сами
 боги принимаютъ въ ней участие; подитъ земныхъ
 распрей надъ ними развиваеся другая распря, на
 Олимптѣ, гдѣ крѣпко поссорилсѣ Марс и Вулканъ,
 закъ это послѣдній хвадилъ своимъ молодежь бо-
 га войны. Боги сходящъ на землю помогаютъ своимъ

проземе. Бахучь набираеца въ Берлини рекрутѣ
 для моденскаго войска, а Ветера кохуннаеца съ ко-
 ролеви Энцо, срадетъ выманица у него помощь
 городу Моденто. Памлада и Фредь хлопотуца за Бо-
 монто. Когда съ обѣихъ сторонь окончени все при-
 готовленія, разбиваеца самая ожесточенная война, сра-
 жения когорой изрѣдка прерываеца переговорами;
 въ интервалахъ введено нѣсколько эпизодовъ (напр. пре-
 красный разсказъ объ Эдмундѣ, красивый свидѣтель ^{тошотель,}
 козорого любима Диана, богиня охоты и луны въ VIII
 книгѣ). Въ IX книгѣ являеца волшебство. Оубою на,
 гитаясь обращаеца на себя большое внимание предса-
 вителя вѣхъ друсливаихъ хвасуновъ-воиновъ, графъ
 Кулонса, и подитъ него сингоръ Пиза, карикатура
 встѣхъ прифранныхъ фраговъ. Обоиъ Пассони засаваеца
 везупитъ въ поединокъ, во время козорого графовъ Ку-
 монса послѣдно овладоваеца друсоуца. Наконецъ на,
 на послаеца въ Ломбардито легата, козорой должени
 положеница конецъ озвращительской распрѣ, но дна-
 коно Мирандола привѣзевуеца зтого легата рогою,
 весьма неприязной для духовной осады. При посред-
 ничесствѣ легата заключаеца наконецъ миръ; обѣ
 стороны вадаетъ другъ другу плѣнниковъ и захвачен-
 ный области, — такъ что вообще, конца войны, сѣиб-
 шей съ обѣихъ сторонъ фактихъ сурасимыхъ потеррво.

ваній, — все осясая совершенно по старому.

Въ автописяхъ около 1249 года, сохраняющихся
 въ Моденѣ, Тассони замѣчаютъ: „войну, въ которой
 былъ взоръ въ плечѣ король Энцо, воспитанъ я еще въ
 молодости, въ поэзію, которой мы не пророчили ни
 ни за ея новизну, — ибо она состоитъ изъ смеси геро-
 ическаго, комическаго и сатирическаго, что до сихъ поръ
 было еще совершенно неизвѣстно. Деревянное ведро,
 давшее, по нашему вычисленію, поводъ къ этой войнѣ,
 сохраняется еще въ моденскомъ соборѣ, и идетъ молва,
 что за некоего Массачево передъ женою, моденцы
 завоевали его у болонцевъ въ схваткѣ, происшедшей
 за ворованіи Санъ-Феличе“. И Лудовико Антонио М.
Разори (1672—1750), написавшій свои знаменитыя, пре-
восходныя „Анналы“, уверяетъ, что действительно въ
башнѣ моденскаго собора хранилось это деревянное
ведро. Въ 1616 г. поэма была кончена, — но поэту
долго не могъ добиться позволенія напечатать ее.
Всѣмъ отказывали за множеству личнаго и всуежнаго
намековъ, козоре Тассони не соглашался вычерк-
нуть. Подрочку въ 1622 г. онъ послалъ рукопись въ
Пармю, къ другу своему Мариню. Авзоръ скрылся
подъ псевдонимомъ Андровинчи Мелисони, тогда
посмотрѣлъ, какой эффектъ произведетъ его поэма.
Она имѣла успѣхъ, и поэту позволили, съ нѣкоторыми

перелетными, намекая на ее в Урали. Там она
 явилась с именем поэза в 1624 году. Тассони, подв
 большим именем и именем Гаспаро Салвиани, прило
 жил к ней итальянско триумфаний, большого галусто
 сатурнического рода. Поэма состоит из 12 итальянских и
 написана октавами. Яснось мыслей и образовь,
точность выражения, легкость и изящество языка, на
 поминають Ариосто. Тассони, в своей поэме, довольно
 ясно выказалъ ей основную идею; но итальян
 ские почитатели поэмы придаютъ больше важности
 остроумию поэза в мелогахъ. Конечно, это остроумие
 сильно располагаетъ читателя въ пользу поэмы; но
 что въ оцѣнѣ всего тонкости сатурни, — ну что такое
 почитание множеству намековъ личнаго и мнѣш
 ныхъ.

Александръ Тассони былъ умный, образованный
 писатель, здраво судившій о своемъ времени, замѣтилъ,
 зельный кризисъ. Онъ нападалъ на Пётрарку въ
 своихъ Сочиненіяхъ о Пётраркѣ (Considerationi sopra
Petrarca) и въ памфлетѣ Красная палатка (Tenda
rossa), названномъ затѣмъ въ подражаніе Шамфла
 ну, который при объявленіи войны раздѣлалъ красную
 палатку. Но главное произведение Александра Тас
 сони — героико-комическая поэма, La sacchia rapita
 (Полуценное ведро), это въ граціозный первообразъ

многихъ позднѣйшихъ героико-комическихъ поэмъ.
Соперникомъ Тассони былъ

1566-1645.

Франческо Бранкболони (Франческо Брассиолини 1566-1645). Получивъ образование въ пизанскомъ универс. уездѣ, онъ отправился въ Римъ, гдѣ милосердіе папы Ур. Бана VIII обогрѣли ему спокойную жизнь, такъ что онъ могъ вполне посвятить себя литературному творчеству. Онъ попробовалъ свои силы поэти во всякихъ родахъ поэзіи.

Въ эпической поэмѣ „La Croce rasquistata“ („Вновь завоеванный крестъ“) Бранкболони описываетъ войну, предпринимаемую гротескнымъ императоромъ Теракліемъ противъ персовъ, съ тѣмъ, чтобы завоевать у нихъ „саго legno“ (святое древо), вздыое или, между прочимъ ре, миквіями, при осадѣ Иерусалима.

Бранкболони сходенъ съ Тассони (съ его „Собраніе“, хръ догови или върныя „Оснѣваніе боговъ“). Какъ Тассони въ своей героико-комической поэмѣ „Пахи, ценное ведро“ оснѣживаетъ распри мелкихъ итал. аскихъ государствъ между собою, такъ съ этою оне целью Бранкболони сочинилъ поэму „Снегно degli Dei“ („Оснѣваніе боговъ“), гдѣ прямо говоритъ, что къ прославленію пресиде востъзго или св. кресца залско и недосказало того, чтобы предсказывъ и изображывъ востескихъ боговъ во всемъ или ничтоиссвѣ. Позволитъ

онъ призываетъ Христа покровъ его предпріяжію. Во
 введени онъ говоритъ, что это вѣременная голова, пре-
 зирающая правила искусства, который онъ сколько мѣтъ
 соблюдалъ совершенно серьезно, — хотеть генеръ хоть
рачь предаться своему судебному взгляну и ста.
добра природѣ, которая, какъ была первой указанн.
ней его идеи, такъ и должна осудитъ ея попытк.
ней наставницей. Въ другомъ мѣстѣ поэмѣ онъ при-
 знается, что позоумъ увеселяетъ своихъ современни-
 ковъ шутками, что не въришь больше въ ихъ способ-
 ность понимать красоту серьезной музыки. Возгъ выра-
 зить содержаніе этой поэмѣ.

Марсъ и Венера замышляютъ оунизить Вулкану
 за то, что онъ поймавъ ихъ въ свои искусныя сети
 и предалъ на посыланіе всего Олимпа. Поэтому
 Братисолиннъ вымышляетъ аллегорическаго бога, —
то Идею (гнѣвъ); этотъ богъ долженъ возбудитъ Мар-
 са; онъ спускается на землю, передъ кузницею Вул-
 кана. Беллона стѣшится туда, где и вѣншивается
 въ распрю, которую Вулканъ кончаетъ, унофредивъ
 свойъ засовъ въисхо дудины. Въ богъ войны гнѣвъ
 подбѣждаетъ суралою. Онъ возвращается къ Вене-
 рѣ и проситъ ее послать къ Вулкану Амура, чтобъ
 онъ оунизилъ за нихъ. Амуръ отказывается, его на-
 казываютъ — и онъ убѣгаетъ къ горѣ Иды. Венера

созналъ въ о своей суровой и разыскиваетъ оскорб-
 леннаго мальчика. Въ апеннинскомъ музее отъ
 находку мянаго Токко (заплачь), уснув-
 шаго подлѣ пухой буковки. Пасхуль, козоро-ну Ве-
 nera выдаеъ себя за заблудившуюся двучику изъ
 Сиена, рассказываетъ ей исторію Токко, кото-
 рый долженъ представляеъ Бахуса. Токко схва-
 зился съ Вулканомъ, когда зоръ сжалъ руду льва,
 чтобы добыеъ угля для своей кузницы. Венера су-
 правляеъ къ волшебнику, козоровъ въ состоя-
 ніи вызваеъ нъ ада самого дѣвола, — и проситъ
 его озкрыеъ убѣдище скрывшагося Амура.

Таково содержаніе этого пухого фарса. Но позрь,
 какъ добрый Христіанинъ, вообразилъ, что ономъ сдѣ-
 лаеъ нѣчто благо, правсвенное и полезное,
 оствѣявъ греческій Олимпъ. Кроме зого эа сатира
 не была ^{речь} опасна, какъ чисто-политическая и анти-
 католическая, за козоруто нѣкозоре авзори попла-
 зилась низнѣю. Франческо Браггалини оставилъ
 множество лирическихъ, эпическихъ и драматиче-
 скихъ произведеній, доказывающихъ плодотвореъ
 его фантазіи и способностеъ выражаеъ срилами все,
 что угодно.

Третье неудачную попытку оствѣяній Боговъ
 находилъ и у современника Франческо Браггалини,

— у Джамбаззисса Лалли (1540—1637), автор Трагедии, сфранцузской Энеиды (*L'Eneida travestita*). Лалли, безъ существеннаго вымысла, слѣдовалъ оригиналу виргиліева эпоса, и представилъ скорѣе переводъ. Энеиды въ бурлескной переработкѣ, гдѣмъ народно-трагедію, въ родѣ Скаррона или Козляревскаго. Кроме того, Энеиды Джамбаззисса Лалли народнировали-франсузизировали многіе сонеты Петрарки. Потому независимо отъ лучшихъ сочиненій оныхъ обработаны два комическихъ эпоса: „La Franceide“ и „La Moscheide“ (О мухахъ). Сочиненія Джамбаззисса Лалли счислаются въ число лучшихъ того времени. Въ начале XVII столѣтія являлось множество эпико-бурлескныхъ сфранцузствованій, изъ которыхъ нѣкоторые пользовались большою популярностію. ✕

XVII столѣтіе.

Съ окончательной побѣдой надъ реформаціей водворилось въ Италіи — этой по силѣ умереннаго развитія богатѣйшей странѣ въ Европѣ — быстрое замиреніе. Энергическій порывъ и искусственнаго на правленія, порожденнаго десятилетней борьбой противъ реформаціонныхъ идей и возстановленіемъ прежнихъ церковныхъ порядковъ и церковной власти, —

скоро погасли и место ихъ заняло всеобщее из-
менение, среди котораго лишь послѣдними бле-
комъ свѣтили цыгановица преданія старо-ураган-
ской образованности и свойственный нации живое
дефективное чувство и утонченный сенсуализмъ. Въ
XVII столѣтїи начался упадокъ уральской лири-
ки. Мы разберемъ произведенія только главнѣйшихъ
представителей этой эпохи.

Возбужденіе народа къ погрязшей въ глупости
анализу, къ сознанію удрученнаго существованія,
отъ котораго требовалась только извѣстная доля индивиду-
ального довоскупа и дерзительнаго чувства, — нашло
себя полное выраженіе въ произведеніяхъ золотого
образцоваго поэта Урали, писавшаго въ началѣ XVIII
столѣтія, Марини.

1565³ - 1625.

Marini || Marino

Доминикъ Марини или Марини родился въ
18 октября 1565 или 1567 г.
Неаполь. Отецъ адвокатъ хотѣлъ сделать изъ него юри-
ста, но сынъ въ двадцать лѣтъ уже приобрѣлъ извѣст-
ность поэта. Отецъ все-таки прогналъ непокорнаго
сына домой. Марини долгие годы бродилъ и изъ Неапо-
ля, но его везде встрѣтали какъ урицифатора. Ни-
кой ласкою считалъ онъ проложивъ себѣ дорогу въ выс-
шіе круги общества. Папскій камергеръ принялъ его
подъ свое покровительство за катизону о поэтѣ. Мар-
ини былъ придворнымъ поэтомъ го у герцога Савойскаго, го

у Марии Медичи въ Парижѣ и при испанскомъ на-
 мѣстникѣ въ Неаполь. Савойскій дворъ за поэмю „Тор-
 зреть“ далъ ему званіе герцогаго секретаря и орденовъ.
 Но у Марини нашлись и враги. Таспартъ Мурзала, на-
 писавшій въ 1606 году поэмю о созвоженіи міра „Il mon-
do creato“, воздвигъ въ поэтическую передатку съ Ма-
 рити не только соперники, но и цѣлыи поэманы. Но,
 не довольствуясь тѣмъ, что онъ написалъ „Маринейду“,
 въ оубоу на поэмю своего соперника „Мурзалейду“,
 Мурзала вступилъ изъ-за угла въ Марити; пуля
 попала въ любимца герцога. Цѣлѣизу приговорили
 къ смерти, Марини выпросилъ ему прощенье, но
 Мурзала, въ благодарности, срамъ клеветы на вели-
 кодушнаго поэта — обвинилъ его въ сочиненіи наск-
 вилъ на самого герцога. Поэтъ приказалъ посадить
 Марити въ тюрьму. Поэтъ конечно оправдался и по-
 лучилъ свободу, но не захотѣлъ послѣ этого осзабав-
 ся въ Туринѣ и утѣхалъ въ Парижѣ, куда давно зва-
 ла его Маргарита Наварская. По пріѣздѣ въ сродницу
 Франціи, поэтъ нашелъ тамъ новую королеву Марию
 Медичи, которая приняла благосклонно своего соот-
 речественника и назначила ему большую пенсію.
 За то онъ написалъ въ честь ея поэмю „Il Tempio“
 (Храмъ). Марини скоро сдѣлался любимцемъ двора
 и высшего общества. Въ Парижѣ онъ написалъ

60 лету отъ рожу

свои лучшія произведенія. Но Мзалия давно уже знала къ себѣ своего поэта — и Марини наконецъ оставилъ Парижъ. Плужешевъ въ Римѣ было насюдишилъ зрѣищевъ; въ Неаполѣ герцоги и принцы вошли къ нему на вечерю. Франц-король Алѣксъ принялъ его къ себѣ на службу и не разсуждался съ нимъ, но слишкомъ веселая жизнь давно подкочала здоровье поэта. Марини захворалъ, испугался смерти, окружилъ себя полами, съелъ свои эротическія стихотворенія, приказался и умеръ 25 марта 1625 года, зовуща о милосердіи Божию. Погребено поэта похоронили съ Гортисевомъ въ церкви монашескаго ордена доминиканцевъ.

Марини — лирикъ и эпикъ. Многие изъ его сочиненій могутъ быть поставлены на ряду съ лучшими стихотвореніями этого рода. Но и зрѣе отъ захороненія бытъ изобрѣзатель. Подлѣ науческихъ и морскихъ сонетовъ (*sonetti e maritimi*) мы находимъ у Марини сонеты, названнае имъ полифемическими, изображающіе любовь Полифема къ пастуху Галазету. Такими же, болшею частю неблагими, изобрѣженіями отъ старался обогатить идилліи, канцонны, пасторальскія поэма и ^{эпиграма} эпиграмамы. Последнія могутъ служить образчиками безграмотной пастухи того времени.

Въ диалектальной прозубоологическомъ съ этими
сривооборотеніями созидъ поэма: „La Stragge degli In-
nocenti“ (Избіеніе младенцевъ - „Видоленское из-
біеніе младенцевъ“), въ теснѣ твскяль. Въ ней авторы
цестивно соудздала съ зогдантими иральянскими
живописцами-живодерами. Въ Паризѣ Марини
написала: „Сатрагна“ (Пасрушеская свирѣль), восьми-
мидологическяль поэма, чезаре Буколмическяль и по,
поэму „Адонисъ“.

„Адонисъ“ (L'Adone) - героическая поэма. Главное
содержаніе ея слѣдующее: Амуръ повздорилъ со сво-
его нацерего и рѣшилъ нанести ей рану стрѣлой, ко-
зояд должна влущица Венера любовь ко красавицу
Адонису. Юноша отправленъ на оудровъ Хипръ, гдѣ
бдича пасруль переносица его во двореца Амура. Тоще
ко зогда Амуръ дѣйсвицельно ранила Венеру. Замѣ-
тивъ сидящаго Адониса, она влудлелса въ него. За-
зпиль идеръ рядъ поэтичскяль сценъ. Наконецъ въ Х^и
пность люблцисеца до закой степени пресудилелса
своица спасулелса, что начиталозъ поминиллзъ о
новилъ развлелеллелса. Сначала они постыцалозъ
незочникъ Бога Музы, — и Марини, ^{зпиль ея рѣшен} придравилелса къ
згому слугаю, востываелъ твскельскяль знаменитѣй-
шилъ поэзовъ древнилъ и новилъ. Скоро илль нади-
тѣла зевля; илль мало ея; они предпринималозъ

убеселазелност пудешесувие по воздуху, и възле въ нуде,
водичели Меркурия, отправилъ возек по великъ сферамъ.
Тогда влюбленнотъ посужаеъ неспасие. Марсъ, зер,
заслнй ривнаеъю, запытаеъ погубитъ Адониса. Фрв,
судрасно влюбленнотъ въ юношу, уводитъ его, и упо.
зредляеъ все чары, чтобы добиреъ его взаимности. Ве,
мерть удаеъся, наконецъ, возвращаетъ своего возлюблен.
наго, и она предаеъся наслажденіямъ осласливой
любви, пока снова не зеряеъ его, на эзоуъ разъ чие
похищеннаго смертно. Тогда кончаеъ жалобами
богини и одсодзеленнотъ описаніемъ меръ, утрежден.
нотъ на погребеніемъ Адониса.

Эта героическая поэма въ 20-ти пѣсняхъ представ.
ляеъ стѣженіемъ древняго преданія съ вѣнчелами
средневѣкового романуизма. Ходъ поэмы прерываеъ.
ся длинными, убоиженными эпизодами. Каждая
изъ двадцати пѣсанъ имѣеъ отдѣльное заглавіе:
какъ первая называеъся „Спасеъ“, 2-я: „дворецъ любви“,
3-я: „Чары любви“, 4-я: „Радъ“, 5-я: „Тудеса“, 6-я: „Раз.
сказецъ“, 7-я: „Трагедія“, и 8-я. Въ поэмѣ эзоъ стѣжна
кубеселенностъ италънской поэзии подъ перомъ Мартина
превращаеъ въ сладосудрасной куинизма. Какъ въ
„Избленіемъ младенцевъ“ (La Stragge degli Innocenti), такъ
и въ „Адонисѣ“ преобладаеъ описательный элементъ
и напыщенностъ языка, суревнчаеъ къ карзинности

(часть субстрата, а иногда даже оубрауцельсмой) и къ
произведенію эрекса бѣзъ вѣдкаго соотнощенія съ со-
дѣржаніемъ. Позна „Адонисъ“ сдѣлалася закне пред-
метомъ схихозворной полемики. Схилъяни (Схилъяни),
незнамительной авторъ позмы „Не тождо ли ово“
(Новой миръ), тескоко напалъ на „Адониса“, на
рими оубъгалъ сомежани „Le Stocchie“ (Тримасы).
Схилъяни написалъ новый паксвилъ „L'oscchiole“ (Ос-
ки). Въ защиту Марини поднялся даже папа и
монахи, хотѣ „Адонисъ“, за нескромная подробно-
сти и выраженія, былъ запрещенъ въ Римъ. Позтъ
оубъгалъ на нападки враговъ, что „Адонисъ“ на рѣду
было написано бѣзъ расфержданнаго свѣдѣнія.

Прославленный внше всталъ позговъ своего време-
ни, Марини (Марини) былъ основахельсь изыскам-
ного и напыщеннаго схилъ, получившаго впослѣд-
ствіи прозвизге „Маринизмъ“. Лирической схихозво-
ретія этого позга и одѣ его эпическія позмы „Видо-
лесское издѣніе младенцевъ“ (La Stragge degli Innoc-
centi) и „Адонисъ“ (L'Adone) превозносились повсюду.
„Адонисъ“ при подвлеліи мнѣль закой цѣнтлью,
что раскѣпленъ былъ въ одинъ денъ.

Маринизмъ или приверженцы
подразмалъ Марини.

Лирики XVII схользія долгое времѣ го.иско подра-

1) Позна „La Stragge degli Innocenti“ переведена порисски въ 1779г.
 Другой перевод „Издѣніе младенцевъ въ Видрельсь“ въ 4-мъ числѣ
 нѣльсхилъяни Діакона Гасифа Восланскаго, М. 1811.

Меторид италъянскои литературы XVII в.

Salvator
Rosa

Сальвадоръ Роза (1615-1673), бывшій въ юности портретомъ, живописникомъ, музыкантомъ, актеромъ и импровизаторомъ. Какъ живописецъ онъ сильно возсѣвалъ прозвѣ и направленія Бернини и какъ поэтъ и импровизаторъ — именно въ своихъ семи. Сауирахъ — первый возсѣвалъ прозвѣ поклопенія Марии и его изысканными произведеніями. Въ урѣхъ первыхъ сауирахъ знаменитый художникъ Бичефъ злоупотребленіе въ музыкѣ, поэзи и живописи, литературы академіи, легко раздаваемое энциклопедическаго писателя какому нибудь Аредину. Въ черверхой сауирѣ онъ возсѣвалъ прозвѣ войны; въ пятой „Babilonia“ разсказываетъ меторидею своей жизни, причины своего удаленія изъ Неаполя, гдѣ онъ не могъ переносить вѣдъ, дитесуба испанцевъ, неурившихъ живописцу за его республиканскія убѣжденія урѣхъ, что не приносили картинъ его въ музеи. Не въ лучшемъ видѣ представляется онъ въ этой сауирѣ, подъ названіемъ Вавилона — и Рима, откуда художникъ факже бѣжалъ, опасаясь преслѣдованія за свою картину, изображавшую форзуну, разсѣпаломъ дари свои изъ рога изобилія — на свиней, волковъ и разномъ скоховъ. Въ шестой сауирѣ поэтъ преслѣдуецъ зависку, осмѣливающуюся изверждаха, что онъ не самъ писалъ свои сауира.

Въ этихъ сахирахъ, писаннахъ герцигами, худож-
никъ поэтъ являлся остроумнахъ писателемъ, пол-
нахъ здраваго смысла и практической мудрости,
когда иногда не въ моту болулихъ и рывокъ. Въ
слотыхъ выраженіяхъ и съ подавляющимъ презрѣ-
ніемъ Саквадоръ Роза нападалъ на господствующій
маринизмъ.

Tulio 1593-1646.
Pesti

Замъгацеленной лирикъ былъ графъ Фруеліо Тосси.
Онъ родился въ Моденѣ въ 1593 г. Онъ хотѣлъ собрать
снотки съ ^{герцига} ^{герцига} герцига, суредет соединити вліяніе мари-
низма съ вліяніемъ болтае благородныхъ чувствъ
и болтае чистаго искусства. Это называлось урадан-
скимъ Торациемъ, хотя онъ зато довольно слабый
подразумѣлъ маринскаго поэта. Конечъ его были
очень печальны. Пользуясь сначала расположені-
емъ моденскаго герцога Франца I, онъ былъ поэтъ
заключенъ нтъ въ зюрбу, гдѣ въ 1642 г. ему отруди-
ли голову — за сатиру на герцога.

Ferrante
Pallavicino
1615-1644.

Сатира являлась въ эту эпоху и въ прозаической
формѣ. Въ этомъ родѣ замъгацелены романъ Пал-
лавичино „Il divorzio celeste“ (Небесный разводъ). Фер-
ранче Паллавичино родился въ Венеціи въ 1615 г.
Каноникъ ордена августиновъ, онъ дичуецъ въ этомъ
согласеніи самыиъ безпощадныиъ образомъ кравл-
ніе напы Урбана VIII, его клемзничковъ и кларъ.

Но отец поплачился за свою сажирну жизнью. В Абинс,
 отец, в 1642 г., ему одрудили какне голову, какъ мн.
жоннику и срезнику. Это срезническая книга, "Небесный
разводъ" — одна изъ первыхъ въ своемъ родѣ. ^{Вотъ содержание:} Вотъ Оуецъ
дакъ почиаетъ Свнцу, что отецъ очень недоволенъ этомъ,
 что церковь (кафолическая) ведеть жениръ какую скандл,
мезкую жизнь. Св. Павелъ посланъ въ Римъ, туда
узнаръ объ образъ жизни Римской церкви. Свѣдѣній
 эди какитъ — что въ небесахъ связать быль приняты
законъ объ оуверженіи римской церкви. Тогда на
 званіе привилегированныхъ церквей являюся пр.
уодензали реформатская, лютеранская и другія ср.
жигскія церкви. — Таково общее содержаніе этого
замѣчательнаго романа. Произведеніе эго — одна изъ
 самыхъ сильныхъ, когда-либо написанныхъ сатиръ
 на злоупотребленія духовной власти.

Винченціо Филликайя (Vincenzo Filicaja)
 считаеся первымъ тосканскимъ лирикомъ. Отецъ родилъ
 ся въ 1642 г. въ Флоренціи, принадлежалъ къ знат-
 ной флорентинской фамиліи, занимался филосо-
фіей, юриспруденціей, богословіемъ и поэзіей. Членъ
 академіи, отецъ не искалъ погсрей и жилъ въ деревнѣ.
Стихотворенія, написанныя по поводу осады Вены
турками и ея освобожденія польскимъ королемъ,
Гюантомъ Собьскимъ, образили на него всеобщее

внимание. Христиана шведская назначила его членом римской академии, великий герцог тосканский сделал его сенатором и губернатором Вальзерры и Пизы. Подъ конецъ жизни Филликайнъ сделался слишкомъ надоеменъ и писалъ канцоны къ Богородицѣ и умеръ въ 1708 году.

Въ годъ его смерти вышли его „Rosie italiane“, гдѣ замѣчательны по мысли и звучности сфиза гинни и героническія оды. Озмигительная герза его поэзіи — любовь къ родинѣ, выражающаяся въ формисуренныхъ образахъ. Върѣ, напр., два сонета, которыми поэтъ обращается къ Музіи. Во первыйъ его знаменитый сонетъ „Музія“:

Музія, Музія, о да,
 На чьемъ чельзъ дакъ Арко и глудко
 Мезиндъ мепазъ волидной красоде,
 Печалотий даръ вразидующаго рока,
 Когда сильнотий, о родина моя,
 Бола-ба да, нлѣ менше прекрасна —
 Вмодленнотий вратъ не припадалъ-да сфрасно
 Въ звоей груди, чтодъ погудитъ федъ.
 Съ вершинты Алеть полки да не сходили,
 И вода по кровавого сфрудей
 Французскихъ срадъ, какъ мынь, не поили.
 Музія, подъ власзію чужной,

Враги збои, а прораде били слуги!
 Тѣи закъ-го гесеъ, ти закъ-го славный слѣдѣ
 Владычесва бѣлого сохранила
 И доблесни забвѣщаннѣи обѣтъ,
 Козорому клялася и измѣнила!
 Такъ позабудѣ восзорги древнихъ стѣтъ!
 И праздная, въ крови, средѣ мукъ и паней,
 Спокойно спи^{себѣ} въ одѣждѣхъ лѣтнѣ!
 Спи блудная, покуда меузелемѣнѣ
 Тѣдѣ, ногой и сонной, въ пробуденѣе
 Не срудитъ головы съ позорныхъ плечъ!.. 1)

Какъ поэтъ политическѣи, Триликайя не имѣетъ
 соперниковъ. Онъ, величайшѣи поэтъ Италіи во
 второй половинѣ XVII столѣтїя, — вознесся до по-
 нато пониманїя унизительнаго положенїя своего
 народа, его изтѣмленности и національнаго упа-
 ка. Музосоубенная, благородная, сержезная личность,
 исполненная судбы и вдохновеннаго огня, со-
 нѣъ одиноко посреди окружающихъ его мисозелей,
 и никто лучше не можеть охарактеризовать
Италїю въ концѣ XVII столѣтїя, какъ Близорукое
 его современниковъ, не могшихъ понять, чѣмъ икон-
 но оулигался великѣи поэтъ оуъ Фолны Марини,
сровъ и академиковъ, къ козорнымъ послѣднимъ
 на генеръ должной образирусь.

1) Переведенъ неизвѣстными поэтми.

Академики.

Первый шаг производился прозывъ мариниз,
ка и возроденія болѣе того искусства, болѣе сред-
него и здравому вкусу мраморцевъ, болѣе еднород-
наго наконецъ не единичными, глубокомысленными
личностями, но цѣлою школою поэтовъ, козорове
производивали миссой паннацеттосеки марини,
своемъ звучивъ академически-риторическѣмъ стилемъ.

Съ 1660 по 1690 годъ жила въ Миланѣ, и прелюбитель-
венно въ Римѣ, притянувшая въ то время католическую
вѣру, одаренная блестящими знаніемъ Хризиста, бывъ-
шая королева шведская. Здѣсь образовала она вокругъ
себя придворной литературной кружокъ, съ козоровѣ
имѣлъ сношенія и Филикаппа и козорого главными
представителями были Франческо Лемени, Реди, Мен-
дзини и Твиди.

Франческо Реди изъ Арrezzo (1626—1697 или 1698), Франческо Реди
лейбмедикъ тосканскаго двора и извѣстный натура-
листъ-естествоиспытатель, писавъ собою, оулитатюще,
ся губерволомъ и богачерволомъ франзизм. Онъ и авторъ вели-
колѣпнаго дифирамба. Блаженъ въ Тоскантѣ. Въ
содержаніе этой хвалебной пьесы: Богъ вина при-
ходитъ въ Тосканту вѣнчуетъ съ Ариадной; они оустанав-
ливаются на холмѣ, близъ дворца герцога, и Блаженъ
произноситъ лирическую рѣчь о капелле и догматисервѣ

нравственныхъ вѣтъ, дѣлая неободрительный оуказъ
обо всѣхъ другихъ напитокѣхъ: пиво, кофе, шокола-
ды. По окончаніи его рѣчи, бакланки затѣяють
балазъ. Это лучшее произведеніе этого писателя.

Къ числу лицъ, коздорамъ покровительствовала
королева Христина, принадлежалъ флорентійскій
саурикъ Бендерро Менцини (1646-1711), писав-
шій во всѣхъ родѣхъ: пасторальскія ода и гимны,
анакреонтическія пѣсни и элегіи, но лучшимъ
считалось его саури.

Menzini

Александръ Гвиди или Гвидо изъ Павии (1650-
1712) пользовался благоклонностью шведской ко-
ролевы Христины, поручавшей ему писать разныя
драматическо-музыкальныя представленія на тор-
жественныя собоура. Таковы его, Эндимионъ. Въ
этой идилліи королева принимала личное уча-
ствіе, выдавала пѣсокско сриховъ своего сочиненія
и своєю сурогомъ критикуемо суралась освободитъ его
богатыи французскія лиризмъ оуъ напоищенныиъ фи-
гуръ и образовъ въ духѣ маркизма. Однако луч-
шее произведеніе этого любима королевы - его
ода.

Guidi // Guido

Arcaidiv.

Изъ числа поэтовъ, составлявшихъ литературный
кружокъ королевы Христины, образовалась въ
Римѣ Академія Аркаидево ("Аркаидъ"), куда вѣкоръ

безумия, мало по малу, все италъянскіе поэты. Они сформились досугище изъ безумной морали для вкуса, козоя неизбѣжно оформилась лишь тѣмъ выключительнымъ характеромъ и повела залко къ созданию риторически-формальной поэзии.

Къ кружку аркадцевъ приключили славившіеся тогда поэты-академики: Маркетти, Цаппи, Манфреди и др. Изъ всѣхъ наземныхъ Александръ Маркетти (1632-1714) перевелъ Лукрецію и Анакреона. Онъ написалъ также опядь-оцтнку героическихъ, моральныхъ и свещенныхъ стихозвореній-риды (L'aggio delle tite eroiche, morali e sacre). Римскій юристъ Джамбаттиста Цаппи изъ Милана (1667-1719) и жена его Франсуина писали сонеты, мадригалы и канцонны, пользовавшіяся большимъ успѣхомъ. Въ произведеніяхъ Франсуины Цаппи замѣтно истинное гудство, а музыка ея именно прославилась соинизелемъ сонетовъ. Евстахій Манфреди (1674-1738) былъ въ одно время хорошимъ астрономомъ и лирическимъ поэтомъ, поэтомъ канцонъ.

Alessandro
Marchetti

Zappi

Eustachio
Manfredi

Академическое направление продолжалось и въ слѣдующее столѣтіе, какъ это видно у писателей, каковы: Ролли и Фругони. Паоло Ролли (1689-1764), гугделъ италъянскаго языка англійской королевской академіи, познакомилъ свою родину съ англійскою

Rolli
Frugoni

Миньотона

поэзией, перевелъ Потерянный рай, эпикю Ада,
креона и Виргилія. Это канцары, Флегии и тьскни
 оформляются прозойю. Подъ конецъ жизни поэтъ
 сошелъ съ ума и умеръ въ городѣ Лоди. Абаръ Кар-
 ло Многочесто Фругони (1692-1768г.), генуэзецъ,
 писалъ очень много гисрннхъ поэтическимъ языкомъ.

Совершенно независимо отъ академii и академи-
 ческаго влiдiя вступилъ на рубежъ двухъ столѣ-
 тii, одинъ изъ оныхъ Фортигверра (Niccolo Fortiguerra, ||
 1674-1735) подъ псевдонимомъ — Карцерамако (Car-
 teromaco). Поэтъ болѣе много духовнымъ, — папскимъ
 камерариемъ, каноникомъ, секретаремъ пропаганды.
 Онъ написалъ не дурную комическую поэму, Ричар-
 дерро (Ricciardetto), возобновившii въ ней француз-
 скую эпопею Ариосто. Герой поэмы — палачинъ
 Карла Великаго Ричардерро. Онъ убилъ на подлиннъ
 сына сарацинскаго царя, Соринка. Деспина, сестра
 убитаго, возбудила въ оуцѣ губерво мести и захавла,
 еръ его объявилъ франкамъ войну, въ которой при-
 нялъ личное участiе. Но едва она увидѣла Ричар-
 дерро, какъ желанiе мести превратилось въ губство
 любви. Поэма кончается тѣмъ, что Ричардерро дѣла-
 ется супругомъ Деспины и наследникомъ Карла Ве-
 ликаго. Это — сузъ поэмы.

Но эрозъ сюжеть наполненъ многообразнымъ чудес.

ныхъ эпизодовъ. ^{Кроме того} въ поэму встрѣчаемся со многими
 личностями, знакомыми намъ уже по Ариосто. Напр.,
 дикій Феррау Ариосто явится здесь христіанскимъ
 прозелитомъ, не пожравъ ни одной черы своего грубого
 звѣрства. Обращеніе Феррау было свидѣвіемъ его любви
 къ Анжеликѣ. Онъ сдѣлался монахомъ и шибель въ
 пусзынь. Тамъ встрѣчаеъ его Риналдо. Когда монаха-
 Феррау вразумили, что духовное званіе очень легко до-
 пускаеъ соединеніе съ званіемъ военнымъ, — онъ, вмѣ-
 стѣ съ другими христіанскими рыцарями, отправляется
 на помощь къ императору Карлу. Во время походу,
 какъ этого передового бойца христіанскихъ войскъ,
 „уловленнаго“ церковью посредствомъ крещенія, — окази-
 вается связь наглоси съ хангаисовымъ.

На немъ преимущественно и основаны все ко-
 мическіе эпизоды этой поэмы. Но комическое такіе
 и преобладающій тонъ поэмы, и какъ ни часто
 эпоха тонъ преднамѣренно впадаетъ въ бурлескъ, — онъ
 проведенъ тонко и разнообразно. Предполагается, что
 Ариосто передавалъ все возможныя извѣстія, и что Владѣ
 и не думалъ излегиваться отъ своего безумія. Поэту
 Карль Великій, — въ то время какъ въ Африкѣ собираеъ
 ся противъ него новая буря, — посылаетъ своихъ пала-
 динъ отыскивать нечеловѣчющаго рыцаря. Самый
 элегантнѣйшій между этими паладинами — Астольфо.

Когда онъ узнаеъ, что въ лесу ему придется увидѣть
 красавицу, онъ зовется еще выманиваетъ гребень изъ кар-
 мана и поправляетъ свой зулакъ. Между тѣмъ Ри-
 нальдо спасаетъ красавицу отъ двухъ громадныхъ шабъ.
 Одна, которой онъ уже распоролъ живоеъ, проглатъ,
 ваетъ рыцаря вмѣстѣ съ его лошадыю; но онъ благопо-
 лучно выводитъ оруда сзади; и когда онъ не могъ по-
 бѣдить другую шабу, которая ужеъ черезъ-чуръ была во-
 оружена, „голосъ съ небеси“ научилъ его, что онъ дол-
 жень начать и т. д.

Фортугверра, какъ видно, позволяеъ себѣ и мло-
 жий шулки, въ матеръ Берни, — но не часто. Его
 „Ринардерро“ вообща считаеъ самой оскроушнѣй и
 самой интереснѣй изъ вѣсѣхъ романуико-комическихъ
 поэмъ. Оскроушнѣе у Фортугверра прѣдметъ, чѣмъ у
 Тассони, и менше мнѣеъ презензій. Ему долгие
 нравилось даваеъ сажиреъ видѣ невиннай шулки, тѣмъ
 насмѣшки. Хотя поэъ самъ былъ лицомъ духовнымъ,
 однако въ его поэмѣ — такая насмѣшка надъ осквер-
 неніемъ Христіансва безнравственнѣмъ клировъ.
 Но одно изъ главныхъ достоинствъ сажиринески-
 романуической поэмы „Ринардерро“, это — ея уклоненія,
 дающія ей преимущество надъ однообразнѣмъ
 „Похитеніемъ ведра“ Тассони. Поэма Фортугверри
 прямо примыкаеъ къ образцамъ Тулочи, Аріосо

и даже Фроленто. Фрофигверра гораздо сильнее Ариосо накладывает краски коллизма. Вообще это самый острозначимый из велье последователей великого мастера, Ариосо.

„Ричардесзо“ явился в первый раз только через три года по смерти поэта и то под псевдонимом Николо Карцериано (средский перевод фамилии Фрофигверра). Поэма эта имела большой успех. Она издавалась впоследствии очень часто и переведена на многие европейские языки. Русский перевод: „Героическая поэма Ричардесзо, в 12 пьесах, соч. Фрофигверра“, пер. с французского Н. Осиповъ, 2 т. 1800.

Эпико-бурлескная стихотворения.

Въ учение XVII столетия явилось множество эпико-бурлескныхъ произведений. Я указываю лишь на нѣсколько изъ этихъ стихотворений. Большого популярности изъ нихъ пользовалось „Le Malin Antile ras, quistato“ флорентинскаго живописца Лоренцо Минни (1606-1664). Название это „Le Malin Antile ras, quistato“ (Вновь приобретенное — охрытое Мальмантинсе) поэма получила отъ румын, лежащихъ между Флоренцией и Пизой. Поэма наполнена жоскаскими, или идиотизмами и поговорами, такъ что безъ прозаическаго комментарія, сделаннаго Паоло Минни, ни читать ее нѣтъ возможности. Дрозъ Паоло Минни Минисси

Lipri

самы принадлежишь къ числу грѣхъ Кошико-Эми,
тескихъ поэтовъ, которые общеупорядивельно на,
перу старались соотлѣзъ еще тиканзтъе обшнесто
примѣсто провинціалазмовъ.

Итальянская проза.

Итальянская проза зрой Эноли, со своей стороны,
также завѣла производивше въ времѣно маркизъ,
на и академической щеголеварости. Писатели, жив-
ше на рубежѣ двухъ столѣтій, которыхъ мы уже ранѣ-
ше разсмотрѣли, каковы: Талимо Талимъ, великій
наземахикъ и есеубоенихаре (1564-1642), Арриго
Кахарино Давила, авторъ, Мэорин французской неодо-
лосной войны (1576-1631) и Твидо Бенживолио, фи-
лософъ и ученый (1579-1644), присеривались сре-
дѣ лучшихъ времени, пока не взоргласъ и сюда, хо-
зя и на короткое время, сула ризорика, единствен-
ноуцелью которой было внѣшнее извѣсство сло-
га. Въ XVII столѣтій, не богадомъ замъ кареломали
лизературнели произведеніяли, начался упадокъ
итальянской лизеразури.

Французская школа въ Итальянской поэзи.

Итальянская поэзія въ исходѣ XVII столѣтій до того
поурзла въ ничтозисрвѣ академического лиризмъ
на и оперной поэзи, что группа итальянскихъ
или Энрико Давила

Luigi Caterino Davila
Ventivoglio

поэтовъ, какъ въ своего рода цѣлѣдномъ исхоженіи,
 къ, искала спасенія въ подражаніи правильнои
судя и зрѣвостіи идей, оупитавшеть, наравнѣ съ осеро,
зото цѣла, родашнкою французскою лирадуру. Это на-
 правленіе процвѣтаетъ шенно въ свѣдущицель оро,
лѣзій. Минциароръ ^{оша} — основазель ^{снѣ} французскаго на-
правленія — Риккобони (J. Riccoboni 1682-1752), ди-
 ректоръ италіанскаго театра въ Парижѣ. Водаго,
 щинься поэтомъ же французскаго слога Домъ Ци-
нионе Маффеи (Scipione Maffei 1675-1755), драге-
 дія „Мегорѣ“ козорога прославила вънѣсть съ проуз,
беденіями французскихъ классиковъ. Подража-
зельми Маффеи внесушимъ аббазъ Кіари (Chiari),
Конци (Conti) и др.

Италіанскимъ Волбзерамъ прославила Дито,
зетне графъ Алгаротти изъ Венеціи (Giuseppe
il conte Algarotti 1712-1762), поэръ, философъ, сахи-
рикъ, разскащикъ, неудомилый социциель писель
и многоцѣлнй придворный госръ и корреспон-
денръ Фридриха Великаго.

Характеръ правильной французской камедіи всего
рѣшицельного быль прозивонопомель италіанско-
ну и поэду оказалось совершенно невозмо-
неть вънѣсть, ^{совершенно} изъ колической сцены сфаря
національный характерный наски и бурлескный

фонь. Фрадзиколи (Fradicoli) и его единомыслен-
 никаль удалос, повидимому, даже и эго. Но уше
 слѣдующий, въ самомъ дальнѣйшемъ знаменитый италъ,
 янскій писатель комедій, хотя исходя изъ правды,
 носилъ, правописательской умышленности и про-
 свѣщенія французской комедии, однако внесъ оудѣ
 уше въ комедию уше оудѣ свойственную нацио-
 нальную италъянскую живосуд и оудѣ наблюдѣ-
 ние комической вѣнственности. Эго былъ — Карло
Голдони (Carlo Goldoni) изъ Венеции (1707-1793).
 Многочисленныя комедии котораго со срединѣ XVIII
 столѣтій занимали италъянскую сцену и рядомъ
 съ операми оудѣ залско имѣли театральную
 цѣность.

Освобожденіе италъянской литературы.

Освобожденіе италъянской національной ли-
 тературы оудѣ французской школы могло доволно
 скоро совершиться потому, что господство фран-
 цузскаго вкуса въ Италіи не было никогда без-
 условно и исключительнымъ. Рецензиторы-
 обновители италъянской литературы боролся прои-
 де всего прозивъ унадка самого италъянскаго духа,
 прозивъ всеобщаго изнѣмиванія нѣтъ націй, и
 въ эгой борьбѣ унасубовали съ палагонимъ энду.

зязломъ и глудомъ усталою самое выдаю-
 щее поэзі въ исходъ XVIII столѣтія. Полити-
 ческое и общесъветное состояніе Італіи въ эту
 эпоху дали мало повода къ надеждамъ, зтомъ
 не менше произошло и здѣсь знаменитое вѣ-
 щное двисловіе между первыми подданиями
 къ новой жизни и процвѣтаніемъ литературы.
 Выступали такіе писатели-поэты, какъ: Меа-
 сазіо (1698-1782), Тоцци (1719-1802), Парини (1729-
 1809), а именно Виззорио Алфизри (1749-1803), его
 школа и др.

622